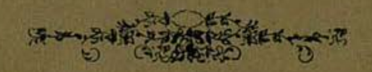

ПСИХОЛОГІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«РУССКІЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ».
Невскій просп., № 108 (Шлякова), противъ Николаевской улицы.
1881.

А. БЭНЪ.

ПСИХОЛОГІЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома призрѣнія малолѣтнихъ бѣдныхъ. Лиговка, д. № 16.
1881.

Посвящается

памяти

Григорія Ивановича

Макаревича.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Имя автора давно уже стяжало себѣ видное и почетное мѣсто въ ряду дѣятелей современной психологической науки. Въ частности наше общество давно уже знакомо съ нѣкоторыми изъ сочиненій Бэна, какъ напримѣръ, „Объ изученіи характера“, „Психо-физіологическіе этюды“, „Воспитаніе, какъ предметъ науки“, „Душа и тѣло“. Но главный, самый капитальный трудъ автора, собственно и доставившій ему извѣстность (его „Психологія“), доселѣ оставался чуждымъ для большинства нашихъ читателей, хотя, по времени своего появленія въ Англіи, онъ былъ далеко не послѣднимъ изъ произведеній Бэна. Въ этомъ отношеніи насъ особенно поражаетъ діаметральная противоположность въ судьбѣ сочиненій съ одной стороны—Бэна, съ другой—его соотечественника и тоже психолога—Спенсера. Въ то время, когда каждая, можно сказать, строка послѣдняго появляется у насъ почти одновременно съ выходомъ ея въ Англіи, Бэнъ остается у насъ какъ бы въ забвеніи. Между тѣмъ труды послѣдняго составляютъ столь же богатый вкладъ въ развитіе психологической науки, какъ и произведенія Спенсера и, какъ такіе, должны имѣть, по всей справедливости, не меньшее право на наше вниманіе къ нимъ. Можно сказать, что не зная Бэна, мы не могли бы составить себѣ полнаго понятія объ англійской психологіи, стоящей въ настоящее время, по общему сознанію, выше всѣхъ остальныхъ. Спенсеръ преимущественно богатъ *синтезомъ*. Его психологія, равно какъ и прочія его сочиненія (біологія, соціологія и др.), представляетъ собой развитіе одной основной его идеи, одного принципа, это—„эволюціи“, или „развитія“. Спенсеръ даетъ намъ

то, что можетъ быть названо собственно „философіей“ психологіи. Бэнъ же силенъ своимъ *анализомъ*, мельчайшей, самой тщательной и, въ то же время, мастерской обработкой деталей или частностей, такъ что, съ этой стороны, онъ доселѣ едва ли имѣетъ себѣ равнаго психолога-анализатора. Оба они, оставаясь, конечно, вполнѣ самобытными и самостоятельными, какъ бы взаимно дополняютъ другъ друга.

Громадное значеніе психологическаго труда Бэна было оцѣнено въ свое время еще покойнымъ Джономъ Стюартомъ Миллемъ, который говоритъ о психологіи Бэна, какъ „глубокомъ“ трактатѣ, на который „можно указать, какъ на самое полное аналитическое изложеніе душевныхъ явленій, добытыхъ на основаніи правильнаго наблюденія“ (Система Логики, т. II. стр. 401), какъ о „тщательно обработанномъ и глубоко продуманномъ сочиненіи“ (Утилитаріанизмъ, стр. 114) и наконецъ, на замѣчаніе одного изъ критиковъ (Д-ра Кошъ) о Бэнѣ, какъ ученикѣ Милля, послѣдній прямо высказываетъ, что „Бэнъ не нуждался въ какомъ нибудь другомъ предшественникѣ, кромѣ нашихъ общихъ предтечъ и гораздо болѣе поучилъ меня по этимъ предметамъ, чтобы была какая нибудь разумная вѣроятность утверждать, будто я былъ въ состояніи поучать его“ (Обзоръ философіи сэра Вильяма Гамильтона, стр. 64). На него неоднократно ссылаются, въ подтвержденіе тѣхъ или другихъ своихъ положеній, какъ Спенсеръ въ своихъ „Основаніяхъ психологіи“, такъ и Дарвинъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи „О происхожденіи человѣка“ и многіе другіе писатели.

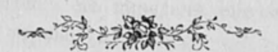
Предлагаемое изданіе есть переводъ сокращенной психологіи Бэна, составляющей „Compendium“ его двухъ обширныхъ томовъ— The Senses and the Intellect и „The Emotions and the Will“ (общее заглавіе ихъ—Systematic Exposition of the Human Mind). Переводъ сдѣланъ по личному соизволенію автора съ послѣдняго изданія 1875 года, которое, по его словамъ (въ письмѣ къ переводчику), останется въ обращеніи еще, по крайней мѣрѣ, четыре или пять лѣтъ. Преслѣдуя цѣли большей доступности сочиненія и избѣгая спеціальныхъ теорій преимущественно въ областяхъ метафизической и философской, переводчикъ позволилъ себѣ выпустить въ книгѣ объ Интеллектѣ—главы V—VII (стр. 176—214),

трактующія о номинализмѣ и реализмѣ, происхожденіи знанія и различныхъ теоріяхъ зрительныхъ воспріятій и матеріальнаго міра, какъ не имѣющія интереса спеціально психологическаго; въ книгѣ объ Эмоціяхъ—изложеніе философскихъ теорій прекраснаго (304— 315) и въ книгѣ о Волѣ—исторію споровъ о свободѣ воли (406—428), какъ имѣющія преимущественно историческій интересъ. Какъ бы взамѣнъ этого, для полноты психологическаго изслѣдованія, мы включили главу „о нравственныхъ эмоціяхъ", отнесенную Бэномъ къ особой части его сочиненія, носящей названіе „Этики" и затѣмъ,—не большой, но, какъ намъ показалось, весьма важный трактатъ подъ заглавіемъ „Смыслъ нѣкоторыхъ психологическихъ терминовъ", находящійся у Бэна въ *Appendix*'ѣ въ концѣ всего его сочиненія.

Есть еще одно обстоятельство, о которомъ быть можетъ слѣдуетъ упомянуть, какъ о недостаткѣ,—это крайняя близость перевода къ подлинному англійскому тексту, который, при своей чрезвычайной сжатости, дѣлаетъ нѣкоторыя мѣста русскаго текста, быть можетъ, недостаточно понятными съ перваго раза, но устраненіе этого недостатка было бы возможно при допущеніи перефразировки, или передачи своими словами однѣхъ только мыслей автора, сдѣлать что переводчикъ не счелъ для себя удобнымъ. Насколько намъ извѣстно, „Сокращенный курсъ психологіи" Бэна не существуетъ въ переводахъ на другіе европейскіе языки и впервые появляется только у насъ (полный курсъ давно уже извѣстенъ на западѣ въ переводахъ). Быть можетъ, это явленіе имѣетъ въ числѣ другихъ своихъ причинъ, до извѣстной степени, и только что указанную особенность англійскаго текста Бэна, встрѣчаемую именно только въ этомъ его сочиненіи.

Переводъ посвящается дорогой для меня памяти моего друга, Григорія Ивановича Макаревича, при участіи котораго переводъ былъ начатъ и выпускается, когда его уже не стало.....

А. М—въ.

С.-Петербургъ.
17 Іюня 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе . . . . I—VII.

Содержаніе . . . . IX—XXXII.

Введеніе.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе и раздѣленіе духа.

1. Человѣческое знаніе распадается на двѣ области. 1
2. Объективная область характеризуется протяженіемъ; субъективная—отсутствіемъ этого свойства. . . . . —
3. Субъективная область—собственно духъ—имѣетъ три функціи: чувство, волю и мысль 2
4. Порядокъ систематическаго изложенія. 3
5. Соотношеніе духовнаго и матеріальнаго организмовъ. . . . —

ГЛАВА II.

Нервная система и ея отправленія.

1. Мозгъ—главный органъ духовной жизни. Доказательства. . . 4
2. Нервная система состоитъ изъ центральной массы и развѣтвляющихся нервовъ. 5
3. Нервная субстанція состоитъ изъ бѣлаго и сѣраго вещества. Волокна и клѣтки. . . . . —
4. Центральные нервы, или спинно-мозговая ось и ея составныя части: I, спинной мозгъ; рефлективныя движенія. II, Головной мозгъ; части его: 1) продолговатый мозгъ, 2) Вароліевъ мостъ, 3) мозговыя полушарія, 4) мозжечекъ; различныя отправленія ихъ. 6
5. Нервы дѣлятся на головные и спинные. 11
6. Отправленіе нервовъ состоитъ въ передачѣ впечатлѣній. . . 12
7. Приводящіе и отводящіе нервы. . . . . —

КНИГА I.

Движеніе, чувство и инстинктъ.

ГЛАВА I.

Движеніе и мускульныя ощущенія.

1. Мускульныя ощущенія сравнительно съ ощущеніями внѣшнихъ чувствъ. Мускульная система. 13
2. Самопроизвольная дѣятельность мускульной системы. Доказательства и примѣры. 14

Мускульныя ощущенія.

3. Три класса ощущеній, связанныхъ съ мускулами. 18

Ощущенія мускульной дѣятельности.

4. *Неподвижное усиліе*, или дѣйствіе безъ движенія. Систематическое описаніе: физическая сторона; духовная сторона. Планъ описанія чувствованій вообще. 19
5. Примѣры неподвижнаго усилія. 23
6. Напряженность, соединенная съ *движеніемъ*. . . . . —
7. Медленныя движенія; связь ихъ съ состояніемъ покоя и пассивностію. 24
8. Постепенно возрастающія и ослабѣвающія движенія. —
9. Быстрыя движенія; ихъ возбуждающій характеръ. . . —
10. Пассивныя движенія: возбужденіе, производимое ѣздою. . . . 25

Различительная или интеллектуальная чувствительность мускула.

11. Въ каждомъ ощущеніи мы имѣемъ сознаніе *степени*. . . . 26
12. Сознаніе усилія или затрачиваемой силы. Механическое свойство матеріи. . . . . —
13. Сознаніе степеней продолжающагося усилія, какъ при неподвижности, такъ и въ движеніи. Время. Пространство. 27
14. Сознаніе скорости движенія. 28

ГЛАВА II.

Ощущенія.

1. Опредѣленіе ощущенія. 29
2. Классификація ощущеній. Недостаточность существующаго перечня пяти чувствъ. Опущеніе органическихъ ощущеній. . . . . —

Ощущенія органической жизни.

Органическія ощущенія мускуловъ.

3. Страданія, поврежденія мускуловъ. Утомленіе и отдыхъ. . . 30

Органическія ощущенія нервовъ.

4. Острыя болѣзни нервовъ, нервное утомленіе, здоровое состояніе нервовъ, возбуждающія средства 33

Органическія ощущенія кровообращенія и питанія.

5. Жажда, отощаніе, задержанное кровообращеніе, хорошее и дурное состояніе здоровья 34

Ощущенія дыханія.

6. Удушье, спертость, легкость дыханія въ чистой атмосферѣ . . 35

Ощущенія тепла и холода.

7. Страданіе холода, удовольствіе перехода къ теплу . . . 36

Ощущенія пищевого канала.

8. Классификація родовъ пищи 37
9. Ощущенія пищеваренія: вкусность и довольство, голодъ, тошнота, страданіе разстроеннаго пищеваренія . . . . . —

Чувство вкуса.

1. Предметы вкуса: преимущественно вещества, употребляемыя въ пищу 39
2. Языкъ . . . . —
3. Ощущенія вкуса 40
4. Вкусы, стоящіе въ связи съ желудкомъ: вкусности и невкусности. 41
5. Вкусы въ собственномъ смыслѣ: сладкое и горькое . . . . —
6. Вкусы, подразумѣвающіе осязательный элементъ: соленый, щелочный, кислый, вяжущій, жгучій, ѣдкій 42

Чувство обонянія.

1. Обоняніе въ его отношеніи къ легкимъ . . . . —
2. Предметы обонянія: газообразныя и летучія тѣла 43
3. Развитіе запаховъ при дѣйствіи теплоты, свѣта и влаги . . —
4. Диффузія (взаимопроникновеніе) запаховъ . . . . . —
5. Органъ обонянія 44
6. Способъ дѣйствія запаховъ—процессъ окисленія . . . —
7. Ощущенія обонянія: стоящія въ связи съ легкими—запахи освѣжающіе и удушливые . . . . —
8. Собственно обонятельная чувствительность—благовонные и противоположные имъ 45
9. Запахи, подразумѣвающіе осязательную чувствительность: острота 46

Чувство осязанія.

1. Осязаніе—интеллектуальное чувство. Предметы его—твердыя тѣла. 47
2. Чувствительная поверхность кожи, внутренняя полость рта и ноздрей . . . . —
3. Дѣйствіе простого давленія 48

4. Ощущенія: (эмоціональныя)—мягкаго, остраго, температуры, щекота и острыхъ страданій . . . . —
5. Интеллектуальныя ощущенія: множественность точекъ — опыты Вебера, давленіе 50
6. Комбинаціи осязательныхъ ощущеній съ мускульными: сопротивленіе, твердость и мягкость, шероховатось и гладкость, протяженіе или сосуществованіе въ пространствѣ 52

Чувство слуха.

1. Предметы слуха—матеріальныя тѣла въ состояніи дрожанія или вибраціи 56
2. Ухо . . . . —
3. Способъ дѣйствія въ актѣ слуха 57
4. Ощущенія звука: общіе эмоціональные эффекты—мягкость, напряженность, объемъ 58
5. Музыкальные звуки: высота, усиленіе и ослабленіе, гармонія и диссонансъ 60
6. Интеллектуальныя ощущенія: ясность, тембръ, членораздѣльные звуки, разстояніе и направленіе 61

Чувство зрѣнія.

1. Предметы зрѣнія 63
2. Глазъ . . . . —
3. Способъ дѣйствія, выражающійся въ оптическомъ эффектѣ . . . 67
4. Бинокулярное зрѣніе. Обратное изображеніе на ретинѣ . . . 68
5. Ощущенія зрѣнія (оптическія): свѣтъ, цвѣта, блескъ. . . . —
6. Ощущенія, связанныя съ движеніями глаза: видимое движеніе, видимая форма, кажущаяся величина, разстояніе, объемъ, видимое положеніе 70

ГЛАВА III.

Стремленія.

Опредѣленіе стремленій; виды: сонъ, упражненіе и отдыхъ, жажда, голодъ, половыя влеченія 75

ГЛАВА IV.

Опредѣленіе и классификація инстинктовъ 77

Первичныя комбинированныя движенія.

1. Локомотивный ритмъ. 78
2. Анализъ его . . . . —
3. Первичныя ассоціированныя движенія. 79
4. Гармонія движенія. . . . . —

Инстинктивная игра чувствованій.

1. Единеніе духа и тѣла обнаруживается въ выраженіи чувствованій. 80
2. Физическіе спутники чувствованій: движенія физіономіи. . . —
4. Голосъ и дыхательные мускулы 82
4. Мускулы тѣла вообще. . . . . —
5. Органическіе эффекты: слезные органы, половые органы, пищевареніе, кожныя измѣненія, сердце, молочная железа у женщинъ. 83
6. Общій принципъ, связывающій удовольствіе и страданіе съ тѣлесными фукціями. Доказательства этого принципа. Смѣхъ и рыданіе. 85
7. Дѣйствіе стимуловъ 89
8. Законъ самосохраненія. 90

Инстинктивные зародыши воли.

1. Волевая способность—совокупность пріобрѣтеній. . . . . —
2. Первичныя основанія воли. I.—Самопроизвольность. . . . —
3. II.—Законъ самосохраненія. 91
4. Случайныя совпаденія чувствованій и соотвѣтствующихъ движеній. 92
5. III. Совпаденія закрѣпляются благодаря процессу ассоціаціи. . —

КНИГА II.

УМЪ.

1. Интеллектуальныя отправленія обыкновенно выражаются посредствомъ памяти, разсудка, воображенія и пр. 93
2. Первичныя свойства ума—различеніе, сходство, удерживаніе или память. . . . . —

ГЛАВА I.

Удерживаніе.—Законъ смежности.

1. Удерживаніе, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, можетъ быть обнято закономъ смежности 96
2. Формулировка закона. . . . . —

Движенія.

3. Самопроизвольныя и инстинктивныя дѣйствія укрѣпляются благодаря упражненію 97
4. Соединенныя или группированныя движенія. . . . . . —

5. Послѣдовательныя движенія 98
6. Вмѣшательство ощущеній въ ряды движеній . . . . . . —
7. Условія, заправляющія ходомъ пріобрѣтенія вообще . . —
8. Обстоятельства, благопріятствующія соединенію движеній . . 100
9. Всѣ пріобрѣтенія подразумѣваютъ физическую свѣжесть . —

Идеальныя чувствованія движенія.—Мѣстопребываніе идей.

10. Ассоціація идеи движенія . . . . —
11. Мѣсто идей тоже самое, какъ ощущеній или дѣйствительностей 101
12. Тенденція идей сдѣлаться дѣйствительностями — источникъ дѣятельности, отличный отъ воли 102
13. Принципъ, прилагаемый къ объясненію симпатіи 103
14. Точки общія какъ для идеи, такъ и для дѣйствительности . . —
15. Идеи движенія могутъ быть ассоціируемы между собою . . —
6. Способъ соединенія подчиняется закону дѣйствительнаго движенія 104
17. Движеніе сказывается въ умѣ, какъ извѣстная трата энергіи въ спеціальныхъ мускулахъ . . . . —

Ощущенія одного и того же чувства.

18. Во всѣхъ чувствахъ различныя ощущенія ассоціируются вмѣстѣ 105
19. Отдѣльныя идеи пріобрѣтаютъ самостоятельность благодаря повторенію . . . . —
20. Ассоціація осязательныхъ ощущеній . . . . —
21. Законъ объема пріобрѣтеній съ области осязанія 106
22. Осязательныя пріобрѣтенія всего многочисленнѣе у слѣпого. . 107
23. Ассоціаціи звуковъ: музыкальные и членораздѣльные звуки . . —
24. Зрительныя ассоціаціи: формы и цвѣтныя поверхности . . . 109

Ощущенія различныхъ чувствъ.

25. Движенія съ ощущеніями. Мускульныя идеи съ ощущеніями; архитектура. Ощущенія съ ощущеніями 111
26. Законъ роста такихъ пріобрѣтеній 113
27. Локализація тѣлесныхъ ощущеній 114
28. Наше тѣло есть объективный фактъ съ субъектными ассоціаціями 115
29. Ассоціація дѣлаетъ различія въ ощущеніяхъ сходными по качеству . . . . —

Ассоціаціи съ чувствами удовольствія и страданія.

30. Удовольствіе и страданіе могутъ существовать и воспроизводиться въ идеѣ. 116
31. Законы ассоціаціи. 117
32. Спеціальныя эмоціи переходятъ въ аффекціи. . . . . . —
33. Ассоціація эмоцій съ безразличными предметами: обрядности. . 118
34. Интересъ цѣлей переносится на средства: деньги, формальности, истина. . . . . 119.

35. Вліяніе ассоціаціи въ области изящныхъ искусствъ. Теорія Алисона . . . 120
36. Языкъ чувствованій—пріобрѣтаемъ. . . . 121
37. Знаки счастія производятъ ласкающее дѣйствіе на зрителя. . —
38. Слѣды памяти объ удовольствіи и страданіи. 122
39. Участіе ассоціаціи въ нравственномъ чувствѣ. . . . . . —

Ассоціаціи хотѣнія.

40. Смежная ассоціація дѣйствій и состояній чувства. 123

Естественные предметы.

41. Наши идеи о внѣшнемъ мірѣ состоятъ изъ ассоціацій чувственныхъ качествъ. . . . —
42. Умъ натуралиста представляетъ собою примѣръ безкорыстной ассоціаціи. . . . 124
43. Въ умахъ вообще воспоминаніями о природѣ управляютъ чувствованія. . . . 125

Естественныя и обычныя соединенія.

44. Ассоціація предметовъ обыкновенно образуется при нашемъ взглядѣ. . . . —
45. Географическія карты, діаграммы и живописныя описанія. . . 126

Послѣдовательность представленій.

46. Послѣдовательности круга, эволюціи, причины и дѣйствія. . . —

Механическія пріобрѣтенія.

47. Суммарій условій механическаго пріобрѣтенія. 129
48. Продолжительность упражненій въ собственномъ смыслѣ. . . 131

Пріобрѣтенія въ области языка.

49. Словесный языкъ подразумѣваетъ голосъ и слухъ. . . . . —
50. Языкъ—примѣръ разнороднаго соединенія. 132
51. Языкъ включаетъ опредѣленные ряды словъ. . . . . . —
52. Дѣйствіе спеціальнаго интереса въ пріобрѣтеніяхъ языка. . . 133
53. Членораздѣльная рѣчь подразумѣваетъ слухъ къ кадансу. . . —
54. Письменный языкъ обращается къ воспріятію видимой формы. . 134
55. Легкіе способы усвоенія языка. . . . . —
56. Словесная связь содѣйствуетъ памяти обнаруживаемаго знанія. —

Способность удерживанія въ наукѣ.

57. Познаніе, какъ наука, облечено въ искусственные символы. . . 135
58. Объективныя науки бываютъ конкретныя и абстрактныя. . —
59. Субъективныя науки основываются на самосознаніи. . . 136

60. Обстоятельства, благопріятствующія пріобрѣтеніямъ въ области духа . . . . —
61. Предполагаемая способность самосознанія 137

Занятія или практическая жизнь.

62. Пріобрѣтенія въ высшихъ отрасляхъ индустріи 138

Пріобрѣтенія въ области изящныхъ искуствъ.

63. Художественныя построенія даютъ возвышенное удовольствіе. 139
64. Условія пріобрѣтенія въ изящныхъ искусствахъ . . . . . —

Исторія и разсказъ.

65. Историческая преемственность событій таже, что и въ повѣствованіи 140
66. Повѣствуемыя дѣянія производятъ впечатлѣніе въ качествѣ какъ ощущеній, такъ и дѣйствій . . . . —
67. Разсказываемыя событія находятъ для себя помощь въ памяти словъ 141

Наша прошедшая жизнь.

68. Сложное теченіе нашего существованія . . . . —

Заключительныя замѣчанія о способности удерживанія или памяти.

69. Существованіе удерживающей способности къ предметамъ вообще. Высшая пластичность ранняго возраста; ограниченіе пріобрѣтеній; временная связь 142

ГЛАВА II.

Согласіе—законъ сходства.

1. Опредѣленіе закона 144
2. Сходство въ одной формѣ подразумѣвается смежностью . . 145
3. Препятствія къ оживленію прошлаго въ силу связи по сходству. —

Слабость впечатлѣнія.

4. Препятствіе образуемое слабостію или блѣдностію. Чѣмъ эти особенности устраняются? Условія воспроизведенія по сходству . 146

Сходство въ различіи—ощущенія.

5. Препятствіе различія. Спеціальныя условія этого случая . 148
6. Движенія и чувствованія движеній отожествляются 149
7. Ощущенія органической жизни 150
8. Вкусы. Конечное отожествленіе въ классификаціи 151
9. Осязаніе. Обобщаемые и классифицируемые эффекты . . . 152

10. Слухъ. Членораздѣльный языкъ отожествляется при различии выговора и каданса. Различие выраженія. 153
11. Зрѣніе. Цвѣта, формы и ихъ комбинаціи. 155
12. Эффекты, свойственные чувствамъ вообще. 156

Смежные агрегаты—соединенія.

13. Предметы аффектирующіе множество чувствъ. 157
14. Аггрегаты ассоціированныхъ свойствъ и употребленій. Паровая машина. Открытіе Дэви—раствореніе солей. Ботаника и зоологія. —

Явленія послѣдовательности.

15. Послѣдовательности отожествляются среди различій. Циклъ, эволюція (развитіе), причина и дѣйствіе. Ньютоново открытіе тяготѣнія. 160

Разсужденіе и наука вообще.

16. Обобщающая способность ума производитъ: I—Опредѣленіе; II—индукцію; III—дедукцію. Разсужденіе по аналогіи. 163
17. Объемъ разсудочной способности. 166

Дѣла и практика.

18. Практическія открытія обязаны, до извѣстной степени, сходству. —

Поясняющія сравненія и литературное искусство.

19. Фигуры сходства присущи каждому великому произведенію литературнаго генія. Буньянъ, Шекспиръ, Бэконъ, Мильтонъ. . . . 168

Изящныя искусства вообще.

20. Сходство находитъ себѣ мѣсто въ нѣкоторыхъ изъ изящныхъ искусствъ. 170

Сходство въ пріобрѣтеніи и памяти.

21. Трудъ пріобрѣтенія сберегается подмѣчаніемъ сходствъ. . 171

ГЛАВА III.

Сложная ассоціація.

1. Ассоціаціи могутъ соединять свою силу. Опредѣленіе этого закона. 172

Сочетаніе смежностей.

2. Соединенія: мѣстныя ассоціаціи; лица; употребленіе и свойства. Послѣдовательности: языкъ. 173

Соединеніе сходствъ.

3. Случай этотъ достаточно выясненъ въ законѣ сходства. . . 176

Смѣшанныя смежность и сходство.

4. Великія открытія сходства вспоминаются отчасти по смежности. —
5. Содѣйствіе сходству можетъ быть дано *близостью* желаемыхъ предметовъ. 177
6. Мнемоническія средства. 178

Элементъ чувства.

7. Вліяніе чувства на мысленные ряды. . . . . —

Вліяніе воли.

8. Вліяніе воли бываетъ косвенное. Виды дѣйствія воли. . . . 179

Препятствующія ассоціаціи.

9. Примѣры, наблюдаемые въ конфликтѣ художественной и научной точекъ зрѣнія. 181

Ассоціація контраста.

10. Контрастъ можетъ быть разложенъ (анализированъ) въ относительность, смежность, сходство и вліяніе эмоціи. 182

ГЛАВА VI.

Построительная ассоціація.

1. Процессъ оригинальнаго творчества. 184

Механическая построительность.

2. Движенія комбинируются въ новыя группы. Три условія построительнаго процесса вообще. . . . . —

Словесная построительность.

3. Обученіе произношенію. 186
4. Построеніе предложеній. . . . . —
5. Высшія сочетанія языка. 187

Чувствованія движенія.

6. Построеніе новыхъ мускульныхъ идей. Попаданіе въ цѣль. Архитектурное соотвѣтствіе. 188

Построительность въ ощущеніяхъ.

7. Органическая жизнь; неизвѣстныя формы удовольствія и страданія. Высшія чувства. Зрительная построительность. . . . 189

Построеніе новыхъ эмоцій.

8. Простыя эмоціи должны быть испытаны (извѣстны). Измѣненіе степени. Перенесеніе на новые преметы. 191

Конкретно-абстрактныя построенія.

9. Построеніе изъ абстрактныхъ элементовъ конкретныхъ образовъ. 193

Реализація воспроизведенія или описаніе.

10. Словесныя описанія или другія воспроизведенія могутъ быть реализуемы . . . . —

Построительность въ наукѣ.

11. Опредѣленія, индукціи, дедукціи и опытныя открытія подразумѣваютъ построительность 194

Практическія построенія.

12. Механическое изобрѣтеніе. Административные планы. Сужденія; приспособленіе чьихъ либо взглядовъ къ мнѣнію другихъ. Ораторское искусство 195

Построительность подъ вліяніемъ чувства.

13. Нѣкоторыя построенія удовлетворяютъ какой либо настоящей эмоціи:—эмоціональный характеръ выступаетъ въ литературномъ произведеніи. Склонность. Миѳъ 197
14. Художественныя построенія согласуются съ эстетическими чувствованіями 198
15. Воображеніе самый лучшій примѣръ въ области художественной построительности. Элементы его: 1) конкретность, 2) оригинальность, 3) присутствіе эмоціи. Фантазія. Идеальность . . —

КНИГА III.

ЭМОЦІИ.

ГЛАВА I.

Чувствованіе вообще.

1. Спеціальныя эмоціи суть вторичныя и производныя состоянія и подразумѣваютъ интеллектъ 200
2. Общія опредѣленія чувствованія 201
3. Двоякая сторона чувствованія—физическая и духовная . . . —
4. Физическая сторона принципа *относительности*. . . . 202
5. Законъ *диффузіи* (разсѣянія) . . . . —

Характеръ чувствованія.

6. Характеръ чувствованія бываетъ четырехъ родовъ . . . . —

Эмоціональный характеръ чувствованія.

7. Каждое чувствованіе имѣетъ свою характерную *физическую* сторону . . . . —
8. Духовная сторона: *качество* (удовольствіе и страданіе), *степень и специальныя особенности* 203

Волевой характеръ чувствованія.

9. Дѣйствія воли составляютъ ключъ къ чувствованіямъ . . . 204

Интеллектуальный характеръ чувствованія.

10. Идеальная устойчивость чувствованій расширяетъ ихъ сферу . —

Смѣшанный характеръ чувствованія.

11. Воля, комбинированная съ идеальною устойчивостію, производитъ предусмотрительность 205
12. Желаніе . . . . —
13. Свойство каждаго чувствованія состоитъ въ томъ, чтобы занять умъ 206
14. Вліяніе чувствованій на вѣру имѣетъ смѣшанный характеръ . 207

Истолкованіе и оцѣнка чувствованія.

15. 1) Выраженіе свидѣтельствуетъ о чувствахъ другихъ лицъ . . —
16. 2) Господствующее поведеніе служитъ показателемъ удовольствія и страданія. 208
17. 3) Теченіе мыслей отражаетъ на себѣ вліяніе чувствованій . . 209
18. Вліяніе на вѣру есть доказательство силы чувствованія. . . —
19. Различныя показанія взаимно сдерживаютъ другъ друга . . —
20. Каждое лицо можетъ описать свои собственныя чувствованія: въ нѣкоторомъ критеріѣ или общей мѣркѣ должно существовать согласіе 210
21. Критерій чувствованія прилагается къ оцѣнкѣ счастія и несчастія . . . . —

Развитіе чувствованія.

22. Взрывъ чувствованія проходитъ чрезъ нѣкоторыя стадіи . . 211
23. Измѣненіе и періодичность эмоціональныхъ состояній . . . —
24. Цѣли, достигаемыя анализомъ чувствованій 212

ГЛАВА II.

Эмоціи и классификація ихъ.

1. Эмоціи суть вторичныя, производныя или сложныя чувствованія. 213

2. *Множество* чувствованій во взаимной гармоніи или взаимномъ конфликтѣ . . . . —
3. *Перенесеніе* чувствъ на новые предметы . . . . . . —
4. *Сліяніе* отдѣльныхъ чувствованій въ аггрегатъ или цѣлое . . —
5. Принципъ классификаціи эмоцій . . . . —
6. Подробная классификація 214

ГЛАВА III.

Эмоціи относительности: Новизна.—Удивленіе.—Свобода.

1. Предметы новизны. Физическая сторона 216
2. Психическій характеръ . . . . —
3. Страданіе монотонности. Виды новизны . . . . —
4. Разнообразіе—меньшая форма новизны 217
5. Удивленіе; включеніе элемента конфликта. 218
6. Изумленіе. Его отношеніе къ высокому . . . . —
7. Принужденіе и свобода, присущія столкновенію и относительности . . . . —
8. Свобода—коррелативъ принужденія. 219

ГЛАВА IV.

Эмоція страха.

1. Опредѣленіе страха — представленіе наступающаго зла . . 220
2. Физическая сторона, *потеря* и *перенесеніе* нервной энергіи . 221
3. Духовная сторона—страхъ есть форма массивнаго страданія . 222
4. Виды страха: 1) страхъ низшихъ животныхъ, 2) страхъ въ дѣтяхъ, 3) рабскій страхъ, 4) предчувствіе несчастій вообще, 5) суевѣрный страхъ, 6) недовѣріе къ нашимъ способностямъ въ новыхъ дѣйствіяхъ, 7) страхъ смерти 223
5. Противодѣйствіе страху: источники мужества 226
6. Реакція страху пріятна и радостна 227
7. Пользованіе страхомъ при управленіи и воспитаніи . . . . —
8. Употребленіе страха въ области искусства требуетъ поясненія. —

ГЛАВА V.

Нѣжная эмоція.

1. Нѣжность. Предметъ ея—существа чувствующія. Возбуждающія причины включаютъ удовольствія, страданія и мѣстныя стимулы. 228
2. Физическая сторона подразумѣваетъ: 1) осязаніе, 2) слезные органы и 3) движенія гортани 229
3. Связующее звено физическаго и духовнаго ряда между стимулами и обнаруженіями. 230
4. Духовная сторона:—простой характеръ эмоціи 231
5. Смѣшанный характеръ: желаніе; контроль надъ мыслями . . —

Виды нѣжной эмоціи.

6. Нѣжность по преимуществу доступна человѣческимъ существамъ. 232

Семейная группа.

7. Мать и ребенокъ. Форма родительскихъ отношеній . . . . —
8. Половыя отношенія; основы взаимнаго сближенія 233

Благожелательныя аффекціи.

9. Главный элементъ благожелательности составляетъ симпатія . 234
10. Анализъ удовольствій благожелательности . . . . . —
11. Соболѣзнованіе или сострадание 235
12. Благодарность, основанная на симпатіи и управляемая справедливостію . . . . —
13. Благожелательность и благодарность имѣютъ одинаковыя формы проявленія . . . . —
14. Видъ благородства, какъ стимулъ нѣжности 236
15. Низшія животныя бываютъ предметами нѣжнаго чувства . —
16. Форма нѣжности въ отношеніи къ неодушевленнымъ предметамъ. —

Грусть.

17. Грусть есть страданіе, происходящее отъ потери предметовъ любви; нѣжность служитъ средствомъ утѣшенія 237
18. Социальныя и нравственныя свойства нѣжности . . . . —

Удивленіе и уваженіе

19. Удивленіе возбуждается превосходствомъ и связано съ любовію. 238
20. Уваженіе относится къ исполненію существенныхъ обязанностей. —

Благоговѣніе—религіозное чувство.

21. Религіозное чувство содержитъ въ себѣ удивленіе, любовь и страхъ. Благоговѣніе, почитаніе . . . . —

ГЛАВА VI.

Эмоціи, относящіяся къ нашему „я“.

1. Терминъ «я» употребляется въ отношеніи къ двумъ соединеннымъ группамъ чувствованій 240

Самонаслажденіе и самоуваженіе.

2. Чувствованія, возникающія изъ превосходныхъ или любезныхъ качествъ, содержащихся въ насъ самихъ. . . . —
3. Физическая сторона 241
4 Духовная сторона: — нѣкоторый видъ нѣжнаго чувствованія. . —
5. Специфическія формы: самодовольство, самомнѣніе и самовосхва-

леніе, самоуваженіе и гордость, самосожалѣніе, соревнованіе, зависть 243
6. Страданія эмоціи: смиреніе и скромность, униженіе и самоприниженность, самоукоръ 244

Любовь къ одобренію.

7. Она подразумѣваетъ, вмѣстѣ съ самодовольствомъ, дѣйствія симпатіи . . . . —
8. Виды этого чувства: простое одобреніе, удивленіе и похвала, лесть и ласкательство, слава, репутація или извѣстность, честь, правила учтиваго общества 246
9. Страданія неодобренія; угрызеніе; стыдъ . . . . —
10. Самодовольство, любовь къ одобренію, разсматриваемыя въ качествѣ мотивовъ 247

ГЛАВА VII.

Эмоція силы.

1. Эмоція силы основывается на сознаніи *высшаго* могущества или энергіи путемъ сравненія . . . . —
2. Физическая сторона: приливъ силы; смѣхъ 248
3. Духовная сторона: возвывающія или опьяняющія удовольствія.
4. Виды: сенсація; контроль надъ обширными дѣйствіями; приказаніе или авторитетъ; богатство; убѣжденіе; духовный авторитетъ, знаніе; любовь къ вліянію; сужденіе о другихъ; презрѣніе и насмѣшки; честолюбіе 250
5. Страданія безсилія. Ревность 252

ГЛАВА VIII.

Эмоція гнѣва.

1. Возникающая въ страданіи и производящая удовольствіе при нанесеніи страданія . . . . —
2. Объектами служатъ лица—виновники страданія или обиды —
3. Физическія обнаруженія: 1) возбужденіе, 2) дѣятельность, 3) органическіе эффекты, 4) выраженіе или фигура, 5) взрывъ мести 253
4) Духовная сторона: *удовольствія зложелательности* . . . —
5) Ингредіенты гнѣва: 1) *эффектъ*, производимый накопившеюся энергіею; 2) удовольствіе при видѣ *страданія;* 3) удовольствіе силы, 4) предотвращеніе дальнѣйшаго страданія посредствомъ *застрашиванія* 254
6. Виды гнѣва: обнаруженія гнѣва въ низшихъ животныхъ; формы гнѣва въ дѣтствѣ и отрочествѣ; внезапный гнѣвъ; обдуманный гнѣвъ—мстительность; ненависть; антипатія; вражда; степени обиды. Удовольствія зложелательности. Справедливое негодованіе; благородная месть 255

7. Польза, извлекаемая симпатіей въ связи съ чувствомъ гнѣва . 259
8. Справедливость подразумѣваетъ симпатическое негодованіе . —
9. Законное наказаніе удовлетворяетъ и ограничиваетъ страсть къ мести 260

ГЛАВА IX.

Эмоція дѣятельности—преслѣдованіе.

1. Черта преслѣдованія покоится на произвольной дѣятельности . —
2. Физическая сторона: 1) интенсивное сосредоточеніе чувства; 2) гармонирующая мускульная дѣятельность . . . 261
3. Духовная сторона: 1) интересъ цѣли, увеличиваемой по мѣрѣ приближенія ея; 2) сосредоточеніе вниманія на внѣшнихъ предметахъ съ забвеніемъ о себѣ . . . . . . —
4. Случай или неизвѣстность содѣйствуютъ усиленію исканія . 262
5. Возбужденіе преслѣдованія обнаруживается низшими животными. 263
6. Полевыя забавы . . . . —
7. Состязанія 264
8. Промышленныя занятія даютъ почву для завязки интереса . —
9. Симпатическія отношенія служатъ объектомъ преслѣдованія . 265
10. Погоня за знаніемъ . . . . —
11. Положеніе зрителя содержитъ въ себѣ интересъ исканія . . 266
12. Литература интригъ или исторія . . . . . . —
13. Форма *страданія*—продолженіе неопредѣленности 267
14. Страданія дѣятельности вообще . . . . . . —

ГЛАВА X.

Эмоціи интеллекта.

1. Удовольствія и страданія, сопровождающія собою интеллектуальныя отправленія . . . . —
2. Чувствованія, сопровождающія работы по смежности . . . —
3. Страданіе противорѣчія или несообразности . . . 268
4. Удовольствіе сходства, производящее удивленіе; облегченіе отъ умственнаго труда . . . . —
5. Новыя тожества въ наукѣ увеличиваютъ область интеллектуальнаго пониманія 269
6. Практическія открытія доставляютъ удовольствія увеличиваемой силы . . . . —
7. Пояснительныя сравненія содѣйствуютъ уменьшенію труда 270

ГЛАВА XI.

Симпатія.

1. Симпатія есть вхожденіе въ чувства другого и сообразное съ ними дѣйствованіе 271

2. Симпатія предполагаетъ: 1) нашъ воспроизводимый опытъ; 2) связь между выраженіемъ чувства и самымъ чувствомъ . . —
3. Симпатія есть принятіе на себя физическихъ обнаруженій чувства, происходящихъ, благодаря возникновенію извѣстнаго психическаго состоянія 272
4. Обстоятельства, благопріяствующія симпатіи 273
5. Полнота симпатіи—замѣщающее дѣйствіе 274
6. Симпатія удовольствію и страданію . . . . . . —
7. Симпатія поддерживаетъ чувства и мнѣнія людей 275
8. Формированіе чувствъ и взглядовъ другихъ лицъ . . . —
9. Симпатія служитъ косвеннымъ источникомъ удовольствія для лица симпатизирующаго 276
10. Симпатія не можетъ существовать при крайнемъ самоотрицаніи. 277
11. Область знанія неразрывна съ широкими симпатіями . . . —
12. Подражаніе стоитъ въ тѣсной связи съ симпатіей. Условія подражательности . . . . —

ГЛАВА XII.

Идеальная эмоція.

1. Устойчивость чувства создаетъ жизнь въ идеѣ 279
2. Идеальная эмоція аффектируется органическими состояніями . —
3. Извѣстный темпераментъ можетъ быть приспособленъ для эмоцій вообще 280
4. Нѣкоторыя организаціи приспособлены для спеціальныхъ эмоцій 281
5. Психическія вліянія:—1) присутствіе нѣкоторой родственной эмоціи; 2) интеллектуальныя силы 282
6. Дѣйствительныя чувствованія часто задерживаются сопутствующими обстоятельствами 283
7. Приложеніе фактовъ, имѣющихъ значеніе для усиленія идеальной эмоціи 284
8. Идеальная эмоція связана съ желаніемъ 285

ГЛАВА XIII.

Эстетическія эмоціи.

1. Существуютъ удовольствія, находящія себѣ удовлетвореніе въ изящныхъ искусствахъ 286
2. Отличительныя черты удовольствій изящнаго: 1) удовольствіе есть цѣль сама въ себѣ; 2) они чужды непріятностей; 3) наслажденіе ими не имѣетъ монополіи . . . . . . —
3. Зрѣніе и слухъ суть эстетическія чувства 287
4. Мускульные и чувствовательные элементы могутъ быть воспроизводимы *въ идеѣ* 288
5. Красота не есть одно какое либо качество, но цѣлая совокупность эффектовъ . . . . —

6. Эмоціи изящнаго въ ихъ частныхъ видахъ: I. простыя пріятныя ощущенія въ области слуха и зрѣнія 289
7. II. Ко-операція интеллекта съ чувствами . . . . —
8. III. Спеціальныя эмоціи 290
9. IV. Гармонія—преобладающій элементъ въ искусствѣ 291
10. Удовольствія звука и звуковой гармоніи:—музыка . . . . . —
11. Пріятныя ощущенія зрѣнія и ихъ гармоніи:—свѣтъ и тѣни; цвѣта; пропорціи; прямая и кривая формы; симметрія, видимыя движенія 293
12. Сложныя гармоніи 296
13. Соотвѣтствіе, какъ источникъ красоты: поддержка, порядокъ . —
14. Единство въ разнообразіи 297
15. Оставлять что либо для желанія составляетъ особый принципъ въ искусствѣ . . . . —
16. Чувство красоты допускаетъ большую широту 298
17. Высокое:—опредѣленіе его, человѣческая энергія, неодушевленные предметы, поддержка, природные дѣятели, пространство, время. Связь со страхомъ . . . . —
18. Красота и величіе предметовъ природы; красота человѣка . 300

Чувство смѣшного.

1. Причины смѣха 302
2. Несоотвѣтствіе не всегда бываетъ необходимо смѣшно . . —
3. Смѣхъ производится паденіемъ извѣстнаго лица или власти . —
4. Удовольствіе паденія можетъ быть отнесено: 1) къ чувству силы, или 2) освобожденію отъ стѣсненія 303

ГЛАВА XIV.

Нравственныя эмоціи.

1. Вопросъ—проста или сложна нравственная способность, *примѣч.* 304
2. Доводы въ пользу ея простоты и интуитивности:—во первыхъ, наши нравственныя сужденія бываютъ непосредственны и быстры. —
3. Во вторыхъ, эта способность обща всему человѣчеству. . . 305
4. Въ третьихъ, она отлична отъ всякаго другого духовнаго явленія —
5. Возраженія на эти доказательства и доводы противоположнаго рода:—во первыхъ, непосредственность дѣйствія не служитъ доказательствомъ врожденности . . . . —
6. Во вторыхъ, приводимое сходство людей въ нравственныхъ сужденіяхъ удерживается только въ ограниченной степени. Отвѣты, даваемые защитниками врожденности чувства по поводу этихъ несоотвѣтствій 306
7. Въ третьихъ, справедливое и несправедливое въ нравственной области не есть какое либо недѣлимое свойство, но обширный сборникъ правилъ 308
8. Въ четвертыхъ, интуиція неспособна рѣшать спорные вопросы. 309

9. Въ пятыхъ, возможно анализировать нравственную способность:— взвѣсить дѣйствіе 1) благоразумія, 2) симпатіи и 3) эмоцій вообще. 310
10. *Спеціальный аттрибутъ* справедливости возникаетъ изъ учрежденія правительства или авторитета 312
11. Особенность совѣсти или нравственнаго чувства тожественна съ нашимъ воспитаніемъ подъ управленіемъ или авторитетомъ . 313

КНИГА IV.

ВОЛЯ.

ГЛАВА I.

Первичные элементы хотѣнія.

1. Первичные элементы—самопроизвольность и самосохраненіе . 317

Самопроизвольность движенія.

2. Иллюстрація самопроизвольности . . . . —
3. Мускульныя группы или область 318
4. Члены, которыми нужно управлять порознь, сначала должны быть способны къ изолированной самопроизвольности . . . . —
5. Обстоятельства, содѣйствующія высшимъ степенямъ самопроизвольнаго дѣйствія 319

Связь между чувствованіемъ и дѣйствіемъ.

6. Должна образоваться нѣкоторая связь между дѣйствіями и чувствованіями 323
7. Самосохраненіе имѣетъ двѣ вѣтви. Въ первыхъ, эмоціональное выраженіе . . . . —
8. Во вторыхъ, совпаденіе дѣятельности съ удовольствіемъ, и наоборотъ 322

ГЛАВА II.

Ростъ произвольной силы.

1. Превращеніе первичныхъ элементовъ въ зрѣлую волю . . 325
2. Процессъ пріобрѣтенія. Совпаденіе движенія съ удовольствіемъ, сначала чисто случайное, поддерживается связію съ самосохраненіемъ и наконецъ становится асоціированнымъ въ силу закона смежности . . . . —

3. Вторая ступень, соединеніе движеній съ посредствующими цѣлями. 333
4. Движенія, передаваемыя отъ одной связи къ другой . . 334
5. Хотѣніе становится *всеобщимъ*. Слово приказанія . —
6. Подражаніе 335
7. Дѣйствіе на желаніе двигать 337
8. Ассоціація движеній съ идеей долженствующаго произойти эффекта. 338

ГЛАВА III.

Контроль надъ чувствованіями и мыслями.

1. Всякій волевой контроль совершается чрезъ посредство мускуловъ. 339

Контроль надъ чувствованіями.

2. Сила воли ограничивается мускульными спутниками 340
3. Произвольное управленіе мускулами адэкватно дѣйствію движенія подъ извѣстной эмоціей 342

Управленіе мыслями.

4. Средство это состоитъ въ контролѣ вниманія 343
5. Воля имѣетъ власть надъ мускульными движеніями въ *идеѣ* . —
6. Власть надъ мыслями можетъ быть пріобрѣтаема 344
7. Входитъ въ построительную ассоціацію 345
8. Управленіе мыслями помогаетъ контролированію чувствованій . —
9. Сила чувствованій вліяетъ на мысли 347

ГЛАВА IV.

Мотивы или цѣли.

1. Дѣйствительныя удовольствія и страданія въ качествѣ мотивовъ. 348
2. Ожидаемыя (возможныя) удовольствія и страданія. Условія идеальной устойчивости 349
3. Средства, ведущія къ удовольствію и страданію, деньги, тѣлесная крѣпость, знаніе, церемоніи, добродѣтели 352
4. Воля, управляемая «idea fixa» 354

ГЛАВА V.

Борьба мотивовъ.

1. Борьба встрѣчныхъ удовольствій и страданій. 357
2. Самопроизвольность можетъ вступить въ борьбу съ мотивами воли. . . . . —
3. Истощеніе служитъ преградой для вліянія мотивовъ. . . 358
4. Противодѣйствіе двухъ дѣйствительныхъ мотивовъ. . . . —
5. Борьба между идельнымъ и дѣйствительнымъ мотивами. . . 360

6. Посредствующія цѣли въ столкновеніи мотивовъ; тюремная дисциплина 362
7. Устойчивость идеи производитъ страстныя (одушевленныя) цѣли. —

ГЛАВА VI.

Соображеніе. Рѣшимость. Усиліе.

1. Соображеніе есть произвольная нерѣшительность, вызываемая бѣдствіями, навлекаемыми отъ поспѣшнаго дѣйствія. . . . 363
2. Процессъ соображенія идетъ параллельно теоріи воли. . . . 366
3. Рѣшеніе составляетъ послѣдующее дѣйствіе. 367
4. Сильный мотивъ, при слабости активныхъ органовъ, производитъ состояніе, называемое усиліемъ. 369
5. Соображеніе, рѣшительность и усиліе носятъ случайный характеръ и не составляютъ сущности воли. Гершель о чувствѣ усилія. *Примѣч.* . . . . —

ГЛАВА VII.

Желаніе.

1. Желаніе служитъ мотивомъ дѣйствія—безъ способности къ дѣйствованію. 370
2. Въ желаніи существуетъ состояніе борьбы. 371
3. Способы избавленія отъ безпокойнаго состоянія желанія:—*вынужденный покой*. . . . . —
4. Идеальное или воображаемое дѣйствіе. 372
5. Вызывающія условія для желанія:—1) недостатки системы; 2) опытъ удовольствія. 374
6. Чувствованія, заключающіяся въ состояніи желанія:—корыстолюбіе, честолюбіе, любопытство. 375
8. Желаніе не составляетъ необходимой прелюдіи къ хотѣнію. . 376

ГЛАВА VIII.

Вѣра.

1. Вѣра, хотя и подразумѣваетъ интеллектъ и чувство, но существеннымъ образомъ относится къ *дѣятельности* или волѣ. . . . —
2. Вѣрить во что нибудь, значитъ поступать сообразно съ этимъ. Кажущіяся исключенія:—1) дѣйствіе противъ нашихъ убѣжденій; 2) вѣра въ вещи, соотвѣтственно которымъ мы не имѣемъ случая дѣйствовать; 3) вѣра испытываетъ вліяніе со стороны чувствъ; 4) вѣра представляется въ формѣ интеллектуальнаго процесса. 379
3. Вѣра соединяется съ преслѣдованіемъ *посредствующихъ* цѣлей. 380
4. Интеллектуальный элементъ состоитъ въ ассоціаціи средствъ и цѣлей. 381

5. Психическія основы вѣры: 1) наша дѣятельность самопроизвольная и свободная; мы вѣримъ во все то, чему не встрѣчаемъ противорѣчія. 382
6. 2) Интеллектуальная ассоціація содѣйствуетъ вѣрѣ. . . . 385
7. 3) Дѣйствіе чувствъ на вѣру. 386
8. Вѣра въ міровой порядокъ видоизмѣняется сообразно съ тремя элементами. 388
9. Вѣра противополагается не невѣрію, а сомнѣнію 390
10. Надежда и отчаяніе составляютъ фазисы вѣры. *Примѣч.* . . 391

ГЛАВА IX.

Нравственныя привычки.

1. Нравственныя привычки касаются чувствованій и хотѣній. . . 392
2. Нравственныя пріобрѣтенія слѣдуютъ законамъ удерживающей способности. 393
3. Спеціальныя условія:—1) инціатива и 2) постепенное подвергание себя случаямъ борьбы. 394
4. Привычки подъ контролемъ чувства и стремленія:—выносливость. Управленіе вниманіемъ. . . . . —
5. Привычки подъ дѣйствіемъ спеціальныхъ эмоцій: 1) эмоціональная воспріимчивость вообще; 2) эмоціи въ частности. 396
6. Привычки, видоизмѣняющія дѣятельность или волю:—закаленность и сила терпѣнія. 399
7. Контроль интеллектуальныхъ рядовъ можетъ сдѣлаться привычнымъ. . . . . —

ГЛАВА X.

Благоразуміе.—Долгъ.—Нравственная неспособность.

1. Вліянія въ пользу благоразумія. 400
2. Вліянія въ пользу долга; симпатія, связанная съ благоразумными мотивами. 401
3. Средства, поддерживающія какъ благоразуміе, такъ и долгъ. . 403
4. Нравственная неспособность выражаетъ недостаточность обычныхъ, но не всѣхъ вообще, мотивовъ. 404

ГЛАВА XI

Свобода и необходимость.

1. Изложеніе воли основывалось на однообразіи слѣдованія мотива и дѣйствія. Это однообразіе отрицалось по различнымъ основаніямъ: Сократъ. 405
2. Запутанность вопроса происходитъ вслѣдствіе непригодности терминовъ—«свобода и необходимость». 406

3. Смыслъ выбора, обдумыванія, самоопредѣленія, нравственнаго дѣйствія, отвѣтственности. Отвѣтственность за вѣрованіе. Насколько человѣкъ отвѣтственъ за свой характеръ 409

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ.

Сознаніе, разсматриваемое: a) какъ духовная жизнь вообще, b) какъ субъективная жизнь въ частности. Взглядъ, по которому сознаніе, какъ такое, основывается на знаніи 417

Ощущеніе. Ощущеніе выражаетъ различныя противоположныя явленія. 419

Представленіе и воспроизведеніе. 420

Личное тожество. Тожество въ живыхъ существахъ подразумѣваетъ ненарушаемую продолжаемость. Два взгляда на личное тожество. 1) постоянная субстанція, предполагающая сознаніе; 2) слѣдованіе сознательныхъ состояній. Свойство нашей вѣры въ сферѣ памяти. 421

Субстанція. Каждое свойство вещи можетъ быть названо аттрибутомъ; является вопросъ: откуда же взялось то, что называется субстанціей? Возможны двѣ альтернативы:—1) непознаваемый субстратъ, 2) сохраненіе основнаго или существеннаго свойства, какъ субстанціи. Субстанція a) матеріи и b) духа. Цѣлое нѣкоторыхъ конкретовъ можетъ быть признано въ качествѣ субъекта различныхъ индивидуальныхъ аттрибутовъ. Вопросы о субстанціи и личномъ тожествѣ, по большей части, составляютъ одно и тоже 424

Алфавитный указатель . . . .

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА I.

Опредѣленіе и раздѣленіе духа.

1. Человѣческое знаніе, опытъ, или сознаніе распадаются на два большіе отдѣла, называемые на обычномъ языкѣ матеріею и духомъ, на языкѣ же философскомъ—внѣшнимъ міромъ и внутреннимъ, „не—я“ и „я“, объектомъ и субъектомъ.

Представленіе дерева, рѣки, созвѣздія показываетъ что разумѣется подъ *объектомъ*. Испытываніе удовольствія, страданія, желанія, мышленія входитъ въ понятіе *субъекта*.

Все, что мы можемъ знать, или что можетъ быть нами воспринято, входитъ такъ или иначе въ который либо изъ указанныхъ отдѣловъ, обнимающихъ собой всю вселенную, на сколько мы можемъ только ее себѣ представить.

2. Область объекта или внѣшняго міра специфически характеризуется свойствомъ *протяженности*. Область субъективнаго міра чужда этого свойства.

Дерево, рѣка, очевидно, имѣютъ протяженность. Удовольствіе не имѣетъ ни длины, ни ширины, или толщины—свойствъ, которыя мы усматриваемъ въ каждомъ предметѣ, имѣющемъ протяженность. Мысль или идея могутъ относиться къ протяженнымъ величинамъ, но нельзя говорить о протяженіи ихъ самихъ. Никто

не скажетъ, что актъ воли, желанія, вѣры измѣряются пространственно. Поэтому о всемъ, что входитъ въ область субъекта, говорятъ вообще какъ о непротяженномъ.

3. Такимъ образомъ, если духъ, какъ это обыкновенно дѣлается, принять за цѣлую сумму внутреннихъ (субъективныхъ) состояній, мы можемъ его опредѣлить отрицательнымъ путемъ—„какъ отсутствіе протяженности". [1]) Но такъ какъ и внѣшній опытъ существуетъ для насъ также въ формѣ душевныхъ состояній, то, для того чтобы дать понятіе о духѣ, точной психологической наукѣ ничего не остается болѣе, какъ различить три свойства или функціи—чувство, волю, или желаніе и мысль, или интеллектъ,—благодаря которымъ построяются всѣ наши опыты какъ объективные, такъ и субъективные. Перечень этихъ функцій долженъ быть поставленъ на мѣсто опредѣленія духа.

Чувствованіе включаетъ всѣ наши удовольствія и страданія, равно нѣкоторые виды возбужденія или простого сознанія того, что нейтрально или безразлично по отношенію къ удовольствію и страданію. Удовольствія тепла, питанія, музыки; страданія утомленія, бѣдности, угрызеній совѣсти; возбужденіе смятенія и удивленія, поддерживаніе небольшой тяжести, прикосновеніе къ столу, звукъ тявкающей въ отдаленіи собаки,—все это суть чувствованія. Частнѣе они разсматриваются подъ двумя видами—ощущеній и эмоцій.

Воля или хотѣніе обнимаетъ всѣ дѣйствія человѣка, по скольку они побуждаются или руководятся чувствованіями. Ѣда, прогулка, постройка, посѣвъ, разговоръ суть дѣйствія, выполняемыя съ извѣстною *цѣлію*. А эти цѣли состоятъ въ достиженіи удовольствія и избѣжаніи страданія. Дѣйствія, не возбуждаемыя чувствованіями,—непроизвольны. Таковы силы природы: вѣтеръ, тяжесть, электричество и проч., таковы также органическія отправленія дыханія, кровообращенія и кишечныя движенія.

Мышленіе или интеллектъ обнимаетъ собою дѣятельности, извѣстныя подъ именемъ воспріятія, памяти, понятія, отвлеченія, разсудка, сужденія и воображенія. Всѣ онѣ могутъ быть анализированы подъ тремя группами: *различенія*, или сознанія разности, *обобщенія*, или сознанія сходства и *удерживанія*, или запоминанія.

---

[1]) Въ другомъ своемъ сочиненіи «The senses and the Intellect», Бэнъ опредѣляетъ духъ, какъ „остатокъ послѣ вычитанія внѣшняго міра изъ всей цѣлости бытія". Прим. переводчика.

Нашъ духъ рѣдко можетъ дѣйствовать исключительно въ какой либо одной изъ этихъ трехъ группъ. Чувствованіе можетъ сопровождаться, въ большей или меньшей степени, волей и мыслію. Когда мы испытываемъ какое либо удовольствіе, наша воля бываетъ направлена на его продолженіе или возрастаніе (воля); въ то-же время мы различаемъ и отожествляемъ это удовольствіе, получая такой или иной слѣдъ въ памяти (умъ).

Такое опредѣленіе духа есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и его раздѣленіе, т. е. классификація по его главнымъ и основнымъ свойствамъ.

4. Но изслѣдовать духовныя способности въ указанномъ порядкѣ было бы непрактично.

Такъ какъ въ чувствованіи и хотѣніи заключаются нѣкоторые простые и первичные элементы, то они должны быть объяснены прежде нѣкоторыхъ вторичныхъ и сложныхъ элементовъ въ области интеллекта. Напримѣръ, ощущеніе есть первичная часть чувствованія и всегда предшествуетъ умственнымъ операціямъ; тогда какъ эмоціи, будучи состояніями вторичными и производными, могутъ слѣдовать за изложеніемъ интеллектуальныхъ операцій. Воля, по отношенію къ цѣлому, есть результатъ удерживательной (запоминающей) способности ума, отчасти же находится въ зависимости отъ чувствованій. Поэтому, въ порядкѣ изложенія, воля должна быть помѣщена послѣднею, хотя сначала и необходимо дать нѣкоторое понятіе объ ея первичныхъ, составныхъ элементахъ.

Отсюда, порядокъ изложенія будетъ слѣдующій:

Во первыхъ, Чувствованіе и хотѣніе въ ихъ зародышахъ въ связи съ подробнымъ изложеніемъ ощущеній, которыя представляютъ собою одинъ изъ видовъ чувствованія и примѣръ одной изъ умственныхъ функцій, именно—различенія. Болѣе соотвѣтственное заглавіе этого отдѣла будетъ: Движеніе, чувство и инстинктъ.

Во вторыхъ, Интеллектъ.

Въ третьихъ, Эмоціи—законченный видъ чувствованій.

Въ четвертыхъ, Воля.

5. Хотя субъектъ и объектъ (духъ и матерія) представляютъ собою самые противоположные факты нашего опыта, но на самомъ дѣлѣ между духомъ и извѣстнымъ матеріальнымъ организмомъ существуетъ самая тѣсная связь.

Сущность и объемъ этой связи мы увидимъ ниже. Теперь же замѣтимъ, что прямо и непосредственно мы знаемъ лишь только

самихъ себя; все же прочее мы познаемъ единственно только чрезъ посредство матеріальнаго организма.

Физическіе органы, имѣющіе отношеніе къ духовнымъ процессамъ, суть слѣдующіе:

1) Мозгъ и нервы; 2) органы движенія или мускулы; 3) органы чувствъ; 4) внутренность (viscera), заключающая въ себѣ пищевой каналъ, легкія, сердце и проч. Наиболѣе же тѣсная связь, конечно,—съ мозгомъ и нервами.

Связь духовныхъ и физическихъ отправленій не есть связь *мѣстная* или *пространственная*, потому что протяженное и непротяженное не могутъ быть связуемы такимъ образомъ, но—связь *зависимости*.

ГЛАВА II.

Нервная система и ея отправленія.

1. Мозгъ есть главный, хотя и не единственный органъ духа; главныя отправленія его суть отправленія умственныя.

Доказательства этого положенія:

1) Физическая боль отъ напряженнаго умственнаго труда локализируется въ головѣ. При сильномъ мускульномъ утомленіи боль чувствуется въ мускулахъ; раздраженіе легкихъ локализируется въ груди, дурное пищевареніе—въ желудкѣ; наконецъ, когда умственное возбужденіе переходитъ въ острое раздраженіе, оно постоянно отзывается тяжестью и болью головы.

2) Поврежденіе или болѣзнь мозга такъ или иначе отзывается на духовныхъ отправленіяхъ. Ударъ по головѣ прекращаетъ сознательность; физическія измѣненія нервной субстанціи (какъ напр. при умираніи) связаны съ потерей языка, памяти, умопомѣшательствомъ или какимъ либо другимъ умственнымъ поврежденіемъ или разстройствомъ.

3) Продукты нервнаго вещества бываютъ наиболѣе обильны послѣ умственнаго труда. Эти продукты, выдѣляемые преимуще-

ственно почками, суть главнымъ образомъ фосфорно-кислыя щелочи въ тройномъ соединеніи съ фосфорно-аммоніальными и магнезіальными солями. Фосфоръ составляетъ существенную часть нервной субстанціи.

4) Наблюдаютъ общую связь между объемомъ черепа и умственной энергіей. Въ порядкѣ животныхъ замѣчено, что умственная способность возрастаетъ съ увеличеніемъ объема мозга, а слѣд., и черепа. Человѣческій мозгъ на много превышаетъ мозгъ животныхъ, и наиболѣе даровитыя расы людей отличались наибольшимъ объемомъ мозга. Люди, выдававшіеся умственной силой, имѣли, какъ показываетъ опытъ, мозгъ болѣе обыкновенной его величины или вѣса. Среднiй (нормальный) вѣсъ человѣческаго мозга около 48 унцій, мозгъ Кювье вѣсилъ 64 унціи. Идіоты имѣютъ обыкновенно очень небольшой мозгъ.

5) Спеціальные опыты надъ головнымъ мозгомъ и нервами доказали полную необходимость ихъ для умственныхъ отправленій.

2. Нервная система, какъ цѣлое, состоитъ изъ *центральной массы*, или узловъ, и системы расходящихся или развѣтвляющихся нитей, называемыхъ *нервами*.

Центральною массою или узломъ называется спинно-мозговая ось, иначе спинно-мозговой центръ, такъ какъ эта масса помѣщается въ головѣ и позвоночномъ столбѣ, образуя большой круглый узелъ (въ головѣ), соединяющійся съ тонкимъ мозговымъ столбомъ или прутомъ (въ спинѣ).

Нервы суть серебристыя нити, выходящія изъ центральной массы и расходящіяся по всѣмъ частямъ организма. Между мозгомъ и физическими органами происходитъ извѣстный обмѣнъ дѣятельности, при чемъ одни изъ нервовъ проводятъ впечатлѣнія извнѣ къ центру, другіе ведутъ отъ центра къ органамъ.

3. Нервная субстанція состоитъ изъ двухъ элементовъ—*бѣлаго* и *сѣраго* веществъ. Бѣлое вещество состоитъ изъ множества мелкихъ нервныхъ волоконъ, сѣрое же содержитъ также волокна, но вмѣстѣ съ небольшими тѣльцами, называемыми клѣтками (ячейками) или клѣточными узлами.

Если разрѣзать мозгъ въ поперечномъ (горизонтальномъ) направленіи, то мы можемъ замѣтить двоякаго рода вещество. Внутренняя масса блѣдноватаго цвѣта, весьма похожая на бѣлый воскъ,

и окружность, представляющая собой неправильной формы кругъ сѣраго или пепельнаго цвѣта.

Разсматриваемые подъ микроскопомъ эти два элемента нервной массы состоятъ: 1) изъ *волоконъ* и 2) маленькихъ тѣлецъ, называемыхъ *клѣтками*. Бѣлое вещество состоитъ изъ волоконъ, сѣрое же содержитъ въ себѣ клѣтки, переплетенныя волокнами.

Первое замѣчательное свойство нервныхъ волоконъ это—ихъ крайне малая величина. Объемъ ихъ въ толщину простирается отъ $^1/_{1,500}$, $^1/_{3,000}$, $^1/_{15,000}$, $^1/_{30,000}$, до $^1/_{100,000}$ дюйма. Въ одной вѣтви нервнаго вещества, при одномъ дюймѣ въ толщину, можетъ быть отъ 10-ти до 100 милліоновъ отдѣльныхъ волоконъ. Такая незначительность размѣровъ и соотвѣтствующая множественность волоконъ должны быть разсматриваемы въ связи съ разнообразіемъ и сложностію духовныхъ отправленій.

Другая особенность волоконъ это — ихъ положеніе. Существуетъ извѣстнаго рода связь между оконечностями тѣлеснаго организма и клѣтками сѣраго вещества, а равно также между одной клѣткой и другой, между клѣтками и центральной массой и т. д. до безконечности. Волокна такимъ образомъ служатъ связующимъ или проводящимъ веществомъ.

Клѣтки же суть кругловатыя, иногда грушевидныя, иногда довольно неправильной формы маленькія тѣльца, изъ которыхъ выходятъ отъ одного до двухъ и болѣе волоконъ. Здѣсь замѣчается таже градація относительно величины, какъ и между волокнами. Самый высшій объемъ клѣтки равняется $^1/_{300}$ дюйма, самый низшій— $^1/_{12,000}$ дюйма. Небольшой кубикъ сѣраго вещества въ $^1/_4$ дюйма высоты можетъ содержать до 100,000 клѣтокъ.

Эти тѣльца изобильно наполнены кровью, (также какъ и нервныя волокна), и считаются центрами нервной энергіи или силы, подкрѣпляющими ее во всѣхъ случаяхъ траты. Отсюда, массы сѣраго вещества носятъ названіе нервныхъ центровъ.

Служа источникомъ нервной дѣятельности, нервныя клѣтки выполняютъ и другую функцію: онѣ принимаютъ въ себя волокна, передающія впечатлѣнія отъ внѣшняго міра, образуя сообщенія съ другими волокнами, каковыя сообщенія нужны для группировки и координированія ощущеній и движеній въ нашихъ умственныхъ отправленіяхъ.

4. Центральная нервная масса или спинно-мозговая ось состоитъ изъ частей, которыя могутъ быть разсматриваемы отдѣльно и которымъ свойственны отдѣльныя отправленія.

1. *Спинной мозгъ* есть столбъ нервнаго вещества, находящійся въ спинномъ хребтѣ и состоящій главнымъ образомъ изъ бѣлаго вещества, въ срединѣ же заключающій въ себѣ и сѣрое вещество.

Окончаніемъ спинного мозга полагаютъ отверстіе въ черепѣ, гдѣ стволъ вступаетъ въ соединеніе съ головнымъ мозгомъ. Въ этомъ мѣстѣ спинной мозгъ распространяется въ ширину и толщину и заключаетъ въ себѣ относительно бо́льшее количество сѣраго вещества. Распространенная часть въ 1¼ дюйма въ длину называется продолговатымъ мозгомъ (medulla oblongata) и имѣетъ большое значеніе, какъ центръ весьма важныхъ нервовъ (1).

Функціи спинного мозга, на сколько онѣ извѣстны, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Онъ есть главный стволъ всѣхъ нервовъ, расходящихся по организму вообще (исключая головы). Разрушеніе или разобщеніе его въ какой либо части прекращаетъ всякое сообщеніе съ нервами, лежащими ниже точки пересѣченія. Слѣдствіемъ этого бываетъ параличъ и потеря чувствительности.

2) Онъ имѣетъ функціи центра, или, другими словами, онъ обнимаетъ собой извѣстный кругъ дѣятельности нервовъ, т. е. существуютъ нѣкоторыя движенія, отвѣчающія извѣстнымъ стимуламъ и поддерживаемыя только однимъ этимъ центромъ. Это свойство мозга связано съ внутреннимъ слоемъ сѣраго вещества. Обезглавленная лягушка поднимаетъ и опускаетъ свои оконечности, когда мы колемъ или раздражаемъ ея кожу.

Разсматривая спинной и продолговатый мозгъ, взятые вмѣстѣ, мы находимъ, что посредствомъ ихъ совершается цѣлый классъ дѣйствій, такъ называемыхъ, *автоматическихъ* и, слѣдовательно, *рефлективныхъ*, подъ которыми разумѣются дѣйствія непроизвольныя, т. е. совершаемыя безъ всякаго чувствованія, намѣренія или хотѣнія съ нашей стороны.

Движенія эти слѣдующія:

1) Движенія, связанныя съ процессомъ *питанія*. Первая операція съ пищей во рту—разжевываніе—произвольна и требуетъ участія мозга. Когда же кусокъ пищи съ языка переходитъ въ глотку и пищепроводъ, онъ проталкивается рядомъ сокращеній и движеній, которыя уже не произвольны; ни ощущенія, ни контроля надъ ними

---

(1) Продолговатый мозгъ имѣетъ форму пирамиды, обращенной основаніемъ вверхъ, вершиною же къ точкѣ соединенія со спиннымъ столбомъ. The Senses and the Intellect. 3-е изд. 1868, p. 19.

мы не имѣемъ. Прикосновеніе пищи къ стѣнкамъ пищевого канала дѣйствуетъ на извѣстные расположенные въ этой поверхности нервы. Дѣйствіе это сообщается нервному центру и обнаруживается въ рядѣ сокращеній мускульныхъ волоконъ пищевого канала.

2) Движенія, соединенныя съ процессомъ *дыханія*. Процессъ дыханія производится силой, дѣйствующей независимо отъ нашей воли, хотя при посредствѣ извѣстныхъ произвольныхъ мускуловъ. При вдыханіи легкія, при посредствѣ грудныхъ мускуловъ, расширяются, при выдыханіи брюшные мускулы сокращаютъ грудь и выгоняютъ вонъ содержащійся въ груди воздухъ, вслѣдствіе чего грудная клѣтка сжимается. Продолговатый мозгъ служитъ центромъ для поддержанія этого процесса.

Процессы *кашлянія* и *чиханія* суть рефлективныя дѣйствія, производимыя легкими. Раздраженіе весьма чувствительныхъ поверхностей глотки и бронхіальныхъ трубокъ, а также внутренней полости носа производитъ, чрезъ посредство продолговатаго мозга, большой приливъ нервной силы къ дыхательнымъ мускуламъ, вслѣдствіе чего воздухъ вырывается извнутри съ страшною силою. Сосаніе въ дѣтскомъ возрастѣ есть чисто-рефлективный актъ.

3) Нѣкоторыя рефлективныя движенія соединены съ процессомъ *смотрѣнія* (зрѣніемъ). Актъ миганія производится соприкосновеніемъ глазного яблока съ внутреннею поверхностію верхняго вѣка и служитъ для выдѣленія слезы, или глазной влаги, и очищенія яблока. Такое же рефлективное движеніе производитъ свѣтъ, заставляя зрачекъ расширяться и съуживаться.

4) Существуетъ стремленіе чисто рефлективнаго свойства дѣлать мускульное движеніе въ томъ или другомъ направленіи, коль скоро для этого данъ какой либо стимулъ. Въ обезглавленной лягушкѣ щипаніе ноги производитъ отдергиваніе. Предметъ, помѣщенный въ открытой рукѣ спящаго, заставляетъ руку закрыться. Прикосновеніе къ щекѣ ребенка заставляетъ его смѣяться. Отвѣданіе какого нибудь блюда, производя общее ощущеніе, болѣе всего возбуждаетъ мускулы рта. Тоже самое приложимо къ обонянію. Дурной запахъ производитъ искривленіе (судорогу) носовыхъ частей. Весь классъ этихъ и подобныхъ дѣйствій носитъ названіе дѣйствій *сенсо-моторныхъ*.

5) Явленіе, извѣстное подъ именемъ *напряженности*, тона или эластичности мускуловъ. Дознано, что, во время самаго глубокаго сна, въ мускулахъ существуетъ нѣкоторая степень напряженности; только послѣ смерти они совершенно ослабѣваютъ. Опыты, повидимому, свидѣтельствуютъ, что наблюдаемая напряженность мус-

куловъ поддерживается дѣйствіемъ спинного мозга, съ разрушеніемъ котораго исчезаетъ и она.

II. *Большой* или, точнѣе, *головной мозгъ* (cerebrum) есть круглая или овальная масса нервной матеріи, наполняющая полость черепа. Онъ представляетъ собою сложную массу, хотя и допускаетъ нѣкоторыя подраздѣленія съ вѣроятнымъ различіемъ функцій.

Начиная снизу, вещество, смежное съ спиннымъ мозгомъ, есть *продолговатый мозгъ*, о которомъ уже было замѣчено. Всего ближе къ нему находится *Вароліевъ мостъ* (Pons Varolii) или кольцевидное возвышеніе, названный такъ потому, что онъ кольцеобразно охватываетъ основаніе головного мозга или, такъ называемыя, *ножки* его (crura cerebri), лежащія поверхъ продолговатаго мозга. Вещество Вароліева моста состоитъ изъ расположенныхъ вдоль и поперегъ волоконъ бѣлаго вещества, между которыми находится и сѣрое вещество. Относительно бѣловатой части нужно сказать, что она служитъ сообщеніемъ между большимъ мозгомъ и мозжечкомъ-сверху и между продолговатымъ мозгомъ и спиннымъ столбомъ—снизу. Что-же касается сѣраго вещества, то оно должно выполнять нѣкоторыя изъ функцій центра, хоть болѣе спеціальнаго объясненія функцій его доселѣ еще пока дать невозможно.

Мозговыя полушарія, иногда просто называемыя мозгомъ, образуютъ верхнюю и самую большую часть человѣческаго мозга. Они—овальной формы, но съ плоскимъ основаніемъ. Болѣе узкая сторона его обращена впередъ, болѣе широкая находится назади. Онъ раздѣляется, какъ сказано, на двѣ половины, правую и лѣвую, посредствомъ глубокой борозды по окружности, соединяясь лишь небольшой полосой бѣлаго вещества. Поверхность головного мозга изрыта многочисленными извилистыми впадинами и возвышеніями, носящими названіе извилинъ и отдѣляющихся одна отъ другой значительными, хотя и различной глубины, бороздками (sulci). Выпуклая поверхность головного мозга состоитъ изъ слоя сѣраго вещества, иногда менѣе чѣмъ на $^1/_2$ дюйма толщиною. Внутренность этой массы полушарій состоитъ изъ бѣлаго вещества, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ частицъ, въ значительной степени содержащихъ въ себѣ сѣрое вещество.

Эти послѣднія, называемыя маленькими *сѣрыми тѣльцами*, считаются связующимъ центромъ между полушаріями—сверху и основаніемъ или корнемъ—снизу. Весьма вѣроятно, что они способствуютъ умноженію волоконъ, распространяющихся затѣмъ по всей массѣ бѣлаго вещества полушарій. Два изъ этихъ тѣлецъ, обыкно-

венно упоминаемыя вмѣстѣ, суть такъ называемыя полосатыя тѣла (corpora striata) и зрительные бугорки (thalami optici), тѣсно связанные между собою въ срединѣ бѣлаго вещества полушарій. Они содержатъ въ себѣ весьма значительное количество сѣраго вещества.

Третья масса, называемая *четверохолміемъ* (corpora quadrigemina) лежитъ далѣе первыхъ двухъ между большимъ мозгомъ и мозжечкомъ съ задней стороны. Этотъ центръ тѣсно связанъ съ оптическимъ нервомъ и имѣетъ важное значеніе въ области зрѣнія. Въ низшихъ позвоночныхъ, какъ напр. у рыбъ, четверохолміе достигаетъ довольно большихъ размѣровъ, равняясь всему остальному мозгу.

Опираясь на среднее углубленіе четверохолмія, находится особое небольшое коническое тѣло, называемое *мозговой или кегельной железкой* (glandula pinealis), замѣчательное, по мнѣнію Декарта, какъ сѣдалище души.

Функціи полушарій мозга, со включеніемъ связокъ, обнимаютъ все, или почти все, что составляетъ содержаніе ума. Когда полушарія разрушены или повреждены, ощущеніе, эмоція, хотѣніе и пониманіе прекращаются. Движенія еще возможны, но не видно, чтобы они сопровождались сознательностію, или, говоря иначе, чувствомъ и пониманіемъ, а совершаются безъ цѣли и хотѣнія.

Было бы весьма интересно опредѣлить отдѣльныя умственныя функціи по отношенію къ различнымъ частямъ этого обширнаго и сложнаго органа, найти извѣстную связь и соотношеніе тѣхъ или другихъ мозговыхъ частей съ отдѣльными чувствованіями, различными интеллектуальными силами и способностями. Къ этому стремилась френологія, но имѣла сомнительный успѣхъ. Тѣмъ не менѣе, можно съ полною основательностью предположить, что построенный по однообразному плану мозгъ отвѣчаетъ тѣмъ или другимъ функціямъ однѣми и тѣми же своими частями у различныхъ индивидовъ.

Малый мозгъ или *мозжечекъ* (cerebellum) помѣщается сзади и нѣсколько ниже соединенныхъ полушарій большого мозга. Это почти клинообразное тѣло, раздѣленное на двѣ половины, съ связующимъ бѣлымъ веществомъ, называемымъ *червякомъ* или червякообразнымъ соединеніемъ. Подобно полушаріямъ, его наружная поверхность имѣетъ тонкую оболочку изъ сѣраго вещества, увеличиваемаго не клѣточными сплетеніями, но складками, имѣющими форму листковъ или пластинокъ. Внизу мозжечекъ соединяется съ продолговатымъ мозгомъ, а вверху съ полушаріями чрезъ четверо-

холміе; двѣ половинки мозжечка соединяются по бокамъ съ Вароліевымъ мостомъ.

Функціи мозжечка доселѣ еще мало выяснены. Нѣкоторые опыты, произведенные Флурансомъ, показываютъ, что онъ есть центръ ритмическихъ и комбинированныхъ движеній, каковы движенія ходьбы, летанія, плаванія и имъ подобныя. Разрушеніе его у голубей лишало ихъ способности стоять, летать, ходить, прыгать и проч., не прекращая, повидимому, главныхъ мозговыхъ отправленій—ощущенія и воли. Выводъ этотъ отрицалъ Броунъ Секуаръ (Sèquard), ссылаясь на то, что таже самая неспособность направленія и комбинированія движеніями происходитъ вслѣдствіе разрушенія или поврежденія другихъ частей мозгового вещества. Наблюденія того и другого рода заключаютъ въ себѣ долю истины, такъ какъ нервная дѣятельность, проходя извѣстный путь, всегда можетъ быть остановлена, если разрушена какая либо часть линіи. Поэтому, если что, повидимому, установлено наблюденіями, такъ это особенное мѣстное обстоятельство (локальность), направляющее соединеніемъ движеній въ гармоническія и комбинированныя группы съ цѣлію выполненія извѣстныхъ опредѣленій воли.

Нервы.

5. Нервы суть раскинувшіяся или развѣтвившіяся нити, выходящія изъ центровъ и распредѣляющіяся по всѣмъ частямъ тѣла.

Смотря по тому, выходятъ-ли нервы изъ головного, или спинного мозга,—они дѣлятся на *мозговые* и *спинные*. Первые распространяются по головѣ и лицу, выходя разомъ изъ мозга черезъ отверстіе въ скулахъ; послѣдніе же выходятъ изъ спинного ствола въ отверстія между позвонками, выше или ниже, смотря по конечному назначенію нервовъ.

Способъ выхода нервовъ изъ спинного мозга представляетъ собою нѣкоторую особенность. Они выходятъ изъ спины попарно, по одной парѣ между каждыми двумя позвонками; (всего—тридцать одна пара). Каждая пара состоитъ изъ двухъ частей или, такъ называемыхъ, *корешковъ*—передняго и задняго, которые, пройдя нѣкоторое разстояніе, соединяются въ одинъ общій стволъ. Относительно корешковъ замѣчено, что задній изъ нихъ имѣетъ маленькое утолщеніе или наростъ, содержащій въ себѣ сѣрое вещество, тогда какъ передній ничего подобнаго не представляетъ.

6. Главное отправленіе нервовъ состоитъ въ передачѣ возбужденія отъ одной части системы къ другой.

Нервы не производятъ ничего; они, исключительно, служатъ только проведенію или сосредоточенію особаго рода энергіи. Въ концѣ концовъ эта энергія возбуждаетъ мускульную дѣятельность, безъ чего не могъ быть приведенъ въ движеніе ни одинъ мускулъ. Но въ процессахъ мышленія очень многіе нервы совершаютъ круговое движеніе, не возбуждая мускульной дѣятельности.

7. Кругъ дѣятельности нервовъ предполагаетъ два класса ихъ: нервы приводящіе—чувствовательные и отводящіе—двигательные. Эти послѣдніе, обыкновенно, соединяются въ одномъ и томъ-же стволѣ, первые-же представляются раздѣленными на два корешка спинныхъ нервовъ.

Нервное возбужденіе не передается безразлично взадъ и впередъ одними и тѣми-же волокнами. Одинъ классъ нервовъ употребляется для сообщенія возбужденія внутрь, какъ, напримѣръ, въ ощущеніяхъ; другой классъ—для передачи возбужденія во внѣ, какъ, напримѣръ, въ хотѣніи. Далѣе, въ самыхъ спинныхъ нервахъ существуетъ также нѣкоторое различіе. Открытіе Чарльса Белля сдѣлало извѣстнымъ, что задніе корешки, отличающіеся небольшимъ утолщеніемъ, суть, исключительно, нервы ощущенія; передніе-же суть, исключительно, нервы движенія. Было-бы весьма интересно прослѣдить дальнѣйшее направленіе нервовъ въ центрахъ, что-бы вывести изъ какихъ центровъ получаются чувствовательныя волокна, изъ какихъ двигательныя, что могло-бы послужить первоначальнымъ ключомъ для настоящей, истинной френологіи.

Головные нервы почти всѣ чисты. Первоначально они дѣлятся на девять паръ, изъ которыхъ нѣкоторыя допускаютъ дальнѣйшія подраздѣленія, такъ-что всѣхъ паръ въ концѣ концовъ образуется двѣнадцать.

Первая пара — нервы *обонятельные*, *вторая* — *зрительные*, *третья*, *четвертая* и *шестая* пары относятся къ глазнымъ мускуламъ и заправляютъ *движеніями* глаза; *пятая* пара имѣетъ двоякое назначеніе: заключаетъ въ себѣ двигательную вѣтвь, входящую въ мускулы жеванія, и чувствовательную, связанную съ чувствительностью лица и *вкусовыми* нервами, (или, что то-же, нервами языка); *седьмая* пара—нервы двигательные и обнимаетъ лицевые мускулы; *восьмая* пара—*слуховой* нервъ; *девятая* образуетъ

чувствовательныя волокна языка и глотки, (будучи вторымъ вкусовымъ нервомъ), и двигательныя волокна глотки или устье пищепроводнаго канала; *десятая*, называемая пневмо-гастрическою, относится къ гортани, легкимъ, печени и желудку и служитъ средоточіемъ обширной области чувствительности; *одиннадцатая*, называемая *спинною*, *добавочною* (Виллизовъ нервъ), служитъ нервами движенія; *двѣнадцатая* пара, (подъязычная), служитъ двигательнымъ нервомъ языка.

КНИГА I.

Движеніе, чувство и инстинктъ.

ГЛАВА I.

Движеніе и мускульныя ощущенія.

1. Мускульныя ощущенія, сходныя съ ощущеніями внѣшнихъ чувствъ, образуютъ первичные источники ощущенія и познанія и занимаютъ особое мѣсто въ разрядѣ органовъ. Характеристическая особенность ихъ сводится къ сознательности активной энергіи.

Самая основная противоположность, существующая между ощущеніями человѣка, есть противоположность активнаго и пассивнаго. Движеніе веслами даетъ ощущеніе дѣятельности или энергіи; принятіе теплой ванны производитъ сознательность пассивнаго свойства. Такая противоположность въ характерѣ ощущеній обусловливается, повидимому, самою нервной системой: выходящіе нервы, съ ихъ нервными центрами, связаны съ способностью движеній, или активностью; входящіе же нервы, равно и отвѣчающіе имъ центры, связаны съ ощущеніемъ, или пассивностью.

Но мускульныя ощущенія должны образовать собой классъ, не только отличный отъ прочихъ ощущеній, въ силу указаннаго основанія, но и должны быть разсматриваемы *прежде* другихъ чувствъ. Причина этого заключается въ томъ, что движеніе предшествуетъ

ощущенію, и первое проявленіе его совершается независимо отъ какого-либо внѣшняго стимула и что, далѣе, движеніе есть болѣе основное и коренное свойство нашей природы, чѣмъ какое либо изъ нашихъ ощущеній, и, дѣйствительно, входитъ, какъ составная часть, въ каждое изъ пяти чувствъ, придавая имъ характеръ сложности, само же оставаясь простымъ и первичнымъ качествомъ.

О мускульной системѣ. Тѣлесныя движенія выполняются посредствомъ вещества, называемаго мускулами. Вещество это состоитъ изъ очень тонкихъ волоконъ, соединенныхъ въ отдѣльныя массы, весьма разнообразныя по формѣ. Каждая масса образуетъ извѣстный мускулъ. Основное свойство мускульнаго вещества—*сократимость* или сильная сжимаемость волоконъ подъ дѣйствіемъ извѣстнаго стимула, вслѣдствіе чего извѣстный мускулъ укорочивается и слѣд. связанные съ нимъ кости соединяются. Для примѣра возьмемъ мускулъ ноги теленка:—широкая круглая масса мяса оканчивается сверху и снизу твердымъ бѣлымъ волокнистымъ веществомъ, называемымъ *сухожиліемъ*, посредствомъ котораго мускулъ соединяется съ костями; верхнее сухожиліе соединено съ голенью ноги, нижнее—съ пяткой, или основаніемъ; сокращеніе мускула влечетъ пятку по направленію къ голени, стягивая или съуживая линіи голени и ступни и, такимъ образомъ, приводитъ тѣло въ движеніе.

Первичныя простыя волокна мускуловъ, называемыя волоконцами (fibrillae)—менѣе 0,0001 дюйма въ діаметрѣ, состоятъ изъ ряда прямоугольныхъ частичекъ, которыя при сокращеніи мускула дѣлаются короче и толще. Волоконцы эти соединяются въ связки, толщиною около $^1/_{100}$ дюйма, называемыя уже волокнами; послѣднія соединяются въ новыя связки большихъ размѣровъ, или, такъ называемыя, нитки, которыя бываютъ видимы для глаза въ формѣ фибринъ, составляющихъ мясо.

Сокращеніе мускула требуетъ участія нервовъ, изобильно разсѣянныхъ по волокнамъ. Дальнѣйшимъ условіемъ сокращенія служитъ обиліе артеріальной крови. Окисленіе веществъ, находящихся въ крови, есть дальнѣйшій источникъ мускульной силы; кислородъ, входящій въ легкія и пищу, переходя въ желудокъ, представляетъ собой сырой матерьялъ всѣхъ вообще силъ мускульной системы.

2. Наши движенія, по большей части, производятся тѣми или другими ощущеніями, какъ напр. внезапный блескъ свѣта или громкій звукъ, обыкновенно, заставляютъ насъ вздрагивать; но замѣчателенъ фактъ, что движенія возникаютъ и помимо воздѣйствія на

насъ внѣшнихъ предметовъ, въ силу нѣкоторой энергіи самыхъ нервныхъ центровъ, или въ силу чисто внутренняго возбужденія. Такого рода движенія называются *произвольною* дѣятельностію нервной системы.

Этого рода дѣятельностію объясняются очень многія явленія, и сама она составляетъ существенный элементъ воли, доказательствами чего можетъ служить слѣдующее:

1) Мускулы никогда не допускаютъ полнаго ослабленія втеченіе всей жизни. Даже во время глубокаго сна они обладаютъ извѣстною степенью напряженности. Такое состояніе ихъ, называемое *тоничностію*, или тоническимъ сокращеніемъ, возбуждается извѣстными центрами нервной системы. Перерѣзъ нервовъ, или разрушеніе нервныхъ центровъ, приводитъ мускулы въ состояніе слабости. Эти опыты доказываютъ, что, независимо отъ возбужденія извнѣ, къ мускуламъ всегда направляется особый токъ нервной энергіи извнутри.

2) Постоянное сокращенное или запертое состояніе мускуловъ, извѣстныхъ подъ именемъ *сфинктеровъ* (кольцевыхъ сжимательныхъ мускуловъ), есть слѣдствіе подобнаго же рода. Нижняя оконечность пищевого канала замыкается самодѣйствующимъ мускуломъ; если связь съ нервными центрами прекращена, этотъ мускулъ ослабѣваетъ.

3) Дѣятельность, такъ называемыхъ, *непроизвольныхъ* мускуловъ, какъ напр. въ дыханіи, кровообращеніи и движеніяхъ пищевого канала показываетъ, что существуетъ средство для возбужденія движеній, независимо отъ воздѣйствія внѣшнихъ чувствъ. Эти мускулы никогда не перестаютъ работать. Единственное возбужденіе, которое могло бы въ этотъ случаѣ дѣйствовать, это соприкосновеніе приводимаго въ движеніе матерьяла: воздуха—въ легкихъ, крови—въ кровеносныхъ сосудахъ, пищи—въ желудкѣ и кишкахъ; но эти соприкосновенія могутъ быть недостаточны для первичнаго начала движеній. Чѣмъ, напр., вызывается наше первое дыханіе или первый ударъ сердца? Доселѣ, правда, это вопросъ довольно спорный, хотя, конечно, при отсутствіи внутреннихъ органическихъ вліяній, невозможно начало никакой подобной дѣятельности, тогда какъ отсутствіе вліяній, дѣйствующихъ въ внѣшнихъ чувствахъ, не имѣетъ такого значенія.

4) При пробужденіи отъ сна, движеніе часто предшествуетъ ощущенію. Первый симптомъ пробужденія есть общее потягиваніе тѣла, извѣстныя непроизвольныя движенія, протягиваніе ногъ, рас-

крытіе глазъ, расширеніе лицевыхъ складокъ, и затѣмъ уже воскресаетъ воспріимчивость къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ. Нельзя указать рѣшительно никакихъ фактовъ, которые говорили бы, что возбужденіе внѣшнихъ чувствъ неизмѣнно предшествуетъ движеніямъ при пробужденіи. Такимъ образомъ, мы должны признать, что пробужденіе нашей системы состоитъ въ наплывѣ нервной силы къ органамъ движенія, въ каковое время оживаетъ и воспріимчивость чувствъ.

5) Движенія дѣтей, молодыхъ животныхъ, вообще, и, въ особенности, животныхъ, замѣчательныхъ по быстротѣ движеній, доставляютъ намъ новое доказательство. Подвижность ребенка, очень значительна; таже самая черта характеризуетъ дѣтство и раннюю юность. Отчасти мы можемъ приписать ее острымъ ощущеніямъ и эмоціямъ въ ранніе годы. Но это объясненіе не вполнѣ достаточно. Когда чувства совершенно бездѣйствуютъ, дѣтская подвижность обнаруживается весьма сильно, особенно послѣ отдыха и питанія, или же, еще сильнѣе послѣ какого либо стѣсненія или препятствія.

Дѣятельность молодыхъ животныхъ, вообще, и, особенно, тѣхъ, которыя замѣчательны своею подвижностію, (каковы насѣкомыя), особенно говоритъ въ пользу гипотезы автоматичности. Когда котенокъ играетъ шерстянымъ мячикомъ, мы приписываемъ это движеніе внутреннему стимулу самого животнаго, для каковаго стимула мячикъ служитъ лишь только предлогомъ. Точна также, молодая собака, освѣжившись сномъ или насидѣвшись въ заперти, рвется на свободу не потому, что бы была какая нибудь приманка для ея глаза или уха, а потому, что приливъ энергіи проходитъ по всѣмъ ея членамъ; поэтому собака чувствуетъ себя не ловко до тѣхъ поръ, пока накопившаяся энергія не будетъ истрачена на охотѣ или бѣганьѣ. Мы легко отличаемъ этотъ видъ дѣятельности отъ другихъ, которые возбуждаются внѣшнимъ ощущеніемъ или эмоціей, и такое различеніе мы дѣлаемъ всякій разъ, когда разгадываемъ причину движеній и ощущеній животнаго. Когда наѣздникъ называетъ свою лошадь „свѣжей", онъ хочетъ сказать, что естественная энергія лошади не освобождена и стремится обнаружиться. Возбужденіе, вызванное въ лошади ея участіемъ на охотѣ или въ сраженіи, совершенно не то, что непроизвольная стремительность хорошо накормленнаго и мало работавшаго животнаго.

6) Сюда же можетъ быть отнесена дѣятельность болѣзненнаго возбужденія. При особенномъ состояніи нервной системы, движеніе

возникаетъ помимо какого либо возбужденія или въ степени, несоотвѣтствующей возбужденію. Это безспорно свидѣтельствуетъ о томъ, что извѣстное состояніе нервныхъ центровъ способно произвести дѣятельность безъ вмѣшательства органовъ ощущеній. Теперь, если существуетъ болѣзненная самопроизвольность, можетъ существовать и здоровая, подобная той, какую мы видимъ въ бодрости (свѣжести) молодыхъ и сильныхъ животныхъ. Бываютъ случаи, когда невозможно оставаться покойнымъ; внутренній жаръ производитъ силу, остановить или подавить которую бываетъ невозможно. Нѣкоторыя лекарства, какъ, напр., стрихнинъ, производятъ чрезмѣрную самопроизвольность въ формѣ конвульсивныхъ возбужденій и движеній тѣла.

7) Дѣятельность и чувствительность развиваются не въ одинаковомъ отношеніи въ извѣстномъ индивидуальномъ характерѣ; чаще всего онѣ стоятъ въ обратномъ отношеніи. Сильный, неустанно-дѣятельный темпераментъ, обыкновенно, всего менѣе чувствителенъ и менѣе открытъ для тѣхъ или другихъ возбужденій чувствъ. Такой темпераментъ бываетъ результатомъ конституціональной и самовозбуждающей силы. Такъ, встрѣчается не мало индивидовъ, которые любятъ дѣятельность ради нея самой, ищутъ случаевъ для обнаруженія своей энергіи. Таковы—типы неугомоннаго искателя приключеній, неутомимаго путешественника, практическаго дѣятеля, любителя политическихъ волненій. Дѣятельность болѣе впечатлительныхъ натуръ возбуждается тѣми или другими ощущеніями, и когда послѣднія прекращаются, прекращается и она.

Самопроизвольность или стремленіе дѣйствовать независимо отъ постороннихъ вліяній обнаруживается во всѣхъ формахъ мускульной дѣятельности. Между группами произвольныхъ мускуловъ едва ли не самая важная—такъ называемый *локомотивный аппаратъ*, служащій для передвиженій съ одного мѣста на другое. Въ составъ его входятъ оконечности съ ихъ многочисленными мускулами, а также туловище тѣла; въ усиленныхъ движеніяхъ эти органы представляютъ собою скорѣйшее средство для разрѣшенія избытка энергіи, таковы—движенія ходьбы, бѣганья, летанья, или жестикуляціи. Органы *жеванія* образуютъ вторую группу автоматическихъ движеній. *Голосовые* органы—особая и тоже важная группа. Звуки голоса, во многихъ случаяхъ, очевидно, вызываются лишь однимъ обиліемъ центральной энергіи. Утренніе напѣвы птицъ бываютъ самопроизвольны, хотя голосъ болѣе всякой другой дѣятельности способенъ возбуждаться внѣшними вліяніями. *Языкъ* по природѣ очень подви-

женъ: автоматическія движенія его наблюдаются въ дѣтскихъ играхъ и имѣютъ важное значеніе для пріобрѣтенія умѣнья говорить.

Въ ряду низшихъ животныхъ мы имѣемъ замѣчательные примѣры автоматической дѣятельности. Разрушительные органы многихъ животныхъ часто приходятъ въ дѣятельность безъ всякаго внѣшняго стимула, единственно изъ потребности израсходовать лишній запасъ энергіи. Подобно тому, какъ электрическій скатъ, заряжаясь единственно вслѣдствіе питанія, требуетъ періодическаго разряженія ударами о тотъ или другой предметъ, челюсти тигра, жало змѣи, железка паука требуютъ время отъ времени объекта для разрѣшенія своей дѣятельности. Говорятъ, строительная наклонность пчелы и бобра неудержимо обнаруживается даже тогда, когда въ этомъ нѣтъ никакой нужды.

Автоматическая дѣятельность необходимо возвышается и падаетъ соотвѣтственно здоровью и состоянію питанія всего вообще организма; вообще, она обильна при хорошемъ здоровьѣ и слаба во время усталости, голода и болѣзни.

Мускульныя ощущенія.

3. Мускульныя ощущенія бываютъ трехъ родовъ:

1) Ощущенія, соединенныя съ *органическимъ состояніемъ мускуловъ*; таковы—ощущенія, возникающія при поврежденіяхъ, ранахъ, болѣзняхъ, усталости, покоѣ, питаніи.

Большая часть такихъ ощущеній принадлежитъ мускуламъ, наравнѣ съ другими тканями тѣла, и подробнѣе будетъ изложена ниже, въ главѣ объ *ощущеніяхъ органической жизни*. Своею задачею мы имѣемъ здѣсь указать на *активную сторону* нашей природы въ противоположность *пассивной* или воспринимающей. Первая связана съ токомъ силы, идущимъ изнутри, между тѣмъ вторая—съ впечатлѣніями, идущими извнѣ.

2) Ощущенія, связанныя съ *мускульною дѣятельностію*, включая сюда всѣ удовольствія и страданія работы. Эти состоянія преимущественно характеризуютъ мускульную дѣятельность.

3) Распознающая чувствительность мускуловъ или сознательность, возникающая вслѣдствіе различной напряженности органовъ движенія.

Эти душевныя состоянія, обыкновенно безразличныя въ отношеніи удовольствія и страданія, имѣютъ за то громадное значеніе для мышленія. Мускульныя ощущенія, подобно ощущеніямъ вообще, имѣютъ двоякій характеръ: одинъ—въ области собственно чувствительной, выражаемой въ формѣ удовольствія или неудовольствія, другой—въ области мышленія и обнаруживающійся въ способности находить различіе. Обѣ эти стороны можно пояснить на примѣрѣ зрительнаго ощущенія, сравнивъ зрительное впечатлѣніе радуги или горящихъ костровъ съ зрительнымъ впечатлѣніемъ имени какого либо лица или ариѳметическаго числа.

II. Ощущенія мускульной дѣятельности*).

4. Ощущенія этого рода спеціально свойственны одной мускульной системѣ и не могутъ быть вызваны никакою другою частію организма.

Первый и простѣйшій видъ мускульной дѣятельности есть *неподвижное усиліе*, или усиліе не переходящее въ движеніе.

Физическая сторона. Физическія условія мускульнаго напряженія, на сколько они извѣстны, состоятъ въ слѣдующемъ. Здѣсь

---

*) Планъ, которому я буду слѣдовать въ изложеніи отдѣла о мускульныхъ и другихъ ощущеніяхъ, равно и въ отношеніи чувствованій, будетъ состоять въ слѣдующемъ.

Всѣ ощущенія имѣютъ *физическую сторону*, заключающую въ себѣ отношеніе къ нашимъ внѣшнимъ органамъ; ощущенія внѣшнихъ чувствъ, напримѣръ, возникаютъ вслѣдствіе возбужденія соотвѣтствующаго спеціальнаго органа: какъ ощущенія, такъ и эмоціи имѣютъ характеристичное внѣшнее выраженіе, которое дѣлаетъ возможнымъ замѣчать существованіе ихъ постороннему зрителю. Въ описаніе каждаго чувствованія включается нами все, что только извѣстно относительно сопровождающихъ его физическихъ обстоятельствъ.

Чувствованіе въ собственномъ смыслѣ, или *духовная сторона*, имѣетъ свои формы, исчерпываемыя подъ тремя основными аттрибутами духа—чувства, воли и интеллекта. Какъ чувство, оно бываетъ пріятно, мучительно, или нейтрально—*качество*; оно имѣетъ степень, выражающуюся въ интенсивности, —*количество*; наконецъ, оно можетъ имѣть спеціальныя характеристическія особенности. Далѣе, всѣ чувствованія какъ пріятныя, такъ и непріятныя, въ томъ и въ другомъ случаѣ, служатъ мотивами воли; въ этомъ заключается *волевая* сторона ихъ. Наконецъ, когда мы обращаемъ вниманіе на способность различенія, сравненія и запоминанія, мы имѣемъ дѣло съ *интеллектуальными* свойствами, въ каковыхъ чувствованія бываютъ далеко не тожественны, хотя

происходитъ сокращеніе или укорочиваніе мускуловъ въ длину, посредствомъ распространенія или расширенія крайнихъ частицъ, завершающихъ каждое волокно. Чтобы произвести сокращеніе мускула, необходимо, чтобы двигательный нервъ, идущій отъ мозга, направлялся чрезъ выходящіе или двигательные нервы. Другимъ существеннымъ условіемъ сокращенія служитъ присутствіе крови: мускульная энергія возвышается пропорціонально окисленію крови.

Существуетъ очень много непрямыхъ и отдаленныхъ условій мускульнаго напряженія. Усиленное поглощеніе кислорода и выдѣленіе

бы они были сходны между собой въ другихъ отношеніяхъ. Отсюда планъ описанія будетъ таковъ:

Физическая сторона.

a) Тѣлесное происхожденіе, (это главнымъ образомъ касается ощущеній).
b) Тѣлесное распространеніе, выраженіе или воплощеніе.

Духовная сторона.

Свойства *чувствовательныя.*

a) Качество, т. е. удовольствіе, страданіе, безразличіе.
b) Степень.
Въ отношеніи интенсивности или остроты.
Въ отношеніи количества, массы или объема.
c) Спеціальныя характеристичныя особенности.
Волевыя или желательныя свойства:
Вліяніе на волю, или мотивы для дѣятельности.
Интеллектуальныя свойства:
a) Доступность для различенія или сходства.
b) Степень удерживаемости (прочности), т. е. сохраненіе въ умѣ и воспроизводимость.

Замѣтимъ, какъ общее правило, что пріятныя ощущенія сходны между собой по своему физическому обнаруженію или воплощенію, а также по своему вліянію на волю, а именно, побуждая ее дѣйствовать для ихъ продолженія, увеличенія или возобновленія. Подобнымъ образомъ и страданія имѣютъ общее выраженіе и общее вліяніе на волю, заставляя ее дѣйствовать для ихъ устраненія, прекращенія или избѣжанія. Отсюда, на сколько извѣстенъ фактъ пріятности или непріятности извѣстнаго состоянія, два остальные факта вытекаютъ сами собой.

Далѣе, что касается интеллекта, то различеніе, сходство и прочность, до извѣстной степени, бываютъ пропорціональны *степени* ощущенія или силѣ впечатлѣнія. Если это такъ, то степень ощущенія опредѣлитъ вѣроятную природу свойствъ, связанныхъ съ интеллектомъ. Отсюда, въ большинствѣ случаевъ, нѣтъ необходимости проводить описаніе ощущенія по всѣмъ подробностямъ нашего плана. Оно бываетъ необходимо, когда извѣстное ощущеніе обладаетъ какими либо особенностями, составляющими исключеніе изъ упомянутыхъ сейчасъ общихъ законовъ взаимной зависимости его свойствъ. Въ нашемъ изложеніи будутъ даны два или три примѣра подробнаго анализа.

угольной кислоты даетъ больше работы легкимъ, учащая процессъ дыханія. По той же самой причинѣ происходитъ ускоренное сердцебіеніе и кровообращеніе, за которыми слѣдуетъ общее возрастаніе животной теплоты въ организмѣ. Частію отъ накопленія обильныхъ продуктовъ, частію же отъ усиленнаго прилива крови и возрастающей, вслѣдствіе этого, температуры, замѣчается усиленное удаленіе ненужныхъ веществъ посредствомъ кожи. Кромѣ того, значительное требованіе крови мускулами отвлекаетъ ее отъ другихъ органовъ, какъ напр. мозга и желудка, вслѣдствіе чего умственная дѣятельность ослабѣваетъ, и процессы пищеваренія временно пріостанавливаются. Если же питаніе бываетъ достаточно, полная мускульная дѣятельность бываетъ благотворна для животныхъ процессовъ; временный отливъ крови отъ мозга и желудка восполняется съ новой силой. Люди давно знали, что мускульная работа, въ извѣстное время и въ извѣстномъ количествѣ, всегда дѣйствуетъ на здоровье благопріятнымъ образомъ.

Выраженіе или воплощеніе мускульной работы во внѣ производится самими дѣйствующими мускулами и, по стремленію остальныхъ къ гармоніи съ ними,—всей вообще мускульной системой. Характеристическихъ наружныхъ признаковъ мускульной дѣятельности вообще указать нельзя, и только въ случаяхъ, когда эта дѣятельность бываетъ пріятна или непріятна, является то или другое выраженіе, но здѣсь оно бываетъ собственно уже результатомъ удовольствія или страданія.

Духовная сторона. Изъ духовныхъ свойствъ мускульной дѣятельности, разсматриваемой въ формѣ ощущенія, скажемъ прежде всего о *качествѣ*. Наблюденіе показываетъ, что такое ощущеніе бываетъ пріятнымъ, непріятнымъ или безразличнымъ, смотря по общему состоянію организма. Послѣ отдыха и питанія, при хорошемъ состояніи здоровья, начало мускульной дѣятельности въ высшей степени пріятно. Но затѣмъ напряженность удовольствія постепенно падаетъ, доходя до безразличія; а если и послѣ того дѣятельность длится долѣе извѣстнаго времени, наступаетъ страданіе. Обыкновенно физическая работа утромъ и послѣ ѣды доставляетъ извѣстную сумму удовольствія; но въ остальную большую часть дня, для рабочаго ощущеніе дѣятельности становится почти всегда безразличнымъ. Если дѣятельность ограничивается лишь освобожденіемъ отъ избытка накопившейся силы, для большинства людей, внѣ всякаго сомнѣнія, она—одинъ изъ источниковъ удовольствія. Изъ этого закона, само собой, не составляютъ исключенія животныя. Этимъ объясняется

любовь къ физическимъ упражненіямъ вообще, помимо всякихъ расчетовъ выгоды или сохраненія здоровья. Въ различныхъ родахъ охоты и другихъ упражненіяхъ существуютъ и другія причины удовольствія; тѣмъ не менѣе мускульная дѣятельность сама по себѣ есть одна изъ причинъ пріятности подобныхъ занятій.

Что касается *степени* этого удовольствія, то оно скорѣе *массивно*, чѣмъ *остро*, т. е. зависитъ отъ возбужденія большей массы тканей, а не степени ихъ напряженности. Чувствительность мускула подъ неподвижнымъ сопротивленіемъ не очень велика и дѣлается значительною только вслѣдствіе увеличенія въ напряженности и объемѣ, когда множество мускуловъ дѣйствуютъ болѣе или менѣе сильно.

Мы оцѣниваемъ удовольствія прямо, сравнивая ихъ одно съ другимъ въ нашемъ сознаніи; когда напр. мы судимъ, которое изъ двухъ яблокъ слаще, или которая картина лучше. Мы оцѣниваемъ ихъ косвенно, по степени тѣхъ непріятныхъ ощущеній, которыя погашаются даннымъ удовольствіемъ, какъ напр., возстановляя хорошее настроеніе духа послѣ нанесенія обиды или страданія. Тѣлесное упражненіе обладаетъ великой успокоительной силой, проистекающей не исключительно отъ того, что упражненіе служитъ источникомъ удовольствія. Благодаря движенію, кровь оттягивается отъ головного мозга, вслѣдствіе чего мозговое возбужденіе уменьшается, а вмѣстѣ съ нимъ и умственное болѣзненное раздраженіе мало по малу утихаетъ.

Третій пунктъ въ описаніи духовной стороны мускульнаго ощущенія состоитъ въ указаніи на какіе нибудь *специальные* признаки ощущенія, независимо отъ качества и степени. Мы видѣли уже существенную разницу между ощущеніемъ мускульнымъ и ощущеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Этотъ спеціальный признакъ, рѣзко отличающій ощущеніе мускульной дѣятельности, выражаютъ словами „чувство силы“, „чувство потраченнаго усилія“, „чувство препятствія, сопротивленія“ и проч. Оно является особенностію, опредѣляющею положеніе духа, враждебное по отношенію къ пассивнымъ ощущеніямъ и самосознанію въ каждой формѣ; соотвѣтственно этому, оно обнаруживается въ безразличномъ отношеніи къ удовольствію и страданію; удовольствіе можетъ быть возбуждено, но оно не будетъ ощущаться. Эта черта безразличія, соединенная съ сознаніемъ энергіи, составляетъ простѣйшее выраженіе того, что зовутъ *объектомъ* въ противоположность *субъекту*, „не-я“ въ противоположность „я“. Даже удовольствіе дѣятельности и страданіе утомленія возбуждаютъ не неизмѣнныя, а лишь колеблющіяся и переходныя

ощущенія, и это бываетъ только въ промежуткахъ, когда мы ослабляемъ напряженность нашихъ усилій и внутренне обращаемся къ имѣющимъ произойти впослѣдствіи удовольствію или страданію.

Что касается до *волевыхъ* особенностей удовольствія или страданія мускульной дѣятельности, то мускульное возбужденіе подчиняется въ этомъ случаѣ общему закону воли. Какъ и всякое удовольствіе вообще, оно побуждаетъ къ дѣятельности для своего продолженія и увеличенія. Благодаря автоматической дѣятельности, чувство удовольствія не необходимо для перваго возбужденія въ насъ дѣятельнаго состоянія, но оно только побуждаетъ поддерживать дѣятельность, когда она начата.

Разсматриваемое съ *интеллектуальной* точки зрѣнія, мускульное ощущеніе сказывается въ сознаніи различія (вмѣстѣ, конечно, и сходства) и въ воспроизведеніи этого различія въ памяти. Эти свойства на столько важны, что требуютъ отдѣльнаго разсмотрѣнія. Здѣсь мы укажемъ только на одно изъ этихъ свойствъ—на воспроизведеніе удовольствій мускульной дѣятельности, вслѣдствіе чего эта дѣятельность становится предметомъ желаній и стремленій повторять ее. Это есть настоящее интеллектуальное свойство ощущенія. На сколько активныя забавы, разнаго рода охота и упражненія, требующія большихъ мускульныхъ движеній, составляютъ опредѣленный предметъ страстныхъ желаній, на столько они соприкасаются съ мыслію, и на столько высоко выставляется одно изъ вышеуказанныхъ интеллектуальныхъ свойствъ.

Какъ примѣры неподвижнаго сопротивленія, или мертвой напряженности мы можемъ указать на несеніе тяжести, перевозку на тачкѣ или носилкахъ, или выдерживаніе сопротивленія при сдавливаніи, нажиманіи, рукопашной схваткѣ и пр. Нѣкоторое количество движенія не измѣняетъ впрочемъ характера доказываемаго положенія, какъ напр. медленное передвиганіе тяжелой повозки и пр.

6. Напряженность, соединенная съ *движеніемъ*.

Движеніе развиваетъ новый видъ чувствительности, болѣе очевидный, хотя расходуемая сила незначителѣна; обстоятельство, вызывающее такое спеціальное дѣйствіе, вѣроятно, связано съ пассивною чувствительностію мускула.

Съ *физической* стороны все, что намъ извѣстно относительно факта движенія, это то, что движеніе есть безпрерывное измѣненіе мускульнаго напряженія; это напряженіе постоянно измѣняет-

ся и попеременно ослабѣваетъ, вслѣдствіе чего расходуемая энергія не получаетъ опредѣленнаго положенія.

Съ *духовной* стороны, мускульная чувствительность значительно измѣняется въ движеніяхъ *медленныхъ* и *быстрыхъ*.

7. Остановимся сначала на движеніяхъ *медленныхъ*.

Сюда относятся такія движенія, какъ покачиваніе, тихая походка, медленная и неохотная работа, торжественность въ движеніяхъ, рѣчи и пр. Два обстоятельства замѣчательны здѣсь. Ощущеніе расходуемой энергіи здѣсь отсутствуетъ, и, съ этой стороны, самое ощущеніе болѣе приближается къ разряду пассивныхъ ощущеній. Состояніе, тѣсно связанное съ мускульнымъ покоемъ, или реакціей сильному мускульному напряженію, близко подходитъ къ состоянію сна. Однородность тихихъ движеній съ состояніемъ покоя и сна замѣтна въ способности ихъ располагать къ покою и ровному настроенію духа. Тѣсное сродство существуетъ также между ощущеніями тихаго движенія и такими эмоціями, какъ благоговѣніе, торжественная почтительность, волненія нѣжности и страха, входящія въ составъ религіознаго чувства. Отсюда, похоронное шествіе, медленное чтеніе молитвъ, протяжные тоны органной музыки вполнѣ отвѣчаютъ тѣмъ чувствамъ, которыя приличны богослуженію.

8. Движенія, *постепенно возрастающія и ослабѣвающія*, являются источникомъ болѣе пріятныхъ ощущеній, чѣмъ движенія однообразнаго, неизмѣннаго характера. Во всѣхъ видахъ дѣятельности—въ жестикуляціи, танцахъ, рѣчи и видимыхъ движеніяхъ,—мы испытываемъ удовольствіе при постепенномъ ослабленіи (замираніи) движенія. Этимъ свойствомъ объясняется красота кривыхъ линій и закругленныхъ формъ. Объясненіе этихъ явленій лежитъ въ основномъ законѣ относительности или необходимости перемѣнъ для нашей духовной жизни. Постепенное усиленіе или ослабленіе даннаго вліянія—самое лучшее средство противъ монотонности и, слѣдовательно, самое благопріятное для сознательности.

9. Переходимъ къ разсмотрѣнію *быстрыхъ движеній*.

Быстрыя движенія, смотря по тратѣ энергіи, большей или меньшей, производятъ возбужденіе нервной системы; въ этомъ отношеніи они представляютъ собой родъ стимула, подобный громкому звуку или ослѣпительному свѣту. Всѣ духовныя отправленія, совершаются, вслѣдствіе этого, быстро. Пріятность или непріятность движеній этого рода зависитъ отъ условій. Если нервная система свѣжа и здоро-

ва, возбужденіе пріятно и можетъ дойти до опьяненія; въ случаѣ утомленія нервовъ, такое движеніе можетъ быть тягостнымъ и даже разрушительнымъ. При возбужденіи возможно еще третье положеніе, въ которомъ утомленіе устраняется воображаемымъ удовольствіемъ, вознаграждающимъ мускульную систему за имѣющій произойти упадокъ силъ. Мистическіе культы древнихъ, состоявшіе въ дикихъ и иступленныхъ танцахъ въ честь Бахуса и Цереры, основывались на особаго рода иступленіи, которое казалось имъ наслажденіемъ и выражалось бредомъ и бѣшенствомъ. Восточные народы и до настоящаго времени приводятъ себя въ такое же состояніе, вызывая его тѣми же самыми средствами, т. е. порывистыми плясками и музыкой. При значительной быстротѣ, движенія часто возбуждаютъ головной мозгъ до головокруженія и безчувствія.

Такимъ образомъ, движеніе, въ крайнихъ фазахъ медленности и быстроты, не требующее особеннаго усилія, не составляетъ сущности сознательности мускульной энергіи, но обладаетъ лишь только нѣкоторыми побочными свойствами, связанными болѣе съ пассивной, чѣмъ съ активной стороной нашей духовной природы. Если подъ этими видами движенія обнаруживается обширная энергія, случайный характеръ ихъ уступитъ мѣсто собственно сознанію расходуемой мускульной энергіи.

10. Третье положеніе, связанное съ мускульною дѣятельностью составляютъ движенія, которыя не совсѣмъ удачно называются *пассивными*.

Ѣзда въ экипажѣ—самый обыкновенный примѣръ подобнаго рода; покойная ѣзда въ каретѣ—одно изъ пріятныхъ и здоровыхъ удовольствій. Здѣсь мы наблюдаемъ дѣйствіе мускульныхъ стимуловъ, подобныхъ тѣмъ, которые сопровождали медленныя и разнообразныя движенія—результатъ обширной пассивной чувствительности. Д-ръ Арнольдъ присоединяетъ къ этому еще то обстоятельство, что толчки, испытываемые тѣломъ, приводятъ въ движеніе кровь, и такъ какъ движеніе можетъ имѣть только одинъ выходъ, то кровообращеніе тѣмъ самымъ ускоряется. Кромѣ того, не малая доля пріятности и здороваго вліянія ѣзды зависитъ отъ дѣйствія свѣжаго воздуха. Другое духовное вліяніе производится перемѣнной обстановки: глазъ услаждается новизной впечатлѣній, поддерживаемыхъ безъ труда при легкомъ движеніи.

Качающееся кресло, изобрѣтенное американцами, любителями удовольствій мускульной чувствительности,—только другой способъ

добыть удовольствіе движенія. Оно представляетъ собой подражаніе дѣтскимъ качающимся лошадкамъ.

III. Различительная или интеллектуальная чувствительность мускула.

11. Въ каждомъ ощущеніи мы имѣемъ сознаніе степени.

Способность ощущать *больше* или *меньше* при различныхъ обстоятельствахъ есть слѣдствіе нашей способности къ ощущенію вообще. Даже удовольствія и страданія распознаются (различаются) по ихъ интенсивности. Такая перемѣна въ ощущеніи, которую можно назвать *различеніемъ*, есть основа нашей умственной дѣятельности. Какъ чувство пріятнаго или непріятнаго, оно не имѣетъ значенія, но оно необыкновенно важно, какъ начало пониманія. Виды мускульной дѣятельности, различныя степени которой мы сознаемъ, суть слѣдующіе.

12. Во-первыхъ, мы сознаемъ *степень* усилія или затрачиваемой силы, на счетъ которой совершаются извѣстныя движенія.

Мы разсматриваемъ здѣсь чувство мускульной дѣятельности не со стороны удовольствія или страданія—состояній субъективныхъ, но пускаемъ въ ходъ нашу объективную сторону, при которой только и возможно сознаніе степени расходуемой силы. Это состояніе есть чувство *сопротивленія*, которое даетъ намъ понятіе о тѣлѣ, служитъ для насъ мѣрой силы, момента, инерціи или механическихъ свойствъ матеріи. Нѣтъ ни одного чувства въ человѣческомъ духѣ, которое было бы болѣе постоянно и прочно и участвовало бы въ такихъ сложныхъ продуктахъ, какъ разсматриваемое. Держа въ рукѣ извѣстную тяжесть, мы испытываемъ извѣстную трату силы; когда тяжесть увеличивается, мы сознаемъ и возрастаніе траты. Тонкость нашего различенія опредѣляется незначительностію прибавки, которая тѣмъ не менѣе бываетъ способна измѣнить наше сознаніе. Обыкновенно могутъ различать между 39 и 40 унціями.

Чувство постепеннаго сопротивленія испытывается въ задержаніи движеній извѣстнаго тѣла, напр., въ остановкѣ экипажа или въ задержаніи движенія какого либо лица. Подобнымъ образомъ, оно обнаруживается въ приведеніи сопротивляющагося тѣла въ движеніе, каково, напр., копаніе земли, работа весломъ и другія ручныя упражне-

нія; сюда же подходитъ несеніе тяжести. Тоже самое мы наблюдаемъ въ поддерживаніи нашего тѣла. Измѣняющіеся такимъ образомъ опыты во всѣхъ этихъ формахъ состоятъ ни въ чемъ иномъ, какъ въ измѣненіи мускульной сознательности, опредѣляемой количествомъ затрачиваемой энергіи. Добытыя такимъ образомъ впечатлѣнія способны къ сохраненію въ памяти и могутъ быть нами ассоціированы съ другими умственными состояніями, какъ напр. съ ощущеніями цвѣтовыми, слуховыми, осязательными и пр. Такъ, по зрительному впечатлѣнію, мы соединяемъ различную степень сопротивленія: одну—отъ дороги неровной и ухабистой, другую—отъ мощеной и гладкой. Тонкость различенія степеней мускульнаго напряженія помогаетъ намъ во многихъ ручныхъ операціяхъ, какъ напр., въ соразмѣрности ударовъ, въ бросаніи копья въ цѣль, въ созданіи пластическихъ украшеній съ соблюденіемъ извѣстной опредѣленной симметріи.

Мы имѣемъ замѣчательное въ своемъ родѣ сознаніе раздѣльности между дѣйствіями, производимыми различными мускулами, напр. въ обѣихъ рукахъ. Не одно и тоже для насъ, лежитъ ли тяжесть въ той или другой рукѣ; если бы существовало подобное безразличіе, мы очутились бы въ смѣшномъ положеніи—неумѣніи отличить правую руку отъ лѣвой.

13. Во вторыхъ, мускульная дѣятельность можетъ измѣняться въ *продолжительности* усилія; и это измѣненіе сознается нами, какъ отличное отъ измѣненія въ напряженности усилія.

При неподвижномъ сопротивленіи, неизмѣняющемся по степени, мы испытываемъ различныя впечатлѣнія, смотря по его *продолжительности*. Если мы будемъ толкать какое нибудь тѣло $^1/_4$ минуты, а, нѣсколько спустя, начнемъ толкать его $^1/_2$ минуты, то эти два усилія будутъ сознаваться различно. Большая продолжительность предполагаетъ увеличенный расходъ силы въ извѣстномъ видѣ, и такое увеличеніе сказывается въ сознательности. Мы знаемъ, что такое увеличеніе не похоже на увеличеніе интенсивности или силы нашего напряженія. Оба вида увеличенія различаются нами не только въ отношеніи степени, но и какъ два различные способа: одно есть наше ощущеніе и мѣра сопротивленія или силы, другое служитъ для измѣренія времени. Всѣ впечатлѣнія, какъ мускульной энергіи, такъ и впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ, сознаются различно, смотря по большей или меньшей степени ихъ продолжительности.

Оцѣнка продолжительности вызывается, такимъ образомъ, простымъ сопротивленіемъ; но не имъ однимъ. Дѣлая усиліе съ цѣлію произвести движеніе, напр., ударяя весломъ или поднимая съ земли тяжесть, мы замѣчаемъ различныя степени продолжительности движенія. При этомъ мы отнюдь не смѣшиваемъ движенія съ сопротивленіемъ, но сознаемъ оба эти вида отдѣльно.

Теперь, продолжительность движенія сознается нами какъ фактъ отличный отъ продолжительности неподвижнаго сопротивленія. Движеніе органа чрезъ извѣстное пространство служитъ, поэтому, также измѣреніемъ пространства или протяженія. Это составляетъ первую ступень, простое чувственное ощущеніе, въ нашемъ воспріятіи пространства. И хотя съ этимъ основнымъ элементомъ должны сочетаться еще другіе опыты, но онъ остается все таки первичнымъ ингредіентомъ въ образованіи пространственнаго воспріятія.

Простѣйшая форма продолжительности мускульнаго движенія есть движеніе какого либо органа, напр., руки, ноги, въ одномъ направленіи. Такое движеніе отвѣчаетъ *линейному протяженію.* Дальнѣйшее усложненное движеніе производитъ протяженіе въ поверхности, затѣмъ—кубическое. Всѣ эти протяженія въ длину, ширину и высоту имѣютъ одинъ и тотъ же характеръ. Позднѣе эти мускульныя группы вступаютъ въ комбинаціи съ впечатлѣніями осязательными, зрительными, о чемъ подробнѣе будетъ сказано ниже.

14. Въ третьихъ, движенія могутъ быть различны по *скорости*, и мы характеристически сознаемъ это различіе.

То обстоятельство, что одни движенія бываютъ быстры, другія медленны, объясняется различіемъ ихъ по скорости. Когда мы ускоряемъ движеніе руки, мы сознаемъ не только общее увеличеніе усилія съ нашей стороны, но и то, что это увеличеніе происходитъ особеннымъ образомъ, отличнымъ отъ всѣхъ другихъ. Этимъ добавочнымъ усиліемъ съ нашей стороны обусловливается разсматриваемое мускульное различеніе. Оно имѣетъ приложеніе прежде всего въ измѣреніи нашихъ собственныхъ движеній, а затѣмъ примѣняется и къ движеніямъ окружающихъ насъ предметовъ. Кромѣ того, ощущеніе скорости мускульнаго сокращенія служитъ также средствомъ для измѣренія пространства. Увеличеніе скорости, при равенствѣ времени, отвѣчаетъ увеличенію пространства, равно какъ и большая продолжительность при одной и той же

скорости, такъ что большая скорость при одной и той же продолжительности эквивалентна меньшей скорости при большей продолжительности.

ГЛАВА II.

Ощущеніе.

1. Подъ ощущеніями мы понимаемъ психическія впечатлѣнія, чувствованія или состоянія сознательности, происходящія отъ дѣйствія внѣшнихъ предметовъ на какую нибудь чувствительную часть нашего тѣла.

Таковы—ощущенія, возбуждаемыя вкусомъ, обоняніемъ, звукомъ и зрѣніемъ. Они отличаются отъ ощущеній расходуемой мускульною дѣятельностію энергіи и отъ такихъ эмоцій, какъ—страха и гнѣва, которыя не возникаютъ непосредственно изъ возбужденія чувствительной поверхности.

2. Ощущенія классифицируются по ихъ тѣлеснымъ органамъ; отсюда—раздѣленіе ихъ на пять чувствъ.

Различіе *органовъ* сопровождается не только различіемъ *внѣшнихъ предметовъ,* но и нашего *сознанія.* Такъ, объекты зрѣнія совсѣмъ не похожи на объекты звука; сознаніе каждаго имѣетъ свои характеристическія черты, и мы никогда не смѣшиваемъ зрѣнія со слухомъ.

Указанный перечень пяти чувствъ недостаточенъ.

Когда чувства разсматриваются, преимущественно, какъ источники познанія или основаніе ума, указанное число чувствъ исчерпываетъ почти все; но, когда мы разсматриваемъ чувство въ его отношеніи къ удовольствію и страданію, подобный перечень оказывается недостаточнымъ. Голодъ, жажда, полнокровіе, удушье, теплота и различныя состоянія, обусловливаемыя нашимъ физическимъ благосостояніемъ или неблагосостояніемъ, опускаются изъ виду, хотя они обладаютъ характеристическими чертами ощущеній

внѣшнихъ чувствъ, имѣя опредѣленный органъ, опредѣленную дѣятельность и особый видъ сознательности.

Всѣ эти указанныя ощущенія могутъ быть объединены въ одной группѣ ощущеній органическихъ, или ощущеній органической жизни.

Расширивъ, такимъ образомъ, понятіе о внѣшнихъ чувствахъ, полезно отмѣтить раздѣленіе ихъ на два класса, смотря по большей или меньшей важности ихъ въ умственныхъ процессахъ. Разсматривая ощущенія органической жизни, вкуса и обонянія, мы найдемъ, что, въ смыслѣ удовольствія и страданія, или съ точки зрѣнія чистаго чувства, они слишкомъ важны по своимъ послѣдствіямъ, но за то они мало прибавляютъ къ тѣмъ постоянно сохраняющимся формамъ и образамъ, въ которыхъ воплощаются умственные процессы. Эта послѣдняя функція выполняется, главнымъ образомъ, процессами осязанія, слуха и зрѣнія, которые, поэтому, могутъ считаться интеллектуальными ощущеніями, по преимуществу. Но, кромѣ этого главнаго значенія, они отправляютъ и другую функцію, участвуя въ удовольствіяхъ и страданіяхъ нашей эмоціональной жизни.

Ощущенія органической жизни.

Подобно ощущеніямъ вообще, они классифицируются сообразно органамъ или мѣсту ихъ проявленія.

Органическія ощущенія мускуловъ.

3. Пассивныя чувствованія или, собственно, ощущенія, связанныя съ мускулами, главнымъ образомъ, суть страданія поврежденія (ушиба, раны и проч.), страданія и удовольствія утомленія и отдохновенія, покоя.

Когда мускулъ разрѣзанъ, ушибленъ, раненъ или схваченъ судорогой, получается ощущеніе остраго страданія. Мы опишемъ это состояніе, вообще, какъ типическое, одинаковое для всего класса острыхъ физическихъ страданій.

Физическая сторона.—Физическое происхожденіе органическихъ ощущеній мускуловъ обусловливается какъ разрушеніемъ или поврежденіемъ мускульныхъ тканей, такъ и чрезмѣрнымъ раздраженіемъ проходящихъ здѣсь нервовъ.

Внѣшнее выраженіе разсматриваемыхъ ощущеній—разнообразно и заслуживаетъ изученія. *Черты лица* насильственно искривляются, *голосъ* издаетъ пронзительные звуки, все *тѣло* находится въ возбужденіи. Короче сказать, возбуждаются движенія болѣе или менѣе сильно, смотря по степени страданія. Проявляющееся при этомъ рыданіе показываетъ, что возбужденіе распространяется на непроизвольные мускулы и желёзы, что подтверждается точнымъ наблюденіемъ надъ измѣненіями сердца и легкихъ, надъ отправленіемъ пищеваренія, кожи и проч.; всѣ эти измѣненія, по своей природѣ,— угнетающаго или разрушающаго характера.

Духовная сторона.—Въ чемъ состоитъ эта сторона ощущеній, каждый знаетъ по опыту. По качеству, они—мучительны; по степени,—остры или интенсивны. Что касается особенностей характера, то разныя страданія имѣютъ свои особыя названія; таковы страданія: порѣза, обжога, укола, раны, оглушенія, ревматизма и проч.; частнѣйшее различеніе ихъ имѣетъ важность для патологіи.

Сильныя страданія способны возбудить нѣкоторыя духовныя волненія, какъ напр.; печали, страха, гнѣва; переходъ къ тому или другому изъ нихъ обусловливается въ этомъ случаѣ не столько природой страданія, сколько темпераментомъ и обстоятельствами извѣстнаго лица.

Волевой характеръ остраго страданія, по общему закону воли, опредѣляется усиліями облегчить или избѣжать страданія. Таковъ общій фактъ, допускающій, впрочемъ, нѣкоторыя ограниченія. Дѣятельность воли требуетъ нѣкотораго остатка силы въ активныхъ органахъ. Страданіе же скоро истощаетъ энергію, вслѣдствіе чего воля бываетъ парализована всякимъ болѣе или менѣе продолжительнымъ раздраженіемъ. Вотъ почему временное страданіе возбуждаетъ дѣятельность, продолжительная же агонія подавляетъ и уничтожаетъ ее.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, обнаруженія страданія могутъ слиться съ расположеніями и усиліями волевого свойства, направленными къ облегченію боли; усилія эти бываютъ различны, смотря по мѣсту и природѣ страданія.

Интеллектуальная сторона острыхъ физическихъ страданій довольно сложна. Интенсивность возбужденія благопріятствуетъ запоминанію, хотя, въ крайнихъ степеняхъ возбужденности, интеллектуальныя отправленія бываютъ парализованы. Оба указанныя соображенія приводятъ къ тому, что различеніе и прочность (въ воспоминаніи) органическихъ состояній обусловливаются мѣрою или

степенью ощущеній. Воспоминаются они далеко не всѣ одинаково.

Извѣстно, что люди не всѣ одинаково удерживаютъ въ памяти слѣды страданій, такъ же какъ слѣды изучаемаго языка или видѣнныхъ предметовъ; выводы отсюда понятны. Во первыхъ, воспоминаніе страданій создаетъ существенную черту предусмотрительнаго или осторожнаго характера, т. е. благоразуміе; во вторыхъ, оно составляетъ основу сочувствія къ другимъ лицамъ, т. е. симпатіи. Положеніе Сократа, что знаніе есть добродѣтель, можетъ выражать глубокую и важную истину, если знаніе понимать въ смыслѣ дѣятельнаго воспоминанія о хорошемъ и дурномъ. Источникъ добродѣтели лежитъ въ удерживательной (запоминающей) способности ума; но матеріаломъ воспоминанія служитъ не знаніе, а чувство.

Спеціальное мускульное страданіе, извѣстное подъ именемъ *судорогъ* или *спазмъ*, можетъ быть разсматриваемо отдѣльно. Съ физической стороны, судороги суть насильственныя сокращенія мускула, всего или части, возникающія при раздраженіи двигательныхъ нервовъ, заключающихся въ данномъ мускулѣ.

Лучшее средство облегчить страданіе—устранить сокращеніе посредствомъ распущенія или ослабленія мускула до послѣдней возможной степени. Съ духовной стороны, судороги—видъ страданія, опредѣляемаго понятіемъ сокращенія и возникающаго вслѣдствіе сильнаго мускульнаго растяженія. Страданія матки при родахъ—такого-же свойства. Мучительные спазмы встрѣчаются въ мускульныхъ тканяхъ желудка и кишекъ.

Страданія чрезвычайнаго утомленія (усталости) принадлежатъ къ числу острыхъ мускульныхъ страданій. Подобно спазмамъ, они имѣютъ особенный характеръ, связанный съ мускуломъ, а не съ какой-либо другой тканью.

Состояніе *мускульнаго покоя* послѣ обычной усталости есть одно изъ пріятныхъ ощущеній. Впрочемъ, послѣдствіе усталости осложняется другими вліяніями. Обращеніе крови, прежде направленное къ мускульной ткани, теперь возвращается къ другимъ важнымъ органамъ: головному мозгу, желудку и проч.; мускулы же въ это время остаются свободными отъ дальнѣйшей дѣятельности. Обѣ эти причины производятъ удовольствіе не столько остраго, сколько массивнаго характера. Другія сопровождающія обстоятельства не могутъ измѣнить этой особенной чувствительности мускула по отношенію къ отдыху; ощущеніе это таково, что сохраняетъ извѣстное отраженіе энергіи на столько, что—

Даже подъ пепломъ блеститъ его обычный огонь.

Въ отдыхѣ, наступающемъ послѣ извѣстной дѣятельности, существуетъ тѣсное родство со сномъ. Удовольствіе этого рода служитъ наградой за тѣлесный трудъ и усиленную дѣятельность.

Мы можемъ включить въ настоящій отдѣлъ нѣсколько словъ о костяхъ и связкахъ, чувствительность которыхъ, исключительно, обнаруживается въ формѣ остраго страданія отъ поврежденія или болѣзни. Болѣзни и пораненія надкостной плевы имѣютъ острый, мучительный характеръ; ударъ по берцовой кости (голени) причиняетъ острую, разрушительную боль. Разрывъ связокъ—мучителенъ, тогда какъ порѣзаніе ихъ—нечувствительно. Часть мускуловъ, называемая сухожиліемъ, способна испытывать особенно сильныя страданія. Суставы служатъ мѣстомъ мучительныхъ страданій, какъ напр. въ подагрѣ или даже ревматизмѣ.

Органическія ощущенія нервовъ.

4. Будучи центрами всякой чувствительности, нервы составляютъ особый разрядъ ощущеній, происходящихъ отъ органическаго состоянія ихъ собственной ткани. Сюда мы включаемъ острыя возбужденія нервовъ; разслабленія, возникающія изъ нервнаго утомленія и истощенія, и бодрое состояніе свѣжести и возбужденія.

1) *Болѣзни* и *поврежденія* нервовъ причиняютъ особенно интенсивныя страданія, какъ напр. тикъ (судорожное движеніе мускуловъ) и другія невральгическія страданія. Всѣ они относятся къ классу острыхъ страданій. Специфическій характеръ ихъ, какъ ощущеній, нѣсколько отличенъ отъ острыхъ мускульныхъ страданій или страданій другихъ тканей. Но обычный языкъ недостаточенъ, чтобы отмѣтить это различіе.

2) *Нервное утомленіе* или *истощеніе*, причиняемыя чрезмѣрнымъ возбужденіемъ духа и, даже, тѣла, недостаточнымъ покоемъ или питаніемъ, напряженнымъ или продолжительнымъ страданіемъ, могутъ производить невральгическія страданія, хотя и сказываются, въ большинствѣ случаевъ, въ формѣ общаго угнетенія. Это состояніе извѣстно каждому. Съ технической стороны, мы можемъ назвать это страданіе не острымъ, но массивнымъ; сумма его измѣряется сравнительностью и удовольствіемъ, потрачиваемымъ на его нейтрализацію. Слабость, тоска, тяжесть, невыносимая мрачность,

чувство атмосферическаго давленія, мракъ потемокъ—названія для этого рода состояній. Увеличеніе страданій и лишеній производитъ тяжелое состояніе угнетенія, приниженности, если нервы, вообще, свѣжи и здоровы, какъ напр. въ наказаніи молодого преступника; и, съ другой стороны, болѣзненное измѣненіе въ нервномъ веществѣ производитъ подобное же состояніе въ личности, окружонной удовольствіями и застрахованной отъ трудной работы.

3) Ощущенія, возникающія при *здоровомъ* и *свѣжемъ состояніи нервовъ*, служатъ причиной веселости. Это несказанное блаженство совершеннаго здоровья—результатъ хорошаго тѣлосложенія, счастливыхъ обстоятельствъ и условій счастливаго жребія.

Въ умственномъ отношеніи, сохраненіе ощущеній этого рода, какъ и другихъ органическихъ,—слабо и непродолжительно; и только въ случаяхъ довольно впрочемъ опаснаго употребленія возбуждающихъ лекарствъ, природа которыхъ прямо дѣйствуетъ на нервное вещество, это сохраненіе бываетъ лучше.

Органическія ощущенія кровообращенія и питанія.

5. Хотя изолировать отдѣльныя органическія вліянія, въ ихъ дѣйствіи на душу, довольно трудно, но мы думаемъ, что ощущенія веселости и угнетенія, связанныя съ кровообращеніемъ и питаніемъ, суть ощущенія особаго рода.

Страшныя состоянія *жажды* и *отощанія* возникаютъ прежде всего отъ недостатка въ крови необходимыхъ элементовъ; разстройство же органовъ вообще должно быть приписано ядовитости этихъ элементовъ.

Жажда не всецѣло локализируется въ желудкѣ, равно какъ и отощаніе отлично отъ голода; оба описываемыя состоянія, разсматриваемыя съ духовной стороны, суть виды страданія, хотя и не обладаютъ остротой, свойственной острымъ болямъ въ собственномъ смыслѣ, но во всякомъ случаѣ они болѣе, чѣмъ простое уныніе и въ тоже время весьма обширны по объему или, что тоже, массивны. Отощаніе представляется въ формѣ гнетущаго состоянія истощенія (потери силъ), соединеннаго съ острымъ раздраженіемъ разстроенныхъ органовъ.

Ощущеніе, связанное собственно съ кровообращеніемъ, возникаетъ вслѣдствіе продолжительнаго пребыванія въ одномъ какомъ

либо положеніи—сидѣнія или лежанія. Кровообращеніе, будучи задержано, влечетъ за собой болѣзненное чувство, побуждающее къ перемѣнѣ положенія; оно причиняетъ большое неудобство для лицъ дряхлыхъ или разслабленныхъ и служитъ источникомъ новыхъ заболѣваній.

То, что мы сознаемъ хорошее и дурное состояніе здоровья, должно зависѣть, съ одной стороны, отъ соотношенія между кровью и нервными тканями, съ другой—отъ сообщенія тканямъ питательности, хотя указать точныя пропорціи того и другого вліянія мы не имѣемъ данныхъ.

Мягкій, неповоротливый, полнокровный темпераментъ, въ своемъ особомъ умственномъ тонѣ, обусловливается скорѣе кровообращеніемъ и питаніемъ, нежели качествомъ нервовъ.

Ощущенія дыханія.

6. Въ легкихъ происходитъ взаимный обмѣнъ кислорода и угольной кислоты. Всякое нарушеніе или измѣненіе этого обмѣна сопровождается извѣстнымъ ощущеніемъ, которое и называется ощущеніемъ дыханія. Крайняя форма страданія—удушье; противоположное состояніе есть пріятная свѣжесть или веселость.

Кислородъ составляетъ нашу воздушную пищу; наши жизненныя силы измѣряются количествомъ поглощаемаго кислорода. Первое условіе процесса дыханія—достаточное изобиліе кислорода, вдыхаемаго легкими. Стѣсненіе дыханія—мучительно, свобода—пріятна; среднее состояніе—нейтральнаго свойства.

Характеристическая черта чувствительности легкихъ обнаруживается въ *удушьѣ*. Оно происходитъ отъ недостатка воздуха, напримѣръ при утопаніи, отъ присутствія нѣкоторыхъ вредныхъ газовъ, каковы, напримѣръ, хлоръ или сѣрная кислота, отъ одышки и другихъ болѣзней. Невыносимое ощущеніе, испытываемое въ этихъ случаяхъ, едва ли похоже на какое либо другое. Оно содержитъ въ себѣ нѣкоторый элементъ того мучительнаго страданія, которое мы чувствуемъ при насильственномъ растяженіи мускуловъ, но сильнѣе послѣдняго, и должно быть разсматриваемо какъ процессъ единственный въ своемъ родѣ.

Душнота, незначительная по времени, причиняетъ временный упадокъ силы дыхательныхъ органовъ, выражающійся въ пониже-

ніи голоса, безъ всякихъ другихъ характеристическихъ спутниковъ. При входѣ въ комнату, биткомъ набитую народомъ, ощущеніе это чувствуется немедленно; продолжительное пребываніе въ такой атмосферѣ приводитъ къ состоянію обморока.

Переходъ къ чистой атмосферѣ сказывается свѣжестью, или легкостью дыханія, но мы едва ли можемъ сказать, на сколько мы обязаны въ этомъ случаѣ скорѣйшему окисленію крови въ нервной системѣ и на сколько возбужденію поверхности легкихъ. Крайній случай удушья показываетъ, что состояніе, испытываемое при этомъ, касается спеціальной чувствительности легкихъ; отсюда мы предполагаемъ, что нѣкоторая часть ощущенія перемѣнъ въ воздухѣ локализируется въ легкихъ.

Ни безпрерывность одного и того же состоянія воздуха, ни весьма медленное измѣненіе его не сопровождаются ощущеніемъ, — фактъ, доказывающій собой всеобщее условіе сознательности, состоящее въ переходѣ отъ одного состоянія къ другому.

Ощущенія тепла и холода.

7. Измѣненія температуры производятъ особыя ощущенія, испытываемыя всѣми частями тѣла, хотя большую чувствительность въ этомъ отношеніи проявляетъ кожа.

Дѣйствіе холода и жара сказывается на органическихъ функціяхъ. Волосныя отправленія подпадаютъ этому дѣйствію первыя; холодъ стягиваетъ сосуды, отъ жара же они расширяются. Сокращеніе сосудовъ останавливаетъ приливъ крови и уменьшаетъ питаніе отдѣльныхъ членовъ, производя общую органическую тяжесть и неудобство. Въ то же время рефлективное возбужденіе въ легкихъ ускоряетъ процессъ дыханія и чрезъ это вводитъ большее количество кислорода, т. е., косвеннымъ образомъ, жизненныя силы возрастаютъ, и временная и мѣстная тяжесть можетъ, въ большей или меньшей степени, быть болѣе чѣмъ искуплена. Тепло производитъ противоположныя слѣдствія. Ощущеніе холода, въ общемъ, мучительно и можетъ быть какъ острымъ, такъ и массивнымъ. *Острый* холодъ дѣйствуетъ подобно порѣзанію или ушибу и имѣетъ тѣ же признаки, которыми характеризуется всякое острое физическое страданіе; разрушеніе ткани и поврежденіе нерва принадлежатъ къ этой же группѣ страданій. *Массивное* ощущеніе холода, выражаю-

щееся въ ознобѣ и дрожи, можетъ дойти до крайняго окочененія.

Ощущеніе тепла, при входѣ со стужи, есть одно изъ величайшихъ физическихъ наслажденій. Оно можетъ быть острымъ, какъ при питьѣ теплаго, или массивнымъ. какъ напр. въ ваннѣ или другой какой теплой средѣ. Изъ пассивныхъ физическихъ удовольствій ощущеніе теплоты можетъ служить, кажется, типической формой; другіе виды ощущеній могутъ быть объясняемы черезъ сравненіе съ этимъ ощущеніемъ, какъ напр. живительныя пассивныя эмоціи любви, красоты и проч.

Вышеуказанный принципъ—измѣненія впечатлѣнія, какъ условія сознательности,—рельефно отражается на ощущеніяхъ тепла и холода; ровная температура не производитъ никакого ощущенія.

Ощущенія пищевого канала.

8. Ощущенія этого рода хотя и тѣсно связаны съ вкусовыми, но это не даетъ права на смѣшеніе однихъ съ другими.

Объектами этого ощущенія бываютъ матерьялы, вводимые въ организмъ, какъ пища и питье.

Пища классифицируется различнымъ образомъ. Вода, будучи жидкимъ элементомъ, служитъ проводникомъ. Твердые же роды пищи раздѣляются: на 1) *сахаристыя* вещества, добываемыя изъ растительнаго царства, каковъ сахаръ и крахмалъ; 2) *жировыя* вещества, какъ напр. разныя масла и жиры, включая сюда и алкоголь, 3) *бѣлковыя* вещества, (заключающія въ себѣ азотъ), какъ напр. бѣлокъ, фибринъ, казеинъ, желатинъ и др. Послѣдній родъ веществъ служитъ для возобновленія тканей, которыя, въ большей или меньшей степени, всѣ содержатъ въ себѣ азотъ; тогда какъ остальные роды служатъ, въ большинствѣ случаевъ, исключительно функціей производительной силы, (какъ силы мускульная, нервная и животная теплота), посредствомъ медленнаго горѣнія или окисленія, на которое главнымъ образомъ идутъ бѣлковыя вещества.

9. Опуская физіологію пищеваренія, мы можемъ указать на слѣдующія главныя ощущенія, обязанныя тѣмъ или другимъ состояніямъ пищевого канала,—вкусность и довольство, голодъ, тошноту или отвращеніе и страданія разстроеннаго пищеваренія.

Вкусность и довольство суть пріятныя состоянія ѣды. Измѣ-

няясь вмѣстѣ съ пищеварительною силою системы и качествомъ пищи, ощущенія эти, въ обычномъ порядкѣ, составляютъ важную часть человѣческихъ удовольствій. Первое состояніе, доставляемое вкусностію,—пріятное ощущеніе остраго и значительно массивнаго характера. Волевая энергія, возбуждаемая имъ во всѣхъ животныхъ, служитъ самымъ лучшимъ доказательствомъ его интенсивности, какъ удовольствія. Острое состояніе вкусности слѣдуетъ за болѣе обширнымъ удовольствіемъ насыщенія и локализируется на поверхности желудка; массивность удовольствія тѣсно связана съ пріятной теплотой и возвышеніемъ возбудительныхъ средствъ.

Физическіе спутники *голода*—разстроенное состояніе желудка и недостатокъ питательнаго матеріала въ нервной системѣ. Первые фазисы этого чувства сказываются въ формѣ угнетенія и нездоровья; далѣе идутъ грызущія (gnawing) страданія, ощущаемыя въ желудкѣ и отчасти въ мускулахъ; затѣмъ слѣдуютъ ощущенія болѣе массивныя, возникающія по всей системѣ вообще и свидѣтельствующія о состояніи истощенія или голоданія.

Тошнота и отвращеніе выражаютъ собой какое нибудь значительное разстройство въ отправленіи пищеваренія, подобно удушью въ легкихъ. Непріятныя ощущенія этого разстройства связаны съ актомъ тошноты; страданіе это, въ его крайнихъ степеняхъ, несносно и походитъ на морскую болѣзнь. Ощущеніе это—единственное въ своемъ родѣ. Здоровая привычка правильнаго пищеваренія смѣняется большимъ угнетеніемъ во всемъ и увеличивается острымъ нервнымъ страданіемъ. Память объ этомъ состояніи содержитъ въ себѣ активное воспоминаніе о томъ, отъ чего оно произошло; отсюда, отвращеніе есть терминъ для выраженія самаго сильнаго презрѣнія и противности.

Страданія разстроеннаго пищеваренія многочисленны. Нѣкоторыя изъ нихъ очень остры, какъ напр. спазмы въ какой либо части кишекъ. Многія формы неваренія желудка извѣстны просто какъ производящія тяжелыя состоянія или какъ препятствующія наслажденію здоровымъ столомъ. Неповоротливость членовъ соединяется съ общимъ массивнымъ угнетеніемъ; реакція вызываетъ соотвѣтственную оживленность и подвижность.

Въ настоящій отдѣлъ могутъ быть включены ощущенія, связанныя съ половыми органами, сосцевыми железками, слезной железкой и мѣшечками. Они являются слѣдствіемъ органическихъ процессовъ первой важности; но они вступаютъ въ сложныя соеди-

ненія съ нашими спеціальными эмоціями, и потому рѣчь о нихъ будетъ ниже.

Остаются еще важныя органическія функціи кожи, сопровождающіяся пріятными или непріятными ощущеніями, но о нихъ будетъ сказано въ трактатѣ объ осязаніи.

Чувство вкуса.

1. Чувство вкуса, соединенное съ началомъ пищепроводнаго канала, есть источникъ удовольствія и страданія, доставляемаго пищей, и средство различенія принимаемой пищи.

Предметами вкуса служатъ, главнымъ образомъ, вещества, употреблямыя въ пищу.

Изъ минеральныхъ тѣлъ вода не имѣетъ вкуса. Но большая часть жидкихъ веществъ, а также и тѣхъ твердыхъ, которыя могутъ быть превращены въ жидкость или растворены, имѣютъ вкусъ; уксусъ, обыкновенная соль, квасцы—извѣстные примѣры.

Подобнымъ образомъ, почти всѣ растительные и животные продукты отличаются вкусомъ. Не имѣютъ вкуса лишь немногія вещества, каковы: яичный бѣлокъ, крахмалъ, камедь; большая часть отличается вполнѣ опредѣленнымъ вкусомъ: сахаръ—сладкимъ; хининъ, морфинъ, стрихнинъ, кассія, сажа и пр.—горькимъ; кислоты вообще—кислымъ; горчица, перецъ, перечная мята—ѣдкимъ; алкоголь—жгучимъ.

2. *Органъ* вкуса есть языкъ, а сѣдалище чувствительности—его верхняя поверхность.

Верхняя поверхность языка покрыта видимыми для глаза маленькими бугорками, которые называются сосочками. По величинѣ и формѣ они бываютъ трехъ родовъ. Самые мелкіе и многочисленные это—коническіе или заостренные сосочки; они покрываютъ большую часть языка и исчезаютъ по мѣрѣ приближенія къ основанію его. Слѣдующее мѣсто по величинѣ занимаютъ небольшіе закругленные бугорки, разсѣянные по срединѣ и передней части языка; къ кончику языка число ихъ увеличивается. Самые большіе, числомъ отъ 8 до 15, расположены при корнѣ языка въ видѣ знака V, двумя рядами, образующими уголъ. Бугорки содержатъ

въ себѣ волосные кровеносные сосуды и нервныя нити и суть сѣдалища чувствительности языка.

Языкъ снабженъ двумя различными нервами: вѣтви нерва, называемаго *язычно-глоточнымъ*, распредѣлены въ задней части; развѣтвленія *пятой пары* (личного осязательнаго нерва) проходятъ въ передней части. Слѣдствіемъ этого является чувствительность двоякаго рода; собственно вкусъ связанъ съ первымъ изъ названныхъ нервовъ—язычно-глоточнымъ; горечь ощущается, главнымъ образомъ, заднею частью языка. Говоря вообще, чувствительность языка распредѣлена по всей верхней сторонѣ его,—менѣе на серединѣ и болѣе всего на основаніи, краяхъ и кончикѣ. Вкусъ отъ пищи усиливается по направленію отъ кончика къ основанію, и это служитъ побужденіемъ двигать кусокъ пищи къ задней части языка, пока пища не проглотится.

Растворимость есть необходимое условіе вкуса. Языкъ не долженъ быть сухимъ, или пересохшимъ отъ жажды. Умѣренное давленіе вещества на слизистую оболочку языка увеличиваетъ чувствительность. Вліяніе же холоднаго воздуха парализуетъ чувство вкуса.

Какимъ образомъ возбуждаются вкусовые нервы языка еще неизвѣстно въ точности. Вѣроятно такое химическое дѣйствіе есть результатъ комбинаціи растворенной пищи съ отдѣленіями изъ кровеносныхъ сосудовъ, выстилающихъ сосочки.

3. *Ощущенія* вкуса раздѣляются на три разряда: 1) ощущенія, стоящія въ непосредственной связи съ желудкомъ, или *вкусность*; 2) ощущенія собственно вкуса и 3) ощущенія осязанія.

Что касается первыхъ, то очевидно, что между языкомъ и пищепріемнымъ каналомъ нѣтъ перерыва въ строеніи, и что поверхность ихъ имѣетъ одинаковый характеръ въ отношеніи слизистой оболочки, железъ и сосочковъ. Кромѣ того, независимо отъ собственно вкусового ощущенія, языкъ показываетъ также, будетъ пища годиться для желудка или нѣтъ; на самомъ дѣлѣ языкъ есть начало желудка. Далѣе, то, что мы называемъ вкусностью, отлично отъ вкуса: масло и вареное мясо—вкусности; соль и хининъ—вкусы; вкусность измѣняется съ состояніемъ желудка, превращаясь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напримѣръ, въ морской болѣзни, въ тошноту; вкусъ остается неизмѣннымъ при всѣхъ измѣненіяхъ пищеваренія.

4. Вкусы, стоящіе въ связи съ желудкомъ, суть *вкусности* и *невкусности*.

Вкусности, какъ уже объяснено, суть пріятныя ощущенія, возбуждаемыя тѣми родами пищи, которые носятъ названіе вкусныхъ, какова животная пища и болѣе питательные роды растительной. Сахаръ имѣетъ вкусность и вкусъ. Во рту ощущеніе вкусности болѣе интенсивно и менѣе массивно, чѣмъ въ желудкѣ, хотя послѣднее ощущеніе, по своей массивности, имѣетъ гораздо больше вліянія на общее настроеніе организма. Особенность ощущеній этого рода стоитъ въ связи съ пищевареніемъ. Что оба вида чувствительности не вполнѣ совпадаютъ между собою, видно изъ того, что многія вещества, возбуждающія ощущеніе вкусности во рту, въ то же время неудобоваримы. Сила этого ощущенія измѣряется усиліемъ воли, необходимымъ для его подавленія, или степенью возбужденія, которое оно оказываетъ на актъ питанія. Интеллектуальная сторона ощущеній вкусности довольно слаба. Противоположность пріятнымъ ощущеніямъ вкусности составляетъ чувство *отвращенія*, связь котораго съ желудкомъ и соотвѣтствующимъ ощущеніемъ пищеваренія столь же ясна и характерна, какъ и въ предъидущемъ случаѣ.

5. Къ ощущеніямъ вкуса, въ собственномъ смыслѣ, относятся ощущенія *сладкаго* и *горькаго*.

Типическій образецъ *сладости* это—вкусъ сахара, присутствіе котораго обусловливаетъ сладость плодовъ, хлѣба, молока и вообще предметовъ питанія. Это ощущеніе можно назвать, въ собственномъ смыслѣ, удовольствіемъ вкуса или наслажденіемъ, проистекающимъ изъ благопріятнаго возбужденія вкусовыхъ нервовъ. По степени, это—ощущеніе острое; оно обладаетъ и специальнымъ характеромъ, котораго нельзя описать словами, но который не смѣшивается съ удовольствіемъ какого-либо другого чувства. Волевой характеръ его согласуется съ природой его, какъ удовольствія. Оно болѣе интеллектуально, чѣмъ вообще органическія ощущенія или чѣмъ вкусность; мы лучше можемъ различить его степени и и лучше вспоминаемъ его. Если вкусъ и считается низшимъ изъ пяти чувствъ по своимъ интеллектуальнымъ свойствамъ, то онъ гораздо выше ощущеній органической группы.

Примѣрами *горькихъ* вкусовъ служатъ: хининъ, горчанка, горькое алоэ и сажа. Горечь, а не кислота противоположна сладкому; она, въ полномъ смыслѣ слова,—страданіе вкуса,—состояніе, возни-

кающее за раздраженіемъ или неблагопріятнымъ возбужденіемъ вкусового нерва. Отличительныя черты горькаго отвѣчаютъ отличительнымъ чертамъ сладкаго.

6. Въ третьемъ классѣ вкусовъ является постоянно элементъ, возникающій благодаря нервамъ осязанія. Преобладающій характеръ ихъ—ѣдкость. Сюда относятся вкусы: соленый, щелочный, кислый, или уксусный, вяжущій, жгучій, ѣдкій.

Типическимъ образцомъ *соленаго* вкуса служитъ обыкновенная соль. Она—ни сладка, ни горька, а просто ѣдка (щиплетъ); по всей вѣроятности, это ощущеніе возбуждается нервами пятой пары. Въ нѣкоторыхъ соляхъ ѣдкость соединяется съ особеннымъ вкусомъ; вкусъ аглицкой соли есть соединеніе соленаго и горькаго.

Щелочный вкусъ, напр. въ содѣ, паташѣ, амміакѣ, обладаетъ еще большею ѣдкостью и производитъ болѣе сильное раздраженіе нервовъ; эта ѣдкость доходитъ до степени остраго страданія, какъ скоро дѣйствіе становится разрушительнымъ для ткани.

Кислый, или *уксусный* вкусъ есть самая извѣстная форма ѣдкости, напр. въ уксусѣ. Страданіе отъ кислаго скорѣе похоже на боль отъ обжога, чѣмъ отъ горечи. Удовольствіе, получаемое отъ него, таково же, какъ и въ ѣдкомъ вкусѣ вообще, и должно имѣть тѣ же границы.

Вяжущій вкусъ есть мягкая форма ѣдкости; примѣромъ его служатъ квасцы. Дѣйствіе въ этомъ случаѣ явно лишается чисто-вкусового характера и становится простымъ механическимъ раздраженіемъ нервовъ осязанія. Вяжущія вещества причиняютъ нѣкотораго рода ссѣданіе или сокращеніе поверхности; такой же результатъ получается и тогда, когда на кожѣ высыхаетъ растворъ соли. То, что называется „терпкимъ" вкусомъ, напр. вкусъ танина, относится къ формѣ вяжущихъ вкусовъ.

Жгучій вкусъ горчицы, алкоголя, камфоры и летучихъ маслъ имѣетъ тотъ же самый родовой характеръ, хотя болѣе или менѣе смѣшаный съ собственно вкусомъ. Вкусъ, называемый ѣдкимъ, есть сочетаніе жгучаго или вяжущаго съ горькимъ.

Чувство обонянія.

1. Чувство обонянія, расположенное у входа въ легкія, есть источникъ удовольствія и страданія и служитъ средствомъ различенія по отношенію къ воздуху, вбираемому въ легкія.

Такимъ образомъ, это чувство находится въ непосредственной близости къ органу вкуса, съ которымъ обоняніе часто дѣйствуетъ заодно.

2. *Предметы* обонянія суть газообразныя или летучія тѣла, большая часть которыхъ имѣетъ запахъ.

Главные газы, не имѣющіе запаха, суть элементы атмосферы, т. е. азотъ, кислородъ, водяные пары и углекислота, (содержащаяся въ воздухѣ въ незначительномъ количествѣ). Окись углерода, сѣрная кислота, хлоръ, іодъ, азотистые газы, аммiакъ, сѣрно-фосфорный водородъ и вообще пары кислотъ имѣютъ запахъ. Недавно открытый *озонъ* названъ такъ по издаваемому имъ запаху. Нѣкоторые минераллы производятъ пахучія отдѣленія, каковы: чесночный запахъ мышьяка и запахъ кварца при его раздробленіи. Растительное царство богато запахами; многія растенія различаются единственно этимъ свойствомъ. Животные запахи также многочисленны.

Разсматриваемыя химически, вещества съ пріятнымъ запахомъ принадлежатъ къ водоуглеродамъ; они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ водорода и углерода. Таковы: алкоголь и эфиры, одеколонъ, розовая эссенція и вообще духи. Изъ веществъ съ отталкивающимъ и непріятнымъ запахомъ одинъ классъ содержитъ сѣру въ видѣ сѣрнистаго водорода. Вещества съ самымъ худымъ запахомъ, какія только открыты до сихъ поръ, имѣютъ основаніемъ мышьякъ. Таковъ—*зловонный* рядъ смѣсей, открытыхъ Бунзеномъ, путемъ изученія вещества, издавна извѣстнаго подъ названіемъ „какодила" (жидкости Каде—liquor of Cadet). Типическій примѣръ вещества съ ѣдкимъ запахомъ представляетъ аммiакъ; аналогическій составъ имѣетъ никотинъ,—пахучій элементъ табаку.

3. *Развитію* запаховъ благопріятствуютъ теплота и свѣтъ. Дѣйствіе влаги не одинаково.

Теплота, способная приводить вещества въ состояніе летучести и разложенія,—условіе наиболѣе сильное. Свѣтъ производитъ химическое дѣйствіе. Влага можетъ разлагать твердыя вещества и тѣмъ способствовать ихъ испаренію.

4. Свойство газовъ, называемое *диффузіей*, или взаимопроникновеніемъ, объясняетъ весьма многія явленія въ области запаховъ.

Нѣкоторыя пахучія вещества легки, а потому распространяются быстро и поднимаются высоко, напр. сѣрный водородъ. Аромати-

ческіе и пряные запахи, вслѣдствіе своей силы и стремленія къ расширенію, ощущаются на большихъ разстояніяхъ. Пряные острова Индѣйскаго архипелага даютъ о себѣ чувствовать людямъ, находящимся на морѣ далеко отъ нихъ. Животныя испаренія суть, большею частью, плотные газы и потому распространяются медленно и поднимаются въ воздухѣ невысоко. Лягавая собака, при выслѣживаніи, держитъ свой носъ у самой земли. Нездоровыя испаренія, сильно чувствуемыя у самой земли, бываютъ незамѣтны на высотѣ нѣсколькихъ футовъ. Въ тропическихъ странахъ здоровье охраняютъ, между прочимъ, тѣмъ, что спятъ на нѣкоторой высотѣ надъ землею.

5. *Органъ* обонянія есть носъ, а сѣдалище чувствительности—слизистая оболочка, выстилающая внутреннюю полость носа съ ея развѣтвленіями.

Весь носъ выстланъ слизистой оболочкой; нѣсколько костей, прибавленныхъ къ нему, увеличиваютъ поверхность этой оболочки, благодаря чему чувствительность усиливается. Важенъ также тотъ фактъ въ анатоміи этого органа, что собственно обонятельными нервами весьма богато снабжены только заднія части внутренности носа, а у начала ноздрей ихъ нѣтъ вовсе; здѣсь распространены вѣтви пятой пары, опредѣляющія осязательную чувствительность этого органа.

6. *Способъ дѣйствія* пахучихъ веществъ, повидимому, состоитъ въ процессѣ окисленія.

Факты въ подтвержденіе этого взгляда указаны Грэмомъ (Graham). Пахучія вещества, вообще, таковы, что легко подвергаются дѣйствію на нихъ кислорода, напр. сѣро-водородъ и духи. Газы, не имѣющіе никакого запаха, не подвергаются дѣйствію кислорода при обыкновенной температурѣ; чистый болотный газъ углеводородъ, неимѣющій запаха, добывается въ глубокихъ шахтахъ, гдѣ онъ, въ теченіи геологическихъ столѣтій, былъ въ соприкосновеніи съ кислородомъ. Далѣе, положительно извѣстно, что если, одновременно съ пахучими частичками, въ отверстіе носа не входитъ струя воздуха, содержащаго кислородъ, то ощущенія запаха не бываетъ.

7. *Ощущенія* обонянія дѣлятся, во 1-хъ, на ощущенія, стоящія въ связи съ легкими; во 2-хъ, на собственно обонятельныя; въ 3-хъ, на ощущенія, предполагающія возбужденіе нервовъ осязанія.

Ощущенія, стоящія въ связи съ легкими, могутъ быть обозначены противуположными названіями—*освѣжающіе* и *удушливые* запахи.

Освѣжающіе запахи суть ощущенія бодрости, происходящей вслѣдствіе оживленной дѣятельности легкихъ. Извѣстныя пахучія вещества производятъ такое оживляющее дѣйствіе, напр. одеколонъ, леванда, перечная мята и многіе, хотя и не всѣ, духи; причемъ источникомъ возбужденія нерѣдко бываютъ спирты, употребляемые для растворенія эссенцій. Таковы суть вещества, употребляемыя для оживленія системы, угнетенной атмосферой многолюднаго собранія. Свѣжесть иногда соединяется съ пахучестью, а иногда нѣтъ; запахъ корья возбуждаетъ легкія; запахъ скотнаго двора (коровы) свѣжъ и ароматенъ; мускусъ, вѣроятно, также имѣетъ запахъ возбуждающій.

Спертые или *удушающіе* запахи возникаютъ вслѣдствіе подавленной дѣятельности легкихъ. Испаренія отъ толпы, разложенія животныхъ и растеній, недостатокъ кислорода и скопленіе углекислоты, отъ какихъ бы причинъ это ни происходило, понижаютъ жизненныя силы и сопровождаются угнетающимъ ощущеніемъ, которое, собственно, слѣдовало бы назвать ощущеніемъ легкихъ, но которые мы связываемъ также съ обоняніемъ. Запахъ кухни, гдѣ готовится пирожное, есть запахъ спертый, хотя и пріятный.

Извѣстные запахи, какъ напр. запахъ сѣрнистаго водорода, суть запахи тошнотворные или противные; это указываетъ на связь ихъ съ желудкомъ, хотя не ясно, какого рода эта связь и какими нервами она посредствуется.

8. Съ обонятельною чувствительностью въ собственномъ смыслѣ связаны запахи *благовонные* и противоположные имъ.

Въ примѣръ *пріятныхъ* или *благовонныхъ* запаховъ мы укажемъ на розу, фіалку, апельсинъ, жасминъ и пр. Въ нихъ мы имѣемъ удовольствіе собственно органа обонянія, удовольствіе, получаемое посредствомъ обонятельныхъ нервовъ. Оно бываетъ острое или массивное, соотвѣтственно сосредоточенію или разряженности матеріала; сравните эссенцію, напр., леванды, розмарина съ грядой резеды или полемъ, засѣяннымъ клеверомъ. Съ удовольствіями чистаго обонянія связана извѣстная степень того, что называется утонченностью; извѣстное возбужденіе такъ нѣжно, что можетъ выноситься болѣе или менѣе долгое время безъ противности.

Запахи, противоположные пріятнымъ, обозначаются выразитель-

нымъ названіемъ *зловонныхъ;* менѣе рѣзкое зловоніе называется *дурнымъ запахомъ.* Примѣръ—запахъ вонючей камеди; нѣкоторые изъ отталкивающихъ запаховъ суть запахи тошнящіе и не представляютъ чисто обонятельнаго страданія. Валлеріяна (булдырьянъ), большой крестовникъ, плѣсень стоячаго болота (если ее подавить между пальцами) издаютъ дурной запахъ. Ощущеніе болѣзненнаго раздраженія обонятельныхъ нервовъ рѣшительно всегда имѣетъ характеръ боли. Между многими различными видами дурного запаха есть общій типъ ощущенія.

9. Путемъ возбужденія осязательныхъ нервовъ мы получаемъ ѣдкіе запахи.

Амміакъ (въ пахучихъ соляхъ), никотинъ, горчица, уксусная кислота даютъ начало острому колющему ощущенію, для котораго наилучшее названіе—*ѣдкость.* Весьма вѣроятно, что это ощущеніе происходитъ отъ механическаго раздраженія нервовъ пятой пары: люди, привыкшіе нюхать табакъ, теряютъ чисто обонятельную чувствительность. Общій эффектъ, называемый ѣдкостью, есть видъ нервнаго и умственнаго возбужденія; въ извѣстныхъ границахъ онъ доставляетъ удовольствіе. Громкій звукъ, блескъ свѣта, ускоренная походка производятъ возбуждающее дѣйствіе,—пріятное, если нервы свѣжи и не заняты, и болѣзненное въ противномъ случаѣ.

Спиртные запахи (запахъ алкоголя иароматъ винъ) отчасти—свѣжи и пріятны, а отчасти ѣдки.

Есть запахи, которые можно назвать *острыми;* въ нихъ ѣдкость соединяется съ дурнымъ запахомъ; таковъ, напримѣръ, запахъ каменно—угольныхъ копей.

Запахи во многихъ случаяхъ возбуждаютъ чувственные позывы. Запахъ мяса возбуждаетъ плотоядное стремленіе, что, можетъ быть, зависитъ частію отъ ассоціаціи, частію отъ той связи обонянія съ пищевареніемъ, которая обнаруживается въ тошнящихъ запахахъ. У нѣкоторыхъ животныхъ половое возбужденіе причиняется какъ многими другими ощущеніями, такъ и запахомъ. Здѣсь выражается общій законъ, что одно большое удовольствіе возбуждаетъ другіе виды чувствительности, доставляющіе удовольствіе (см. нѣжныя эмоціи).

Нѣкоторыя тѣла, имѣющія вкусъ, имѣютъ также запахъ. Въ актѣ выдыханія, сопровождающемъ жеваніе, особенно же въ моментъ, слѣдующій за глотаньемъ, пахучія частицы приносятся въ полости носа и производятъ чувство обонянія. Это—такъ называемый *букетъ.*

Корица не имѣетъ запаха, а лишь букетъ, т. е. запахъ, издаваемый въ продолженіи жеванія.

Разсматривая обоняніе съ интеллектуальной точки зрѣнія, скажемъ разъ навсегда, что мы находимъ въ немъ значительный шагъ впередъ, сравнительно если не со вкусомъ, то съ органической чувствительностью. Различительная способность обонянія весьма велика; посредствомъ его мы получаемъ много познаній и много руководимся его указаніями. Но еще выше развито оно въ этомъ отношеніи у многихъ животныхъ, напр. жвачныхъ, у нѣкоторыхъ изъ толстокожихъ, а болѣе всего у плотоядныхъ четвероногихъ. Чутье собаки представляется удивительнымъ.

Способность воспоминанія обыкновенно пропорціональна способности различенія; и въ отношеніи къ запахамъ способность воспоминанія значительна. Сдѣлавъ усиліе, мы можемъ воспроизвести въ умѣ благоуханіе розы, ѣдкость пахучихъ солей или букетъ какой нибудь эссенціи.

Чувство осязанія.

1. Какъ ощущеніе интеллектуальное т. е. дающее знаніе, осязаніе рѣшительно стоитъ выше вкуса и обонянія.

Предметы осязанія—преимущественно, твердыя вещества.

Газы только тогда дѣйствуютъ на осязаніе, когда дуютъ съ большой силой. Жидкости даютъ или слабыя ощущенія, или никакихъ, исключая ощущеній тепла и холода. Необходима нѣкоторая плотность поверхности, въ родѣ той, которая называется твердостью.

2. Чувствующій *органъ* есть кожа или общій покровъ тѣла, включая сюда внутренніе покровы рта, языка и ноздрей.

Составные элементы кожи суть кожица и собственно кожа; сосочки; волосы и ногти; два рода железъ, служащихъ: однѣ—для выдѣленія пота, а другія—жира; кровеносные сосуды и нервы.

Кожица есть защитительный покровъ кожи и сама по себѣ нечувствительна; толщина ея различна: отъ $^1/_{240}$ до $^1/_{12}$ дюйма; всего толще она на подошвахъ ногъ и на ладоняхъ рукъ. *Собственно кожа*, лежащая подъ кожицей и содержащая сосочки, нервы и кровеносные сосуды, есть чувствующій слой. Она покрыта въ различныхъ мѣстахъ бороздами, обусловливающими морщинки на ко-

жицѣ, какъ можно видѣть это на кожѣ руки. *Сосочки* это—маленькіе коническіе бугорки, которыми усѣяна вся поверхность кожи; самыя длинныя и частыя находятся на ладоняхъ, внутренней поверхности пальцевъ и подошвахъ. Высота ихъ на рукѣ—отъ $^1/_{200}$ до $^1/_{100}$ дюйма. Въ нихъ входятъ кровеносные сосуды, а также и нервы; они представляютъ изъ себя средоточіе осязательной чувствительности кожи. Два ряда железъ, расположенныхъ въ кожѣ, служатъ важнымъ очищающимъ органомъ. Въ кожѣ открыты очень маленькія *мускульныя волокна*; они легко возбуждаются холодомъ, и сокращеніе ихъ производитъ въ кожѣ дрожь.

3. *Дѣйствіе* въ осязаніи есть простое давленіе.

Прикосновеніе плотнаго тѣла сдавливаетъ кожу и, чрезъ посредство ея,—нервныя нити, заключенныя въ сосочкахъ.

4. *Ощущенія* осязанія могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: эмоціональныя и интеллектуальныя ощущенія осязанія въ собственномъ смыслѣ и ощущенія осязанія, комбинированныя съ мускульнымъ ощущеніемъ.

Первый классъ обнимаетъ ощущенія *мягкаго, острой боли, температуры* и нѣкоторыя другія.

Осязательныя ощущенія мягкаго. Въ этихъ ощущеніяхъ мы предполагаемъ нѣжное прикосновеніе къ кожѣ какой-нибудь протяженной поверхности, напр. нижняго или постельнаго бѣлья. Слѣдствіемъ такого прикосновенія является пріятное ощущеніе незначительной остроты, но при значительной массѣ, когда возбужденію подвергается обширная поверхность. Въ большинствѣ случаевъ пріятнаго прикосновенія этого рода, съ осязательнымъ ощущеніемъ соединяется ощущеніе тѣла, когда, напр., соприкасаются два существа изъ теплокровныхъ или въ случаѣ прикосновенія одной части тѣла къ другой. По общему закону относительности, мы бываемъ нечувствительны къ обыкновенному прикосновенію нашего платья; но переходъ къ наготѣ или обратно даетъ намъ замѣтить нашу чувствительность къ этого рода прикосновенію.

Смѣшанное ощущеніе прикосновенія и тепла сильно обнаруживается въ томъ случаѣ, когда дитя—въ человѣческомъ ли то родѣ, или въ низшихъ породахъ—прижимается къ матери. Теплое прикосновеніе поддерживается съ большою энергіей воли. Оно опредѣляетъ также многіе изъ особенныхъ способовъ выраженія чувствованій у человѣческихъ существъ, напр., прикладываніе пальца или

руки къ устамъ и лицу для выраженія или простого чувственнаго удовольствія, или утѣшенія въ страданіи. Въ роскошномъ отдыхѣ, для рукъ требуется мягкое теплое прикосновеніе.

Острыя и болѣзненныя ощущенія осязанія. Острое, напряженное, рѣзкое прикосновеніе къ кожѣ производитъ, въ извѣстныхъ предѣлахъ, пріятную остроту или возбужденіе; а перейдя предѣлъ,—острую боль физическую. Здѣсь существуетъ строгая аналогія съ тѣми дѣйствіями остроты, о которыхъ мы говорили при разсмотрѣніи предъидущихъ ощущеній. Простое ощущеніе, какъ такое, доставляетъ удовольствіе въ извѣстныхъ предѣлахъ, если нервы свѣжи. Возбужденіе бываетъ радостнымъ для неистраченной нервной силы; а такое возбужденіе и доставляется остротой.

Иллюстраціей острыхъ болей кожи служитъ дисциплина тѣлесныхъ наказаній; предполагается, что форма страданія имѣетъ и волевое значеніе въ моментъ наказанія, и интеллектуальную устойчивость—для будущаго.

Ощущенія температуры. Мы включили ощущеніе тепла и холода въ число органическихъ ощущеній. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ они связаны съ кожей и составляютъ большую, важную статью ея чувствительности. Дѣйствіе перемѣнъ температуры на нервы можно пока считать механическимъ въ виду того, что непосредственное вліяніе такихъ перемѣнъ выражается расширеніемъ и сжиманіемъ ткани. Нѣкоторые предполагаютъ спеціальные нервы тепла и холода, но безъ достаточнаго основанія. Удовольствія и страданія, вытекающія изъ этого источника, охарактеризованы достаточно.

Интеллектуальное значеніе ощущенія температуры заслуживаетъ вниманія. Различительную силу его испытывалъ Веберъ и нашелъ, что она одинакова при высокихъ и при низкихъ температурахъ; мы также хорошо можемъ отличить 14° по Реомюру отъ 14,4° то-же по Реомюру, какъ и 30° отъ 30,4°; она простирается до усмотрѣнія разницы приблизительно на 1° по Фаренгейту. Порядокъ частей, по степени ихъ чувствительности, таковъ: кончикъ языка, вѣки, губы, шея, туловище; таковъ приблизительно, но не точно, порядокъ чувствительности и по отношенію къ осязательнымъ ощущеніямъ.

Другія болѣзненныя ощущенія кожи. Органическая чувствительность кожи даетъ начало различнымъ ощущеніямъ; здоровое состояніе ея есть элементъ нашего физическаго благосостоянія и наоборотъ. Продолжительное сжатіе одной и той же части, задер-

живая кровообращенiе и возбуждая нервы, производитъ массивное безпокойство. Тренiе волосъ, дерганiе за волосы, разрывъ ногтей причиняютъ острыя страданiя.

Другое особенное ощущенiе кожи—щекотъ. О немъ Веберъ замѣчаетъ, что губы, стѣнки носовыхъ отверстiй и вообще лицо, если трогать ихъ перомъ, даютъ своеобразное ощущенiе щекота, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока раздраженную часть не потрутъ рукой. Раздраженiе въ носу оканчивается чиханьемъ. Возбужденiе распространяется до каналовъ железъ, которыя выдѣляютъ содержащееся въ нихъ и тѣмъ увеличиваютъ раздраженiе. Сильное ощущенiе, производимое тѣлами, соприкасающимися съ глазомъ, однородно съ щекотомъ, сопровождающимся выдѣленiемъ изъ железъ, и легко переходитъ въ боль. Почему одни мѣста испытываютъ это ощущенiе, а другiя нѣтъ,—объяснить трудно. Для полнаго обнаруженiя тонкая различительная способность осязанiя не необходима.

5. Интеллектуальныя ощущенiя собственно осязанiя суть ощущенiя *множественности точекъ* и *давленiя*.

Множественность точекъ. Въ интеллектуальномъ превосходствѣ осязанiя есть одна большая особенность: раздѣльность ощущенiй на различныхъ частяхъ кожи. Если поставить на руку вилку о двухъ зубцахъ, то два острiя ея дадутъ два ощущенiя; между тѣмъ какъ въ обонянiи нѣтъ чувства множественности: здѣсь можетъ быть чувство возрастанiя и уменьшенiя въ степени, но цѣлое дѣйствiе бываетъ единичнымъ и сплошнымъ.

При сравненiи различныхъ частей тѣла наблюдается весьма значительное неравенство ихъ въ степени этого различенiя. Опыты, (въ первый разъ произведенные Веберомъ), для опредѣленiя этой степени, состоятъ въ томъ, что двѣ ножки циркуля острiями, притупленными посредствомъ насадокъ изъ сургуча, ставятся на различныя части тѣла, въ различныхъ разстоянiяхъ одна отъ другой и въ различныхъ направленiяхъ. Такимъ образомъ было найдено, что наименьшее разстоянiе, дающее ощущенiе двойнаго прикосновенiя, колеблется между $^1/_{36}$ дюйма и 3-мя дюймами. Въ наблюденiяхъ Вебера разстоянiе колебалось между $^1/_{24}$ дюйма и $2^1/_2$ дюймами. Наиболѣе чувствительное мѣсто—кончикъ языка; по Веберу, здѣсь наименьшее разстоянiе для двойнаго ощущенiя—$^1/_{24}$ дюйма.

Перерывъ множественности измѣняется сообразно съ слѣдующими обстоятельствами. 1) Онъ бываетъ больше въ длину, чѣмъ

въ ширину членовъ; на срединѣ локтевой или плечевой части руки онъ равняется: поперекъ—2 дюймамъ, вдоль—тремъ. 2) Онъ бываетъ больше, если поверхности различны по строенію, напр. внутренняя и внѣшняя поверхности губъ. 3) Если на одну изъ точекъ нажать сильно, то мы перестанемъ отличать другую. 4) Два конца, значительно отдаленные на поверхности, съ большой чувствительностью кажутся еще болѣе отдаленными. Мы убѣдимся въ этомъ, если станемъ проводить циркулемъ по различнымъ частямъ кожи; тогда будетъ казаться, будто концы его раздвигаются на наиболѣе чувствительныхъ органахъ. Языкъ преувеличиваетъ впадины въ зубахъ. 5) Чувствительность бываетъ больше, если мы водимъ ножками циркуля, чѣмъ если держимъ ихъ на одномъ мѣстѣ; разстояніе, дающее при покоѣ ощущеніе одной точки, при движеніи, можетъ дать ощущеніе двухъ точекъ. При осязательномъ распознаваніи поверхности мы обыкновенно проводимъ по ней рукой.

Но когда бы двѣ точки ни производили раздѣльное ощущеніе, мы всегда можемъ вообразить, что одна точка лежитъ на площади, снабженной однимъ отдѣльнымъ нервомъ, а другая на площади, снабженной другимъ нервомъ. Существуетъ извѣстная степень подраздѣленія или развѣтвленія осязательныхъ нервовъ, за которою впечатлѣнія, достигши мозга, сливаются въ одно. Сколько простыхъ нервныхъ нитей содержится въ каждомъ отдѣльномъ нервѣ, на отгадку этого мы претендовать не можемъ; но на кожѣ спины, на срединѣ бедра и локтевой части руки площадь, имѣющая три дюйма въ діаметрѣ, или отъ 6 до 7 квадратныхъ дюймовъ, снабжена однимъ отдѣльнымъ волокномъ. На концѣ пальца отдѣльныхъ волоконъ такъ много, что каждое изъ нихъ снабжаетъ пространство не болѣе $^1/_{10}$ дюйма. Эти отдѣльныя волокна соотвѣтствуютъ всей совокупности обонятельныхъ или вкусовыхъ нервовъ; ибо эти послѣдніе, за возбужденіемъ всей совокупности ихъ, даютъ лишь одно нераздѣльное впечатлѣніе. Если бы мы имѣли два различныхъ органа обонянія и два различныхъ обонятельныхъ нерва, то, въ такомъ случаѣ, мы, вѣроятно, имѣли бы ощущеніе двойственности или повторенія запаховъ, подобно ощущенію двухъ точекъ на кожѣ.

Ощущеніе давленія. Когда прикосновеніе переходитъ въ болѣе или менѣе энергическій нажимъ, мы получаемъ ощущеніе, переходящее границу простого осязанія. Выдѣливъ мускульное сопротивленіе, мы находимъ здѣсь ощущеніе, причиняемое сжатіемъ подкожныхъ частей тѣла вмѣстѣ съ кожею. Это—ощущеніе безразличное.

исключая тѣхъ случаевъ, когда оно доводится до степени острой боли; но, интеллектуально, такъ какъ мы сознаемъ разныя степени его, оно помогаетъ нашему воспріятію механическихъ силъ.

Различеніе давленія, независимое отъ мускульнаго различенія, получается тогда, когда мы кладемъ руку на столъ и кладемъ на нее гири. Этимъ способомъ Веберъ нашелъ, что концы пальцевъ могутъ отличать 20 унцій отъ 19, 2, а локтевая часть руки—20 отъ 18, 7. Эта способность различенія не увеличивается пропорціонально количеству нервныхъ волоконъ, снабжающихъ извѣстную часть кожи.

6. Третій классъ осязательныхъ ощущеній составляютъ тѣ ощущенія, въ которыхъ осязаніе соединяется съ мускульнымъ ощущеніемъ. Сюда относятся ощущенія: *сопротивленія, тяжести и давленія; твердости и мягкости; шероховатости и гладкости;* также—разнообразные виды *протяженія.*

Сопротивленіе, тяжесть и давленіе. Эти ощущенія, какъ уже показано, прежде всего связаны съ мускульной энергіей; большая тяжесть вызываетъ и большую трату мускульной энергіи. Но мы сейчасъ видѣли, что сжатіе кожи и лежащихъ подъ нею частей также служитъ источникомъ этого свойства. Но мускульное различеніе по крайней мѣрѣ втрое превосходитъ осязательное; и, что еще важнѣе, мускульное или активное сознаніе и есть то, что составляетъ для насъ свойство тяжести, давленія или силы. Ощущеніе сжатія руки или какой либо части тѣла, само по себѣ,—ощущеніе субъективное и можетъ быть смѣшиваемо съ чисто субъективными страданіями, напр. при ушибахъ. Ощущеніе истрачиваемой энергіи выражается точно и рѣшительно; оно означаетъ для насъ объективный фактъ механической силы, основное сознаніе того, что мы называемъ веществомъ.

Твердость и мягкость. Мы оцѣниваемъ эти качества также посредствомъ комбинированной чувствительности по отношенію къ давленію. Степень сопротивленія измѣненію формы есть степень твердости. Тонкое различеніе этого свойства входитъ въ разныя ручныя производства, каковы, напр., искусство пирожника, строителя, скульптора и пр. Однако-же мы должны считать сѣдалищемъ его главнымъ образомъ мускульную ткань, которая, сообразно съ ея нервными задатками, можетъ быть неодинаково развита у индивидовъ въ отношеніи различенія. *Эластичность* есть простая разновидность твердости и мягкости; она означаетъ измѣняющееся сопротивленіе, въ связи съ отскакиваніемъ сжатаго тѣла.

Шероховатость и гладкость относятся прежде всего къ области ощущенія множественности точекъ. Палецъ, спокойно лежащій на лицевой поверхности щетки, даетъ ощущеніе множественности щетинъ и мы можемъ судить, мала-ли она и рѣдка, или же многочисленна и часта, до того пункта, когда она становится столь частою, что превосходитъ различающую чувствительность органа. Такимъ же образомъ мы можемъ отличать грубую ворсу отъ мягкой. Но двигая пальцемъ, мы, согласно изложенному выше принципу, увеличиваемъ способность различенія. Третье средство есть органическая чувствительность къ тренію, которое бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ шереховатѣе поверхность; чувствительность этого рода сообщаетъ свѣденія о слѣдующихъ особенностяхъ шереховатостей: ихъ остротѣ или гладкости и имѣетъ точное приложеніе къ полировкѣ, когда цѣлью работы ставится уничтоженіе всякой шереховатости. При распознаваніи качества тканей принимаются въ соображеніе и мягкость и гладкость ихъ; и при этомъ различеніи обнаруживаются большія индивидуальныя различія въ тонкости осязанія, природной или пріобрѣтенной. Мелкость порошковъ и біеніе пульса почти исключительно опредѣляются посредствомъ кожной чувствительности.

Эти осязательныя ощущенія, важность которыхъ заключается въ интеллектуальномъ свойствѣ различенія, имѣютъ также и соотвѣтственную запоминаемость. Мы можемъ вызывать и сравнивать осязательныя идеи, можемъ воображать или построять новыя, хотя съ меньшею легкостью и живостью, чѣмъ въ случаѣ идей зрительныхъ. У слѣпыхъ, внѣшній міръ которыхъ есть міръ осязательный эта память достигаетъ наиболѣе высокой степени развитія.

Протяженіе, форма и пр. Уже было изложено, что протяженіе, самое общее свойство объективнаго міра, основывается на нашемъ сознаніи мускульной энергіи, а не на какомъ-нибудь изъ видовъ пассивнаго ощущенія. Тѣмъ не менѣе, наши два чувства—осязаніе и зрѣніе—играютъ важную роль въ развитіи этого понятія, которое въ высокой степени сложно и вовсе не есть такое простое или элементарное ощущеніе, какъ ощущеніе простого сопротивленія. Чисто мускульная часть разсматриваемаго чувства, или идея протяженія есть движеніе, не встрѣчающее сопротивленія, какъ напр. при размахѣ руки или при движеніи тѣла впередъ въ свободномъ пространствѣ. Мы видѣли, что намъ присуща способность различать продолжительность и ходъ этихъ безпрепятственныхъ движеній. Но способность измѣрять степени и произво-

дить сравненія вспомоществуется осязаніемъ (и зрѣніемъ) и, притомъ, различными путями. 1) Прежде всего, осязаніе (или смѣшанное ощущеніе осязанія и сопротивленія) доставляетъ опредѣленные знаки, показывающіе начало и конецъ размаха, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда мы опредѣляемъ рукой ширину двери или шагами размѣры комнаты. Протяженіе есть антитезисъ сопротивленія или воспрепятствованнаго движенія и чувствуется лишь благодаря присутствію его противоположности, а послѣдняя предполагаетъ прикосновеніе или осязаніе. Единственное реальное понятіе, какое только мы можемъ составить о протяженіи, какъ пустомъ пространствѣ, есть размахъ между двумя сопротивленіями; безконечное пространство, гдѣ уничтожаются точки или предѣлы сопротивленія, есть, поэтому, понятіе неправоспособное, непримѣнимое, невозможное; оно не удовлетворяетъ условіямъ, неразрывно связаннымъ съ этимъ понятіемъ. 2) Затѣмъ, когда рука движется по поверхности, ощущеніе продолженія движенія сопровождается продолженіемъ осязательнаго ощущенія, и показаніе ихъ обоихъ вмѣстѣ—точнѣе, чѣмъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Ощущеніе субъективнаго (собственно осязаніе) присоединяется къ ощущенію объективнаго (истрачиваемой въ формѣ движенія энергіи) и усиливаетъ впечатлѣніе этой чувствительности, не составляя само по себѣ объективнаго базиса. 3) Въ третьихъ, движеніе въ пустотѣ (in vacuo) неспособно показать жизненное различіе между послѣдовательностью и сосуществованіемъ—временемъ и пространствомъ. Теперь, сосуществованіе въ пространствѣ есть составная часть въ созрѣвшей въ насъ идеѣ протяженія. Но это сосуществованіе есть результатъ особыхъ опытовъ, и эти опыты должны доставить намъ внѣшнія чувства. Проводя рукой по неподвижной поверхности, мы, вмѣстѣ съ ощущеніями движенія, получаемъ *послѣдовательный* рядъ ощущеній осязанія; если поверхность разнообразна, какъ въ томъ случаѣ, когда слѣпой читаетъ рукой, ощущенія постоянно измѣняются и воспринимаются въ видѣ опредѣленнаго ряда. Повторите движеніе,—и рядъ повторится; произведите движеніе въ обратномъ направленіи,—и рядъ представится въ обратномъ порядкѣ. Но эта непрерывность неподвижнаго рядоваго порядка означаетъ нѣчто отличное отъ простого продолжающагося движенія, которое не содержитъ элемента неподвижности или устойчивости. Лицо, смотрящее на проходящую мимо процесссію, получаетъ ощущенія, отличныя отъ ощущеній другого лица, которое прохаживается взадъ и впередъ подлѣ одного и того же неподвижно стоящаго тѣла. Таково различіе между временемъ и пространствомъ, на сколько они

познаются изъ комбинированныхъ отправленій движенія и ощущенія. Время или послѣдовательность есть болѣе простой фактъ; сосуществованіе или протяженіе въ пространствѣ есть фактъ сложный; и рядовая неподвижность ощущеній есть одинъ изъ осложняющихъ элементовъ.

Мы различаемъ протяженіе линейное, поверхностное и тѣлесное; различіе между ними опредѣляется сложностью. Линейное протяженіе почти соотвѣтствуетъ простому размаху руки; однако прямое направленіе требуетъ мускульнаго приспособленія. Поверхностное протяженіе, напр. оконнаго стекла, предполагаетъ, вдобавокъ къ предыдущему, еще поперечныя движенія. Кубическое протяженіе представляетъ лишь болѣе высокую ступень сложности. Мы способны не только производить группы мускульныхъ движеній, требуемыя для этихъ трехъ степеней протяженія, но и отличать одну группу ихъ отъ другой: короткую линію отъ болѣе длинной, продолговатую фигуру отъ квадратной и т. д.; и затѣмъ мы способны удерживать или прочно сохранять впечатлѣнія, соотвѣтствующія каждой изъ нихъ. Мы можемъ удерживать и воспроизводить мускульныя движенія, группы и приспособленія, которыя намъ пришлось сдѣлать при осязательномъ изслѣдованіи кубическаго фута; такой футъ означаетъ для насъ, (оставивъ зрѣніе въ сторонѣ), рядъ осязательныхъ ощущеній, вложенный въ рядъ ощущеній мускульныхъ.

Присутствіе двухъ рукъ и пяти пальцевъ на каждой изъ нихъ открываетъ намъ другой, и при томъ болѣе короткій, путь къ опредѣленію поверхности и тѣлесности. Распростертая рука съ ея способностью ко множеству осязательныхъ ощущеній служитъ средствомъ къ распознаванію поверхности; употребленіе обѣихъ рукъ ближе и вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Равнымъ образомъ, тѣлесность опредѣляется посредствомъ сжатія рукой двухъ поверхностей; но еще лучше когда употребляются въ дѣло обѣ руки. Чувство тѣлесности, пріобрѣтаемое чрезъ употребленіе обѣихъ рукъ разомъ, параллельно впечатлѣнію тѣлесности, производимому смотрѣніемъ двумя глазами.

Размѣръ, разстояніе, направленіе, положеніе и форма суть только виды протяженія; все это—мускульные опыты, вспомоществуемые внѣшними чувствами. Размѣръ или величина есть только другое названіе для протяженія. Разстояніе есть протяженіе между двумя точками. Направленіе, разматриваемое математически, есть измѣреніе разстоянія по отношенію къ какой-нибудь точкѣ отправленія. Первичное отношеніе есть отношеніе къ нашему собственному тѣлу; а на-

правленіе состоитъ въ особенныхъ движеніяхъ различныхъ членовъ: въ протягиваніи правой или лѣвой руки, въ быстромъ движеніи руки или тѣла впередъ или взадъ, вверхъ или внизъ. Положеніе есть сочетаніе разстоянія и направленія. Форма есть послѣдовательное положеніе внѣшняго очертанія; мы пріобрѣтаемъ опредѣленныя движенія, соотвѣтствующія различнымъ формамъ—прямая линія, кругъ, овалъ, шаръ, кубъ—и свои воспоминанія о нихъ воплощаемъ въ идеальныя движенія или мускульныя ощущенія съ сопутствующими имъ осязательными моментами.

Такимъ образомъ, въ познаніи протяженія и его видовъ посредствомъ осязанія и перемѣны мѣста, мы уже имѣемъ обширную и сложную массу пріобрѣтеній, охватывающихъ огромное число мускуловъ и громадный аппаратъ связующихъ нервовъ.

Наблюденія надъ слѣпорожденными доставили данныя для сужденія о томъ, на сколько осязаніе можетъ замѣнять зрѣніе какъ въ механическихъ, такъ и въ интеллектуальныхъ операціяхъ. Эти наблюденія показали, что нѣтъ ничего существеннаго для наивысшихъ интеллектуальныхъ процессовъ знанія и мысли, чего нельзя было бы достигнуть при отсутствіи зрѣнія. Неповрежденность двигательнаго аппарата нашего тѣла дѣлаетъ для нихъ возможнымъ пріобрѣтеніе основныхъ понятій пространства, величины, фигуры, силы и движенія, а, при посредствѣ ихъ, постиженіе тѣхъ великихъ, главныхъ фактовъ мірозданія, о которыхъ сообщаютъ намъ математическія, механическія и физическія науки.

Чувство слуха.

1. *Предметы* слуха суть матеріальныя тѣла, находящіяся въ состояніи дрожанія или вибраціи вслѣдствіе полученнаго удара; это дрожаніе дѣйствуетъ на воздухъ, а отсюда на ухо.

Тѣла твердыя и эластическія наиболѣе звучны. Металлы занимаютъ первое мѣсто; затѣмъ слѣдуютъ дерево, камни и глиняные предметы. Жидкости и газы звучатъ слабо, если не ударяются о твердыя тѣла. Завываніе и шухъ вѣтра есть игра вѣтра на земной поверхности, подобно эоловой арфѣ. Въ водопадѣ вода ударяется о воду; а въ громѣ воздухъ ударяется о воздухъ.

2. Ухо, органъ слуха, дѣлится на 1) внѣшнее ухо, 2) тимпанъ, или среднее ухо, и 3) лабиринтъ, или внутреннее ухо.

Первыя два отдѣленія суть прибавки къ третьему, которое заключаетъ въ себѣ чувствующую поверхность.

Наружное ухо состоитъ изъ ушной раковины, усиливающей звукъ посредствомъ отраженія, и слухового прохода, внутренній конецъ котораго замыкается барабанною перепонкой.

Среднее ухо, или тимпанъ, есть узкая, неправильной формы полость, простирающаяся до лабиринта и сообщающаяся съ глоткой посредствомъ Евстахіевой трубы. Оно содержитъ цѣпь маленькихъ косточекъ, простирающуюся отъ внутренней стороны барабанной перепонки до отверстія въ лабиринтѣ; къ этимъ косточкамъ прикрѣплены также нѣкоторые очень мелкіе мускулы. Внутренняя стѣнка тимпана, составляющая наружную стѣнку лабиринта, есть ровная костяная поверхность, заслуживающая упоминанія главнымъ образомъ по своимъ двумъ отверстіямъ—овальному и круглому—изъ которыхъ каждое закрыто перепонкой. Къ овальному отверстію и примыкаетъ цѣпь косточекъ внутреннимъ концомъ своимъ—стременемъ. Изъ мускуловъ наибольшій прикрѣпленъ къ наружной косточкѣ цѣпи или молотку и называется tensor tympani, потому что дѣятельность его состоитъ въ распущеніи и натягиваніи барабанной перепонки. Называютъ еще два или три другихъ мускула, но дѣятельность ихъ не опредѣлена.

Внутреннее ухо, или лабиринтъ, находящееся въ каменистой или твердой части височной кости, состоитъ изъ двухъ различныхъ по строенію частей: костнаго и перепончатаго лабиринта. Костный лабиринтъ представляетъ снаружи полую спиральную раковину, называемую улиткой, и три выдающіяся впередъ кольца, называемыя полукружными каналами. Внутри онъ наполненъ прозрачною жидкостью, которую выдѣляетъ выстилающая его тоненькая оболочка. Онъ содержитъ въ себѣ перепончатый мѣшокъ, по наружному виду соотвѣтствующій извилинамъ костнаго лабиринта и поэтому называющійся перепончатымъ лабиринтомъ; въ этомъ мѣшкѣ заключено жидкое выдѣленіе, и сюда-то входятъ развѣтвленія слухового нерва.

3. *Способъ дѣйствія* въ актѣ слуха состоитъ, въ концѣ концовъ, въ сдавливаніи нитей слухового нерва, посредствомъ сдавливанія жидкихъ элементовъ, помѣщающихся въ лабиринтѣ. Такимъ образомъ, ухо представляетъ собой весьма нѣжный органъ осязанія.

Звуковыя волны, входя въ наружное ухо, ударяютъ въ барабанную перепонку и заставляютъ ее колебаться. Эти колебанія передаются цѣпи косточекъ; послѣдняя косточка этой цѣпи—стремя—даетъ туго-натянутой перепонкѣ овальнаго отверстія соотвѣтствующій рядъ ударовъ, послѣдствіемъ которыхъ является рядъ сжатій жидкихъ элементовъ и сдавливаній слухового нерва; эти сдавливанія, доведенныя до мозга, связываются съ ощущеніемъ звука. Экспериментальное подражаніе механизму уха показало, что устройство его вполнѣ приспособлено къ чуткому слышанію. Барабанная перепонка есть поверхность, превосходно приспособленная къ принятію движеній воздуха; эти послѣднія она, какъ нельзя болѣе удобно, сообщаетъ твердому рычагу, а между твердымъ рычагомъ и слуховымъ нервомъ самая подходящая среда—жидкость. Напряженность и быстрота нервныхъ сжатій стоитъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ напряженностью и быстротою воздушныхъ волнъ. Наибольшая трудность для насъ это—понять, какимъ образомъ одинъ рычагъ можетъ служить посредникомъ при передачѣ большого объема или множественности звуковъ; мы должны предположить, что они передаются одинъ за другимъ посредствомъ необыкновенной быстроты колебательнаго дѣйствія. Сдѣланы попытки отнести различныя степени высоты къ различнымъ частямъ лабиринта, а отсюда, къ различнымъ нервнымъ волокнамъ.

Не вполнѣ дознано въ какихъ случаяхъ и съ какими послѣдствіями приводится въ дѣйствіе tensor tympani. Уоластонъ замѣтилъ, что, когда барабанная перепонка натянута, ухо менѣе впечатлительно къ *глухимъ* звукамъ, напр. къ грому или пушкѣ, и болѣе чувствительно къ звукамъ рѣзкимъ, напр. къ грохоту экипажей или звуку раздираемой бумаги. Судя по этому, дѣятельность tensor tympani, быть можетъ, состоитъ въ предохраненіи уха отъ причиняющихъ боль тяжелыхъ звуковъ, и наоборотъ.

4. *Ощущенія* звука можно раздѣлить на три разряда: 1) общія эмоціональныя дѣйствія звуковъ; 2) музыкальные звуки; и 3) интеллектуальныя ощущенія.

Общія дѣйствія звука могутъ быть разсматриваемы со стороны *качества* (пріятности или непріятности), *напряженности* и *объема* или *количества*.

Пріятность. Термины: пріятный, полный, мягкій, серебристый прилагаются къ пріятнымъ ощущеніямъ чистаго и простого

звука. Извѣстныя вещества, инструменты и голоса однимъ только своимъ тономъ доставляютъ уху удовольствіе и наслажденіе; тогда какъ другіе изъ нихъ бываютъ безразличны, а иные производятъ рѣзкое, грубое дѣйствіе. Особенности въ строеніи уха, связанныя съ этими различіями, до сихъ поръ составляютъ предметъ догадокъ. По аналогіи съ осязаніемъ, мы можемъ предположить, что умѣренное возбужденіе нервовъ слуха—пріятно, а примѣсь сильныхъ возбужденій—непріятна. Гельмгольцъ указываетъ еще на другое обстоятельство, а именно, на гармонію тоновъ, въ отличіе отъ несозвучнаго разнообразія ихъ.

Характеръ пріятныхъ звуковъ состоитъ вообще въ остромъ удовольствіи, какъ этого мы могли ожидать отъ небольшого и чувствительнаго органа. Такъ какъ изъ этого указанія эмоціональныя и волевыя особенности удовольствія звука видны достаточно, то надобно сдѣлать замѣчаніе лишь о его интеллектуальномъ свойствѣ. Въ этомъ отношеніи мы приближаемся теперь къ вершинѣ лѣстницы, если еще не достигли ея; взятыя въ цѣломъ, удовольствія слуха болѣе продолжительны, болѣе устойчивы и легче оживляются въ идеѣ, чѣмъ удовольствія другихъ чувствъ, исключая удовольствій зрѣнія.

Напряжонность, громкость. Всякій звукъ, не слишкомъ громкій, можетъ быть пріятенъ единственно только какъ простое возбужденіе, не производя вышеописаннаго остраго удовольствія. Извѣстная степень громкости переходитъ въ остроту ощущенія,—простое возбужденіе, которое бываетъ пріятно при указанныхъ уже обстоятельствахъ, т. е. при неисчерпанной нервной раздражимости. Громкій звукъ, какъ и всякаго другого рода возбуждающій стимулъ, доставляетъ крѣпкимъ натурамъ и дѣтямъ извѣстнаго рода грубое удовольствіе. Перейдя эти границы, громкость звука переходитъ въ острую боль и служитъ причиной нервнаго истощенія, какъ напр. въ крикѣ попугаевъ, пронзительномъ лаѣ собакъ, крикѣ дѣтей, свисткахъ желѣзнодорожнаго поѣзда. Душевное разстройство больше, когда они *внезапны* и неожиданны.

Объемъ или *количество.* Хотя острота есть общій характеръ слуха, какъ внѣшняго чувства, однако мы можемъ имѣть ощущенія сравнительно объемистыя. Это случается тогда, когда звукъ идетъ отъ звучащей массы, обладающей большою поверхностью или протяженіемъ; таковы, напр., восклицаніе большой толпы, волны многошумящаго моря, громъ, вѣтеръ. Умноженіе звука болѣе пріятно, чѣмъ увеличеніе его напряжонности; возбужденіе возрас-

таетъ, не прибавляя нервнаго утомленія. Исключая внутренней, дѣйствительной пріятности и благозвучія, наибольшія удовольствія звука получаются отъ объемистыхъ дѣйствій.

5. Музыкальные звуки имѣютъ слѣдующія свойства: *высоту, усиленіе* и *ослабленіе, гармонію и диссонансъ.*

Высота или *тонъ.* Это — основное свойство музыкальныхъ звуковъ.

Подъ высотой разумѣется тонкость или грубость звука, опредѣляемая ухомъ; найдено, что высота зависитъ отъ быстроты колебаній звучащаго тѣла или отъ числа колебаній, выполняемыхъ въ данное время. Большая часть ушей можетъ замѣтить различіе между двумя звуками, отличающимися тонкостью или высотою; тѣ уши, которыя не могутъ дѣлать этого до возможно крайней степени, неспособны къ музыкѣ. Самый низкій звукъ, слышимый человѣческимъ ухомъ, по опредѣленію большинства изслѣдователей, происходитъ при 20 колебаніяхъ въ секунду; предѣлъ тонкости для различныхъ индивидовъ различенъ, наивысшій полагается при 73,000 колебаній въ секунду. Крикъ летучей мыши такъ тонокъ, что выходитъ за предѣлы слуха многихъ лицъ. Область слышимыхъ звуковъ, включая самые крайніе, обнимаетъ отъ девяти до десяти октавъ.

Музыкальная нота пріятнѣе, чѣмъ не музыкальный звукъ, происходящій изъ того же источника. Объясненіемъ этого можетъ служить отчасти его чистота, а отчасти то, что онъ уже содержитъ элементъ гармоніи—въ равныхъ промежуткахъ колебаній.

Усиленіе и *убываніе* звука. Прелесть этого особеннаго дѣйствія, сходнаго съ усиліемъ и ослабленіемъ движеній, (стр. 24) хорошо извѣстна. О музыкальныхъ тонахъ говорятъ, что они *замираютъ.* Примѣромъ служитъ завываніе вѣтра. Искусный пѣвецъ умѣетъ извлекать пользу изъ этого свойства звуковъ. Въ нѣкоторыхъ родахъ патетической ораторской рѣчи оно нисходитъ на степень визга или пѣвучести.

Гармонія и *дисгармонія.* Если нѣсколько звуковъ сходятся вмѣстѣ, то можетъ выйти гармонія, дисгармонія, или же они могутъ остаться для насъ безразличными.

Гармонія, какъ извѣстно, возникаетъ изъ отношеній между количествомъ колебаній музыкальныхъ звуковъ: 1 къ 2 (октава), 2 къ 3 (квинта), 3 къ 4 (кварта) и т. д., до извѣстнаго пункта, когда гармонія превращается въ диссонансъ. Гармоническое сочетаніе зву-

ковъ въ ихъ послѣдовательности (мелодія) и совмѣстности (собственно гармонія), съ прибавленіемъ другихъ эффектовъ—времени, выразительности и пр., есть музыкальная композиція. Удовольствія, доставляемыя гармоніей, хорошо извѣстны, но они нѣсколько выходятъ за предѣлы простыхъ ощущеній и захватываютъ сферу высшихъ эмоцій, при изслѣдованіи которыхъ мы сдѣлаемъ нѣсколько дальнѣйшихъ замѣчаній и о гармоніи.

6. Болѣе интеллектуальныя ощущенія звука это — главнымъ образомъ тѣ, которыя связаны съ воспріятіемъ *членораздѣльности*, *разстоянія* и *направленія*. Здѣсь же можно упомянуть также о *ясности* и *тембрѣ*.

Ясность. Это—лишь другое названіе для чистоты; оно значитъ, что звукъ не заглушается и не подавляется смѣшивающими ингредіентами, а выступаетъ раздѣльно. Въ ясности звуковъ заключается и удовольствіе музыки, и воспріятіе значенія. Мы уже сдѣлали предположеніе, что первичная пріятность звуковъ, быть можетъ, заключается въ ихъ чистотѣ, слѣдовательно, и въ ихъ ясности; серебро и стекло замѣчательны какъ по пріятности, такъ и по чистотѣ ихъ тоновъ.

Тембръ, сложеніе или *качество*. Разные вещества, инструменты и голоса, хотя издаютъ одну и ту же ноту и съ одинаковой силой, дѣйствуютъ, однако же, на ухо различно, такъ что узнаются какъ различные. Это называется *тембромъ* или особенностью инструмента. Извѣстные опыты, произведенные Гельмгольцемъ, имѣютъ задачей объяснить это различіе, а вмѣстѣ съ нимъ, и различіе качествъ гласныхъ въ членораздѣльныхъ звукахъ.

Членораздѣльные звуки. Различеніе ихъ есть основа рѣчи.

Согласные вообще отличаются по характерическому сотрясенію, которое каждое изъ нихъ различно производитъ въ ухѣ. Шипящій звукъ *с*, трещащій *р*, гудящій *м* суть очень ясныя средства произведенія разнообразія дѣйствій. Мы можемъ понять, какъ каждый изъ нихъ сообщаетъ слуховому нерву сотрясенія особаго рода. Точно такъ же мы можемъ видѣть основаніе для различенія отрывистыхъ звуковъ *р*, *т*, *к*, отъ безпрерывныхъ или голосовыхъ *б*, *д* и *г* и отъ тѣхъ же звуковъ съ носовымъ оттѣнкомъ *м*, *н* и *нг* Не такъ легко объяснить сотрясенія, производимыя звуками губными, зубными и гортанными; однако же, сравнивъ *п* (губную) съ *к* (гортанною), мы можемъ предположить, что движеніе, произ-

водимое звукомъ *к*, нѣкоторымъ образомъ, сильнѣе, чѣмъ производимое звукомъ *п*.

Гораздо болѣе трудности представляютъ гласные звуки, которые отличаются только способомъ открытія рта во время ихъ произношенія. Гельмгольцъ утверждаетъ, какъ выводъ изъ многочисленныхъ опытовъ, что гласные звуки содержатъ, кромѣ основного тона, еще верхніе или побочные тоны съ двойнымъ, тройнымъ и т. д. числомъ колебаній основного тона и различаются между собою (или имѣютъ свой особенный характеръ), сообразно съ свойствомъ сопутствующихъ элементовъ въ каждомъ случаѣ. Уиллисъ и Каньяръ-Латуръ придумывали способы производить гласные звуки искусственно; а Гельмгольцъ, производя особенныя сочетанія разныхъ простыхъ звуковъ, подражалъ всѣмъ гласнымъ членораздѣльнымъ звукамъ.

Когда основной тонъ слышится одинъ, звукъ имѣетъ характеръ *у* (туго). Въ *о* съ основнымъ тономъ соединяется, ощутительно для слуха, первая октава. *А* (ахъ!) отличается замѣтнымъ присутствіемъ очень высокихъ октавъ.

Разстояніе. О немъ мы судимъ, исключительно, по напряженности звука и можемъ опредѣлять его съ достовѣрностью только для знакомыхъ звуковъ. Одинъ и тотъ же звукъ тѣмъ слабѣе, чѣмъ отдаленнѣе, и, сообразно съ этимъ, мы дѣлаемъ заключеніе. Гдѣ мы не имѣемъ случаевъ сравнивать звукъ на разныхъ извѣстныхъ разстояніяхъ, тамъ наше сужденіе бываетъ ошибочно, какъ напр. въ случаѣ грома или при пушечномъ выстрѣлѣ. Такъ какъ разстояніе ослабляетъ звуки до степени слабаго жужжанія, то встрѣчая звукъ слабый по природѣ, напр. жужжаніе пчелы, мы склонны воображать его болѣе отдаленнымъ, чѣмъ какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Направленіе. У насъ нѣтъ первичнаго чувства направленія; это—пріобрѣтенное воспріятіе, основывающееся на различеніи напряженности и чистоты звуковъ. Одинъ и тотъ же звукъ, при однихъ положеніяхъ головы, бываетъ сильнѣе, чѣмъ при другихъ, и самымъ выгоднымъ направленіемъ бываетъ, безъ сомнѣнія, самое прямое, или линія слухового прохода наружнаго уха.

Разсмотримъ прежде всего случай, когда прислушиваются однимъ ухомъ. Если поворачиваніе головы дѣлаетъ звукъ менѣе громкимъ и раздѣльнымъ, мы заключаемъ, что послѣдній уклонился отъ прямой линіи уха, или отъ перпендикулярнаго направленія къ къ той сторонѣ головы, на которой находится ухо. Если другое

движеніе сообщаетъ ему бóльшую раздѣльность, мы заключаемъ, что прежде онъ находился внѣ этого направленія.

Совмѣстное дѣйствіе обоихъ ушей существенно помогаетъ этому воспріятію. Наибольшее возможное дѣйствіе на правое ухо въ соединеніи съ наименьшемъ дѣйствіемъ на лѣвое служитъ знакомъ того, что звукъ находится на право; одинаковое дѣйствіе на оба уха показываетъ, что звукъ спереди или сзади. Но и въ наилучшемъ случаѣ ощущеніе направленія звуковъ не бываетъ тонкимъ. Мы не легко находимъ въ воздухѣ жаворонка по его голосу и не можемъ точно указать мѣсто шума въ большой комнатѣ.

Чувство зрѣнія.

1. *Предметы* зрѣнія суть почти всѣ вещественныя тѣла.

При извѣстной высокой температурѣ, тѣла становятся самосвѣтящимися; таковы: пламя, раскаленное до красна желѣзо; предполагаютъ, что таковы же и небесныя свѣтила. Другія тѣла, каковы: большое число земныхъ поверхностей, луна и планеты видимы только вслѣдствіе отраженія свѣта отъ тѣлъ самосвѣтящихъ.

2. *Органъ* зрѣнія, глазъ, есть сложное двояковыпуклое стекло въ соединеніи съ чувствующею поверхностью.

Кромѣ частей, составляющихъ глазное яблоко, есть еще разныя важныя добавочныя части. *Брови*—это толстыя дугообразныя возвышенія, повыше глазной впадины, приводимыя въ движеніе мускулами, такъ что они составляютъ часть выраженія лица. *Вѣки* это—двѣ тонкія, подвижныя двойныя крышки, прикрывающія глазъ; каждая верхняя составная часть больше и подвижнѣе внутренней, потому что имѣетъ для этой цѣли мускулы. Длина отверстія у разныхъ лицъ различна и обусловливаетъ величину глаза. У внѣшняго угла вѣки примыкаютъ къ самому глазу; но у внутренняго угла между ними и глазнымъ яблокомъ находится маленькое красное тѣло (слезный мясистый наростъ); а близь этого тѣла въ оба вѣка проникаютъ слезные каналы. *Слезный аппаратъ* состоитъ: 1) изъ железы для отдѣленія слезъ, находящейся въ верхнемъ углу наружной стороны впадины; 2) изъ двухъ каналовъ для принятія жидкости, находящейся на внутренней сторонѣ впадины; и 3) изъ мѣшечка съ идущимъ отъ него каналомъ, по которому слезы проходятъ къ носу. Слезы отдѣляются посредствомъ слезной

железки и затѣмъ изъ подъ вѣкъ выступаютъ на глазное яблоко; послѣ того, омывающая жидкость стекаетъ въ слезной мѣшокъ, а оттуда выходитъ чрезъ носовую полость наружу.

Глазной шаръ, или глазное яблоко помѣщается въ передней части впадины; здѣсь оно прикрѣплено сзади оптическимъ нервомъ, а съ лицевой стороны—мускулами съ вѣками, такъ однако, что можетъ свободно измѣнять свое положеніе. Форма яблока—круглая, но не правильная, въ родѣ того, какъ если бы былъ отрѣзанъ кусочекъ отъ большаго шара и къ нему приложенъ сегментъ меньшаго; меньшій сегментъ—это выдающаяся прозрачная часть, видимая спереди. Исключая особыхъ вліяній, оба глаза смотрятъ приблизительно въ одномъ направленіи; другими словами, оси ихъ почти параллельны.

Глазное яблоко состоитъ изъ трехъ окружающихъ его оболочекъ, составляющихъ его скорлупу, и изъ трехъ прозрачныхъ массъ, называемыхъ влагами и составляющихъ его оптическое двояко-выпуклое стекло. Спереди, его покрываетъ тонкая, прозрачная оболочка, называемая *соединительною*; это просто придатокъ къ нему, составляющій продолженіе слизистой оболочки, выстилающей вѣки извнутри. Красныя полоски на бѣлой поверхности глаза этоего кровеносные сосуды.

Наружная, облегающая оболочка называется *склеротикой* и представляетъ крѣпкую, непрозрачную, твердую, волокнистую структуру; отъ нея зависитъ внѣшній видъ и твердость глазного яблока. Она простирается по всему большому шару до соединенія его съ малымъ впереди. Продолженіе или замѣна ея на прозрачной, выпуклой части глаза есть *роговая оболочка*, также твердая, но только прозрачная. Склеротика составляетъ около $^4/_5$ всей оболочки; роговая оболочка—$^1/_5$.

За склеротикой слѣдуетъ сосудистый слой—оболочка чернаго или темнокоричневаго цвѣта, выстилающая полость глаза до соединенія склеротики съ роговой оболочкой. Она состоитъ изъ различныхъ слоевъ. Снаружи лежатъ два слоя волосныхъ кровеносныхъ сосудовъ, венъ и артерій. Внутри—слой, содержащій черный пигментъ, который доставляется многочисленными кровеносными сосудами. Пигментъ заключенъ въ клѣточки, имѣющія около $^1/_{1000}$ дюйма въ діаметрѣ и тѣсно прижатыя одна къ другой.

Ретина или нервный слой, лежитъ за сосудистою оболочкой, но простирается не такъ далеко впередъ. Она прозрачна, красноватаго цвѣта, которымъ она обязана своимъ кровеноснымъ сосудамъ.

Въ центрѣ ея находится маленькое, овальное, желтое пятно, длиной въ $^1/_{17}$ дюйма, шириной въ $^1/_{70}$; центръ его представляетъ болѣе тонкую часть ретины и называется центральною впадиной. Ретина состоитъ изъ разныхъ слоевъ. Начиная спереди, тамъ, гдѣ ретина соприкасается съ задней стороной сферическаго стекла глаза, мы находимъ прозрачную оболочку, называемую *граничащею оболочкой*, толщиной не болѣе $^1/_{100,000}$ дюйма. За нею слѣдуютъ *развѣтвленія зрительнаго нерва*, тонкая сѣть крайне мелкихъ нервныхъ нитей; среднiй дiаметръ ихъ не болѣе $^1/_{30,000}$ дюйма, а нѣкоторыхъ даже менѣе $^1/_{100,000}$ дюйма. Позади ихъ находится слой *нервныхъ клѣточекъ*, похожихъ на клѣточки сѣраго вещества мозга. Далѣе слѣдуетъ *зернистый* слой, состоящiй изъ мелкихъ зернышекъ или орѣшковъ съ крайне мелкими нитями, перпендикулярными къ ретинѣ. Наконецъ, идетъ *палочный* слой, состоящiй изъ плотно прижатыхъ другъ къ другу перпендикулярныхъ палочекъ, прозрачныхъ и безцвѣтныхъ, длиною около $^1/_{1000}$ дюйма и толщиной—около $^1/_{30,000}$. Промежъ нихъ разсѣяны большiя палочки, называемыя колбочками и имѣющiя въ дiаметрѣ $^1/_{2500}$ дюйма. Посредствомъ этихъ большихъ и маленькихъ палочекъ достигается соединенiе ретины съ сосудистой оболочкой; шесть или восемь колбочекъ и большое число меньшихъ палочекъ, группирующихся вокругъ нихъ, входятъ въ каждую пигментную клѣточку. Сами палочки, въ свою очередь, при посредствѣ тонкихъ перпендикулярныхъ нитей, находятся въ связи съ нервными волокнами и нервными клѣточками ретины. Всѣ элементы ретины въ наибольшимъ количествѣ находятся и наиболѣе тѣсно примыкаютъ другъ къ другу на желтомъ пятнѣ или вблизи отъ него, гдѣ зрѣнiе бываетъ наиболѣе отчетливо и ясно.

Въ заключенiе описанiя облегающихъ оболочекъ глаза, мы должны указать мимоходомъ на нѣкоторыя части глаза, составляющiя продолженiе сосудистаго слоя въ мѣстѣ соединенiя склеротики съ роговою оболочкой. Здѣсь находятъ троякаго рода связки; рядъ лучистыхъ складокъ темнаго цвѣта, называемыхъ *рѣсничными отростками*; связка, соединяющая сосудистую оболочку съ райкомъ и называемая *рѣсничною связкой*; а позади рѣсничной связки, покрывая внѣшнюю сторону лучистыхъ отростковъ, находится *лучистый мускулъ*, имѣющiй весьма важное значенiе. *Зрачекъ* есть круглая занавѣска впереди глаза съ отверстiемъ въ центрѣ для пропуска свѣта. Онъ кругомъ прикрѣпленъ къ мѣсту соединенiя склеротики съ райкомъ и можетъ быть разсматриваемъ какъ видоизмѣненное продолженiе сосудистой оболочки. Передняя поверхность его окра-

шена и отличается черточками, указывающими на ея волокнистое строеніе. Волокна эти—мускульныя и двоякаго рода: круговыя и лучевыя; сокращеніе ихъ уменьшаетъ или расширяетъ глазной зрачекъ, смотря по напряженности свѣта.

Теперь скажемъ о влагахъ или сферическихъ стеклахъ глаза. *Водянистая* влага, впереди глаза, есть прозрачная водянистая жидкость, находящаяся подъ роговою оболочкой и, посредствомъ слѣдующей влаги, хрусталика и его связокъ, соединяющаяся съ рѣсничными отростками. *Стекловидная* влага, лежащая позади водянистой, занимаетъ всю остальную часть глазной полости т. е. $^2/_3$ ея. Это прозрачная, рѣдкая жидкость, заключенная въ оболочку, которая лучами расходится во внутрь, на подобіе частичекъ апельсина, но не доходитъ до центральной линіи, гдѣ свѣтовые лучи проходятъ черезъ глазъ. По наружному виду, она сзади также выпукла, какъ и глазъ; а спереди имѣетъ глубокую чашкообразную впадину для вставки хрусталика. *Хрусталикъ*—это прозрачная твердая чечевица, въ формѣ двояковыпуклаго стекла, только болѣе закругленнаго сзади, чѣмъ спереди. Между остальными двумя жидкостями его поддерживаетъ оболочка стекловидной влаги, прикрѣпляющая его къ рѣсничнымъ отросткамъ.

Глазомъ двигаютъ 6 мускуловъ: 4 *прямыхъ* и два, такъ называемыхъ, *косыхъ*. Четыре прямыхъ мускула идутъ отъ костной впадины, въ которой помѣщается глазъ, начинаясь вокругъ отверстія, въ которое входитъ изъ мозга оптическій нервъ, и всѣ прикрѣплены къ передней внѣшней поверхности глазного яблока такимъ образомъ, что точки ихъ прикрѣпленія находятся соотвѣтственно на верхнемъ, нижнемъ, внѣшнемъ и внутреннемъ краяхъ склеротики. Верхній косой мускулъ начинается у самаго начала верхняго прямого мускула и идетъ впередъ до хрящевого отверстія; его сухожиліе проходитъ черезъ это отверстіе, потомъ поворачиваетъ назадъ и прикрѣпляется къ верхней части задней поверхности глазного яблока. Нижній косой мускулъ начинается отъ нижняго внутренняго угла передчей части глазной впадины и прикрѣпляется къ наружной нижней поверхности глазного яблока, позади средней части глазного яблока.

Поворачиваніе глаза во всѣхъ направленіяхъ происходитъ отъ движеній этихъ мускуловъ въ отдѣльности или въ соединеніи. Большая часть этихъ движеній, если не всѣ опи, могутъ быть произведены четырьмя прямыми мускулами, причемъ и остальные также приходятъ въ дѣйствіе, если только они способны облегчить какое либо желаемое движеніе.

3. *Способъ дѣйствія* глаза заключаетъ въ себѣ прежде всего оптическое дѣйствіе.

Когда глазъ направленъ на какой-нибудь предметъ, напримѣръ, на дерево, свѣтовые лучи входящіе въ зрачекъ, преломляются совокупнымъ дѣйствіемъ влагъ такимъ образомъ, что образуютъ обратное изображеніе на задней сторонѣ глаза, гдѣ прозрачная ретина соединяется съ сосудистымъ слоемъ. Точный способъ возбужденія нервныхъ нитей ретины неизвѣстенъ; но мы должны предположить, что пигментныя клѣточки сосудистой оболочки, подвергаясь дѣйствію свѣта, играютъ важную роль.

Изображеніе, посредствомъ правильнаго сочетанія лучей, должно получиться какъ разъ на ретинѣ, а не впереди или позади ея. Когда на предметъ смотрятъ на слишкомъ близкомъ разстояніи, лучи сходятся позади ретины, а не на ней. Предѣлъ разстоянія для совершенно раздѣльнаго зрѣнія, можетъ быть опредѣленъ, для большинства лицъ отъ 5 до 10 дюймовъ.

Существуетъ естественный предѣлъ для способности видѣть маленькіе предметы; мы можемъ различать очень мелкія линіи и точки; но есть степень малости, съ которою различеніе прекращается. Предѣлъ этотъ есть предѣлъ тонкости петель ретины около желтаго пятна. Кажется, необходимо, чтобы каждый отдѣльный нервъ, нить и нервная клѣточка получали раздѣльное впечатлѣніе.

Глазное яблоко имѣетъ извѣстную способность приспособленія къ измѣняющимся разстояніямъ съ цѣлію получить раздѣльное зрѣніе. Если одинъ предметъ виденъ ясно на разстояніи 6 дюймовъ, то всѣ предметы, находящіеся ближе и дальше его, видны не отчетливо; ихъ лучи сходятся впереди или позади ретины. Но, вслѣдствіе перемѣны въ глазномъ яблокѣ, болѣе далекіе предметы могутъ стать отчетливыми, между тѣмъ какъ близкіе станутъ неотчетливыми. Средствомъ для произведенія этой перемѣны служитъ рѣсничный мускулъ: для близкаго зрѣнія онъ сокращается и, сокращаясь, сжимаетъ стекловидную влагу и выдвигаетъ впередъ хрусталикъ, надавливая больше на его края, чѣмъ на средину и, такимъ образомъ, увеличивая его кривизну; оптическій результатъ состоитъ въ болѣе скоромъ схожденіи свѣтовыхъ лучей, вслѣдствіе чего изображеніе сзади ретины передвигается впередъ до совершеннаго совпаденія съ ретиной. Для дальняго зрѣнія мускулъ ослабляется, и упругость частей востановляетъ прежній видъ хру-

сталика. Это приспособленіе совершается въ предѣлахъ отъ 4 дюймовъ до 3 футовъ.

4. Два глаза, вмѣсто того, чтобы представить намъ два изображенія одного и того же предмета, даютъ лишь одно изображеніе, только дѣлаютъ его болѣе полчымъ. Въ этомъ состоитъ такъ называемое, бинокулярное зрѣніе.

Когда оба глаза покоятся на какомъ-либо близкомъ предметѣ, напримѣръ, на кубическомъ ящикѣ, находящемся на разстояніи нѣсколькихъ дюймовъ отъ лица, то каждый глазъ получаетъ отъ него различное изображеніе; несходство тѣмъ больше, чѣмъ предметъ ближе и уменьшается съ удаленіемъ его, такъ что, на извѣстномъ разстояніи оба изображенія кажутся тожественными. Объясненіе, которое можно дать этому факту, будетъ но далѣе; представлено здѣсь мы упомянемъ о немъ лишь на столько, на сколько онъ указываетъ на дальнѣйшее приспособленіе глаза къ разстояніямъ; это именно—схожденіе обоихъ глазъ для близкихъ разстояній и параллельное положеніе ихъ для большихъ разстояній.

Отъ неправильнаго пониманія процесса зрѣнія возникла трудность объяснить: какимъ образомъ мы, при посредствѣ обратныхъ изображеній на ретинѣ, видимъ предметы прямыми. Разрѣшается эта трудность замѣчаніемъ, что опредѣленіе верхняго и нижняго есть не оптическое, а мускульное; вверху находится то, для разсмотрѣнія чего мы поднимаемъ глаза или голову.

5. *Ощущенія* зрѣнія суть частію зрительныя (отъ дѣйствія свѣта на ретину), частью мускульныя (отъ дѣйствія шести мускуловъ). Мы едва ли имѣемъ чистое ощущеніе одного какого либо изъ этихъ двухъ родовъ.

Зрительныя ощущенія—это ощущенія *свѣта*, *цвѣта* и *блеска*.

Свѣтъ. Образцомъ дѣйствія чисто свѣтового, безъ примѣси цвѣта, можетъ служить дѣйствіе разсѣяннаго солнечнаго сіянія. Это—удовольствіе, острое или объемистое, смотря по тому, что служитъ источникомъ свѣта: блестящая ли точка, или же умѣренное и широко-распространенное освѣщеніе. Особенность этого удовольствія состоитъ въ продолжительности, чуждой утомленія; въ этомъ отношеніи зрѣніе занимаетъ наивысшее мѣсто въ ряду всѣхъ чувствъ, и эта же причина дѣлаетъ его наиболѣе интеллектуальнымъ. Его вліяніе, хотя и сильное въ отношеніи удовольствія,

однако такъ мягко, что можетъ быть выдерживаемо при дѣйствительномъ ощущенiи и вызываемо въ памяти до значительной степени въ отсутствiи ощущенiя. Отсюда, какъ причина, производящая удовольствiе для человѣка и животныхъ, свѣтъ занимаетъ высокое мѣсто: лишенiе его сопровождается соотвѣтственною бѣдностью.

Напряженное удовольствiе перваго выхода послѣ заключенiя можетъ продолжаться лишь короткое время; но влiянiе его, въ измѣненной степени, остается гораздо долѣе. Въ случаѣ излишка свѣта, появляется особеннаго рода подавляющее чувство, сопровождаемое болѣзненнымъ ощущенiемъ безсонницы и сильнѣйшимъ желанiемъ тѣни. Однимъ изъ самыхъ жестокихъ мученiй была варварская выдумка—отрѣзывать вѣки и подвергать глаза дѣйствiю солнечнаго сiянiя.

Въ отношенiи къ волѣ, удовольствiя свѣта, по общему правилу, побуждаютъ насъ стараться о ихъ продолженiи и возрастанiи. Но правило это обнимаетъ не всѣ факты. Въ сiянiи свѣта есть хорошо извѣстное обаянiе,—способность удерживать на себѣ зрѣнiе даже послѣ того, какъ предѣлъ удовольствiя перейденъ. Здѣсь мы имѣемъ разстройство собственно волеваго отправленiя; другiе примѣры этого разстройства будутъ указаны въ послѣдствiи.

Объ интеллектуальномъ свойствѣ свѣтовыхъ ощущенiй было уже сказано, что оно составляетъ ихъ отличительную особенность. Свѣтовыя ощущенiя допускаютъ различенiе и воспоминанiе въ степени, превышающей всякое другое чувство; только слухъ приближается къ нимъ. Возможно, что иное хорошо одаренное ухо будетъ лучше различать и удерживать звуки, чѣмъ иной худо одаренный глазъ—зрительныя ощущенiя; но общее согласiе ставитъ зрѣнiе, въ отношенiи интеллектуальныхъ свойствъ, выше слуха.

По закону относительности, удовольствiя свѣта требуютъ ослабленiя и перемѣны; отсюда—искуство распредѣленiя свѣта и тѣней. Въ цѣломъ, количество получаемаго удовольствiя можетъ быть или слишкомъ велико, какъ въ солнечныхъ поясахъ, или слишкомъ мало, какъ въ странахъ владычества тумановъ.

Цвѣтъ. Это—добавочное дѣйствiе свѣта, служащее къ расширенiю какъ зрительныхъ удовольствiй, такъ и области человѣческаго знанiя. Чистый бѣлый лучъ можно разложить на семь первичныхъ цвѣтовъ, и воспрiятiе послѣднихъ отдѣльно и послѣдовательно, въ тѣхъ пропорцiяхъ, въ какихъ они входятъ въ солнечный лучъ, доставляетъ новое прiятное возбужденiе, имѣющее всѣ свойства чисто свѣтового удовольствiя. Абсолютной красоты не имѣ-

етъ ни одинъ цвѣтъ въ отдѣльности; если мы отдаемъ предпочтеніе красному, или синему, или желтому, то это лишь вслѣдствіе недостатка этого цвѣта въ общей сценѣ. Вообще, въ нашемъ опытѣ, расположеніе къ цвѣтамъ обыкновенно склоняется въ пользу голубаго края спектра, а потому красный цвѣтъ и цвѣта, составленные изъ него служатъ освѣжающею смѣной.

Блескъ. О нѣкоторыхъ поверхностяхъ говорятъ, что онѣ имѣютъ блескъ, лоскъ, глянецъ. Это—сложное дѣйствіе свѣта. Цвѣтъ, разсматриваемый чрезъ прозрачную среду, его покрывающую, получаетъ блескъ, какъ напр. голыши въ чистомъ ручейкѣ. Точно такъ же впечатлѣніе блеска производитъ и совершенно черная поверхность, когда отражаетъ свѣтъ. Это свѣтовое отраженіе, присоединяющееся къ собственно видимости поверхности, служитъ причиной блеска. Прозрачныя поверхности и отражаютъ свѣтъ, подобно зеркалу, и пропускаютъ цвѣтъ, находящійся за ними, и это умноженіе свѣтовыхъ эффектовъ увеличиваетъ удовольствіе. Многосторонняя игра граненаго хрусталя или драгоцѣннаго камня служитъ пріятнымъ средствомъ производить блескъ; преломляющаяся игра пріятнѣе, чѣмъ сплошная блестящая поверхность.

Наивысшей красоты видимые предметы достигаютъ тогда, когда пріобрѣтаютъ блескъ. Онъ отличаетъ драгоцѣнные камни. Болѣе тонкія деревья пріобрѣтаютъ его чрезъ полировку и лакъ. Краски живописца сами по себѣ тусклы, и онъ накладываетъ на нихъ прозрачный лакъ. Эта добавка выкупаетъ недостатокъ красокъ (напр. въ блестящей черной краскѣ). Влага часто украшаетъ блескомъ зеленый листъ. Быть можетъ, значительная часть освѣжающаго вліянія зелени въ растительномъ царствѣ зависитъ отъ ея блеска. Животныя ткани производятъ это явленіе въ высокой степени. Слоновая кость, перламутръ, кости, шелкъ и шерсть принадлежатъ къ числу блестящихъ или глянцевитыхъ предметовъ. Человѣческая кожа соединяетъ въ себѣ богатство цвѣтовъ съ блескомъ. Красота волосъ въ значительной степени зависитъ отъ ихъ блеска. Самый хорошій примѣръ представляетъ глазъ: глубокая чернота второй зрачковой оболочки и цвѣта радужной оболочки получаютъ блескъ вслѣдствіе прозрачности влагъ.

6. Ощущенія, связанныя съ мускульными движеніями глаза, суть: *видимое движеніе*, *видимая форма*, *кажущаяся величина*, *разстояніе*, *объемъ* и *положеніе*.

Видимое движеніе. Наименѣе сложный примѣръ мускульныхъ

ощущеній глаза есть слѣдованіе за движущимся предметомъ, напр. за свѣтомъ, проносимыхъ по комнатѣ. Глазъ вращается вмѣстѣ съ движеніемъ свѣта, и умственнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ сложное ощущеніе свѣта и движенія. Если свѣтъ движется направо, сокращаются правые мускулы; если на лѣво,—лѣвые, и т. д.; для каждаго отдѣльнаго направленія приводятся въ дѣйствіе особые мускулы или ихъ сочетанія. Вмѣсто того, чтобы слѣдовать по прямому пути, свѣтъ можетъ измѣнить свое направленіе въ наклонное или кривое. Это измѣняетъ сочетаніе мускуловъ и относительную степень ихъ сокращенія; а отсюда слѣдуетъ и особый способъ сознанія.

Отъ этого происходитъ то, что одно и тоже зрительное дѣйствіе напр. пламя свѣчи или искра, можетъ входить во многія различныя мускульныя впечатлѣнія, изъ которыхъ каждое отличимо отъ остальныхъ и воспоминается съ своими отличительными особенностями. Эт- воплощеніе должно совершаться въ многочисленныхъ нервныхъ центрахъ и нервныхъ путяхъ, ведущихъ къ глазнымъ мускуламъ.

Какъ благодаря мускуламъ вообще, такъ и глазнымъ въ частности, мы можемъ различать болѣе или менѣе *продолжительную непрерывность* движенія. Такимъ образомъ, мы можемъ судить, во 1-хъ, о продолжительности; и во 2-хъ, (при извѣстныхъ условіяхъ), о видимомъ или кажущемся протяженіи. Равнымъ образомъ, мы сознаемъ степени скорости или *быстроты* движенія, которая служитъ также непрямою мѣрой видимаго протяженія. Одинъ родъ мускульной чувствительности не можетъ, по природѣ своей, принадлежать глазу: это—чувство сопротивленія или неподвижнаго усилія, потому что нѣтъ ничего, что составляло бы препятствіе вращенію глазного яблока, кромѣ собственной, весьма малой косности послѣдняго. Оттого о глазѣ, со всѣми его способностями ощущать близкое и отдаленное, нельзя сказать, чтобы онъ вносилъ что либо въ чувство сопротивленія,—это основное сознаніе объективнаго міра.

Разнообразныя удовольствія движенія, перечисленныя раньше, принадлежатъ также и движущемуся разсматриванію. Массивное, медленное ощущеніе тихихъ движеній, возбужденіе быстраго хода, удовольствія возрастающихъ и убывающихъ движеній (красота кривой), могутъ быть осуществляемы и чрезъ зрѣніе.

Въ число устойчивыхъ образовъ ума, воспоминаемыхъ, сочетаваемыхъ и, наконецъ, могущихъ быть самостоятельно разсматриваемыми, мы должны включить видимыя движенія.

Знакомыя движенія естественныхъ предметовъ—теченіе потоковъ, колебаніе вѣтвей и пр.; отличительныя движенія животныхъ, движенія и жизнь человѣческихъ веществъ, движеніе машинъ и различныя промысловыя производства нами различаются и воспоминаются, образуя часть нашего умственнаго запаса.

Видимая форма. Она предполагаетъ предметы въ состояніи покоя, обозрѣваемые глазомъ въ своихъ наружныхъ очертаніяхъ, и приводитъ насъ къ идеѣ сосуществованія въ пространствѣ, въ его противоположности съ послѣдовательностью во времени. Въ отношеніи къ простому факту мускульнаго движенія, для глаза—одно и тоже, слѣдить ли за очертаніями радуги, или слѣдовать за полетомъ птицы или ракеты. Но здѣсь, какъ и въ разсмотрѣнномъ уже случаѣ осязанія, добавочныя обстоятельства производятъ коренное различіе и заканчиваютъ контрастомъ между послѣдовательностью и сосуществованіемъ. Пункты различія—слѣдующіе: 1) Наблюдая очертаніе радуги, мы не привязаны къ какому нибудь одному ряду движенія, какъ въ примѣрѣ съ птицей или ракетой. 2) Здѣсь не одно зрительное впечатлѣніе, а рядъ ихъ, который можетъ быть повтореніемъ одного и того же, (какъ въ радугѣ), или состоять изъ различныхъ впечатлѣній, (какъ въ ландшафтѣ). 3) Мы можемъ повторить движеніе, и найдемъ тотъ же рядъ въ томъ же порядкѣ. 4) Посредствомъ обратнаго движенія, мы можемъ удержать этотъ рядъ въ обратномъ порядкѣ. Эти два опыта—повтореніе и обращеніе—отпечатлѣваютъ на нашей идеѣ протяженнаго и сосуществующаго въ пространствѣ тотъ отличительный характеръ неизмѣнности ожиданія, который принадлежитъ ей въ противоположность съ проходящимъ движеніемъ. 5) Что касается въ частности зрѣнія въ его сравненіи съ осязаніемъ, то способность глаза обнимать однимъ взглядомъ обширное пространство, хотя въ подробностяхъ онъ воспринимаетъ при этомъ только небольшую часть его, усиливаетъ то же самое широкое различіе между зрительнымъ воспріятіемъ звѣзднаго неба и преходящаго полета метеора. Когда рядъ ощущеній можетъ быть схваченъ *одновременно*, хотя и съ неодинаковой раздѣльностью, это даетъ своеобразное понятіе о множественности существованія, въ противоположность непрерывно-продолжающемуся единичному существованію.

Путь, проходимый глазомъ при изученіи внѣшняго очертанія, оставляетъ характеристическій мускульный слѣдъ, соотвѣтствующій видимой формѣ. Такимъ образомъ, мы получаемъ линейныя формы: прямую, изогнутую, кривую со всѣми разнообразіями кривизны;

поверхностныя формы и очертанія—круглую, четвероугольную, яйцевидную и пр. Такимъ образомъ, видимые предметы міра различаются, отожествляются и удерживаются въ душѣ какъ опыты зрительныхъ ощущеній, которыя воплощены въ глазныхъ движеніяхъ; и мы получаемъ классъ родственныхъ ощущеній пріятныхъ и непріятныхъ, точно такъ же, какъ и отъ видимыхъ движеній. Нашъ умственный запасъ обнимаетъ великое множество видимыхъ формъ.

Кажущійся размѣръ. Кажущійся размѣръ или видимая величина обнимаетъ два факта: зрительный и мускульный. Зрительный фактъ есть протяженіе на сѣтчаткѣ, покрытое изображеніемъ; Уитстонъ назвалъ его *сѣтчаточною величиной*; мускульный фактъ есть мускульное движеніе, потребное для того, чтобы обнять его. Эти двѣ оцѣнки совпадаютъ: онѣ обѣ могутъ быть сведены къ величинѣ угла, или отношенію поверхности ко всей сферѣ. Кажущійся діаметръ солнца и полной луны составляетъ полъ-градуса или $^1/_{720}$ окружности небеснаго круга. Эта сочетанная оцѣнка, посредствомъ двухъ весьма чувствительныхъ органовъ—сѣтчатки и глазныхъ мускуловъ,—дѣлаетъ нашу оцѣнку кажущагося размѣра замѣчательно тонкою; въ дѣйствительности она есть всеобщая основа всякой точной оцѣнки количества. При измѣреніи другихъ свойствъ тѣлъ, каковы: дѣйствительная величина, вѣсъ, теплота и пр., мы всякій случай сводимъ къ сравненію двухъ видимыхъ величинъ; таковы показанія трехфутовой линейки, вѣсовъ, термометра.

Колебанія кажущагося размѣра въ одной и той же вещи, напр. отдаленнаго зданія, оцѣниваются съ соотвѣтствующею тонкостью; и когда мы доходимъ до знанія, что эти колебанія имѣютъ причиной измѣненіе дѣйствительнаго разстоянія, то мы пользуемся ими какъ самымъ точнымъ показателемъ степеней отдаленности.

Небесныя тѣла воспринимаются нами единственно по ихъ кажущимся или видимымъ размѣрамъ. Земные предметы всѣ измѣняются въ своихъ видимыхъ размѣрахъ, и умъ рисуетъ ихъ съ болѣе или менѣе совершенною оцѣнкой ихъ *дѣйствительныхъ* размѣровъ.

Разстояніе или *измѣняющееся отдаленіе.* До сихъ поръ мы предполагали видимое движеніе и форму только въ двухъ измѣреніяхъ, т. е. какъ простирающіяся въ горизонтальномъ и вертикальномъ направленіи. Обстоятельство измѣняющагося отдаленія, необходимое для объема, или трехъ измѣреній, требуетъ особаго обсужденія. На этотъ разъ мы можемъ оставить безъ вниманія знаніе какъ *дѣйствительнаго* разстоянія, такъ и дѣйствительной величины.

Есть два приспобленія или прилаживанія глаза къ разстояні-

ямъ: перемѣна въ глазномъ—яблокѣ для близкихъ разстояній и схожденіе и расхожденіе обоихъ глазъ—для болѣе далекихъ разстояній. Обѣ перемѣны—мускульнаго свойства; онѣ сопровождаются сознаніемъ дѣятельности или сокращенія мускуловъ. Перемѣна, происходящая въ каждомъ изъ глазныхъ яблокъ для болѣе близкихъ разстояній, есть сознательная перемѣна; возвращеніе глаза послѣ нея въ прежнее положеніе также сознательно. Постепенное схожденіе и расхожденіе обоихъ глазъ сопровождается различительнымъ мускульнымъ сознаніемъ. Такимъ образомъ, посредствомъ мускульнаго чувства, мы можемъ различить тѣла, отдаляющіяся отъ глаза, отъ тѣлъ, приближающихся къ нему, (хотя бы мы еще не знали, что это за тѣла). Предметъ, движущійся поперекъ поля зрѣнія, различается отъ этого же самаго предмета удаляющагося или приближающагося,—потому что, при этомъ, приводятся въ дѣйствіе различные мускулы. Подобнымъ образомъ, мы можемъ, измѣняя разстояніе отъ глаза, получать эмоціональныя дѣйствія медленныхъ, живыхъ или ослабляющихся движеній. Общее правило: переходъ отъ разсматриванія вблизи къ смотрѣнію вдаль доставляетъ облегченіе.

Въ предъидущемъ параграфѣ мы видѣли, что измѣненіе зрительной величины сопровождаетъ измѣненіе разстоянія и служитъ самымъ тонкимъ изъ всѣхъ показателей. Къ этому мы должны присовокупить *различіе изображеній на сѣтчаткѣ обоихъ глазъ*, наибольшее—для близкихъ разстояній и несуществующее—для большихъ отдаленій. Такимъ образомъ, существуютъ *четыре* различныя обстоятельства, участвующія въ доставленіи намъ свѣденій объ измѣненіи разстоянія предметовъ отъ глаза. Пятое укажемъ послѣ. Важность этого могущественнаго сочетанія окажется впослѣдствіи, когда станемъ разсматривать зрительное воспріятіе дѣйствительнаго разстоянія и дѣйствительныхъ размѣровъ.

Видимыя движенія и видимыя формы въ тройномъ измѣреніи: объемъ. Прилагая различеніе разстоянія къ видимымъ движеніямъ и видимымъ формамъ, мы можемъ получить свѣденія о нихъ во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ пространства. Корабль, вмѣсто того, чтобы просто пересѣкать поле зрѣнія, частью пересѣкаетъ его и частью движется прочь отъ глаза; въ этомъ случаѣ мы сочетаваемъ боковыя движенія глаза съ различными приспособленіями и дѣйствіями разстоянія; мы отличаемъ явленіе движенія безъ измѣненія разстоянія отъ измѣненія разстоянія безъ бокового движенія и отъ другихъ сочетаній ихъ обоихъ.

Такъ, мы распознаемъ видимыя формы съ тремя измѣреніями,

напр. видъ улицы. Изслѣдуя этотъ предметъ, мы движемъ глаза и голову направо и налѣво, вверхъ и внизъ; и, такимъ образомъ, дѣлаемъ сознательныя приспособленія къ разстоянію, находя, что эти послѣднія служатъ средствомъ противъ смѣшенія картины въ нѣкоторыхъ частяхъ. Впечатлѣніе отъ картины, такимъ образомъ, сложено изъ боковыхъ движеній, приспособленій и измѣненій зрительной величины наблюдаемыхъ предметовъ.

Во всякой тѣлесной формѣ, каковы: книга, столъ, домъ, это измѣненіе приспособленія входитъ въ движенія глаза при опредѣленіи формы. Видимая тѣлесность или объемъ есть, такимъ образомъ, весьма сложное воспріятіе, заключающеее въ себѣ зрительныя впечатлѣнія съ рядомъ мускульныхъ движеній, боковыхъ и приспособительныхъ. Въ каждомъ особомъ тѣлѣ они комбинированы особеннымъ образомъ; кубъ, продолговатая фигура, шаръ, цилиндръ, человѣческая фигура,—всѣ они различаются и воспоминаются, какъ различныя.

Видимое положеніе. Видимое положеніе образуется изъ только что описанныхъ элементовъ. Оно есть видимый промежутокъ между однимъ предметомъ и другимъ предметомъ или предметами, измѣряемый или сбоку (въ профиль), или видимою отдаленностію. Положеніе человѣческой фигуры въ отношеніи къ колоннѣ, бываетъ направо или налѣво, вверху или внизу, близко или далеко, и на опредѣленныхъ видимыхъ разстояніяхъ.

ГЛАВА III.

Стремленія.

Стремленія составляютъ особый классъ ощущеній; они могутъ быть опредѣлены, какъ *безпокойныя чувствованія, производимыя повторяющимися потребностями или нуждами органической жизни.*

Стремленіе заключаетъ въ себѣ хотѣніе или дѣйствованіе; но хотѣніе требуетъ мотива или стимула, а стимулъ стремленія есть

нѣкотораго рода ощущеніе. Однако, всѣ ощущенія, дѣйствующія на нашу волю, не суть стремленія. Обыкновенно извѣстныя стремленія выростаютъ изъ періодическихъ или повторяющихся потребностей органической системы: таковы—*сонъ*, *упражненіе*, *отдыхъ и жажда*, *голодъ*, *половое стремленіе*.

Сонъ. Оба условія, т. е. періодическое возвращеніе и органическая необходимость, хорошо видны на примѣрѣ сна. Естественный ходъ системы, помимо нашей воли, ведетъ ко сну; и его характеръ, какъ стремленія или страстнаго желанія, обнаруживается, когда мы противимся ему. Тогда чувствуется безпокойство массивной формы; воля настоятельно побуждается устранить это безпокойство и получить соотвѣтствующее обширное удовольствіе засыпанія; эта волевая настоятельность и есть стремленіе.

Упражненіе и отдыхъ. Въ бодрственномъ состояніи происходитъ смѣна упражненія и отдыха, существенная для здороваго состоянія организма; и эта смѣна сопровождается сильными желаніями. Послѣ отдыха освѣженные органы стремятся къ дѣятельности; устраненіе отъ нея причиняетъ физическое стѣсненіе, которое служитъ побужденіемъ прорваться къ дѣятельности. Одна самопроизвольность подстрекаетъ насъ; всякое препятствіе нудитъ волю дѣлать шаги для устраненія его; это—работа стремленія. Подобныя же наблюденія приложимы и къ отдыху.

Смѣна упражненія отдыхомъ требуется во всѣхъ безъ исключенія нашихъ дѣятельностяхъ, тѣлесныхъ и душевныхъ. При пользованіи нашими различными органами, мускульными ли то, или внѣшнихъ чувствъ, при употребленіи мозга для умственныхъ отправленій, есть пунктъ, гдѣ появляется тенденція къ отдыху, и гдѣ сопротивленіе ей становится причиной стремленія.

Жажда, *истощеніе*, *голодъ*. Сильныя желанія въ этихъ состояніяхъ обнаруживаютъ двоякую дѣятельность стремленія—массивное безпокойство лишенія и равно массивное удовольствіе удовлетворенія, соединенная движущая способность которыхъ составляетъ силу хотѣнія или стремленія. Кромѣ этихъ общихъ сильныхъ желаній, возникающихъ при недостаткѣ питанія, мы имѣемъ, какъ говорятъ, искуственно развитое желаніе извѣстныхъ родовъ пищи, приправъ и возбуждающихъ средствъ, которыя мы нашли пріятными и къ которымъ привыкли; таковы, напримѣръ, сласти, спиртные напитки, чай, табакъ и пр.

Жажда чистаго воздуха, послѣ удушья и заключенія, строго согласуется съ общимъ опредѣленіемъ стремленія.

Половое стремленіе. Стремленіе, соединяющее полы, основано на особыхъ отдѣленіяхъ, періодически появляющихся въ системѣ послѣ наступленія зрѣлости и производящихъ безпокойство до тѣхъ поръ, пока они невыдѣлены или непоглощены. Здѣсь органическая необходимость менѣе повелительна, и побудительная сила лежитъ больше всего въ наслажденіи удовлетворенія.

Привычная *рутина* жизни, если она встрѣчаетъ какое-нибудь противодѣйствіе, есть видъ стремленія. Безпокойство причиняется всякимъ противодѣйствующимъ ей обстоятельствомъ, между тѣмъ какъ подчиненіе ей можетъ быть само по себѣ пріятнымъ или безразличнымъ.

ГЛАВА IV.

Инстинкты.

Свѣдѣнія, сообщенныя до сихъ поръ объ ощущеніяхъ, служатъ достаточною подготовкой къ изученію интеллекта. Тѣмъ не менѣе, полезно въ настоящей книгѣ бросить взглядъ на инстиктивныя проявленія, относящіяся какъ къ чувствованіямъ, такъ и къ волѣ, потому что на нихъ также основываются многія умственныя пріобрѣтенія.

Инстинктъ опредѣляется какъ способность, независящая отъ обученія. Это названіе усвояется тому, что можетъ быть сдѣлано прежде опыта или наученія; таковы: сосаніе у дитяти, хожденіе на четырехъ ногахъ у новорожденнаго теленка, клеваніе у птицы, только что вылупившейся изъ яйца, материнскія попеченія у животныхъ вообще.

Во всѣхъ трехъ областяхъ духа—чувствованіи, волѣ и умѣ—существуетъ, по необходимости, извѣстное первоначальное строеніе, основаніе всѣхъ нашихъ способностей. Существуютъ также извѣстныя приспособленія, которыя обыкновенно не включаются въ область духа, но которыя однако находятся въ тѣсной связи и

неразрывности съ душевными дѣятельностями, каково, напр., глотаніе пищи. Слѣдующіе предметы исчерпываютъ изучаемую область:—

1. Рефлективныя дѣйствія.
2. Комбинированныя и гармоническія движенія.
3. Первичныя обнаруженія чувствованій.
4. Зародыши воли.

Рефлективныя дѣйствія уже описаны въ ряду отправленій спинного и продолговатаго мозга.

Первичныя комбинированныя движенія.

1. Самый выдающійся примѣръ первичныхъ приспособленій для комбинированныхъ движеній, совмѣстныхъ и послѣдовательныхъ, представляетъ *локомотивный ритмъ*.

У низшихъ четвероногихъ онъ, очевидно, инстинктивенъ. Теленокъ, жеребенокъ, ягненокъ могутъ ходить въ тотъ же день, въ который родились. Хотя человѣческія существа бываютъ неспособны ходить въ теченіи многихъ мѣсяцевъ послѣ рожденія, однако для этого факта есть основанія—въ неукрѣпившемся состояніи костей, вообще въ незрѣломъ состояніи младенца и, въ частности, въ трудности сохранять прямое положеніе тѣла. Все же вѣроятно, что человѣкъ имѣетъ инстинктивную тенденцію чередовать движенія нижнихъ членовъ. Аналогія четвероногихъ служитъ въ пользу этого взгляда, а что дѣти, находясь на рукахъ, склонны выдвигать свои члены поперемѣнно,—это фактъ, подверждаемый наблюденіемъ.

2. Локомотивный ритмъ можетъ быть разложенъ на три различныхъ сочетанія.

Во первыхъ, онъ заключаетъ въ себѣ *поперемѣнное движеніе* каждаго члена въ отдѣльности, т. е. тенденцію его двигаться взадъ и впередъ, подчиняясь поперемѣнному стимулу двухъ противоположныхъ группъ мускуловъ. При ходьбѣ мускулы сгибающій и разгибающій должны сокращаться по очереди; при чемъ маятникообразному движенію отчасти помогаетъ тяжесть. Легко можно предположить, что нервная связь этихъ противодѣйствующихъ группъ мускуловъ устроена по одному общему плану во всемъ тѣлѣ, такъ какъ никакое безпрерывное дѣйствіе невозможно безъ возвращенія каждаго члена въ то положеніе, изъ котораго онъ вышелъ при на-

чалѣ. При этомъ предположеніи, движеніе всѣхъ органовъ будетъ результатомъ первичнаго приспособленія.

Во вторыхъ, здѣсь должно происходить *попеременное* движеніе соотвѣтствующихъ членовъ. Правые и лѣвые члены движутся не вмѣстѣ, а поочередно. Для этого также необходимо первичное нервное приспособленіе, которое воспользовалось бы соединенными нервными связями обѣихъ сторонъ тѣла. Дѣйствіе его не ограничивается исключительно одними только членами: руки и все туловище соединяются въ попеременномъ дѣйствованіи. Мы сейчасъ увидимъ, что здѣсь существуютъ важныя исключенія.

Въ третьихъ, перемѣна животными мѣста предпологаетъ дальнѣйшее приспособленіе къ чередованію переднихъ и заднихъ членовъ. У пресмыкающихся, червей и пр., происходитъ постепенное сокращеніе отъ одного конца тѣла до другого. Послѣдовательные сегменты тѣла соединяются въ своей дѣятельности приспособленною нервной связью. Врядъ ли можно ожидать, что у человѣка обнаружился какой нибудь слѣдъ этого приспособленія: такъ рѣдки случаи для его обнаруженія. Однако, мы можемъ замѣтить большую готовность чередовать руки съ ногами при лазаніи и дѣйствованіи веслами на суднѣ.

3. Мы находимъ въ человѣческой системѣ примѣры первичныхъ *ассоціированныхъ* движеній.

Главный примѣръ представляютъ глаза. Мы не можемъ, если бы и желали, воспрепятствовать имъ двигаться вмѣстѣ. Единственное вмѣшательство съ этою тенденціей составляетъ актъ схожденія ихъ при приспособленіи къ разстоянію.

Точно также существуетъ въ глазахъ ассоціированное дѣйствіе между радужною оболочкой и внутреннимъ движеніемъ глазного яблока для близкаго зрѣнія. При близкомъ зрѣніи радужная оболочка всегда сокращается.

Ассоціація обѣихъ сторонъ тѣла въ общихъ движеніяхъ распространяется на вѣки и черты лица, хотя остается возможность разъединить ихъ, или искривить лицо. Мы находимъ также значительную наклонность двигать руками вмѣстѣ, какъ это, напримѣръ, можно видѣть въ дѣтскихъ играхъ.

4. Различные движущіеся члены стремятся къ *гармоніи движенія*.

Одинъ какой нибудь органъ, двигаемый живо, сообщаетъ живость и остальнымъ движеніямъ; быстрая рѣчь ведетъ за собой

быструю жестикуляцію; видъ скорой работы имѣетъ возбуждающее дѣйствіе. Точно также, вводя медленное движеніе какого нибудь одного члена, мы повсюду распространяемъ успокоивающее вліяніе: медленная рѣчь сопровождается и медленными жестами. Этотъ принципъ указываетъ средство, которымъ наши дѣйствія могутъ быть подчинены контролю.

Инстинктивная игра чувствованій.

1. Единеніе духа и тѣла особенно обнаруживается въ инстинктивной игрѣ или выраженіи чувствованій.

Одинъ изъ самыхъ древнихъ и самыхъ общеизвѣстныхъ опытовъ человѣческаго рода—тотъ, что различнымъ чувствованіямъ свойственны особые отличительные тѣлесные спутники. Радость, печаль, страхъ, гнѣвъ, гордость имѣютъ каждое свои отличныя обнаруженія, называемыя иногда ихъ естественнымъ языкомъ, который одинаковъ во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Это указываетъ на извѣстныя первичныя или инстинктивныя связи между душевными и тѣлесными процессами.

2. Тѣлесные спутники чувствованій бываютъ двухъ родовъ: движенія и органическія дѣйствія. *Лицо* и его черты наиболѣе восприимчивы къ движенію подъ вліяніемъ чувствованій; отсюда, лицо, по преимуществу, служитъ показателемъ душевнаго настроенія.

Движенія лица анализированы Чарльсомъ Беллемъ.

Мускулы лица, посредствомъ которыхъ управляется выраженіе, расположены вокругъ трехъ центровъ: рта, носа и глазъ.

Выраженіе *глазъ* зависитъ главнымъ образомъ отъ движеній бровей подъ дѣйствіемъ двухъ мускуловъ. Одинъ изъ нихъ (occipito—frontalis) есть широкій, тонкій мускулъ кожи черепа и, простирающійся внизъ по лбу до бровей; дѣйствіе его состоитъ въ томъ, что онъ поднимаетъ брови при веселомъ выраженіи. Другой мускулъ (лобная сморщивающая мышца) идетъ поперекъ отъ одной брови къ другой, стягиваетъ ихъ, напримѣръ, когда человѣкъ нахмуривается; непрямымъ образомъ, въ противоположность мускулу черепной кожи, онъ понижаетъ брови.

Въ болѣе узкой степени, выраженіе соединяется съ движеніями вѣкъ. Вѣки смыкаются круговымъ или сжимательнымъ глазнымъ мускуломъ. Открываются они поднимающимъ мускуломъ верхняго

вѣка (levator palpetrae); быстрое дѣйствіе послѣдняго, при сильномъ душевномъ волненіи, имѣетъ слѣдствіемъ сверканіе глазъ.

Носъ приводится въ движеніе тремя маленькими мускулами и однимъ большимъ. *Пирамидальный* мускулъ есть маленькій мускулъ, лежащій на носовой кости, или на верхней половинѣ носа; онъ, кажется, составляетъ продолженіе мускула черепной кожи и морщитъ кожу у переносицы. *Сжимающая* мышца есть тонкій, маленькій мускулъ, проходящій въ поперечномъ направленіи по нижней части носа; но, вмѣсто того, чтобы, какъ показываетъ его названіе, сжимать носъ, онъ, поднимая хрящи, расширяетъ ноздри. *Растягивающая* мышца ноздрей есть маленькій плоскій мускулъ, лежащій глубоко въ верхней губѣ; согласно съ своимъ названіемъ, онъ дѣйствуетъ противоположно предъидущему.

Никакое очень замѣтное обнаруженіе не зависитъ ни отъ одного изъ этихъ трехъ мускуловъ; расширеніе ноздрей вторымъ изъ нихъ есть, кажется, самое замѣтное дѣйствіе. Самое замѣчательное выраженіе связано съ *общимъ подниманіемъ губы и носа.* Этотъ мускулъ лежитъ вдоль носового профиля и краевъ ноздрей, простираясь отъ глазной впадины до верхней губы. Онъ поднимаетъ края ноздрей и верхнюю губу вмѣстѣ, находится всецѣло въ распоряженіи воли и производитъ очень замѣтное искривленіе чертъ лица, сморщивая носъ и поднимая верхнюю губу. При выраженіи отвращенія къ худому запаху, онъ живо приходитъ въ дѣйствіе, а отсюда, участвуетъ и при выраженіи отвращенія вообще.

Ротъ приводится въ движеніе однимъ круговымъ мускуломъ и восемью парами, расходящимися отъ него въ видѣ лучей кругомъ по лицу. Круговой (orbicularis oris) состоитъ изъ концентрическихъ волоконъ, окружающихъ отверстіе рта, но не идущихъ непрерывно отъ одной губы къ другой.

Эти восемь лучевыхъ паръ могутъ быть перечислены въ слѣдующемъ порядкѣ, начиная по окружности сверху до низу:—

(1) *Собственно поднимательный мускулъ верхней губы* простирается отъ нижней окраины глазной впадины до верхней губы, прилегая къ самому краю общаго, поднимающаго губы и носъ мускула. Когда губа поднимается безъ поднятія носа, что сдѣлать не очень легко, орудіемъ служитъ этотъ мускулъ. (2) *Мускулъ, поднимающій уголъ рта*, лежитъ ниже предъидущаго и отчасти прикрывается имъ. (3, 4) *Скуловые* мускулы суть двѣ узкія связки мускульныхъ волоконъ, простирающіяся наискось отъ скуловой кости до угла рта; одна изъ нихъ крупнѣе и длиннѣе другой. Въ соеди-

неніи съ мускуломъ, поднимающимъ уголъ рта, онѣ служатъ къ тому, чтобы оттягивать ротъ назадъ и изгибать его по направленію къ верху, какъ напр. въ улыбкѣ. (5) *Височный* мускулъ есть тонкій, плоскій, широкій мускулъ, занимающій промежутокъ между челюстями. Онъ употребляется при жеваніи пищи и участвуетъ также, вмѣстѣ съ скуловыми мускулами, въ расширеніи рта въ пріятное выраженіе. Переходя къ нижней части лица, мы находимъ (6) *мускулъ, оттягивающій уголъ рта,* простирающійся отъ угла рта до нижней челюсти и дѣйствующій сообразно съ своимъ названіемъ. (7) *Мускулъ, оттягивающій нижнюю губу,* есть маленькій четвероугольный мускулъ, лежащій частью ниже предъидущаго и частію внутри его. (8) *Мускулъ, поднимающій нижнюю губу,* выходитъ изъ небольшой ямочки подъ десной нижней челюсти и оттуда *спускается* до нижней части покрова подбородка, приподнимая, такимъ образомъ, нижнюю губу. Соединенное дѣйствіе этого, мускула и мускула, оттягивающаго уголъ рта, (6-го), состоитъ въ искривленіи рта книзу и выдвиженіи впередъ нижней губы,— очень ясное выраженіе страданія и неудовольствія.

3. Голосъ и дыхательные мускулы соперничаютъ съ лицомъ въ выраженіи чувствованій.

Собственно органъ голоса есть гортань съ ея голосовыми нитями. Извѣстные мускулы дѣйствуютъ въ натягиваніи, ослабленіи и сближеніи этихъ нитей; чтобы произвести звукъ, эти послѣднія должны быть натянуты и сближены. Но дѣятельность гортанныхъ мускуловъ есть только одна сторона дѣла. Грудная клѣтка должна дѣйствовать способомъ, нѣсколько отличнымъ отъ обыкновеннаго дыханія, и быстрѣе гнать воздухъ чрезъ воздушные проходы; при томъ, въ членораздѣльномъ произношеніи звуковъ должны участвовать еще языкъ и ротъ. Всѣ эти части, подъ вліяніемъ чувства, приводятся въ дѣйствіе. Въ радости, или восторгѣ и въ гнѣвѣ издаются энергическія восклицанія; въ страхѣ голосъ дрожитъ; при остромъ страданіи гортань издаетъ рѣзкіе крики, въ печали—медленный протяжный звукъ.

Независимо отъ игры голоса, дыхательные мускулы возбуждаются подъ вліяніемъ душевныхъ волненій. При смѣхѣ, грудобрюшная перегородка судорожно сокращается; при подавляющемъ душевномъ волненіи, какъ показываетъ вздохъ, она отчасти парализуется.

4. Мускулы тѣла, вообще, могутъ возбуждаться подъ вліяніемъ сильныхъ чувствованій.

Всякое большое душевное возбужденіе сопровождается возбужденіемъ всего тѣла; соотвѣтствующая нервная волна требуетъ для своего разряженія большихъ органовъ.

5. Состоянія чувствованій имѣютъ также органическихъ спутниковъ, или вліяніе на внутренности, и процессы отдѣленія, выдѣленія и проч.

Вѣроятно, ни одинъ органъ не изъятъ отъ участія въ воплощеніи чувствованій.

1) *Слезная железа и мѣшочекъ.* Изліяніе слезъ изъ железы совершается неизмѣнно и постоянно въ теченіи часовъ бодрствованія. Состоянія волненія— нѣжность, горе, чрезмѣрная радость—заставляютъ жидкость отдѣляться и выливаться въ большемъ количествѣ, такъ что она не только смачиваетъ глазъ, но и вытекаетъ на щеки. Благодаря такому изліянію, часто испытывается облегченіе отъ подавляющаго страданія, такъ какъ это физическое обстоятельство служитъ, очевидно, средствомъ для опоражниванія наполненныхъ сосудовъ мозга. Слезный органъ, несомнѣнно, обладаетъ сильною чувствительностью,—доказательство его близкаго родства съ мозгомъ. Обыкновенное и здоровое теченіе этого отдѣленія, если оно сопровождается сознаніемъ, соединяется съ отраднымъ и живительнымъ чувствомъ; при судорожномъ рыданіи, не только количество слезъ велико, но и по качеству онѣ, кажется, измѣняются, становясь сильно солеными.[1])

2) *Половые органы.* Эти органы служатъ какъ источниками чувствованія, если они непосредственно подвергаются дѣйствію, такъ и посредниками вліянія, идущаго изъ мозга подъ дѣйствіемъ многихъ состояній чувствованія, возникающихъ инымъ способомъ. Они служатъ поразительнымъ подтвержденіемъ того факта, что наши душевныя волненія управляются не однимъ мозгомъ, но мозгомъ въ соединеніи съ другими органами тѣла. Въ мозгу, на сколько мы знаемъ, съ наступленіемъ зрѣлости, не происходитъ никакой перемѣны; тѣмъ не менѣе, въ это время происходитъ большое расширеніе эмоціональныхъ воспріимчивостей. Хотя половые органы могутъ и не получать свойственнаго имъ возбужденія извнѣ, однако одно уже обстоятельство ихъ полнаго развитія, какъ придаточное эхо къ нервнымъ волнамъ, расходящимся отъ мозга, подоб-

---

[1]) Отсюда, быть можетъ, въ названіи слезъ *горькими* лежитъ не одинъ только психологическій элементъ, но и *физіологическій*. Прим. перевод.

по прибавкѣ новаго ряда отверстій на духовомъ инструментѣ, измѣняетъ весь тонъ душевныхъ чувствованій. Это—прибавка части сколько чувствительной, столько-же и *отражающей* (resonant).

3) *Пищеварительные органы.* Они уже были вполнѣ описаны, и на ихъ вліяніи на духъ мы также останавливались. На этотъ разъ, по ходу рѣчи, мы обратимъ, частнѣе, вниманіе на обратное вліяніе на нихъ духа. Можно сомнѣваться, существуетъ ли какое нибудь значительное душевное волненіе, которое-бы проходило въ насъ, не сказываясь на процессахъ пищеваренія, оживленіемъ или угнетеніемъ ихъ. Всѣ угнетающія и тревожащія страсти, какъ извѣстно, отнимаютъ аппетитъ, задерживаютъ здоровое дѣйствіе желудка, печени, внутренностей и пр. Веселое возбужденіе въ мѣру возбуждаетъ эти отправленія; хотя радость можетъ быть такою напряженною, что произведетъ разстраивающее дѣйствіе, однако можно замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ искреннее восхищеніе или очарованіе легко уступаетъ мѣсто настоящей шумной страсти.

Вліяніе чувствованій на пищевареніе въ самой осязательной формѣ усматривается въ процессѣ слюнотеченія. Въ страхѣ ротъ высыхаетъ, вслѣдствіе прекращенія притока слюны,—точная аналогія того, что происходитъ съ желудочнымъ сокомъ въ желудкѣ.

Одинаково замѣчательный примѣръ въ этомъ же направленіи представляетъ давящее ощущеніе въ глоткѣ во время припадка горя. Мускулы гортани, которые составляютъ какъ бы начало мускульнаго покрова пищевого канала, судорожно сокращаются, вмѣсто того, чтобы измѣнить свой надлежащій ритмъ. Замѣчательная чувствительность этой части, во время различныхъ душевныхъ волненій, должна быть разсматриваема только какъ высшая степень чувствительности внутренностей вообще. Сумма цѣлаго дѣйствія значительна по массѣ, хотя и недостаточна по остротѣ. Даже во время пріятныхъ душевныхъ волненій иногда ощущается щекотаніе въ глоткѣ.

4) *Кожа.* Кожная испарина подвергается вліянію во время сильныхъ ощущеній. Холодный потъ отъ страха или угнетающей страсти есть ни что иное, какъ внезапное опоражниваніе потогонныхъ железъ кожи. По измѣняющемуся во время сильнаго возбужденія запаху неощущаемой или газообразной испарины мы узнаемъ, что въ этомъ дѣлѣ бываютъ отвѣтственны отправленія кожи. Съ другой стороны, можно предположить, что пріятное возвышеніе духа оказываетъ живительное вліяніе на всѣ эти отправленія.

Точно такого же рода замѣчанія прилагаются къ почкамъ.

5) *Сердце.* Выталкивающая сила дѣятельности сердца измѣняется съ измѣненіемъ душевныхъ состояній точно такъ-же, какъ и съ измѣненіемъ физическаго здоровья и крѣпости. Нѣкоторыя чувствованія обнаруживаютъ возбуждающее дѣйствіе и прибавляютъ силы, между тѣмъ какъ большія страданія, ужасъ и угнетеніе могутъ довести дѣятельность сердца до нуля. Мюллеръ замѣчаетъ, что разстройство сердца есть доказательство *большого размѣра* эмоціональной волны, или того, что она вышла за предѣлы сферы мозговыхъ нервовъ къ частямъ, стоящимъ подъ дѣйствіемъ симпатическаго нерва.

6) *Молочная железа* у женщинъ. Кромѣ только что перечисленныхъ органовъ, общихъ обоимъ поламъ, мы должны упомянуть объ особенности женщинъ, а именно объ отдѣленіи молока. Какъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ, это отдѣленіе, въ продолженіи нѣкоторыхъ состояній духа, живительно, отрадно и здорово, между тѣмъ какъ угнетающія страсти задерживаютъ и отравляютъ его. Будучи придаточнымъ сѣдалищемъ чувствительности и придаточнымъ отраженіемъ для расходящейся волны чувствованія, этотъ органъ, какъ можно предполагать, дѣлаетъ женскій темпераментъ болѣе эмоціональнымъ, чѣмъ мужской, особенно послѣ того, какъ дѣторожденіе вступило въ свои полныя права.

6. Связь чувствованій съ физическими состояніями можетъ быть, для обширнаго класса фактовъ, коротко выражена въ слѣдующемъ положеніи: *Состоянія удовольствія сопровождаются возвышеніемъ, а состоянія страданія—пониженіемъ нѣкоторыхъ или всѣхъ жизненныхъ отправленій.*

Доказательства этого начала заимствуются изъ разсмотрѣнія, во-первыхъ, дѣятелей и, во-вторыхъ, обнаруженій чувствованія.

1) Обращее вниманіе на простыя ощущенія, какъ уже описанныя, и начиная съ мускульныхъ, мы замѣчаемъ, что мускульное упражненіе, если оно пріятно, есть источникъ обильной энергіи. Мускульная усталость есть слѣдствіе истощенія. Удовольствіе отдыха послѣ усталости, вѣроятно, связано съ отливомъ крови отъ мускуловъ къ другимъ органамъ, каковы мозгъ, желудокъ и пр. Мускульная дѣятельность прекращается, и ея мѣсто заступаетъ органическая дѣятельность; существуютъ и другія основанія для предположенія, что нашъ пріятный тонъ зависитъ болѣе отъ органической, чѣмъ отъ мускульной крѣпости.

Обширная и важная группа чувствованій, называемая ощуще-

ніями органической жизни, съ особенною ясностью свидѣтельствуетъ въ пользу доказываемаго положенія. Органическія удовольствія, происходящія отъ дыханія, пищеваренія и пр., соединяются съ оживляющими дѣятельностями; органическія страданія, заключающія въ себѣ списокъ болѣзней и физическихъ поврежденій, указываютъ на обратное. Кажущіяся исключенія представляютъ интересный предметъ для изученія. Такъ, холодъ можетъ быть и мучительнымъ, и здоровымъ. Объясненіе, кажется, будетъ такое, что холодъ на время угнетаетъ отправленія кожи и, такимъ образомъ, бываетъ орудіемъ страданія, между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ, онъ укрѣпляетъ мускулы, нервы и легкія, а чрезъ нихъ, въ концѣ концовъ, пищевареніе. Этотъ случай доказываетъ высшую чувствительность кожи въ сравненіи съ другими органами; отсюда мы видимъ, что хотя наши удовольствія связаны съ высокой жизненностью, однако они не связаны равнымъ образомъ и со *всѣми* жизненными отправленіями. Это замѣчаніе даетъ намъ возможность устранить и другое исключеніе, а именно, сосуществованіе тѣлесной болѣзни съ отсутствіемъ страданія и даже съ благосостояніемъ и возвышеніемъ духа. Въ такихъ случаяхъ, болѣзнь можетъ существовать въ нечувствительныхъ органахъ и отправленіяхъ. Простая мускульная слабость сама по себѣ не непріятна; сердце можетъ быть разстроено весьма сильно и безъ страданія; могутъ также быть формы болѣзней легкихъ, печени, почокъ и пр., которыя не затрогиваютъ чувствующихъ нервовъ. Но болѣзнь кожи, недостатокъ теплоты, несвареніе и извѣстныя другія формы разстройства, вмѣстѣ съ ранами и болячками, неизмѣнно сопровождаются страданіемъ и несчастіемъ.

Такъ, что касается мускульныхъ чувствованій и ощущеній органической группы, то, со сдѣланнымъ сейчасъ ограниченіемъ, индукція можетъ считаться доказанною. Но переходя къ пяти чувствамъ, мы не встрѣчаемъ здѣсь такого же подтвержденія. При удовольствіяхъ вкуса, обонянія, осязанія, слуха, зрѣнія можетъ быть и, несомнѣнно, бываетъ извѣстное приращеніе жизненной силы, напр. при вліяніи свѣта или „веселаго дня“, однако приращеніе общей жизненности не бываетъ соразмѣрно съ удовольствіемъ. Говоря кратко, въ этомъ пунктѣ индукція недостаточна и нужно какое-нибудь другое начало для завершенія желаемаго объясненія.

2) Посмотримъ теперь на *обнаруженія*, зависящія отъ противоположныхъ состояній удовольствія и страданія. Разсмотрѣніе обнаруженій будетъ обнимать теорію выраженія, частные случаи которой мы уже видѣли.

Общій фактъ, что, подъ вліяніемъ удовольствія, всѣ обнаруженія живы, сильны и обильны, показываетъ, что наши дѣятельности такъ или иначе поднялись на время. Подъ дѣйствіемъ страданія, наоборотъ, происходитъ тихій ходъ, упадокъ и пораженіе дѣятельностей; поврежденіе и болѣзнь укладываютъ страждущаго въ постель; одръ болѣзни есть мѣсто бездѣятельности.

Приведемъ анализъ, сдѣланный Беллемъ, относительно выраженія лица при удовольствіи и страданіи.—Въ радости, брови поднимаются и ротъ расширяется, слѣдствіемъ чего бываетъ открытое и широкое лицо. Въ болѣзненныхъ волненіяхъ, брови стягиваются сдвигающимъ мускуломъ, ротъ собирается и иногда растягивается въ углахъ. Далѣе, въ радостномъ выраженіи, очевидно, употребляется значительная сумма мускульной энергіи: значительное число большихъ мускуловъ сокращается на всемъ своемъ протяженіи. До сихъ поръ выставленное положеніе оправдывалось. Затѣмъ, въ страданіи тѣ же мускулы ослабляются; но за то другіе мускулы приходятъ въ дѣйствіе, такъ что различіе можетъ показаться не различіемъ энергіи, но различіемъ направленія энергіи. Этотъ фактъ имѣетъ видъ парадокса и до сихъ поръ приводилъ въ затрудненіе. Удовольствіе и страданіе суть состоянія всецѣло противоположныя, какъ плюсъ и минусъ, приходъ и расходъ, и ихъ физическія условія должны бы обнаруживать подобную же противоположность. Можетъ быть, мы можемъ примирить эти видимыя противорѣчія слѣдующимъ образомъ. Правда, что въ страданіи извѣстные мускулы дѣйствуютъ, но это — мускулы небольшой величины, и своимъ сокращеніемъ они сильнѣе ослабляютъ бóльшіе мускулы, такъ что, въ общемъ, освобождающаяся нервная энергія и кровь идутъ къ другимъ частямъ системы. Слабое напряженіе мускула, сморщивающаго брови, довершаетъ ослабленіе гораздо болѣе сильнаго мускула, который поднимаетъ ихъ; стягиваніе рта освобождаетъ болѣе обширные растягивающіе мускулы. Еще болѣе очевидно дѣйствіе сгибающихъ мускуловъ тѣла; большой перевѣсъ мускульной силы находится въ поднимающихъ мускулахъ; но въ присѣданіи и изнеможеніи тѣла послѣдніе полнѣе ослабляются посредствомъ небольшого напряженія сгибающихъ мускуловъ. Отсюда, издержка силы можетъ въ цѣломъ освобождать силу; сильная унылость лица можетъ облегчать сердце.

Другое обнаруженіе, не подходящее подъ разсматриваемое правило, есть энергическое проявленіе при остромъ страданіи. Но это есть только дѣйствіе другого органическаго закона. Всякое вне-

запное и напряженное потрясеніе служитъ извѣстнымъ стимуломъ для нервовъ и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ общее возбужденіе. Хорошо извѣстно, что, въ случаѣ страданія, такое возбужденіе вполнѣ оплачивается послѣдующимъ изнеможеніемъ и что, въ цѣломъ, выраженіе согласно съ нашимъ главнымъ положеніемъ.

Два большихъ судорожныхъ взрыва—смѣхъ и рыданіе—представляютъ добавочные примѣры.

Смѣхъ есть радостное выраженіе и всѣми своими сторонами обнаруживаетъ возвышенную энергію. Большой дыхательный мускулъ—грудобрюшная преграда—судорожно сокращается, другими словами, претерпѣваетъ рядъ быстрыхъ и сильныхъ сокращеній, указывающихъ на присутствіе чрезмѣрнаго возбужденія. Голосъ соперничаетъ съ нею въ дѣятельныхъ обнаруженіяхъ; черты лица растягиваются до полнаго предѣла веселаго выраженія. Однако, не смотря на всю эту трату, за нею не слѣдуетъ угнетеніе, какъ при острыхъ страданіяхъ; напротивъ, по общему признанію, органическія отправленія раздѣляютъ въ этомъ случаѣ общее возвышеніе.

Въ судорожномъ обнаруженіи горя почти все происходитъ наоборотъ. Дыханіе дѣлается медленно, т. е. грудобрюшная преграда и прочіе дыхательные мускулы слабо исполняютъ свою обязанность, по недостатку нервной силы. Голосъ дѣйствуетъ слабо и издаетъ протяжные меланхолическіе звуки. Гортань или глоточная сумка, отчасти, парализуется, и глотаніе затрудняется. Черты лица ослабляются, и все тѣло поникаетъ. (Если плачетъ здоровое дитя и изъ-за пустяковъ, то здѣсь, можетъ быть, встрѣтится мало знаковъ ослабленной жизненности; но, въ такомъ случаѣ, тутъ нѣтъ и дѣйствительнаго горя). Наконецъ, изліяніе слезъ, какъ полагаютъ, имѣетъ отношеніе къ переполненному состоянію кровеносныхъ сосудовъ мозга, который отчасти и облегчается посредствомъ слезъ.

Доказательства разсматриваемаго начала, почерпаемыя изъ изученія отдѣльныхъ обнаруженій подъ дѣйствіемъ удовольствія и страданія, прилагаются и къ ощущеніямъ, и къ волненіямъ. Они показываютъ, что хотя могутъ быть формы удовольствія безъ такой видимой прибавки къ физическимъ средствамъ, какъ въ пищеварительномъ и дыхательномъ процессахъ, однако наличныя средства привлекаются къ возвышенію нѣкоторыхъ изъ дѣятельныхъ отправленій.

Это послѣднее соображеніе, повидимому, сталкивается съ случаемъ удовольствій пяти чувствъ. Зрительныя ощущенія и звуки

ничего не прибавляютъ къ матеріальному запасу организма, подобно пищѣ и воздуху; но они оказываются полезными для развитія нервной силы. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ провозглашенію другого принципа, ограничивающаго и дополняющаго тотъ, съ котораго мы начали.

7. Сопутствіе удовольствія и возвышенной жизненности (и наоборотъ) ограничивается, но не стоитъ въ противорѣчіи съ дѣятельностію стимуловъ.

Стимулы бываютъ двухъ классовъ: 1) обыкновенные дѣятели чувствъ (вкусы, запахи, осязательныя ощущенія и пр.) и эмоцій (удивленіе, любовь и пр.); и 2) возбуждающія вещества.

1) Что касается трехъ изъ чувствъ—осязанія слуха и зрѣнія, то естественное возбужденіе ихъ соотвѣтственными дѣятелями пріятно въ извѣстныхъ предѣлахъ напряженности, опредѣляемыхъ силой и свѣжестью нервной системы. Для уха пріятно подвергаться дѣйствію звука, для глазъ—свѣта, до тѣхъ поръ, пока эти органы не устанутъ и нервная раздражительность не исчерпана. Въ этихъ чувствахъ страданіе причиняется, главнымъ образомъ, излишкомъ возбужденія. Въ отношеніи къ вкусу и обонянію дѣло стоитъ иначе: здѣсь есть дѣятели специфически пріятные и дѣятели специфически непріятные во всѣхъ своихъ степеняхъ; сладкое и горькое во вкусѣ, пахучее и зловонное въ обоняніи не основываются на одномъ только различіи по напряженности. Мы должны предположить, что извѣстные дѣятели во всѣхъ степеняхъ благопріятны для нервнаго возбужденія, а извѣстные—неблагопріятны.

Высшія эмоціи не представляютъ никакой трудности. Тѣ, которыя пріятны, какъ удивленіе, любовь, сила, довольство, одобреніе, знаніе, гармонія—благопріятствуютъ жизненности, или даютъ здоровые стимулы; болѣзненныя волненія, какъ страхъ, ненавистъ, безсиліе, стыдъ, разладъ—угнетаютъ и физически и душевно.

2) Возбуждающія вещества, какъ алкоголь, чай, табакъ, опій, конопля, орѣхъ бетеля, лишь немного способствуютъ возрастанію жизненной дѣятельности и, за исключеніемъ случаевъ умѣреннаго употребленія ихъ, всегда сильно ослабляютъ ее. Поэтому они представляютъ крайнюю форму возбужденія въ собственномъ смыслѣ; они поднимаютъ нервную силу, не доставляя ее сами, и этимъ, въ еще болѣе настойчивой формѣ, доказываютъ, что мы не реализуемъ всякое пріятное возбужденіе, которое могутъ дозволить фи-

зическія силы системы, если не употребимъ дѣятелей для раздраженія и вызова нервнаго уподобленія и дѣятельности.

8. Начало сопутствія удовольствія и оживляющихъ вліяній (и наоборотъ) можетъ быть отнесено къ закону самосохраненія.

Если бы было иначе, то системы человѣка и животныхъ были бы образованы для своего разрушенія. Если бы удовольствіе однообразно соединялось съ пониженною жизненностью, а страданіе—наоборотъ, то кто заботился бы о поддержаніи своей жизни? Съ другой стороны, опасная свобода ограничивающаго начала возбужденія служитъ и ограниченіемъ начала, и открытою дверью для злоупотребленій. Мы не можемъ имѣть удовольствія безъ наличности по крайней мѣрѣ одного элемента дѣятельности—нервнаго уподобленія; однако возможно, что другіе интересы могутъ при этомъ страдать, не затрогивая тона въ данную минуту, хотя когда либо въ будущемъ они, конечно, исполнятъ неумолимый законъ.

Къ закону самосохраненія мы должны обратиться сейчасъ, отъискивая основаніе для воли.

Инстиктивные зародыши воли.

1. Наша волевая способность, какъ она является въ зрѣлой жизни, есть совокупность пріобрѣтеній.

Голодный человѣкъ, видя передъ собой пищу, протягиваетъ руку, подноситъ кусочекъ ко рту, жуетъ, разжевываетъ и глотаетъ его. Младенецъ не можетъ дѣлать ничего этого: въ его умѣ нѣтъ связующаго звена между состояніемъ голода и движеніями для его удовлетворенія. Муха садится на лицо дитяти, производя щекочущее раздраженіе; но употреблять движеніе для согнанія ея—не въ силахъ младенца. Составляетъ уже слѣдствіе пріобрѣтенія то, что мѣстное чувство раздраженія въ какой нибудь части ассоцируется съ движеніемъ руки къ этой части. Такія ассоціаціи по необходимости весьма многочисленны; воля представляетъ собой цѣлый механизмъ подробностей.

Пріобрѣтеніе должно опираться на извѣстныя первичныя основанія; здѣсь должны быть разсмотрѣны только эти послѣднія.

2. I. Одно изъ основаній волевой способности дано въ самопроизвольности мускульной дѣятельности.

Мы уже привели доказательство самопроизвольности мускульнаго разряженія. Въ немъ мы имѣемъ источникъ движеній всѣхъ дѣятельныхъ органовъ; каждый органъ расположенъ перейти въ дѣятельность просто по возбужденію центральной энергіи. Передвиженіе, голосъ, черты лица, челюсти и языкъ—всѣ попеременно проявляютъ дѣятельность, когда ихъ нервные центры находятся въ состояніи свѣжести и достаточнаго питанія.

Но самопроизвольность еще не составляетъ воли. Импульсы самопроизвольности случайны и безцѣльны; волевыя движенія выбраны и направлены къ цѣли; самопроизвольность прекращается тогда, когда воля наиболѣе требуется, т. е. когда система истощена и нуждается въ освѣженіи.

3. II. Другого основанія волевой способности надо искать въ обширномъ законѣ самосохраненія.

Въ томъ фактѣ, что удовольствіе сопровождается возвышенной энергіей, а страданіе пониженной, лежитъ начало волевого контроля, хотя только начало. При извѣстныхъ обстоятельствахъ, это соединеніе дѣлаетъ то, чего мы ожидаемъ отъ воли, а именно, упрочиваетъ удовольствіе и облегчаетъ страданіе. Если настоящее движеніе совпадаетъ съ настоящимъ удовольствіемъ, то удовольствіе, какъ сопровождаемое усиленною энергіей, будетъ направляться къ поддержанію и усиленію движенія; такъ бываетъ, напр., когда уже начавшее сосать дитя испытываетъ вкусъ и питательное возбужденіе материнскаго молока; или когда начавшееся разжевываніе пищи обнаруживаетъ ея пріятный вкусъ. Этотъ процессъ есть процессъ окольный; потому что, по закону сохраненія, все, что достигается прежде всего, есть усиленіе жизненной энергіи въ органахъ вообще—въ органическихъ отправленіяхъ и мускулахъ въ равной мѣрѣ; а разсматриваемое частное движеніе только участвуетъ въ общемъ подъемѣ силы.

Пояснимъ это и со стороны страданія. Если настоящее движеніе совпадаетъ съ настоящимъ страданіемъ, (но не съ возбуждающею жгучею болью), то спутникомъ страданія бываетъ пониженіе жизненной энергіи, каковое пониженіе распространяется и на предполагавшееся движеніе и задерживаетъ его; напр., когда животное, двигаясь на огонь, получаетъ обжогъ съ его подавляющимъ вліяніемъ и, вслѣдствіе этого, прекращаетъ свое дальнѣйшее движеніе.

Въ сейчасъ предложенныхъ случаяхъ, вліяніе самосохраненія равносильно дѣйствію воли на всякой ступени; недостатокъ лишь

въ томъ, что одно сохраненіе, еще болѣе чѣмъ самопроизвольность, не заставитъ настоящее движеніе возникнуть изъ инертнаго соннаго состоянія. Дойти до этого—вотъ гдѣ дѣйствительная трудность проблемы.

4. Совпаденіе удовольствія съ движеніями, служащими къ его поддержанію или усиленію, можетъ быть сначала случайно.

Ничего, кромѣ случая, нельзя указать въ качествѣ средства къ первому соединенію удовольствія и движенія. Самопроизвольность причиняетъ разнообразныя движенія: если одно изъ нихъ совпадаетъ съ моментомъ пріятнаго чувствованія, то сопровождающее проявленіе энергіи сдѣлаетъ его болѣе энергическимъ. Новорожденное животное, касаясь теплаго тѣла матери, вслѣдствіе удовольствія соприкосновенія, физически возвышается и усиливаетъ движеніе, которое само начинаетъ поддерживать это удовольствіе. Когда, послѣ безцѣльныхъ движеній въ теченіи часа, оно получаетъ соску въ ротъ, происходитъ новое проявленіе удовольствія и сопутствующей жизненности. Стимулъ сосанья, (самъ по себѣ рефлективный процессъ), еще болѣе возбуждаетъ энергію къ продолженію разъ начавшагося движенія. Но, прежде случаевъ, которые привели къ этимъ совпаденіямъ, животное не могло по своей волѣ напасть на приспособленныя дѣйствія. Ребенокъ не можетъ найти пути къ груди; онъ можетъ сосать только тогда, когда его приложатъ къ ней.

5. III. Когда одно и то же движеніе болѣе раза совпадаетъ съ состояніемъ удовольствія, то удерживающая сила духа устанавляетъ между ними ассоціаціи.

Послѣ нѣсколькихъ повтореній благопріятнаго случая, который впервые соединилъ движеніе и удовольствіе, (или облегченіе страданія), эти послѣднія связываются соединительнымъ звеномъ, и тогда возникновеніе удовольствія легко сопровождается движеніемъ, служащимъ къ его поддержанію и усиленію. Послѣ нѣкотораго числа совпаденій вкуса отъ пищи съ процессомъ жеванія, кусочекъ пищи во рту прямо побуждаетъ челюсти работать.

Мы еще коснемся этой части нашего воспитанія, когда будемъ говорить объ умѣ, а полнѣе—при подробномъ изложеніи роста воли.

КНИГА II.

Умъ.

1. Отправленія ума, познавательной способности, или мышленія извѣстны подъ названіями памяти, сужденія, отвлеченія, разсужденія, воображенія.

Эти послѣднія обозначенія были усвоены Ридомъ, Стюартомъ и другими, какъ устанавливающія дѣленіе интеллектуальныхъ силъ. Но если смотрѣть строго, это—дѣленіе несостоятельное; части не исключаютъ взаимно одна другую. Дѣйствительное подраздѣленіе умственныхъ отправленій, это—то, которое дано прежде и повторяется теперь.

2. Первичныя свойства ума суть: 1) сознаніе *различія*, 2) сознаніе *сходства* и 3) *память*. Всякое собственно умственное отправленіе заключаетъ въ себѣ одно или болѣе изъ этихъ свойствъ и ничего другого.

1) Различеніе, или чувство *различія* есть существенная часть ума. Если бы мы не возбуждались различно различными вещами, какъ тепло и холодъ, красный цвѣтъ и синій, мы не возбуждались бы вовсе. Начало познанія или идей состоитъ въ различеніи одной вещи отъ другой. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ больше различій, какъ напр. въ нашихъ высшихъ чувствахъ, мы болѣе интеллектуальны. Даже въ отношеніи нашихъ удовольствій и страданій, мы выполняемъ интеллектуальную операцію, когда говоримъ о нихъ, какъ различающихся по степени.

Эта функція интеллекта очевидно обнаруживалась уже въ ощущеніяхъ движенія и внѣшнихъ чувствъ. Простой фактъ различенія внѣшнихъ чувствъ и ихъ ощущеній предполагаетъ участіе различающей способности. Въ дальнѣйшемъ поясненіи этого факта, кажется, нѣтъ надобности. Существуютъ высокія примѣры различенія, когда напр. банкиръ открываетъ просроченный вексель, или адвокатъ указываетъ на какую нибудь опущенную сторону въ дѣлѣ, но эти случаи входятъ въ интеллектуальныя изысканія, или удерживательную способность ума.

Основное свойство различенія выражается также въ законѣ *относительности*, на что уже было указываемо выше. Мы не можемъ

ни чувствовать, ни знать безъ перехода или измѣненія состоянія: каждое чувствованіе и каждое познаніе должны быть разсматриваемы въ отношеніи къ состоянію другого чувства или другого познанія. Ощущеніе тепла не имѣетъ абсолютнаго характера: оно существуетъ какъ переходъ отъ предшествовавшаго состоянія холода, и самое ощущеніе всецѣло зависитъ отъ этого состоянія. По отношенію ко всѣмъ вообще чувствованіямъ извѣстно, что они существуютъ только при сравненіи; удовольствіе добраго здоровья существуетъ по отношенію къ плохому здоровью, богатство предполагаетъ сравнительную бѣдность. Тоже самое и въ отношеніи познанія: все извѣстное извѣстно по противоположности съ чѣмъ нибудь,— „верхъ" предполагаетъ „низъ"; „черный" цвѣтъ предполагаетъ „бѣлый" или другіе какіе либо цвѣта. Единичнаго или абсолютнаго познанія быть не можетъ.

2) Сознательное состояніе, возникающее изъ *сходства* среди различія,—равно замѣтно и равно существенно. Предположимъ, напр., что мы въ первый разъ воспринимаемъ извѣстное впечатлѣніе, напр. краснаго цвѣта, и затѣмъ, испытавъ другія ощущенія, снова испытываемъ то же самое ощущеніе краснаго; мы имѣемъ въ этомъ случаѣ особое чувство тожества или узнаванія; прежнее состояніе вспомнилось при встрѣчѣ новаго въ силу существующаго между ними сходства, и мы имѣемъ въ ощущеніи краснаго, вмѣстѣ съ новымъ и особымъ сознаніемъ,—сознаніе сходства въ различіи. И чѣмъ больше различіе, тѣмъ поразительнѣе бываетъ точка сходства.

Всякое знаніе въ концѣ концовъ разрѣшается въ различіе и сходство. Опредѣлить что нибудь, напр. кругъ,—значитъ указать его сходство съ извѣстными предметами (genus) и его различіе отъ другихъ (differentia).

Процессъ отожествленія, подразумѣваемый сходствомъ, служитъ громаднымъ средствомъ умственнаго воспроизведенія или репродукціи, о чемъ будетъ рѣчь въ отдѣлѣ объ ассоціаціи или воспроизводительномъ началѣ сходства.

3) Аттрибутъ, называемый *удерживаніемъ*, памятью, имѣетъ два вида, или двѣ степени.

Во первыхъ. Стойкость или продолжаемость умственнаго возбужденія, послѣ исчезновенія дѣйствовавшей причины. Когда ухо поражается звукомъ пушечнаго удара, происходитъ умственное возбужденіе, называемое звуковымъ ощущеніемъ; прекращеніе или исчезновеніе удара не прекращаетъ умственнаго возбужденія; эта продолжающаяся сознательность, хотя и слабая, и есть память или идея звука.

Во вторыхъ. Дальнѣйшую и высшую способность—воспроизведеніе, въ формѣ идей, прошлыхъ и исчезнувшихъ впечатлѣній, безъ участія ихъ оригиналовъ, а единственно лишь посредствомъ умственныхъ операцій. Возможно, что въ послѣдующее время, въ умѣ воспроизведутся нѣкоторые изъ прежде слышанныхъ звуковъ, безъ повторенія чувственнаго дѣйствія. Это и есть дѣйствительная память, способность неизвѣстная внѣ связи съ животнымъ организмомъ. Вышеуказанное свойство можетъ быть пояснено сравненіемъ съ волнами на озерѣ, произведенными брошеннымъ камнемъ, или посредствомъ какого либо другого примѣра изъ механическаго закона инерціи. Но точное воспроизведеніе фактовъ, имѣвшихъ мѣсто только въ прошедшемъ, и накопленіе въ извѣстномъ организмѣ цѣлыхъ тысячъ такихъ воспроизводимыхъ образовъ, можно считать исключительнымъ отправленіемъ существъ, одаренныхъ мозгомъ и нервной системой.

Главнымъ посредникомъ этого воспроизведенія служитъ присутствіе какого либо факта или обстоятельства, или сосуществовавшаго ранѣе, или въ какомъ либо отношеніи касающагося его (смежнаго съ нимъ),—когда напр. мы воспроизводимъ извѣстную вещь по одному ея названію; удерживательная способность носитъ въ этомъ случаѣ названіе ассоціаціи *смежности*.

Отсюда не слѣдуетъ, что бы три указанныя свойства могли дѣйствовать въ отдѣльности, или могли существовать порознь. Напротивъ, они до такой степени сплетены между собою, что остановка одного изъ нихъ влечетъ разрушеніе другихъ. Различеніе не могло бы существовать безъ удерживанія; но и въ послѣднемъ ничего не было бы безъ различенія, и далѣе, никакой прогрессъ въ памяти не былъ бы возможенъ безъ сходства. При всемъ томъ однако же эта взаимная связь въ ихъ дѣйствіяхъ дѣлаетъ эти процессы раздѣльными съ логической точки зрѣнія; каждый изъ нихъ представляетъ собой нѣчто совершенно особое отъ прочихъ. Они подобны сочетанію протяжонности и цвѣта въ матеріальныхъ тѣлахъ: свойства эти не разлучны, однако же отличны.

Подробное разсмотрѣніе интеллектуальной способности сводится главнымъ образомъ къ двумъ послѣднимъ аттрибутамъ—сходству и памяти, но такъ какъ самыя интересныя примѣненія сходства связаны съ воспроизводимыми или пріобрѣтенными продуктами, то лучше начать съ памяти или образовательнаго (зиждительнаго) свойства. Вслѣдъ за тѣмъ будетъ изложено свойство согласія или сходства. Третья глава можетъ быть посвящена случаямъ сложной умственной

репродукціи. И наконецъ, можно будетъ, въ формѣ нѣкотораго вывода изъ процесса образованія первоначальныхъ построеній, разсмотрѣть и то, что зовутъ *творческой* или, что то же, изобрѣтающей способностію ума.

ГЛАВА I.

Удерживаніе.—Законъ смежности.

1. За немногими исключеніями, факты удерживанія могутъ быть обняты принципомъ, называемымъ закономъ смежности.

Удерживаніе есть общее названіе для памяти, привычки и вообще пріобрѣтенныхъ качествъ. Начало смежности было описываемо подъ различными именами, какъ напр. у Гамильтона подъ именемъ закона «возстановленія» (Redintegration); «ассоціаціи идей», включающей порядокъ по времени, мѣсту, причину и дѣйствіе. Начало смежности можетъ быть выражено такимъ образомъ:

2. Дѣйствія, ощущенія и состоянія чувства, встрѣчающіяся вмѣстѣ, или въ тѣсномъ преемствѣ, стремятся возникать вмѣстѣ, или связываются такъ, что, когда впослѣдствіи является въ умѣ одно какое-либо изъ нихъ, остальныя бываютъ готовы возсоединиться съ нимъ въ идеѣ.

Подробное описаніе примѣровъ будетъ дано различными обстоятельствами, опредѣляющими ходъ развитія связующей цѣпи. Вообще, какъ это хорошо извѣстно, опредѣленное постоянство или повторяемость бываютъ существенно необходимы для созданія крѣпкой связи.

Движенія.

Мы начинаемъ съ ассоціаціи движеній и состояній мускульной дѣятельности. Наши пріобрѣтенія содержатъ въ себѣ, какъ извѣстно, очень много группъ и рядовъ движеній, соединенныхъ между собою съ неизмѣннымъ постоянствомъ. Мы увидимъ, что, какъ-бы то ни было, главныя группы этого рода составляютъ ощущенія, и что случаи чистой ассоціаціи движенія не часты, хотя, конечно, бываютъ какъ возможны, такъ иногда и дѣйствительны.

3. Вѣроятно то, что наши самопроизвольныя и инстинктивныя дѣйствія укрѣпляются чрезъ упражненіе.

Различныя дѣйствія, встрѣчающіяся въ сферѣ свободныхъ выполненій, дѣлаются болѣе сильными и болѣе легкими послѣ того, какъ они продѣлывались извѣстное число разъ; между тѣмъ какъ инстинктивныя дѣйствія, какъ хожденіе на четвереینькахъ, сосаніе и др., черезъ повтореніе совершенствуются.

Въ ростѣ воли, заключающей въ себѣ самопроизвольныя дѣйствія, иногда, вслѣдствіе легкости начала, пріобрѣтается движеніе, переходящее послѣ въ привычку. Руки, голосъ, языкъ, ротъ проявляютъ свои силы прежде всего въ совершенно безцѣльной тратѣ энергіи посредствомъ чего они готовятся вступить въ связь съ спеціальными чувствованіями и предметами.

4. Движенія, часто соединявшіяся, становятся ассоціированными, или группированными, и возникаютъ въ совокупности, смотря по спросу.

Предположимъ, что способность ходить, а также дѣлать движенія членами тѣла, пріобрѣтена. Субъектъ можетъ, такимъ образомъ, научиться комбинировать движущійся шагъ съ направленіемъ пальцевъ впередъ. Два хотѣнія нужны для этого акта сначала; но впослѣдствіи вращеніе членовъ связывается съ актомъ ходьбы и, если только мы сами не желаемъ разбивать ихъ на два, они существуютъ вмѣстѣ въ формѣ походки; но такой результатъ основывается на комбинированномъ движеніи.

Дѣти, стремясь ходить, должны научиться держать себя въ равновѣсіи. Это прямо зависитъ отъ совокупныхъ движеній; поднятіе правой ноги ассоціировано съ движеніями, направленными на то, чтобы склонить все тѣло въ сторону лѣвой ноги, и наоборотъ. Искусство ходьбы заключаетъ другія соединенія: опусканіе одной изъ ногъ сопровождается поднятіемъ другой и нагибаніемъ впередъ всего тѣла. Участіе воспитанія здѣсь сказывается въ томъ, что бы сдѣлать эти соединенія безопасными и увѣренными, такъ чтобы одно движеніе не препятствовало выполнять вмѣстѣ съ нимъ другія параллельныя.

Членораздѣльная рѣчь представляетъ собой примѣръ соединенія мускульныхъ движеній и позицій. Соединенныя дѣйствія груди, гортани, языка и рта въ опредѣленную группу упражненій требуются для самаго первоначальнаго чтенія. Эти соединенія, прежде

невозможныя, связываются затѣмъ съ прочностію самаго сильнаго инстинкта.

5. Мы пріобрѣтаемъ также послѣдовательность движеній.

Во всѣхъ ручныхъ дѣйствіяхъ встрѣчаются послѣдовательности движеній, столь прочно ассоцированныя, что, когда мы будемъ дѣлать одно, остальное слѣдуетъ само собой совершенно механически и безсознательно. Въ ѣдѣ, напр., актъ открытія рта слѣдуетъ механически за поднесеніемъ куска. При зарядѣ ружья охотнику нѣтъ нужды въ отдѣльномъ хотѣніи каждаго движенія рукъ.

6. Рѣдко можно встрѣтить ассоціацію однихъ движеній, какъ такихъ, или, говоря иначе, безъ участія ощущеній.

Въ большинствѣ механическихъ рядовъ, чувство усилія какого либо движенія, обыкновенно, предваряетъ это послѣднее и служитъ звеномъ ассоціаціи. Такъ, при зарядѣ ружья, сознаніе того, что патронъ дошолъ до мѣста, предшествуетъ, какъ существенное звено, удаленію шомпола. Въ этихъ примѣрахъ мы видимъ сложную цѣпь чувствованій и движеній.

Глухой, говоря, могъ бы, повидимому, иллюстрировать порядокъ чистаго движенія, но даже и въ этомъ случаѣ существуетъ чувство мускульной траты. Это чувство не можетъ отсутствовать до тѣхъ поръ, пока не будетъ пріобрѣтена послѣдняя степень привычки, когда умъ участвуетъ въ движеніяхъ совершенно безсознательно. Въ этомъ конечномъ итогѣ лежитъ громадное практическое значеніе. Это суть тѣ дѣйствія, которыя совершаются съ наименьшимъ усиліемъ или тратой мозговыхъ силъ. Классъ дѣйствій, совершаемыхъ такимъ образомъ, носитъ названіе дѣйствій *вторично—автоматическихъ*, такъ какъ они похожи на автоматическія или рефлективныя дѣйствія, напр. дыханія и пр. Хотя изученіе послѣдовательности движеній почти всегда подразумѣваетъ на первыхъ порахъ участіе ощущенія, однако мы должны признать, что существуетъ сила или способность, ассоцирующая движенія, какъ такія, и что существуютъ особенныя обстоятельства, благопріятствующія пріобрѣтенію этого рода.

7. Существуютъ нѣкоторыя условія, заправляющія ходомъ пріобрѣтенія вообще. Таковы суть: 1) повторяемость или постоянство; 2) сосредоточеніе ума и 3) природную сцѣпляемость индивидуальнаго строенія.

1) По отношенію къ каждому пріобрѣтенію необходимъ нѣкоторый

навыкъ, *повторяемость* или практика, хотя эта необходимость и измѣняется сообразно съ обстоятельствами. Повтореніемъ мы восполняемъ природную слабость или другіе недостатки, какъ это бываетъ напр. въ сверхштатномъ ученьѣ неповоротливаго отряда или роты.

2) Умственное *сосредоточеніе* полагаетъ большую разницу въ ходѣ пріобрѣтенія. Когда мы прилагаемъ къ извѣстному дѣлу все наше вниманіе, связующій ростъ идетъ сравнительно быстро. Разбросанность, развлеченіе и опущеніе оказываютъ противоположное дѣйствіе на прогрессъ.

Сосредоточеніе, какъ волевой актъ, зависитъ отъ мотивовъ. Если работа пріятна въ ея планѣ и выполненіи, и если никакое другое удовольствіе съ нею не сталкивается, умъ бываетъ занятъ сполна. Это есть сосредоточеніе, вытекающее со стороны удовольствія. Все, къ чему мы чувствуемъ любовь, мы изучаемъ легко и охотно. Наши вкусы служатъ, такимъ образомъ, руководящимъ началомъ въ нашихъ пріобрѣтеніяхъ.

Но сосредоточеніе можетъ вызываться и страданіемъ. Сама по себѣ работа можетъ быть отвратительна сравнительно съ другимъ какимъ либо дѣломъ, и умъ избѣгаетъ ее до тѣхъ поръ, пока какое либо сильное страданіе не заставитъ взяться за нее; урокъ можетъ не нравиться, но послѣдствія, предносимыя умомъ, могутъ въ иномъ случаѣ быть на столько непріятны, что парализуютъ самое удовольствіе.

Другое вліяніе страданія состоитъ въ простомъ возбужденіи, которое усиливаетъ умственные процессы и отпечатлѣваетъ въ памяти всѣ предметы, которые только предносятся въ умѣ, придавая имъ, не смотря на противодѣйствіе воли, непріятную устойчивость.

3) Всѣ факты показываютъ, что природныя качества людей различны въ отношеніи способности нахожденія сродства, при совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ. Не только въ цѣломъ классѣ учениковъ, но и въ каждомъ субъектѣ замѣчаются величайшія несходства. Природная способность нахожденія сродства обыкновенно обнаруживается въ различнаго рода спеціальностяхъ—способности къ языкамъ, наукѣ, музыкѣ и пр; хотя обнаруживается также и въ болѣе общей формѣ или въ склонности къ вещамъ вообще. Отсюда, нѣкоторая часть ея можетъ быть приписана общему свойству или особенности системы въ цѣломъ; между тѣмъ какъ другая часть зависитъ отъ мѣстныхъ дарованій, напр. музыкальнаго слуха и пр.

8. Обстоятельства, благопріятствующія соединенію *движеній* заключаются: въ 1) мускульной бодрости, 2) дѣятельномъ темпераментѣ и 3) мускульной остроты или тонкости.

1) Чисто *мускульная сила*, благопріятствуя выполненію механическихъ дѣятельностей, или энергіи и настойчивости мускульнаго выполненія не можетъ не содѣйствовать успѣху механическихъ искусствъ или построеній.

2) Равнымъ образомъ, едва ли не большую роль играетъ здѣсь особенное свойство нервовъ, благодаря которому они быстро вызываютъ мускульную дѣятельность, опредѣляющую собой богатую и разнообразную *самопроизвольность* тѣлесныхъ движеній.

3) Въ мускульной системѣ, какъ и въ спеціальныхъ чувствахъ, могутъ существовать степени *тонкости*, обнаруживающейся въ особенной точности мускульнаго различенія. Гипотетически это свойство можетъ быть поставлено въ связь съ высшей организаціей ганглій активной стороны мозга—моторныхъ центровъ, откуда непосредственно выходятъ двигательные нервы. Всякій разъ, когда отличительный признакъ различенія указываетъ на высшую мускульную способность, мы имѣемъ основаніе предполагать и высшую степень мускульной запоминаемости. Аналогія, весьма тѣсная въ этомъ случаѣ съ внѣшними чувствами, будетъ выяснена затѣмъ; всего лучше это можно видѣть въ музыкальномъ слухѣ.

9. Пріобрѣтеніе въ каждой формѣ требуетъ, до извѣстной степени, физической силы.

Свѣжесть и сила всей вообще системы можетъ быть разсматриваема какъ существенное условіе для пластической дѣятельности. Утомленіе, истощеніе, недостаточное питаніе уменьшаютъ силы учащагося. Бо́льшая физическая сила раннихъ лѣтъ служитъ между прочимъ причиною того, почему молодой возрастъ служитъ періодомъ образованія.

Умственное сосредоточеніе, или дѣйствіе вниманія, необходимое для новыхъ пріобрѣтеній, драгоцѣнно и истощаетъ.

Идеальныя чувствованія движенія.—Мѣстопребываніе идей.

10. Идеи движенія могутъ быть ассоцiированы вмѣстѣ.

Мы можемъ имѣть идеи какъ воспоминанія, такъ и воображенія

о нашихъ различныхъ дѣятельностяхъ. Мы можемъ воспроизвести мысленно движенія танца или колебанія парусной лодки.

11. Въ отношеніи къ идеямъ вообще, вѣроятно, если только не вполнѣ достовѣрно, что возобновленное чувствованіе или идея занимаетъ тѣ же самыя части и въ томъ же видѣ, какъ оригиналъ, или дѣйствительное ощущеніе.

Въ прежнее время существовала смутная догадка, что память состоитъ въ запасѣ образовъ въ извѣстной части мозга, отличной отъ мѣстъ возбуждавшихся первоначально, что въ дѣйствительно видимомъ зданіи возбуждена извѣстная часть мозга, въ воспоминаніи же—другая, отличная. Но факты опровергаютъ подобное заключеніе.

Въ очень живомъ воспоминаніи мы находимъ стремленіе къ повторенію дѣйствительныхъ движеній. Такимъ образомъ, при умственномъ возпроизводеніи ряда словъ намъ кажется, что мы повторяемъ языкомъ настоящія, дѣйствительныя слова; воспоминаніе состоитъ въ сдержанномъ, глухомъ произношеніи. Одна простая надбавка къ силѣ или живости идеи или удаленіе волевого препятствія заставили бы насъ выразить во внѣ то, что мы говоримъ внутренно. Теперь, стремленіе идеи дѣйствія перейти въ дѣйствіе показываетъ, что идея есть уже фактъ въ слабой формѣ. Но если такъ, то долженъ быть совершонъ тотъ же самый нервный кругъ, или заняты тѣ же самыя частицы мозга въ обоихъ состояніяхъ.

Та же самая доктрина должна быть одинаково приложима къ ощущеніямъ и чувствамъ. Возьмемъ примѣры. Одна только идея тошнящаго вкуса можетъ возбудить дѣйствительное ощущеніе, доходящее до произведенія рвоты. Видъ лица, проводящаго острымъ инструментомъ по стеклу, возбуждаетъ хорошо извѣстное ощущеніе въ зубахъ. Видъ пищи вызываетъ появленіе слюны. Въ месмерическихъ опытахъ такое явленіе идетъ еще далѣе: паціентъ, вслѣдствіе усвоенной имъ предвзятой идеи опъяненія, принимаетъ видъ дѣйствительно пьянаго. Слабонервные люди становятся больными на самомъ дѣлѣ вслѣдствіе именно того, что имъ ложно сказано, что они высматриваютъ больными.

То же бываетъ съ спеціальными эмоціями и волненіями. Мысль или воспоминаніе гнѣва производитъ то же самое выраженіе лица, тѣ же самые жесты, какъ и дѣйствительное волненіе. Память объ испугѣ есть вновь пробужденный испугъ, хотя и въ слабой степени.

На это могутъ возразить, что потеря зрѣнія въ такомъ случаѣ

должна сопровождаться потерей въ памяти зрительныхъ образовъ; что воображеніе Мильтона должно было разстроиться, когда онъ ослѣпъ. На это мы отвѣтимъ, что внутреннія частицы мозга должны считаться главною частію дѣйствія какъ въ ощущеніяхъ, такъ въ идеяхъ. Разрушеніе какого либо органа чувствъ, дѣлая невозможнымъ соотвѣтствующія ощущенія, можетъ служить лишь небольшимъ препятствіемъ для внутренней дѣятельности; оно отрѣзываетъ только крайніе предѣлы теченія, нѣкогда описываемаго проходящими токами. Кромѣ того, прекращеніе оптической чувствительности вовсе не вредитъ дѣятельности глазныхъ *мускуловъ*, гдѣ воплощаются воспріятія видимаго движенія, формы, разстоянія и пр., что составляетъ въ живописи одну половину, не менѣе важную, какъ и другая, т. е. свѣтъ и цвѣта.

12. Тенденція, общая всѣмъ идеямъ,—стать дѣйствительностями, смотря по ихъ интенсивности, есть источникъ дѣятельныхъ импульсовъ, отличныхъ отъ первичныхъ мотивовъ воли.

Воля находится подъ двумя вліяніями—удовольствія и страданія: однимъ побуждается *къ* предмету, другимъ отклоняется *отъ* него. Но идея, понимаемая въ строгомъ смыслѣ, можетъ выводить насъ за предѣлы этихъ условій, заставивъ сообразоваться съ ней даже тогда, когда это вело бы скорѣе къ страданію, чѣмъ удовольствію. Месмерическій сонъ представляетъ крайній примѣръ этого; въ обыкновенномъ снѣ мы бываемъ удалены отъ исправляющаго вліянія дѣйствительныхъ вещей и безпрепятственно отдаемся самымъ блуждающимъ мечтамъ. Въ бодрственномъ состояніи мы поступаемъ не иначе, какъ подчиняясь нашимъ идеямъ; рѣдко онѣ бываютъ на столько сильными, чтобы нейтрализовать дѣйствіе воли. Тѣмъ не менѣе она все таки остается и, въ извѣстныхъ случаяхъ, проявляется вполнѣ.

Какъ на несомнѣнный примѣръ способности идеи переходить въ дѣйствительность, можно указать на заразительность спеціальныхъ формъ преступленія и даже самоубійства. Впечатлѣніе, производимое на воспріимчивые умы подобными примѣрами, часто вызывало готовность къ дѣйствованію, въ противоположность устрашающему дѣйствію обычныхъ мотивовъ воли.

Обаяніе пропасти—такого-же рода. Зритель, видя себя вблизи ея, такъ сильно предноситъ себѣ актъ паденія, что обнаруживаетъ усиліе воли, чтобы побороть это впечатлѣніе.

Соблазнъ чего либо запрещеннаго часто вытекаетъ изъ вну-

шенія этой идеи, которая является, такимъ образомъ, силой, попобуждающей къ дѣйствію. Подобнымъ же образомъ возбуждается честолюбіе, побѣждающее умѣренный расчетъ будущаго счастія.

Дѣйствіе овладѣвшей (господствующей) идеи особенно замѣчается въ сильнѣйшемъ развитіи страха. Свойство этого волненія заключается въ произведеніи такого впечатлѣнія на умъ, которое не сообразуется съ самимъ предметомъ, умножаетъ вредныя возможности и, такимъ образомъ, преувеличиваетъ идею объ избавленіи, такъ что онъ бываетъ не въ состояніи воздержаться отъ дѣйствія.

13. Въ проявленіяхъ симпатіи можно наблюдать, что она происходитъ изъ идеи, независимо отъ обычной дѣятельности воли.

Если воля опредѣляется стремленіемъ къ удовольствію и избѣжаніемъ страданія, безкорыстное поведеніе, исполненное нерѣдко подвиговъ самопожертвованія, должно вытекать изъ другой части нашей природы. Теперь, если мы способны, посредствомъ нашего собственнаго опыта, образовать идеи страданій и удовольствій другихъ людей, мы бываемъ расположены, въ силу даннаго принципа, поступать согласно съ ними, хотя бы мы подвергались опасности потерять извѣстную сумму удовольствія или навлечь извѣстную долю страданія. Мы понимаемъ страданіе человѣка голоднаго и, въ силу этой идеи, стремимся напитать его, хотя бы на счетъ нашего собственнаго питанія.

14. Выводъ изъ этого ученія по отношенію къ ряду воспроизведенныхъ чувствованій—тотъ, что идея и дѣйствительность должны имѣть между собою весьма много общаго.

Память и воображеніе могутъ быть описываемы языкомъ, употребляемымъ для описанія ощущенія, съ нѣкоторымъ развѣ ограниченіемъ. Извѣстно, что нѣкоторыя лица, живо припоминая какую либо исторію или событіе, восклицаютъ: „я вижу его какъ передъ собою“. Далѣе, извѣстная степень воспріимчивости чувствъ одинаково способна къ вопроизведеніи въ памяти и воображеніи. Равнымъ образомъ, въ области воли—въ стремленіи къ чему либо или избѣжаніи чего либо—идея дѣйствуетъ подобно дѣйствительности. Наконецъ, то же истощеніе мозга и въ тѣхъ же самыхъ частяхъ слѣдуетъ за продолжительною дѣятельностью въ ощущеніи и въ мысли.

15. Чувствованія движенія могутъ быть ассоциируемы вмѣстѣ.

Послѣ того, какъ мы мысленно повторили члены какого либо сложнаго дѣйствія, напр. извѣстнаго танца, мы можемъ, вслѣдствіе

этого мысленнаго повторенія, закрѣпить связь даннаго ряда движеній. На практикѣ дѣйствіе этого процесса можно наблюдать въ нашихъ голосовыхъ пріобрѣтеніяхъ. Мы можемъ изучать ряды словъ, не повторяя вслухъ, хотя, быть можетъ, это и не такъ удобно и хорошо. Дѣти часто учатъ свои уроки, повторяя ихъ шопотомъ, который составляетъ ближайшую ступень къ чистой идеѣ. Такъ, въ веденіи разговора, въ поддержаніи его въ памяти, не прибѣгая къ письму, какъ это нерѣдко практиковалъ Робертъ Галль, связь между идеальными движеніями членораздѣльной рѣчи имѣетъ свое полное приложеніе.

16. Ростъ ассоціацій среди *идеальныхъ* движеній долженъ слѣдовать, какъ нужно полагать, закону ассоціацій среди соотвѣтствующихъ *дѣйствительныхъ* движеній.

Центры, гдѣ образовались связи, остаются тѣ же самые, съ тою единственною разницею, что нервное напряженіе бываетъ слабѣе въ случаѣ *идеальныхъ* движеній. Но, при сильномъ возбужденіи, этой разницы не существуетъ, и связь можетъ быть одинаково хороша въ томъ и другомъ случаѣ.

Отсюда, если въ какой либо части системы сила сцѣпленія дѣйствительныхъ движеній хороша, и сила идеальныхъ движеній такъже хороша; и всѣ обстоятельства и дарованія, благопріятствующія одной, будутъ благопріятствовать и обѣимъ.

17. Движеніе, будетъ ли оно реальное или идеальное, въ умѣ сказывается какъ опредѣленная трата энергіи въ извѣстномъ спеціальномъ мускулѣ или мускулахъ.

Мы должны прежде всего различать степени траты и затѣмъ ассоціировать различные виды или степени въ группированныя сочетанія. Тонкое различеніе служитъ, такимъ образомъ, условіемъ каждаго удерживанія, такъ какъ оно отчетливо выдѣляетъ отдѣльныя черты запоминаемаго объекта. Къ этому мы должны присоединить, какъ замѣчено выше, что точное различеніе должно быть разсматриваемо какъ свидѣтельство о высшей организаціи въ центрахъ мускульной дѣятельности—высокомъ умноженіи нервныхъ элементовъ, откуда возникаетъ и соотвѣтствующее превосходство въ пластической способности, или, что тоже, удерживаніи.

Ощущенія одного и того же чувства.

18. Во всѣхъ чувствахъ ассоціирующій процессъ соединяетъ ощущенія, которыя часто случались вмѣстѣ.

Въ низшихъ чувствахъ примѣры этого ни многочисленны, ни интересны. Мы можемъ указать на рядъ органическихъ страданій, воспроизводящихъ ходъ заболѣванія и воспоминаемыхъ паціентомъ. Мы можемъ также имѣть рядъ вкусовыхъ идей, изъ которыхъ одна (первая) заставляетъ воспоминать всѣ остальныя; но случаевъ пріобрѣтенія такихъ слѣдовъ немного. Въ отношеніи обонянія можетъ существовать преемство запаховъ, послѣдовательно воспринимавшихся во время, напр., извѣстной прогулки по саду, и если подобный опытъ повторяется часто, въ памяти остается связанный слѣдъ вкусовыхъ идей; нахожденіе въ умѣ одного напомнило бы объ остальныхъ.

19. Одно и то же дѣйствіе, которое закрѣпляетъ въ умѣ извѣстный слѣдъ идей, образовавшихся изъ ощущеній, даетъ отдѣльнымъ идеямъ самостоятельность.

Для того, чтобы первый членъ часто повторявшагося ряда вкусовъ или запаховъ вызвалъ ближайшій, каждый долженъ быть на столько запечатлѣнъ и оттѣненъ, что можетъ существовать самъ по себѣ, безъ оригинала, съ большею или меньшею степенью живости. Прежде чѣмъ вкусъ сыра вызоветъ въ воспоминаніи вкусъ масла, обыкновенно соединяемыхъ, мы должны отвѣдать масло въ количествѣ разъ, достаточномъ, чтобы удержать его идею, болѣе или менѣе соотвѣтствующую этому особенному вкусу. Это есть обычное слѣдствіе удерживательной способности ума, приложимое ко всѣмъ законамъ, управляющимъ областію ассоціативнаго роста.

Самое простѣйшее ощущеніе, которое мы можемъ имѣть, представляетъ собою сложный фактъ, по скольку дѣло касается удерживательной способности. Извѣстное соединеніе должно быть возбуждено въ мозговомъ механизмѣ, чтобы способствовать осязанію, звуку или свѣтовой идеѣ, пріобрѣсти умственную устойчивость; и чѣмъ больше степень этого соединенія, вслѣдствіе повторенія и другихъ способовъ удерживанія, тѣмъ лучше будетъ умственный образъ.

20. Связанное группированіе ощущеній одного и того-же чувства особенно замѣтно на осязаніи.

Въ осязаніи мы имѣемъ большое разнообразіе ощущеній:—одни чисто эмоціональнаго характера, какъ нѣжные и острые виды (формы) осязанія;—другія входящія въ интеллектуальныя воспріятія, какъ ощущенія шероховатости, тяжести, величины, формы и пр. Ассоціаціи образуются среди различныхъ видовъ этихъ ощущеній; результатъ этого—въ нашихъ тактуальныхъ (относящихся къ осязанію) понятіяхъ о сходныхъ предметахъ. Ребенокъ, привыкшій обращаться съ муфтой, образуетъ ассоціацію между ея мягкостью, эластичностію и теплотою въ осязательномъ отношеніи; къ этому же присоединяются мускульные элементы величины и формы. Если этотъ аггрегатъ опредѣленно связанъ въ одной группѣ, въ силу сродства въ одной и той же вещи, опытъ одного изъ этихъ качествъ вызвалъ бы въ памяти цѣлый аггрегатъ. Нѣжное осязаніе побуждаетъ умъ къ ожиданію чего нибудь иного. Это значитъ, что мы пріобрѣтаемъ отдѣльныя, опредѣленныя понятія о всѣхъ предметахъ, съ которыми мы привыкли обращаться: барыня узнаетъ свой вѣеръ въ потемкахъ; рабочій узнаетъ нужный ему инструментъ при первомъ прикосновеніи; каждый изъ насъ понимаетъ, испытываетъ ли онъ прикосновеніе кочерги или подовой щетки, пепла или слоноваго шара, пера или куска снура, книги или кошки, стола или каминной доски. Каждый изъ этихъ знакомыхъ предметовъ составляетъ опредѣленную группу посредствомъ пластической ассоціаціи между различными видами осязанія,—одни чисто осязательнаго характера, другіе—мускульнаго.

Конечно, одно отдѣльное осязаніе не вызоветъ въ памяти всей совокупности осязательныхъ свойствъ специфическаго объекта, если только здѣсь не существовала исключительная ассоціація. Когда ощущеніе холода, испытанное чрезъ осязаніе полированнаго шарика, было ассоціировано со многими различными формами, одна какая нибудь частная не будетъ воспроизведена. Рука, прикасающаяся къ шерстяной поверхности, не скажетъ ничего, потому что извѣстна масса вещей, дающихъ подобное осязаніе; или будетъ вызвано въ воспоминаніи множество различныхъ предметовъ, или выдѣлится одинъ какой нибудь вслѣдствіе другихъ знакомыхъ ассоціацій, или же они вовсе не вызовутся.

21. Относительно объема пріобрѣтенія въ ассоціаціяхъ осязанія, мы должны принять во вниманіе, кромѣ общихъ условій пріобрѣтенія, извѣстный спеціальный характеръ этого чувства.

Такъ какъ осязаніе заключаетъ въ себѣ собственно два вида

ощущеній, то мы должны разсмотрѣть каждый изъ нихъ порознь.

Чисто осязательная чувствительность, пассивный элементъ осязанія, стоитъ, въ интеллектуальномъ отношеніи, выше вкуса и обонянія и ниже слуха и зрѣнія. Это сравнительное превосходство и слабость должны быть приписаны способности различенія и удерживанія (ту и другую мы считаемъ тѣсно соединенными между собою). Другой элементъ осязанія это — мускульность: вѣсъ, твердость, положеніе и форма вещей получаются и воспроизводятся, главнымъ образомъ, посредствомъ ручныхъ и ножныхъ мускуловъ.

Интеллектуальный характеръ мускульныхъ ощущеній, вѣроятно, неодинаковъ для всѣхъ мускуловъ; отсюда, каждый рядъ можетъ быть обсуждаемъ независимо отъ другихъ. Мы знаемъ, что мускулы глазъ, по тонкости различенія и запоминанія, превосходятъ остальные, что, конечно, отвѣчаетъ и вообще чувствительности зрительныхъ воспріятій.

Мускулы голосовые и произношенія, вѣроятно, занимаютъ ближайшее мѣсто, тогда какъ мускулы рукъ и ногъ—послѣднее; разница, безъ сомнѣнія, падаетъ на сравнительное обиліе нервовъ и расширеніе соотвѣтствующихъ центровъ.

Существуютъ большія индивидуальныя различія характера въ отношеніи осязательной способности. Главнымъ образомъ, они узнаются по степени тонкости въ ручныхъ упражненіяхъ.

Какъ въ осязательномъ, такъ и мускульномъ элементѣ особенная тонкость замѣчается въ работающемъ надъ пластическимъ матеріаломъ. Извѣстная мускульная вѣрность руки и ноги служитъ гарантіей аккуратности выполненія въ каждой отрасли ручной работы,—врача и артиста не менѣе, чѣмъ и обыкновеннаго ремесленника.

22. Но въ особенности мы наблюдаемъ естественную тонкость или интеллектуальную воспріимчивость чувства осязанія въ слѣпомъ.

Слѣпые привыкаютъ мыслить о внѣшнихъ предметахъ, какъ идеяхъ, даваемыхъ осязаніемъ; въ умахъ другихъ преобладаютъ зрительныя идеи, составляя главный матеріалъ воспоминанія. Слѣпой рабочій воспоминаетъ и различаетъ свои инструменты по ихъ осязательнымъ идеямъ. Ряды ассоціацій, опредѣляющихъ порядокъ и совокупность окружающихъ предметовъ для слѣпого, суть ряды осязательныхъ идей.

23. Ассоціаціи въ области звуковъ, кромѣ многихъ случай-

ныхъ соединеній, заключаютъ въ себѣ два большихъ отдѣла,—звуковъ музыкальныхъ и членораздѣльныхъ.

Два какіе либо звука, слышимые вмѣстѣ или преемственно одинъ за другимъ, въ теченіи извѣстнаго времени, могутъ воспроизводить взаимно другъ друга въ идеѣ. Когда звукъ произносится предъ какою либо отражающею преградою, мы ожидаемъ отраженія или эхо.

Въ музыкальномъ обученіи отдѣльныя ноты представляются самостоятельными и, въ тоже время, ассоціированными въ музыкальную послѣдовательность. Одна звучащая нота вызываетъ идею другой, которая обыкновенно за нею слѣдовала. Когда дано достаточное число для опредѣленія извѣстной аріи, остальныя ноты воскресаютъ въ умѣ. Образованіе искуснаго музыканта слагается изъ цѣлыхъ сотенъ такихъ послѣдовательностей.

Кромѣ общихъ условій пріобрѣтенія, мы должны сказать въ этомъ случаѣ объ извѣстномъ качествѣ, называемомъ музыкальнымъ слухомъ. Хотя слухъ, вслѣдствіе упражненія, можетъ усовершенствоваться, но основа всякой значительной музыкальной виртуозности есть первичное дарованіе. Такъ, съ самаго начала должна существовать сравнительная точность различенія музыкальныхъ тоновъ, для которой мы можемъ принять природную основу обширныхъ слуховыхъ центровъ. Худой слухъ не различаетъ извѣстной ноты отъ ближайшей къ ней высшей или низшей на музыкальной скалѣ. Хорошій слухъ способенъ различать малѣйшую невѣрность ноты.

Должно признать, что тонкое чувство согласія (гармоніи) обязано различенію, съ которымъ связана и способность удерживанія или запоминанія. Такимъ образомъ, однажды на всегда мы можемъ принять, что тонкость различенія признается критеріемъ всѣхъ трехъ интеллектуальныхъ свойствъ. Отсюда, когда чувство обладаетъ необычною степенью различающей силы, оно обладаетъ также необыкновенною способностію удерживанія или памяти по отношенію къ ощущеніямъ этого рода. И не только въ музыкѣ, но и во всѣхъ другихъ областяхъ хорошая память сопутствуетъ тонкому чувству различенія.

Членораздѣльные звуки соединяются по тому же самому принципу, какъ и музыкальные. Ознакомясь съ отдѣльнымъ произношеніемъ, мы въ тоже время заняты комбинированіемъ ихъ въ группы, какъ напр. въ сложныхъ звукахъ словъ и словесныхъ рядовъ. Въ умахъ малообразованныхъ эти соединенія существуютъ сотнями, въ развитомъ умѣ они считаются тысячами.

Хорошій членораздѣльный слухъ можетъ, въ нѣкоторой степени, быть видоизмѣненъ въ музыкальный слухъ. По скольку буквы могутъ быть различаемы посредствомъ комбинаціи музыкальныхъ тоновъ, обѣ чувствительности должны оставаться одинаковыми. Это приложимо, впрочемъ, только къ гласнымъ звукамъ; согласные различаются дѣйствіемъ другого рода. Было бы не согласно съ фактами сказать, что хорошій музыкальный слухъ ведетъ къ хорошему членораздѣльному слуху.

Какъ музыкальная, такъ и членораздѣльная послѣдовательность звуковъ обладаетъ свойствомъ, называемымъ кадансомъ или акцентомъ. Слухъ воспоминаетъ извѣстные кадансы, сходные съ даннымъ, и воспроизводитъ ихъ въ звуковомъ подражаніи. Грубый выговоръ или провинціальный акцентъ производитъ особое впечатлѣніе на непривычный слухъ; обширное разнообразіе кадансовъ входитъ въ самые изысканные пріемы декламатора. Слухъ къ кадансамъ можетъ быть иногда и отличенъ отъ музыкальнаго и членораздѣльнаго слуховъ, хотя и имѣетъ съ ними общія черты.

24. Соединенные аггрегаты и слѣды зрительныхъ ощущеній служатъ, по преимуществу, матерьяломъ мысли, памяти и воображенія.

Зрительныя ощущенія соединяются съ зрительнымъ спектромъ и мускульными ощущеніями,—пассивныя ощущенія смѣшаны съ активными.

Когда отдѣльные цвѣта и тѣни пріобрѣтаютъ идейное существованіе, они становятся ассоціированными въ ряды и вереницы. Мы не можемъ привести случаевъ ассоціаціи однихъ только цвѣтовъ безъ мускульныхъ элементовъ, хотя существуютъ случаи, гдѣ цвѣтъ является фактомъ преобладающимъ. Прелесть восхода и заката солнца, преемство цвѣтныхъ тѣней—примѣры перевѣса цвѣта. Пестрый ландшафтъ есть совокупность цвѣтовыхъ массъ, которыя могутъ быть ассоцiированы, по большей части, на почвѣ оптики. Видъ города, съ его улицами, домами, лавками, представляетъ собою многоцвѣтную массу и запоминается, главнымъ образомъ, при помощи ассоціированныхъ цвѣтовъ.

Съ другой стороны, въ предметахъ съ небольшою окраской и съ острыми линіями преобладаетъ мускульный элементъ, какъ напр. въ зданіи, или во внутреннемъ убранствѣ, въ механизмѣ машинъ и вообще во всѣхъ формахъ и діаграммахъ геометрическихъ, архитектурныхъ, инженерныхъ и пр.

Мы пояснимъ сочетаніе, во 1-хъ, въ *формахъ*, во 2-хъ,—*въ цвѣтныхъ поверхностяхъ*.

Когда глазъ слѣдуетъ за круглой формой, какъ напр. кольцомъ, впечатлѣніе бываетъ, главнымъ образомъ, мускульнаго свойства. Соединеніе происходитъ въ активныхъ центрахъ, связанныхъ съ мускулами зрѣнія. Посредствомъ ихъ мы удерживаемъ геометрическія фигуры, символы наукъ, вообще планы механической структуры, характеристическія формы всѣхъ спеціальныхъ предметовъ. Въ прекрасныхъ произведеніяхъ скульптуры и архитектуры форма преобладаетъ.

Существуетъ, вѣроятно, особенное дарованіе для удержанія видимыхъ формъ, которыя локализируются въ активныхъ центрахъ зрѣнія. Такую способность можно наблюдать въ быстромъ и обширномъ усвоеніи различныхъ символовъ, письменныхъ начертаній и контуровъ, какъ напр. въ географическихъ картахъ и діаграммахъ. Китайскій языкъ представляетъ собою, вѣроятно, самый крайній примѣръ пріобрѣтенія формъ. Память картъ есть также трудный примѣръ. Эти случаи требуютъ самаго силь наго безкорыстнаго сочетанія.

Что касается научныхъ формъ, то онѣ могутъ имѣть научный интересъ, которымъ опредѣляется спеціальная сосредоточенность ума. Такія формы сравнительно не многочисленны, но за то въ высшей степени важны.

Въ отношеніи художественныхъ формъ, артистическій интересъ безспорно содѣйствуетъ умственной сосредоточенности; только то, что входитъ въ искусство, особенно въ немъ удерживается. Кривыя линіи, вслѣдствіе ихъ красоты, и нѣкоторыя геометрическія формы, въ силу ихъ симметріи, запоминаются по этимъ свойствамъ; другія же, не имѣющія никакого значенія, кромѣ символовъ, пренебрегаются.

Въ цвѣтныхъ поверхностяхъ мы полагаемъ извѣстный цвѣтъ главнымъ фактомъ, потому что хотя форма и всегда присуща, но зрительное соединеніе есть существеннѣйшее. Таковы, въ дополненіе къ природнымъ видамъ и картинамъ, богато украшенные покои, картины, залы народныхъ собраній, человѣческое лицо и фигура, животныя, растенія и минераллы.

Способность различенія и запоминанія цвѣтовъ можетъ быть особенно развитой и спеціальной. Френологія—права, предполагая особый органъ распознаванія цвѣтовъ. Центры въ отношеніи къ оптическому нерву у однихъ, вѣроятно, шире и богаче нервными элементами, чѣмъ у другихъ. Спеціальная память цвѣтовъ есть

важный опредѣлитель характера. Она не только дѣлаетъ легкимъ запоминаніе видовъ, картинъ и цвѣтныхъ предметовъ, характеризующихъ способность живописца и поэта; но она содѣйствуетъ предпочтенію конкретной стороны міра, со всѣми его волненіями и интересами, и отдаленію или отвращенію отъ сухихъ и голыхъ символовъ, формъ и научныхъ абстракцій.

Ощущенія различныхъ чувствъ.

25. Наше воспитаніе подразумѣваетъ различныя сочетанія въ области движеній, чувствованій движенія и ощущеній различныхъ чувствъ.

Благодаря сложности вещей въ дѣйствительности, одинъ и тотъ же предметъ заразъ можетъ дѣйствовать на различныя чувства. Мячъ, воспроизводимый въ идеѣ, есть комбинація осязанія, слуха и зрѣнія. Апельсинъ можетъ дѣйствовать на всѣ чувства.

Движенія съ ощущеніями. Наши движенія весьма широко ассоціируются съ ощущеніями. Различныя наши дѣйствія возбуждаются видимыми знаками, какъ названіями, такъ и другими обозначеніями; первое воспитаніе ребенка обнимается повиновеніемъ приказаніямъ или распоряженіямъ. Животнымъ также не чуждо подобное пріобрѣтеніе. Звукъ рожка, сигналовъ на морѣ ассоціируется съ опредѣленными движеніями.

Наши локомотивныя и другія движенія постоянно сопутствуютъ тѣмъ или другимъ перемѣнамъ нашего видимаго горизонта и, такимъ образомъ, вступаютъ съ ними въ ассоціацію. Каждый шагъ впередъ измѣняетъ видимую величину предметовъ, находящихся предъ глазами, и, въ особенно замѣтной степени, тѣхъ, которые находятся близко. Это составляетъ главную часть пріобрѣтаемыхъ воспріятій разстоянія (см. гл. VII).

Было уже замѣчено, въ отдѣлѣ объ ассоціаціяхъ движенія, что ассоціацій собственно чистаго движенія не много; дѣятельность обыкновенно перемѣжается и сопровождается какимъ нибудь чувствомъ. Копальщикъ кладетъ ногу на заступъ и поднимаетъ послѣдній не механически; въ то-же самое время онъ видитъ и чувствуетъ результаты; это зрѣніе и это чувство участвуютъ въ направленіи и руководятъ каждымъ движеніемъ, такъ что стоитъ только сдѣлать одно, какъ уже за нимъ слѣдуетъ и другое.

Мускульныя идеи съ ощущеніями. Мы можемъ съ ощущеніями

ассоціировать идеи силы и движенія, вытекающія изъ мускульной траты. Любопытны примѣры этого соединенія. Такъ, мы соединяемъ вѣсъ и косность различныхъ матерьяльныхъ предметовъ съ ихъ внѣшнимъ видомъ и другими наблюдаемыми свойствами. Смотря на обломокъ камня, брусокъ желѣза, полѣно дровъ, мы предносимъ себѣ нѣкоторую идейную оцѣнку сравнительнаго ихъ вѣса, или того, сколько потребуется мускульной траты, что бы сдвинуть или поднять эти различныя массы. Эта ассоціація пріобрѣтается отчасти прямо нашимъ опытомъ, отчасти смотрѣніемъ на мускульныя усилія, дѣлаемыя другими лицами; въ концѣ концовъ, она становится одною изъ самыхъ сильныхъ ассоціацій, входящихъ въ наши идеи о внѣшнихъ предметахъ. Она лежитъ въ основѣ нашихъ архитектурныхъ вкусовъ и требованій. Когда мы видимъ массу камней, воздвигнутыхъ на пьедесталѣ, мы сразу представляемъ себѣ достаточно или не достаточно этой поддержки и, сообразно съ этимъ, испытываемъ удовольствіе или неудовольствіе. Быстрымъ, почти инстинктивнымъ процессомъ ассоціаціи, мы представляемъ давленіе какой либо глыбы на точку опоры; идея такого давленія почерпнута изъ нашихъ собственныхъ опытовъ; подобная же идея образуется относительно крѣпости веревки или каната, по которымъ поднимается тяжесть, а также повозки, на которой она перевозится. То же самое чувство опредѣляетъ наше сужденіе объ архитектурныхъ пропорціяхъ; оно бываетъ различно по отношенію къ матерьялу,—есть ли это дерево, камень или желѣзо; и легко могло бы измѣниться по отношенію ко всякому другому матеріалу, напр. къ золоту. Вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ золотомъ въ массахъ, мы часто впадаемъ въ ошибку, связывая видимую нами внѣшность глыбы съ ея вѣсомъ и косностью.

Ощущенія съ ощущеніями. Сколько мы можемъ имѣть группъ комбинацій, столько же возможно соединеній и среди нашихъ ощущеній. Такъ, органическія ощущенія могутъ быть ассоціированы съ вкусовыми, обонятельными, осязательными, звуковыми, зрительными; вкусовыя съ обонятельными, обонятельныя съ осязательными и т. д. Болѣе интересные случаи встрѣчаемъ въ области трехъ высшихъ чувствъ.

Осязательныя ощущенія ассоціируются съ звуковыми, когда ударъ по какому нибудь тѣлу, производя звукъ, даетъ намъ понятіе о поверхности въ осязательномъ отношеніи и vice versa, какъ напр. при различеніи камня, дерева, стекла, глинянаго сосуда, платья и проч.

Осязательныя ощущенія въ весьма многихъ случаяхъ ассоці-

руются съ зрительными. Такъ, съ видимою внѣшностью предметовъ, съ которыми мы часто обращались мы соединяемъ осязательныя свойства какъ напр. что они нѣжны, тверды, шероховаты, гладки и проч.

Это—тотъ родъ ассоціаціи, на которомъ, главнымъ образомъ, останавливался Берклей въ объясненіи пріобрѣтенія зрительныхъ воспріятій (см. гл. VII). Фактъ этотъ самъ по себѣ неоспоримъ; мы пріобрѣтаемъ особенно прочныя ассоціаціи между видимыми поверхностями и ихъ осязательными ощущеніями; холодная, твердая, гладкая поверхность полированнаго мрамора, неровность излома куска чугуна или обломка литой стали, вязкость глиняной кучи предносятся быстро и живо въ случаѣ всѣхъ подобныхъ вещей. И если такъ бываетъ съ собственно осязательными свойствами (гдѣ ничто не говоритъ за инстинктивное соединеніе), мы не должны удивляться быстрому и живому усвоенію осязательнаго сопротивленія и величины. Затѣмъ, какъ мы увидимъ, существуютъ другіе опыты, потребные для образованія нашихъ ассоціацій дѣйствительнаго разстоянія съ его видимыми признаками.

Звуки ассоціируются съ зрѣніемъ еще въ большихъ размѣрахъ. Каждый характеристическій звукъ, издаваемый какимъ либо предметомъ, обладающимъ характерною видимою фигурою, твердо ассоціируется съ этимъ образомъ. Мы ассоціируемъ звуки не только съ звучащими предметами, но и съ разстояніемъ и положеніемъ предмета (см. Слухъ, стр. 62). Такъ справедливо сказать, что мы слышимъ, разстояніе какъ и то, что мы видимъ его; посредствомъ обоихъ чувствъ мы узнаемъ о локомотивномъ усиліи, которое потребовалось бы, чтобы перейти промежутокъ между однимъ разстояніемъ и другимъ.

Мы соединяемъ каждый предметъ съ издаваемымъ имъ звукомъ; каждый инструментъ съ извѣстнымъ тономъ; животное съ его крикомъ; каждое человѣческое существо съ его голосомъ, даже съ его кашлемъ или чиханьемъ.

Нашъ родной языкъ въ большей части есть ни что иное, какъ рядъ ассоціацій между звуками (какъ именами) и видимыми предметами. Письменный языкъ представляетъ собой дальнѣйшія ассоціаціи между слышимыми звуками и ихъ изображеніемъ.

26. Въ ассоціаціи различныхъ чувствъ нужно принять, что быстрота роста ассоціацій измѣняется сообразно съ соединяющею силою каждаго изъ чувствъ.

При отсутствіи какихъ либо затрудненій мы должны предположить, что когда зрительные образы и звуки ассоцированы, развитіе будетъ зависѣть исключительно отъ силы воспріимчивости какъ зрѣнія, такъ и слуха, какъ такихъ. Родной языкъ изучается съ большею скоростью, смотря потому, на сколько хорошъ членораздѣльный слухъ, и на сколько хороши зрительныя ассоціаціи сами по себѣ. Никакое другое разсужденіе не можетъ быть выведено изъ области нашего наличнаго знанія. И, на сколько можно видѣть, нѣтъ никакого препятствія для соединенія ощущеній различныхъ чувствъ; процессъ этотъ также быстръ и удобенъ въ области двухъ чувствъ, какъ и въ области только одного.

27. Локализація нашихъ тѣлесныхъ ощущеній есть слѣдствіе пріобрѣтенія.

До опыта мы не имѣемъ понятія о локализаціи какого либо тѣлеснаго ощущенія, напр. давленія на плечо или палецъ ноги. Наше тѣло для насъ есть внѣшній предметъ: мы можемъ его видѣть, двигать, осязать. Оно также служитъ мѣстомъ нашихъ субъективныхъ ощущеній; испытываемыя имъ перемѣны связаны съ удовольствіемъ или страданіемъ. Когда мы видимъ руку, касающуюся извѣстной части тѣла, мы соединяемъ объективный образъ съ извѣстнымъ спеціальнымъ осязательнымъ ощущеніемъ; если рука переносится къ другой части, измѣнившійся образъ связывается съ новымъ осязательнымъ ощущеніемъ. Здѣсь лежитъ начало нашихъ мѣстныхъ ассоціацій съ извѣстными частями тѣла и средство нашей способности опредѣлять мѣсто той или другой части, послужившей причиною извѣстнаго субъективнаго ощущенія.

Нѣкоторыя поясненія здѣсь необходимы. Какимъ образомъ бываетъ, что одно и то же давленіе, производящее одно и то же ощущеніе, относится когда къ одному мѣсту, а когда къ другому? Качество ощущенія можетъ быть совершенно одинаково въ обоихъ случаяхъ, однако мы можемъ научиться локализировать ихъ различно. Это происходитъ отъ того, что нервныя нити, служащія различнымъ частямъ, различны и независимы другъ отъ друга, каковую независимость мы уже видѣли въ ощущеніи множественности точекъ, описанномъ въ главѣ объ осязаніи. Осязательные нервы въ правомъ указательномъ пальцѣ на столько отличны отъ осязательныхъ нервовъ того же пальца лѣвой руки, что между ними и движеніями, которыя заставляютъ насъ искать права или лѣва можетъ образоваться отдѣльный слѣдъ или черта ассоціаціи. Намъ ка-

жется, что мы обладаемъ качественною однородностію ощущенія съ искусственнымъ или ассоціированнымъ различіемъ.

Мы бываемъ болѣе способны локализировать ощущенія, связанныя съ извѣстною поверхностію, такъ какъ измѣненія ея доступны наблюденію. Когда же мѣсто ощущенія болѣе глубоко или скрыто внутри, мы опредѣляемъ его по его отношенію къ поверхности, какъ напр. давленіе на желудокъ или печень производитъ ощущеніе, которое предполагается связаннымъ съ этою частію, или когда напр. извѣстнымъ мѣстнымъ леченіемъ успокоивается раздраженіе.

28. Наше тѣло занимаетъ положеніе между субъективнымъ духомъ и объективнымъ міромъ. Вниманіе къ нашему тѣлу есть объективное состояніе, но съ сильными субъективными ассоціаціями.

Всматриваясь въ предметы внѣшніе по отношенію къ нашему тѣлу, мы находимся въ объективномъ состояніи сознанія; смотря на какую либо часть нашего тѣла мы вызываемъ субъективныя ощущенія. Представляя себѣ мѣстныя черты страданія, мы можемъ почти реализировать ихъ физически. Это одинъ изъ слѣдовъ соединенія идеи съ дѣйствительностію, встрѣчаемой въ преувеличенной формѣ, въ такъ называемомъ, месмерическомъ снѣ. М—ръ Бредъ пользовался этимъ фактомъ, чтобы вызвать здоровыя дѣйствія въ больныхъ органахъ. Едва ли возможно наблюдать напряженно въ теченіи долгаго времени надъ какою либо частію нашего тѣла, не вызывая какихъ либо субъективныхъ ощущеній въ отношеніи ея, а это влечетъ за собой и дѣйствительныя измѣненія въ этой части.

29. Различія, ассоціированныя въ ощущеніяхъ, сходныхъ по качеству, могутъ встрѣчаться не только въ области осязанія, но также въ областяхъ зрѣнія и мускульныхъ движеній.

Сказанное объ осязаніи приложимо и къ зрѣнію.

Извѣстное свѣтовое ощущеніе по качеству можетъ быть тѣмъ же самымъ, какъ и другое; но, проходя чрезъ различныя части ретины, они считаются различными и становятся связанными съ различными движеніями. Если два близнеца на столько похожи другъ на друга, что бываетъ невозможно различить ихъ, нѣкоторая разность въ ихъ платьѣ можетъ предотвратить это смѣшеніе. Подобнымъ же образомъ, ощущенія различныхъ частей ретины становятся отличными по ихъ связямъ:одно требуетъ движенія вверхъ, чтобы помѣстить предметъ въ мѣстѣ яснаго зрѣнія, другое—внизъ; одно

большаго, другое меньшаго движенія, чтобы достичь одного и того же положенія.

Подобнымъ же образомъ и въ отношеніи мускуловъ мы приписываемъ чувство различія не качеству, но мѣстному положенію. Ощущеніе, взятое въ самомъ себѣ, можетъ быть одно и тоже, поднимаемъ ли мы правую руку или лѣвую; но эти два ощущенія не вступаютъ въ одинаковую связь съ другими ощущеніями и тѣмъ различаются другъ отъ друга.

Ассоціаціи съ чувствами удовольствія и страданія.

30. По ассоціаціи смежности, состоянія удовольствія и страданія могутъ, до извѣстной степени, устанавливаться или воспроизводиться безъ первичныхъ стимуловъ.

Распространеніе ассоціаціи на состоянія удовольствія и страданія, или состоянія ощущеній и вообще эмоцій, должно имѣть громадное значеніе для нашего счастія. Обращаясь къ фактамъ, мы можемъ убѣдиться, какъ далеко дѣйствуетъ указанный принципъ въ этомъ направленіи. Обычные примѣры этого можно видѣть въ нашихъ влеченіяхъ къ предметамъ и мѣстамъ, съ которыми мы были связаны въ продолженіи долгаго времени.

Удовольствія внѣшнихъ чувствъ, обыкновенно, вызываются тѣми предметами, которые производятъ ихъ, или извѣстными постоянными спутниками. Такъ, мы связываемъ наслажденіе дѣятельности съ орудіями охоты или гимнастики; удовольствія покоя—съ удобнымъ кресломъ, софою или постелью; удовольствіе катанья—съ лошадью и каретой. Видъ пищи и ея приготовленіе вызываетъ какое-либо удовольствіе ѣды; мало терпѣливое дитя прельщается при одномъ только видѣ окна пирожника. Представленіе душистыхъ цвѣтовъ производитъ пріятное воспоминаніе благоуханія.

Страданія внѣшнихъ чувствъ еще болѣе могутъ подходить къ разсматриваемому положенію. Всѣ предметы, которые различнымъ образомъ причиняли намъ страданія, бываютъ тягостны и тогда, когда мы съ ними встрѣчаемся послѣ. Нужно бываетъ нѣкоторое усиліе, чтобы превозмочь отвращеніе къ орудіямъ различныхъ хирургическихъ операцій.

Неоспоримо, что такія ассоціированныя удовольствія и страданія въ отдѣльности бываютъ столь сильны, что могутъ сравняться съ

дѣйствительными; дробная сила каждаго эхо бываетъ однако незначительна. Но цѣлый результатъ, весьма далекій отъ незначительности, можетъ быть достигнутъ путемъ накопленія, среди окружающаго насъ множества вещей, такихъ, которыя ассоціированы съ нашими удовольствіями, отражающими на себѣ извѣстную сумму нашихъ счастливыхъ моментовъ. Трофеи спортмена, рѣдкости путешественника, коллекціи натуралиста, собранныя имъ самимъ, награда учащагося, модели инженера могутъ оживить случайный пылъ прежняго возбужденія.

31. Законъ ассоціаціи этого рода можетъ быть принятъ какъ согласный съ видомъ ассоціаціи различныхъ чувствъ (§ 26). Мы уже видѣли, что можетъ существовать какъ добро, такъ и зло и память какъ удовольствія, такъ и страданія; между тѣмъ, въ отношеніи спеціальныхъ видовъ удовольствія и страданія, какъ и въ различныхъ чувствахъ, память можетъ измѣняться сообразно съ совершенствомъ извѣстнаго чувства въ другихъ отношеніяхъ.

Ранѣе мы видѣли, что совершенная и точная память удовольствій и страданій есть интелектуальная основа какъ благоразумія въ отношеніи къ себѣ, такъ и симпатіи въ отношеніи къ другимъ. Это можетъ быть главной характеристической чертой, приложимой какъ къ удовольствіямъ, такъ и страданіямъ самимъ въ себѣ. Однако, мы должны предположить главную способность, значительно видоизмѣняемую сообразно съ классомъ или мѣстнымъ происхожденіемъ. Высокое дарованіе къ цвѣтамъ естественно будетъ включать память удовольствій и неудовольствій въ этой области. Такимъ образомъ, обстоятельства, направляющія наше вниманіе на какое-либо чувство, будутъ напечатлѣвать не только его чисто интеллектуальные элементы, но его удовольствія и страданія.

Воскрешеніе въ памяти прежнихъ удовольствій должно измѣряться суммою перемѣнъ, прозведенныхъ имъ какъ въ настоящемъ положеніи духа, такъ и порожденномъ другими какими-либо причинами. Въ веселомъ настроеніи духа мы бываемъ склонны къ счастливымъ воспоминаніямъ и отталкиваемъ противоположныя имъ; но въ этомъ случаѣ пріятное состояніе показываетъ вліяніе, настоящаго а не прошедшаго.

32. Извѣстныя спеціальныя эмоціи, направляемыя обыкновенно на одинъ и тотъ же предметъ, становятся аффекціями.

Послѣ того какъ чувство любви или нѣжности часто появлялось въ

связи съ однимъ и тѣмъ же лицомъ, образуется обычное и постоянное настроеніе, имѣющее большую силу сравнительно съ первоначальнымъ влеченіемъ. Память прошлаго тогда присоединяетъ свою силу къ возвышенію настоящаго впечатлѣнія. Это вліяніе, однако, обнаруживается преимущественно въ нейтрализаціи притупляющаго вліянія привычки. Воспроизводимая теплота прошлыхъ моментовъ поддерживаетъ жаръ, когда настоящее возбужденіе потеряло свое вліяніе. Прежнія ассоціаціи нѣжнаго чувства даже осиливаютъ причины дѣйствительной непріязни.

Такимъ образомъ повторяющаяся злоба производитъ ненависть. Страхъ можетъ сдѣлаться обычною и, вслѣдствіе этого, болѣе сильною формою. Эгоистическія волненія, какъ извѣстно, усиливаются, когда они на своемъ обычномъ пути не встрѣчаютъ препятствія. Религіозное чувство переходитъ въ аффекцію, если оно постоянно вызывается въ связи съ обожаемымъ предметомъ.

33. Эмоціи могутъ распространяться на побочные и безразличные предметы.

Въ этомъ мы имѣемъ еще большее доказательство этого рода ассоціаціи. Достаточно случайныхъ совпаденій съ предметами нашей любви, гнѣва, страха, эготизма и проч., чтобы вызвать воспоминаніе объ этихъ чувствахъ. Отсюда, символы дружбы, памяти, мѣстъ пріобрѣтаютъ глубокій слѣдъ въ нашихъ аффекціяхъ.

Особенно же это приложимо къ религіи. Святыя мѣста, символы, обычаи, обряды, языкъ возбуждаютъ и усиливаютъ чувствованія по отношенію къ главному предмету чествованія, и было бы трудно достичь того, чтобы они, благодаря ихъ чувственнымъ свойствамъ, не стали на мѣсто невидимаго Божества.

Человѣческій авторитетъ пользуется этого рода ассоціаціями съ цѣлію распространенія своего вліянія. Оффиціальные мундиры и знаки, извѣстный церемоніалъ повиновенія и уваженія, торжественность въ посвященіи въ должность, формальность, соблюдаемая въ приговорахъ и наказаніи, имѣютъ своимъ дѣйствіемъ распространеніе уваженія къ авторитету въ гражданскомъ обществѣ. Римляне, бывшіе величайшими изобрѣтателями по части созданія законовъ, были самыми внимательными и къ его формамъ; эта внимательность была отчасти причиною, отчасти слѣдствіемъ ихъ великаго уваженія къ авторитету въ самыя бѣдственные и тяжелые періоды. Формальности, имѣющія непереходящій смыслъ, какъ поклонъ, паденіе ницъ, прохожденіе подъ игомъ по необходимости бываютъ

болѣе повелительны, чѣмъ тѣ, которыя не имѣютъ такого постояннаго значенія.

34. Ассоціація переноситъ интересъ преслѣдуемой цѣли на средства.

Самый близкій примѣръ этого мы видимъ *въ деньгахъ*. Ассоціируемыя сначала съ наслажденіями, пріобрѣтаемыми посредствомъ ихъ и освобожденіемъ отъ многихъ страданій, они становятся впослѣдствіи предметомъ аффекціи сами по себѣ и предпочитаются въ этомъ мертвомъ, непроизводительномъ состояніи всѣмъ другимъ удовлетвореніямъ. Обстоятельства, благопріятствующія такому переходу, слѣдующія:—деньги представляютъ осязаемый, измѣряемый и прочный предметъ обладанія; удовольствія же, пріобрѣтаемыя ими, часто призрачны, способны оставлять послѣ себя чувство сожалѣнія, если эти удовольствія стоили слишкомъ дорого. Умъ легко пріучается болѣе довольствоваться постоянною возможностію, чѣмъ опасною дѣйствительностью; особенно такіе умы, которые болѣе расположены бояться за будущее, чѣмъ думать объ удовольствіи.

Вліяніе ранней бѣдности и лишеній, располагающее къ скупости, есть столько же примѣръ ассоціированнаго чувства, сколько и причина, дѣлающая любовь къ деньгамъ неистощимою. Возрастаніе отличій и власти, соединенныхъ съ обладаніемъ богатствомъ, неизбѣжно подкрѣпляетъ пріятныя ассоціаціи, которыя съ нимъ связаны.

Чувство собственности, въ его совершенномъ пониманіи, содержитъ массу смѣшанныхъ чувствъ и нагроможденныхъ ассоціацій, которыя едва ли могутъ быть открыты въ своихъ подробностяхъ. Предметы, служащіе одними изъ первыхъ потребностей жизни, дѣлаются также предметомъ смѣшанной гордости и любви. Владѣніе землями имѣетъ прелесть само по себѣ; земля—предметъ поразительный для глазъ и ума и включаетъ какъ настоящую силу (вліяніе), такъ и память старинныхъ прежнихъ привиллегій. Обладаніе участкомъ земли—самый сильный изъ всѣхъ извѣстныхъ мотивовъ къ промышленности.

Другой примѣръ перехода средствъ въ цѣли, чрезъ перенесеніе чувства, есть привязаность *къ роду* занятій, какъ напр. бухгалтеріи, судебнымъ и техническимъ формальностямъ, даже и послѣ того, какъ они перестали отвѣчать своимъ цѣлямъ. Таковъ элементъ въ сохраненіи законовъ и формальностей, духъ которыхъ уже утратился.

Уваженіе *истины* есть и должно быть всемогущимъ чувствомъ,

которое тысячами путей переплетается съ благосостоянiемъ человѣческаго общества. Мы не должны удивляться, если элементъ столь важный какъ средство, часто разсматривается, какъ конечная цѣль, и преслѣдуется независимо отъ послѣдствiй близкихъ или отдаленныхъ.

35. Многiе предметы въ области изящныхъ искусствъ получаютъ свою прелесть изъ ассоцiацiй.

Изящныя искусства производятъ впечатлѣнiя дѣйствительно прiятныя, какъ напр., сладкiе и гармоничные звуки; цвѣта и ихъ сочетанiя; кривыя линiи; пропорцiи вообще.

Другiе же эффекты бываютъ обязны ассоцiацiи съ прiятными качествами. Такъ, цвѣтъ кожи и сложенiе тѣлеснаго организма не представляютъ наиболѣе нравящихся цвѣтовъ по существу. Въ дыханiи груди, развитiи мускуловъ, расположенiи костей нѣтъ ничего такого, что давало-бы имъ первичную прелесть въ связи съ цѣлой фигурой; но соединенiе этихъ качествъ съ физической силой несомнѣнно даетъ имъ дополнительную прелесть. Широкое развитiе лобной кости не могло бы быть занимательно само по себѣ; разсматриваемое, какъ несоотвѣтствiе остальнымъ частямъ, оно могло бы показаться даже непрiятнымъ. Но какъ свидѣтельствующее объ умственной силѣ оно прiятно для зрителя.

Блескъ полированной поверхности—дѣйствительно прiятенъ; но существуетъ бóльшее удовольствiе, когда онъ соединяется съ легкостiю въ строенiи или чистотою въ домашнемъ обиходѣ.

Знаменистая теорiя Ализона приписываетъ всѣ удовоствiя прекраснаго ассоцiацiямъ съ первичными видами прiятнаго; эти первоначальные виды сами по себѣ, конечно, не входили бы въ область эстетики. Выводы изъ этой теорiи приводятъ автора къ собранiю примѣровъ изъ заимствованныхъ или ассоцiированныхъ эмоцiй, хотя во многихъ изъ его примѣровъ можно указать и на первичные эффекты.

Вотъ для примѣра его иллюстрацiи чувства высокаго. „Всѣ вообще звуки, ассоцiированные съ идеями о громадной силѣ или мощности—величественны (sublime), таковы: раскатъ грома, паденiе водопада, ревъ бури, взрывъ пороха, удары волнъ и пр.“ Большая часть этихъ звуковъ, однако, производитъ сильное дѣйствiе своею интенсивностiю и объемомъ, безотносительно къ тому, *что* они внушаютъ собой. Удачнѣе объясняются слѣдующiе факты. „Что голосъ или крики нѣкоторыхъ животныхъ величественны, это

знаетъ каждый; таковы: ревъ льва, рычанье медвѣдя, вой волковъ, крикъ орла. Во всѣхъ этихъ случаяхъ звуки производятся животными, замѣчательными по своей силѣ и страшными по свирѣпости. Какъ на примѣры красоты, онъ указываетъ:—блеяніе ягненка пріятно весной; мычаніе коровъ—лѣтомъ вдали сельскаго ландшафта. Блеяніе козла среди скалъ поразительно пріятно, какъ выраженіе дикости и независимости. Жужжаніе жука пріятно въ прекрасный лѣтній вечеръ, какъ возвѣщающее о приближеніи покоя и отдыха въ это пріятное время. Щебетаніе ласточки пріятно по утру и, какъ кажется, служитъ выраженіемъ веселости этого времени.

36. Языкъ чувствованій, какъ въ ихъ естественныхъ обнаруженіяхъ, такъ и въ выраженіи на словахъ, пріобрѣтаемъ.

Выраженіе улыбки и хмуренья изучается въ дѣтствѣ чрезъ наблюденіе сопровождающихъ ихъ обстоятельствъ. Различныя видоизмѣненія чертъ, голоса и движеній при удовольствіи, страданіи, любви, гнѣвѣ, страхѣ, удивленіи связаны съ извѣстными случаями, показывающими, что ими выражается. Животныя понимаютъ этотъ языкъ. Существуетъ извѣстная внутренняя сила въ нѣкоторыхъ формахъ выраженія, когда нѣжные и мягкіе тоны употребляются для выраженія любви и жесткія, сильныя произношенія—для выраженія гнѣва; игра физіономіи не имѣетъ какого-либо врожденнаго выраженія и сама по себѣ, безъ опыта, не понятна.

Словесное выраженіе въ значительной степени расширяетъ объемъ языка чувствованій. Каждая эмоція имѣетъ свои характеристическія формы произношенія, выражающія ея оттѣнки съ большею тонкостію. Поэты, которые хотятъ рисовать и возбуждать эмоціи, требуютъ необычнаго дѣйствія этихъ формъ; всѣхъ образовъ и ассоцированныхъ обстоятельствъ, которыя имѣютъ силу воскрешать видоизмѣненія даннаго чувства.

37. Знаки счастія въ другихъ производятъ ласкающее дѣйствіе на насъ.

Видъ счастливыхъ существъ около насъ и особенно тѣхъ, которыя имѣютъ способность выражать свои чувства въ живой формѣ, составляетъ часть нашихъ удовольствій. Дѣти и животныя, въ ихъ счастливомъ расположеніи, сообщаютъ зрителю нѣкоторый тонъ веселости. Съ другой стороны, жалкій, унылый, ноющій видъ способенъ приводить въ уныніе и подавлять другихъ въ ихъ компаніи. Здѣсь удовольствіе дается единственно разсматриваніемъ или даже представленіемъ того, что внѣшніе признаки и сопутствующія об-

стоятельства высокаго счастья, вѣроятно участвуютъ въ расположеніи оказывать уваженіе всему здоровому, сильному, извѣстному и полезному въ человѣчествѣ.

38. Счастье нашей послѣдующей жизни въ значительной степени состоитъ изъ пріятныхъ воспоминаній раннихъ лѣтъ.

Ранній періодъ жизни, столь благопріятный для пріобрѣтеній вообще, соединенъ съ исторіей удовольствій и страданій. То же самое удовольствіе, осчастливливающее молодость и зрѣлые года далеко не одинаково воспоминается, въ отношеніи пріятности въ преклонныхъ лѣтахъ. Радости первыхъ лѣтъ имѣютъ, такимъ образомъ, лишнюю силу. Строгое, жестокое и аскетическое воспитаніе въ чувствительной степени угнетаетъ тонъ всей послѣдующей жизни, такъ что сумма послѣдующаго счастья едва бываетъ достаточна, чтобы возвратить потерянное.

39. Въ нравственномъ чувствѣ ассоціація считается участвующею, хотя размѣръ вліянія ея принимается различно.

Вполнѣ согласно со всѣми другими фактами ассоціативныхъ чувствованій то, что если извѣстный родъ поведенія, какъ напр., воровство или злословіе, постоянно дѣлается предметомъ наказанія, порицанія или неодобренія, образуется ростъ ассоціацій между этимъ поведеніемъ и навлекаемымъ имъ страданіемъ; и индивидъ будетъ отступать отъ него со всѣмъ тѣмъ отвращеніемъ, которое пріобрѣтено за время этой связи между нимъ и мучительными чувствованіями. Общій принципъ подтверждается дѣйствительными фактами; тѣ, которые получили заботливое нравственное воспитаніе, бываютъ по большей части выше въ нравственномъ поведеніи сравнительно съ дѣтьми распутныхъ родителей, также какъ воспитанный человѣкъ вообще по сравненію съ невоспитаннымъ въ какомъ-нибудь другомъ отношеніи.

Достойно упомянуть объ условіяхъ прогресса въ этихъ нравственныхъ пріобрѣтеніяхъ. Природныя и предрасполагающія дарованія составляютъ хорошую память удовольствій и страданій вообще, составляющую естественное основаніе благоразумія, и стремленія входить въ удовольствія и страданія другихъ (такъ называемой симпатіи). Къ нимъ нужно присоединить, какъ отрицательное условіе, умѣренную степень встрѣчныхъ импульсовъ, (о которыхъ подробнѣе будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ). Общая память можетъ быть приложена къ этого рода пріобрѣтенію. Повтореніе или постоянное во-

зобновленіе должны считаться обстоятельствами, благопріятствующими повелительности извѣстнаго урока: каковыя обстоятельства измѣняются сообразно съ ассоціаціями, направленными преимущественно на страхъ или любовь. Сверхъ того, для нравственной дисциплины, какъ и для всего другого, извѣстная доля жизни и мыслей должна оставаться свободною отъ другихъ гнетущихъ заботъ и пріобрѣтеній.

Ассоціація между предметами и чувствованіями дѣлаетъ также способнымъ чувствованія къ воспроизведенію ассоціированныхъ съ нимъ предметовъ. Эта связь, однако, рѣдко дѣйствуетъ одна; какая-нибудь эмоція, какъ, напримѣръ, любви, гнѣва или страха, не всегда соединяется съ однимъ какимъ-либо предметомъ въ частности; а если это такъ, то она бываетъ въ состояніи напомнить объ этомъ предметѣ. Болѣе-же всего извѣстная ассоціація съ чувствомъ служитъ опредѣляющимъ звеномъ между другими въ сложной ассоціаціи.

Ассоціаціи хотѣнія.

40. Въ хотѣніи подразумѣвается извѣстный процессъ смежной ассоціаціи между специфическими дѣйствіями и состояніями чувства.

Это есть третій элементъ въ ростѣ желанія, какъ уже сказано: самопроизвольность и самосохраненіе суть два другіе элемента. Законъ самосохраненія опредѣляетъ продолженіе дѣйствія, которое ведетъ къ удовольствію и ослабленію дѣйствія, соединеннаго съ страданіемъ, но не дѣлаетъ насъ способными начинать специфическое движеніе, которое принесло бы удовольствіе или отодвинуло страданіе. Здѣсь предполагается существующимъ прежде всего счастливое совпаденіе, выступающее уже послѣ нѣкоторой суммы повторенія.

Когда зрѣлая воля разсматривается въ ея полномъ объемѣ, она заключаетъ широкую область послѣдовательнаго роста, самый ранній періодъ котораго сопряженъ съ величайшими трудностями. Это будетъ изслѣдовано однажды на всегда въ отдѣлѣ о волѣ.

Естественные предметы.

41. Наши постоянныя воспоминанія или идеи о конкретныхъ предметахъ внѣшняго міра состоятъ изъ ассоціированныхъ чувственныхъ качествъ.

Конкретныя комбинаціи, которыя мы называемъ естественными предметами, въ большинствѣ случаевъ, возбуждаютъ множество чувствъ. Отдаленная звѣздная сфера открывается только зрѣнію; но всѣ вещи, находящіяся здѣсь, на землѣ, въ той или другой формѣ, доступны различнымъ чувствамъ. Кусокъ кварца, кромѣ его доступности зрѣнію, имѣетъ характеристическую, осязательную форму; апельсинъ имѣетъ, въ дополненіе къ этому, вкусъ и запахъ.

Настоящій случай, вслѣдствіе этого, исключительно пользуется ассоціацией множества чувствъ по отношенію къ отдѣльнымъ предметамъ, создавая внѣшній міръ (соединенія или группы вещей будутъ разсматриваться отдѣльно). Полный образъ минералла, растенія или животнаго есть окрѣпшая ассоціація всѣхъ ихъ чувственныхъ впечатлѣній, главнымъ образомъ воспринимаемыхъ зрѣніемъ.

Условія быстраго и достаточнаго пріобрѣтенія въ этой области предметовъ суть соединеніе внѣшнихъ чувствъ и преимущественно зрѣнія и обстоятельствъ, опредѣляющихъ вниманіе или умственную сосредоточенность.

42. Умъ натуралиста представляетъ maximum безкорыстныхъ ассоціацій.

Задача натуралиста не собирательная, а исчерпывающая; какова бы ни была та область, въ которую онъ погружается, онъ отмѣчаетъ каждый видъ, принадлежащій къ ней. Для того чтобы освѣтить детальную работу и по другимъ основаніямъ, онъ изучаетъ классификацію и правильный методъ. Но не смотря на высшую степень экономіи, его умъ долженъ удерживать огромное число чувственныхъ аггрегатовъ, составляющихъ особые предметы естественнаго міра. Онъ долженъ обладать въ высокой степени чувствительною (sensible) и особенно зрительною способностію удерживанія; направленіе его ума должно быть объективнымъ, или направленнымъ на дѣятельность внѣшнихъ чувствъ; его жизнь должна расширяться путемъ упражненія наблюдательности. Онъ не долженъ имѣть какихъ либо сильныхъ эмоціональныхъ привязанностей, предпочтенія къ чему либо; имѣя придать значеніе каждой вещи, которая существуетъ, ради того, что она существуетъ, его главное наслажденіе должно состоять въ достиженіи безпристрастія и исчерпывающей полноты; онъ долженъ особенно прельщаться видами классификаціи и методомъ, ведущимъ къ этой цѣли.

43. Въ умахъ вообще, ассоціации естественныхъ предметовъ, преимущественно, управляются чувствованіями.

Послѣ частой или обычной встрѣчи, а часто и прежде этого, въ дѣлѣ ассоціативной живости лежитъ интересъ, возбуждаемый въ предметахъ, или ихъ поразительными качествами, или ихъ полезностію въ жизненной экономіи. Первое есть художественное предпочтеніе; второе—индустріальное. Драгоцѣнные камни, болѣе привлекательные цвѣты, кусты и деревья, животныя, отличающіяся своими выдающимися качествами, выдѣляются и въ воспоминаніи, предпочтительно передъ безразличными образчиками каждаго вида. Еще болѣе широкое возбужденіе вниманія принадлежитъ вліянію нашихъ желаній, выгодъ и удобствъ, нашихъ занятій и стремленій.

Естественныя и обычныя соединенія.

44. Предметы, обычно или часто соединявшіеся въ нашемъ опытѣ, соединяются и въ нашемъ воспоминаніи.

Предметы окружающіе насъ, сохраняющіе постоянныя мѣста и отношенія, становятся соединенными и въ идеѣ такъ-же, какъ и въ дѣйствительности; и умъ отражаетъ, такимъ образомъ, привычную обстановку. Домъ, въ которомъ мы живемъ, съ его убранствомъ и и обстановкой, улица, городъ, или деревенская сцена, которую мы встрѣчаемъ ежедневно, вслѣдствіе ихъ безпрестанной повторяемости, соединяемъ въ прочныя воспоминанія, въ которыхъ одна какая либо часть легко воскрешаетъ въ умѣ весь остальной образъ. Наше знаніе такихъ близкихъ предметовъ дополняется связью каждаго изъ нихъ съ ассоціированными съ нимъ предметами. Наше знаніе извѣстнаго лица—мужчины или женщины заключаетъ въ себѣ сопутствующія ему или ей внѣшнія обстоятельства, какъ-то: мѣсто, семью, и занятіе. Условія, благопріятствующія соединенію, суть повтореніе и спеціальный интересъ, въ какомъ либо отношеніи близко касающійся насъ самихъ.

Для легкаго удерживанія различныхъ образовъ внѣшняго міра, прежде всего требуется сильная память цвѣтовъ. Это даетъ уму характеръ картинности, умѣнье схватывать конкретное въ природѣ, со всѣми возникающими отсюда эмоціональными интересами. Это свойство требуется для натуралиста, также какъ для живописца и поэта. Подобнымъ образомъ, въ обширныхъ операціяхъ, подразумѣ-

вающихъ внѣшній міръ, какъ въ военномъ искуствѣ, инженерномъ, разведеніи огородовъ, плантацій и садовъ, зрительная способность усвоенія—весьма важное обстоятельство; причемъ оптическій или цвѣтовой элементъ еще болѣе важенъ, чѣмъ элементъ формы.

45. Къ аггрегатамъ или соединеніямъ этого рода нужно отнести географическія карты, объяснительные чертежи и живописныя описанія.

Эти художественныя соединенія составляютъ обширную область нашего высшаго знанія; они предносятъ предъ нашимъ взоромъ, черезъ посредство представленія, то, чего мы не имѣемъ возможности видѣть въ дѣйствительности. Удерживательная способность здѣсь слѣдуетъ тѣмъ же законамъ и находится подъ вліяніемъ тѣхъ же самыхъ условій. Смотря по тому, отъ чего болѣе зависятъ эти построенія—отъ свѣта, тѣни, цвѣтовъ, съ одной стороны, или наружнаго очертанія, съ другой,—они упражняютъ оптическую или мускульную ассоціаціи зрѣнія. Когда сложность велика, какъ въ географической картѣ, или чертежѣ, измѣненія свѣта и цвѣтовъ составляютъ важное дѣло; въ простомъ начертаніи діаграммы, видимая форма есть главное. Спеціальный интересъ измѣняется сообразно съ обстоятельствами. Для ума д-ра Арнольда, географическая карта имѣла особенную прелесть: она говорила ему о разнообразіи человѣческихъ интересовъ, оживавшихъ при его историческихъ воспоминаніяхъ.

Послѣдовательность представленій.

46. Явленія міра могутъ быть раздѣлены на сосуществующія и послѣдовательныя, хотя, по скольку имѣются въ виду состоянія духа, родовой фактъ есть послѣдовательность.

Если мы исключимъ такіе случаи, какъ сложныя и совпадающія мускульныя движенія, встрѣчу ощущеній различныхъ чувствъ въ одинъ и тотъ же моментъ, и наши смѣшанныя или сплетеныя эмоціи, то найдемъ, что наши умственныя воспріятія всецѣло преемственны; мы должны переходить съ своимъ вниманіемъ, при разсмотрѣніи напр. ландшафта, отъ одной точки къ другой и должны сдѣлать соотвѣтствующій рядъ скачковъ даже въ воспоминаніи. Сосуществованіе, какъ мы видѣли есть искуственная почва, создаваемая нѣкоторымъ особымъ классомъ умственныхъ преемствъ. Субъективный

умъ, въ его способности вниманія, исключителенъ и ограниченъ: онъ схватываетъ видимый міръ, только посредствомъ движенія во времени.

Затѣмъ, послѣ того какъ сосуществованіе обосновано какъ нѣчто особое, мы признаемъ, въ противоположность ему, явленія послѣдовательности. Всѣ такія явленія, въ силу своего однообразія или правильности, становятся обычными для взгляда, и у насъ возникаетъ соотвѣтствующая ассоціація въ нашихъ идеяхъ.

Послѣдовательности круга. Послѣдовательности, создаваемыя астрономическимъ кругомъ, какъ день и ночь, фазы луны, времена года, привычка къ занятіямъ и работамъ, оттѣняются въ нашемъ воспоминаніи и составляютъ нѣкоторую часть въ области нашихъ ожиданій въ будущемъ.

Послѣдовательности развитія (*эволюціи*). Смѣны этого рода могутъ быть наблюдательны, главнымъ образомъ, надъ живыми существами. Такова настоящая природа органической жизни, чтобы развиваться черезъ рядъ перемѣнъ; и этотъ рядъ, составляющій характерическую черту для различныхъ видовъ, входитъ въ наше познаніе живыхъ существъ. Чтобы знать растеніе, мы должны наблюдать его въ каждомъ періодѣ. Извѣстная сумма наблюденій, сдѣланная надъ какимъ либо видомъ, соединяемая въ умѣ, обязана послѣдовательнымъ наблюденіямъ. Всюду, гдѣ-бы ни было, мы имѣемъ нѣкоторый спеціальный интересъ; такъ въ обработкѣ земли, садоводствѣ, въ пріобрѣтеніи имущества мы становимся знакомыми съ каждой фазой въ порядкѣ развитія. Развитіе человѣчества запечатлѣвается въ нашемъ умѣ чрезъ повтореніе и чрезъ возбуждающіе стимулы нашего къ нему интереса. Развитіе, далѣе, примѣняется къ ходу болѣзни, къ какой нибудь длинной операціи такъ же, какъ къ законодательному процессу и къ исторіи націй. Когда здѣсь оказывается нѣкоторая неувѣренность въ исходѣ, можетъ быть возбужденъ добавочный интересъ въ самомъ ожиданіи развязки.

Независимо отъ спеціальнаго интереса въ разгадываніи будущаго ассоціаціи развитія, въ принципѣ, не отличаются существенно отъ ассоціаціи неподвижной жизни. Какъ въ отношеніи астрономическаго круга, такъ и видовъ развитія законы или условія соединенія суть тѣ-же самые, какіе нѣсколько разъ были изложены выше въ соединеніи съ наблюденіями внѣшняго міра. Болѣе опредѣленная особенность принадлежитъ послѣдовательностямъ сейчасъ названнымъ.

Причина и дѣйствіе. Оставляя въ настоящее время въ сто-

ронѣ изслѣдованіе точной научной причинности, мы можемъ обратить вниманіе на то, что̀ обыкновенно разсматривается какъ причина и дѣйствіе, именно, на внезапную и поразительную перемѣну, когда, напримѣръ, извѣстный ударъ сопровождается трескомъ и ломомъ. Большая часть нашего знанія природы обязана этимъ послѣдовательностямъ

Согласно съ общимъ принципомъ относительности или измѣненія, мы получаемъ впечатлѣніе пропорціонально силѣ и неожиданности какого нибудь дѣйствія. Такъ замѣтны и сильны бываютъ такія послѣдствія, которыя съ одного опыта запоминаются на всю жизнь. Взрывъ пороха, отнятіе поддержки отъ какого либо тяжелаго предмета, прекращеніе жизни—такъ остры и рельефны, что второе совершеніе не нужно, чтобы запечатлѣть этотъ фактъ въ памяти. Порядокъ природы, по скольку онъ слагается изъ этихъ болѣе внезапныхъ дѣйствій, быстро изучается.

Ассоціаціи предметовъ съ ихъ *пользованіемъ*, или ихъ практическими примѣненіями заключаютъ въ себѣ стимулы причины и дѣйствія вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ интересомъ полезнаго. Рычагъ самъ по себѣ есть не замѣтный видимый предметъ; въ дѣйствованіи, онъ производитъ возбужденіе перемѣны, и довольство, происходящее отъ полезнаго исхода. Мебель, снаряды и вообще необходимыя принадлежности, въ ихъ идеяхъ, суть совокупность видимой внѣшности и осязаемыхъ качествъ, вмѣстѣ съ ихъ добавочными свойстаами проявляющимися при ихъ употребленіи.

Научныя свойства предметовъ, добываемыя опытомъ или замѣчаемыя въ естественномъ ходѣ природы, часто заключаютъ въ себѣ самыя сильныя поражающія дѣйствія и, вслѣдствіе этого, быстро запечатлѣваются въ умѣ. Отличительная особенность кислорода, къ поддержкѣ горѣнія, всегда вспоминается посредствомъ опыта горѣнія въ чистомъ газѣ. Особенности соли, которая сильно дѣйствуетъ на внѣшнія чувства, запоминаются сразу. Разложеніе свѣта черезъ призму есть одинъ изъ тѣхъ поражающихъ видовъ, которые самый глупый человѣкъ можетъ вспомнить, благодаря единственно силѣ ощущенія.

Эффекты, произведенные нашимъ собственнымъ дѣйствіемъ, способны производить добавочное впечатлѣніе. Предъидущимъ маментомъ въ этомъ случаѣ служитъ расходуемая нами энергія, близкое знаніе которой дѣлаетъ ее типомъ всѣхъ причинностей. Ничто такъ хорошо не вспоминается нами, какъ результаты нашихъ собственныхъ дѣйствій; мы имѣемъ причину въ насъ самихъ,

и это увеличиваетъ прелесть гордости или довольства. Отсюда, въ изученіи естественныхъ процессовъ, мы болѣе и лучше всего успѣваемъ, дѣлая наблюденія и опыты надъ самими собой.

Самая заманчивая часть нашего знанія живыхъ существъ—людей и животныхъ, состоитъ въ разсматриваніи ихъ, то какъ дѣйствующихъ, то какъ дѣйствуемыхъ. Дѣйствія, производимыя ими на внѣшніе предметы, и дѣйствія, которыя производятъ внѣшніе дѣятели на нихъ, вспоминаются нами подъ стимуломъ движенія и перемѣны. Существуетъ высоко сложный интересъ въ наблюденіи движеній нашихъ ближнихъ; простое возбужденіе перемѣны и дѣйствія есть часть этого факта; наши симпатіи, антипатіи, страхъ, удивленіе и другія эмоціи придаютъ особую выразительность этому проявленію. Такимъ образомъ, то, что можетъ быть названо *объективною* частію нашего познанія человѣческой природы, зависитъ, во 1-хъ, отъ нашей зрительной или картинной способности удерживанія, и, во 2-хъ, отъ нашей воспріимчивости къ различнымъ чувствованіямъ, возбуждаемымъ проявленіями человѣчности.

Механическія пріобрѣтенія.

Мы имѣемъ теперь коснуться главныхъ классовъ предметовъ, ассоціированныхъ по смежности. Чтобы представить правила въ другомъ свѣтѣ, мы сошлемся на извѣстные виды пріобрѣтенія.

Подъ механическими пріобрѣтеніями мы разумѣемъ область ремесленной индустріи и ловкости, также какъ и употребленіе членовъ нашего тѣла въ самыхъ очевидныхъ и обыкновенныхъ дѣйствіяхъ обыденной жизни. Какъ для интересовъ самосохраненія и физическаго комфорта, такъ для индустріи, а равно и для забавы и отдыха мы создали извѣстную сумму физическихъ положеній.

47. Въ механическихъ пріобрѣтеніяхъ существуютъ слѣдующія условія: 1) способности активныхъ органовъ; 2) тонкость подлежащихъ чувствъ и 3) спеціальный интересъ.

1) Способности активныхъ органовъ суть, во первыхъ, простая мускульная крѣпость и сила, которую мы должны принять какъ вещь необходимую, если только не исключительно обусловливающую собою настойчивость въ упражненіи. Во вторыхъ, мы можемъ принять какъ отдѣльный фактъ, включающій нервные центры, значительную самопроизвольность или расположеніе продолжать мускуль-

ную дѣятельность, которая не всегда идетъ вмѣстѣ съ мускульною развитостію. Третью и самую жизненную изъ всѣхъ способностей, составляетъ еще болѣе глубокая особенность, которая обнаруживается въ воспріятіи постепенно возрастающей мускульной траты и запоминанія мускульныхъ группъ.

Первый и второй элементы сами собой опредѣляютъ дѣятельный темпераментъ, расположеніе и страсть къ тѣлесной дѣятельности, и вытекающую отсюда готовность идти на всякое дѣло, составляющее объемъ этой готовности. Третье свойство должно быть приписано спеціально быстротѣ пріобрѣтенія въ искусномъ упражненіи тѣлесныхъ органовъ.

2) Тонкость спеціальныхъ чувствъ, участвующихъ въ данномъ искусствѣ, имѣетъ одинаковую, если только не большую важность. Если нужно произвести эффекты осязательной тонкости,—какъ напр. въ поверхности полированной или мягкаго свойства,—точное осязаніе необходимо; если рабата судится по цвѣту, требуется оптическое свойство глаза; если нужно произвести музыкальные или словесные эффекты,—подразумѣвается соотвѣтствующій слухъ. Никакая степень подвижности или широты извѣстнаго активнаго органа не сдѣлаетъ насъ способными стать выше нашего различенія производимыхъ эффектовъ; и слабая подвижность будетъ значительно напрягаться усиліемъ сообразоваться съ точнымъ воспріятіемъ. Сверхъ того, ассоціаціи механической ловкости представляютъ собой, какъ мы видѣли, смѣшеніе групповыхъ мускульныхъ движеній и положеній съ чувственною впечатлительностью; и важность области чувствовательной обнаружилась недостаточностію другихъ соединеній въ ея отсутствіи.

3) Спеціальный интересъ въ работѣ можетъ происходить изъ различныхъ источниковъ. Обладаніе активными дарованіями есть побужденіе къ упражненію ихъ, и всякое упражненіе, въ предѣлахъ извѣстной способности, бываетъ пріятно. Такъ, въ отношеніи извѣстнаго внѣшняго чувства: высоко развитая чувствительность, напримѣръ въ отношеніи цвѣтовъ, есть источникъ сколько удовольствія, столько же и различенія. Кромѣ этихъ видовъ интереса, вытекающаго изъ обладанія природными способностями, могутъ существовать побочные источники. Нерѣдко случается, что извѣстное очарованіе влечетъ насъ къ чему-то такому, что лежитъ внѣ объема нашихъ способностей. Мы можемъ имѣть достаточный музыкальный слухъ, чтобы наслаждаться музыкой, но при этомъ не имѣть музыкальнаго искусства; тоже самое съ цвѣтами. Мы испытываемъ,

такимъ образомъ, нѣкоторый родъ удивленія той способности, которая доставляетъ намъ удовольствіе и которою мы сами не одарены. Въ концѣ концовъ, какія бы обстоятельства ни давали художественное значеніе механическимъ пріобрѣтеніямъ, они влекутъ за собой и нашу имъ преданность и, такимъ образомъ, облегчаютъ наше дальнѣйшее развитіе въ области ихъ.

48. Въ веденіи механическаго обученія, должна быть желательна сила и свѣжесть системы; и упражненія этидолжны продолжаться столь долго, чтобы вызвать энергію на полный ходъ.

Физическая сила и свѣжесть какъ въ движеніи органовъ, такъ и въ отношеніи чувствъ, есть первое требованіе: механическое ученье бываетъ самымъ дѣйствительнымъ въ первые часы дня и послѣ подкрѣпленія пищею. Упражненіе должно продолжаться столь долго, чтобы вызвать кровообращеніе и нервную дѣятельность, богатую для возбужденныхъ органовъ; въ началѣ дѣйствія замѣчается какъ нѣкоторая инертность частей, такъ и ощущеніе вялости, хотя и переходное; кровь еще не проложила своего пути къ вызваннымъ въ дѣйствіе членамъ. Въ старческомъ періодѣ жизни, когда наступаетъ естественная утомленность, упражненіе должно прекратиться; соединяющая способность доходитъ до minimum' а. Въ войскѣ рекруты обучаются три раза въ день—рано утромъ, послѣ завтрака и послѣ обѣда—отъ полутора до двухъ часовъ каждый разъ. Новичекъ въ торговлѣ учится минутами и урывками и перемѣшиваетъ выполненіе дѣла съ пріобрѣтеніемъ новыхъ силъ. Спеціальныя страданія учащагося бываютъ двухъ родовъ: утомленіе вниманія и истощеніе, причиняемое повторяющимися попытками и неудачами.

Пріобрѣтенія въ области языка.

49. Во первыхъ, словесный языкъ. Это пріобрѣтеніе заключаетъ въ себѣ активное дарованіе—произношеніе голосомъ и извѣстное чувство, именно слуха.

Начало произношенія принадлежитъ раннему періоду произвольныхъ пріобрѣтеній. Ребенокъ прежде всего долженъ успѣть въ способности произношенія отдѣльныхъ буквъ и слоговъ; затѣмъ они соединяются въ слова, а послѣднія—въ предложенія.

Какъ и въ случаѣ активныхъ органовъ, служащихъ механическимъ пріобрѣтеніямъ вообще, мы должны, въ качествѣ условій сочетанія произношеній, указать: 1) на мускульную силу гортани и органовъ съ нею связанныхъ; 2) вокальную самопроизвольность и 3) самое важное изъ всѣхъ—спеціальное различеніе и память къ вокальнымъ движеніямъ, связаннымъ, какъ мы можемъ предположить, съ высокой организаціей относящихся сюда двигательныхъ центровъ.

Далѣе, существуетъ тонкость слуха для произносимыхъ эффектовъ, включающая какъ различеніе, такъ и память, принимая первое критеріемъ второго. Это дарованіе можетъ быть разсматриваемо, какъ относящееся къ спеціальнымъ нервнымъ центрамъ слуха (къ пассивной сторонѣ мозга).

Когда эти два природныя дарованія стоятъ высоко, пріобрѣтеніе словъ и словесныхъ рядовъ будетъ возрастать съ пропорціональною скоростію. Если, въ добавленіе къ этому, существуетъ хорошая природная способность соединенія, успѣхъ будетъ еще больше. Кромѣ того, языкъ есть пріобрѣтеніе словъ, не благодаря имъ самимъ, но въ ассоціаціи съ вещами. Отсюда, дальнѣйшее условіе:—

50. По сколько языкъ состоитъ въ ассоціаціи именъ съ предметами или мыслями, по столько, въ качествѣ условія, мы должны включить законъ разнороднаго соединенія.

Это значитъ, что мы заботимся о доброкачественности ассоціацій (inter se) языка—съ одной стороны, и предметовъ, носящихъ извѣстное названіе,—съ другой, какъ это было объяснено выше.

Мы изучаемъ гораздо ранѣе имена тѣхъ предметовъ, которые дѣйствуютъ на насъ, чѣмъ тѣхъ, которые не производятъ дѣйствія. Лексиконъ каждаго человѣка создается преимущественно изъ именъ предметовъ, интересующихъ его самого; натуралистъ знаетъ больше названій въ его собственной спеціальной области, чѣмъ въ остальныхъ.

51. Кромѣ простого словаря или номеркл атуры, языкъ включаетъ еще большое число опредѣленныхъ сочетаній словъ съ ихъ различными окончаніями и подчиненіями грамматическимъ и другимъ законамъ.

Мы не только даемъ названіе предметамъ, но и закрѣпляемъ эти названія, какъ и въ другихъ случаяхъ, соединяя или складывая послѣдовательныя состоянія. Эти формы могутъ быть чрезвычайно многочисленны и измѣнчивы для одной и той же мысли или за-

дачи. Быстрый подборъ ихъ почти исключительно управляется обстоятельствами чисто словеснаго сцѣпленія. Краснорѣчивый ораторъ, плодовитый и художественный писатель, поэтъ должны отличаться чисто словеснымъ богатствомъ, независимо отъ предѣловъ данной матеріи.

52. Между тѣмъ какъ пріобрѣтеніе языка должно зависѣть прежде всего отъ благопріятныхъ свойствъ слуха и произношенія, дѣйствіе повторенія широко измѣняется сообразно съ спеціальнымъ интересомъ.

Изъ массы словъ, проходящихъ чрезъ слухъ, удерживается только извѣстная сумма, и эта сумма, хотя частію основывается на повтореніи, много зависитъ также отъ нашего интереса къ предметамъ и нашихъ склонностей къ особеннымъ формамъ описанія одного и того же предмета. Лексиконъ извѣстнаго лица показываетъ съ кѣмъ онъ имѣлъ компанію, какія читалъ книги, какія изучалъ области; а это будетъ свидѣтельствовать далѣе о преобладающихъ въ немъ вкусахъ, эмоціяхъ или склонностяхъ. Такъ, въ Мильтонѣ, мы видимъ его особенную эрудицію, а также и его сильное предпочтеніе къ тому, что было огромно, глубоко, полно величія, силы и высоты. Въ Шекспирѣ, словесное сочетаніе, какъ такое, было столь обширно, что, кажется, включало каждую отрасль терминологіи въ почти равныхъ пропорціяхъ. Только весьма тщательное изслѣдованіе дастъ намъ возможность открыть его симпатіи, штрихи развитія и струи его особеннаго спеціальнаго интереса.

Многіе термины и формы языка постоянно оттѣняются какимъ либо чисто случайнымъ настроеніемъ духа или пробужденіемъ вниманія. Такъ, когда намъ случается чувствовать очень большой недостатокъ въ словахъ, передъ тѣмъ какъ произносить ихъ, впечатлѣніе бываетъ однимъ изъ тяжелыхъ. Какое либо интересное обстоятельство, сопутствуемое особой манерой говорить, запечатлѣвается для каждаго. Выразительность великаго оратора или актера отпечатлѣваетъ особенность его языка.

53. Что касается способа выраженія, то силы голоса подчинены слуху размѣра или такта.

Слухъ размѣра есть, вѣроятно, особое чувство, касающееся какъ музыкальнаго, такъ и словеснаго слуха. Одного котораго либо изъ нихъ, хотя бы развитаго и до величайшаго совершенства, при недостаточномъ развитіи другого, недостаточно для актера или ора-

тора. Тонкое чутье такта снабжаетъ умъ многими тонами или мелодіями произношенія, которые ораторъ воспроизводитъ въ своей дикціи, избирая, если нужно, такія слова, которыя даютъ мелодіи наибольшее приложеніе.

Самое чистое упражненіе словесной связи можно видѣть въ звукоподражательной мимикѣ, которая требуетъ дарованій голоса, развитого слуха, а также, сверхъ всего, и слуха къ такту.

54. Письменный языкъ обращается къ чувству произвольныхъ видимыхъ формъ.

Письменные знаки въ своемъ сочетаніи зависятъ отъ мускульно способности глаза и участвующихъ здѣсь нервныхъ центровъ. Хорошо извѣстное средство помочь памяти словъ это—написать самому то, что нужно бываетъ вспомнить. Дѣйствіе этого средства состоитъ не просто только въ томъ, чтобы присоединить новую черту связи, воспоминанія руки и пальцевъ,—хотя можно вспомнить и этимъ путемъ,—но чтобы запечатлѣть формы зрѣніемъ, посредствомъ сосредоточеннаго вниманія на самомъ актѣ копированія.

55. Часто были отыскиваемы легчайшіе способы усвоенія языковъ, но спеціальныхъ правилъ по отношенію къ языку нѣтъ. Какой либо крайній стимулъ вниманія къ одной вещи сопровождается тратой въ какомъ либо другомъ отношеніи.

Здоровье, правильность, методъ, отсутствіе тревоги суть условія, благопріятствующія всякому вообще пріобрѣтенію; благодаря имъ, каждый умъ имѣетъ извѣстную сумму сочетательной способности, которая можетъ быть распредѣлена въ ту или другую сторону, но не можетъ быть увеличена. Извѣстный языкъ включаетъ въ себѣ извѣстное, опредѣленное число сочлененныхъ продуктовъ, воздвигнутыхъ на соединяющей способности въ соотвѣтствующей степени. Истраченное должно быть восполнено чѣмъ либо другимъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что пріобрѣтеніе сокращается благодаря открытію сходствъ, и это имѣетъ спеціальное приложеніе къ изученію языковъ, которые родственны другъ съ другомъ. Отсюда, обычай у хорошихъ преподавателей классицизма открывать глубокое сродство этихъ языковъ съ нашимъ собственнымъ и чрезъ это облегчать память словъ.

56. Хорошая словесная связь имѣетъ значеніе въ памяти знанія или образованія, выражаемаго въ языкѣ.

Повтореніе рѣчей, поэтическихъ произведеній и пр., посредствомъ

зубрежки, составляетъ упражненіе памяти словъ. Сэръ Вальтеръ Скоттъ обладалъ такою способностью, хотя безъ сомнѣнія она была особенно велика тамъ, гдѣ предметъ вдохновлялъ его чувства. Маколей былъ также замѣчателенъ своею памятью словъ. Такіе люди, благодаря ихъ памяти словъ, запоминаютъ даже извѣстныя знанія, приспособительно къ словамъ. Въ крайнихъ случаяхъ этой способности, память изложенія или словъ совмѣстима съ полнымъ незнаніемъ смысла.

Способность удерживанія въ наукѣ.

57. Познаніе, какъ наука, способно, въ большей или меньшей степени, быть облечено въ искуственные и незанимательные (неинтересные) символы, внѣшній обликъ которыхъ и держится въ умѣ.

Близкое и существенно—фактическое знаніе можетъ быть обнято чувственными и конкретными формами природы; восходъ солнца есть явленіе видимой послѣдовательности. Но въ астрономіи великолѣпный ходъ небесныхъ тѣлъ представляется какъ масса алгебраическихъ вычисленій.

58. Науки дѣлятся на объективныя—знаніе внѣшней природы, и субъективныя, или относящіяся къ духу.

Объективныя науки подраздѣляются на наиболѣе конкретныя, какова напр. естественная исторія, и болѣе абстрактныя, какова математика.

Въ наиболѣе конкретныхъ и экспериментальныхъ наукахъ, какъ въ группѣ естественной исторіи (минералогія, ботаника, зоологія и др.) географіи, анатоміи, химіи, наукѣ о теплотѣ, электричествѣ,—дѣйствительная внѣшность по отношенію къ чувствамъ составляетъ обширную область входящей сюда матеріи; отсюда, въ нихъ конкретный умъ, (исходная точка котораго есть цвѣта), имѣетъ свою собственную область. Количество или подробности видимыхъ предметовъ—таковы, что нуждаются въ этого рода дарованіи. Затѣмъ, какъ науки, они включаютъ обобщеніе и общія понятія и не могутъ быть отдѣлены отъ свободнаго символизма или механизма, нераздѣльнаго даже съ высшими обобщеніями; отсюда, они могутъ быть разсматриваемы какъ смѣшанный типъ науки. Чистый типъ выступаетъ въ слѣдующемъ классѣ.

Къ абстрактнымъ наукамъ принадлежатъ: математика, математическія части естественной философіи, нѣкоторыя части химіи и физіологіи и еще болѣе техническія стороны другихъ конкретныхъ наукъ. Они, смотря по характеру ихъ, представляются уму посредствомъ чиселъ, линейныхъ діаграммъ, символовъ и знаковъ, чаще всего взятыхъ изъ алфавита, но соединенныхъ въ необычныя и странныя сочетанія; между тѣмъ какъ многія изъ обобщеній выражаются на обычномъ языкѣ, но въ самыхъ абстрактныхъ его терминахъ. Какъ простое чувственное представленіе, этотъ механизмъ поддерживается глазомъ, такъ какъ форма основывается на мускульномъ удерживаніи зрѣнія. Здѣсь лежитъ разнообразіе письменнаго языка, также какъ и словеснаго, обусловливаемое соотвѣтствующимъ обладаніемъ слухомъ. Важность цвѣта отходитъ на задній рядъ; формы не имѣютъ эстетической прелести. Мотивъ, возбуждающій естественную сцѣпляемость зрѣнія въ области формъ, долженъ считаться, до нѣкоторой степени, обладающимъ внѣшнимъ интересомъ.

Настоящій интересъ есть интересъ истины въ его цѣльности или общности. Это служитъ побужденіемъ къ тому, чтобы положить въ умѣ формы, чуждыя интереса, и продолжить трудъ, обращенный на понятія и разсужденія абстрактныя.

59. Субъективныя науки, касающіяся собственно духа, основываются на самосознаніи, или интроспективномъ (внутреннемъ) вниманіи.

Хотя наука о душѣ включаетъ много явленій объективнаго характера,—именно тѣлесныя обнаруженія духа и дѣйствія живыхъ существъ, дѣйствія, вдохновляемыя ихъ чувствами,—однако существенныя свойства духа доступны каждому только чрезъ самонаблюденіе. Не существуетъ никакого спеціальнаго посредника для наблюденій душевныхъ явленій, подобно глазу, уху или осязанію для извѣстныхъ областей внѣшняго міра, такъ что мы должны идти особымъ путемъ въ попыткѣ указать особое свойство различенія и удерживанія состояній самосознанія вообще.

60. Спеціальныя обстоятельства, благопріятствующія пріобрѣтенію знанія въ отношеніи духовныхъ или субъективныхъ состояній, суть—отсутствіе или незначительное вліяніе внѣшнихъ предметовъ и собственный интересъ въ этой области.

Если мы не можемъ здѣсь указать какую либо опредѣленную

способность, въ родѣ духовнаго зрѣнія, аналогичнаго съ тѣлеснымъ зрѣніемъ, напримѣръ цвѣтовъ, то мы можемъ предположить, что бодрствующее сознаніе, будучи раздѣлено между объективными и субъективными воззрѣніями, можетъ въ каждой личности склоняться болѣе въ одну сторону, чѣмъ въ другую. Когда существуетъ природная сила ума, направленіе, принятое благодаря ей, будетъ интеллектуальнаго характера. Когда объективныя воззрѣнія являются исключительными и преобладающими, знаніе субъекта, какъ такого, будетъ стоять на низшей степени.

Обстоятельства, благопріятствующія объективному вниманію, могутъ быть указаны съ большою вѣроятностію, и отсутствіе ихъ можно поэтому считать условіями, благопріятствующими субъективному вниманію. Эти объективныя обстоятельства суть во первыхъ: значительная произвольная мускульная дѣятельность во всѣхъ ея видахъ и, прежде всего, высокое развитіе внѣшнихъ чувствъ, болѣе всего связанныхъ съ объективными свойствами, какъ зрѣніе, осязаніе и слухъ. Гдѣ эти силы системы чрезмѣрно направлены на тѣлесную энергію, характеръ оказывается преимущественно объективнымъ; вслѣдствіе чего, не только лица различныхъ организацій, но и одни и тѣ же, подъ вліяніемъ старости, болѣзни, упадка бодрости, направляются болѣе на самосознаніе и проявляютъ послѣдствія этого свойства въ сравнительно большемъ знаніи душевныхъ чувствованій, большей симпатіи къ другимъ и нравственной или гуманизирующей тенденціи. Затѣмъ, въ отношеніи внѣшнихъ чувствъ, сильная воспріимчивость къ свѣту, музыкѣ или осязаемымъ свойствамъ направляетъ на внѣшніе предметы; если эти чувствительности только средняго развитія или даже ниже этого, въ умѣ съ великими природными дарованіями обширная область вниманія будетъ принадлежать субъективнымъ состояніямъ. При другой крайности, большая органическая чувствительность побуждаетъ обращать взоры опять таки на самого себя.

61. Съ цѣлію показать посредство или органъ духовнаго изученія, способность, ведущая къ этой цѣли, была названа Ридомъ и Стюартомъ „сознаніемъ“ (Consciousness). Гамильтонъ говоритъ о той же самой силѣ, какъ способности представленій о себѣ (Presentative Faculty-for Self).

Употребляемое Локкомъ для обозначенія источника нашего знанія о внутреннемъ мірѣ названіе „рефлексія“ не можетъ, однако же считаться удачнымъ. Слово „сознаніе“—лучше, но такъ какъ

оно употребляется въ приложеніи къ міру внѣшнему, такъ же какъ и внутреннему, то терминъ „самосознаніе“ будетъ болѣе подходящимъ: онъ будетъ точенъ и при общемъ употребленіи.

Гамильтонъ называетъ первый источникъ нашего знанія фактовъ способностію представленія. Внѣшнія чувства образуютъ среду представленій для міра внѣшняго; самосознаніе есть представленіе міра субъективнаго.

Занятія, или практическая жизнь.

62. Воспитаніе высшей индустріи, противополагаемой простому ручному ремеслу, различно по различнымъ отдѣламъ. Изъ входящихъ въ нее элементовъ, мы можемъ отмѣтить: 1) знакомство съ матерьяльными формами и свойствами; 2) извѣстныя техническія формальности, близко относящіяся къ наукѣ, и 3) практическое знаніе людей.

1) Знаніе извѣстнаго класса природныхъ свойствъ входитъ въ различныя индустральныя занятія—агрикультуру, мануфактуру и коммерцію. Это знаніе не составляетъ чего нибудь, существенно отличнаго отъ научнаго знанія, хотя оно различно собирается и распредѣляется. Здѣсь не столько имѣются въ виду научные аттрибуты и различныя обобщенія, сколько точность или опредѣленность въ отдѣльныхъ приложеніяхъ. Стальныхъ дѣлъ мастеръ долженъ имѣть точное знакомство съ свойствами стали; бумагопрядильщикъ долженъ знать всѣ оттѣнки и особенности матерьяла.

2) Формальности бухгалтеріи и способы денежныхъ вычисленій, конечно, относятся къ произвольнымъ формамъ подобно ариѳметическимъ и математическимъ.

3) Во многихъ практическихъ отрасляхъ, какъ политикѣ, ораторствѣ, обученіи и пр., люди суть матерьялы и знаніе ихъ, съ практической точки зрѣнія, есть дѣло первой важности. Тоже самое знаніе служитъ управленію людьми и торговлѣ, которую ведетъ негоціантъ на рынкѣ съ другими.

Обширный интересъ въ настоящемъ случаѣ составляютъ мірскія средства, которыя привлекаютъ къ себѣ вниманіе въ большей степени, чѣмъ истина. Существуютъ спеціальныя склонности для спеціальныхъ призваній, обязанныхъ побочнымъ обстоятельствамъ каждаго, соотвѣтственно индивидуальнымъ различіямъ. Другое склоняющее обстоятельство это—большой почетъ, привлекающій къ извѣстнымъ профессіямъ.

Существуетъ тѣсное отношеніе, въ области умственнаго дарованія, между высшими успѣхами матеріальной индустріи и конкретными экспериментальными науками и между формальными отраслями, каковы-законы и математика. Управленіе людьми зиждется на способности къ усвоенію субъективныхъ наукъ.

Пріобрѣтенія въ изящныхъ искусствахъ.

63. Художественныя построенія стремятся дать извѣстные роды удовольствія, называемые удовольствіемъ красоты, вкусомъ или эстетической эмоціей.

Общепризнаными изящными искусствами считаются архитектура, культура рисованіе, поэзія, драмматическая игра, утонченное обращеніе, танцы, музыка. Общая цѣль ихъ—возвышенное удовольствіе, хотя выраженіе или орудіе ихъ различны. Они раздѣляются на зрительные и слуховые—по двумъ высшимъ чуствамъ. Поэзія и драмматическое искусство представляютъ сочетаніе того и другого.

64. Самыя главныя условія пріобрѣтеній въ изящныхъ искусствахъ суть: 1) механическая способность, 2) склонность къ подлежащему матерьялу искусства и 3) артистическое чувство.

1) Въ тѣхъ искусствахъ, гдѣ артистъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ и механическій работникъ, требуются соотвѣтственныя активныя дарованія. Пѣвецъ, актеръ, ораторъ нуждаются въ голосовыхъ средствахъ (силѣ, самопроизвольности и условіи, которымъ опредѣляется одинаково различеніе и удерживаніе): актеръ и ораторъ нуждаются, далѣе, въ соотвѣтствующихъ способностяхъ позировки и жестовъ. Инструментальный музыкантъ, живописецъ и скульпторъ—ручные работники. Архитекторъ и поэтъ изъяты изъ настоящаго условія.

2) Склонность къ предмету или матерьялу искусства бываетъ важна, какъ средство, снабжающее умъ пригодными воспоминаніями и формами. Живописецъ и поэтъ должны обладать обширною памятью живописныхъ образовъ въ природѣ, разсматриваемыхъ со стороны только видимаго выраженія, безотносительно къ красотѣ на первомъ планѣ. Поэтъ долженъ имѣть, вдобавокъ, умъ, хорошо снабженный словами и ихъ мелодическими и метрическими комбинаціями. Актеръ долженъ имѣть зрѣніе и память жестовъ. Музыкантъ достигаетъ успѣха, благодаря сочетанію звуковъ, какъ такихъ.

3) Артистическое чувство составляетъ руководство къ употребленію этихъ силъ и рессурсовъ и мотивъ къ сосредоточенію вниманія на такихъ предметахъ, которые удовлетворяютъ ему. Артистъ долженъ имѣть специальную и тонкую чувствительность къ собственнымъ эффектамъ своего искусства; пропорціи въ архитектурѣ, прекрасныя округленія и группы въ скульптурѣ, гармоническіе цвѣта въ живописи, мелодія въ музыкѣ и т. д. Располагать обширнымъ матерьяломъ безъ художественнаго подбора—значитъ не достичь собственно художественной сферы; умъ, полный образъ, безъ эстетическаго чувства, можетъ сдѣлаться умомъ натуралиста или географа, но не живописца или поэта. Громадное богатство оригинальныхъ концепцій было выдающеюся чертою въ Бэконѣ, но ему не доставало поэтической тонкости въ ихъ приложеніи.

Исторія и разсказъ.

65. Преемство событій и дѣйствій въ человѣческой жизни, сохраняемыхъ памятью и передаваемыхъ, составляетъ исторію.

На связь слышимыхъ или повѣствуемыхъ событій часто смотрѣли какъ на характеристическое выраженіе памяти. Бэконъ, раздѣляя все человѣческое знаніе соотвѣтственно нашимъ способностямъ, относитъ исторію къ памяти, философію—къ разсудку и поэзію—къ воображенію.

66. Повѣствуемыя дѣянія производятъ впечатлѣніе и какъ ощущенія, преимущественно зрѣнія и слуха, и какъ дѣйствія собственно, когда зритель есть вмѣстѣ и дѣйствующее лицо.

Парадъ, церемонія или другіе живописные виды передаются живописной памяти. Самыя живыя, наглядныя демонстраціи сопровождаются, въ большей или меньшей степени, звуковыми эффектами; дѣйствія человѣка, обыкновенно, сопровождаются словами или разговоромъ.

Историческія событія имѣютъ интересъ вообще для всѣхъ людей, хотя для однихъ большій, чѣмъ для другихъ. Отсюда, память передаваемыхъ событій, если бываетъ результатомъ возбужденнаго вниманія, обыкновенно, тверда.

Иногда одиночное событіе, въ его самыхъ малѣйшихъ подробностяхъ, помнится въ теченіи всей жизни. Это зависитъ частію отъ продолжительности времени, въ которое мы были имъ заняты, ча-

стно отъ возбужденнаго интереса, а частію отъ частаго умственнаго повторенія и устныхъ разсказовъ послѣ.

67. Разсказываемыя событія находятъ для себя помощь въ памяти словъ.

Тотъ или другой разсказъ есть сложная работа воображенія и языка. На сколько мы можемъ реализировать картину событій, мы соединяемъ преемственность картиннымъ образомъ; по скольку мы вспоминаемъ теченіе словъ, мы удерживаемъ его словеснымъ образомъ. Вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, память образуется то одной связью, то другой; различные умы распредѣляютъ воспоминаніе между этими двумя видами различно.

Наша прошедшая жизнь.

68. Сложное теченіе нашего существованія слагается изъ всѣхъ нашихъ дѣйствій, ощущеній, эмоцій, мыслей, какъ они совершались.

Наши собственныя дѣйствія удерживаются въ различныхъ формахъ.

1) По скольку они представляютъ передъ нами постоянно измѣняющійся спектакль, они образуютъ сближеніе съ нашими ощущеніями. Прогулка по извѣстной мѣстности, хотя фактъ энергіи или дѣятельности, вспоминается какъ рядъ живописныхъ видовъ. Тоже самое справедливо и по отношенію къ выполняемымъ нами работамъ; оконченная картина художника есть воплощеніе его труда за много времени и пріятнѣйшая форма воспоминаній о немъ.

2) Если мы вспоминаемъ дѣйствія, какъ такія, независимо отъ сопутствовавшихъ измѣненій нашего чувственнаго хода,—это суть *идеальныя движенія*, для которыхъ мы имѣемъ извѣстную сцѣпляемость, безъ сомнѣнія измѣняющуюся съ моторными дарованіями вообще. Если мы вспоминаемъ извѣстное дѣйствіе достаточно для того, чтобы совершить его вновь, мы вспоминаемъ его идеально. Мы вспоминаемъ наше словесное произношеніе отчасти какъ связанныя нити голосового упражненія. Правда, мы рѣдко основываемся только на этомъ единичномъ рядѣ. Хирургъ можетъ вспомнить какъ онъ совершалъ операцію, оставаясь нечувствительнымъ, благодаря его памяти ручныхъ движеній; но чувственные результаты различныхъ состояній запечатлѣваются много сильнѣе.

Память нашихъ чувствованій или эмоцій, въ ихъ чисто субъ-

ективномъ характерѣ, какъ въ удовольствіи и страданіи, подходитъ подъ естественную сцѣпляемость субъективныхъ состояній. Было замѣчено относительно прочнаго воспоминанія состояній удовольствія и страданія, что это есть вещь, измѣняющаяся въ индивидахъ и имѣющая большую важность по своимъ практическимъ послѣдствіямъ. Было также замѣчено, что никакой законъ не можетъ быть здѣсь поставленъ въ качествѣ заправителя этою областію, никакое спеціальное дарованіе чувствительности не можетъ быть указано, кромѣ отрицанія крайнихъ объективныхъ воззрѣній въ умѣ, обладающемъ хорошею природною памятью.

Заключительныя замѣчанія о способности удерживанія или памяти.

69. 1) Существуетъ нѣкоторое затрудненіе въ установленіи того, что мы называемъ природнымъ удерживаніемъ, тѣмъ болѣе что многое здѣсь основывается на спеціальныхъ органахъ, и многое на возбужденномъ интересѣ. Правда, когда мы встрѣчаемъ человѣка образованнаго, какъ *учащагося* вообще, съ сильною наклонностію къ пріобрѣтенію во всѣхъ отношеніяхъ—тѣлесной ловкости, языковъ, наукъ, изящныхъ искусствъ—намъ кажется справедливымъ видѣть въ представляемомъ случаѣ примѣръ связующей способности въ цѣломъ, а не аггрегатъ мѣстныхъ преимуществъ. Славный знаменитый Крайтонъ (Crichton) есть историческій типъ этого класса. И мы находимъ многихъ людей, которые почти одинаково способны какъ къ языкамъ и наукамъ, такъ къ практическимъ дѣламъ и изящнымъ искусствамъ. Кромѣ того, превосходство человѣка надъ низшими животными имѣетъ общій характеръ и лучше выражается посредствомъ природнаго удерживанія, чѣмъ посредствомъ суммы спеціальныхъ и мѣстныхъ отличій.

2). Не можетъ быть сомнѣнія, что лучшее удерживаніе или пластичность принадлежитъ раннему возрасту. Мы не можемъ съ точностью опредѣлить сравнительную связующую силу въ различные возрасты, но съ того момента, когда органы вполнѣ находятся въ нашемъ распоряженіи въ теченіи всей дальнѣйшей жизни, она приближается къ рѣшительному упадку. Образованію физическихъ привычекъ, повидимому, благопріятствуютъ не одни только нервныя условія съ ихъ максимумомъ въ молодости, но также и мускульныя условія; періодъ развитія мускуловъ есть періодъ легчайшаго приспособленія къ новымъ движеніямъ.

Что касается духовныхъ свойствъ, то ранніе періоды особенно воспріимчивы къ нравственныхъ внушеніямъ, а также и къ физическихъ навыкамъ, какъ напримѣръ: тѣлесное передвиженіе, механическій составъ языка (произношеніе) или пользованіе руками, какъ напримѣръ, въ черченіи. Послѣ этого приходитъ память словъ и упражненіе внѣшнихъ чувствъ въ наблюденіи съ соотвѣтствующими живописными воспоминаніями. Обобщеніе, абстрагированіе и научныя способности выступаютъ много позднѣе: ариѳметика, грамматика, геометрія, физическія науки и проч. становятся возможными въ возрастѣ около десяти лѣтъ. Около четырнадцати или шестнадцати конкретная сторона воспитанія должна преимущества въ огромномъ большинствѣ, хотя въ это-же время должны образовываться весьма многіе изъ абстрактныхъ элементовъ, преимущественно, въ области математики и грамматики. Основа каждой способности, хотя и не въ предѣлахъ высшаго научнаго разряда, должна быть положена до шестнадцати лѣтъ.

3). На ограниченіе пріобрѣтеній, возможное для каждаго лица, было не однократно указываемо. Существуютъ основанія признать, что это ограниченіе имѣетъ въ области физической организаціи своею соотвѣтственною частью ограниченное число нервныхъ элементовъ. Каждый отдѣльный видъ сознанія, каждая отдѣльная соединенная группа должна, повидимому, отвѣчать отдѣльному слѣду нервныхъ связокъ, заключающихъ въ себѣ опредѣленное количество волоконъ и клѣтокъ или тѣльцевъ; и какъ ни многочисленны составныя волокна и мозговыя клѣтки (они должны считаться милліонами), они все-таки ограниченны: одинъ мозгъ обладаетъ ими больше чѣмъ другой, но каждый имѣетъ свои предѣлы.

Едва-ли справедливо говорить объ улучшеніи памяти въ цѣломъ. Мы можемъ, отдавшись извѣстному отдѣльному предмету, сдѣлать великія пріобрѣтенія въ этой области; или мы можемъ, благодаря привычкѣ сосредоточивать вниманіе на извѣстномъ классѣ предметовъ, вспоминать эти предметы лучше, чѣмъ другіе; но пластичность въ цѣломъ, хотя и допускаетъ экономическое пользованіе, но едва-ли можетъ быть увеличена. Нѣтъ сомнѣнія, что, оставляя другія духовныя силы въ пренебреженіи—силы, составляющія разумъ, воображеніе, и др.—и не расточаясь въ возбужденій чувствованій, мы можемъ опредѣлить нѣкоторую добавочную часть совокупной умственной энергіи на пластическое пріобрѣтеніе; но это значитъ отвлечь способность, а не создать ее.

4). Существуетъ *временная связь*, наблюдаемая во многихъ слу-

чаяхъ обыденной жизни. Когда мы имѣемъ выполнять приказанія, передавать порученія, задавать вопросъ, приводить на память извѣстный фактъ,—во всѣхъ этихъ случаяхъ бываетъ необходима развѣ самая ничтожная задержка. Въ такихъ случаяхъ мы исполняемъ требованія прежде чѣмъ изгладилось дѣйствительное впечатлѣніе.

Дальнѣйшая ступень соединенія представляется высшею быстротою и живостью воспоминанія о предметахъ, которые встрѣчались всего лишь нѣсколько часовъ или нѣсколько дней или, быть можетъ, мѣсяцевъ. Существуетъ разница между днями, недѣлями и годами перерыва. Предметы, которые предполагаются совершенно вышедшими изъ ума, бываютъ только подавлены многими новѣйшими впечатлѣніями; затѣмъ мы находимъ, что близость по времени дѣлаетъ большое различіе; наши впечатлѣнія, восходящія въ отдаленное прошлое и не возобновляемыя послѣ, приходятъ въ забвеніе; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ затмѣніе распространяется на очень многое изъ того, что помнилось хорошо за нѣсколько мѣсяцевъ, особенно то, что образовалось въ позднѣйшій періодъ жизни.

Такъ называемое *напичкиваніе* (cramming) есть видъ временной связи. Но упрекъ, соединяемый съ этимъ именемъ, болѣе обязанъ тому обстоятельству, что пріобрѣтенія дѣлаются посредствомъ крайняго усилія и возбужденія мозга, которое можетъ существовать только временно и оканчиваться истощеніемъ образовательныхъ силъ. Ровный шагъ пріобрѣтенія, въ извѣстныхъ границахъ напряженности, есть вѣрная экономія въ длинномъ теченіи.

ГЛАВА II.

Согласіе—законъ сходства.

1. Положеніе этого закона—таково:—

Настоящія дѣйствія, ощущенія, мысли или эмоціи стремятся воскресить сходныя съ ними изъ прежде испытанныхъ состояній.

Смежность соединяетъ вмѣстѣ предметы, которые встрѣчаются вмѣстѣ или которые, по какому нибудь обстоятельству, представ-

ляются для ума *одновременными*; какъ, напр., когда мы ассоціируемъ теплоту со свѣтомъ, паденіе тѣла съ толчкомъ. Но, въ добавленіе къ этому звену воспроизводимой связи, мы находимъ, что одна вещь, въ силу сходства, вызываетъ другую, отдѣленную отъ нея по времени, какъ, напр., когда портретъ вызываетъ оригиналъ.

Другое основное свойство ума, опредѣляемое сознаніемъ согласія или сходства, составляетъ, такимъ образомъ, важную способность умственнаго воспроизведенія или средство возвращенія прежнихъ умственныхъ состояній. Аристотелемъ оно было признано однихъ изъ звеньевъ въ преемствѣ нашихъ мыслей.

2. Сходство въ одной формѣ подразумѣвается смежностію. Когда связь по смежности закрѣпляется повторяющимися опытами, каждое новое впечатлѣніе должно вызвать все цѣлое прошлаго.

Въ виду того, что мы можемъ, чрезъ повтореніе, пріобрѣсти постоянную идею, напр. изгибовъ на рѣкѣ, видимыхъ съ извѣстнаго пункта, каждый новый видъ долженъ возобновлять эффектъ прежняго; а это есть видъ соединенія по сходству. Въ каждомъ такомъ случаѣ сходство, однако же доходитъ до тожества и никогда не погрѣшаетъ въ своемъ дѣйствіи. Здѣсь нѣтъ нужды упоминать о томъ, что можно принять съ несомнѣнностію; отсюда, это условіе успѣха смежной ассоціаціи подразумѣвалось само собой. Случаи, требующіе нашего вниманія, суть тѣ, въ которыхъ сходство не переходитъ въ тожество, и гдѣ оно можетъ дѣйствовать ошибочно: обстоятельства, способствующія неуспѣху или успѣху, составляютъ, такимъ образомъ, предметъ особаго разсмотрѣнія.

3. Препятствіями къ увѣренному оживленію прошлаго, въ силу связи по сходству, являются слабость и разнообразіе.

Существуютъ случаи, гдѣ настоящее впечатлѣніе слишкомъ слабо, чтобы ударить въ давно установившійся слѣдъ того-же самаго впечатлѣнія и тѣмъ оживить его снова; такъ, мы бываемъ не въ состояніи отожествить блѣдный цвѣтъ или узнать предметъ, разсматриваемый при слабомъ освѣщеній. Это составляетъ одинъ изъ видовъ труднаго, сомнительнаго возстановленія. Самые многочисленные и интересные случаи, однако же, входятъ въ отдѣлъ разнообразія или сходства, сопровождаемаго несходствомъ; такъ когда выполняется извѣстная арія съ новыми варіаціями или на незнакомыхъ инструментахъ. И будетъ зависѣть отъ различныхъ обстоятельствъ то, поймемъ или не поймемъ мы это сходство.

Замѣчаются, какъ мы увидимъ, величайшія индивидуальныя различія относительно способности возстановленія прежнихъ опытовъ по ассоціаціи сходства, при препятствіяхъ, представляемыхъ слабостію и разнообразіемъ. Эта способность, повидимому, слѣдуетъ своимъ собственнымъ законамъ, и не возникаетъ, и не падаетъ соотвѣтственно соединенію по смежности. Какъ въ смежности, такъ и здѣсь мы находимъ факты, лучше всего свидѣтельствующіе о примѣненіи природной способности соединенія по сходству, видоизмѣняющейся благодаря мѣстнымъ способностямъ внѣшнихъ чувствъ. Каждый умъ, повидимому, одаренъ извѣстною степенью сходства въ цѣломъ или къ предметамъ вообще; эта общая способность допускаетъ спеціальныя разности, смотря по нѣкоторымъ мѣстнымъ особенностямъ, подобныя которымъ мы указали въ главѣ о смежности. Они будутъ ясны въ иллюстраціи дѣйствій по сходству, во первыхъ, при неблагопріятномъ дѣйствіи слабости и, во вторыхъ, и въ большемъ размѣрѣ, при препятствіи, представляемомъ разнообразіемъ.

Слабость впечатлѣнія.

4. При извѣстной степени слабости, настоящее впечатлѣніе бываетъ не въ состояніи вызвать прошедшее даже въ томъ случаѣ, когда сходство переходитъ въ тожество.

Когда настоящее впечатлѣніе бываетъ очень слабо или блѣдно, оно почти равняется полному отсутствію впечатлѣнія. Тѣмъ не менѣе мы считаемъ полезнымъ разсмотрѣть случаи, хотя и не часто встрѣчающіеся, когда слабое впечатлѣніе признается однимъ человѣкомъ и не признается другимъ. Возьмемъ чувство вкуса. Въ случаѣ очень слабой примѣси соли къ водѣ, многія лица могутъ разсматривать воду какъ совершенно свѣжую; другія-же могутъ различить вкусъ соли; что значитъ, что настоящее впечатлѣніе соли могло вызвать предъидущія общія впечатлѣнія соленаго вкуса, вмѣстѣ съ именемъ и свойствами или полнымъ знаніемъ соли; говоря иначе, субстанція была бы *отожествлена*.

1) Разсмотримъ то умственное свойство, которое можетъ быть признано причиною этого различія. Прежде всего мы должны допустить, что *природная тонкость чувства* вкуса можетъ измѣняться. Мы знаемъ, что всѣ внѣшнія чувства подвержены индивидуальнымъ измѣненіямъ природной остроты; извѣстнѣйшій критерій сравнитель-

ной тонкости принадлежитъ способности различенія, которая включаетъ развитое чувство сходства, также какъ и спеціальную силу удерживанія. Подобнымъ-же образомъ, тонкое чувство обонянія, какъ, напр., у собаки, обнаруживается въ отожествленіи очень слабыхъ запаховъ; хорошій слухъ различаетъ слабыя впечатлѣнія звука; искусный глазъ, въ отношеніи цвѣтовъ, подмѣтитъ слабый оттѣнокъ желтаго тамъ, гдѣ для другого глаза покажется совершенное отсутствіе цвѣта.

2) Во вторыхъ, благодаря близости или другимъ причинамъ, *прежнее впечатлѣніе можетъ быть болѣе сильно оттѣнено* въ одномъ умѣ, чѣмъ въ другомъ, вслѣдствіе чего бываетъ возможенъ отзывъ на самое слабое прикосновеніе настоящаго стимула. Мы должны надѣяться, что это происходитъ отъ дѣйствительной природы случая, и мы на основаніи сходныхъ фактовъ, знаемъ, что это случается. Морякъ отожествляетъ корабль въ отдаленіи и опредѣляетъ его строеніе скорѣе, чѣмъ континентальный житель. Смотря по тому, на сколько мы знакомы съ извѣстнымъ разговорнымъ языкомъ, мы отожествляемъ слабѣйшій шопотъ или самое неясное произношеніе. Здѣсь не важно то, что прежнее впечатлѣніе было сдѣлано глубоко и сильно,—вслѣдствіе-ли простого повторенія, или благодаря вліянію какого либо чувства.

3) Третій возможный источникъ неудовлетворительности въ признаніи слабаго впечатлѣнія есть *привычка обращать вниманіе* на извѣстный классъ впечатлѣній. Иначе она можетъ быть выражена какъ *пріобрѣтенная тонкость извѣстнаго внѣшняго чувства*; благодаря повторяющимся актамъ вниманія или сосредоточенія ума на одномъ какомъ нибудь чувствѣ или на одной какой нибудь области предметовъ образуется обычная сосредоточенность, малу по малу увеличивающая естественную тонкость чувства. Отсюда, всѣ профессіональныя привычки обращать вниманіе на нѣкоторые частные предметы производятъ индивидуальную воспріимчивость къ самому слабому впечатлѣнію въ области этихъ предметовъ.

Нѣтъ надобности разсуждать особо о томъ, что сосредоточенное состояніе ума втеченіе извѣстнаго времени неизбѣжно благопріятствуетъ нашей способности находить тожество. Полное сосредоточеніе способностей наблюденія подтверждаетъ наше положеніе; это сосредоточеніе можетъ или не можетъ быть вспомоществуемо мотивами спеціальнаго интереса или обстоятельствами, которыя поднимаютъ нервную энергію за предѣлы ея обычнаго уровня.

Эти три условія, различныя по происхожденію или источнику,

имѣютъ одно общее свойство, именно: придать большую силу или напряженность прежнему впечатлѣнію. Они могутъ быть разсматриваемы какъ исчерпывающіе мѣстныя и спеціальныя средства для возобновленія прежняго состоянія посредствомъ сходства, при неблагопріятномъ вліяніи слабости въ настоящемъ или дѣйствительномъ стимулѣ. Если мы признаемъ, вдобавокъ, природную способность находить сходство, болѣе богатую въ однихъ умахъ, чѣмъ въ другихъ, мы исчерпаемъ средства, благопріятствующія высокой способности отожествленія, въ случаяхъ слабости впечатлѣній.

Чтобы представить дѣло яснѣе, мы позволимъ себѣ повторить слѣдующія четыре условія.

I. Природныя способности сходства. Онѣ состоятъ въ глубокомъ и развитомъ усвоеніи, интеллектуальномъ дарованіи, благопріятномъ для всѣхъ родовъ впечатлѣній.

II. Спеціальныя и мѣстныя обстоятельства.

1) Природная тонкость или острота чувства.

2) Глубина или сила прежняго впечатлѣнія.

3) Пріобрѣтенная тонкость, или привычное вниманіе къ извѣстной области предметовъ.

Всѣ эти разсужденія не менѣе приложимы и къ средствамъ побѣжденія трудностей разнообразія; но они должны въ этомъ случаѣ быть дополнены четвертымъ спеціальнымъ обстоятельствомъ, упоминаемымъ далѣе.

Сходство въ различіи.—Ощущенія.

5. Движенія, чувствованія движеній и ощущенія вообще воскресаютъ въ идеѣ въ силу частичнаго подобія или сходства въ различіи.

Когда портретъ воскрешаетъ въ нашемъ умѣ оригиналъ, это дѣлается въ силу сходства; различія между изображеніемъ на холстѣ и живыми мужчиной или женщиной не заслоняютъ передъ нами пунктовъ сходства. Однако, увеличьте разность посредствомъ платья, позы и идеализированія чертъ, и остающееся сходство сдѣлается недостаточнымъ, для того, чтобы вызвать оригиналъ; различныя обстоятельства отдаляютъ умъ отъ признанія сходства.

Поэтому, относительно разнообразія, отличная черта производитъ вліяніе на пункты несходства.

Эти же, въ силу общаго закона, имѣютъ тенденцію вызывать *себѣ* подобныхъ; отсюда, борьба противоположныхъ вліяній. Извѣстное лицо, которое мы видѣли только въ обычномъ костюмѣ, рисуется въ военной или оффиціальной формѣ. Разсматривая картину, мы можемъ удариться, въ силу сходства, въ различныя направленія. Какъ портретъ, эта картина можетъ внушить другіе портреты; ожившая черта сходства заставляетъ обратить вниманіе на выполненіе живописца. Или, военное платье можетъ вызвать другихъ солдатъ. Наконецъ, портретъ можетъ вызвать свой оригиналъ по сходству физіономіи. Три лица, смотрящія на одинъ и тотъ-же портретъ, могутъ, такимъ образомъ, быть рукуводимы тремя различными чертами умственнаго оживленія, и въ каждой изъ нихъ будетъ находиться соединеніе сходства въ различіи; точки различія, въ силу ихъ собственныхъ независимыхъ влеченій, дѣйствуютъ какъ препятствія къ сходству. Какая-бы точка ни всплывала въ воспоминаніи, будетъ сходствомъ; другія-же бываютъ несходствами, и, въ своихъ усиліяхъ вызвать свои собственныя подобія, онѣ имѣютъ большое значеніе, препятствующее успѣшному отожествленію.

Отсюда видно, что обстоятельство, спеціальное по отношенію къ помѣхѣ, производимой разнообразіемъ, есть борьба отдѣльныхъ чертъ, каждой самой по себѣ, чтобы натолкнуть на воспоминаніе. Отсюда, кромѣ трехъ спеціальныхъ обстоятельствъ, содѣйствующихъ воскрешенію подъ вліяніемъ слабости, мы должны присоединить 4-е — именно, (4) *низкую или слабую воспріимчивость къ пунктамъ различія.*

6. *Движенія и чувствованія движеній.* Прежде чѣмъ перейти къ ощущеніямъ въ собственномъ смыслѣ, мы можемъ обратить вниманіе на одинъ видъ движеній, который представляетъ интересные примѣры сходства—именно, на движенія произношенія или рѣчь. Какой либо рядъ словъ, произносимыхъ въ настоящее время, можетъ вызвать прежніе ряды, содержащіе выдающееся тожество, хотя и среди различій. Пользуясь отдѣльно фразой или при разсказѣ анекдота, мы бываемъ способны замѣтить, что повторяемся. Мы можемъ прослѣдить сходство, еще далѣе отстоящее отъ тожества. Произнося фразу „права собственности“, мы можемъ придти къ воспоминанію извѣстнаго изреченія, что „собственность имѣетъ какъ свои обязанности, такъ и права“. Созвучія въ окончаніяхъ у авторовъ

могутъ воспоминаться такимъ-же образомъ. Произнося строфы Кембеля—

—— we linger to survey
The promis'd joys of life's unmeasured way,

мы можемъ, хотя и слабо, припомнить, если если мы раньше читали, строфы Попа—

—— we tremble to survey
The growing labours of the lengthened way.

Сходства въ словахъ образуютъ одно изъ сильныхъ звеньевъ въ воспроизведеніяхъ, необходимыхъ для продолжительныхъ рѣчей или твореній. Этимъ сходствамъ благопріятствуютъ всѣ тѣ спеціальныя обстоятельства, на которыя было указано выше, —словесная или членораздѣльная воспріимчивость, природная и пріобрѣтенная, прежнее знакомство и незначительная воспріимчивость къ различіямъ между новымъ и старымъ, каковыя различія могутъ быть иногда на словахъ, но чаще въ чувствѣ; оссюда выводъ тотъ, что отношеніе къ мысли или чувству часто служитъ препятствіемъ къ найденному сходству въ словахъ, особенно такихъ, которыя подобны эпиграммамъ или двусмысленностямъ, играющимъ въ сходство по формѣ слова, при величайщемъ расхожденіи въ смыслѣ.

7. *Ощущенія органической жизни.* Среди органическихъ ощущеній существуетъ много случаевъ повторенія извѣстнаго чувствованія съ

[1]) Подобнымъ же у нашихъ авторовъ. Читая куплетъ изъ «Бахчисарайскаго фонтана» Пушкина:

Была-бъ безпечнѣй день отъ дня;
Я гибну—выслушай меня!

мы вспоминаемъ куплетъ изъ «Демона» Лермонтова:

Я сохну, вяну день отъ дня;
Отецъ мой, пощади меня!

Или еще, читая изъ «Полтавы»:

Онъ старъ, онъ удрученъ годами,
Войной, заботами, трудами,
Но чувства въ немъ кипятъ... И вновь
Мазепа вѣдаетъ любовь.

Мы припоминаемъ изъ того-же «Демона»:

Какъ много значитъ этотъ звукъ!
Вѣка минувшихъ упоеній,
Вѣка отчаянья и мукъ,
Вѣка безплодныхъ размышленій,—
Все оживилось въ немъ, — и вновь
Погибшій вѣдаетъ любовь...

новыми оттѣнками и разнообразіемъ обстоятельствъ, всегда стремящихся затормозить дѣятельность воспроизведенія или отожествленія. Одно и тоже органическое угнетеніе можетъ имѣть совершенно различные антецеденты и сопутствующія обстоятельства. Потрясеніе горя, пылъ удовольствія, окончаніе чрезмѣрнаго труда, случайная потеря двухъ или трехъ ночей могутъ вести одинаково къ головной боли, усталости или чувству безпокойства; но сильное различіе въ антецедентахъ можетъ воспрепятствовать нашему отожествленію указанныхъ случаевъ. Разстройство, причиненное горемъ, бываетъ болѣе склонно вызвать прежній случай подобнаго горя, чѣмъ напомнить о времени чрезмѣрнаго удовольствія; тожество въ органическомъ состояніи бываетъ въ случаѣ такой параллели, которая чужда противоположностей въ сопровождающихъ обстоятельствахъ; состояніе горя не даетъ мѣста воспоминаніямъ о періодѣ удовольствія; потеря отца въ домѣ не совмѣстима съ воспоминаніемъ о продолжительной ночи веселья внѣ дома. Поэтому мы не отожествляемъ предполагаемаго состоянія органическаго угнетенія со всѣми прежними опытами подобнаго же состоянія; тѣмъ не менѣе, на самомъ дѣлѣ, научное воспитаніе научило насъ узнавать тожество тѣлесныхъ эффектовъ, вытекающихъ изъ множества различныхъ причинъ.

8. *Вкусъ*. Вкусъ можетъ быть искаженъ смѣшеніемъ съ другими вкусовыми ощущеніями. Каждый изъ различныхъ ингредіентовъ стремится вызвать себѣ подобный, но при большомъ или меньшемъ противодѣйствіи со стороны другихъ. Три или четыре рода солей могутъ быть растворены вмѣстѣ, въ ихъ взаимномъ смѣшеніи вкуса; и тотъ изъ вкусовъ, вѣроятно, будетъ нами отожествленъ, съ которымъ мы наиболѣе знакомы. Сахаръ, обыкновенная соль, алкоголь могутъ быть различаемы преимущественно предъ менѣе обычными вкусами или вкусностями.

Въ разныхъ винахъ есть общее свойство, отчасти органическаго ощущенія, отчасти вкусового; и оно отожествляется среди большого разнообразія. Если извѣстное лицо испробовало въ различное время во всѣхъ странахъ различные соки винограда съ ихъ различіями или особенностями, все таки могло-бы не узнать тожества; общій вкусъ алкоголя едва могъ-бы выступить подъ акцессуарами сладости, кислоты, терпкости и прохладительности; умъ могъ-бы прежде всего ошибиться въ отожествленіи сладкой жидкости съ кислой, какъ сходныхъ въ алькогольной остротѣ. Но, какъ-бы то ни было, такое отожествленіе скорѣе или позднѣе должно наступить; и это важно,

чтобы отмѣтить слѣдствія, по скольку они являются однимъ изъ результатовъ операцій по сходству. Открытіе этой важной точки общенія въ веществахъ, такъ широко распространенныхъ и такъ разнообразныхъ въ ихъ конкретныхъ цѣлостяхъ, было названо Платономъ „однимъ во многомъ".—открытіемъ извѣстнаго *класса*; оно было восхожденіемъ къ единству природы среди ея разнообразія. Такія открытія имѣютъ двойное значеніе: съ одной стороны, они облегчаютъ умственное воспріятіе, съ другой,—расширяютъ наши практическіе рессурсы.

Мы можемъ вести отожествленіе въ предположенномъ примѣрѣ еще далѣе. Когда было открыто броженіе солода, стали добываться и новыя жидкости; а перегонка солода и разныхъ сахаристыхъ веществъ прибавили еще другія. Та же самая черта тожества, затемняемая на нѣкоторое время различіями, могла бы указать на общность въ группѣ винъ, солодовыхъ напитокъ и перегнанныхъ жидкостей; объемъ общности теперь расширенъ: „одно" находится въ огромномъ „множествѣ". Классъ этотъ обнимаетъ теперь всѣ спиртные напитки; интеллектъ схватываетъ все это посредствомъ одного усилія; нужды практической жизни, на сколько онѣ касаются этого свойства, удовлетворяются болѣе богатымъ выборомъ.

Отожествленіе это можетъ однако идти еще далѣе. Общій фактъ возбужденія нервной системы и поднятія духовнаго настроенія можетъ быть открытъ въ другихъ веществахъ, называемыхъ возбудительными, какъ напр., опіумѣ, табакѣ, чаѣ, коноплѣ и т. п. Что-бы достигнуть этой общей точки, необходимо преодолѣть существующія здѣсь разности; сила сходства можетъ нуждаться въ содѣйствіи благопріятныхъ условій, какъ напр., знакомства съ отожествляемыми веществами; однако различія могли бы не долго держаться въ виду ощущаемаго сходства вина, кофе, табака и опіума.

Въ отдѣльной иллюстраціи *обонянія* нѣтъ нужды.

9. *Осязаніе.* Множественность эффектовъ въ осязаемыхъ предметахъ служитъ областью для признанія сходства въ различіи. Болѣе спеціальное сочетаніе осязанія съ мускульною чувствительностію допускаетъ большое разнообразіе впечатлѣній.

Мы отожествляемъ деревянную поверхность въ каждомъ различіи формы; мы отожествляемъ сферическую форму въ различныхъ поверхностяхъ и положеніяхъ; мы узнаемъ шелковое, шерстяное, льняное издѣліе посредствомъ осязанія, хотя извѣстная ткань можетъ быть груба или тонка. Мы отожествляемъ клейкія и разсыпчатыя вещества по ихъ особенному составу, хотя самые образчики ихъ

могутъ искажаться, благодаря несходнымъ сопутствующимъ обстоятельствамъ.

На этомъ пути мы обобщаемъ и *классифицируемъ* эффекты осязанія и вещества, производящія ихъ, какъ-бы далеко ни расходились они въ другихъ пунктахъ. Классифицированныя ощущенія осязанія, какъ описанныя выше (см. *осязаніе*), а именно: нѣжнаго, остраго, множественности точекъ, твердости, сопротивленія, осязаемой формы и проч.,—всѣ предполагаютъ это дѣйствіе отожествленія одного и того-же эффекта среди различныхъ побочныхъ обстоятельствъ. Доколѣ мы не дѣлали нѣкоторыхъ успѣховъ отожествленіи, мы не могли сказать, что *знаемъ* эти различные эффекты; мы не отдѣляемъ ихъ отъ конкретныхъ образовъ, въ которыхъ они появились впервые. Если бы твердость всегда была сопутствуема опредѣленною степенью теплоты, мы знали бы только это соединенное ощущеніе, которое считали бы за одно, а не за два. Только благодаря отожествленію общаго эффекта твердости, при разности температуры, мы получаемъ идею твердости, какъ саму въ себѣ. Таковъ примѣръ операціи сходства въ большинствѣ начинаній нашего сознательнаго обособленія конкретныхъ предметовъ природы.

10. *Слухъ*. Еще большая сложность звуковыхъ эффектовъ представляетъ обширную область искать подобное въ несходномъ. Такъ, основная высота тона можетъ заглушаться измѣняющеюся напряженностію, различіемъ голоса или инструмента и такъ далѣе. Въ такомъ случаѣ только хорошій слухъ можетъ признать его; природная и пріобрѣтенная тонкость чувства высоты испытывается посредствомъ отожествленія слышимой ноты среди сбивающихъ акомпаниментовъ.

Членораздѣльное свойство звука можетъ не поддаваться способности обычнаго отожествленія. Когда извѣстное лицо говоритъ не внятно, или непривычнымъ голосомъ, выговоромъ или акцентомъ, точки различія берутъ верхъ надъ членораздѣльнымъ сходствомъ; ошибаясь въ отожествленіи члено-раздѣльныхъ звуковъ, мы ошибаемся и въ пониманіи произносимаго. Это—пробный случай по отношенію къ мѣстнымъ средствамъ для опредѣленія сходства, именно, хорошій внятный слухъ и безразличіе или низкая чувствительность по отношенію къ эффектамъ размѣра, который мы слышимъ въ собесѣдованіи или ораторской рѣчи. Провинціальное нарѣчіе, несходное съ нашимъ, всегда производитъ говоръ болѣе или менѣе непонятный; говоря иначе, разность акцента влечетъ за собой смѣшеніе членораздѣльности. Мы можемъ имѣть, въ качествѣ противоположнаго

примѣра, слухъ къ размѣру на столько острый, чтобы быть въ состояніи отожествлять весьма искаженный провинціальный акцентъ. Прислушиваясь къ сплошной *музыкальной* пьесѣ или аріи, мы узнаемъ или не узнаемъ эту пьесу. Дурной слухъ и незначительное предварительное знакомство могутъ ввести въ ошибку; трудности выростаютъ въ силу богатой воспріимчивости къ инструментальнымъ и другимъ особенностямъ, независимо отъ характера пьесы. Мы можемъ также узнать ключъ, хотя пьеса идетъ новая; мы можемъ признать стиль композитора, или мы можемъ опредѣлить извѣстный этическій характеръ—веселость, торжественность, патетичность, меланхолію.

Связно произносимая рѣчь разнообразится пониженіями, какъ уже было замѣчено объ этомъ выше, и всѣми способами краснорѣчія, а равно, и видимыми жестами и тѣлодвиженіями. Слушатель можетъ, преимущественно, склониться къ одному какому-либо классу эффектовъ, оставаясь сравнительно нечувствительнымъ къ другимъ; сообразно съ этимъ будетъ измѣняться и ходъ отожествленія. Наше легкое пониманіе ежедневной рѣчи обязано однообразію всѣхъ голосовыхъ акомпаниментовъ, произношенію, размѣру и жестикуляціи; если эти акомпаниметы измѣняются, когда напр. мы слушаемъ иностранца или незнакомаго, разность застилаетъ воспріятіе членораздѣльнаго тожества.

Наша память разговорнаго языка представляетъ смѣсь членораздѣльныхъ и слуховыхъ воспоминаній; при этомъ, слухъ болѣе важенъ, чѣмъ голосъ. Случаи нахожденія сходства въ различіи среди словесныхъ рядовъ—безчисленны. Когда говоритъ другое лицо, мы аффектируемся благодаря слуху и приводимъ на память прежде слышанныя изреченія, болѣе или менѣе сходныя съ данными обстоятельствами. Мы открываемъ сходныя фразы и стили различныхъ ораторовъ; мы приводимъ на память прежніе случаи, гдѣ тѣ же самыя формы были употребляемы однимъ и тѣмъ же или другими лицами. Мы обобщаемъ манеры и особенности каждаго лица, неразлучно съ которыми мы привыкли его слушать, и, сообразно съ этимъ, составляемъ характеристики.

Большой разнообразный акомпаниментъ въ языкѣ составляетъ смыслъ или сущность предмета. Умъ, сильно сосредоточенный на извѣстномъ чувствѣ, будетъ менѣе способенъ останавливаться на фразеологіи; воспріимчивость будетъ обращена болѣе на смыслъ, чѣмъ на слова. И обратно: небольшое вниманіе къ смыслу и тщательное усвоеніе словъ сдѣлаетъ умъ особенно живымъ къ сходству фразы при полномъ различіи значенія.

11. *Зрѣніе.* Мы отожествляемъ *цвѣта* при различіи оттѣнковъ, что ведетъ къ классификаціи цвѣтовъ на голубые, желтые, красные и т. д. Если цвѣтъ бываетъ посредственный (промежуточный), или стоящій на краю между двумя главными цвѣтами, то мы можемъ отожествлять его съ тѣмъ или другимъ изъ нихъ, смотря по обстоятельствамъ. Мы обобщаемъ особенный эффектъ блеска, кикъ видно это изъ многихъ различныхъ состояній—въ прозрачномъ (кремнистомъ) ручьѣ, въ накладываніи лака, въ блестящей поверхности чернаго янтаря,въ полированномъ мраморѣ, въ человѣческомъ глазѣ. Требуется болѣе высокая сила сходства для того, чтобы отожествить съ ними блестки солнечнаго отраженія отъ преломляющихъ поверхностей.

Сочетанія цвѣта съ видимой формой и величиной бываютъ отожествляемы то съ одною чертою, то съ другою. Мы отожествляемъ обычный цвѣтъ или цвѣтную тѣнь, не смотря на всѣ измѣненія формы и величины; такое отожествленіе есть наше понятіе или идея этого цвѣта. Глубокая воспріимчивость къ цвѣтамъ можетъ заставлять насъ усматривать слабыя сходства, такъ же хорошо, какъ и различія, и увеличивать нашъ запасъ этихъ опредѣленныхъ знаній оттѣнковъ цвѣта. Благодаря сознанію сходства, мы опредѣляемъ цвѣтъ, приноровляясь къ оттѣнку, а не только къ его родовому классу—красному, голубому, оранжевому и т. д. Отожествлять видимыя *формы* посреди различій цвѣта и измѣреній—значитъ классифицировать и обобщать формы естественныхъ тѣлъ. Мы различаемъ общее свойство во всѣхъ тѣлахъ, называемыхъ круглыми, овальными или треугольными. Мы отожествляемъ менѣе симметричныя формы, которыя встрѣчаются въ природѣ и въ искусствѣ—яйцеобразность, сердцевидность, грушевидность и т.д . Сходства бываютъ вообще очевидны; но бываютъ примѣры, когда они не ясны, какъ во многихъ изъ описательныхъ сравненій въ ботаникѣ и анатоміи. Глубокія отожествленія формъ были бы достигнуты гораздо скорѣе умами, мало чувствительными къ цвѣтамъ.

Между произвольными и символическими формами, мы имѣемъ примѣръ рукописнаго слова. Воспріятіе алфавитнаго тожества иногда затруднительно; и эта трудность увеличивается, если здѣсь бываетъ большая симметрія или пропорціональность въ другихъ отношеніяхъ. *Элегантная*, неотчетливая рука часто бываетъ самою неудобочитамою. Лучшій разборщикъ шифра долженъ быть особой, чувствительной къ алфавитнымъ оттѣнкамъ и совершенно нечувствительной къ правильности и симметріи.

Видимыя формы, соединенныя вмѣстѣ, входятъ въ наши воспоминанія языка. Мы можемъ изслѣдовать сходства фразы глазомъ такъ же хорошо, какъ ухомъ. Внушительная сила произнесенной сентенціи значительно возрастаетъ, благодаря ея подчеркиванію и выставленію ея предъ глазами.

Такъ, видимыя формы, художественно пріятныя, отожествляются на томъ же самомъ основаніи артистомъ, хотя бы тамъ не было ни какой математической симметріи или буквальнаго сходства. Сильное чувство математическаго, правильнаго или буквальнаго можетъ служить вообще препятствіемъ къ артистическому вдохновенію. Сцена съ натуры представляетъ для глазъ смѣшанный и сложный эффектъ, внушая разнымъ умамъ различныя сравненія, сообразно съ чувствительностью и предшествовавшими опытами. То же самое справедливо и относительно нѣсколько измѣняющагося зрѣлища, какъ напримѣръ, парадъ или процессія. Намъ нужно только показать измѣненія при различныхъ обстоятельствахъ, положительныхъ и отрицательныхъ, которыя способствуютъ отдѣльному воспоминанію исчерпать всѣ особенности идивидуальныхъ характеровъ. Умственное предпочтеніе, отдаваемое формѣ или цвѣту, симметріи, артистическимъ эффектамъ, каждое можетъ оказывать характеристическое дѣйствіе на ходъ отожествленія.

Наконецъ, говоря о зрѣніи, мы можемъ упомянуть *о видимыхъ движеніяхъ*. Не смотря на различіе сопровождающихъ обстоятельствъ, мы находимъ тожество и образуемъ классъ среди прямолинейныхъ движеній, круговыхъ, эллиптическихъ, движеній маятника, волнъ, водопадовъ и такъ далѣе. Болѣе сложныя движенія животныхъ возводятся къ знакомымъ видамъ—ходьбѣ, галлопу, бѣжанью рысью, таканью ноги за ногой четвероногихъ животныхъ; а также особому полету различныхъ родовъ птицъ. Походка людей составляетъ часть ихъ характера и отожествляется среди другихъ различій. Еще болѣе, извѣстное видимое движеніе отожествляется съ сходною формой въ спокойной жизни, какъ напр. радуга—съ метательнымъ снарядомъ, падающее тѣло—съ давящей тяжестью.

12. *Эффекты, общіе чувствамъ вообще.* Хотя существуетъ родовая и основная разность сознанія между однимъ чувствомъ и другимъ, какъ напр. между осязаніемъ и вкусомъ, слухомъ и зрѣніемъ, однако мы отожествляемъ многія обычныя явленія. Такъ, характеристическое названіе „ѣдкость“ приложимо одинаково какъ къ вкусу, такъ и къ обонянію, и одинаково не приложимо, когда идетъ рѣчь объ осязаніи, слухѣ или зрѣніи. Во всѣхъ чувствахъ

мы отожествляемъ пріятное и мучительное состоянія и различные роды остраго и массивнаго. Чувство теплоты отожествляется съ эффектами зрѣнія; мы рисуемъ въ воспоминаніи *теплыя* (warm) цвѣта. Въ дальнѣйшемъ очеркѣ, мы говоримъ о теплыхъ эмоціяхъ, холодной натурѣ, горькомъ раскаяніи, сладостномъ расположеніи. Однако, эти послѣднія названія входятъ въ область метафоры и поэзіи, гдѣ сходства ищутся для эмоціональнаго эффекта.

Смежные аггрегаты—соединенія.

13. Во первыхъ, предметы, аффектирующіе множество чувствъ.

Два предмета могутъ быть сходны по осязанію и различны со стороны зрѣнія; или сходны въ отношеніи зрѣнія и различны по вкусу или обонянію. Тѣмъ не менѣе различіе не закрываетъ для насъ съ неизбѣжностію доступъ къ сходству. Мы отожествляемъ тяжелые металлы съ точки зрѣнія вѣса, хотя они не сходны по наружности; мы отожествляемъ металлическій блескъ при разнообразіи цвѣта, вѣса и другихъ различій, включая сюда разность жидкаго и твердаго. Далѣе, если какая либо черта различія была особенно выдающеюся, какъ напр. игра алмаза, мы не поторопились бы отожествлять съ нимъ кристалловую форму или специфическую тяжесть до тѣхъ поръ, пока не сгладилось бы наше удивленіе предъ болѣе поражающимъ качествомъ.

14. Во вторыхъ, аггрегаты ассоціированныхъ свойствъ и употребленій.

Ни одинъ предметъ въ природѣ не обнаруживаетъ всецѣло своихъ характеристическихъ свойствъ, на сколько они могли бы обнаруживаться въ состояніи покоя и изоляціи. Ружье остается для насъ не вполнѣ извѣстнымъ, доколѣ мы не производимъ съ нимъ опытовъ со стороны твердости, хрупкости и остальнаго. Наше познаніе о каждомъ предметѣ есть, поэтому, сумма его постоянныхъ положеній и его возможныхъ положеній при извѣстныхъ операціяхъ. Молотъ не совершенно извѣстенъ намъ, доколѣ мы не видали его въ дѣйствіи; флюгеръ долженъ быть наблюдаемъ въ его обращеніи при вѣтрѣ.

Въ такихъ случаяхъ сходство можетъ быть сопровождаемо большимъ различіемъ. Предметы, широко различные въ ихъ чисто чувственномъ видѣ, могутъ совпадать въ своемъ употребленіи; и вещи,

совершенно различныя по употребленію, могутъ быть сходны по виду. Возьмемъ примѣръ перваго—различія по виду съ тожествомъ по употребленію. Канатъ по виду совершенно не похожъ на два зубчатыя колеса, дѣйствующія одно въ другомъ, но онъ можетъ служить той же самой цѣли—сообщенію движенія отъ одной вращающейся оси къ другой.

Еще болѣе замѣчательный примѣръ различія по виду съ тожествомъ по употребленію представляютъ намъ первые двигатели. Легко отожествить человѣческую силу съ животною: разность столь незначительна, что она можетъ быть обойдена большинствомъ людей средняго сознанія въ открытіи механической силы. Водопадъ представляетъ не столь очевидное сходство; нужна была значительная сила отожествляющей способности, чтобы сосредоточить на немъ вниманіе съ точки зрѣнія механической силы. Еще далѣе отстоитъ по чувственнымъ воззрѣніямъ сила вѣтра. Мы не знаемъ при какихъ обстоятельствахъ человѣческій умъ распространялъ свое пониманіе на эти менѣе замѣтные источники движущей силы; но случилось такъ, что мы знаемъ объ одномъ изъ величайшихъ открытій; и мы можемъ привести это, какъ весьма важный примѣръ дѣйствія сходства въ различіи. На обычный взглядъ, испареніе или паръ представляется ни чѣмъ инымъ, какъ рѣдкимъ клочковатымъ слоемъ; если что, повидимому, могло быть всего далѣе отъ мысли о движующей силѣ, такъ именно, это. Безъ сомнѣнія, поднятіе крышки кипящаго котла было близкимъ фактомъ, но этотъ фактъ не напоминаетъ, какъ параллель, другіе источники движущей силы; сходство было покрыто слишкомъ многими обстоятельствами несходства. Спеціальными условіями этого отожествленія въ умѣ Уатта были его прежнія занятія по изученію свойствъ механики, привычка обращать свой умъ на нихъ во всѣхъ случаяхъ, и отрицательное свойство—безразличіе къ чисто чувственнымъ формамъ, какъ такимъ. Сюда же мы должны, вѣроятно, присоединить природную способность сходства въ необычной степени; предположеніе, необходимое въ томъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ количество удачныхъ изворотовъ ума, сдѣланныхъ имъ сравнительно съ другими людьми подобнаго воспитанія, стремленій и привычекъ.

Въ области минералловъ, мы имѣемъ совпаденіе многихъ свойствъ въ каждомъ индивидѣ—однихъ чувственныхъ и постоянныхъ, другихъ добываемыхъ только чрезъ опытъ и случайныхъ. Если мы возьмемъ группу металловъ, мы найдемъ извѣстное количество ихъ легко отожествимыми; разности, хотя и значительныя, не переси-

ливаютъ замѣченнаго сходства во внѣшнемъ видѣ и специфическомъ вѣсѣ. Но, когда сэръ Гемпфрей Дэви напалъ на мысль, что металлы могутъ быть растворяемы въ содѣ, поташѣ и извести, отожествленіе это было отвергнуто каждымъ въ силу чисто внѣшняго вида; оно выходило изъ ассоціированныхъ свойствъ и отдаленныхъ воспріятій, доступныхъ лишь уму. Тожество уже было открыто, и извѣстный классъ образовался среди тѣлъ, называемыхъ солями; было извѣстно также, что многія изъ нихъ сложены изъ кислоты и окиси металла; таковы—сульфатъ *окиси желѣза*, нитратъ *окиси серебра*; другія состоятъ изъ кислоты и щелочной соли, какъ сульфатъ *соды*, нитратъ *поташа*, Такимъ образомъ, нейтральныя соли, взятыя въ цѣломъ, слишкомъ далеки отъ сходства, чтобы внушить подобное сочетаніе; тѣмъ не менѣе окись металла и щелочная соль служатъ одной и той же цѣли—нейтрализаціи кислоты, и вотъ мысль эта проходитъ въ умѣ Дэви, и получается положеніе что *щелочныя соли суть окиси металловъ*; блескъ внутренняго скрытаго свойства искусно и счастливо подтведился въ дѣйствительности. Это было погоней за сходствомъ природы въ самыхъ глубочайшихъ, сокровенныхъ ея убѣжищахъ.

Научный прогрессъ въ царствѣ растительномъ обнаружилъ бы предъ нами дѣйствіе того-же принципа, въ усмотрѣніи глубокихъ тожествъ при наружныхъ разностяхъ. Въ первичныхъ классификаціяхъ растеній бралась во вниманіе самая очевидная черта, именно, размѣръ; лѣсныя деревья выдѣлялись отъ кустарниковъ и цвѣтовъ. Большой шагъ, сдѣланный Линнеемъ, состоялъ въ начертаніи тожества въ менѣе бросающихся въ глаза частяхъ растенія, именно, органахъ оплодотворенія; при чемъ самыя большія деревья и самые мелкіе кустарники были соединены вмѣстѣ.

Ботаника представляетъ другіе примѣры. Такъ, Гёте видѣлъ въ цвѣткѣ образъ цѣлаго растенія; обычное расположеніе лепестковъ вѣнчика шло въ параллель съ штопорообразнымъ расположеніемъ окружающихъ стебель. Такъ, Окенъ въ листѣ отожествлялъ растеніе; развѣтвленія жилокъ листка суть на самомъ дѣлѣ уменьшенный видъ цѣлаго растенія съ его настоящимъ стволомъ, вѣтвями и отростками.

Въ царствѣ животномъ мы можемъ сослаться на многія глубокіе виды сходства. Первая поверхностная классификація животныхъ, сообразно съ ихъ стихіей,—животныхъ земныхъ, водяныхъ и воздушныхъ—была совершенно отвергнута другими классификаціями, основанными на глубокомъ сходствѣ въ строеніи; летучая мышь была

отдѣлена отъ птицъ; тюлень, китъ и морская свинья—отъ рыбъ. Еще болѣе тонкая иллюстрирующая способность немногихъ избранныхъ умовъ открывать сходства, не замѣтныя для массы, есть открытіе глубокаго тожества въ позвоночныхъ скелетахъ, опредѣляемыхъ соотношеніями (гомологіями). Первая мысль объ этомъ принадлежитъ Окену, человѣку замѣчательному по особой способности—интеллектуальной проницательности. Гуляя однажды въ лѣсу, онъ наступилъ на голый черепъ оленя. Онъ поднялъ его и, когда изслѣдовалъ анатомическое расположеніе, въ немъ блеснула мысль о тожествѣ между черепомъ и спинною костью; черепъ, по его словамъ, былъ съ четырьмя позвонками, искривленными вслѣдствіе распространенной мозговой массы и развитія лицевой стороны. Странно, что это сходство не было открыто прежде всего въ примѣрѣ рыбъ, гдѣ уклоненіе головы отъ спинного хребта весьма незначительно. Замѣтить это въ четвероногихъ—было дѣломъ далеко не такъ удобнымъ. Но Океңъ былъ человѣкъ, не только одаренный обширными способностями аналогическаго открытія, или, какъ можно бы сказать, природною силою сходства; но онъ былъ, по складу своего ума, аналого—охотникомъ (an analogy—hunter); онъ прилежно заставлялъ себя смотрѣть на вещи въ различныхъ положеніяхъ, что давало ему возможность открывать новыя аналогіи. Ни одинъ человѣкъ не былъ столь чувствителенъ къ такому множеству тожествъ въ этой спеціальной области; хотя только небольшое число, быть можетъ не болѣе полу-дюжины отожествленій было подтверждено послѣдующими изслѣдованіями.

Соотношенія позвоночнаго столба животныхъ, раскрытіе и изложеніе которыхъ входитъ въ сравнительную анатомію, состоятъ въ указаніи глубокаго соотвѣтствія частей, съ поверхностнаго взгляда, несходныхъ между собою; верхняя часть руки, передняя нога (голень) четвероногаго, крыло птицы, плавательное перо рыбы.

Послѣдовательности.

15. Естественныя послѣдовательности были уже разсматриваемы въ астрономическомъ кругѣ, эволюціи, причинѣ и дѣйствіи. Во всѣхъ ихъ есть поприще для нахожденія тожества среди различія.

Циклъ. Гланыя естественныя явленія астрономическаго цикла, дня и года, слишкомъ очевидны и сходны, чтобы не быть отожествленными; различія слишкомъ незначительны по сравненію съ

чертами сходства. Въ появленіи и исчезновеніи звѣздъ существуетъ точка сходства, которая долгое время можетъ быть незамѣчаема; это—именно, постоянство угла въ одной и той же широтѣ и угла, образующаго соотвѣтствующую широту даннаго мѣста. Кромѣ этого неочевиднаго факта, существуютъ два скрытыя несходства въ появленіи и исчезновеніи звѣздъ въ одной и той же мѣстности; именно, свѣтъ, распространяемый ими, и перемѣна времени появленія ихъ въ теченіи года. Циклы планетъ было бы легко прослѣдить по высшимъ планетамъ, но не по Меркурію или Венерѣ.

Кругъ человѣческой дѣятельности бываетъ иногда виденъ, но чаще скрытъ. Писатели по философіи исторіи отмѣтили родъ колебательной тенденціи въ человѣческихъ обществахъ, или переходъ между двумя крайностями, какъ напр., отъ аскетизма къ распущенности, отъ жестокости къ чувству слабости, отъ охраненія къ нововведенію.

Развитіе. Послѣдовательности развитія типичны и, главнымъ образомъ, опредѣляются ростомъ живыхъ существъ. Каждое растеніе и животное, въ теченіи своего существованія, представляетъ рядъ фазъ, относительно которыхъ мы открываемъ сходство въ различныхъ индивидахъ и видахъ. Отдѣлъ этотъ, называемый сравнительной эмбріологіей, изслѣдуетъ тожества среди широкихъ различій. Съ другой стороны, духовное развитіе человѣческихъ существъ есть интересный предметъ сравненія.

Причина и дѣйствіе. Причинность есть названіе для всѣхъ производительныхъ силъ міра, и такъ какъ ихъ сравнительно немного въ количествѣ, но они широки въ ихъ распредѣленіи и часто сокрыты въ своемъ дѣйствіи, то изобрѣтательность человѣка долгое время была направляема на открытіе скрытыхъ сходствъ. Примѣръ покажетъ сущность трудностей и средства одолѣнія ихъ. Горѣніе каменнаго угля и ржавчина на желѣзѣ не представляютъ для глаза ничего общаго, кромѣ развѣ факта перемѣны. Никакая способность сходства, какъ бы ни помогали ей разныя благопріятствующія условія, положительныя и отрицательныя, не могла бы открыть глубокаго сходства между этими двумя явленіями. Здѣсь потребовалось участіе другого явленія, имѣющаго отношеніе къ обоимъ, что бы открыть это сходство. Опыты Пристли надъ красной окисью ртути были такимъ промежуточнымъ звеномъ. Ртуть, во время горѣнія, дѣлается тяжелѣе, обращаясь въ красный порошокъ, благодаря поглощенію вещества изъ воздуха, который, посредствомъ накаливанія, можетъ быть снова изгнанъ, послѣ чего

образуется металлическое вещество. Такимъ образомъ, послѣ того какъ актъ сожженія ртути имѣлъ поразительное сходство съ горѣніемъ каменнаго угля, послѣдующая перемѣна въ этомъ веществѣ могла навести на мысль о желѣзной ржавчинѣ; единственное различіе заключалось лишь во времени, которое было нужно для этихъ двухъ операцій. Благодаря такимъ посредствующимъ сравненіямъ, общій законъ окисленія былъ прослѣжонъ постепенно во всѣхъ его развѣтвленіяхъ.

Едва ли не самымъ величайшимъ проявленіемъ отожествляющаго генія было открытіе всеобщаго тяготѣнія—примѣръ самый замѣчательный по своей обстановкѣ. Здѣсь были явленія въ высшей степени неблагопріятныя для признанія тожества. Кто бы могъ видѣть что либо общее между величественнымъ и безмолвнымъ круговымъ небеснымъ движеніемъ луны и планетъ и паденіемъ неподдерживаемыхъ тѣлъ на землю? Приготовительный процессъ былъ необходимъ съ той и съ другой стороны. Ньютонъ, благодаря изученію планетныхъ движеній, какъ вида сложности силъ, дѣлилъ каждую изъ нихъ на двѣ:—стремленіе по прямой линіи черезъ пространство (space) (центробѣжная сила) и стремленіе къ солнцу какъ центру (центростремительная сила). Онъ имѣлъ, такимъ образомъ, предъ собою яснымъ тотъ фактъ, что существуетъ притяженіе планетъ къ солнцу и луны къ землѣ. Это было подготовкой съ одной стороны. Съ другой, онъ останавливался на различныхъ явленіяхъ падающихъ тѣлъ и, отдаляя, какъ неидущіе, случайные обстоятельства и интересы, которые обращаютъ на себя вниманіе ума средняго, онъ видѣлъ въ этихъ тѣлахъ общее свойство природы влеченія къ земной поверхности, или вѣрнѣе, къ земному центру. Разсматриваемое въ этомъ свѣтѣ явленіе было тѣсно ассимилировано съ великимъ дѣйствіемъ солнечнаго притяженія, которое прежде онъ разсматривалъ совершенно отдѣльно; и мы не удивляемся тому, что въ одинъ счастливый моментъ они блеснули въ его умѣ оба вмѣстѣ. Даже послѣ предварительныхъ образованій съ обѣихъ сторонъ, черта тожества была замѣчательно тонкою въ дѣлѣ сходства; сопровождающія различія были еще значительны и важны; и мы должны предположить, что умъ Ньютона былъ замѣчателенъ не менѣе въ отношеніи отрицательнаго условія невнимательности къ обычнымъ и чувственнымъ формамъ, какъ и въ отношеніи сосредоточенности вниманія на чисто динамическомъ свойствѣ явленій.

Разсужденіе и наука вообще.

16. Обобщающая спосособность ума, уже разсмотрѣнная нами какъ видъ сходства, достигаетъ высшей точки въ наукѣ, будучи извѣстна подъ именами абстракціи и разсужденія.

Только что приведенный и другіе вышеуказанные примѣры представляютъ сходство, извлеченное изъ области научныхъ открытій. Однако желательно дать болѣе полный обзоръ отношеній науки къ отожествляющей способности. Главные научные процессы сводятся къ слѣдующимъ четыремъ:—наблюденію, опредѣленію, индукціи и дедукціи; первое есть источникъ единичныхъ фактовъ и зависитъ отъ чувствъ; три послѣднія относятся къ обобщеніямъ и основываются на ителлектуальной способности сходства.

I. *Классификація, отвлеченіе, обобщеніе понятій или воспріятій, общія обозначенія (имена),* **опредѣленіе.** Всѣ эти названія относятся къ одной дѣятельности отожествленія извѣстнаго числа предметовъ съ какой либо точки зрѣнія или по какому либо свойству, которое въ концѣ концовъ воплощается въ языкѣ, благодаря процессу, называемому опредѣленіемъ. Исходный пунктъ дается отожествляющею операціею, воспріятіемъ сходства или общности во многихъ предметахъ, различныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Въ наблюденіи небесныхъ тѣлъ, прежніе астрономы нашли нѣсколько такихъ, которыя совершаютъ неизмѣнныя движенія чрезъ неподвижныя звѣзды и дѣлаютъ небесный кругъ въ долгіе или короткіе періоды. Тѣла, отожествленныя и сведенныя вмѣстѣ на этомъ общемъ основаніи, составляютъ *классъ*, какъ нѣчто отличное отъ чисто смѣшаннаго аггрегата. Умъ, разсуждающій объ этихъ вещахъ, такимъ образомъ классифицированныхъ, обращаетъ вниманіе на ихъ сходство и старается опускать изъ виду черты несходства; это есть долго обсуждаемый процессъ *отвлеченія;* общій аттрибутъ или аттрибуты носятъ названіе *абстрактной идеи, понятія*, или *концептъ.* Когда имя прилагается къ вещамъ, сравниваемымъ по ихъ сходству или общности, получается *общее названіе* „планеты". И когда мы сверхъ того желаемъ опредѣлить, съ помощію языка, настоящую природу и границы общаго аттрибута, то въ результатѣ получается *опредѣленіе.* Планета должна, поэтому, быть опредѣлена какъ „тѣло, вращающееся вокругъ солнца, какъ своего центра, по орбитѣ почти круглой.

II. Соединенныя въ обобщеніи свойства, общія утвержденія, предположенія, сужденія, законы природы, **индукція.** Въ абстракціи, *еди-*

11*

ничное изолированное свойство или совокупность свойствъ, разсматриваемыхъ въ качествѣ единства, бываетъ отожествляемо и обобщаемо; въ индукціи же отожествляется соединеніе, единство или совпаденіе *двухъ* отдѣльныхъ свойствъ. Положеніе содержитъ въ себѣ два понятія, соединенныя вмѣстѣ посредствомъ связки. „Теплота" есть названіе одного общаго свойства или понятія; „расширеніе" есть названіе другого понятія; положеніе „отъ теплоты тѣла расширяются" есть положеніе, соединяющее два свойства въ индуктивномъ обобщеніи или законѣ природы. Первое требованіе здѣсь есть требованіе отожествляющей черты сходства. Одинъ настоящій примѣръ совпаденія теплоты съ увеличеніемъ объема можетъ вызвать по сходству другіе примѣры; умъ, пробужденный блескомъ тожества, замѣчаетъ это совпаденіе, подъискиваетъ другіе случаи и пытается (справедливо или ошибочно) утверждать общій законъ природы, связывающій два свойства.

Всѣ затрудненія и облегченія, соединенныя съ дѣятельностію сходства, могутъ считаться сопутствующими этимъ индуктивнымъ обобщеніямъ. Здѣсь существуетъ одно замѣчательное обстоятельство, спеціально касающееся этого случая. Когда два предмета или два свойства вмѣстѣ аффектируютъ насъ, сразу не возбуждается никакого вниманія; мы бываемъ на столько знакомы съ такими сочетаніями, что обращаемъ небольшое вниманіе на фактъ. При этомъ, однако, весьма важно знать, встрѣтились ли вмѣстѣ двѣ вещи только случайно или въ силу нѣкотораго постояннаго влеченія, всегда соединяющаго ихъ вмѣстѣ; между тѣмъ какъ въ первомъ случаѣ совпаденіе не имѣетъ никакого значенія,—во второмъ оно составляетъ нѣчто такое, на чемъ мы можемъ основываться и дѣлать построенія на будущее время. Теперь, дѣйствительная задача индуктивнаго обобщенія состоитъ въ освобожденіи правильныхъ и постоянныхъ совпаденій отъ временныхъ и случайныхъ. Отожествляющая черта сходства—та, которая служитъ средствомъ нашего возбужденія постоянными совпаденіями; эти совпаденія повторяются, между тѣмъ какъ другія вещи приходятъ и уходятъ, и повтореніе служитъ поводомъ подозрѣвать нѣкоторое сходство, а не простое лишь совпаденіе.

Благопріятныя условія ума въ научной индукціи суть условія, положительныя и отрицательныя, научнаго интеллекта вообще. Общая способность сходства предполагается существующею, спеціальныя обстоятельства состоятъ въ воспріимчивости къ символамъ и формамъ, въ прежнемъ знакомствѣ съ подлежащимъ предметомъ,

въ научномъ интересѣ и отсутствіи чисто чувственныхъ и конкретныхъ воззрѣній. Таковы, безспорно, интеллектуальныя черты самыхъ обширныхъ научныхъ дарованій; лица, обладающія ими, дѣлаютъ цѣлый рядъ открытій.

Нѣкоторыя соединенія—очевидны; какъ напр. свѣта и теплоты съ солнечными лучами. Другія—менѣе очевидны, но однако различимы безъ какого либо искусственнаго посредства; таковы напр. предзнаменованія погоды, временъ года и урожаевъ, обращеніе магнита къ сѣверу, многія изъ причинъ пріятнаго или непріятнаго ощущенія и хорошаго или дурного здоровья, вліянія національнаго благоденствія. Третій классъ требуетъ искусственной среды и помощи, какъ законы Кеплера и законъ отраженія свѣта, который не былъ бы открытъ безъ вмѣшательства числовыхъ и геометрическихъ отношеній.

III. **Дедукція**, *дедуктивный выводъ, разсужденіе, примѣненіе или расширеніе индукціи, силлогизмъ.* Когда извѣстное дедуктивное обобщеніе было установлено, приложеніе его къ новымъ случаямъ называется дедукціей. Законы Кеплера были построены на шести планетахъ; но, на основаніи дедукціи, они были приложены ко всѣмъ тѣламъ, которыя только были открываемы. Законъ тяготѣнія по дедукціи былъ приложенъ къ объясненію приливовъ и отливовъ.

Дедукція также есть процессъ отожествленія въ силу сходства. Новый случай долженъ быть *похожъ* на прежній, иначе не могло бы произойти основательнаго приложенія закона.

Ньютонъ, посредствомъ индуктивнаго отожествленія, открылъ, среди прозрачныхъ тѣлъ, соединеніе между воспламеняемостію и высокою преломляющею силою; масла и смолы преломляютъ сильнѣе, чѣмъ вода или стекло. Чрезъ дальнѣйшую черту отожествленія, онъ остановился на алмазѣ, преломляющемъ болѣе всѣхъ извѣстныхъ веществъ; дедуктивное приложеніе этого закона привело къ заключенію, что онъ состоитъ изъ какого либо высоко воспламеняемаго элемента, который затѣмъ и былъ въ немъ найденъ.

Дедуктивный процессъ разсматривается подъ двумя видами: извѣстный принципъ можетъ быть данъ, и ищется его приложеніе къ фактамъ; или можетъ быть данъ фактъ, и ищется его принципъ. Въ томъ и другомъ случаѣ открытіе совершается въ силу сходства. Когда былъ впервые обнародованъ законъ опредѣленныхъ пропорцій, для химика открылась безграничная область приложеній, которыя всѣ были выводимы изъ принципа дедуктивнымъ путемъ.

Разсужденіе по *аналогіи.* Это есть видъ разсужденія, которое въ самомъ своемъ наименованіи носитъ процессъ сходства; этотъ

фактъ, однако, бываетъ тогда, когда сходство несовершенно и выводъ бываетъ менѣе убѣдителенъ. Когда мы испытываемъ образчикъ пшеницы, продуктъ одной и той же почвы, и заключаемъ, что остальное будетъ отвѣчать этого сорта пшеницѣ, мы дѣлаемъ строгую индукцію; здѣсь существуетъ естественное тожество по матерьялу или роду. Но, когда мы заключаемъ отъ пшеницы къ другимъ зерновымъ хлѣбамъ, сходство сопровождается разностями, и разсужденіе будетъ въ такомъ случаѣ не прочно и только вѣроятно; такое сужденіе и есть сужденіе по аналогіи. Такъ, существуетъ аналогія, но не тожество, между волнами воды и волнами воздуха въ звукѣ; между электричествомъ и нервной силой; между функціями тѣлесными и духовными, людьми и низшими животными; между семействомъ и государствомъ, между ростомъ отдѣльнаго человѣка и ростомъ націи. Эти аналогіи открыты интеллектуальною силою сходства; онѣ полезны, когда нельзя провести болѣе тѣснаго параллелизма.

17. Научные процессы, называемые индукціей и дедукціей, отвѣчаютъ такъ называемому *разсудку* или разсудочной способности ума.

Названіе разсудокъ употребляется какъ въ узкомъ смыслѣ, соотвѣтствующемъ дедукціи, такъ и въ широкомъ, совмѣщающемъ въ себѣ дедукцію и индукцію. Чтобы выразить научную способность въ ея полнотѣ, процессъ, называемый абстракціей, долженъ быть включенъ въ разсудокъ въ широкомъ смыслѣ. То, что Гамильтонъ называлъ выработывающею или дискурсивною способностію, сличеніемъ, способностію отношеній, мыслію, (въ особомъ узкомъ смыслѣ), включаетъ цѣлый аггрегатъ процессовъ, входящихъ въ научныя операціи. Только что было показано, что дѣйствіе сходства представляетъ собой самое главное и существенное свойство во всѣхъ этихъ операціяхъ, хотя для полнаго выясненія необходимо привести еще одно обстоятельство, входящее въ отдѣлъ построительныхъ операцій интеллекта.

Дѣла и практика.

18. Изъ практическихъ открытій, нѣкоторыя обязаны наблюденію и опыту, другія суть расширеніе или приложеніе извѣстныхъ уже изобрѣтеній, благодаря воспріятію сходства.

Первое открытіе рычага, насоса или лодки могло быть сдѣлано только случайнымъ и опытнымъ способомъ; одинъ случай могъ открыть пригодность этихъ орудій. Но распространеніе на новыя случаи механизма, разъ открытаго, происходитъ на основаніи отожествляющей черты сходства, иногда среди большого различія. Между первобытными націями мы находимъ мало указаній на открытія посредствомъ этого послѣдняго метода; механическое знаніе Египтянъ или Китайцевъ, повидимому, было всецѣло опытнаго или экспериментальнаго происхожденія. Въ позднѣйшихъ открытіяхъ, однако, мы можемъ прослѣдить работу великой интеллектуальной силы сходства. Особенно она замѣтна въ дѣятельности Уатта. Его „регуляторъ“ есть удивительная черта интеллектуальнаго пониманія; она не была механическимъ опытомъ, ни даже распространеніемъ изобрѣтенія, уже существовавшаго. Сходство это лежитъ глубже; онъ желалъ установить связь между увеличеніемъ или уменьшеніемъ быстраго кругового движенія и открываніемъ и закрываніемъ клапана; и онъ напалъ на счастливую мысль о положеніи тѣлъ, отлетающихъ вслѣдствіе дѣйствія центробѣжной силы, гдѣ разстояніе отъ центра нѣсколько измѣняется, смотря по быстротѣ движенія. Никакой другой противоположной параллели не внушалось въ подобномъ положеніи; и открытіе, разъ придуманное, стало примѣняться ко многимъ различнымъ положеніямъ. Его другая мысль о способѣ очистки и углубленія фарватера рѣки Кляйда (Clyde) въ Шотландіи была другимъ блестящимъ приложеніемъ ассоціаціи сходства.

Открытіе рѣзной формы и отпечатлѣніе ея на извѣстномъ количествѣ отдѣльныхъ предметовъ ведетъ свое начало съ глубокой древности, какъ это можно видѣть, напр., на монетахъ. Какъ одно изъ многихъ приложеній этого открытія, явилось искусство книгопечатанія.

Обыкновенный водяной насосъ, открытый посредствомъ опыта, былъ перенесенъ на воздушный насосъ. Гидравлическое колесо послужило прототипомъ корабельной лопасти. Винтовой двигатель (гребной винтъ) есть расширеніе крыльевъ вѣтряной мельницы.

Въ администраціи и формахъ практическихъ занятій нѣкоторая часть должна быть открыта благодаря попыткамъ или внушена случайно; дальнѣйшее расширеніе есть чисто интеллектуальный процессъ. Организація массы людей къ совмѣстному дѣйствованію получила свое начало, безъ сомнѣнія, въ потребностяхъ войны; повторявшіяся попытки показали, что долженъ существовать главный или высшій заправитель съ подвѣдомственными ему инстанціями. Механизмъ,

однажды заведенный, распространяется на всѣ другія организаціи обширныхъ отраслей, какъ напр. общественныя работы, мануфактуру и пр.

Искусство бухгалтеріи, включающее въ себѣ приложеніе печатныхъ формъ и балансовъ, мало по малу проникло во всѣ отрасли торговыхъ занятій.

Искусство *убѣжденія,* въ значительной степени, основывается на влекущей способности сходства. Ораторъ бьетъ на тожество между его цѣлію—съ одной стороны, и взглядами, мнѣніями и движущими силами его слушателей—съ другой; и такое тожество можетъ быть очень много запутано и скрыто. Если онъ обращается къ собранію людей богатыхъ, долженъ примирить свои цѣли съ правами и интересами собственности. Теперь, всякое примиреніе основывается на воспріятіи точекъ совпаденія дѣйствительныхъ или предполагаемыхъ; отсюда, умъ, плодовитый въ открытіяхъ тожества, оказывается наиболѣе успѣшнымъ въ дѣлѣ убѣжденія.

Поясняющія сравненія и литературное искусство.

19. Обширная область изобрѣтенія собственно въ литературѣ, состоитъ въ отысканіи сходствъ среди предметовъ, различныхъ по роду, однако служащихъ къ иллюстраціи другъ друга.

Изъ фигуръ рѣчи, одинъ обширный классъ носитъ названіе фигуръ сходства, заключая въ себѣ подобіе, метафору, олицетвореніе, аллегорію и пр. Они называются фигурами потому, что основываются на нѣкоторомъ сходствѣ формы при различіи предмета. Когда мы сравниваемъ актъ ѣды человѣка и собаки, сравненіе бываетъ реальное, буквальное, сравненіе по роду; когда мы говоримъ о переваривaніи и пережовываніи знанія, сравненіе бываетъ пояснительное или фигуральное. Со времени появленія литературы, изобрѣтены многія тысячи подобныхъ сравненій; каждый великій литературный геній содѣйствовалъ этому сооруженію; дарованіе Шекспира не имѣетъ въ этомъ отношеніи себѣ равнаго.

Эти пояснительныя сравненія бываютъ двухъ родовъ, завися въ своихъ открытіяхъ отъ различныхъ умственныхъ условій. Перваго рода—тѣ, которыя дѣлаютъ темный предметъ яснѣе, какъ напр., когда мы сравниваемъ сердце съ нагнетательнымъ насосомъ, легкія—съ раздувательными мѣхами и занятія по разъ заведенному порядку—

съ проторенной давнишней тропой. Излагающій трудные предметы и доктрины пользуется, на сколько позволяетъ ему его умственный запасъ, такими пояснительными пособіями. У Платона они безчисленны. Изъ новыхъ, по количеству и удачности этихъ иллюстрацій, выдѣляется Бэконъ. Нѣкоторыя изъ нихъ сдѣлались вседневнымъ присловіемъ. Его „Essay on Delays" могутъ служить примѣромъ его широкаго пользованія подобіями.

Открытіе такихъ подобій есть чисто интеллектуальное усиліе сходства. Они предполагаютъ предварительное знакомство съ предметами или областями, гдѣ они встрѣчаются,—знакомство, ограничивающееся глубокими и живыми впечатлѣніями, усиливаемыми вслѣдствіе воспріимчивости къ ихъ содержанію.

Другой классъ обнимаетъ тѣхъ, которыя служатъ для украшенія или эмоціальнаго эффекта; какъ напр. когда одинъ человѣкъ возвышается подобно божеству, другіе приравниваются скотамъ. Здѣсь подобіе подразумѣваетъ общую эмоцію съ интеллектуальнымъ сходствомъ или безъ онаго. Для изобрѣтенія ихъ, глубокая эмоціональная чувствительность должна быть комбинирована съ силою интеллекта. Тотъ, кто владѣетъ подобіями, иллюстрирующими патетическія мѣста, долженъ часто патетически волноваться при дѣйствительномъ созерцаніи первичныхъ предметовъ сравненія.

Необразованный геній, подобно Буньяну, знаетъ общія свойства природы, умственный опытъ, открытый каждому, болѣе близкія формы общества и нравовъ и область религіозной доктрины. Изъ этихъ матеріаловъ Буньянъ извлекалъ свои подобія и свои аллегоріи, будучи благопріятствуемъ особенною воспріимчивостію къ чувственному, конкретному міру, сильными эмоціями, прибавлявшими элементъ интереснаго къ большему или меньшему числу предметовъ, и, мы должны предположить также,—обширною природною способностью сходства.

Шекспиръ, безъ всякаго изученія, былъ болѣе краснорѣчивъ, чѣмъ Буньянъ. Его источники были, правда, по большей части, личнаго наблюденія и обыкновенные предметы. Его взгляды на окружающіе его предметы отпечатлѣвались на его умѣ съ силою, всецѣло пропорціональною вниманію, которое онъ давалъ имъ. Естественные виды, предметы природы, человѣческій характеръ, свой собственный умъ, общество и его обычаи были поглощаемы имъ въ качествѣ матерьяла для его отожествляющей и творящей способности. Онъ обладалъ среднимъ книжнымъ знаніемъ, которое перенесло сферу его дѣйствія на чужеземныя сцены и событія и

личности древняго міра; и его изученіе предмета одной его пьесы давало ему запасъ иносказательныхъ намековъ, которыми, при случаѣ, онъ пользовался и въ другихъ мѣстахъ.

Бэконъ имѣлъ глазъ для окружающаго его конкретнаго міра, но его умственное вниманіе было раздѣляемо между нимъ и книжнымъ изученіемъ въ области философіи, схоластики, политики и законовѣдѣнія. Сфера подобій имѣла соотвѣтствующій объемъ.

Мильтонъ также обладалъ способностію разсмотрѣнія реальнаго міра, поэтическимъ интересомъ къ природѣ и жилкой эмоціи, которая давала особенную впечатлительность всему, что было обширно, пусто, безгранично, таинственно въ его необъятности. Подобнымъ образомъ, онъ имѣлъ большой запасъ начитанности и поглощалъ сцены и картины отдаленныхъ странъ и временъ.

Литературныя сравненія, выражаемыя языкомъ, бываютъ во многомъ подчинены словеснымъ условіямъ. Ассоціаціи съ словами стремятся съ нѣкоторыми идти впередъ, а другія—отодвигать назадъ. Великій поэтъ нуждается столько же въ словесномъ богатствѣ, сколько и въ живописномъ вдохновеніи.

Изящныя искусства вообще.

20. Интеллектуальная способность нахожденія сходства въ различіи есть самая замѣчательная въ поэзіи и литературномъ искусствѣ. Она можетъ входить, до нѣкоторой степени, въ живопись, скульптуру, архитектуру и рисованіе. Но что касается такихъ искусствъ какъ музыка, краснорѣчіе, игра на сценѣ, танцы и грація обращенія, то умственное дарованіе даже величайшаго генія пользуется весьма немногимъ въ чисто интеллектуальной сферѣ: составляющіе элементы суть чувствительность и объемъ и сила дѣйствующихъ органовъ.

Того, что было сказано въ предшествовавшей главѣ, довольно о поэтическомъ искусствѣ. Въ живописи возможно и весьма вѣроятно допустить, что рессурсы артиста должны нуждаться въ помощи широко распространяющейся способности сходства; въ воспроизводимыхъ сценахъ, чтобы подобрать и комбинировать, онъ приводитъ въ порядокъ свои прежніе опыты, находя силу сходства въ несходствѣ, хотя

его конечное назначенiе должно быть управляемо всецѣло чувствомъ его артистическаго эффекта. Извѣстный артистъ можетъ имѣть большiя интеллектуальныя силы, только съ умѣренною чувствительностiю къ совершенствамъ композицiи; другими словами,—великое изобилiе и небольшой вкусъ. Было бы легко указать въ литературѣ артистовъ этого рода; и, быть можетъ, мы припомнимъ Микель Анжело, какъ подобную параллель въ живописи.

Въ другомъ классѣ изящныхъ искусствъ, выражаемыхъ музыкой, кажется непослѣдовательнымъ обращаться къ необычной силѣ отожествляющей способности. Тонкая чувствительность есть весьма важное требованiе, вспомогательнымъ средствомъ къ которому является сосредоточенная способность активнаго органа. Великiй музыкантъ, главнымъ образомъ, основывается на слухѣ, весьма чуткомъ къ тону; декламаторъ—на слухѣ къ кадансамъ; актеръ, вдобавокъ, долженъ обладать зрѣнiемъ жестовъ и живописныхъ моментовъ.

Сходство въ прiобрѣтенiи и памяти.

21. На сколько въ каждомъ изъ новыхъ прiобрѣтенiй мы находимъ повторенiе прежняго, мы обладаемъ умственною экономiею. Теперь, предполагая, что старое будетъ выступать на видъ, совершенство отожествляющей способности неизбѣжно повлечетъ за собой сокращенiе труда прiобрѣтенiя.

Здѣсь важно замѣтить, что наши болѣе сложныя прiобрѣтенiя суть родъ заплатъ. Память извѣстной сцены въ природѣ есть соединенiе вмѣстѣ прежнихъ воспоминанiй. Если защитникъ (истецъ), прочитавъ однажды бумагу, можетъ припомнить ея содержанiе, причина этого лежитъ въ томъ, что новаго въ ней только весьма небольшая доля. Въ геометрiи, одно доказательство столь похоже на другое, что, послѣ нѣкотораго знакомства съ сущностiю доказательствъ, свѣжихъ издержекъ памяти, въ каждомъ новомъ, требуется весьма немного.

Очевидно, такимъ образомъ, что, благодаря большому объему отожествляющей способности, средства и источники этой частичной операцiи могутъ быть расширены. Человѣкъ науки, проницательный взглядъ котораго можетъ признать малѣйшее тожество между чѣмъ либо новымъ и чѣмъ либо уже извѣстнымъ, воспроизводитъ эту долю прошедшаго для настоящаго пользованiя;

между тѣмъ, кто не способенъ дѣлать этого воспроизведенія, долженъ изучать все снова. Въ этомъ состоитъ природное и часто встрѣчающееся различіе между однимъ интеллектомъ и другимъ. Умъ, подобный Бэконовскому, изучая законъ, шелъ бы въ десять разъ скорѣйшими шагами, сравнительно съ человѣкомъ средняго дарованія. Значеніе метода, порядка, однообразія въ планѣ, помогая памяти, всецѣло объяснимы на принципѣ приложенія одного пріобрѣтенія къ великому множеству случаевъ. Когда предметы всегда помѣщаются на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, мы имѣемъ образовать только одну мѣстную связь въ нашей памяти каждаго; между тѣмъ какъ, если орудія и принадлежности размѣщаются на удачу, должна существовать или отдѣльная мѣстная связь, или трудъ отыскиванія каждый разъ, какъ эта вещь будетъ нужна.

ГЛАВА III.

Сложная ассоціація.

1. Ассоціаціи, слишкомъ слабыя, будучи взяты порознь, могутъ, соединяясь, дѣлаться сильными на столько, чтобы воскресить прежній опытъ.

Доселѣ мы разсматривали звенья ассоціаціи, единичныя или индивидуальныя; теперь мы должны разсмотрѣть очень не рѣдкій случай соединенія различныхъ связей по смежности или сходству. Факты, приводимые въ поясненіе этого, покажутъ, что здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, соединеніе бываетъ прочно.

Комбинаціи могутъ быть или, исключительно, по смежности, или смѣшаннаго характера—смежности и сходства. Кромѣ этихъ чисто интеллектуальныхъ соединеній, извѣстная эмоція можетъ содѣйствовать воспоминанію; и мы далѣе увидимъ, какое вліяніе можетъ быть выработано волей или хотѣніемъ.

Общій законъ можетъ быть формулированъ такимъ образомъ:

Прошедшія дѣйствія, ощущенія, мысли или эмоціи воспроизводятся легче, когда они ассоціированы по смежности

или сходству съ *болѣе, чѣмъ одним* настоящимъ предметомъ или впечатлѣніемъ.

Сочетаніе смежностей.

2. Въ сочетаніи смежностей мы можемъ различать соединенія и послѣдовательности.

Соединенія. Большинство предметовъ аффектируетъ умъ множествомъ впечатлѣній. Такой простой предметъ, какъ звѣзда, есть аггрегатъ свѣта видимой величины и видимой формы; алмазъ— еще болѣе сложный аггрегатъ; человѣкъ—еще сложнѣе. Извѣстное звено ассоціаціи съ какою либо одной стороной изъ этихъ аггрегатовъ можетъ быть сильно на столько, что вызоветъ въ воспоминаніи цѣлое: это было бы единичною смежностію. Или множество звеньевъ, индивидуально недостаточныхъ для воспоминанія, можетъ вызвать его совмѣстными ихъ силами. Алмазъ можетъ быть внушенъ уму частію стороной, вызывающей его игру цвѣтовъ, частію сродствомъ съ его твердостію.

Какъ бы то ни было, когда мы идемъ далѣе предметовъ, стоящихъ отдѣльно, къ аггрегатамъ, мы находимъ, благодаря различнымъ формамъ отношеній между вещами, весьма широкое поприще для множественности ассоціацій; какъ напр. въ соединеніяхъ съ мѣстностію, личностями, занятіями, свойствами и пр.

Мѣстныя ассоціаціи занимаютъ обширную область въ памяти какъ въ единичной достаточности, такъ и въ формѣ участія съ другими. Всѣ предметы, съ постояннымъ или обычнымъ мѣстонахожденіемъ, остаются связанными въ умѣ съ этою мѣстностію. Но очень многія изъ этихъ связей въ отдѣльности бываютъ слишкомъ слабы; мысля о внутренности дома, мы не можемъ не вспомнить всего его, съ его украшеніями и содержаніемъ. Тѣмъ не менѣе, мѣстныя сочетанія могутъ восполнять другія связи, также недостаточныя сами по себѣ. Мы, можетъ быть, не въ состояніи вспомнить извѣстный минеральный образчикъ по извѣстной рудѣ желѣзняка, но нѣкоторая мѣстная ассоціація въ музеѣ или кабинетѣ можетъ дополнить воспоминаніе о его видимой формѣ. Часто случается, что намъ встрѣчаются лица на улицѣ, которыхъ мы видали прежде, но не можемъ сказать, кто они; кое-что доставляетъ уму мѣсто нашей прежней встрѣчи, которая хотя сама послѣ не въ состояніи вызвать

воспоминанія, но, въ содѣйствіи съ другими, можетъ имѣть значеніе. Аберкромби разсказываетъ, какъ, гуляя однажды по улицѣ, онъ встрѣтилъ даму, лицо которой показалось ему знакомымъ, но ни о ея имени, ни о ея общественномъ положеніи онъ не могъ ничего припомнить. Нѣсколько времени спустя, онъ посѣтилъ домъ, въ которомъ онъ былъ назадъ тому шесть мѣсяцевъ, съ цѣлію увидать одного джельтмена, котораго онъ встрѣтилъ случайно на дорогѣ, и сдѣлалъ это совершенно незамѣтно для себя. Тогда онъ вспомнилъ, что видѣнная дама была женой этого паціента. Мѣстная ассоціація восполнила недостававшее звено въ его памяти.

Отношенія къ *лицамъ* часто соединяются съ другими смежными звеньями. Предметы становятся ассоціированными съ ихъ владѣльцами, хозяевами, изобрѣтателями, со всѣми лицами, соприкосновенными съ ихъ пользованіемъ или съ часто встрѣчающимся мѣстонахожденіемъ ихъ. Многія изъ этихъ пріобрѣтеній недостаточны сами по себѣ, но способны присоединить нѣчто къ другимъ ассоціированнымъ связямъ. Извѣстная доктрина можетъ быть воспроизведена частію по ея содержанію, частію по тому, чья эта доктрина Аристотеля, Локка или кого другого. Зданія, пріобрѣтшія извѣстность, благодаря, великимъ людямъ, могутъ быть вспомнены чрезъ эту связь, въ соединеніи съ мѣстностію.

Мы можемъ привести обратный примѣръ воспоминанія лицъ посредствомъ сложныхъ ассоціацій. Отношенія людей столь многочисленны, что даютъ частый случай къ ихъ воспоминанію въ силу связи со многими звеньями. Лица ассоціируются съ ихъ именами, съ мѣстностію, жилищемъ и мѣстами собранія; съ происхожденіемъ и родомъ, весьма сильною духовною привязанностію; съ сообщниками и друзьями; съ занятіями, стремленіями, забавами; съ собственностію и владѣніями; съ рангомъ и положеніемъ; со многими аттрибутами, составляющими характеръ и репутацію; съ возрастомъ или лѣтами; съ временемъ, когда они жили; съ перемѣнами и случайностями, имѣвшими мѣсто въ ихъ жизни. Желая вспомнить имена кабинетъ—министровъ, мы можемъ мыслить о нихъ, сначала перечисляя по списку; если мы не можемъ вспомнить кого либо изъ нихъ, мы можемъ вспомнить государственныя отдѣленія; далѣе, главныхъ лицъ между лордами и въ палатѣ общинъ и такъ далѣе, доколѣ каждый изъ нихъ не предстанетъ въ умѣ.

Связь съ *употребленіемъ* и особенностями служитъ частымъ средствомъ ассоціаціи, какъ въ одиночку, такъ и въ комбинаціи. Вспоминая какую либо большую выставку произведеній промыш-

ленности, мы соединяемъ мѣстныя связи съ ассоціаціями употребленія. Мысленно мы пробѣгаемъ орудія земледѣлія, минныхъ работъ, инженерныхъ, орудія войны, платье, украшенія и пр.. Тоже относительно естественныхъ свойствъ предметовъ—физическихъ и химическихъ свойствъ соли, отличительныхъ признаковъ растительныхъ видовъ, анатоміи животныхъ. Желѣзо, никкель и кобальтъ вспоминаются отчасти по ихъ магнетическимъ свойствамъ; простыя тѣла въ химіи ассоціируются съ идеей простоты; окиси—съ содержащими ихъ закисями.

Послѣдовательности. Среди различныхъ родовъ послѣдовательности, обращенной на смежность, могутъ быть случаи комбинаціи. Память извѣстнаго ряда событій можетъ быть воспособлена параллельнымъ и совпадающимъ рядомъ или вышеописанными соединеніями. Въ обширномъ преемствѣ нашего цѣлаго опыта—въ порядкѣ времени, многія посредственныя звенья недостаточныя у насъ, когда исключительно расчитано на нихъ, бываютъ однако способны вызвать желаемый результатъ въ комбинированномъ дѣйствіи. Наши историческія воспоминанія бываютъ почти всегда сложны; главная нить вспомоществуется побочными событіями, связями и ассоціаціями; и мы на столько хорошо знаемъ это, что всякій разъ, какъ ихъ теряемъ, мы дѣлаемъ тщательное исканіе такихъ добавочныхъ пособій. Чтобы припомнить какой нибудь значительный рядъ событій, хоть въ англійской исторіи, для насъ были бы полезны соотвѣтствующія ассоціаціи съ лицами, мѣстами, замѣчательными событіями, случайными совпаденіями. Думая о XVI столѣтіи, мы вспоминаемъ о двухъ великихъ монархахъ, между которыми всѣ страны были раздѣлены почти поровну; съ ихъ личностями многія событія были такъ тѣсно связаны, что припоминаются при каждомъ случаѣ; другія же менѣе и припоминаются только въ сочетаніи съ особымъ звеномъ, какъ число или порядокъ времени. Мѣстности и мѣстные предметы—столичные города, башни, открытыя укрѣпленія, монастыри—составляютъ добавочныя связи, нѣкоторыя изъ нихъ достаточныя сами по себѣ, другія—полезныя въ возбужденіи другихъ звеньевъ для достиженія данной цѣли.

Языкъ. Сочетаніе именъ и рядовъ языка, есть очень обширная фракція нашихъ полныхъ пріобрѣтеній. Мы бываемъ здѣсь часто вспомоществуемы сложными звеньями. Когда мы не можемъ припомнить извѣстное имя, мы обращаемся къ обстоятельствамъ послѣдняго слышанія его или къ другой какой либо извѣстной чертѣ связи.

Многія изъ нашихъ воспоминаній суть смѣшеніе языка съ на-

шими понятіями о вещахъ. Слышанный разговоръ усвояется нами частію какъ рядъ словъ, частію какъ рядъ мыслей, образовъ и чувствъ; припоминаніе его есть, поэтому, припоминаніе сложной природы. Изучающій какой нибудь предметъ, какъ напр. геометрію, надѣется отчасти на свою буквальную память, отчасти на свою память дѣйствительныхъ понятій, линій, угловъ, круговъ и т. д. Картинное описаніе вспомоществуется словесными ассоціаціями въ связи съ удержаніемъ чисто картинныхъ элементовъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ недостатки въ одномъ рядѣ могутъ быть восполняемы изъ другого.

Соединеніе сходствъ.

3. Случай множества точекъ сходства, содѣйствующихъ вызову чего либо прошлаго, достаточно выясненъ въ законѣ сходства.

Здѣсь имѣется въ виду случай большаго сходства, дѣйствіе котораго состоитъ въ увеличеніи шансовъ на воспоминаніе. Если какая либо мысль, сходная по отношенію къ предмету, извѣстному намъ прежде, имѣетъ сходство также въ языкѣ, дѣйствіе сходства въ возстановленіи факта бываетъ вполнѣ обезпечено. Если мы читаемъ работу, которая есть подражаніе или заимствованіе изъ какой либо другой работы, которую мы знали, сходство не обнаруживается на первыхъ порахъ, но когда мы идемъ далѣе, увеличивающееся число сходныхъ пунктовъ всплываетъ на поверхность сознанія. Повсюду, гдѣ мы имѣемъ нѣкоторыя средства для увеличенія сходства и уменьшенія различія между настоящимъ и тѣмъ, что существуетъ въ умѣ, мы необходимо содѣйствуемъ оживляющей встрѣчѣ.

Смѣшанныя смежность и сходство.

4. Предметы, впервые сопоставленные умомъ вмѣстѣ, въ силу сходства, удерживаются затѣмъ съ помощію смежности.

Лицо, обладающее изобрѣтательнымъ умомъ, открываетъ новое сходство или достигаетъ широкаго отожествленія въ области науки. Двѣ отдаленныя вещи, соединившіяся такимъ образомъ, могутъ затѣмъ образовать связи посредствомъ ассоціаціи смежности; воспроизведеніе, впервые обязанное генію, впослѣдствіи производится по-

средствомъ памяти. Такъ бываетъ, когда мы вспоминаемъ отрывки изъ произведеній великихъ поэтовъ и научныя обобщенія, составляющія торжество современнаго открытія.

Здѣсь существуетъ однако нѣкоторая посредствующая стадія, въ которой крупныя черты сходства могутъ не быть дѣломъ чистой памяти по смежности, но открываются частію въ силу сходства, а частію благодаря возникающей, но не законченной смежной ассоціаціи. Это происходитъ посредствомъ смѣшаннаго или соединеннаго закрѣпленія, которымъ второстепенный умъ можетъ усвоять и пользоваться изобрѣтеніями умовъ первостепенныхъ, прежде чѣмъ они сдѣлались столь избитыми и общими, что стали достояніемъ памяти каждаго. Это образуется тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ мы можемъ удерживать научныя истины, посредствомъ нашего собственнаго воспріятія ихъ обобщающаго взмаха, когда они разъ уже пронеслись предъ нашимъ взоромъ. Ни одинъ человѣкъ не могъ бы вмѣстить сколько нибудь обширнаго итога научныхъ доктринъ, не замѣчая въ себѣ самомъ сходствъ, которыя ими подразумѣваются, кромѣ его памяти о самыхъ положеніяхъ. Послѣ Ньютона, мы можемъ сравнить земное тяготѣніе съ небеснымъ и усвоить его законъ въ силу сходства, которое, при воспоминаніи одного, вызываетъ и другое; намъ помогаетъ только смежное соединеніе двухъ фактовъ въ выраженіи закона.

5. Оживающая черта сходства можетъ быть подкрѣплена *близостію* желаемыхъ предметовъ.

Поэтъ, живя въ деревнѣ, легче всего избираетъ деревенскіе образы. Книги, которыя мы недавно читали, суть, по большей части, самыя подходячія для образованія параллелей съ какимъ нибудь настоящимъ предметомъ. Отсюда вытекаетъ важное правило для содѣйствованія изобрѣтенію—именно, освѣжить наши умы предметами, гдѣ мы надѣемся найти тожества, на которыя у насъ существуетъ запросъ. Философъ естественникъ нуждается въ извѣстныхъ математическихъ формулахъ, но не способенъ открыть тѣ, которыя пригодны; его способъ состоитъ въ возобновленіи его математическихъ занятій въ извѣстное время, вслѣдствіе чего онъ входитъ въ тѣсное умственное родство съ цѣлою областію этого отдѣла. Гиббонъ передаетъ намъ, что онъ почерпалъ средства для своихъ сарказмовъ, каждогодно тщательно прочитывая провинціальныя письма Паскаля. Также извѣстный поэтъ можетъ приготовиться къ составленію Спенсеріанскихъ строфъ, ознакомившись съ его „Волшебной царицей“ (The Faerie

Queen) и другими образцами. Въ какомъ бы ни было пунктѣ, писатель, чувствуетъ ли интеллектуальную слабость, или хочетъ быть необыкновенно сильнымъ, сводитъ тѣсное знакомство съ высочайшими образцами извѣстнаго сорта. Если онъ вдохновляется возвышенной дикціей, его полетъ окрыляется частымъ обращеніемъ къ Эсхиллу и Мильтону.

6. Связь сходства бываетъ иногда искусственно употребляема, въ качествѣ пособія памяти.

Искусство мнемоники, среди другихъ средствъ, пользуется комбинаціей сходства и смежности. Одинъ изъ простѣйшихъ примѣровъ представляетъ употребленіе аллитераціи или, что тоже, повторенія одной и той же буквы въ началѣ нѣсколькихъ словъ сряду; рядъ словъ „life and liberty" лучше запоминается, чѣмъ „life and freedom". Эффектъ могъ бы возникнуть также изъ распредѣленія рядовъ главныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ начинающихъ ихъ буквъ. Стихъ составляетъ мнемоническое средство; зная метрическую форму, какую говорящій долженъ употребить, мы имѣемъ уже извѣстное усвоеніе его посредствомъ сходства, которое отчасти ослабитъ значеніе связи по смежности.

Элементъ чувства.

7. Звено чувства можетъ входить весьма сильно въ сложную ассоціацію.

Ассоціація предметовъ и чувствъ была уже разсмотрѣна (Смежность § 30). Слѣдствія, которыя бываютъ многочисленны и весьма широки, будутъ изслѣдованы далѣе, въ описаніи высшихъ эмоцій.

Настоящее чувствованіе есть духовная сила, удерживающая и оживляющая предметы, состоящіе съ нимъ въ гармоніи, и отталкивающая все, что не согласно или только безразлично. Въ расположенномъ къ любви состояніи духа, мысли и образы принимаютъ характеръ любви и нѣжности. Завзятый эгоистъ легко вызываетъ въ памяти факты для своего прославленія.

Когда извѣстное число предметовъ одинаково открыто для воспріятія посредствомъ интеллектуальныхъ связей, извѣстное эмоціальное состояніе даетъ перевѣсъ. Мышленіе лицъ, одаренныхъ сильными чувствами и небольшимъ интеллектуальнымъ дарованіемъ, имѣетъ монотонный отпечатокъ господствующей эмоціи; таковы суть без-

разсудныя и слабоумныя матери, исключительно отдавшіяся свѣтской жизни, и восторженные темпераменты вообще. Правдоподобность характеровъ, создаваемыхъ въ повѣстяхъ или романахъ, стоитъ въ зависимости отъ этихъ обстоятельствъ. Всѣ мысли и выраженія Шейлока представляютъ обнаруженіе чувствованій, вполнѣ ему свойственныхъ.

Вліяніе воли.

8. Вліяніе воли на интеллектуальную производительность— косвенное.

Никакое простое воздѣйствіе мотива не можетъ сдѣлать слабую связь сильнѣе. Если бы жизнь кого либо зависѣла отъ усилія памяти, безъ ассоціативной связи, она имѣла бы весьма мало цѣны.

1). Сильный мотивъ, возбуждая систему, можетъ возвысить напряженность умственныхъ процессовъ.

Избѣжаніе какого либо страданія или полученіе удовольствія сопровождается возрастаніемъ нервной дѣятельности, при чемъ всѣ способности возвышаются, включая сюда и способности воспроизведенія по смежности и сходству. Дѣйствіе возбужденной мозговой дѣятельности наблюдается въ крайнемъ случаѣ горячечнаго бреда, во время котораго давно забытые слѣды иногда воскресаютъ съ замѣчательною вѣрностью. Открытіе, имѣющее величайшее значеніе, обыкновенно, требуетъ большаго, чѣмъ обычное, мозговаго возбужденія, иногда оно производится посредствомъ физическихъ стимуловъ, но обыкновенно возникаетъ вслѣдствіе самопроизвольнаго усилія.

2). Воля дѣйствуетъ подъ формой вниманія, или умственной сосредоточенности на спеціальныхъ предметахъ, подлежащихъ разсмотрѣнію.

Вѣроятно, что большая сила вниманія, направляемая на то, что предстоитъ, будетъ, до извѣстной степени, оживлять способность воспроизведенія связаннаго съ нимъ прошлаго. Въ трудномъ воспоминании мы предполагаемъ такой случай: сильно желая вспомнить имя отдаленной возвышенности, мы пристально смотримъ нѣкоторое время на нее, думая этимъ самымъ прибавить нѣчто къ шансамъ на воспоминаніе. Мы можемъ дѣлать тоже самое съ чисто-умственнымъ образомъ: воля укрѣпляетъ умственное вниманіе такъ

же, какъ и тѣлесное,—фактъ, очень много говорящій въ пользу доктрины о мѣстонахожденіи воскрешаемыхъ впечатлѣній. Если намъ бываетъ нужно повторить какой либо разговоръ, мы особенно останавливаемся на послѣднихъ вспоминаемыхъ словахъ; если мѣстная ассоціація распадается, мы сосредоточиваемъ умъ на части, ближайшей къ разрыву.

3). Воля стремится къ исканію побочныхъ или сопутствующихъ звеньевъ.

Было замѣчено, что, посредствомъ соединенія различныхъ звеньевъ, каждаго слишкомъ слабаго самого по себѣ, мы можемъ образовать нѣчто сложное, которое будетъ достаточно. Теперь, посредствомъ акта воли, мы можемъ обратиться къ исканію этихъ сопутствующихъ связей. Не вспоминая во временномъ порядкѣ всѣ главныя событія текущаго столѣтія, мы можемъ, черезъ простое волевое опредѣленіе, перейти къ другимъ звеньямъ, какъ лица, мѣста и главныя обстоятельства.

Власть воли надъ рядами мысли, благодаря этимъ косвеннымъ средствамъ, можетъ быть значительна. Мы не можемъ заразъ опредѣлить, какія мысли должны возникнуть, но изъ тѣхъ, которыя возникли, мы можемъ направить вниманіе на однѣ скорѣе, чѣмъ на другія; удаленіе вниманія отъ чего либо уничтожитъ его способность дальнѣйшей репродукціи. Мы, такимъ образомъ, удерживаемся отъ преслѣдованія рядовъ, неблагопріятныхъ для предположенной нами цѣли. Если мы создаемъ извѣстное геологическое изслѣдованіе, мы ограничиваемъ наши мѣстныя воспоминанія геологическими свойствами.

Можетъ быть отмѣченъ какъ часто встрѣчающійся случай, что хотя и существуетъ для ума одинъ или болѣе предметовъ каждый богато ассоціированный съ умственными слѣдами, однако ни одинъ нихъ ничего не внушаетъ на самомъ дѣлѣ. Инертность можетъ быть обязана различнымъ причинамъ, высоко освѣщающимъ интеллектуальныя работы. Она можетъ возникнуть отъ простого истощенія, праздности или бездѣятельности. Положеніе ума и мозга, въ отношеніи дѣятельности, бываетъ очень измѣнчиво и весьма много въ предѣлахъ нашего контроля. Или, опять, силы ума могутъ войти въ установленную колею или положеніе, оказывающее нѣкоторое сопротивленіе принятію какихъ либо другихъ рядовъ мысли; такъ что когда мы обратимъ наше вниманіе на извѣстный предметъ, то даже и во время перерыва въ дѣйствительномъ

теченіи мыслей, другіе предметы не воспринимаются нами. И, далѣе, когда многочисленныя возбужденія съ различныхъ сторонъ поддерживаются почти одинаково, въ результатѣ получается нѣкоторый родъ умственнаго недоумѣнія; когда какой либо предметъ бываетъ ассоціированъ одинаково со многими исходящими слѣдами, какъ, напримѣръ, солнце или море, не происходитъ никакого начинанія, доколѣ какія нибудь встрѣтившіяся звенья не укажутъ на одно опредѣленное движеніе. Если море бушуетъ, и мы наблюдаемъ морское путешествіе, мы уходимъ въ слѣды воспоминанія о нашей собственной поѣздкѣ по морю.

Препятствующія ассоціаціи.

9. Сила помогающая предполагаетъ силу препятствующую. Какое либо дѣйствіе бываетъ полезно, когда оно—съ нами, и служитъ препятствіемъ, когда—противъ насъ. Это вполнѣ приложимо къ случаю встрѣчныхъ ассоціацій.

Часто случается, что мы не можемъ вспомнить имени вслѣдствіе того, что умъ бываетъ, преимущественно, занятъ невѣрнымъ сочетаніемъ слоговъ. Такъ же бываетъ, когда предметы теряются; если мы случайно бываемъ предубѣждены въ пользу какой либо ошибочной мѣстности или какого либо ошибочнаго предположенія, мы не имѣемъ полнаго успѣха въ воспоминаніи даннаго предмета; но въ другое время, когда ошибочное предположеніе покидаетъ насъ, наша память можетъ быть совершенно достаточною для воспоминанія.

Исторія науки представляетъ много примѣровъ открытій вслѣдствіе отмѣны какого либо предразсудка или предубѣжденія, когда какія либо ложныя склонности или настроенія сковывали умы людей. Нѣкоторые изъ намековъ Аристотеля въ психологіи были ближе къ истинѣ, чѣмъ взгляды, долго господствовавшіе послѣ него, не столько по превосходству его генія, сколько по отсутствію у него путаницы ультра—спиритуалистической философіи. Пристли замѣчаетъ, что, хотя онъ началъ свои изысканія въ химіи съ небольшимъ знаніемъ того, что было уже сдѣлано, но онъ приступилъ къ предмету *свободнымъ отъ предразсудковъ, которыми были загромождены сужденія и ограничены воззрѣнія* образованныхъ химиковъ.

Препятствующія ассоціаціи могутъ быть изслѣдованы на болѣе широкой почвѣ, въ столкновеніи различныхъ воззрѣній на предме-

ты и событія жизни. Существуетъ постоянное враждебное отношеніе между художественнымъ и научнымъ способами взгляда на вещи и противоположность, не столь замѣтная между научною или теоретическою и практическою точками зрѣнія. Художественный умъ встрѣчаетъ затрудненіе при созерцаніи разсужденій о научныхъ истинахъ; и научный умъ, направленный на содержаніе художественное, чувствуетъ тяжесть и проявляетъ меньшую энергію. Поэтическая вольность никогда не бываетъ столь блестящею, какъ въ томъ случаѣ, когда поэтъ не встрѣчаетъ препятствія въ отношеніи къ истинѣ.

Хорошій примѣръ препятствія несовмѣстимыхъ идей мы находимъ въ усиліи при отгадываніи загадокъ и каламбуровъ. Они, обыкновенно, основываются на двусмысленномъ значеніи словъ. Теперь, умъ, который пользуется языкомъ въ серьезномъ и дѣйствительномъ значеніи, бываетъ не способенъ играть словами не потому, чтобы требуемыя ассоціаціи не существовали въ немъ, но потому, что эти ассоціаціи побѣждаются другими, враждебными для успѣха.

Ассоціація контраста.

10. Извѣстенъ фактъ, что предметы во многихъ случаяхъ вызываютъ противоположные себѣ; контрастъ или противоположеніе является въ числѣ силъ, оживляющихъ прежнія мысли. Вліяніе контраста можетъ быть анализировано въ слѣдующемъ:—

1). Контрастъ есть фазисъ первичной функціи ума, называемой различеніемъ или относительностію.

Если каждое состояніе чувства и знанія подразумѣваетъ переходъ и есть, поэтому, двойной или двухсторонній фактъ, то наше знаніе, существенно, есть сознаніе противоположностей. Теплота выражаетъ не абсолютное состояніе, но переходную ступень отъ холода; недавній холодъ такъ же существенъ для этого, какъ и настоящая теплота. Когда мы думаемъ о теплотѣ, мы имѣемъ подразумѣваемое отношеніе къ холоду; когда мы думаемъ о повышеніи, мы имѣемъ подразумѣваемое отношеніе къ паденію. Чтобы войти въ противоположное сознаніе въ этихъ случаяхъ, нужно только перевернуть порядокъ пары: сдѣлать холодъ очевиднымъ, а теплоту подразумѣваемымъ элементомъ.

2). Контрасты часто внушаются смежностью.

Большое число самыхъ обычныхъ контрастовъ пріобрѣтаетъ дальнѣйшую связь, благодаря обыкновеннымъ переходамъ мысли и рѣчи. Наша память заключаетъ въ себѣ многочисленныя ассоцированныя соединенія—верхъ и низъ, великое и малое, богатое и бѣдное, истинное и ложное, жизнь и смерть.

Когда мы идемъ къ уразумѣнію значенія контраста, какъ риторическаго средства, служащаго какъ для усиленія выраженія чувства, такъ и для ясности въ излагаемомъ правилѣ, мы пріобрѣтаемъ привычку внесенія контрастовъ во всѣ важные случаи.

3). Взаимное внушеніе контрастовъ можетъ быть отчасти обязано сходству.

Это еще древнее положеніе, что контрасты должны имѣть въ основѣ сходство. Это справедливо обо всѣхъ контрастахъ вплоть до самого величайшаго—объекта и субъекта. Матерія и пространство совмѣщаются какъ родовой признакъ въ протяженіи (объектъ); интеллектъ и чувства оба—въ духѣ, (субъектъ); голубое и красное относится къ классу цвѣтовъ. Такимъ образомъ, когда величайшее противорѣчіе можетъ быть внушено только относительностію или чистымъ контрастомъ, низшіе роды порождаютъ элементъ сходства въ ихъ родовомъ согласіи. Богатство можетъ напомнить о бѣдности частію по противоположности, а частію благодаря приведенію насъ къ мысли о генерическомъ предметѣ—положеніи людей.

Благодаря взаимному притяженію сходствъ, мы знакомимся съ противорѣчіями. Мы слышимъ извѣстное утвержденіе; тожество подлежащаго вызываетъ предъидущее утвержденіе, но противоположнаго характера. Извѣстіе, что извѣстная каменная гора—осадковаго происхожденія, приноситъ нашему уму, по сходству, идею о той же самой горѣ, соединенную съ утвержденіемъ ея вулканическаго происхожденія.

4) Многіе контрасты отпечатлѣваются въ умѣ, благодаря эмоціи.

Независимо отъ вліянія толчка къ перемѣнѣ, необходимой для сознательности въ извѣстной степени, умъ можетъ быть возбужденъ сильными спеціальными эмоціями. Когда какое нибудь качество существуетъ въ избыткѣ, какъ тепло, холодъ, упражненіе, отдыхъ, мы бываемъ вынуждены думать о противоположномъ, какъ о желательной смѣнѣ. Разочарованіе въ нашихъ надеждахъ можетъ

произвести извѣстную форму толчка къ контрасту; ожидая чего либо благопріятнаго, мы можемъ встрѣтить обиду; поѣздка, предпринимаемая для укрѣпленія здоровья, можетъ увеличить нашу болѣзнь.

Контрасты поэзіи и искусства суть ступени для усиленнаго эффекта.

Моралистъ находитъ удовольствіе въ нахожденіи контрастовъ въ человѣческихъ положеніяхъ—блескѣ благоденствія съ возможностію несчастія и несомнѣнностью послѣдняго конца.

ГЛАВА IV.

Построительная ассоціація.

1. Посредствомъ ассоціаціи, умъ имѣетъ способность составлять комбинаціи или аггрегаты, отличные отъ какихъ бы то ни было дѣйствительно добытыхъ опытомъ.

Процессы, называемые воображеніемъ, творчествомъ, построеніемъ не принимались въ разсчетъ въ предшествующемъ изложеніи. Въ сходствѣ мы имѣли предъ собой силу, направленную на оригинальность и изобрѣтательность; но геній механическаго изобрѣтателя, ученаго человѣка, поэта, живописца, музыканта подразумѣваетъ нѣчто болѣе сложное. Въ паровой машинѣ, въ наукѣ геометріи, въ Потерянномъ Раѣ мы находимъ нѣчто большее величайшихъ проявленій сходства.

Тѣмъ не менѣе, интеллектуальныя способности уже описаны достаточно для этихъ твореній; дополненіе состоитъ въ стимулѣ и руководствѣ, доставляемыхъ чувствами и волей. Это будетъ видно изъ примѣровъ.

Механическія построенія.

2. Въ механическомъ пріобрѣтеніи мы часто комбинируемъ движенія въ новыя группы. Дѣятельность хотѣнія, направляемая на движенія порознь, при первомъ случаѣ соединяетъ ихъ вмѣстѣ.

При обученіи танцамъ, отдѣльныя позиціи пріобрѣтаются прежде всего; когда воля въ состояніи овладѣть ими, ученикъ направляется на соединенія ихъ въ ряды и фигуры; эти, наконецъ, становятся связанными, благодаря пластической силѣ смежности. Тоже самое наблюдается въ военномъ ученьѣ и въ обученіи ручнымъ искусствамъ: учащійся сначала бываетъ способенъ управлять нѣкоторыми элементарными движеніями, и, затѣмъ, соединяетъ ихъ по времени и порядку, въ которомъ они слѣдуютъ.

Иногда извѣстный процессъ требуетъ разобщенія и уничтоженія движеній, какъ, напримѣръ, въ стараніи гулять, не размахивая руками. Посредничество остается тоже самое. Одно усиліе хотѣнія опредѣляетъ сложное движеніе; другое направляется на члены, движенія которыхъ должны быть прекращены; и требуемый актъ бываетъ результатомъ дифференціальнаго дѣйствія.

Когда имѣетъ быть выполненъ извѣстный сложный актъ, состоящій изъ временныхъ и порядковыхъ движеній, нужны бываютъ преемственныя попытки для размѣщенія этихъ движеній по своимъ мѣстамъ. Такъ, учась плавать, мы работаемъ нашими членами посредствомъ отдѣльныхъ хотѣній, но не можемъ сразу достичь точнаго ритма, которымъ обладаетъ пловецъ. Съ теченіемъ времени мы дѣлаемъ усиліе, которое счастливо комбинируетъ каждое движеніе въ соотвѣтствующій рядъ. Трудность, наконецъ, побѣждается: мы радуемся послѣ того успѣшному соединенію и испытываемъ удовольствіе даже впослѣдствіи.

Эти построенія нашихъ механическихъ или мускульныхъ энергій даютъ примѣры трехъ условій или основъ построительнаго умственнаго процесса.

1) Должно существовать подчиненіе отдѣльныхъ элементовъ. Болѣе полное и совершенное такое подчиненіе дѣлаетъ болѣе легкимъ работу соединенія ихъ въ новыя сочетанія.

2) Должна существовать *идея*, планъ или воспріятіе желаемыхъ сочетаній; нѣкоторый умственный абрисъ того, что давало бы намъ знать, когда комбинація удачна. Эта идея можетъ быть образцомъ для подражанія, подобно фокуснику въ извѣстномъ кружкѣ во время представленія; или она можетъ быть воспріятіемъ эффекта, который долженъ быть произведенъ, какъ напримѣръ въ начертаніи плановъ. Въ другихъ случаяхъ она бываетъ словесной комбинаціей или описаніемъ, какъ напримѣръ, когда намъ говорятъ съ цѣлію дать понятіе о золотой горѣ.

3) Существуетъ рядъ *опытовъ* или процессъ попытокъ и ошибокъ.

Отдѣльныя хотѣнія входятъ въ дѣятельность, имѣющую цѣлію произвести отдѣльныя движенія, но они не сразу согласуются съ цѣльнымъ результатомъ; чувство недостаточности возбуждаетъ другую попытку, и такъ далѣе, пока извѣстная проба не будетъ имѣть успѣха. Моментъ успѣха сопровождается нѣкоторымъ довольствомъ или возвышеніемъ, при которомъ возникаетъ усиленная готовность поддержать счастливую комбинацію; и обстоятельства, такимъ образомъ, бываютъ въ высшей степени благопріятны для начала прочной ассоціаціи.

Словесное построеніе.

3. Словесное построеніе выясняется прежде всего въ обученіи произношенію.

Извѣстная способность произнесенія элементарныхъ, членораздѣльныхъ звуковъ—гласныхъ, согласныхъ и простыхъ слоговъ,—будучи предполагаема, стремится къ сочетанію ихъ въ слова, подъ вліяніемъ подражательности. Слухъ даетъ типъ того, что должно быть выполнено; воля производитъ различныя попытки; здѣсь получается чувство ихъ несообразности съ типомъ, которое вызываетъ новую попытку, доколѣ не будетъ достигнута сообразность. Дитя можетъ произносить слоги *ма*, *ша*, въ отдѣльности; оно слышитъ *маша* и желаетъ произнести это слово; первое стараніе бываетъ неудачно; попытки возобновляются и, при нѣкоторомъ благопріятномъ соединеніи, оба слога совпадаютъ въ точный и правильный порядокъ. Слухъ удовлетворенъ и испытываетъ наслажденіе, и извѣстное изліяніе нервной силы сопровождаетъ удовлетвореніе, которое открываетъ торную дорогу къ закрѣпленію этой связи; каждый послѣдующій успѣхъ влечетъ за собою меньшее число трудностей, и ассоціація, наконецъ, завершается.

Первоначальныя затрудненія ребенка въ этомъ пріобрѣтеніи происходятъ вслѣдствіе недостаточной власти надъ элементарными звуками. Голосъ не сразу образуетъ ихъ, и произвольная связь, возбуждающая ихъ, долгое время остается недостаточною.

4. Сочетаніе словъ въ предложенія есть дальнѣйшая дѣятельность построенія.

Чтобы подражать буквально слышанному предложенію, необходимо существенно тоже самое усиліе, какъ и только что описанное. Дальнѣйшій успѣхъ выясняется, когда ребенокъ построяетъ новыя

предложенія, соотвѣтственно новымъ мыслямъ. Изъ комбинаціи „добрый мальчикъ" и отдѣльнаго имени „Томъ" вмѣстѣ съ одобрительнымъ чувствомъ по отношенію къ Тому, воля побуждается разъединить и перестроить форму „Томъ" такъ, чтобы составилось „добрый Томъ". Идея или умственный типъ побуждаетъ найти нѣкоторое выраженіе, имѣющее туже же силу по отношенію къ новому предмету, какую имѣла старая форма по отношенію къ „мальчику"; затѣмъ, должно быть нѣкоторое чувство, основанное на аналогіи, что „добрый Томъ" отвѣчаетъ этой цѣли; и, потому, когда это произносится, слѣдуетъ волненіе успѣшной попытки. Подобно вышесказанному, болѣе или менѣе легкое достиженіе цѣли зависитъ отъ близкаго знакомства съ составными элементами. Когда образовалось значительное количество различныхъ предложеній, процессъ выбрасыванія и вставленія съ цѣлію отвѣчать новымъ значеніямъ выполняется съ величайшею быстротой.

5. Высшія сочетанія языка подчиняются тѣмъ же самымъ условіямъ.

Необходимо, во первыхъ, заложить въ памяти извѣстный запасъ именъ, (соединенныхъ съ предметами), и образовавшихся изъ нихъ комбинацій въ утвержденія, заключенія, предложенія и связныя части разговора съ соотвѣтствующимъ смысломъ. Этотъ пріобрѣтенный запасъ содержитъ матеріалъ для новыхъ сочетаній; чѣмъ болѣе обильны и болѣе знакомы словесные ряды находящіеся въ распоряженіи и чѣмъ ближе они отвѣчаютъ нашимъ требованіямъ, тѣмъ менѣе труда требуется для выраженія мысли. Извѣстный смыслъ выражается отчасти, но не вполнѣ, совпадая съ выраженными мыслями, уже хранившимися въ памяти; самая ближайшая изъ этихъ прежнихъ формъ воспроизводится ассоціирующими способностями; мы дѣйствуемъ на нихъ посредствомъ сочетанія, отдѣленія и замѣны, доколѣ нашъ умъ не найдетъ, что сформированное словесное построеніе обнимаетъ предполагаемый предметъ.

Соподчиненіе другимъ условіямъ, кромѣ обозначенія мысли, требуетъ или большихъ рессурсовъ, чтобы выступить, или, же болѣе многочисленныхъ попытокъ. Нечего упоминать о грамматическихъ формахъ, которыя удовлетворить сравнительно легко, когда существуетъ богатый грамматическій матеріалъ, могущій дать уму извѣстные идеалы ясности, чистоты, изящности, мелодіи, размѣра,—все, что связано съ методомъ попытокъ. Это, такимъ образомъ, требуется, чтобы составить нѣсколько предложеній съ одинаковымъ

смысломъ, имѣя въ виду избрать одно, соединяющее въ себѣ другія требованія. Но, имѣя въ виду осуществить каждое изъ этихъ высокихъ требованій, мы должны уже имѣть въ памяти многочисленныя формы, соотствѣтвенно каждому; формы ясной постановки, краткости, изящества, мелодіи. Мы должны также имѣть очень опредѣленное чувствовованіе достигнутаго результата,

Возьмемъ въ примѣръ стихосложеніе. Способность стихосложенія предполагаетъ память, богато одаренную стихами. Извѣстная данная мысль выражается въ стихѣ. Прозаическій умъ, слѣдуя руководительству мысли, сначала представлялъ бы прозаическую форму и на ней, какъ на базисѣ, пытался бы сдѣлать приспособленія, необходимыя для стиха. Однако, истинный поэтъ—тотъ, который „лепечетъ въ риѳмахъ, для риѳмъ приходитъ"; его первая основа дѣйствій есть метрическая форма; она образуется и видоизмѣняется сообразно со смысломъ, однако никогда не отдѣляется отъ метра.

Чувствованія движенія.

6. Мы можемъ, съ помощію опыта, создавать новыя сочетанія въ идеяхъ или чувствованіяхъ силы и движенія.

Самыя важныя мускульныя чувствованія въ интеллектуальномъ отношеніи суть наши многочисленныя впечатлѣнія сопротивленія, давленія, движенія, воплощенныя въ различныхъ мускулахъ и мускульныхъ группахъ. Посредствомъ ноги и руки, мы получаемъ впечатлѣнія или идеи различныхъ степеней тяжести и сопротивленія въ одинъ фунтъ, четыре, двадцать. Возможно создать непосредственныя ступени или различія въ количествѣ. Если дана идея однофунтовой тяжести и идея вдвое или втрое большей тяжести, мы можемъ, благодаря усилію построенія, образовать нѣкоторую приблизительную идею двухъ или трехъ фунтовъ. Главное условіе составляетъ тутъ живость нашего усвоенія составляющихъ понятій. Величайшая трудность заключается въ знаніи, которое мы пріобрѣли и обладая которымъ, мы не можемъ точнымъ образомъ сказать, что комбинація успѣшна или что тоже—построенное впечатлѣніе отвѣчаетъ двумъ или тремъ частямъ оригинала.

Постепенность нашихъ мускульныхъ усилій по отношенію къ извѣстной цѣли, какъ попаданіе въ цѣль или дѣйствіе размѣреннаго удара, предполагаетъ способность подмѣчать оттѣнки мускульной сознательности. Чувства архитектурнаго соотвѣтствія служатъ пре-

краснымъ примѣромъ того же самаго построенія. Изъ нашего опыта тяжести и твердости небольшихъ кусковъ камня, мы судимъ по себѣ самимъ, какой величины необходима поддержка, напримѣръ, въ колоннѣ, для массъ, лежащихъ внѣ нашихъ средствъ прямой оцѣнки.

Случается, вслѣдствіе смутнаго усилія построенія, имѣющаго приложеніе къ нашимъ мускульнымъ пріобрѣтеніямъ, что мы понимаемъ неизслѣдованныя разстоянія, какъ отдаленныя Альпійскія вершины, луну и звѣзды. Мы увеличиваемъ счетомъ извѣстныя наши собственныя дѣйствія, то есть, комбинируемъ ихъ съ понятіями умноженнаго количества и, вслѣдствіе этого, удерживаемъ представленія, безъ сомнѣнія, слабыя и неадекватныя этимъ громаднымъ разстояніямъ.

Эмоціональныя чувствованія движенія подходятъ подъ аналогію эмоцій вообще, разсматриваемыхъ въ особой главѣ.

Построенія въ ощущеніяхъ.

7. Въ ощущеніяхъ чувствъ, какъ эмоціональныхъ, такъ и интеллектуальныхъ, существуетъ обширное поле для оригинальныхъ построеній.

Въ низшихъ ощущеніяхъ, какъ ощущенія органической жизни, вкуса и обонянія, главный эффектъ бываетъ эмоціональный и изучается, благодаря обстоятельствамъ, имѣющимъ спеціальное отношеніе къ чувствованіямъ. При значительномъ усиліи, мы можемъ понять новыя формы органическаго страданія или удовольствія подъ условіемъ, что онѣ разрѣшаются въ элементы, намъ уже извѣстные. Если вѣрно, что страданія родовъ имѣютъ свойство спазмъ, или судорогъ, они, до нѣкоторой степени, могутъ быть понятны, благодаря этому опыту. Страданіе подагры можетъ быть реализировано, посредствомъ знанія другихъ видовъ остраго возбудительнаго страданія. Многіе виды острой боли допускаютъ сравненіе съ болью отъ обжога.

Тоже бываетъ и съ пріятными органическими ощущеніями. Зная, что такое радость, мы можемъ понять этотъ общій фактъ съ различными особенностями. Мы можемъ, поэтому, понимать возбуждающее дѣйствіе нѣкоторыхъ неизвѣстныхъ стимуловъ, какъ опіумъ или индійскій родъ конопли.

Препятствіе въ такомъ случаѣ заключается въ низкой интеллектуальной устойчивости этихъ чувствованій; мы не можемъ безъ значительнаго напряженія возбудить какое либо органическое состояніе при настоящемъ состояніи иного характера. Даже близко извѣстныя удовольствія пищи не легко оживить въ идеѣ въ ихъ отсутствіи. Построительная дѣятельность бываетъ малоплодовита, если элементы не имѣютъ прочнаго пребыванія въ умѣ.

Вкусъ, будучи болѣе устойчивымъ въ интеллектуальномъ отношеніи, чѣмъ органическія состоянія, допускаетъ и большую построительность. Изъ опытовъ прохладительнаго, сладкаго, горькаго и проч., мы можемъ понять сложный вкусъ, никогда неиспробованный нами, новое соединеніе прохлады и горечи, сладости и кислоты. Тоже и съ обоняніемъ. Мы можемъ попытаться понять вонючую камедь изъ чеснока или восточныя благовонныя пряности изъ нашихъ собственныхъ цвѣтовъ и запаховъ.

Въ высшихъ чувствахъ примѣровъ довольно. Въ осязаніи, слухѣ и зрѣніи, удовольствія и страданія, какъ болѣе интеллектуально устойчивыя, суть болѣе построительныя, чѣмъ низшія чувствованія; между тѣмъ какъ ощущенія, которыхъ характеръ есть знаніе, а не чувствованіе, бываютъ преимущественно расположены къ комбинирующему дѣйствію.

Мы имѣемъ обширный опытъ осязаній нѣжныхъ, острыхъ, жесткихъ, шероховатыхъ, которыя могутъ часто быть вызываемы для того, чтобы исполнять новыя видоизмѣненія. Многіе минералы имѣютъ спеціальныя осязательныя свойства; какъ, напримѣръ, горный ленъ. Если мы никогда не осязали пробковаго дерева, мы могли бы комбинировать мысленно разные элементы, именно, спеціальный родъ нѣжнаго осязанія, тепла и свѣта.

Тѣла, содержащія ткани, имѣютъ спеціальныя свойства осязанія; и, на основаніи извѣстнаго числа опытовъ, мы дѣлаемся способны къ пониманію другихъ, если они разрѣшаются въ формы, намъ извѣстныя. Слѣпой можетъ часто исполнять это дѣйствіе.

Чувство осязанія, разсматриваемое со включеніемъ мускульнаго упражненія, составляетъ область для построенія степеней какъ относящихся къ осязанію величины и формы, такъ и давленія и сопротивленія.

Въ чувствѣ слуха встрѣчаются частые случаи для построительности. Мы можемъ быть приглашаемы понимать неслышанные звуки, какъ грохотъ землетрясенія, трескъ падающаго дома, крикъ войска въ рукопашной схваткѣ. Описывающій эти случаи долженъ

обращаться къ нѣкоторымъ извѣстнымъ намъ звукамъ, которые, будучи скомбинированы и усилены, приближались бы къ дѣйствительности. Ухо, воспріимчивое къ звукамъ вообще и спеціальному комбинированію ихъ заключаетъ въ себѣ условіяуспѣха.

Въ зрѣніи, построительность облегчается интеллектуальнымъ качествомъ этого чувства. Данный тусклый цвѣтъ мы можемъ мысленно сдѣлать блестящимъ или свѣтлымъ. Существуетъ болѣе сомнительный фактъ, могли ли бы мы дѣлать построеніе, предложенное Юмомъ, именно, вводить неиспытанную цвѣтовую тѣнь. Такъ какъ всѣ разнообразія цвѣта сводятся къ тремъ первичнымъ цвѣтамъ, то существовала бы возможность рисованія новыхъ тѣней. Примѣръ Гоббса, золотая гора, составляетъ сравнительно легкій классъ построеній измѣненія цвѣта въ данной формѣ; таковы суть бѣлый воронъ, комната, когда ее разрисовываютъ, рисунокъ, когда набрасываютъ на него цвѣта, Лондонъ, построенный изъ камня Эдинбурга или Парижа. Здѣсь намъ нужно разъединить или удалить одинъ элементъ и ввести другой, дѣйствіе, которое можетъ весьма много встрѣтить или сопротивленія или помощи, со стороны чувствованій: цвѣтъ, самъ по себѣ болѣе пріятный, можетъ приставать къ намъ по преимуществу. Другой классъ заключаетъ въ себѣ совокупность новыхъ формъ, какъ, напримѣръ, сирена, драконъ, химера, Мильтоновскія картины грѣха и смерти.

Готовый запасъ комбинированныхъ элементовъ есть также важное условіе успѣха. Итакъ, что бы намъ обладать постоянно новымъ образомъ, образовавшимся чрезъ построеніе, мы должны продолжить или повторить усиліе, какъ для какого нибудь другого желаемаго воспоминанія.

Построеніе новыхъ эмоцій.

8. Примѣры могутъ быть взяты изъ высшихъ эмоцій.

Самыя простыя эмоціи, какъ удивленіе, страхъ, любовь, сила должны быть извѣстны по опыту. Хотя мы способны разрѣшить на простые элементы, самодовольство, гнѣвъ, интеллектуальныя эмоціи, художественныя и нравственныя чувства, однако нѣкоторый опытъ долженъ быть сдѣланъ и надъ ними въ ихъ сложности, съ цѣлію расширить построительную основу.

Простѣйшее упражненіе построенія могло бы измѣнить степень ка-

кой-либо эмоціи; такъ бываетъ, когда мы, входимъ въ чувства другого лица, обыкновенно болѣе или менѣе мужественнаго, любящаго, самодовольнаго, раздражительнаго, чѣмъ мы сами. Поэтому, бываетъ нужно увеличить или уменьшить наши извѣстныя состоянія чувства, вмѣстѣ съ ихъ побочными обстоятельствами и слѣдствіями. Мы не должны бы только стараться усилить наше воспріятіе, напримѣръ, мужества; мы должны бы были также имѣть знакомство съ случаями его, его выраженіемъ и результатами, которые, будучи умножены, поддерживали бы готовность усилить собственную эмоцію. Въ качествѣ значительной помощи, мы можемъ возвратиться къ тому случаю, когда наше собственное чувство было случайно возбуждено въ сильной степени.

Человѣкъ, имѣющій слабую эмоціональную организацію, обыкновенно бываетъ не способенъ реализировать темпераментъ противоположнаго характера, развѣ только черезъ дѣйствительно сильное упражненіе. Такъ случается съ особой, надѣленной слабой волей, но старающейся представлять изъ себя человѣка энергичнаго. Существуетъ естественное отвращеніе къ дѣйствительной попыткѣ выходить такъ далеко изъ нашихъпредѣловъ; отсюда—положеніе: чтобы узнать человѣка, мы должны любить его.

Еще болѣе частое упражненіе существуетъ для передачи родственной эмоціи новому предмету. Это есть путь, которымъ мы входимъ во вкусы и склонности другихъ людей, въ ихъ опасенія, ненависти и антипатіи. Чувства находятся въ насъ самихъ, и мы можемъ, черезъ усиліе построенія, предполагать ихъ существующими въ другихъ предметахъ. Честолюбіе, по своей основѣ, тоже самое для мірской ли или для духовной силы для оффиціальнаго вліянія или для интеллектуальнаго и нравственнаго. Чувство обожанія, по своему роду, сходно, каковы бы ни были предметы обожанія, однако значительное усиліе было бы необходимо для христіанина, чтобы войти въ образъ чувствованій язычника, или для кальвиниста, чтобы сочувствовать приверженцу Рима.

Авторы поэтическихъ произведеній и романовъ должны развивать формы характеровъ, весьма не сходныя съ ихъ собственнымъ, и это требуетъ эмоціальной построительности. Въ такихъ случаяхъ было бы желательно обуздать фантастическое приспособленіе, посредствомъ дѣйствительнаго наблюденія индивидовъ, ближе подходящихъ къ разсматриваемому типу. Таково обычное теченіе дѣла у романистовъ, когда изображаемый характеръ далекъ отъ ихъ собственнаго. У Гёте „Schöne Seele“ или „Прекрасная душа“въ Вильгельмѣ Мейстерѣ обязана знакомству съ дѣйствительною личностію.

Конкретно-абстрактныя построенія.

9. Образованіе изъ абстрактныхъ элементовъ конкретныхъ образовъ составляетъ приложеніе построительности.

Мы можемъ соединять вмѣстѣ величину, форму и цвѣтъ въ извѣстный конкретный, видимый образъ; какъ напримѣръ, когда насъ просятъ представить самимъ себѣ золотой слитокъ извѣстныхъ размѣровъ. Подобнымъ образомъ мы можемъ представить строеніе по его плану, высотѣ и извѣстному матерьялу. Легкость, въ этихъ случаяхъ, зависитъ, по большей части, отъ удержанныхъ цвѣтовыхъ идей. Гдѣ существуетъ большая сложность формы, тамъ нѣчто зависитъ отъ мускульной способности глаза.

Другой случай состоитъ въ представленіи извѣстной страны на основаніи карты, дѣйствительныхъ измѣреній, а также и данныхъ цвѣтовъ. Умъ долженъ попытаться овладѣть ими на столько живо, на сколько дозволяетъ память, самымъ точнымъ образомъ отвѣчающая описаннымъ элементамъ, и посредствомъ акта воли имѣть ихъ въ виду, доколѣ они не превратятся въ конкретный образъ. Или, мы можемъ выходить изъ хорошо припомненнаго конкретнаго образа, выдѣлять и вносить извѣстныя части, доколѣ не получатся данные элементы.

По существу таже самая операція происходитъ въ рисованіи предъ собой минералловъ, растеній и животныхъ, по ихъ описаніямъ, съ чертежами или безъ помощи ихъ.

Реализація воспроизведенія или описаніе.

10. Реализація словесныхъ описаній или другихъ воспроизведеній неиспытанныхъ предметовъ есть процессъ построенія.

Это—ни что иное, какъ продолженіе предъидущихъ случаевъ. Языкъ, картины, скульптурныя формы, модели и діаграммы суть виды указанія на элементы, умственная комбинація которыхъ даетъ идею желаемаго предмета. Показаніе, какъ описывать предметы, чтобы всего лучше помочь уму въ пониманіи ихъ составляетъ часть риторическаго искусства.

Реализація вещей, неиспытанныхъ лично, но выступившихъ предъ нами въ формѣ описанія или другомъ видѣ, составляетъ главное средство подѣйствовать на пониманіе или воспріятіе, иногда раз-

сматриваемое какъ одна изъ интеллектуальныхъ способностей. Она идетъ далѣе памяти, такъ какъ есть упражненіе построительности, и стоитъ ниже воображенія въ собственномъ смыслѣ, какъ не содержащая въ себѣ никакой дѣятельности оригинальной или изобрѣтающей.

Построенія въ наукѣ.

11. Абстракціи, индукціи, дедукціи и опытныя открытія въ наукѣ, уже разсмотрѣнныя въ ассоціаціи сходства, подразумѣваютъ также и построительность.

Начнемъ съ абстракціи. Мы можемъ представить извѣстную форму посредствомъ очертанія діаграммы, какъ у Эвклида. Но это, какъ дающее опредѣленный размѣръ, цвѣтъ и матерьялъ, не есть абстракція. Самый совершенный типъ абстрактной идеи это—словесное опредѣленіе, которое есть построеніе языка, способнаго исключать все, не идущее къ обобщаемому аттрибуту. Опредѣленіе „линія есть длина безъ ширины“ есть словесное построеніе, стремящееся дать то, что принадлежитъ линіи въ отвлеченіи. Тоже самое въ научныхъ опредѣленіяхъ вообще; инерція, полярность, тепло́, клѣточка, животное, душа и т. д. Со стороны первыхъ творцовъ, они возбуждаютъ оригинальное построеніе, которое постепенно развивалось, доколѣ не приняло словесную форму, сообразную со всѣми индивидами, и принимаемую всѣми.

Индукція не представляетъ никакой особенности. Всѣ индукціи въ концѣ концовъ образуются и закрѣпляются точнымъ языкомъ, выражающимъ ни болѣе, ни менѣе того, что обще фактамъ, обнимаемымъ каждою изъ нихъ. Иногда индукція слагается изъ числовыхъ и геометрическихъ элементовъ, какъ напр. законы Кеплера и законъ синусовъ Снелля. Они подразумѣваютъ, прежде всего, открытія сходства.

Дедуктивныя науки состоятъ изъ обширнаго механизма, обнаруживающаго, въ замѣчательной степени, творческіе или построительные, процессы ума, въ противоположность чисто воспроизводительнымъ. Природа не даетъ готовыхъ кубическихъ уравненій, химическихъ формулъ или силлогистическихъ схемъ. Они слагаются медленно и постепенно, изъ элементарныхъ символовъ, и построенія управляются и сдерживаются преслѣдуемыми цѣлями.

Открытія экспериментальныхъ наукъ суть болѣе очевидный и ясный видъ построительности, составленной по большей части изъ ма-

терьяльныхъ дѣятельностей. Первый изобрѣтатель какого либо инструмента, какъ напр. воздушной машины, могъ имѣть нѣкоторыя прежнія орудія для содѣйствія, какъ напр. обычный водяной насосъ, орудія для заключенія воздуха и др., и ихъ онъ старался видоизмѣнить и приспособить къ новой цѣли.

Практическія построенія.

13. Во всѣхъ областяхъ практики существуютъ примѣры построительной системы.

Открытія и изобрѣтенія механическихъ искусствъ состоятъ въ строеніи, отвѣчающемъ цѣли. Они могутъ быть описаны терминами, которые ранѣе были приложимы къ опытнымъ открытіямъ въ области наукъ.

Простое перенесеніе, въ силу сходства, механизма уже бывшаго въ употребленіи, на новый случай, составляетъ первый видъ практическаго изобрѣтенія; таково, напримѣръ, распространеніе колеса и шестерни на всѣ роды механизмовъ. Но гораздо большая сумма успѣха въ механизмѣ вызывается совершенно новыми твореніями, какъ, напр., въ первичномъ открытіи механическихъ силъ насоса, плавки металловъ, приложеніи хирургіи. Здѣсь должна существовать извѣстная сумма случайныхъ условій, связанныхъ съ началомъ; но эти случайныя обстоятельства должны попадать въ руки людей, подготовленныхъ особымъ складомъ ума и обращеніемъ съ этими предметами. Главныя качества изобрѣтающаго генія въ области практической суть— интеллектуальное знакомство съ предлежащимъ предметомъ открытій, дѣятельность темперамента, направленнаго на совершеніе опытовъ, и увлеченіе или очарованіе предметомъ. Такіе люди, какъ Кеплеръ, Гукъ, Пристли, Джемсъ Уаттъ, сэръ Вильямъ Гершель соединяли интеллектуальные, активные и эмоціональные элементы великихъ изобрѣтателей въ искусствахъ. Къ источникамъ знанія они прибавляютъ одинаково неистощимое дарованіе, состоящее изъ дѣятельности и эмоціональнаго интереса,—именно, неустанное изысканіе и экспериментацію. Чисто ручная ловкость также составляетъ одинъ изъ элементовъ въ механической построительности.

Подобныя качества принадлежатъ устроителямъ практическихъ предпріятій соціальной организаціи, закона и администраціи. Иногда бываетъ довольно простой черты сходства, но чаще бываетъ нуженъ длинный рядъ попытокъ, оканчивающихся построеніемъ,

соотвѣтствующимъ искомому предмету. Организація арміи, веденіе общественныхъ счетовъ, завѣдываніе обширной фабрикой есть результатъ безчисленныхъ попытокъ, провѣряемыхъ благодаря чувствуемому соотвѣствію цѣлямъ.

Качество ума, называемое сужденіемъ, имѣетъ значеніе въ отношеніи къ построенію, будучи яснымъ чувствомъ искомой цѣли и чувствомъ соотвѣтствія построенія этой цѣли. Сужденіе стоитъ часто въ противорѣчіи съ природной или интеллектуальной плодовитостью; оно не даетъ новыхъ идей, но провѣряетъ уже готовыя. Существуютъ различныя препятствія для дѣятельности строгаго сужденія относительно соотвѣтствія средствъ цѣлямъ;—нетерпѣливость труда въ повтореніи построеній, самомнѣніе и слабое чувство важности пріобрѣтаемыхъ предметовъ. Веллингтонъ, по общему признанію, былъ человѣкомъ замѣчательной разсудительности, особенно въ военныхъ дѣлахъ.

Приспособленіе чьихъ либо взглядовъ и плановъ къ мнѣніямъ другихъ, какъ напр., въ отрасли управленія, есть случай, содержащій всѣ элементы построительности. Сообразно съ количествомъ выполняемыхъ условій, дѣйствіе бываетъ болѣе продолжительнымъ, умственная борьба болѣе серьезной, является бо̀льшій запросъ на разнообразіе побужденій, продуктъ ассоціирующихъ силъ, работающихъ на основаніи прежняго знанія. Долгій опытъ, посредствомъ приспособленія построеній уже готовыхъ, сокращаетъ трудъ въ изслѣдованіи новыхъ случаевъ.

Подражаніе модели есть примѣръ построенія. Модель можетъ измѣняться въ извѣстныхъ свойствахъ, сообразно съ предстоящимъ наличнымъ случаемъ; какъ напр., одинъ парламентскій актъ разбивается о другой. Легкость построенія зависитъ отъ предстоящихъ уму модели и построяемаго по ней предмета. Если тотъ и другой бываютъ совершенно сродны, комбинація появляется легко и почти безсознательно.

Въ ораторскомъ искусствѣ встрѣчается безпрерывный рядъ построеній; рѣдко случается повторять одну и туже форму словъ. Ораторъ имѣетъ передъ собой, подобно „disjecta membra,“ извѣстную мысль, которая должна быть выражена, и предложенія, подходящія къ выраженію этой мысли; онъ обладаетъ также идеей размѣра, жеста и другими требованіями. Имѣя всѣ эти элементы въ полномъ распоряженіи, онъ соединяетъ ихъ согласно требуемой формѣ съ быстротою, приводящею въ удивленіе. Быстрые и остроумные отвѣты производятъ удивленіе, благодаря живости

комбинирующей операціи. Еще болѣе замѣчательны, въ этомъ отношеніи, итальянскіе импровизаторы; ихъ легкость обязана изобилію у нихъ готовыхъ, сформированныхъ комбинацій.

Построеніе подъ вліяніемъ чувства.

13. Свойство нѣкоторыхъ построеній состоитъ въ удовлетвореніи какого либо непосредственнаго чувства, или эмоціи,—какъ напр. страха, любви, гнѣва, красоты, нравственнаго чувства.

Предполагается, что мы сильно волнуемся извѣстной эмоціей и сообщаемъ ея тонъ построеніямъ мысли.

Въ главѣ о сложной ассоціаціи было замѣчено относительно дѣйствія чувствъ въ чистомъ воспоминаніи; то же самое дѣйствіе открывается далѣе въ новыхъ построеніяхъ. Въ сильномъ страхѣ мы рисуемъ образы опасности; въ общемъ поднятіи духа, всѣ наши образы принимаютъ розовую форму. Пылкій, восторженный темпераментъ Вордсворта и Шелли изображаютъ природу въ блестящихъ краскахъ. Всѣ образы, вызываемые посредствомъ интеллектуальнаго возбужденія, формируются и приспособляются до тѣхъ поръ, пока они не будутъ отвѣчать господствующей эмоціи.

Поясненія этого рода построительности—многочисленны. Въ литературныхъ произведеніяхъ мы открываемъ эмоціональную природу писателей, равно какъ ихъ знанія и складъ мыслей; пламенная геніальность Шекспира, надменная гордость Мильтона, мягкость Аддисона и мрачное глумленіе Свифта.

Односторонность или вліяніе чувствъ на истину и ложность означаетъ образованіе фактовъ и доктринъ въ соотвѣтствіи съ чувствомъ. Собственно говоря, это вліяніе восполняется построительнымъ дѣйствіемъ, извлеченіемъ и вставкой въ частяхъ и свойствахъ, пока извѣстное чувство не будетъ съ нимъ въ соотвѣтствіи. Такимъ образомъ происходитъ, что многія теоріи философіи были созданы соотвѣственно достоинству природы или скорѣе чувства того, что признается достойнымъ въ умѣ теоретика.

Миѳъ есть построеніе, на столько управляемое чувствомъ, что дѣлаетъ очевиднымъ только чувство, а не самый фактъ. Таковы суть греческія легенды, касающіяся божественнаго и героическаго происхожденія или различныхъ племенъ; и легенды о святыхъ и замѣчательныхъ людяхъ въ болѣе позднія времена.

Естественное влеченіе ума къ чему то лежащему за фактомъ и дѣй-

ствительностью служитъ мотивомъ идеальныхъ гиперболическихъ твореній. Интеллектуальные процессы подразумѣваютъ извѣстный матеріалъ; различныя построенія испытываются и отбрасываются до тѣхъ поръ, пока не будутъ согласны съ чувствомъ.

14. Построенія въ области изящныхъ искусствъ создаются вообще согласно съ эстетическими чувствованіями, или вкусомъ художника.

Что это за чувствованія подробнѣе будетъ разсмотрѣно послѣ. Они отличны отъ чувствованій, которыя ведутъ насъ къ научнымъ и практическимъ построеніямъ, изъ которыхъ ни одно не можетъ быть безъ извѣстнаго мотива, (въ концѣ концовъ основывающагося на чувствѣ).

Напримѣръ, ничего не требуется въ искусствѣ съ такою настойчивостію какъ удовлетвореніе чувству гармоніи. Возьмемъ, напримѣръ, поэзію. Образы должны гармонировать съ чувствами; характеры, кромѣ ихъ согласія съ самими собой, должны быть размѣщены въ соотвѣтствующія сцены и положенія; языкъ долженъ быть существенно мелодиченъ, а также согласенъ съ излагаемымъ предметомъ. Сочетаніе должно быть выдоизмѣняемо въ соподчиненіи съ этимъ высшимъ требованіемъ. Попытки могутъ быть многочисленны и продолжительны, но главные элементы успѣха должны быть извѣстны теперь. Здѣсь должно существовать вліяніе языка на подборъ. Чувство гармоніи должно быть сильно и тонко и воплощено въ многочисленныхъ знакомыхъ примѣрахъ. Съ богатымъ матеріаломъ и опредѣленнымъ чувствомъ эффекта выполненіе составляетъ рядъ попытокъ, продолжающихся до тѣхъ поръ, пока результатъ, не будетъ вполнѣ гармонировать съ чувствомъ художника.

15. *Воображеніе* всего характеристичнѣе выражается въ художественномъ построеніи. Главные элементы воображенія суть: 1) конкретность, 2) оригинальность или изобрѣтательность и 3) присутствіе какой-либо эмоціи.

1). Воображеніе имѣетъ своимъ предметомъ *конкретное*, реальное или дѣйствительное, въ противоположность абстракціямъ и обобщеніямъ, которыя составляютъ сущность науки и отчасти практическихъ искусствъ. Полная окраска дѣйствительности предполагается входящею въ наше воображеніе, сцены въ природѣ или событіе въ исторіи. Изобразить высадку Юлія Цезаря въ Британію—значитъ отпечатлѣть видимую обстановку сцены тѣмъ-же самымъ способомъ—хотя

безъ живости, подробности и полноты—какъ могъ бы вспомнить это дѣйствительный зритель. Ощущеніе, память, воспріятіе, воображеніе одинаково имѣютъ дѣло съ полнотой дѣйствительнаго міра въ противоположность чистымъ абстракціямъ.

2). Воображеніе указываетъ далѣе на нѣкоторую оригинальность, новизну, изобрѣтательность или творчество со стороны воображающаго ума, а не простое только воспроизведеніе прежнихъ формъ. Оно занимаетъ такое же мѣсто, какъ и построительный процессъ, возвышающійся какъ надъ памятью, такъ и надъ воспріятіемъ. Названіе это случайно употребляется въ смыслѣ реализаціи и описанія или пониманія, которое представляется намъ посредствомъ языка; но такое употребленіе не желательно, какъ смѣшивающее два очень различныя дѣйствія, изъ которыхъ низшее достаточно означать другими словами. Главное назначеніе термина „воображеніе"—служить для обозначенія оригинальности; посредствомъ сильнаго воображенія, мы выражаемъ широкую область творческаго напряженія, какъ напримѣръ, въ величайшихъ произведеніяхъ поэзіи или другихъ изящныхъ искусствъ. Слово это, въ его лучшемъ значеніи, тожественно съ художественною построительностію, какъ это будетъ ясно изъ дальнѣйшаго.

3). Воображеніе бываетъ подвержено какой либо наличной духовной *эмоціи*. Въ объясненіяхъ нѣтъ нужды. Всѣ построенія имѣютъ извѣстную цѣль, послѣднимъ убѣжищемъ которой должно быть какое либо чувство. Насосъ построенъ для удовлетворенія чувства жажды и другихъ потребностей, всецѣло разрѣшимыхъ въ чувствованія. Геометрическая діаграмма направлена на то, что бы дать нѣкоторое удовлетвореніе, близкое или отдаленное.

Чувствованія или эмоціи, управляющія построеніями воображенія, суть, во первыхъ, эстетическія эмоціи, или эмоціи изящныхъ искусствъ. Извѣстное, удовлетворяющее имъ построеніе не исключаетъ ни науки (теоріи), ни практики. Потерянный Рай есть работа воображенія; элементы Эвклида и китайская стѣна не суть работа воображенія. Когда извѣстное полезное произведеніе получаетъ форму, видъ и украшеніе, что бы удовлетворять эстетической чувствительности, происходитъ комбинація воображенія съ практическою построительностью.

Во вторыхъ, воображеніе можетъ быть употребляемо для выраженія *отклоненія*, даваемаго настоящими эмоціями построеніямъ въ области истины или пользы, когда мы, напримѣръ, извращаемъ факты, благодаря нашимъ опасеніямъ, склонностямъ, анти-

патіямъ или нашимъ артистическимъ чувствованіямъ. Искажающее вліяніе чувствованій, въ области ли познанія или практической жизни, часто описывается въ формѣ воображенія, втершагося въ область разума, хотя послѣдній самъ долженъ дѣйствовать по цѣлямъ, и эти цѣли должны имѣть центръ въ чувствованіяхъ. Бываютъ чувствованія, которыя служатъ для разума точкою отправленія; бываютъ и такія, которыя вмѣшиваются незаконно; и дать дорогу этимъ послѣднимъ, (которыя суть: или эстетическія чувствованія или тѣсно съ ними связанныя) значитъ подпасть подъ вліяніе воображенія.

Названіе фантазіи (греческое *phantasia*) прилагается къ такимъ произведеніямъ, которыя всего больше отдалены отъ природы, факта или трезвой дѣйствительности. Изображенія волшебной страны и сверхъ естественнаго суть произведенія фантазіи. Свѣтлый, игривый художественный талантъ, противополагаемый мыслительному, тяжелому и серьезному, носитъ названіе фантастическаго. „Comus,“ сравнительно съ Потеряннымъ Раемъ, есть произведеніе фантазіи.

Идеальность или идеалъ есть другое названіе для воображенія. Оно означаетъ болѣе спеціальную тенденцію витать выше предѣловъ дѣйствительности и комбинировать сцены, гдѣ наши стремленія и желанія могутъ находить удовлетреніе только въ идеѣ; здѣсь не представляется ничего, чтобы насъ удовлетворяло въ мірѣ дѣйствительности.

КНИГА III.

ЭМОЦІИ.

ГЛАВА I.

Чувствованіе вообще.

1. Изъ двухъ главныхъ видовъ чувствованій—ощущеній (съ мускульными чувствованіями) и эмоцій—теперь намъ нужно остановиться на второмъ изъ нихъ. Въ качествѣ введенія, полезно будетъ резюмировать характеръ чувствованія вообще.

Мускульныя ощущенія и ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ суть первичныя чувствованія, происходящія изъ непосредственнаго дѣйствія внѣшнихъ предметовъ съ minimum'омъ интеллектуальныхъ процессовъ и характера. Собственно эмоціи суть состоянія вторичныя или производныя и заключаютъ въ себѣ интеллектъ.

2. Съ положительной стороны, чувствованіе обнимаетъ собой удовольствія и страданія и состоянія возбужденія, не составляющія ни того, ни другого. Съ отрицательной стороны, чувствованіе противополагается волѣ и интеллекту.

Если бы чувствованіе сводилось къ удовольствію и страданію, (какъ это утверждаетъ Гамильтонъ), существовала бы полная опредѣленность этихъ двухъ состояній въ нашемъ опытѣ. Но нѣкоторые виды сознанія—ни пріятные, ни не пріятные, обнимаемые терминомъ „возбужденіе", также считаются чувствованіями. Отсюда—крайняя неустойчивость и неопредѣленность въ области чувствованій.

Существуютъ только три конечные вида духа—чувство, воля и интеллектъ. Воля есть дѣйствіе подъ вліяніемъ чувства; разность (*differentia*) ея состоитъ, поэтому, въ активной энергіи, направленной на извѣстную цѣль, что составляетъ отличительное и точно опредѣленное свойство. Интеллектъ заключаетъ въ себѣ три составныя свойства—различенія, сходства, удерживанія,—всѣ совершенно ясныя сами по себѣ. Опредѣленность, приложимая къ волѣ и интеллекту даетъ вѣрное *отрицательное* опредѣленіе чувства. Такимъ образомъ, чувство должно быть разсматриваемо, какъ такое умственное (духовное) состояніе, которое не есть дѣйствіе, ведущее къ извѣстной цѣли, и къ которому не идутъ свойства—различенія, сходства или удерживанія.

3. Чувствованіе разсматривается съ двоякой стороны физической и духовной.

Физическая сторона обнимаетъ всѣ тѣ органы, которые признаются связанными съ умственными операціями, каковы мозгъ, мускулы, чувства и выдѣляющіе органы.

Способъ дѣйствія этихъ органовъ, подъ состояніями чувствованія, выражается въ двухъ великихъ законахъ—относительности и разсѣянія.

Подробности этого были уже раскрыты нами въ первой книгѣ, теперь же достаточно сдѣлать только краткую ссылку на эти законы.

4. Принципъ *относительности*, съ его чисто *физической* стороны, выражаетъ тотъ фактъ, что для возникновенія чувствованія необходимо, чтобы произошло нѣкоторое измѣненіе въ формѣ или интенсивности мозговаго и другихъ процессовъ.

Доказательства въ пользу принципа относительности обнимаютъ вмѣстѣ какъ физическую, такъ и духовную стороны. Едва ли возможно отдѣлить эти двѣ стороны и на языкѣ; самыя извѣстныя наши названія имѣютъ отношеніе къ обоимъ видамъ. Слово *впечатлѣніе* внушаетъ какъ физическое, такъ и духовное явленіе.

5. Законъ *разсѣянія* выражается такимъ образомъ: „смотря по тому, на сколько извѣстное впечатлѣніе сопровождается чувствованіемъ, возбужденные токи *распространяются* свободно на мозгъ, приводя въ общее возбужденіе какъ органы движенія, такъ и внутренность (viscera).

Законъ этотъ, разсматриваемый въ подробностяхъ, прилагался уже къ выраженію или воплощенію чувствованій. Каждое чувствованіе, соотвѣтственно его силѣ, сопровождается движеніями и измѣненіями въ органическихъ функціяхъ. Если какое-либо чувствованіе не имѣетъ такихъ видимыхъ спутниковъ, мы заключаемъ, что оно или слабо, или что оно сдерживается усиліемъ воли, или, быть можетъ, есть привычное.

О физическомъ основаніи широкаго различія удовольствія и страданія было подробно говорено въ I-ой книгѣ, главѣ IV (стр. 85—6).

Характеръ чувствованія.

6. Характеръ чувствованій бываетъ: 1) чувствовательный въ собственномъ смыслѣ (эмоціональный), 2) относящійся къ волѣ (волевой), 3) относящійся къ мысли (интелектуальный) и 4) смѣшанный, заключающій въ себѣ предусмотрительность, желаніе и вѣру.

Эмоціональный характеръ чувствованій.

7. Каждое чувствованіе имѣетъ свою характеристическую *физическую* сторону.

Въ отношеніи къ внѣшнимъ чувствамъ могутъ быть указаны какъ отдѣльное *происхожденіе* или дѣйствіе, такъ и *разливиіаяся* волна эффектовъ, выраженіе или внѣшнее воплощеніе извѣстнаго состоянія. Въ эмоціяхъ физическое происхожденіе менѣе опредѣлимо, такъ какъ здѣсь предполагается соединеніе ощущеній одного съ другимъ и идеями; поэтому разсѣяніе или выраженіе становится главнымъ фактомъ. Въ противоположныхъ состояніяхъ удовольствія и страданія, или въ такихъ важныхъ эмоціямъ, какъ удивленіе страхъ, любовь и проч., внѣшнее выраженіе замѣчательно характеристично.

8. Съ *духовной* стороны мы различаемъ: *качество* (удовольствіе, страданіе, безразличіе); *степень* въ двухъ видахъ—интенсивности и количества и *специальныя особенности*.

Качество. Этимъ свойствомъ опредѣляется основное различіе удовольствія и страданія, составляющихъ сумму всѣхъ человѣческихъ интересовъ, цѣль всѣхъ стремленій. Счастье и несчастье это—названія агрегатовъ или суммъ удовольствій и страданій. Каждое изъ нихъ, напр. счастье, можетъ быть опредѣлено, какъ преизбытокъ, получаемый отъ разности между удовольствіемъ и страданіемъ.

Мы можемъ имѣть чувствованіе внѣ какого либо удовольствія или страданія. Удивленіе—весьма обычный примѣръ этого. Нѣкоторые виды удивленія даютъ намъ наслажденіе, другіе причиняютъ страданія, но многіе не даютъ ни того, ни другого. Мучительная эмоція можетъ быть чужда страданія, и, однако, способна приводить насъ въ состояніе возбужденія; или, что еще чаще,—радостная эмоція можетъ прекратиться, какъ наслажденіе, но не какъ чувствованіе. Терминъ „возбужденія" приложимъ ко многимъ такимъ состояніямъ. Такъ, можетъ существовать извѣстный итогъ удовольствія или страданія, но мы сознаемъ изъ этого итога только лишь волненіе или возбужденіе.

Степень. Степень или напряженность чувствованія допускаетъ два различные вида—собственно интенсивность или остроту и количество или массу. Уколъ остраго орудія производитъ острое страданіе, тяжесть общаго утомленія—массивное. Безспорно, что въ остротѣ существуетъ напряженная стимуляція небольшой поверхности, въ массивномъ же чувствованіи—легкая стимуляція обширной поверхности.

Острыя удовольствія и страданія стимулируютъ волю и вліяютъ на интеллектъ, быть можетъ, сильнѣе, чѣмъ эквивалентная стимуляція массивнаго характера. Отсюда—живучесть ихъ какъ мотивовъ.

Въ наказаніи острыя страданія имѣютъ преимущество по части устрашенія, хотя они и не подвергаютъ опасности здоровье.

Массивныя удовольствія имѣютъ способность успокоивать болѣзненную дѣятельность и склонять къ нѣжнымъ эмоціямъ. Массивныя страданія извѣстны подъ названіемъ угнетенія, печали, меланхоліи, отчаянія. Итогъ ихъ опредѣляется благодаря удовольствію, которое они могутъ нейтрализовать. Они смягчаютъ и ослабляютъ настроеніе нервной системы, не благопріятствуютъ свободной дѣятельности, хотя сила ихъ мотива должна быть велика. Они сильны въ отношеніи удерживанія отъ тѣхъ дѣйствій, изъ которыхъ возникаютъ эти состоянія.

Въ отношеніи *спеціальныхъ* особенностей примѣры были даны уже въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ внѣшнихъ чувствъ.

Волевой характеръ чувствованія.

9. Воля движется чувствованіями: удовольствіе производитъ стремленіе, страданіе—отвращеніе. Отсюда, свободныя дѣйствія суть дальнѣйшій ключъ къ состояніямъ чувствованій. Тамъ, гдѣ нѣтъ прямого стимула для воли, существуетъ нейтральное возбужденіе.

По скольку энергія стремленія или отвращенія стоитъ въ соотвѣтствіи со степенью удовольствія или страданія предполагая, что все прочее остается тоже самое, по стольку мы обладаемъ какъ прибавочнымъ характеромъ тѣхъ чувствованій, такъ и важнымъ указаніемъ ихъ присутствія и объема въ человѣческихъ существахъ.

Нейтральныя чувствованія управляютъ дѣйствіями только посредствомъ *господствующей* идеи (idea fixa), благодаря которой сила волненія переносится на дѣйствія воли, подобно вліянію удовольствія и страданія.

Интеллектуальный характеръ чувствованія.

10. Чувствованіе, разсматриваемое въ отношеніи къ которому либо изъ трехъ свойствъ—различенію, сходству и удерживанію—принимаетъ интеллектуальный характеръ и предваряетъ соотвѣтствующее, собственно интеллектуальное состояніе. Но такъ какъ извѣстная степень идеальнаго постоянства и воспоминаемости принадлежитъ всѣмъ

чувствамъ, и значенiе ихъ связано съ способностiю памяти, то это свойство мы можемъ разсматривать въ качествѣ ихъ интеллектуальнаго аттрибута.

Чувствованiя имѣютъ не одинаковую важность смотря съ одной стороны потому, на сколько быстро они проходятъ и забываются, съ другой—на сколько легко они могутъ быть воспроизведены впослѣдствiи, единственно посредствомъ умственнаго внушенiя. Сильныя потрясенiя физическаго страданiя, какъ напр. въ органическихъ ощущенiяхъ, вспоминаются не легко. Удовольствiя и страданiя высшихъ чувствъ обладаютъ большею удерживаемостiю; а чувствованiя, связанныя съ нѣкоторыми спецiальными эмоцiями, какъ напр. нѣжной эмоцiей, гордости и пр. воспроизводятся въ памяти, кажется, еще лучше. Одно изъ свойствъ *утонченности* (refinement) въ приложенiи къ удовольствiямъ состоитъ въ болѣе легкомъ сохраненiи ихъ въ идеальномъ состоянiи; въ этомъ смыслѣ интеллектуальныя чувства даютъ болѣе тонкiя удовольствiя, чѣмъ вкусъ или обонянiе.

Дальнѣйшiя объясненiя удерживанiя чувствованiй будутъ даны ниже.

Смѣшанный характеръ чувствованiя.

11. Разсмотрѣнiе чувствованiя подъ интеллектуальнымъ аттрибутомъ удерживанiя или идейнаго постоянства входитъ въ природу предусморительности или благоразумiя.

Извѣстное дѣйствительное чувство, какъ напр. голода, возбуждаетъ волю, соотвѣтственно его силѣ или степени; тоже самое чувство, въ состоянiи предвкушенiя, имѣетъ силу аналогичную съ силой дѣйствительнаго чувства, присоединяется къ нему въ идеѣ, которая основывается на удерживающей способности ума прошедшихъ состоянiй этого чувства. Чувство, какъ бы оно ни было сильно въ дѣйствительности, если воспроисводится слабо, не будетъ имѣть никакой силы, чтобы побуждать къ чему либо стремиться, или чего либо избѣгать. По скольку воспоминанiе объ удовольствiи приближается по своей живости къ дѣйствительности, энергiя воли поддерживается на этотъ счетъ и при отсутствiи дѣйствительности; стремленiе, такимъ образомъ, бываетъ обезпечено, хотя приложенiе его бываетъ иногда только случайно.

12. Состоянiе желанiя основывается на удерживанiи умомъ опытовъ удовольствiя и страданiя.

Желаніе есть смѣшанное свойство. Извѣстное удовольствіе предносится уму въ формѣ идеи; идея однако является ограниченнѣе, слабѣе оригинала; сознаніе этой сравнительной слабости мучительно и побуждаетъ насъ реализировать полную дѣйствительность.

13. Свойство каждаго чувствованія состоитъ въ томъ, чтобы занять умъ, т. е. остановить вниманіе на извѣстной причинѣ или извѣстномъ объектѣ чувствованія и исключить другіе объекты.

Это одинаково приложимо какъ къ удовольствіямъ и страданіямъ, такъ и къ нейтральному возбужденію съ тѣми видоизмѣненіями, которыя обязаны характеристическимъ свойствамъ трехъ видовъ чувствованій.

Удовольствіе, какъ такое, задерживаетъ умственныя операціи; очарованіе какимъ либо спектаклемъ или музыкальной аріей бываетъ всепоглощающе. Отсюда, пріятныя эмоціи таковы, что самымъ сильнымъ образомъ овладѣваютъ нашимъ вниманіемъ и устраняютъ всякую попытку, направленную къ отклоненію ихъ. Если имѣть въ виду исключительно только этотъ случай, мы можемъ предположить, что поглощеніе было обязано удовольствію, какъ такому.

Извѣстенъ, однако, фактъ, что страдательныя чувствованія имѣютъ силу удерживать и плѣнять умъ. Такой фактъ является противорѣчіемъ дѣйствію страданія, какъ такого, сводство котораго— избѣгать всего того, что его причиняетъ; мы закрываемъ уши при диссонансѣ и отворачиваемъ глаза отъ вида, производящаго головокруженіе. Но голый фактъ нашего возбужденія идеей страданія остается въ умѣ: мы не можемъ изгнать его, хотя бы и желали; дѣйствительный опытъ часто усиливаетъ умственное возбужденіе, которое ведетъ къ увеличенію его постоянства (неизмѣнности). Такимъ образомъ, страдательное возбужденіе, какъ возбужденіе, или какъ чувство удерживаетъ умъ; хотя, *какъ страданіе*, оно побуждало бы къ отвращенію нашего вниманія отъ причины страданія и прекращенію этого состоянія чувствованія.

Теперь мы можемъ понять характеристическое свойство нейтральныхъ чувствованій. Какъ чувствованія, они удерживаютъ и занимаютъ умъ, хотя и внѣ помощи удовольствія или противодѣйствія, обязаннаго страданію. Удерживаніе это просто на просто обязано силѣ или возбужденію, какъ таковымъ. Извѣстное удивленіе побуждаетъ насъ обратить вниманіе на произведшее его обстоятельство; это есть сила, предотвращающая насъ отъ обращенія вниманія или мысли на другіе предметы. Она контролируетъ наши мысли въ то

время, въ теченіи котораго продолжается извѣстное явленіе, направляя ихъ на предметы, съ нимъ связанные и устраняя другіе, не имѣющіе къ нему отношенія.

14. Вліяніе чувствованій на вѣру бываетъ смѣшаннаго характера.

Это вліяніе можетъ быть понято изъ того, что было сказано только что предъ этимъ. Удовольствіе, какъ такое, вліяетъ на вѣру. Прежде всего, оно вліяетъ на волю въ дѣйствіи или стремленіи, которое сопутствуется вѣрой; тотъ, кто любитъ развлеченія, побуждается къ слѣдованію за ними и вѣритъ (въ противоположность очевидности) въ то, что на пути стремленія къ нимъ, не встрѣтится никакого вреда или опасности. Далѣе, удовольствіе удерживаетъ умъ на предметахъ благопріятныхъ и исключаетъ всѣ размышленія враждебнаго свойства: таково вліяніе на мысли даже и въ томъ случаѣ, когда не существуетъ для свободнаго дѣйствія побудительныхъ причинъ; какое либо мнѣніе, для насъ пріятное, овладѣваетъ нашими мыслями и служитъ враждебной силой противъ внушенія взглядовъ, идущихъ съ нимъ въ разрѣзъ.

Страданіе, какъ такое, побуждало бы насъ отказываться отъ предметовъ и мыслей, которые его причиняютъ и лишало бы насъ вѣры въ тѣ предметы и мысли. Разсказъ о чрезмѣрной жестокости, благодаря именно этому обстоятельству, возбудилъ бы въ насъ невѣріе. Но, благодаря тому возбужденію ума, какое онъ производитъ, онъ овладѣваетъ нашимъ вниманіемъ, болѣзненно сосредоточеннымъ на всѣхъ обстоятельствахъ разсказа и, благодаря сильной напряженности чувствованія и не смотря на чувство страданія, благопріятствуетъ нашему принятію и вѣрѣ въ приводимыя подробности.

Нейтральное возбужденіе, какъ такое, удерживая однѣ мысли, и исключая другія, соотвѣтственно своей напряженности, составляетъ силу по отношенію къ вѣрѣ. До извѣстной степени мы бываемъ расположены вѣрить во все то, что понять и чувствовать мы сильно стремимся.

Такимъ образомъ, всѣ духовныя чувствованія проявляютъ свое участіе въ подъемѣ вѣры, въ противодѣйствіи разсудку и въ извращенномъ сужденіи на счетъ истиннаго и ложнаго.

Истолкованіе и оцѣнка чувствованія.

15. Чтобы узнать чувствованія другихъ людей, мы должны положиться на внѣшніе знаки, истолковываемые нашимъ собствен-

нымъ сознаніемъ. Знаки эти: 1) извѣстное выраженіе, 2) поведеніе и 3) признаки теченія мыслей.

1) Внѣшнее выраженіе или воплощеніе есть ключъ къ природѣ и объему чувствованія.

Это прямо вытекаетъ изъ того факта, что различныя чувствованія выражаются различно, и что чѣмъ сильнѣе извѣстное чувствованіе, тѣмъ сильнѣе и выраженіе.

Въ пониманіи знаковъ чувствованія, выражаемыхъ посредствомъ чертъ лица, голоса, жестовъ и проч., мы должны наблюдать нѣкоторыя предосторожности. Прежде всего, одно и тоже внѣшнее выраженіе можетъ и не отвѣчать у всѣхъ лицъ одной и той же степени чувствованія. Нѣкоторые темпераменты, по самой природѣ, болѣе склонны къ обнаруженію, другіе же—менѣе. Одинъ человѣкъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ давать просторъ обнаруженію чувства, другой же привыкъ къ сдержанному или умѣренному внѣшнему выраженію. Даже у одного и того же лица сила обнаруженій будетъ измѣняться смотря по крѣпости и свѣжести органовъ; молодой человѣкъ бываетъ болѣе подвиженъ, чѣмъ старый, не прибѣгая необходимо къ болѣе сильному возбужденію. Практическій выводъ отсюда—тотъ, что мы должны сдѣлать нѣкоторое изъятіе для темперамента (если онъ можетъ быть опредѣленъ или удостовѣренъ) и для состоянія физической крѣпости, прежде чѣмъ сдѣлаемъ заключеніе о томъ, что наиболѣе кричащее и обнаруживающее лицо болѣе всѣхъ и чувствуетъ.

16. 2) Господствующее поведеніе есть показатель силы чувствованій, особенно въ отношеніи удовольствія и страданія.

Таковъ—законъ воли. Смотря по степени удовольствія, бываетъ побужденіе къ достиженію его; и, смотря по степени страданія, является побужденіе къ избѣжанію его. О силѣ влеченія или склонности—съ одной стороны, и о силѣ нерасположенія—съ другой, мы судимъ по мотиву, побуждающему насъ къ исканію и уклоненію. Мѣрило поведенія является, по всей вѣроятности, болѣе надежнымъ средствомъ, чѣмъ мѣрило выраженія; сочетаніе ихъ обоихъ, само собой понятно, еще больше приближаетъ къ точности.

Исключенія изъ этого критерія суть исключенія изъ общаго закона воли. Въ очень энергическомъ темпераментѣ сила дѣйствія не всегда отвѣчаетъ силѣ чувства; уступка должна быть допущена по отношенію къ силѣ чистой самопроизвольности. Далѣе, постоян-

ная идея можетъ быть тревожащимъ элементомъ, какъ напр. въ страхѣ. Наконецъ, разъ сложившіяся привычки извѣстнаго образа дѣйствій перестаютъ выставлять на видъ силу настоящаго чувствованія.

17. 3) Теченіе мыслей можетъ отражать на себѣ вліяніе чувствованія и свидѣтельствовать о его родѣ и степени.

Мы видѣли уже, что чувствованія удерживаютъ умъ на своихъ предметахъ и, соотвѣтственно своей силѣ, исключаютъ другіе предметы. Не существуетъ болѣе сильнаго доказательства любви, какъ то, что любимый предметъ постоянно существуетъ въ нашихъ мысляхъ. Тщеславіе (пустота) доказывается тѣмъ же самымъ очевиднымъ образомъ. Неспособность освободиться отъ мучительнаго предмета служитъ доказательствомъ интенсивности страданія, такъ какъ послѣднее побѣждаетъ силу воли и ограничиваетъ интеллектуальные ряды однимъ теченіемъ.

Противодѣйствіемъ этому опыту служитъ природная и пріобрѣтенная сумма интеллектуальныхъ силъ, которыя оказываютъ извѣстную долю сопротивленія къ сосредоточенію ума на одномъ какомъ либо классѣ идей.

Человѣкъ съ богатыми умственными дарованіями можетъ имѣть сильныя чувствованія, не отдаваясь имъ въ такой степени, какъ человѣкъ съ болѣе слабымъ умомъ. Кромѣ того, сдерживать вліяніе эмоцій какъ въ этой, такъ и въ другихъ точкахъ, гдѣ онѣ являются господствующими, составляетъ часть само-контроля.

18. Вліяніе на вѣру служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ силы извѣстнаго чувствованія.

Вѣра составляетъ практическое выраженіе способностей воли и интеллекта, соединенныхъ между собой. Когда она подчиняется какому либо идеалу, не смотря на факты дѣйствительности, причиною этого служитъ сильная эмоція. Таково вліяніе любви или антипатіи.

19. Возможность промаховъ въ этихъ различныхъ доказательствахъ, взятыхъ порознь, въ значительной степени устраняется, когда они взяты вмѣстѣ.

Открытый темпераментъ преувеличиваетъ выраженіе чувствованія, но образъ поведенія можетъ содѣйствовать исправленію. Человѣкъ, обладающій природной энергіей, можетъ казаться имѣющимъ сильныя привязанности къ тѣмъ предметамъ, на которые онъ устремляется, или отвращеніе къ тѣмъ, которыхъ онъ избѣгаетъ; но ходъ его

мыслей и сила его убѣжденій, недостаточная для закрѣпленія вывода, выставитъ его характеръ въ его истинномъ свѣтѣ.

20. Мы узнаемъ сокровенное въ чувствахъ другихъ по ихъ собственному описанію послѣднихъ. Каждый человѣкъ можетъ сравнить свои собственныя чувствованія и опредѣлить ихъ относительную степень. Требуемое здѣсь условіе есть критерій или общее мѣрило между однимъ лицомъ и другимъ.

Если посредствомъ различныхъ уже показанныхъ опытовъ, одинъ человѣкъ можетъ сохранить увѣренность, что, до извѣстной степени, онъ чувствуетъ точно такъ же, какъ и другой, общая мѣра между ними установлена; примѣнительно къ ней они могутъ сдѣлать извѣстными другъ другу интенсивность ихъ чувствованій вообще. Когда два лица, сравнивая извѣстные знаки въ отношеніи экспрессіи, характера и хода мысли, приходятъ къ заключенію, что на счетъ музыкальнаго удовольствія они согласны; то въ такомъ случаѣ они бываютъ способны (приблизительно) оцѣнивать чувствованія другъ друга и по отношенію ко всякимъ другимъ предметамъ.

21. Критерій чувства можетъ быть прилагаемъ къ оцѣнкѣ счастья или несчастья нашихъ ближнихъ.

Подобно тому, какъ оцѣнка нашего собственнаго счастья или несчастья служитъ руководителемъ нашихъ дѣйствій въ отношеніи насъ самихъ, оцѣнка счастья или несчастья нашихъ ближнихъ служитъ основою нашихъ симпатій, обязанностей и всего вообще нашего поведенія въ отношеніи ихъ. Это составляетъ непосредственную основу этики и политики, и конечное опредѣленіе всякаго знанія, науки и искусства.

Относительно суммы счастія, принадлежащаго различнымъ задачамъ и образамъ жизни, Пэли (Paley), замѣтилъ что существуетъ „нѣкоторое предположеніе въ пользу тѣхъ условій жизни, находясь въ которыхъ люди кажутся наиболѣе *веселыми* и *довольными*. Ибо, хотя видимое счастье людей не всегда служитъ вѣрнымъ показателемъ ихъ дѣйствительнаго счастья, но это есть лучшій показатель, какой только мы имѣемъ". Но веселость въ открытомъ темпераментѣ француза или итальянца значитъ не совсѣмъ одно и то же, что у англичанина. Еще большая неопредѣленность принадлежитъ другому критерію—довольству, ибо это состояніе служитъ доказательствомъ не столько счастья, сколько увлеченія. Многіе бываютъ довольны малымъ; другіе, и при обширномъ запасѣ счастья, остаются недо-

вольными; подобнымъ образомъ, и обратное положеніе, что недовольство есть признакъ несчастія будетъ невѣрно. Довольство есть добродѣтель великой важности для общества вообще; однако, оно не служитъ показателемъ обладанія счастьемъ членами этого общества.

Счастье людей можетъ быть измѣренно единственно только по степени и продолжительности ихъ наслажденій, сравнительно со степенью и продолжительностью ихъ страданій. Мы должны приложить, для опредѣленія этихъ пунктовъ, различные опыты и, само собой разумѣется, достаточное наблюденіе. И чѣмъ глубже мы можемъ изслѣдовать людей, въ отношеніи ихъ собственныхъ чувствъ и опытовъ, тѣмъ ближе мы подойдемъ къ истинѣ.

Болѣе легкій способъ приближенія къ оцѣнкѣ въ данномъ вопросѣ и болѣе точный, чѣмъ опыты, предложенные Пэли, состоитъ въ разсмотрѣніи сферы обычныхъ источниковъ удовольствія каждаго человѣка и изъятій его отъ обычныхъ источниковъ страданія. Такъ называемыя блага жизни—здоровье, богатство, друзья, почести, сила, благопріятные случаи наслажденія, покойный образъ жизни,—такъ неодинаково распредѣленные между людьми, служатъ грубымъ мѣриломъ счастья. Оцѣнка можетъ однако же сдѣлаться болѣе точною посредствомъ тщательнаго личнаго наблюденія и примѣненія опытовъ.

Развитіе чувствованія.

22. Взрывъ чувствованія проходитъ чрезъ стадіи возникновенія, сформированія и ослабленія.

То, что мы зовемъ состояніемъ чувствованія или эмоціей, есть переходный взрывъ, возникающій изъ постояннаго состоянія близкаго къ состоянію безразличія.

Здѣсь существуетъ особое видовое различіе какъ въ отношеніи степени, такъ и продолжительности. Слабый стимулъ можетъ продолжаться долѣе, чѣмъ сильный; между тѣмъ какъ каждое сильное проявленіе должно быть кратко, вслѣдствіе истощенія.

Съ практической стороны, моментъ сформированія чувствованія или волненія есть моментъ опасныхъ рѣшеній и роковыхъ ошибокъ.

23. Эмоціональныя состоянія бываютъ склонны къ измѣненіямъ и періодичности.

Влеченія, насколько зависятъ отъ тѣлесныхъ причинъ, отличаются правильностію въ повтореніяхъ. Въ пріятныхъ чувствованіяхъ вообще существуетъ большая смѣна съ одной стороны—упражненія, съ другой — ослабленія или покоя. Это — первое условіе для поддержанія струи удовольствія. Всякая чувствительность возбуждается при перемѣнѣ и ослабѣваетъ, когда приближается къ извѣстному предѣлу или истощенію. Привычка производитъ болѣе спеціальныя видоизмѣненія. Извѣстнаго рода чувствительности, удовлетвореніе которыхъ въ извѣстные періоды сдѣлалось привычнымъ, пріобрѣтаютъ силу влеченій.

24. Въ заключеніе нужно указать на значеніе и конечную цѣль анализа чувствованій.

1). Здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, существуетъ область для удовлетворенія просвѣщенной любознательности, благодаря отношенію различныхъ и сложныхъ явленій къ общимъ законамъ.

2). Главныя основанія этики должны быть отъискиваемы въ природѣ человѣческихъ чувствованій. Вопросъ о нравственномъ чувствѣ есть вопросъ, касающійся простоты или сложности чувства.

3). Широкая область эстетики подобнымъ же образомъ предполагаетъ знаніе законовъ и особенностей чувства. Поэтическое и словесное искусства, на примѣръ, совершенствуются въ своемъ развитіи, смотря по тому, чѣмъ точнѣе изслѣдованы человѣческія эмоціи. Наука риторики содержитъ приложеніе психологической науки вообще и чувствованій въ частности къ литературному сочетанію.

4). Теорія человѣческаго счастья покоится непосредственно на знакомствѣ съ человѣческими чувствованіями. Правда, оно должно быть пунктомъ схожденія всѣхъ знаній, но знакомство съ чувствованіями есть нѣчто такое, что даетъ руководительную линію.

5). Выясненіе человѣческаго характера, пониманіе людей и ихъ мотивовъ увеличивается съ совершенствуемымъ изученіемъ чувствъ. Не только эмоціональный характеръ, какъ такой, поведеніе или свободныя дѣйствія, мотивами которыхъ служатъ чувствованія, но даже и то, что имѣетъ характеръ чисто интеллектуальныхъ тенденцій, можетъ найти себѣ разъясненіе въ разсматриваемомъ отдѣлѣ. Интеллектуальныя силы, до нѣкоторой степени у всѣхъ людей и обширной—у многихъ, управляются эмоціями. Въ частности, человѣкъ, живущій воображеніемъ въ собственномъ смыслѣ слова—поэтъ или артистъ—руководится въ своихъ произведеніяхъ чувствомъ столько же, сколько и интеллектомъ.

ГЛАВА II.

Эмоціи и классификація ихъ.

1. Эмоціи, сравнительно съ ощущеніями, суть вторичныя, про изводныя или сложныя чувствованія.

Мускульныя ощущенія и ощущенія органовъ чувствъ относятся къ первичнымъ или основнымъ проявленіямъ чувствительности. Встрѣча или комбинація ихъ въ различныхъ направленіяхъ производитъ новыя состоянія, принимающія постоянную и родовую форму, въ которой простые элементы перестаютъ быть замѣтными.

2. Ощущенія и ихъ идеи, сростаясь, могутъ образовать новыя чувствованія, или эмоціи.

Во первыхъ, простѣйшій случай это—*множественность* ощущеній, въ области ли одного и того же чувства, или различныхъ чувствъ *въ ихъ взаимной гармоніи* или *взаимномъ столкновеніи*.

Гармонія есть источникъ удовольствія, дисгармонія—страданія. Мы можемъ основательно предполагать, въ качествѣ физической основы расположенія, что въ одномъ случаѣ нервные токи содѣйствуютъ общему эффекту, въ другомъ вступаютъ въ разрушительную борьбу.

Примѣры будутъ видны изъ дальнѣйшаго. Элементъ гармоніи есть существенный въ эстетическихъ эмоціяхъ. Согласіе и несогласіе въ истинномъ и ложномъ образуютъ чувствованія, относящіяся къ дѣятельности интеллекта. Существуетъ также нѣкоторый видъ гармоніи въ проявленіяхъ симпатіи.

3. Во вторыхъ, возможно, вслѣдствіе закона смежности, *перенесеніе* чувствъ на вещи, которыя первоначально и не возбуждали этихъ чувствованій, какъ напр. въ случаяхъ уже указанныхъ. (Смежность, § 33).

4. Въ третьихъ, возможно *сліяніе* отдѣльныхъ чувствъ въ одинъ аггрегатъ или цѣлое, какъ напр. въ собственности, красотѣ, справедливости и нравственномъ чувствѣ.

Примѣры этого ниже.

5. Что касается классификаціи эмоцій, то мы не можемъ здѣсь сообразоваться съ правилами логическаго дѣленія. Сущность дѣла допускаетъ единственный методъ восходить отъ болѣе простого къ болѣе сложному.

Существуютъ различные, хорошо извѣстные и значительные виды эмоціи, которые должны имѣть мѣсто въ каждой классификаціи, хотя въ отношеніи того, въ какомъ порядкѣ ихъ лучше брать, взгляды могутъ быть различны;—таковы напр. любовь, гнѣвъ, страхъ, удивленіе, которые всѣ кажутся сравнительно простыми. Другія эмоціи имѣютъ высокую степень сложности; таковы, по моему мнѣнію, эмоціи прекраснаго и нравственнаго чувства.

Изслѣдованіе различныхъ родовъ эмоцій должно, существеннымъ образомъ, состоять въ опредѣленіи и описаніи каждой изъ нихъ съ точностію; въ изслѣдованіи, если возможно, генезиса, и указаніи самыхъ употребительныхъ формъ и разновидностей. Въ описаніи мы будемъ слѣдовать естественно-историческому методу, приложеніе котораго мы видѣли въ отдѣлѣ объ ощущеніяхъ. Порядокъ изложенія будетъ слѣдующій:

I. Хотя законъ *относительности* существенно важенъ по отношенію къ чувствованію въ каждой его формѣ, но существуютъ извѣстныя эмоціальныя состоянія весьма общаго характера, развивающіяся единственно только изъ интенсивности перехода; таковы—*новость*, *изумленіе* и *удивленіе*.

Существуютъ также извѣстныя пріятныя чувствованія, которыя являются какъ бы *отраженіемъ* отъ нѣкоторыхъ общихъ видовъ страданія, и которыя, поэтому, болѣе частнымъ образомъ связаны съ относительностію. Таковы, напр., *свобода* въ отношеніи къ *препятствію, сила* въ отношеніи къ *безсилію.*

Ни въ одномъ изъ чувствованій мы не можемъ опустить изъ вида этого важнаго условія умственной жизни, но, въ извѣстныхъ случаяхъ, эмоціональное состояніе существуетъ только какъ переходъ между *противоположностями:* удовольствіе предполагаетъ предъидущее страданіе, и страданіе—предъидущее удовольствіе.

II. Эмоція *страха*, или боязни можетъ быть разсмотрѣна вслѣдъ за тѣмъ.

III. *Нѣжная эмоція* или *любовь* есть хорошо извѣстная и далеко простирающаяся воспріимчивость нашей природы и главный источникъ нашихъ удовольствій. Къ ней могутъ быть сведены эмоціи *удивленія, почтенія* и *уваженія.*

IV. Когда мы видимъ въ насъ самихъ качества, возбуждающія любовь или удивленіе въ другихъ, мы аффектируемся радостной эмоціей, называемой *самодовольствомъ,* самоуваженіемъ. Этотъ видъ является производнымъ изъ нѣжныхъ эмоцій.

Дальнѣйшее слѣдствіе этого рода пріятной эмоціи, возбуждаемой въ насъ удивленіемъ или уваженіемъ другихъ, составляетъ *одобреніе*, похвала, репутація, слава и т. п.

V. Надменность превосходной *силы* есть весьма замѣтный и широко распространенный родъ пріятной эмоціи чистой относительности или сравненія; коррелятивъ ея есть страданіе *безсилія*.

VI. *Гнѣвъ* или *раздражительная эмоція* есть пріятная эмоція *зложелательности*.

Вышеуказанныя эмоціи заключаютъ въ себѣ самыя выдающіяся изъ нашихъ простыхъ эмоцій. Хотя всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени,—сложной природы, однако въ каждой изъ нихъ есть нѣчто характерное и особенное, что производитъ родовое различіе, вслѣдствіи чего они и признаются всѣми какъ особыя.

VII. Существуютъ извѣстныя эмоціональныя состоянія, возникающія подъ дѣйствіемъ воли. Кромѣ удовольствій и страданій упражненія, удовлетворенія при успѣшномъ приведеніи къ концу и противоположнаго чувствованія въ случаѣ напрасной потери труда, существуетъ *въ области исканій* особое состояніе духа, на столько пріятное въ самомъ себѣ, что заставляетъ прибѣгать къ искусственнымъ мѣрамъ, чтобы достигнуть его. Если я употреблю терминъ *интересъ интриги* (plot-interest), характеръ состоянія будетъ, надѣюсь, отмѣченъ съ терпимою ясностію.

VIII. Дѣятельность *интеллекта* также соединена съ эмоціональными состояніями. Такъ напримѣръ, ближайшимъ образомъ, въ законѣ сходства, отожествленіе сходнаго среди несходства есть причина пріятнаго удивленія; между тѣмъ какъ несостоятельность или противорѣчіе есть поводъ къ страданію.

IX. Указанные классы эмоцій обладали каждый извѣстнымъ единствомъ и раздѣльностію по отношеніи къ происхожденію ихъ въ человѣческой природѣ. Слѣдующій классъ—одинъ изъ тѣхъ, которые обыкновенно разсматриваются,какъ „единство“ въ изслѣдованіяхъ философовъ. Я разумѣю эмоцію изящнаго, просто называемую красотою или прекраснымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что существуетъ извѣстная индивидуальность въ чувствованіи, которое люди согласились называть общимъ терминомъ „чувства красоты“, но эта общность характера едва ли даетъ болѣе, чѣмъ терминъ „возвышеннаго удовольствія“. И если мы разсмотримъ произведенія изящнаго искусства, изслѣдуемъ источники наслажденія, доставляемыя имъ, мы отыщемъ очень большое различіе видовъ, ни мало не противорѣчащее родовому сходству,

подразумѣваемому ихъ общей классификаціей. Многія изъ нашихъ простыхъ ощущеній и многія изъ чувствованій, относящихся къ только что указаннымъ различнымъ группамъ, принимаютъ участіе въ художественнымъ построеніяхъ.

X. *Нравственное чувство* въ человѣкѣ, подобно чувству красоты, обыкновенно разсматривалось также какъ единичное и недѣлимое; положеніе чрезвычайно спорное. Но полное разсмотрѣніе этого предмета относится къ отдѣлу о нравственности, составляющей вторую часть нашего труда [1]).

ГЛАВА III.

Эмоціи относительности: новизна.—удивленіе.—свобода.

1. Предметы эмоціи *новизны* хорошо извѣстны.

Съ *физической* стороны, эмоція новизны выражается въ измѣненіи извѣстной части нервной дѣятельности, распространяющейся также и на соединенные съ нею органы—мускулы и чувства.

Что удовольствіе должно возникать изъ смѣны возбуждаемыхъ частей и органовъ, это есть необходимое слѣдствіе того факта, что возбужденіе пріятно.

2. Со стороны качества, эмоція новизны—пріятна; по степени же—различна, смотря по возбужденію, которое можетъ быть или острымъ, или массивнымъ. Но это не имѣетъ особеннаго значенія.

Удовольствіе есть на самомъ дѣлѣ первичная прелесть каждаго ощущенія, если только оно не притуплено безпрерывностію и пресыщеніемъ. Неопредѣленный характеръ этой эмоціи составляетъ принадлежность лишь только *органическаго* возбужденія.

3. Противоположная, страдательная эмоція есть монотонность, скука, тоска.

Она происходитъ вслѣ дствіе того, что нѣкоторыя части системы, чрезмѣрно возбуждаются въ то время, когда другія чужды этого

[1]). Глава о нравственномъ чувствѣ, помѣщаемая Бэномъ въ «Этикѣ», нами перенесена и занимаетъ соотвѣтствующее мѣсто въ Психологіи. *Прим. переводч.*

возбужденія. Обычные виды ея извѣстны; крайнія же и мучительныя степени становятся наказаніемъ.

Монотонность часто усиливается, благодаря страданію чрезвычайной субъективности, или самосознательности. Отсутствіе внѣшнихъ влеченій оставляетъ умъ въ самозамкнутомъ положеніи, которое, если продолжается долго, производитъ чувство невыносимой скуки.

Быть заключеннымъ въ потьмахъ или безъ занятій, значитъ быть жертвой внутренней тоски.

Въ числѣ *видовъ* новизны, мы можемъ отмѣтить прежде всего простыя ощущенія, по скольку они встрѣчаются въ болѣе ранней жизни. Тѣ изъ нихъ которые, по своей природѣ, отличаются пріятностію, бываютъ преимущественно таковыми, когда они испытываются въ первый разъ. Общая веселость, обозначаемая словомъ свѣжесть, обязана, между другими причинами, новизнѣ ощущенія.

Первыя ощущенія проходятъ быстро и затѣмъ впадаютъ въ обыкновенную рутину удовольствій, которая, перемежаясь или измѣняясь, продолжаетъ производить удовольствіе до нѣкоторой степени. Прелесть новизны, въ такомъ случаѣ, принадлежитъ только новымъ и разнообразнымъ комбинаціямъ, и, въ этой формѣ, она можетъ быть поддерживаема, хотя и въ значительно меньшей степени, до конца жизни. Новыя сцены, новые предметы, новыя лица и новыя жизненныя положенія производятъ влеченія къ путешествіямъ. Новизна въ случаяхъ и происшествіяхъ доставляется событіями жизни и страницами исторіи. Изобрѣтенія въ области искусствъ и научныя открытія имѣютъ первичную прелесть новизны въ той-же мѣрѣ, на сколько они составляютъ и интересъ постоянной полезности. Въ прекрасныхъ искусствахъ, цѣль которыхъ—удовольствіе, могучее дѣйствіе новизны вызывается съ настойчивостью; пріятныя нечаянности ожидаются отъ артиста въ каждомъ дѣйствіи; красота должна усиливаться оригинальностью; между тѣмъ какъ страсть къ перемѣнамъ, ничѣмъ несдерживаемая, въ концѣ концовъ, ведетъ къ упадку. Наконецъ, въ модѣ новизна цѣнится весьма высоко. Повсюду господствуетъ здѣсь одно правило; при одинаковости другихъ условій, чѣмъ больше новизны, тѣмъ болѣе и удовольствія.

4. Рядомъ съ новизною стоитъ *разнообразіе*, перестановка или перемѣна.

Чѣмъ дольше извѣстные стимулы были сдерживаемы, тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе при возобновленіи ихъ. Разнообразіе есть меньшая форма новизны.

Наше счастіе, существеннымъ образомъ, зависитъ отъ мудраго воздержанія и смѣны предметовъ наслажденія. Одна только перемѣна удовольствій, въ извѣстныхъ предѣлахъ, способствуетъ продолжительности пріятной волны. Вѣроятно, что періоды полнаго безразличія и покоя, только не мучительнаго лишенія, только должны входить въ качествѣ средствъ, поддерживающихъ самое высшее наслажденіе.

5. *Удивленіе* есть вѣтвь ожиданія и, въ соединеніи съ чистою относительностію, заключаетъ въ себѣ извѣстный элементъ борьбы.

Въ удивленіи мы кажемся испуганными. Здѣсь существуетъ столкновеніе противорѣчія, которое всегда имѣетъ возбуждающее дѣйствіе. Возбужденіе можетъ быть пріятно, мучительно или безразлично, смотря по предмету. Какъ простое столкновеніе, оно можетъ быть источникомъ страданія, такъ острый стимулъ, когда нервы свѣжи, оно можетъ быть пріятно. Чаще всего оно— ни то, ни другое и служитъ для насъ типическимъ примѣромъ нейтральной эмоціи. Обстоятельства удивленія могутъ затѣмъ дѣйствовать на характеръ его. Когда встрѣченное нами есть нѣчто лучшее того, что мы ожидали, перевѣсъ бываетъ на сторонѣ удовольствія; нѣчто худшее— страданія.

6. Эмоція *изумленія* или чудеснаго является при видѣ чего нибудь стоящаго выше или ниже нашихъ ожиданій. Въ одномъ случаѣ, она есть возвышающая эмоція, родственная величественному; въ другомъ, она стремится къ подавленію или угнетенію.

Пріятная сторона въ изумленіи обязана, въ извѣстной мѣрѣ, тому, что выходитъ вонъ изъ обычая и привычки. Это—эмоція чистой относительности.

Если мы исключимъ сторону незначительности и угнетенности, то все, входящее въ изумленіе, будетъ имѣть своимъ основаніемъ или— съ одной стороны, чистое удивленіе, которое состоитъ въ простомъ столкновеніи противорѣчія, или—съ другой, удивленіе тому, что возвышенно или величественно. Полное изъясненіе этой послѣдней эмоціи относится къ болѣе отдаленной части изложенія.

7. Противоположная группа—*принужденіе* и *свобода*—совершенно относятся къ столкновенію, соединенному съ относительностію.

Принужденіе есть случай столкновенія импульсовъ; оно сопро-

вождается состояніемъ угнетенія, которое обязано этому столкновенію. Въ какой бы степени и какъ бы различно оно ни было, во всѣхъ случаяхъ оно мучительно. Активная самопроизвольность обуздываемая ограниченіемъ; свободный ходъ распространенія эмоціи, стѣсняемый страхомъ наказанія; противоположныя произвольныя движенія, встрѣчныя желанія—таковы случаи внутренняго сопротивленія и страданія. То или другое страданіе причиняется собственно въ силу связи его съ активными органами. Въ болѣе острой борьбѣ оно имѣетъ характеристическія свойства „мучительной" боли.

Существуетъ стимулирующій эффектъ въ противоположеніи или конфликтѣ. Съ физической стороны, мы можемъ предположить, что внезапная задержка по отношенію къ нервнымъ токамъ производитъ новую дѣятельность въ мозгу; между тѣмъ, съ духовной стороны, это есть фактъ представляющій собой обширное приложеніе того правила, что враждебныя дѣйствія, не пересиливающія совершенно, возбуждаютъ энергію въ большей степени, чѣмъ обычныя усилія. Это можно наблюдать въ каждомъ видѣ состязанія. Даже интеллектуальныя силы достигаютъ наибольшихъ успѣховъ въ пылу полемики.

При безпрестанномъ сопротивленіи извѣстная система въ концѣ концовъ примѣняется къ своему положенію. Обузданіе импульсовъ, посредствомъ постояннаго сдерживанія, есть одинъ изъ эффектовъ привычки, примѣры чего можно видѣть въ нравственной дисциплинѣ. (См. нравственныя привычки).

8. *Свобода* есть коррелативъ принужденія. Она есть радостный взрывъ чувства при освобожденіи отъ какого либо насилія, или прекращеніи столкновенія.

Освобожденіе должно поспѣть въ то время, когда принужденіе еще мучительно; послѣ того уже, когда извѣстная система привилась—реакція не вызывается и притока радостнаго возбужденія не бываетъ. Этотъ фактъ можно наблюдать на тѣхъ, которые выросли въ долгомъ рабствѣ или перенесли продолжительное заключеніе. Подобнымъ же образомъ въ умахъ, связанныхъ долгое время подпискою въ выполненіи извѣстныхъ правилъ, уничтожается даже самое желаніе свободы.

Характеръ эмоціи свободы составляетъ неопредѣленное возбужденіе или упоеніе—большее или меньшее смотря по внезапности и объему избавленія отъ предшествовавшаго стѣснительнаго состоянія. Подобно всѣмъ другимъ чувствамъ относительности, оно можетъ быть возобновлено только при возобновленіи страданій при-

нужденія, и поэтому никакого абсолютнаго приращенія къ суммѣ счастія не даетъ кромѣ того, которое было урѣзано.

Положеніе это на столько извѣстно каждому, что въ примѣрахъ или иллюстраціяхъ вовсе нѣтъ нужды. Можно замѣтить только, что свобода, какъ бы то ни было, имѣетъ неизмѣримую силу, какъ содержащая въ себѣ область, въ предѣлахъ которой дано каждому искать своего счастья своимъ собственнымъ путемъ.

Эмоціи силы и безсилія, до нѣкоторой степени, совпадаютъ съ описанною; хотя и имѣютъ болѣе широкіе предѣлы. Вслѣдствіе ихъ сложности и важнаго значенія они будутъ разсмотрѣны въ особой главѣ. Въ настоящую главу мы включаемъ чувствованія элементарнаго и самаго общаго свойства, существующія единственно въ силу контраста противоположностей. Мы можемъ дать очень широкую иллюстрацію общаго принципа изслѣдуя мучительный гнетъ тяжести, трудовъ, усилій настоящихъ и будущихъ, и радостное состояніе въ случаѣ ихъ уменьшенія или минованія.

ГЛАВА IV.

Эмоція страха.

1. Эмоція страха происходитъ при представленіи *наступающаго* зла. Характеръ ея составляетъ особая форма страданія или несчастія; упадокъ активной энергіи и исключительное сосредоточіе въ умѣ относящихся сюда идей.

Во первыхъ, что касается предмета или причины—ее составляетъ представленіе наступающаго зла:—

Всякое настоящее страданіе, безъ предваренія, не производитъ состоянія страха. Человѣкъ можетъ получить сильный ударъ, но если этотъ ударъ нанесенъ неожиданно и относится къ прежнему времени, то хотя боль и остается, но страха уже нѣтъ. Настоящее несчастіе, какъ начало или *предвѣстникъ* болѣе сильнаго въ будущемъ, служитъ преимущественною причиною этого чувства.

Иногда представленіемъ служитъ *извѣстное* опредѣленное страданіе, когда напр. предстоитъ какая либо мучительная операція. Чистая идея страданія бываетъ тягостна; извѣстность же ея на-

ступленія даетъ новый характеръ страданія. Такое положеніе, хотя, съ одной стороны, самое страшное, однако и самое благопріятное для усиленія мужественной выносливости; мы готовы бываемъ сдѣлать усиліе, если увѣрены, что это нужно.

Другою причиною страха бываетъ *неизвѣстное*, но возможное или вѣроятное бѣдствіе, какъ въ предвѣстіяхъ бури, сильной боли, равномъ состязаніи при извѣстной ставкѣ. Это есть состояніе мѣняющихся вѣроятностей и колеблющихся рѣшеній. Такое раздѣленіе можетъ быть утомительно до крайности.

Что либо *новое*, недостаточно еще опредѣленное, служитъ особой причиной страха. Мы привыкаемъ къ частымъ опасностямъ и напрягаемъ всю силу ума только тогда, когда несчастіе прежде было неизвѣстно. Таковъ—страхъ, причиняемый эпидеміями, не испытанною болѣзнію, страхъ новобранца подъ огнемъ.

2. Съ *физической* стороны, страхъ обнаруживается *потерей* и *перенесеніемъ* нервной энергіи. Силы внезапно и въ обширныхъ размѣрахъ покидаютъ органическіе процессы и сосредоточиваются на извѣстныхъ интеллектуальныхъ процессахъ и на тѣлесныхъ движеніяхъ.

Внѣшнія обнаруженія могутъ быть раздѣлены между дѣйствіями *ослабленія* и дѣйствіями *напряженія*.

Ослабленіе замѣчается, относительно мускуловъ,—въ дрожаніи челюсти, въ изнеможеніи, постигающемъ всѣ органы не спеціально возбуждаемые, въ дрожаніи губъ и другихъ частей и въ ослабленіи кольцевого сжимательнаго мускула (сфинктеръ).

Далѣе—въ отношеніи органическихъ процессовъ и внутренностей.—Пищевареніе всюду ослабляется течепіе слюны задерживается, желудочное выдѣленіе останавливается (потеря аппетита), кишки разстраиваются, выдыханіе ослабляется; сердце и кровообращеніе приводятся въ безпорядокъ, результатомъ чего бываетъ: или румянецъ на лицѣ, или же смертельная блѣдность. Кожа проявляетъ симптомы разстройства—холодный потъ, измѣнившійся запахъ испарины, поднятіе волосъ. Почки прямо или косвенно аффектируются. Половые органы испытываютъ угнетенное состояніе. Выдѣленіе молока въ грудяхъ матери портится.

Возрастающая *напряженность* обнаруживается въ изумленномъ взглядѣ и поднятіи кожи на головѣ, (посредствомъ мускула occipito-frontalis—см. выше стр. 80), расширеніи ноздрей, пронзительномъ

крикѣ, сильныхъ движеніяхъ защиты или бѣгства. Изумленный взглядъ обращенъ, какъ въ случаѣ особенно напряженной фиксаціи, на предметъ страха; съ этимъ соединяется, далѣе, такое же сильное порабощеніе мысли и въ томъ же самомъ исключительномъ направленіи. Каковы бы ни были движенія выраженія, или хотѣнія, внушаемыя этими мыслями, они имѣютъ подобную же напряженность.

Такое физическое состояніе должно сопровождаться сильнымъ угнетеніемъ, что составляетъ прямое слѣдствіе теоріи удовольствія и страданія. Упадокъ духа производитъ болѣе сильное дѣйствіе на самые чувствительные процессы, органическіе; возрастаніе энергіи состоитъ въ движеніяхъ, которыя обладаютъ сравнительно меньшею чувствительностію.

3. Съ *духовной* стороны, страхъ есть форма массивнаго страданія.

Дѣйствіе сильнаго испуга бываетъ, какъ извѣстно, гнетущаго свойства. Если мы будемъ измѣрять его прекращеніемъ удовольствія, то увидимъ, что онъ составляетъ одинъ изъ самыхъ страшныхъ видовъ человѣческаго страданія. Какъ на специфическую черту его, мы можемъ указать лишь на сильное угнетеніе, сопровождаемое сильнымъ возбужденіемъ.

Въ *волевомъ* отношеніи, это страданіе, подобно другимъ страдательнымъ эмоціямъ, побуждаетъ искать освобожденія. Выше было замѣчено, что родовая тенденція всякаго страданія состоитъ въ ослабленіи дѣятельности, и это особенно оказывается вѣрнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда страхъ сопровождается страданіемъ. Отсюда, какъ отвращающее средство и особенно въ уничтоженіи активнаго противодѣйствія, страхъ служитъ значительной надбавкой къ чистому страданію; ничто такъ не бываетъ способно смирить горделивый духъ, какъ состояніе страха. Недостаточная сторона его (если даже мы не обратимъ вниманіе на несчастіе) обнаружится, если мы постараемся, чрезъ посредство его, принудить себя къ упорнымъ и настойчивымъ упражненіямъ, или исполненію разнообразныхъ обязанностей и скажется истощеніемъ силъ, несоединенныхъ ни съ какимъ рвеніемъ. Общепризнанный фактъ, что невольничій трудъ непроизводителенъ.

Въ *интеллектуальномъ* отношеніи характеръ разсматриваемой эмоціи хорошо извѣстенъ. Сосредоточеніе энергіи въ воспріятіяхъ и соединенныхъ съ ними интеллектуальныхъ рядахъ, производитъ внѣобычную впечатлительность по отношенію къ предметамъ и обстоятельствамъ этого чувства. Въ домѣ, который предполагается насе-

леннымъ духами, каждый звукъ выслушивается съ напряженнымъ вниманіемъ, каждый шумъ вѣтра истолковывается въ смыслѣ приближенія страшнаго духа. Отсюда, чувство это чрезвычайно дѣйствуетъ на обезпеченіе вниманія по отношенію къ предмету, лежащему въ области этого чувства.

Чувство страха, въ его интеллектуальномъ возбужденіи, бываетъ въ состояніи создать „idea fixa", или постоянное присутствіе какого-либо образа или интеллектуальнаго слѣда, вопреки соединеннымъ усиліямъ воли и ума. Угрожающая опасность монопонизируетъ мысли. Продолжительныя формы страха, выражающіяся въ безпокойствѣ, потерѣ сна, опасеніи, усиливаютъ дѣятельность ума въ извѣстномъ направленіи до полнаго исключенія занятій.

Вліяніе страха на вѣру вытекаетъ изъ другого его характера. Эта тенденція открываетъ путь внушеніямъ опасности и исключаетъ всякія разсужденія съ какой-либо другой стороны.

4. Главные *виды* страха—слѣдующіе:

1) Страхъ низшихъ животныхъ.

Въ нихъ мы замѣчаемъ слѣды боязливости, въ качествѣ придатка къ страданію. Въ устрашающемъ ударѣ хлыста нѣтъ ничего, кромѣ дѣйствія страданія на волю; между тѣмъ поднятіе хлыста есть уже страданіе въ идеѣ. Присутствіе страха наблюдается въ преувеличенной дѣятельности, внушаемой незначительными случаями; въ оставленіи великихъ предпріятій, сопровождаемыхъ небольшимъ рискомъ. Еще болѣе извѣстно состояніе, наблюдаемое въ страхѣ передъ тѣмъ, что прежде никогда еще не причиняло вреда; таковы: страхъ, производимый въ очень многихъ животныхъ человѣческимъ присутствіемъ; страхъ другихъ животныхъ передъ попыткой придать имъ какое-либо положеніе; и склонность быть встревоженными легкимъ движеніемъ, шумомъ и страннымъ видомъ.

2) Страхъ въ дѣтяхъ.

Духовная природа въ дѣтствѣ особенно воспріимчива не только къ страданію, но къ потрясенію и удивленію. Всякое значительное возбужденіе имѣетъ смущающее дѣйствіе, соединенное со страхомъ. Послѣ, когда дѣти сближаются съ лицами и предметами ихъ окружающими, они обнаруживаютъ не двусмысленный страхъ при встрѣчѣ съ предметами незнакомыми. Схватываніе ребенка лицомъ неизвѣстнымъ часто поселяетъ въ немъ страхъ. Этотъ ранній опытъ въ очень многомъ похожъ на обычныя обнаруженія страха низшими живот-

ными. Въ болѣе развитомъ состояніи, когда извѣстныя несчастія уже знакомы, если дитя знаетъ, что оно должно перенести страданіе, нѣкоторое чувство обычнаго или типическаго рода измѣняется только слабостью противодѣйствій и вытекающею отсюда силою проявленій.

3) Рабскій страхъ.

Рабскій страхъ возникаетъ при властелинѣ, неограниченномъ въ силѣ, капризахъ, въ поведеніи или крайнихъ проявленіяхъ жестокости. Возможность какой-либо обиды или оскорбленія со стороны этой силы сама по себѣ—необходимая причина рабскаго страха.

Неизвѣстность того, что будетъ и какъ встрѣтить, или противъ чего принять мѣры, производитъ еще большее смущеніе. Нѣтъ возможности сохранить спокойствіе при капризныхъ правилахъ, какъ развѣ быть готовымъ каждую минуту встрѣтить еще худшее. Стоическая заповѣдь Эпиктета какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ такимъ положеніемъ. Другое обстоятельство съ тенденціей произвести рабскій страхъ есть сознательное неисполненіе долга со стороны низшаго, который оказывается въ тоже время неподготовленнымъ спокойно встрѣтить послѣдствія. Рабское состояніе есть состояніе страха передъ силой и произволомъ распоряженій хозяина; свободно-рожденный слуга болѣе всего боится послѣдствій за свою соб-ственную неисправность.

4) Предчувствія несчастій вообще.

Обычная форма страха можетъ быть выражена въ формѣ предчувствія зла или несчастія, болѣе или менѣе извѣстнаго. Ни одинъ человѣкъ не изъятъ всецѣло изъ этого положенія; оно составляетъ обычное кушанье на жизненномъ банкетѣ. Возможно встрѣтить несчастіе съ minimum'омъ страха, перенести страданіе, какъ страданіе, безъ смущающихъ образовъ;—завидный идеалъ, осуществляемый лишь немногими счастливцами.

Терминъ *безпокойства* содержитъ въ себѣ вообще элементъ страха, хотя можетъ быть употребленъ, когда непредполагается ничего предумышленнаго, кромѣ разумнаго и взвѣшеннаго избѣжанія страданія, которое является истиннымъ антитезисомъ страха. *Подозрѣніе* выражаетъ вліяніе страха на вѣру. Это такое состояніе, при которомъ незначительныя случайности считаются вѣрнымъ предвѣстникомъ великихъ несчастій. Въ болѣе спеціальной формѣ оно касается преувеличенной оцѣнки мотивовъ и стремленій другихъ лицъ. Подозрительность, боль-

шею частію,—удѣлъ робкаго темперамента. *Паника* есть взрывъ страха, аффектирующій массу и увеличиваемый благодаря симпатіи или заразительности. Онъ разстраивалъ цѣлыя арміи, за которыми, при другомъ условіи, побѣда признавалась обезпеченною. Особенно сильно и безконктрольно передается онъ среди простого народа въ тѣхъ или другихъ критическихъ обстоятельствахъ.

Подобно всякой другой эмоціи можетъ образоваться постоянная ассоціація между состояніемъ страха и предметами, которые часто вызывали его или были съ нимъ связаны. Мать постоянно трепещетъ за судьбу больного, капризнаго или неспособнаго ребенка. Даже въ то время, когда нѣтъ никакого повода къ безпокойству, оттѣнокъ страха можетъ быть присущъ. Такое состояніе носитъ названіе аффекціи страха, подобно аффекціи любви или гнѣва („сердца"). Безпокойство женщины за свое лицо и внѣшность, человѣка геніальнаго за свою славу есть аффекція страха. Тотъ же самый фактъ выражается посредствомъ безпамятства и опасенія.

5) Суевѣрный страхъ.

Наше положеніе въ мірѣ служитъ источникомъ страха. Огромныя силы природы распоряжаются нашею жизнію и благоденствіемъ съ непреоборимой силой и ужаснымъ видомъ. Столѣтія прошли прежде чѣмъ знаніе закона и однообразія, господствующихъ среди этихъ силъ, было постигнуто человѣческимъ умомъ. Глубокое невѣжество первобытнаго человѣка было почвой, на которой развивались его пробуждающіяся мыслительныя способности и теоріи; и страхъ, неразлучный съ невѣжествомъ, сообщалъ имъ особенный характеръ. Сущность суевѣрія выражается черезъ опредѣленіе страха. Совершенно преувеличенная оцѣнка вещей, приписываніе пагубнаго вліянія, по большей части, невиннымъ предметамъ, и ложныя опасенія всюду существуютъ въ качествѣ принадлежностей суевѣрнаго человѣка.

6) Недовѣріе къ нашимъ способностямъ въ новыхъ дѣйствіяхъ.

Во всѣхъ неиспробованныхъ состояніяхъ, въ упражненіи несовершенныхъ силъ и при начинаніи предпріятій, гдѣ мы отчасти только видимъ нашу дорогу, мы бываемъ склонны къ мученіямъ страха. Это есть одно изъ несчастій раннихъ лѣтъ. Въ высокихъ положеніяхъ, гдѣ каждое движеніе аффектируетъ народное благоденствіе, чувствительный умъ обнаруживаетъ въ каждомъ случаѣ извѣстную сумму воспріимчивости. Замѣчательная форма этого недовѣрія есть со-

стояніе замѣшательства въ присутствіи посторонняго лица, новой компаніи, или же большого общества. Это состояніе въ зрѣломъ возрастѣ есть ни что иное, какъ воспроизведеніе дѣтскаго страха, но состояніе нѣсколько измѣненное обстоятельствами. Послѣ, когда мы уже видѣли кое-что на свѣтѣ, мы узнаемъ о возможности бѣдствій источникъ которыхъ лежитъ въ самомъ обществѣ людей; каждая новая встрѣча доступна нѣкоторому страху доколѣ опытъ не поселитъ увѣренности; на каждаго человѣка мы склонны смотрѣть какъ на врага, доколѣ мы не узнаемъ его какъ друга.

Можетъ явиться вопросъ, какъ смотрѣть на смущеніе предъ человѣкомъ незнакомымъ: не есть ли это болѣе инстинктивная форма страха, обнаруживаемая въ раннемъ дѣтствѣ, неперестающая звучать до послѣднихъ лѣтъ и требующая усиленнаго процесса для разсѣянія этого вида страха? Если что нибудь, повидимому, можетъ объяснить такую слабость, такъ это пугающее ощущеніе перваго дебюта, какъ напр. у оратора или актера, выступающихъ предъ многочисленной публикой. Какъ бы то ни было, по всей вѣроятности, возможность худого исхода случая служитъ причиною чрезмѣрнаго смущенія наибольшей части людей, находящихся въ такомъ положеніи.

Общественное мнѣніе можетъ быть разсматриваемо или только какъ извѣстное сильное страданіе, и согласно съ этимъ оцѣниваемо, или какъ сопровождающееся волненіемъ страха. Будучи чѣмъ-то неизвѣстнымъ и измѣнчивымъ, оно, стольже сильное какъ на добро, такъ и на зло, способствуетъ отягченію суровости этого чувства.

7) Страхъ смерти.

Въ страхѣ смерти мы имѣемъ два элемента. Уничтоженіе удовольствій, интересовъ и надеждъ этой жизни соединяется съ мыслію объ утратѣ всѣхъ ихъ: въ молодомъ и свѣжемъ возрастѣ это несчастіе бываетъ особенно сильно; видъ здороваго преступника, приговореннаго къ смертной казни, раздираетъ душу выраженіемъ его страданій. Другой элементъ—это страхъ неизвѣстнаго, который дѣйствуетъ различнымъ образомъ, смотря по темпераменту человѣка, совѣсти и воспитанію.

5. Страхъ можетъ быть описанъ далѣе, какъ противоположность мужества, источниками котораго служатъ:

1) Физическая бодрость организма, которая противостоитъ уда-

ленію крови отъ органическихъ отправленій; 2) дѣятельный или энергическій темпераментъ; или, что тоже, присутствіе, въ обширной степени того, что стремится разрушить потрясеніе страха 3) сангвиническій темпераментъ, который будучи обильнымъ источникомъ эмоціональной силы и, обнаруживаясь въ природной легкости, полнотѣ жизненныхъ силъ, изліяніяхъ сердечной общительности, и т. под., служитъ также антитезисомъ гнетущихъ дѣятелей—простого ли страданія, или тяжестей страха. 4) Сила воли, возникающая изъ способности мотивовъ къ спокойному положенію; 5) Интеллектуальная сила; она устраняетъ преобладающее дѣйствіе господствующей идеи страха и служитъ средствомъ, противодѣйствующимъ тревожному состоянію. 6) По скольку страхъ покоится на невѣжествѣ—сила знанія. Побѣды, одержанныя надъ суевѣріемъ въ послѣднее время, обязаны всего болѣе точному знакомству съ природой. Периклъ, искусный въ астрономіи, возбудилъ свою армію отъ паническаго страха, вызваннаго затменіемъ, разъяснивъ истинную причину этого явленія.

6. Реакція или освобожденіе отъ чувства страха, подобно всякому другому избавленію отъ гнетущаго положенія, пріятна и радостна.

Источникомъ ея служитъ состояніе довѣрія, безопасности, увѣренности; удовольствіе здѣсь чисто относительное, сообразное съ гнетущимъ вліяніемъ страха.

7. Роль страха въ управленіи и воспитаніи понятна.

Дисциплина страданія, если она воспроизводится чрезъ посредство страха, дѣлается еще болѣе чувствительною въ дѣлѣ подчиненія упорствующаго ума. Гордость, независимость, самомнѣніе—несовмѣстимы съ волненіемъ страха.

8. Пользованіе эмоціей страха въ области искусства требуетъ поясненія.

Сущность страха—несчастіе, а сущность искусства—удовольствіе. Но поводъ къ страху есть извѣстная сумма возбужденія, которое можетъ быть такъ регулировано, что имѣетъ значеніе внѣ страдательной эмоціи. Простой симпатическій страхъ или еще болѣе такой, который совершенно измышленъ, создаетъ такую счастливую среду. Здѣсь существуетъ однако же извѣстный предѣлъ, за который впрочемъ переходили какъ Шекспиръ, такъ и Вальтеръ Скоттъ.

Слабый страхъ, при быстромъ освобожденіи, можетъ служить стимуломъ во всякое время. Для натуръ сильныхъ, даже серьезная опасность является благодѣтельною для ихъ возбужденія.

ГЛАВА V.

Нѣжная эмоція.

1. *Нѣжность* есть пріятная эмоція, стимулируемая различными причинами, которыя побуждаютъ людей къ взаимному сближенію.

Предметы или причины нѣжности находятся, главнымъ образомъ, въ связи съ человѣческими существами и другими чувствующими созданіями, по отношенію къ которымъ она и можетъ только собственно обнаруживаться.

Болѣе частыя причины или стимулы этого чувства слѣдующія:—

Во первыхъ, массивныя или объемистыя удовольствія. Сюда мы прежде всего включаемъ медленныя движенія, отдыхъ послѣ труда, сытость, пріятную теплоту, нѣжное прикосновеніе, тихіе и полные звуки, умѣренный солнечный свѣтъ. Такія удовольствія способны ласкать или успокоивать дѣятельность, какъ противоположныя острымъ и рѣзкимъ удовольствіямъ; вслѣдствіе чего они возбуждаютъ нѣжное чувствованіе.

Далѣе, очень сильныя удовольствія склоняютъ къ нѣжнымъ порывамъ. При ажитаціи радости обнаруживается благожелательное настроеніе, требующее исхода. Благопріятныя событія или отклики ознаменовываются общественными собраніями и гостепріимствомъ.

Въ третьихъ, страданія бываютъ въ числѣ причинъ нѣжности. По видимому это—противорѣчіе и парадоксъ; но въ дѣйствительности это согласуется съ характеромъ нѣжнаго чувствованія. Такъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ обращеніи къ удовольствію съ цѣлью пособить въ горѣ, или страданіи; удивительно въ этомъ случаѣ то, что наша система подготовлена къ облегченію только потому, что въ немъ существуетъ потребность. Этимъ можно объяснить то, почему эта эмоція въ частности скора къ обнаруженію въ періодѣ страданія. Всего лучше мы можемъ понять ея теченіе въ связи съ страданіями любви.

Въ четвертыхъ, существуютъ нѣкоторыя болѣе мѣстныя и специальныя причины, которыя заслуживаютъ быть упомянутыми, какъ иллюстрирующія далѣе это чувствованіе и его физическое воплощеніе. Осязаніе груди, шеи, рта и руки и движенія верхнихъ членовъ связаны съ этимъ чувствомъ; между тѣмъ какъ прикосновеніе и движенія нижнихъ частей тѣла участвуютъ въ половомъ возбужденіи. Основаніе этого лежитъ въ сосѣдствѣ органическихъ функцій спеціально съ каждымъ изъ чувствованій. Далѣе, существуютъ извѣстные специальные стимулы въ области высшихъ чувствъ. Въ слухѣ высокая и мягкая нота, встрѣчаемая иногда въ горестномъ рыданіи и переходящая въ патетическое восклицаніе, производитъ трогательное впечатлѣніе. Вслѣдствіе такого совпаденія, слишкомъ ранняго для того времени, чтобы быть результатомъ чистой ассоціаціи (и вѣроятно какъ видъ объемистаго ощущенія), въ взрывѣ печали лежитъ сила къ нѣжному аффектированію другихъ. Замирающій звукъ—патетиченъ, какъ видъ нѣжнаго и пріятнаго чувства. Наконецъ, въ зрѣніи, ощущенія блеска имѣютъ подобное дѣйствіе. Вліяніе свѣтлой капли, видимой на увлаженномъ глазѣ и происводящей выдѣленіе слезы въ глазѣ зрителя, вѣроятно зависитъ болѣе, чѣмъ отъ простого блеска; оно придаетъ стимулъ самосознательности и, можетъ быть, сверхъ того—дѣйствіе ассоціаціи.

Соединеніе нѣжности съ бездѣйствіемъ производитъ эмоцію слабаго; отсюда, примѣръ или видъ слабаго очень краснорѣчиво вызываетъ ее. Безпомощность дѣтей, стариковъ, больныхъ, нуждающихся вызываетъ ее еще болѣе. Даже среди неодушевленныхъ предметовъ тонкія и ломкія формы, будучи олицетворены, служатъ источниками нѣжнаго чувства и, отсюда, разсматриваются какъ предметы красоты. Въ теоріи прекраснаго Бурка (Burke) это свойство выставляется главною чертою.

2. *Физическая* сторона нѣжной эмоціи подразумѣваетъ: 1) осязаніе, 2) слезные органы и 3) движенія гортани.

1) Нѣжное распространенное прикосновеніе, источникъ обширнаго осязательнаго ощущенія, въ качествѣ физическаго факта, составляетъ какъ начало, такъ и конецъ нѣжнаго чувствованія. Можно подозрѣвать въ этомъ соприкосновеніи дѣйствіе сколько железъ, столько же и чисто осязательное; не только кожа—обширный выдѣляющій органъ, но существуетъ нѣчто въ этомъ чувствѣ строго аналогичное съ органическими или внутренними ощущеніями. Это замѣчаніе подкрѣпляется затѣмъ и дальнѣйшими разсужденіями.

2) Слезные органы—железка и мѣшечекъ—спеціально аффектируются нѣжными чувствованіями. Мы должны различать двѣ стадіи въ этомъ дѣйствіи; ровное, здоровое теченіе, сопровождаемое радостною чувствительностію, и, въ случаѣ большой стимуляціи, сильное, чрезмѣрное теченіе, происходящее отъ чрезмѣрной дѣятельности и прилива къ мозгу, подъ вліяніемъ страданія или чрезмѣрной радости.

3) Движенія гортани, или горловаго канала, мускульной полости, гдѣ проглатывается пища, воспріимчивы къ нѣжнымъ чувствованіямъ. Въ сильной скорби эти мускулы подвергаются конвульсіямъ, такъ что бываютъ неспособны выполнять свое назначеніе; въ умѣренной степени, они представляютъ мѣсто чувствительности, характеризующей эмоцію. Разсматривая эти мускулы какъ только начало мускульныхъ волоконъ пищеваго канала, мы можемъ, по аналогіи, принять, что весь пищевой каналъ аффектируется подъ вліяніемъ этого чувства. Выраженіе „утроба соболѣзнуетъ" указываетъ на этотъ же выводъ.

У женщинъ мы должны добавить, какъ придатокъ нѣжныхъ эмоцій, сосцевыя отдѣленія,—значительное добавленіе къ источникамъ чувства въ области органической чувствительности.

3. Связующее звено порядковъ физическаго и духовнаго между стимулами нѣжнаго чувства и его проявленіями, нужно искать въ общемъ характерѣ разсматриваемыхъ двухъ рядовъ явленій.

Было бы согласно съ закономъ самосохраненія, чтобы пріятная волна расширялась сама собой чрезъ отраженіе отъ всѣхъ источниковъ одной и той же эмоціи. Если теплое объятіе есть причина нѣжнаго чувства, чувство, внушенное другимъ путемъ можетъ содѣйствовать возрастанію и избытку объятія; тоже самое и въ другихъ соотвѣтственныхъ признакахъ нѣжности—улыбкѣ, взглядѣ, звукѣ, симпатіи другихъ лицъ.

Тотъ же самый принципъ наблюдается въ распространяющихся обнаруженіяхъ чувства вообще. Радостная эмоція стремится обнаружиться въ музыкальномъ взрывѣ, который былъ бы самъ по себѣ вдохновеніемъ радости.

Когда стимуломъ служитъ страданіе, мотивъ обращается на что нибудь пріятное. Это не единственный исходъ въ случаѣ страданія. Въ нѣкоторыхъ состояніяхъ, гнѣвъ, или удовольствіе зложелательности зовется на помощь; обстоятельствами служатъ: естественная энергія, гнѣвное расположеніе и отсутствіе природыхъ симпатій. Когда нѣжность вызывается, сопутствующими обстоятельствами обыкновенно бываетъ

крайняя слабость, нѣжное расположеніе или связь страданія съ нѣкоторою нѣжною формою отношенія.

4. Съ *духовной* стороны, нѣжность есть чувство, по качеству—пріятное, по степени—массивное и не острое. Его замѣчательная особенность (которая можетъ быть слѣдствіемъ предшествующихъ свойствъ) есть его связь съ спокойствіемъ и отдыхомъ.

Отличительною чертою обширнаго возбужденія служитъ то, что оно дѣйствуетъ слегка на обширную поверхность, производя этимъ весьма продолжительное и постоянное удовольствіе. Въ этомъ выражается особенно природа нѣжнаго чувства и опредѣляется его великое значеніе въ жизни человѣка. Оно есть самое успокоивающее средство въ болѣзненномъ возбужденіи, ласкательная сила въ скорби и путь къ наслажденію, когда силы нервной системы находятся въ сильнѣйшемъ упадкѣ или временно покидаютъ человѣка.

Въ отношеніи *воли*, нѣжное чувство побуждаетъ къ усилію ради своей собственной пользы, подобно другимъ удовольствіямъ, смотря по ихъ степени. Его успокоивающее вліяніе на болѣзненное возбужденіе есть замѣна новаго состоянія, такъ какъ оно, занимая сильно и пріятно умъ, служитъ силою, отмѣняющею другія состоянія.

Интеллектуальное свойство нѣжности вытекаетъ изъ другихъ. Будучи легко поддерживаемо, оно обладаетъ, въ высокой степени, свойствомъ постоянства и воспроизводимости въ идеѣ.

Способность составлять прочныя ассоціаціи, по закону смежности, есть дальнѣйшее развитіе интеллектуальнаго свойства. Это чувство есть такое, которое присоединяется собственно къ чувственной прелести, какъ страхъ есть дополненіе къ чистому страданію; но когда оно часто возбуждается въ связи съ чувственнымъ предметомъ, оно начинаетъ возбуждаться при простомъ упоминаніи или мысли о томъ предметѣ; такова обычная или ассоціированная нѣжность, называемая любовью.

5. *Смѣшанный* характеръ чувства выясняетъ еще болѣе его главную характеристическую черту.

Дѣйствіе на волю, сообразное степени удовольствія, вмѣстѣ съ способностью памяти, обнаруживается въ энергіи, направленной въ пользу предметовъ склонности и нѣжнаго попеченія.

По отношенію къ желанію, эта эмоція поддерживаетъ его устойчи-

вость. Въ легко поддерживаемомъ чувствѣ одна идея вмѣщаетъ большую сумму удовольствія; „воображеніе наслажденія" есть въ нѣкоторой степени удовлетвореніе. Любовь часто удовлетворяется предметами чисто идеальными.

Контроль надъ вниманіемъ и рядами мысли, даже при обыкновенныхъ степеняхъ чувства, могъ бы самъ себѣ быть значительнымъ, хотя въ интенсивныхъ формахъ онъ можетъ быть тягостнымъ. Тоже самое можетъ быть сказано и о соединенномъ эффектѣ, въ отношеніи вѣры; на склонность къ любви, расположенію, дружбѣ разсчитываютъ какъ на законы человѣческой природы.

Виды нѣжной эмоціи.

6. Природа этой эмоціи преимущественно распространяется на человѣческія существа.

Человѣческая личность сочетаетъ стимулы лучше какого либо другого объекта. Внѣшность, дѣйствующая на чувство; звукъ и движеніе, съ умысломъ произведенныя, широко возбуждаютъ чувство, между тѣмъ отвѣтъ предполагаетъ другую личность.

Это чувство, въ извѣстныхъ предѣлахъ, свойственно стаднымъ животнымъ.

Семейная группа.

7. Отношеніе матери къ дитяти заслуживаетъ того, чтобы стоять на первомъ мѣстѣ.

Ребенокъ, какъ чувственный предметъ, имѣетъ всѣ свойства, которыя возбуждаютъ это чувство. Тѣло нѣжное и чистое, глазъ свѣжій и ясный, черты лица округленныя; небольшой ростъ и безпомощность; интересъ сопоставленія (сравненія), обнаруживающій столь много среднягo съ полнымъ и развитымъ индивидомъ; дѣйствія столь различныя и въ тоже время сходныя,—все это дѣлаетъ ребенка замѣчательнымъ предметомъ нѣжности для каждаго. По отношенію къ матери, встрѣчается усиливающее обстоятельство, возникающее изъ первоначальнаго отношенія къ ней самой и особеннаго употребленія ея энергіи, направленной на поддержаніе

жизни ребенка. Такое сочетаніе собственныхъ интересовъ и ассоціацій серьезной заботливости могло бы, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, запечатлѣть извѣстный предметъ въ умѣ; домъ или садъ, занимающіе такое положеніе, возрастаютъ въ чувствахъ владѣтеля. Во всякомъ случаѣ, когда этотъ предметъ есть человѣческое существо въ такомъ возрастѣ, который больше всего способенъ дѣйствовать на нѣжность, мы можемъ легко понять, какимъ образомъ такая форма отношенія становится завершительною инстанціею сильной личной привязанности.

Полное развитіе материнской любви включаетъ фактъ симпатіи, который отличенъ отъ нѣжнаго чувства въ собственномъ смыслѣ, хотя и соединяется съ нимъ.

Родительскія отношенія содержатъ въ себѣ не мало тѣхъ же самыхъ элементовъ. Здѣсь только менѣе личнаго соприкосновенія, но идеальныя чувствованія не менѣе сильны, такъ какъ вліяніе контраста и чувства покровительства могутъ быть даже обширнѣе.

8. Отношеніе половъ, основанное на производительной конституціи—одинъ изъ видовъ нѣжности.

Удовольствіе, соединенное съ половымъ отправленіемъ само по себѣ есть стимулъ нѣжности. Но кромѣ этого здѣсь дѣйствуетъ та разность тѣлосложенія, которая производитъ особенность одного пола по отношенію къ другому, обладающему отличнымъ родомъ влеченій. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ могучемъ дѣйствіи этого принципа, который кладетъ предѣлъ вліянію самыхъ совершенныхъ формъ и высшаго превосходства. Награды, которыми насъ постоянно окружаютъ, становятся приторными и предметы, которыми мы интересуемся, должны обладать хотя нѣкоторою разностію, хотя бы низшаго разряда. Самая высокая привязность происходитъ изъ самой сильной противоположности; но при этомъ важномъ объясненіи нужно замѣтить, что контрастъ не долженъ состоять изъ враждебныхъ качествъ, но лишь *восполняющихъ* другъ друга. Извѣстное лицо не должно любить то, что другое лицо ненавидитъ, но оба они должны взаимно дополнять черты, отсутствующія другъ у друга. Привязанности, основанныя на различіи, опредѣляемомъ такимъ образомъ, существуютъ между индивидами однаго и того же пола. Платоническая форма любви обнаруживается главнымъ образомъ между лицами различныхъ возрастовъ и въ отношеніи учителя къ ученику. Но въ отношеніяхъ двухъ половъ существующій контрастъ есть основа болѣе широкой привязанности. Идеальная

красота, производимая тѣлосложеніемъ,—на сторонѣ женщины; интересъ же въ мужскомъ сложеніи болѣе связывается съ ассоціаціями силы.

Благожелательныя аффекціи.

9. Въ благожелательности главнымъ элементомъ служитъ симпатія, которую не должно смѣшивать съ нѣжностію.

Полнѣе мы увидимъ далѣе, что въ симпатіи существеннымъ пунктомъ является усвоеніе страданій и удовольствій другого существа. Теперь, нѣжное чувство или любовь въ значительной степени помогаетъ этому овладѣнію ума чувствами другихъ, но это не единственный дѣятель. Требуется другая сила съ большимъ интеллектуальнымъ характеромъ.

10. Такъ какъ симпатія не служитъ необходимымъ источникомъ пріятнаго, то удовольствія благожелательности бываютъ случайны и косвенны.

Что это такъ, можно видѣть изъ нежеслѣдующаго.

Во первыхъ, любовь или нѣжное чувствованіе, по своей природѣ, пріятное, не есть еще для насъ необходимая причина для исканія блага извѣстнаго предмета далѣе того, что необходимо для удовлетворенія насъ самихъ въ угожденіи этому чувству. Оно, какъ и другія какія либо удовольствія, эгоистично и не переходитъ границъ чувствъ, перехватывающихъ личность.

Во вторыхъ, въ области духа, совершенно независимо отъ нѣжной эмоціи, возникаетъ принципъ симпатіи или готовности отвѣчать на удовольствія и страданія другихъ существъ, и поступать по отношенію къ нимъ такъ, какъ если бы эти удовольствія и страданія бнли наши собственныя. Вмѣсто того, чтобы быть для насъ источниками удовольствія, первичное дѣйствіе симпатіи заставляетъ насъ отказываться отъ удовольствія и идти на встрѣчу страданіямъ.

Въ третьихъ, занятіе ума предметами любви даетъ имъ, предпочтительно предъ другими, благодѣяніе нашей симпатіи; а этимъ мы спеціально побуждаемся дѣйствовать для возбужденія ихъ удовольствій и смягченія ихъ страданій. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что мы дѣлаемся счастливѣе черезъ это обстоятельство; напротивъ, мы можемъ быть вовлечены въ мучительные и тяжелые труды.

Въ четвертыхъ, *взаимообмѣнъ* симпатіи и добрыхъ отношеній способствуютъ большому возрастанію удовольствія съ обѣихъ сторонъ;

находясь, на самомъ дѣлѣ, подъ благопріятными обстоятельствами, онъ является однимъ изъ величайшихъ источниковъ человѣческаго наслажденія.

Въ пятыхъ, конечная цѣль благоустроеннаго общества такова, чтобы, на сколько возможно, никогда не оставлять добрыхъ отношеній неоплаченными. Если непосредственный предметъ ихъ не хочетъ или не можетъ отплачивать тѣмъ же вполнѣ,—такъ, когда мы оказываемъ помощь неимущему или незаслуживающему, другіе воздаютъ намъ одобреніе и похвалу. Само собою разумѣется, если бы добрыя дѣла, вмѣсто того, чтобы быть оцѣниваемыми такимъ образомъ, сами въ себѣ служили бы наградой, такое сознаніе не имѣло бы значенія.

Въ шестыхъ, существуетъ удовольствіе при видѣ счастливыхъ существъ, и мы естественно испытываемъ нѣкоторый подъемъ духа, служащій средствомъ къ такому пріятному дѣйствію.

11. Соболѣзнованіе или состраданіе выражаетъ симпатію въ соединеніи со скорбью, и обыкновенно предполагаетъ участіе нѣжнаго чувствованія.

Дѣйствительная помощь мучительному возбужденію собственно по симпатіи можетъ сопровождаться или не сопровождаться нѣжными проявленіями. Многія лица, мало отдающіяся смягчающему расположенію духа, очень симпатичны на пути оказанія услугъ. Другія проявляютъ симпатію въ формѣ простаго нѣжнаго изліянія быть можетъ съ легкою прибавкою чего-нибудь другаго. Быть преисполненнымъ симпатіей этого послѣдняго рода есть черта собственно сантиментальности.

12. Полученіе благодѣяній внушаетъ благодарность, основаніемъ которой служитъ симпатія, а руководящимъ принципомъ—сложная идея справедливости.

Удовольствіе, доставленное намъ другимъ человѣческимъ существомъ, немедленно возбуждаетъ нѣжный отвѣтъ. Какой бы силой симпатіи мы не обладали, мы входимъ въ удовольствія и страданія извѣстнаго лица, которое такимъ образомъ овладѣло нашимъ вниманіемъ. Высочайшая форма благодарности, которая побуждаетъ насъ къ отплатѣ благодѣяній и оказанію услугъ въ нѣкоторой пропорціи съ полученными благодѣяніями, составляетъ приложеніе принципа справедливости.

13. Въ одинаковыхъ жизненныхъ положеніяхъ представляется

просторъ для взаимнаго оказыванія благосклонности и благодарности.

Въ братствѣ, дружбѣ, сотоварйществѣ одного и того же общества, случайныя несоотвѣтствія даютъ мѣсто для взаимныхъ добрыхъ услугъ. При нѣжности, такимъ образомъ развивающейся, существуетъ союзъ влеченія для противодѣйствія соперничеству и уничтоженія эготизма въ человѣческомъ родѣ.

14. Участіе симпатіи дѣлаетъ простое зрѣлище благородства стимуломъ нѣжнаго чувствованія.

Это одна большая производительная причина фиктивной нѣжности, практикующаяся въ области изящнаго искусства. Симпатія интересуетъ насъ въ другихъ существахъ; ихъ страданія и удовольствія дѣлаются, въ нѣкоторой степени, нашими; и благодѣянія, удѣляемыя имъ, могутъ возбуждать нѣжное волненіе въ насъ. Болѣе сильныя проявленія благородства, когда какое нибудь оскорбленное лицо или врагъ воздаетъ добромъ за зло, трогательны даже для безучастнаго зрителя.

15. Низшія животныя суть предметы нѣжнаго чувства и взаимной привязности.

Ихъ полная зависимость мѣшаетъ соперничеству; между тѣмъ ихъ чувственныя прелести, живость, ихъ противоположность намъ самимъ и ихъ услуги способны вызвать нѣжность и любовь.

Взаимная привязанность животныхъ къ людямъ будучи болѣе, чѣмъ та, которую они могутъ поддерживать по отношенію къ ихъ собственнымъ видамъ, показываетъ, что чувство получаемыхъ услугъ способно возбуждать въ нихъ природное нѣжное чувство Здѣсь можно видѣть, къ чему можетъ вести такое чувствованіе при отсутствіи совершенно отличнаго отъ него свойства симпатіи, проявляющейся въ нихъ въ степени не меньшей, чѣмъ и въ раннемъ періодѣ дѣтства.

16. Существуетъ форма нѣжности, обнаруживаемая въ отношеніи къ неодушевленнымъ предметамъ.

Посредствомъ ассоціированной пріятной эмоціи мы можемъ, въ отношеніи нашихъ различныхъ владѣній и мѣстныхъ окрестностей, испытывать нѣкоторую теплоту, имѣющую свойство влеченія. Это происходитъ изъ первичной способности этихъ предметовъ доставлять удовольствіе, которое и дѣйствуетъ на возникновеніе нѣжности; но такъ какъ оно не отвѣчаетъ ихъ собственной цѣли, удовлетвореніе чувства бываетъ фантастичное или фиктивное. Сюда

приходитъ на помощь олицетворяющій импульсъ, и, проходя чрезъ нѣкоторыя изъ формъ, даетъ намъ возможность испытывать въ дѣйствительности нѣжное отношеніе.

Грусть.

17. Грусть есть страданіе, происходящее отъ потери предметовъ любви; нѣжное чувствованіе служитъ здѣсь средствомъ утѣшенія.

Любовь предполагаетъ привычное отношеніе къ другому лицу, сплетеніе мыслей, интересовъ, удовольствій, дѣятельности,—болѣе или менѣе широкое, смотря по близости отношеній. Быть лишоннымъ всего этого—значитъ потерять существенную опору жизни; по принципу самосохраненія, такая потеря есть несчастіе. Исчезновеніе чего либо такого, къ чему мы привыкли и отъ чего мы стояли въ зависимости, повергаетъ насъ въ состояніе безпомощности и несчастія, доколѣ мы не будемъ въ состояніи создать для себя новой поддержки.

Низшія животныя способны къ грусти. Собака тоскуетъ и иногда умираетъ въ отсутствіе ея хозяина, будучи не въ состояніи перенести лишеніе или возстановить прежнюю привязанность.

Это, однако, характеристичная черта нѣжнаго—чувства распространяться быстро подъ возбужденіемъ такихъ случаевъ и доставлять, съ почти неистощимымъ запасомъ, обширную степень утѣшенія. Это составляетъ живительную и исцѣляющую сторону грусти. Подобное удовлетвореніе не доставляется, въ такой же степени, въ другихъ потеряхъ, — недостаткѣ словеснаго выраженія, мести, или поношеніи.

18. Соціальныя и нравственныя черты (свойства) нѣжности имѣютъ важное значеніе, хотя лучшая часть дѣйствія ихъ обязана соучастію симпатіи.

Все, стремящееся доставить намъ удовольствіе въ другихъ существахъ, создаетъ изъ насъ близкое общество и приноравливаетъ насъ самихъ къ другимъ. Образованіе формъ и выраженіе нѣжности принадлежитъ къ искусству цивилизованныхъ людей.

Удивленіе и уваженіе.

19. *Удивленіе* есть отвѣтъ на пріятное чувство, возбужденное достоинствомъ или превосходствомъ;—чувство, близко связанное съ любовію.

Случаи удивленія разнообразны и сложны, и будутъ разсмотрѣны подъ рубрикою „высокаго" (Эстетическія эмоціи). То, что мы здѣсь хотимъ сказать объ этомъ чувствѣ, такъ это то, что но есть чувство, легко входящее въ группу нѣжныхъ; разумъ ищетъ не единственно только того, что составляетъ удовольствіе, но также предполагаетъ и другое чувствующее существо, способное воспринимать выраженія удивленія.

Частый переходъ отъ удивленія къ любви свидѣтельствуетъ объ общности этихъ двухъ чувствованій: удивленіе безъ извѣстной степени ласковаго обхожденія есть исключительное и искусственное состояніе, которое требуетъ извѣстнаго усилія духа, чтобы его поддерживать; какъ напр. при размышленіи объ „Алкивіадѣ или Мальборо".

20. *Уваженіе* относится къ исполненію существенныхъ обязанностей, пренебреженіе которыми сопряжено съ несчастіемъ.

Наше уваженіе возбуждается скорѣе полезными, чѣмъ блестящими качествами. Когда мы съ сожалѣніемъ узнаемъ о послѣдствіяхъ личнаго неисполненія или опущенія въ обязанностяхъ и поведеніи жизни, происходитъ утѣшительная реакція при видѣ противоположнаго поведенія. Это есть реакція страданію, не чуждая нѣкоторой боязни; будучи связана съ лицами, она вступаетъ въ классу нѣжныхъ чувствованій. Мы уважаемъ человѣка благоразумнаго, справедливаго, самостоятельнаго или независимаго; наше пріятное чувство имѣетъ свое происхожденіе въ возможности несчастія при отсутствіи этихъ качествъ, и бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше наше опасеніе за эти несчастія.

Удивленіе и уваженіе сопровождается почтеніемъ—видомъ расположенности къ тѣмъ лицамъ, которыя возбудили эти чувства.

Благоговѣніе—религіозное чувство.

21. *Религіозное чувство* слагается изъ нѣжной эмоціи, соединенной со страхомъ и чувствомъ высокаго.

Мы должны предположить, что родовой чертой религіи является управленіе или авторитетъ; специфическая особенность его та, что онъ авторитетъ сверхъестественный. Этимъ религіозная эмоція отличается отъ чисто поэтическихъ эмоцій, которыя такъ часто смѣшиваются съ нею.

Сложность религіознаго чувства выражается въ тѣсномъ соединеніи—„удивленія, любви и благоговѣнія“.

1) Обширность правящей силы въ мірѣ, на сколько она можетъ быть понята, есть источникъ стремленія къ высокому. Большая трудность заключается въ соединеніи этой эмоціи съ невидимою и духовною Сущностію, которая требуетъ чувственнаго величія дѣйствительнаго міра и высочайшей силы поэтическаго выраженія для того, чтобы хотя сколько нибудь представить себѣ эту сущность мысленно.

2) Наше положеніе слабости, зависимости и неизвѣстности повергаетъ насъ въ область страха. Это чувство измѣняется съ нашими сознательными проступками, когда они сравниваются съ требованіями верховнаго правителя. Второстепенная роль религіи, въ цѣляхъ политическихъ, основывается на внушеніи ужасовъ вѣры; орудіе—полное опасностей. Самодержавіе Россіи не могло побудить даже солдатъ отказаться отъ соблюденія поста во время всеобщаго опустошенія холерою.

Почти вовсѣхъ видахъ религіи, чувство зависимости выступаетъ въ качествѣ центральнаго факта.

3) Любовь или нѣжная эмоція также входитъ въ религіозное чувство, по скольку Божество разсматривается съ точки зрѣнія благости или милосердія. Повидимому есть нѣкоторая несообразность между нѣжностію и страхомъ; на самомъ же дѣлѣ, при болѣе тѣсномъ отношеніи управителя къ управляемому, совершенная взаимная любовь рѣдка и исключительна; развитіе авторитета охлаждаетъ нѣжность.

Верховное и благое Существо можетъ быть постигнуто и постигается многими, какъ оказывающее благодѣянія безъ всякихъ препятствій или ограниченій, или навлеченія наказаній. По отношенію къ Нему, нѣжное и обожающее чувство можетъ проявляться въ чистомъ видѣ, или что тоже безъ примѣси страха. Благодѣтель въ этомъ случаѣ отдѣляется отъ правителя, и существеннаго характера религіи болѣе не существуетъ.

Благоговѣніе на земномъ и человѣческомъ пониманіи есть чувство, обнаруживаемое не столько къ дѣйствительному и настоящему авторитету, сколько къ силѣ ужѣ бывшей, прошедшей. Оно соединя-

етъ съ представленіемъ величія паѳосъ смертности и разрушенія. Таково свойство памяти объ умершихъ, иногда выражаемое въ обрядахъ полурелигіознаго характера. Послѣдователи Конфуція въ Китаѣ, не имѣющіе никакой религіи въ собственномъ смыслѣ слова, сходятся въ извѣстные періоды для чествованія ихъ умершихъ предковъ.

Почитаніе есть названіе для высокаго удивленія и уваженія, безъ мысли объ авторитетѣ. Такъ мы можемъ выражать почитаніе и чувствовать уваженіе по отношенію къ людямъ государственнымъ, филантропамъ, людямъ науки или знанія.

ГЛАВА VI.

Эмоціи, относящіяся къ нашему „я".

1. Терминъ „я" не употребляется здѣсь въ какомъ нибудь изъ его широкихъ смысловъ, но есть краткое заглавіе для обозначенія двухъ соединенныхъ группъ чувствованій—одной выражаемой словами самонаслажденіе, самодовольство, самоуваженіе, гордость; другой—любовь къ удобренію, тщеславіе, желаніе извѣстности или славы.

Наиболѣе обширныя понятія, какъ самость, самолюбіе, эготизмъ обнимаютъ коллективные интересы индивида, какъ исключающіе, или просто какъ не включающіе, интересы другихъ. Существуютъ, поэтому, многія другія формы эготизма, сверхъ тѣхъ, о которыхъ мы трактуемъ. Напримѣръ, любовь силы (не включенная сюда) лежитъ на крайнемъ полюсѣ эготизма; будучи, съ трудомъ, если только вообще совмѣстима съ попеченіемъ о другихъ. Многія чувствованія суть сами по себѣ чисто эгоистическія, но ихъ наслажденіе не полно безъ соціальнаго участія; таковы—нѣжность и половое чувство; они симпатичны если не по назначенію, то по случайному свойству.

Самонаслажденіе и самоуваженіе.

2. Это чувство испытывается, когда мы находимъ въ насъ самихъ извѣстныя качества, которыя, будучи встрѣчаемы въ другихъ, вызываютъ удивленіе, почтеніе, любовь или уваженіе.

Удивленіе, какъ выше указано, соединяетъ подъемъ высокаго съ нѣжностью и бываетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ высшей степени пріятно. Нѣкоторыя свѣжія проявленія превосходства, такого характера, который мы способны оцѣнивать, наполняютъ насъ наслажденіемъ, часть котораго можетъ быть отнесена на счетъ чувства удивленія.

Въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ разсмотрѣть, какая перемѣна получается, когда мы сами бываемъ предметомъ удивленія. Удовольствіе, въ такомъ случаѣ, обыкновенно, бываетъ значительно больше. Возникаетъ вопросъ, есть ли это одно и тоже чувство съ указанными видоизмѣненіями, или это—новое чувствованіе въ области духа?

3. *Физическая* сторона этого чувства представляетъ выраженіе замѣтнаго удовольствія, свѣтлаго и тихаго, на сколько оно можетъ сопутствовать нѣжному чувствованію.

Въ такомъ его выраженіи нѣтъ ничего, что могло бы дать ключъ къ дальнѣйшему анализу этого чувствованія, хотя оно совершенно согласно съ сужденіемъ, произносимымъ о немъ и съ духовной стороны.

4. Съ *духовной* стороны мы можемъ разсматривать самодовольство, какъ нѣкоторый видъ нѣжнаго чувства, объектомъ котораго служимъ мы же, т. е. наше „я“; удовольствіе, производимое имъ, есть удовольствіе удивленія предмету нѣжной привязанности.

Допустимъ, прежде всего, случай удивленія, производимый на низшее по положенію лицо, когда напримѣръ, отецъ вызывается сказать о заслугахъ, добродѣтеляхъ или прекрасныхъ свойствахъ дитяти. Очевидно, здѣсь происходитъ двойное теченіе пріятнаго возбужденія; удивленіе переводитъ любовь въ активное состояніе, и возбужденная любовь ускоряетъ возникновеніе чувства удивленія. Ненужно думать, что удовольствіе удивленія бываетъ только къ такому лицу, въ которомъ мы заинтересованы по другимъ причинамъ; оно было бы такимъ же и по отношенію къ лицу въ которомъ мы совершенно незаинтересованы.

Теперь, различные факты свидѣтельствуютъ, что каждый человѣкъ расположенъ пріобрѣсти обычную самонѣжность т. е. сдѣлать такъ, чтобы каждый для самого себя былъ объектомъ любви.

По отношенію къ другимъ личностямъ мы имѣемъ полный и первичный опытъ нѣжнаго чувствованія, но если оно,

въ какой бы то ни было формѣ, можетъ распространяться на неодушевленные предметы, то само собой еще больше оно должно возникать по отношенію къ нашей собственной личности. Когда, кромѣ наслажденія удовольствіями и преслѣдованія цѣлей, мы обращаемъ наше вниманіе на самихъ себя, какъ субъектъ всѣхъ этихъ удовольствій и стремленій, мы можемъ возбуждаться прибавочнымъ нѣжнымъ чувствомъ, которое со временемъ переходитъ въ любовь. Внимательность и забота матери по отношенію къ ребенку въ значительной степени обусловливаетъ силу ея любви; больное дитя часто бываетъ самое любимое. Подобный кругъ вниманія и заботливости, сознательно направленный на себя, имѣетъ такую же тенденцію; мы можемъ на этомъ пути, если поставимъ самихъ себя предметомъ сознанія, сдѣлаться предметомъ самонѣжности, возрастающей до самолюбви, (каковое чувство не нужно смѣшивать съ тѣмъ, что обыкновенно зовутъ *самолюбіемъ*).

Возможно въ отношеніи заботъ взять направленіе столь исключительно внѣшнее, быть столь поглощеннымъ другими личностями и чисто внѣшними событіями, что перестать быть отзывчивымъ въ отношеніи къ себѣ. Въ такомъ положеніи чувство самодовольства могло бы исчезнуть; видъ превосходства въ нѣкоторыхъ другихъ лицахъ можетъ имѣть теплоту и усладительную живость, между тѣмъ какъ по отношенію къ себѣ самому подобныя волненія могли бы сказываться только въ слабой степени. Такое совершенное отсутствіе самости можетъ быть рѣдко, потому что самосознательная тенденція съ трудомъ можетъ быть сведена къ нулю, посредствомъ какихъ либо внѣшнихъ привязанностей; однако существуютъ столь же широкія измѣненія въ степени этого чувства, сколь велики разности въ выборѣ предметовъ нѣжной заботливости.

Если таково происхожденіе разсматриваемаго чувства, характерическія свойства его—ясны. Оно есть удовольствіе большого объема, соединенное съ пассивной стороной нашего существованія и обладающее всѣми свойствами нѣжнаго чувства. Оно можетъ поддержать насъ въ состояніи слабости и унынія: оно легко сохраняется и воспоминается въ идеальной формѣ; если оно основано на широкой эмоціональной натурѣ, можетъ доставлять обильные источники наслажденія.

Оно имѣетъ такую же высокую интеллектуальную живучесть, какъ и обыкновенная форма нѣжности, направляя вниманіе, контролируя мысли и приводя убѣжденія въ согласіе съ самимъ собою.

5. Болѣе обыкновенныя *специфическія формы* этого чувства получили названія на обычномъ языкѣ.

Самодовольство выражаетъ актъ удовольствія, проистекающаго отъ мысленнаго вращенія около своихъ собственныхъ достоинствъ, превосходствъ, произведеній и принадлежностей, внушающихъ уваженіе. Оно располагаетъ насъ добиваться также симпатіи и вниманія другихъ, посредствомъ словесныхъ повѣствованій, ведущихъ къ той же самой цѣли.

Самоуваженіе и самомнѣніе заключаютъ въ себѣ постоянную мысль о нашихъ достоинствахъ, вытекающихъ изъ того, съ чѣмъ соединено уваженіе, именно,—преимущества по отношенію къ другимъ, при сравненіи. Это предпочтеніе обнаруживается чрезвычайно ясно въ особомъ свойствѣ самоувѣренности, которая не только можетъ быть разумной и вѣрной оцѣнкой нашихъ собственныхъ силъ, но и можетъ также служить оцѣнкою, возвышаемою самонѣжностью или любовью. Въ нѣкоторыхъ характерахъ, обладающихъ природною полнотою энергіи, активной или эмоціональной, чувство это такъ хорошо поддерживается, что обходится безъ подтвержденія мнѣніями другихъ людей. Это есть уважаемое, но не любезное, качество самонадѣянности.

Самоуваженіе и гордость внушаютъ чувство, какъ мотивъ къ поведенію. Создавши высокое о себѣ мнѣніе въ извѣстныхъ отношеніяхъ, мы воздерживаемся отъ того, чтобы унизить эту оцѣнку посредствомъ несоотвѣтствующаго поведенія. Искусный работникъ обладаетъ гордостью, не дозволяющею ему выпускать плохія произведенія. Человѣкъ честнаго поведенія, если онъ сознательно гордится своею честностію, имѣетъ добавочный мотивъ къ исправности въ выполненіи своего дѣла. Это—особое чувство чести, разсматриваемое какъ самочесть; оно можетъ существовать рядомъ съ уваженіемъ къ чувствамъ другихъ.

Самосожалѣніе, или жалость къ себѣ, есть тихое обнаруженіе чувства въ отношеніи насъ. Нѣтъ сомнѣнія, что это-видъ нѣжнаго чувства, обращеннаго однако на наше „я"; оно служитъ строгимъ подкрѣпленіемъ предъидущаго анализа.

Соревнованіе и чувство превосходства выражаютъ эмоцію, на сколько она возникаетъ въ дѣлѣ сравненія насъ самихъ съ другими. Всякое превосходство нуждается въ сравненіи—открытомъ, или скрытомъ. Когда сравненіе дѣлается открыто, и когда мы отчетливо знаемъ о нашемъ преимуществѣ передъ другимъ лицомъ и вкушаемъ

удовольствіе этого положенія, чувство это называется чувствомъ превосходства, а импульсъ пріобрѣтенія его—соревнованіемъ. Зависть есть чувство ничтожества съ зложелательнымъ оттѣнкомъ по отношенію къ сопернику.

6. Существуютъ хорошо извѣстныя формы страданія, въ противоположность только что описаннымъ удовольствіямъ.

Самая любезная и уважаемая, съ этой стороны, есть добродѣтель, называемая смиреніемъ или скромностію, которая, безъ всякой самооцѣнки, производитъ то, что ради другихъ мы воздерживаемся отъ проявленій чувства самодовольства. Это есть видъ *благородства*, состоящій въ отреченіи отъ доли самоуваженія, съ цѣлію уступить еще большую степень уваженія другимъ.

Чувство положительнаго недостоинства или вины есть настоящее, дѣйствительное страданіе самонѣжности и обозначается именами униженія и само-приниженности. Рѣдко бываетъ, что люди могутъ чувствовать это состояніе; забота о себѣ слишкомъ сильна, чтобы дать мѣсто этому чувству. Когда оно даетъ нѣкоторую пищу для ума, тоска и уныніе бываютъ сильны, пропорціонально радости противоположнаго состоянія. Оно аналогично съ открытіемъ вины въ предметахъ привязанности или любви и дѣйствуетъ подобно толчку отвращенія и скорби самого мучительнаго свойства. Подобно тому какъ удовольствія нѣжнаго чувства распространяются и пополняютъ жизнь, вслѣдствіе ихъ идеальной самостоятельности, тоже производятъ страданія недостоинства въ нашихъ глазахъ, если только они хоть разъ сдѣлались достояніемъ ума.

Самоприниженіе, слѣдствіе чувства вины, есть первая ступень къ облегченію; обыкновенно имъ предполагается, что извѣстное лицо оставило всякія претензіи на заслугу и успокоилось на понесенномъ за вину наказаніи. Состояніе раскаянія начинается съ сознанія недостоинства и помогаетъ возвратить потерянное положеніе посредствомъ новыхъ усилій.

Самоукоръ есть другое имя, приложимое къ потерѣ добраго мнѣнія о себѣ.

Любовь къ одобренію.

7. Чувствованіе того, что мы—предметъ одобренія, удивленія и похвалы со стороны другихъ, есть возвышенная форма самодовольства, обязаннаго дѣйствію симпатіи.

Дѣйствіе симпатіи подробнѣе будетъ описано ниже. Здѣсь довольно признать, что согласное выраженіе другого лица поддерживаетъ и укрѣпляетъ насъ въ нашихъ собственныхъ чувствахъ и взглядахъ; здѣсь существуютъ опредѣленныя обстоятельства, которыя измѣняютъ вліяніе, возбуждаемое лицомъ симпатизирующимъ.

Когда мы аффектируемся какой либо эмоціей, симпатія другого лица можетъ увеличить какъ интенсивность чувствованія, такъ и силу, поддерживающую ее; говоря иначе, добавляетъ удовольствія чѣмъ либо такимъ, что пріятно. Наше удивленіе труду генія долѣе продолжается и имѣетъ большую яркость и твердость, когда его раздѣляетъ симпатизирующій кружокъ.

Далѣе, въ отношеніи степени нашей увѣренности въ своихъ мнѣніяхъ или воззрѣніяхъ, мы укрѣпляемся, встрѣчая согласныя мнѣнія другихъ лицъ. Убѣжденіе можетъ удвоиваться и утроиваться въ силѣ, когда оно повторяется тѣмъ, кого мы очень уважаемъ.

Теперь, оба поименованныя обстоятельства присутствуютъ въ случаѣ восхваленія насъ другими. Наше самодовольство горитъ ярче, и наша оцѣнка себя становится болѣе увѣренною, когда другой голосъ звучитъ въ согласіи съ нашимъ собственнымъ.

Извѣстно также, что комплиментъ другого лица есть поводъ перевести наше самодовольство въ дѣйствіе. По скольку наши различныя эмоціи обнаруживаются только въ случайныхъ вспышкахъ послѣ долгаго промежутка спокойствія, мы бываемъ зависимы отъ стеченія подходящихъ стимуловъ. Теперь, въ отношеніи самодовольства, однимъ стимуломъ служитъ какое либо только что оконченное нами дѣло, другимъ—признаніе важности этого дѣла со стороны другихъ. Новизна въ возбужденіи служитъ условіемъ богатого излиянія какой либо эмоціи, пріятной или иной.

Къ дѣйствительному удовольствію одобренія и соотвѣтственному страданію неодобренія мы должны присоединить ассоціаціи другихъ благъ, достигаемыхъ первымъ, и навлеченія золъ—вторымъ. Одобреніе внушаетъ обширную область возможнаго блага, или избавленія отъ возможныхъ несчастій, что должно, въ значительной степени, возвысить радостное вліяніе, производимое имъ на нашъ духъ. Подобно вліянію радости съ одной стороны и вліянію угнетенія—съ другой, извѣстныя мнѣнія нашихъ товарищей занимаютъ важное мѣсто среди воздѣйствій, контролирующихъ наше счастіе.

8. Болѣе замѣчательные *виды* или формы этого чувства—слѣдующіе.

Простое одобреніе есть низшая и самая общая форма выраженія добраго мнѣнія. Оно можетъ значить немного болѣе, чѣмъ свобода отъ порицанія, положеніе нашего духа въ покоѣ, когда мы могли бы находиться подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, какъ напр., отдавая отчетъ хозяину или начальнику. Удовольствіе въ этомъ случаѣ есть мѣра нашего опасенія за не одобреніе и его послѣдствія.

Удивленіе и похвала выражаютъ нѣчто большее и возвышеннѣйшее по отношенію къ самодовольству. Ласкательство и лесть суть крайности, предполагая даже, что они и не невѣрны въ отдачѣ комплементовъ. Слава выражаетъ высокую и блестящую форму похвалы; значительная масса выражаетъ свой восторгъ похвалами. Репутація или слава предполагается распростроняемою за узкій кружокъ индивидуальной жизни и переходящею въ отдаленныя страны и вѣка; необходимо усиліе воображенія, чтобы реализировать это удовольствіе Будущая слава не есть пустое слово; одобреніе, раздающееся послѣ смерти, звучитъ въ ушахъ живущихъ. Честь есть признаніе за извѣстнымъ лицомъ высокаго положенія и выражается въ формахъ вѣжливости и въ знакахъ уваженія.

Правила учтиваго общества включаютъ оказаніе почтенія, соединеннаго съ любезностію. Съ одной стороны, заботливое избѣжаніе всего того, что по расчету должно задѣть чувство собственнаго достоинства, и—съ другой, полное и совершенное признаніе всѣхъ заслугъ и превосходства, есть искусство развитого возраста, когда увеличиваются соціальныя удовольствія и жизненнные вкусы.

9. Различныя формы неодобренія представляютъ мучительную сторону воспріимчивости къ мнѣнію.

Неодобреніе, порицаніе, осужденіе, ругательство, диффамація, упрекъ, пренебреженіе, презрѣніе, безславіе суть нѣкоторыя изъ именъ для причиненія страданія враждебными сужденіями другихъ. Если мы сами сознаемъ нашъ проступокъ, они усиливаютъ тяжесть угнетенія; а если мы не сознаемъ какого либо заслуженнаго зла, они все таки гнетутъ насъ, соотвѣтственно тому, на сколько мы должны были бы испытывать удовольствіе въ противоположныхъ случаяхъ. Какъ дальнѣйшее обозначеніе золъ, ассоцированныхъ съ дурнымъ мнѣніемъ со стороны извѣстной части общества, сильное неодобреніе нашихъ товарищей, не допускающее опроверженія,—способно сдѣлать жизнь невыносимою.

Страданіе угрызенія дополняется соединеніемъ самоупрека съ упрекомъ со стороны другихъ, окружающихъ насъ. Многіе, имѣющіе мало чувствительности къ первому, сильно реализируютъ послѣднее. Чувство стыда совершенно разрѣшимо въ неодобреніе, или открыто выражаемое, или завѣдомо существующее.

10. Самодовольство и любовь къ удивленію суть мотивы къ личному превосходству и общественному настроенію.

Эгоистическая, въ своемъ происхожденіи, тенденція этихъ чувствъ можетъ быть высоко социальной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ много добрыхъ общественныхъ дѣлъ было сдѣлано благодаря наградамъ и наказаніямъ со стороны общественнаго мнѣнія, которое нѣкоторые изслѣдователи нравственности считали не способнымъ для опредѣленія нѣкоторыхъ чисто безкорыстныхъ импульсовъ въ поведеніи людей.

Анти-соціальная сторона этихъ эмоцій выражается въ сильномъ соперничествѣ за роскошь ограниченной цѣнности. Находящееся въ распоряженіи удивленіе человѣчества слишкомъ незначительно для требованій на него.

ГЛАВА VII.

Эмоція силы.

1. Эмоція силы отлична какъ отъ удовольствія дѣятельности, такъ и удовольствія при достиженіи нашихъ цѣлей. Она обязана чувству *высшаго* могущества или энергіи, обнаруживающемуся при сравнительномъ состязаніи.

Мы уже видѣли, что существуютъ удовольствія, соединенныя съ мускульною дѣятельностію, когда есть излишекъ силы, готовой разрѣшиться. Такимъ же образомъ можетъ существовать нѣкоторое удовольствіе въ интеллектуальной дѣятельности, какъ дѣятельности, подъ тѣмъ же самымъ условіемъ обилія энергіи въ интеллектуальныхъ органахъ.

Въ дѣятельномъ преслѣдованіи цѣли необходимо существуетъ нѣкоторое удовольствіе достиженія ея, или страданія—отъ недо-

стиженія. Когда наша дѣятельность обезпечиваетъ достиженіе цѣлей, она приноситъ намъ нѣкоторое удовольствіе, принадлежащее къ этимъ цѣлямъ.

Ни одно изъ этихъ удовольствій не есть удовольствіе силы, которое возникаетъ только тогда, когда производится сравненіе между двумя лицами или между двумя усиліями одного и того же лица и когда одно изъ нихъ оказывается *выше* другаго.

Это чувство высшей силы сознается въ развитіи тѣлеснаго и духовнаго организма. Подрастающій юноша находитъ удовольствіе въ возрастаніи свой силы; каждый новый успѣхъ въ знаніи, побѣжденіи трудностей даетъ волненіе удовольствія, основанное, главнымъ образомъ, на сравненіи. Сознаваемый упадокъ нашихъ способностей въ старческомъ возрастѣ—обратный фактъ.

Второй видъ сравненія относится къ большей производительности нашихъ усилій; когда мы, напримѣръ, достигаемъ лучшихъ орудій или работы надъ болѣе благодарнымъ матерьяломъ. Учитель утѣшается ученикомъ подающимъ надежды. Успѣшное распоряженіе производитъ тоже самое чувство.

Третій видъ есть сравненіе съ другими. Въ состязаніи, или спорѣ, счастливый противникъ получаетъ удовольствіе высшей силы. Сообразно съ числомъ и извѣстностію людей, которыхъ мы оставляемъ за собой, чувство силы становится чувствомъ превосходства. Подобно всѣмъ другимъ относительнымъ состояніямъ, эмоція эта не можетъ подниматься до высшей точки безъ новыхъ успѣховъ. Продолжительное пребываніе въ высокомъ положеніи притупляетъ чистое чувство превосходства (не уничтожая другихъ преимуществъ); соотвѣтственно съ этимъ и воспоминаніе о низшемъ положеніи исчезаетъ, при наслажденіи лучшимъ настоящимъ. Человѣкъ, который занималъ высокое положеніе всю свою жизнь, чувствуетъ свою высоту только тогда, когда входитъ въ положеніе тѣхъ лицъ, которыя ниже его; если онъ не способенъ безпокоить себя подобными вещами, онъ имѣетъ незначительное сознаніе своего превосходства.

2. *Физическая* сторона эмоціи силы выражается въ прямизнѣ и гордости фигуры и приливѣ физической энергіи, происходящей какъ бы изъ внезапнаго притока нервной силы; не рѣдкимъ спутникомъ этой эмоціи бываетъ взрывъ смѣха.

Прямизна осанки и стана разсматривается какъ соотвѣтствующее выраженіе большой силы; между тѣмъ согбенное или разслабленное положеніе служитъ обозначеніемъ низшаго качества. Если

мы обратимъ вниманіе на моментъ только что одержанной побѣды, мы увидимъ доказательства возрастанія жизненной силы въ излишествѣ и возбужденіи, а также и въ расположенности къ новымъ трудамъ. Мы привыкли противополагать духъ побѣдителей состоянію духа побѣжденныхъ.

Существуютъ различныя причины взрыва смѣха, но нѣтъ ни одной болѣе достойной, какъ внезапное проявленіе превосходства, или *блескъ* удачнаго эффекта. Подтвержденіе этого можно видѣть въ очевидныхъ обнаруженіяхъ ребяческой радости, въ развлеченіяхъ молодости и въ веселыхъ взрывахъ каждаго періода жизни.

Физическая крѣпость, происходящая изъ чувства превосходства силы, существуетъ въ соотвѣтствіи съ главнымъ закономъ самосохраненія. Сознательное безсиліе есть состояніе сопротивленія, столкновенія силъ; избавиться отъ него—значитъ отдохнуть отъ усилія, освободить жизненную энергію.

Дѣйствіе на волю есть слѣдствіе спеціальнаго соединенія нашего состоянія съ нашей дѣятельностью. Черезъ него мы бываемъ склонны къ энергіи, не единственно благодаря его удовольствію, какъ стимулу, но также черезъ его прямое вліяніе на активную сторону нашей организаціи. Это лучше можетъ быть понято чрезъ противопоставленіе съ пассивнымъ тономъ, проявляющимся въ нѣжной эмоціи.

3. Съ *духовной* стороны чувство силы бываютъ по качеству—пріятное; по степени—какъ острое, такъ и массивное; по своимъ спеціальнымъ свойствамъ оно стоитъ въ связи съ нашими активными состояніями.

Удовольствіе превосходства силы входитъ въ обширный классъ вызвышающихъ или опьяняющихъ удовольствій, обязанныхъ отраженію, или освобожденію отъ прежняго угнетеннаго состоянія. Самымъ тѣснымъ образомъ оно связано съ свободой. Въ томъ и другомъ случаѣ, активныя силы предполагаются находившимися въ состояніи изнуряющаго столкновенія, изъ котораго они внезапно освободились.

Съ интеллектуальной стороны, удовольствіе это невысокаго свойства, если принять во вниманіе цѣну, которою оно поддерживается. Будучи острымъ взрывомъ, оно можетъ направлять духъ на извѣстный путь, именно, въ фактѣ его существованія въ настоящее время; но мы не легко воспроизводимъ это удовольствіе въ идеальной формѣ, при отсутствіи дѣйствительнаго стимула. Отсюда, память о немъ

даетъ сравнительно весьма небольшое удовольствіе, хотя оно можетъ содержать зародышъ и готовность желанія. Въ этомъ отношеніи, оно противоположно нѣжности. Въ качествѣ наличнаго чувства, оно можетъ занимать умъ, контролировать мысли и порабощать убѣжденія.

4. Далѣе мы должны сказать о *специфическихъ формахъ* этой эмоціи.

Что на обыкновенномъ языкѣ зовется: „произвести сенсацію"— есть прекрасная иллюстрація отражающаго подъема сознательной силы. Ма наблюдаемъ его въ дѣтскомъ случаѣ веселья и радости. Какой нибудь поступокъ, производящій сильное впечатлѣніе, возбуждающее вниманіе, задерживая или ускоряя движеніе другихъ, отражаетъ силу дѣйствующаго лица и производитъ взрывъ радости. Причинить потрясеніе страха или отвращенія, или гнѣва (не опаснаго) значитъ произвести весьма сильное впечатлѣніе, и сравненіе дѣйствующимъ лицомъ своей собственной силы съ упадкомъ духа лица терпящаго производитъ взрывъ радостнаго подъема духа; смѣхъ является всегдашнимъ спутникомъ этого удовольствія.

Контроль надъ обширными дѣйствіями отражаетъ, посредствомъ сравненія, чувство превосходства дѣйствующей силы. Таково положеніе человѣка, чрезвычайно занятаго, выполняющаго множество операцій, всецѣло предпринимаемыхъ въ видахъ личнаго интереса. Такой человѣкъ не только собираетъ болѣе обильную жатву. но получаетъ удовольствіе и вслѣдствіе обширнаго контролированія.

Дѣйствіе приказанія или авторитета, во всѣхъ его многочисленныхъ особенностяхъ, сопровождается наслажденіемъ силы. Оно обнаруживается въ семейномъ главенствѣ; въ первобытныя времена—въ положеніи безконтрольнаго деспотизма. Оно свойственно всѣмъ вообще отношеніямъ хозяина къ слугѣ. Въ нѣкоторыхъ формахъ приложенія, какъ напримѣръ, въ военной службѣ, вслѣдствіе понятныхъ причинъ, эта власть дѣлается особенно повелительною; противоположности между физіономіями начальственной—лица высшаго и почтительною—лица низшаго здѣсь достигаютъ своего крайняго развитія. Въ области государственной большая власть поручается индивидамъ, которые, вслѣдствіе сего, чувствуютъ свое собственное высокое положеніе и заставляютъ другихъ чувствовать свое сравнительно низшее положеніе.

Удовольствіе богатства, особенно значительнаго, ведетъ къ высокой степени чувства силы. Богатые покупаютъ право распоря-

женія услугами многихъ лицъ, каковое, оставаясь даже внѣ пользованія, даетъ чувство силы въ идеѣ.

Нѣкоторые могутъ получать сознаніе своей силы внѣ служебнаго авторитета, силою убѣжденія, краснорѣчія, совѣта, или интеллектуальнаго вліянія. Ораторъ въ собраніи получаетъ наслажденіе описываемыхъ чувствованій въ этой формѣ.

Обаяніе силы свойственно и духовной власти. Въ религіозномъ управленіи человѣкъ сознаетъ авторитетъ высшій, чѣмъ всѣ временныя правила. Проповѣдникъ можетъ предположить, что его самая обычная композиція обязана сверхъестественному вдохновенію и производитъ дѣйствіе, превышающее самый отборный языкъ, употребляемый другими людьми.

Даже большій объемъ знанія даетъ положеніе сознательной силы, хотя и весьма далекое отъ вліянія насилія, или принужденія. Соотвѣтственно съ тѣмъ, когда извѣстный человѣкъ обладаетъ знаніями великой практической важности,—такими, какихъ другіе не имѣютъ, онъ поднимается до высоты гордости и могущества.

Любовь къ вліянію, вмѣшательству и контролю бываетъ на столько сильна и рельефна, что является великимъ фактомъ въ строѣ общества, главной причиной соціальныхъ явленій. Это ведетъ къ нетерпимости и угнетенію личностей. Многіе добровольно рѣшаются подчиниться тѣмъ или другимъ ограниченіямъ, въ силу того, что они сами могутъ имѣть тоже самое вліяніе на ихъ непослушныхъ сосѣдей.

Въ склонности вмѣшиваться въ дѣла другихъ людей и произносить благопріятные или неблагопріятные отзывы о поведеніи человѣчества вообще, скрывается тоже самое сознаніе силы. Болѣе открыто и гласно, оно обнаруживается въ различныхъ видахъ неодобренія, вызываемаго или справедливымъ чувствомъ проступка, или предвкушеніемъ удовольствія, возбуждаемаго въ насъ самихъ сужденіемъ и порицаніемъ другихъ. Презрѣніе, насмѣшки, пренебреженіе, порицаніе показываетъ величіе лица, выражающаго ихъ, въ противоположность униженію и ничтожеству лица, подверженнаго имъ.

Чувство силы, по всей вѣроятности, преобладаетъ въ активномъ или энергическомъ темпераментѣ, съ которымъ оно тѣсно связано. Въ формѣ честолюбія, оно составляетъ предметъ стремленій такихъ умовъ, которые высшее удовольствіе полагаютъ въ томъ, что бы сдѣлаться учителями всего человѣчества. Мы должны въ этомъ

случаѣ только сослаться на извѣстный классъ лицъ, который последовательно правилъ трономъ Римской имперіи. Описываемая эмоція, такимъ образомъ, высматриваетъ совершенно отличною отъ чувствъ, описанныхъ въ предъидущей главѣ, хотя легко смѣшивается съ ними. Многіе часто искали силы въ пренебреженіи репутацiей и наслаждались вліяніемъ, сопровождаемымъ всеобщею ненавистію.

5. Страданія безсилія, во всѣхъ отношеніяхъ, противоположны пріятному чувству силы.

Подчиненіе волѣ другихъ людей, и униженіе посредствомъ сравненія; пораженіе въ борьбѣ; зависимость отъ другихъ; отношеніе, исполненное презрѣнія и насмѣшекъ, обманъ въ своихъ ожиданіяхъ,—все это производитъ гнетущее чувство ничтожества. Обширное усиліе съ весьма малымъ результатомъ представляетъ собой поводъ къ смѣху и презрѣнію.

Къ упражненію чувства силы относится форма ревности. Извѣстное лицо, умаляющее наше чувство превосходства, вліянія, власти, главенства затрогиваетъ насъ заживое; возникающее отсюда раздраженіе, которому придается это страшное названіе, показываетъ напряженность нашихъ чувствованій.

ГЛАВА VIII.

Эмоція гнѣва.

1. Разражительная эмоція или гнѣвъ, возникающій, въ страданіи, отмѣчается удовольствіемъ, проистекающимъ изъ нанесенія страданія.

Безошибочный фактъ гнѣва указанъ еще Аристотелемъ—это желаніе нанести кому бы то ни было страданіе.

2. *Объектами* этого чувства бываютъ лица, какъ виновники страданія или обиды.

Неодушевленные предметы могутъ производить страданіе въ насъ, въ связи съ нѣкоторыми изъ спутниковъ гнѣва, какъ напр., проявленіе энергіи для противодѣйствія причинѣ страданія; но,

не облекая ихъ въ личности, мы не можемъ чувствовать собственно гнѣва по отношенію къ нимъ. Древніе жители Аркадіи, будучи несчастливы на охотѣ, обнаруживали свою злобу пронженіемъ деревянной статуи Пана, ихъ божества.

3. *Физическія* обнаруживанія гнѣва бываютъ сильнѣе и выше воплощенія предшествующаго страданія и суть: 1) общее возбужденіе, 2) взрывъ дѣятельности, 3) разстроенныя органическія отправленія; 4) характерное выраженіе и положеніе тѣла; и 5) взрывъ упоенія въ полномъ актѣ мести.

1) Общее возбужденіе системы вытекаетъ изъ какого либо удара, особенно внезапнаго и остраго, однако не имѣющаго разрушительнаго характера. Направленіе принимаемое возбужденіемъ зависитъ отъ другихъ вещей.

2) Въ гнѣвѣ, возбужденіе простирается на центры дѣятельности и поднимаетъ ихъ до необычной степени, иногда до бѣшенства, граничащаго съ помѣшательствомъ. Въ этомъ лежитъ противоположность страху, который отвлекаетъ силу отъ активныхъ органовъ и возбуждаетъ центры чувствительности и мысли.

3) Разстройство органическихъ функцій, вѣроятно, обязано единственно отливу крови и нервной силы; оно не принимаетъ, впрочемъ, какой либо постояннной формы. Популярное мнѣніе о выдѣленіи „желчи“ въ большомъ обиліи не болѣе истинно, какъ и подразумѣваемая потеря тона въ пищеварительныхъ органахъ.

4) Выраженіе лица и положеніе тѣла сохраняютъ строгую активную рѣшимость, причиняемую страданіемъ.

5) Въ состояніи полнаго возмездія радостное и ликующее выраженіе смѣшивается съ общимъ выраженіемъ и даетъ очертаніямъ особенное положеніе, усложненность всѣхъ импульсовъ.

4. Съ *духовной* стороны, гнѣвъ содержитъ въ себѣ импульсъ къ сознательному нанесенію страданія другому чувствующему существу и положительное удовлетвореніе въ фактѣ причиненнаго страданія.

Первое и очевидное дѣйствіе обиды—это возбудить насъ къ сопротивленію ей. Мы можемъ сдѣлать болѣе: мы можемъ для нашей болѣе дѣятельной защиты обезоружить и обезсилить лицо, наносящее намъ вредъ или обиду. Все это еще есть хотѣніе, а не гнѣвъ. Въ чувствѣ гнѣва мы идемъ далѣе и наносимъ страданіе виновни-

ку несчастія, на сколько онъ извѣстенъ, и получаемъ удовлетвореніе соотвѣтственно содержанію и объему страданія. Такое положительное *удовольствіе зложелательности* есть фактъ, требующій объясненія.

5. Въ дальнѣйшемъ анализѣ гнѣва, мы находимъ слѣдующіе ингредіенты:—1) Въ состояніи иступленнаго возбужденія нужно бываетъ какое либо *дѣйствіе,* чтобы дать исходъ накопившейся энергіи. 2) Видъ *физическаго безчестія* и *страданія* есть одна изъ формъ чувственнаго и чувствовательнаго удовольствія. 3) Здѣсь прислуживаетъ удовольствіе *силы.* 4) Существуетъ удовольствіе въ предупрежденіи дальнѣйшаго страданія по отношенію къ намъ самимъ, *путемъ возбужденія* къ намъ страха въ человѣкѣ, который проявляетъ въ отношеніи насъ зловредные замыслы.

1) Когда произведено состояніе активнаго возбужденія, должно существовать нѣчто такое, что дало бы ему просторъ или исходъ. Быть полнымъ энергіи и не имѣть ничего для ея траты—состояніе неудовлетворенности само по себѣ. Нѣкоторое измѣненіе или дѣйствіе, производимое по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, совершенно невиновнымъ въ причиненіи возбужденія, производитъ нѣкоторую степень облегченія. Оттолкнуть кресло, опрокинуть столъ, бросить что либо на полъ суть дѣйствія человѣка въ состояніи бѣшенства или бѣшанаго возбужденія. Разорваніе одежды служило у іудеевъ обозначеніемъ великаго удара и волненія, соединеннаго съ иступленнымъ возбужденіемъ.

2) При видѣ физическаго униженія и страданія, замѣчается положительное удовольствіе. При отсутствіи уравновѣшивающихъ симпатій, видъ страданія доставляетъ новое разнообразіе чувственной и чувствовательной стимуляціи, возникающей изъ нашего сношенія съ живыми существами. Въ низшихъ расахъ удовольствіе, прозводимое видомъ страданія, бываетъ громадно.

3) Въ нанесеніи страданія другому сказывается изобиліе эмоцій силы или превосходства. Сознаваемая разность или контрастъ между положеніемъ лица наказывающаго и существа, подверженнаго ему, есть поразительное доказательство превосходной силы и источникъ радости и упоенія. Дѣтское наслажденіе въ дѣйствіяхъ, или ощущеніяхъ, обнаруживается особенно сильно, когда извѣстное лицо или животное мучится и обнаруживаетъ знаки страданія.

Если бы не было нашихъ симпатій, нашихъ опасеній и нашихъ вообще сознательныхъ чувствованій, это наслажденіе могло бы сдѣлаться всеобщимъ, и мы неопускали бы ни одного случая удовлетворенія его. Теперь же, когда другое лицо наноситъ намъ страданіе или причиняетъ обиду, непосредственное дѣйствіе останавливается чувствами симпатіи, уваженія, долга, и тѣмъ открываетъ путь для другихъ удовлетвореній. Подведеніе обидчика подъ опалу власти дѣлаетъ его изгнанникомъ, лицомъ, лишеннымъ покровительства закона; священность его особы не признается, и онъ отдается наплыву страстей, находящихъ свое наслажденіе въ страданіи. Правда, въ цивилизованныхъ обществахъ невинное и безвредное рѣдко можетъ подлежать наказанію; но пусть какой либо человѣкъ или животное, какимъ либо проступкомъ или дурнымъ поведеніемъ даетъ поводъ къ отмѣнѣ закона *habeas corpus* (неприкосновенность личности), и толпа будетъ уже находить наслажденіе въ ихъ гибели.

4) При отплатѣ лицу, причинившему намъ страданіе, достаточно сильной, чтобы застращать его отъ возобновленія обиды, мы освобождаемся отъ причины страха; а это утѣшаетъ насъ какъ реакція и освобожденіе отъгнетущаго вліянія. Мы чувствуемъ это удовлетвореніе, укрощая дикихъ звѣрей, наказывая скопище разбойниковъ, обращая въ бѣгство и обезоруживая непріятельскую силу.

Разсматриваемое, какъ пріятное удовлетвореніе, это чувство измѣняется сообразно съ элементомъ, который мы предполагаемъ господствующимъ. Если главнымъ фактомъ бываетъ пресыщеніе чувствительности и силы, чувство это—одно изъ крупныхъ и острыхъ удовольствій и можетъ быть описано отчасти языкомъ, уже указаннымъ относительно эмоціи силы.

6. Затѣмъ могутъ быть разсмотрѣны различные формы и *виды* гнѣва.

Въ низшихъ животныхъ извѣстныя обнаруженія признаются видами раздраженія. Хищные звѣри истребляютъ и пожираютъ свои жертвы съ неистовымъ возбужденіемъ ярости, тогда какъ нѣкоторыя травоядныя животныя, какъ быкъ и олень, дерутся другъ съ другомъ до смерти. Всѣ животныя, обладающія храбростію и энергіей, отражаютъ атаки и нападенія посредствомъ положительныхъ страданій; ядовитыя пресмыкающіяся и насѣкомыя, подвергаясь нападенію, изрыгаютъ свой ядъ.

Свирѣпость въ нападеніи на добычу есть не болѣе какъ хотѣніе подъ стимуломъ голода. Такъ, въ отраженіи нападенія, животное побуждается проявлять свою дѣятельность всю-

ду, гдѣ и какъ только возможно. Не легко опредѣлить точку, гдѣ образуется нѣчто большее, чѣмъ сосредоточенная дѣятельность энергіи. Обычная способность ума къ разпознаванію средствъ, ведущихъ къ цѣлямъ, дѣлала бы извѣстное животное способнымъ видѣть въ гибели соперника ступень къ удовлетворенію своихъ собственныхъ чувственныхъ аппетитовъ. Возможно, что дѣйствіе ассоціаціи можетъ превратить эти средства въ цѣль саму по себѣ, подобно любви бѣдняка къ деньгамъ; это значитъ, что животное, даже безъ особенной надобности, при избыткѣ излишней энергіи, можетъ обнаружить свою разрушительную наклонность, невызываемую ничѣмъ. Въ боѣ быковъ и пѣтуховъ, извѣстная активная энергія проявляется безъ внѣшняго стимула, и обнаруживаемая ярость имѣетъ всѣ признаки сильнаго возбужденія гнѣва. Нѣтъ необходимости принимать что либо большее простого начала собственнаго удовольствія силы. Побѣдившее животное можетъ имѣть достаточное воспоминаніе о своихъ собственныхъ побѣдоносныхъ опытахъ, чтобы войти въ положеніе существа побѣжденнаго и чувствовать различіе между нимъ и своимъ успѣхомъ; и въ той мѣрѣ, насколько это интеллектуальное и эмоціональное сравненіе находится въ объемѣ ихъ способности, оно производитъ удовольствіе своего собственнаго превосходства. Если мы не можемъ указать на какой-либо классъ существъ, которыя бы обладали интеллектуальнымъ строемъ, кромѣ высшихъ животныхъ, мы не можемъ удостовѣрить, что существуютъ животныя вообще съ развитою формою гнѣва.

Изучая возрастъ дѣтства и отрочества, мы можемъ надѣяться видѣть постепенное развитіе этого волненія. Самые первые опыты страданія въ дѣтствѣ ведутъ къ болѣе или менѣе сильному возбужденію горя. Послѣ, развитіе опредѣленныхъ склонностей и нерасположеній, сопровождаемыхъ произвольными намѣреніями (рѣшеніями), нѣкоторымъ, иногда довольно сильнымъ, отвращеніемъ, ведетъ къ взрыву энергическаго избѣжанія;—результатъ закона воли. Подобнымъ образомъ обнаруживается отраженіе враждебнаго притязанія, какъ средства, ведущаго къ извѣстной цѣли. Затѣмъ, приходитъ періодъ, который ранѣе наблюдался въ высшихъ животныхъ, именно: чувство своей собственной энергіи въ сравненіи съ подразумѣваемымъ страданіемъ и приниженіемъ другого. Только умъ человѣка способенъ вполнѣ достигнуть такого возвышенія; но, когда оно достигнуто, удовольствіе силы можетъ породить вмѣстѣ съ этимъ неподдѣльное чувство гнѣва. Ребенку немного нужно, чтобы достигнуть до этой ступени, и тогда онъ быстро начинаетъ

совершенствоваться въ этомъ пріобрѣтеніи. Рядомъ съ чувствомъ превосходства передъ другими будетъ обнаруживаться исходъ активнаго возбужденія по отношенію къ предметамъ неодушевленнымъ.

Въ чувствѣ раздраженія, разсматриваемомъ въ его зрѣломъ состояніи, легко сдѣлать различіе между внезапнымъ и обдуманнымъ видами гнѣва. Внезапная форма гнѣва, гораздо менѣе сложная, обнаруживаетъ естественное и обычное расположеніе. Раздражительные и несдержанные темпераменты, бываютъ склонны къ внезапному взрыву гнѣва.

Въ предумышленномъ гнѣвѣ или мести, умъ соображаетъ все—какъ обстоятельства обиды, такъ степень и слѣдствія возмездія. Присущая мести потребность возмездія удовлетворяетъ чувствамъ оскорбленной личности. Смотря по величинѣ обиды и взыскательности обиженной стороны, сказывается запросъ на месть. Когда люди бываютъ оскорблены въ предметахъ, съ которыми они глубоко связаны,—ограблены, обмануты, обруганы, лишены своихъ правъ,—ихъ возбужденіе свидѣтельствуетъ о тяжести ихъ страданій, силѣ, съ какою они стоятъ за свою собственную неприкосновенность. Обычная степень мести въ цивилизованной жизни стоитъ въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ представляемой обидой; варвары же превосходятъ всякое соотвѣтствіе и пресыщаются удовлетвореніемъ мести. Чего мы можемъ ожидать отъ того, который можетъ испытывать чистое, безпримѣсное удовольствіе въ страданіяхъ невиннаго ближняго?

Аффекція, основывающаяся на гнѣвѣ, называется ненавистью. Чувство нѣкоторой неотплаченной несправедливости, предполагаемое зловредное расположеніе со стороны другого, продолжительное трудное положеніе вызываютъ бѣшеное пламя, доколѣ оно не сдѣлается аффекціей или привычкой. Иногда простое отвращеніе или нерасположеніе переходитъ въ ненависть. Соперничество, превосходство въ положеніи, проявленіе силы или авторитета бываютъ частыми причинами этого. Обычный примѣръ можно видѣть въ партіозномъ духѣ. Люди, соединенные между собою по сектамъ или партіямъ, обыкновенно поддерживаютъ постоянныя непріязненныя отношенія къ враждебнымъ имъ сектамъ. Въ этой формѣ аффекціи, гнѣвъ становится постояннымъ элементомъ жизни подобно нѣжной аффекціи, обычной заботливости или развитому вкусу. Видоизмѣняемая случайными причинами, иногда усиливаемая особеннымъ раздраженіемъ, иногда нейтрализуемая случайными проявленіями симпатіи, ненависть является одною изъ прав-

ственныхъ силъ человѣка, нераздѣльною съ удовольствіемъ и страданіемъ, контролирующею вниманіе и мысли и управляющею убѣжденіями.

Поражающее проявленіе, называемое антипатіей, сильнѣе ненависти. Оно обязано своею силою отчасти внушенію страха. Сильныя антипатіи по отношенію къ нѣкоторымъ животнымъ, въ родѣ ядовитыхъ пресмыкающихся, въ значительной степени обязаны страху. Другія оскорбляютъ эстетическое чувство, какъ ассоціируемыя съ мерзостью и безобразіемъ.

Даже по отношенію къ людямъ, состояніе антипатіи можетъ возникнуть безъ нанесенія обиды, какъ напримѣръ, въ антипатіяхъ расы, касты и вѣры. Естественное или искусственное отвращеніе будетъ внушать, не менѣе мести, расположеніе къ нанесенію страданій и торжеству надъ бѣдствіемъ.

Случаи войны, вражды, столкновенія воспроизводятъ предъ нами чувство раздраженія въ его самой высокой дѣятельности. Элементы, участвующіе здѣсь, слишкомъ очевидны для того, что бы требовались какія либо объясненія. Сила сопротивленія, какъ возбудитель активныхъ силъ, здѣсь уже существуетъ. Бѣшеное активное возбужденіе есть столь же характеристическая черта враждебности, сколько и гнѣва. Сраженіе и месть не двѣ вещи, но одна и та же вещь.

Различныя степени и особенности обиды вызываютъ соотвѣтствующія различія въ духѣ и способѣ возмездія. Въ случаѣ непроизвольнаго нанесенія вреда, злобный мотивъ—преходящъ, если только этотъ вредъ не вытекаетъ изъ безпечности, которая трактуется въ такомъ случаѣ какъ ошибка, требующая удовлетворенія. Общая черта, свойственная людямъ, это—не имѣя въ виду какого либо вреда, заниматься своими дѣлами, не обращая вниманія на чувства или интересы другихъ людей, какъ напримѣръ, это бываетъ при куреніи табаку. Наконецъ, случай злобнаго намѣренія, которое необходимо раздражаетъ, ведетъ къ полной, бѣшеной энергіи лица страдающаго.

Усматривая, какія злобныя чувства возникаютъ въ страданіи и ведутъ къ опасностямъ встрѣчной мести, нѣкоторые моралисты возражаютъ противъ дѣйствительности удовольствія зложелательности. Но эти сопутствующія страданія составляютъ только одну часть дѣла. Справедливо, что когда симпатическія и нѣжныя чувствованія достигаютъ высокаго развитія, дѣятельность мести можетъ быть въ цѣломъ болѣе мучительна, нежели пріятна; однако въ этомъ случаѣ она подавляется; благожелательная душа рѣдко когда даетъ дорогу для мести. Бремя доказательствъ лежитъ на томъ, кто сталъ

бы утверждать, что человѣчество намѣренно и энергически ищетъ дѣйствительнаго страданія. Фактъ этотъ можно встрѣтить подъ извѣстными видами возбужденія, почему онъ возможенъ и въ гнѣвномъ возбужденіи. Мы уже указали на вліяніе страха, выражающееся въ задержкѣ обычныхъ отправленій со стороны воли. Но месть слишкомъ обща и слишкомъ настойчива въ своемъ дѣйствіи,—въ человѣкѣ горячемъ и хладнокровномъ, чтобы ее можно было считать безумной „idea fixa", ничего другого непроизводящей кромѣ страданія. Все человѣчество неможетъ дѣйствовать ошибочно въ этой области. Гомеровское чувство отдается, подобно эху, въ милліонахъ людей каждаго вѣка,—„месть слаще, чѣмъ медъ".

Когда мстительность приходитъ на помощь къ нравственнымъ чувствованіямъ, въ формѣ возмездія за преступленіе или несправедливость, она носитъ названіе „справедливаго негодованія". Положительное и несомнѣнное удовольстіе сопровождаетъ воздающее возмездіе, постигающее оскорбителей, тиранновъ и поработителей человѣчества. Терминъ „благородная месть" указываетъ болѣе на артистическое дѣйствіе, являющееся обнаруженіемъ гнѣва въ поражающихъ чертахъ и напыщенномъ слогѣ, какъ напр. въ романическихъ герояхъ—Ахиллеса у Гомера, сатаны—въ Потерянномъ Раѣ.

7. Дѣйствіе симпатіи даетъ большой объемъ раздражительному чувствованію; въ нѣкоторой степени мы входимъ въ обиды другихъ и, такимъ образомъ, принимаемъ участіе въ ихъ мести.

Такъ какъ совершеніе обиды есть широко распространенный фактъ, то онъ составляетъ значительную часть нашихъ интересовъ, какъ зрителей дѣйствительной жизни. Мы получаемъ ударъ болѣе или менѣе мучительный, когда на нашихъ глазахъ учиняется какая либо крупная несправедливость; и получаемъ соотвѣтсвующее удовольствіе при возмездіи за нее. Историкъ можетъ нерѣдко удовлетворять насъ зрѣлищемъ возмездія за гнусныя несправедливости; романистъ, имѣя въ своемъ распоряженіе событія, не оставляетъ зло ненаказаннымъ.

8. При анализѣ чувства справедливости мы можемъ прослѣдить элементъ волненія мести; идея же справедливости, когда развита и созрѣла, въ свою очередь, управляетъ местію и ограничиваетъ ее.

Главное побужденіе къ справедливости составляетъ прежде всего симпатическое негодованіе. Но, въ совершенно развитой идеѣ справедливости, существуетъ заботливость о значеніи одного человѣка

сравнительно передъ другимъ, согласно съ взглядами и условіями времени.

9. Навлеченіе наказанія, посредствомъ закона, хотя и удовлетворяющее симпатическому негодованію общества, имѣетъ въ виду преимущественно предотвращеніе несправедливости.

Законное наложеніе наказанія оскорбителю совершается съ цѣлію упрочить общественную безопасность.

Косвенно къ этому присоединяется вмѣстѣ съ тѣмъ и удовлетвореніе возмездію, которое, однако, стоитъ въ подчиненіи главной цѣли. Джонъ Стюартъ Милль замѣчаетъ, что существуетъ законное удовлетвореніе, обязанное нашимъ чувствованіямъ негодованія и мести по стольку, по скольку въ цѣломъ они благотворны и достойны культуры, хотя бы въ качествѣ средствъ, ведущихъ къ извѣстной цѣли [1]).

ГЛАВА IX.

Эмоція дѣятельности—преслѣдованіе.

1. Въ произвольной дѣятельности могутъ быть отмѣчены три вида чувствованій:—1) удовольствія и страданія упражненія; 2) чувство удовлетворенія при достиженіи цѣли (или страданія—при недостиженіи ея); и 3) удовольствіе превосходства (или страданіе слабости) силы.

Остается еще психическое состояніе при постепенномъ прибли-

---

[1]) «Благодѣянія оказываемыя уголовнымъ закономъ двоякаго рода. Во первыхъ, онъ, благодаря страху, предотвращаетъ преступленія; во вторыхъ, онъ регулируетъ, санкціонируетъ и даетъ законное удовлетвореніе страсти къ мести. Я не буду доказывать важность второго указаннаго значенія, и сошлюсь по отношенію къ тѣмъ, которые отрицаютъ это значеніе, на труды двухъ замѣчательныхъ англійскихъ моралистовъ, изъ которыхъ каждый былъ поборникомъ одной изъ двухъ великихъ школъ въ рѣшеніи разсматриваемаго вопроса,—я разумѣю Бутлера и Бэнтама. Уголовный законъ стоитъ въ точно такомъ же отношеніи къ страсти мести, какъ бракъ къ половому влеченію.» (J. F. Stephen's, Criminal Law, Chap. IV., p. 98).

женіи къ цѣли, состояніе неопредѣленности, называемое исканіемъ и интересомъ завязки (Plot—interest).

При достиженіи какой-либо цѣли, какъ напр., восхожденіи на гору или въ ожиданіи приближающагося исхода какого нибудь дѣла, напр., конскаго бѣга, мы находимся въ особенномъ состояніи прикованнаго вниманія, которое, какъ пріятное, часто желается само по себѣ.

2. Съ *физической* стороны, состояніе преслѣдованія отличается: 1) интенсивнымъ сосредоточеніемъ какого либо изъчувствъ на предметѣ и 2) общимъ положеніемъ или дѣятельностію, гармонирующею съ нимъ; въ цѣломъ—извѣстнымъ энергическимъ мускульнымъ усиліемъ или напряженіемъ.

Когда предметъ исканія—что-либо видимое, мы по удачному народному выраженію „всѣ обращаемся въ зрѣніе", какъ напримѣръ, при видѣ состязанія; если цѣль—въ области слуха, какъ напримѣръ, въ какомъ либо разсказѣ, мы превращаемся въ слухъ. Когда мы бываемъ только зрителями или слушателями, общее положеніе показываетъ мускульную напряженность; когда же мы бываемъ и дѣйствующими лицами, мы поддерживаемся въ нашей дѣятельности по мѣрѣ приближенія къ цѣли.

3. Съ *духовной* стороны, преслѣдованіе предполагаетъ: 1) мотивъ, заключающійся въ интересѣ цѣли и увеличивающійся по мѣрѣ приближенія; 2) состояніе сосредоточеннаго вниманія въ отношеніи къ объекту съ забвеніемъ о себѣ.

Нѣкоторыя цѣли нуждаются въ возбужденіи самопроизвольной энергіи; и, въ силу закона самосохраненія, постепенное приближеніе къ концу цѣли возвышаетъ энергію и дѣлаетъ преслѣдованіе ея болѣе напряженнымъ.

Теперь, всякое мускульное упражненіе бываетъ объективно (стр. 22); оно переноситъ насъ въ положеніе объекта, выводя насъ изъ субъективнаго положенія. Все, что поощряетъ мускульное упражненіе, какъ со стороны напряженности усилія, такъ и со стороны количества и важности участвующихъ мускуловъ, дѣлаетъ насъ объективными въ нашихъ заботахъ и выводитъ насъ изъ субъективнаго положенія. Болѣе специально мы приводимся въ объективное положеніе посредствомъ энергическаго дѣйствія внѣшнихъ чувствъ, такъ сильно и тѣсно связанныхъ съ мозговою дѣятель-

ностью. Отсюда, все, что вызываетъ напряженное и безпрестанное мускульное усиліе, вовлекающее высшія чувства, бываетъ поводомъ къ крайней объективности, и это есть существенный характеръ преслѣдованія и интереса завязки.

Значеніе извѣстнаго положенія бываетъ относительно, смотря по обстоятельству, въ которомъ мы можемъ слишкомъ много отдаться субъективной сознательности; послѣдняя, хотя существенна для удовольствія (потому-что совершенная объективность есть совершенное безразличіе), но служитъ также условіемъ нашей чувствительности къ страданію и нашего успокоенія на удовольствіяхъ, доколѣ они не истощаютъ насъ и не переходятъ въ страданія скуки. Субъективность, повидимому, болѣе истощаетъ нервную систему; объективное положеніе, если напрягается не напрасно, можетъ быть переносимо долгое время. По скольку имѣется въ виду дѣйствительное удовольствіе, время идетъ незамѣтно; но безсмѣнное состояніе удовольствія стоитъ внѣ человѣческой природы; областъ объективнаго безразличія является столько же необходимою для продолженія жизни, какъ и совершенный перерывъ сознательности на одну треть нашего времени. Эти объективные слѣды присущи нашимъ періодамъ дѣятельности и особенно дѣятельности тѣлесныхъ органовъ; но они преимущественно встрѣчаются тогда, когда извѣстная дѣятельность приближаетъ насъ къ интересующей цѣли исканія.

Такова природа наблюдающаго духа, чтобы переходить поочередно изъ объективныхъ въ субъективныя состоянія, доставляя одни, какъ освѣжающее разнообразіе по сравненію съ другими. Высоко возбуждающій стимулъ, какъ театральное выполненіе, повергаетъ насъ въ положеніе объективное, но не имѣющее характера непрерывности или совершенной чистоты; если бы не было частыхъ переходовъ въ область субъективности, мы вышли бы изъ первичнаго мотива и подпали бы всецѣло наслажденію. Переходы совершаются весьма быстро; одно и тоже положеніе не можетъ продолжаться болѣе 2-хъ или 3-хъ секундъ; чѣмъ дольше мы пользуемся объективнымъ напряженіемъ, тѣмъ слаще бываетъ переходъ къ субъективному сознанію, предполагая, что оно имѣетъ пріятный характеръ.

4. Случай или неизвѣстность, до нѣкоторой степени, содѣйствуетъ усиленію исканія.

Совершенная извѣстность достиженія, будучи столько же вѣр-

ною, какъ самое обладаніе, не составляетъ побужденія къ преднамѣренному исканію; если въ будущемъ существуетъ полная увѣренность въ полученіи,—возбужденія не происходитъ. Но извѣстная степень сомнѣнія, съ возможностію потери, производитъ сколько состояніе опасенія, столько же и побуждаетъ органы воспріятія смотрѣть впередъ; въ каковомъ положеніи надежное приближеніе рѣшительнаго исхода или ласкаетъ насъ, удаляя страхъ, или увеличиваетъ силу вниманія, погружая насъ въ сомнѣніе.

Самое благопріятное дѣйствіе неизвѣстности обнаруживается въ томъ случаѣ, когда предъ нами носится въ перспективѣ какое либо благо, достиженіе котораго представляется выигрышемъ, между тѣмъ неуспѣхъ оставляетъ насъ тѣми же, чѣмъ мы и были. Здѣсь нѣтъ гнетущаго страха предъ угрожающимъ бѣдствіемъ, но только ажитація, сопутствующая наши надежды, но такая, въ которой нѣтъ момента увѣренности. Правда, если ставка велика, то опасеніе потерять ее уничтожитъ существованіе благопріятнаго стимула къ преслѣдованію намѣченнаго интереса. Соединивъ же небольшую сумму неизвѣстности съ умѣреннымъ рискомъ, мы лучше всего ощущаемъ собственную прелесть исканія.

Какъ и всюду, новизна даетъ особенную прелесть въ исканіи. Новая забава, новый игрокъ, различное сочетаніе частей освѣжаютъ наши мысли и поддерживаютъ сомнительность исхода.

5. Возбужденіе преслѣдованія наблюдается и въ низшихъ животныхъ.

Животное, преслѣдующее свою добычу, напрягаетъ свою энергію, сообразно съ силой своего влеченія. Извѣстное возбужденіе, однако, становится замѣтнымъ больше вблизи цѣли, когда побѣда постепенно выигрывается и цѣль достигается. Здѣсь мы имѣемъ существенныя особенности этого положенія; и чувствованія животнаго могутъ быть истолковываемы сообразно съ ихъ ускоряющимся движеніемъ и усиливающимся выраженіемъ.

6. По отношенію къ человѣческому опыту, мы можемъ прежде всего указать на полевыя забавы (охоту, травлю и проч.).

Для множества людей въ этихъ занятіяхъ заключается цѣль высоко благодарная; она доставляется тріумфомъ ловкости и силы въ ловлѣ нѣкоторыхъ животныхъ одаренныхъ способностями ускользать отъ преслѣдователя. Преслѣдованіе остается продолжительнымъ и неизвѣстнымъ, вниманіе—на сторожѣ, и, въ критическіе моменты, подымается до высшей точки напряженности. Имѣть успѣхъ въ по-

бѣдѣ надъ жертвой, послѣ горячаго и напряженнаго преслѣдованія,—значитъ возвратиться изъ объективной заботливости въ субъективное довольство успѣшнаго подвига и удовлетворенной силы.

Обстоятельства различныхъ забавъ бываютъ различны и легко объяснимы. Самымъ труднымъ, можетъ быть, слѣдуетъ считать едва ли не интересъ уженья; такъ много здѣсь бываетъ безполезныхъ усилій, направленныхъ къ достиженію успѣха. Мы вынуждены предположить, что рыболовъ имѣетъ эмоціональный темпераментъ, болѣе богатый и самоподдерживающій, чѣмъ большинство другихъ людей. Въ охотѣ мы имѣемъ добавочное возбужденіе пылкаго характера, чтобы сдѣлать ее верхомъ охотничьей жизни. Самыя опасныя охоты, какъ напр., на тигра, слона, кабана, приводятъ въ восторгъ настоящихъ охотниковъ.

7. Возбужденіе преслѣдованія свойственно спорамъ или состязаніямъ.

Боецъ въ равномъ или почти равномъ состязаніи испытываетъ рискъ и неизвѣстность, что воодушевляетъ его силы и напрягаетъ его вниманіе до послѣдней степени. Его объективность простирается до крайнихъ предѣловъ, и, если онъ получаетъ успѣхъ, вкушаетъ радости тріумфа, смѣнившія собой усиленное отвлеченіе отъ самосознанія.

Возбужденіе споровъ дѣйствовало во всѣ вѣка какъ пріятное развлеченіе. Программы Олимпійскихъ игръ состояли изъ цѣлаго ряда состязаній. Гладіаторскія зрѣлища, турниры, скачки считаютъ своихъ почитателей тысячами. Даже умственныя состязанія—въ диспутахъ, ораторскихъ рѣчахъ, остроуміи—привлекаютъ и удерживаютъ безчисленное количество слушателей.

Во многихъ изъ обычныхъ игръ, ловкость и сила приходятъ въ замѣшательство вслѣдствіе случайностей, которыя открываютъ для каждаго игрока больше возможности и, вслѣдствіе этого, возбуждаютъ напряженность въ отношеніи извѣстнаго предмета. Въ картахъ и игральныхъ костяхъ, хотя продолжительная игра ограничиваетъ эти случайности, однако для единичной игры случайность бываетъ не рѣдко весьма велика.

8. Занятія промышленностію подразумѣваютъ, въ большей или меньшей степени, неопредѣленность преслѣдуемаго интереса.

Всякій разъ, когда наша свободная энергія занята, нѣкоторое

вниманіе связано съ цѣлію, которая имѣетъ сомнительное или задерживающее дѣйствіе. Отсюда, всякое вообще занятіе, до нѣкоторой степени, анти-субъективно или разсчитано на то, что бы вывести человѣка изъ его самого. Скука узника не производитъ какого нибудь особеннаго давленія кромѣ того, что онъ лишенъ занятія. Но тамъ, гдѣ существуетъ большая монотонность въ выполненіи въ связи съ извѣстностію или отсутствіемъ новизны, какъ напримѣръ, во вращеніи колеса, или въ разгрузкѣ корабля,—въ результатѣ остается мало, что могло бы превлекать взоръ или останавливать вниманіе. Возбуждающія занятія суть тѣ, которыя внушаютъ высокія и полныя сомнѣнія ожиданія, какъ война, биржа и болѣе азартные виды торговли. Въ земледѣліи, извѣстныя времена года внушаютъ успѣхъ предпріятія съ интересомъ колебанія, часто сопровождаемаго страданіемъ и разочарованіемъ, однако такого рода, которымъ не исключается внѣшняя осторожность.

Въ каждой части труда, имѣющаго свое начало, средину и конецъ, существуетъ нѣкоторое облегченіе скуки черезъ измѣреніе пройденыхъ ступеней и ожиданіе остатка, по мѣрѣ приведенія извѣстнаго дѣла къ концу.

9. Въ симпатическихъ отношеніяхъ существуетъ добавочный интересъ завязки.

Коль скоро удовлетвореніе нѣжнымъ чувствованіямъ поставляется цѣлію жизни, успѣхъ по отношенію къ этой цѣли необходимо побуждаетъ смотрѣть впередъ и вызываетъ состояніе неопредѣленности, переходъ изъ котораго въ субъективную сознательность возбуждается поперемѣнно. Всякій успѣхъ, эпохи и поворотныя точки на пути къ предмету любви, ребенку или другу,—производятъ періоды напряженнаго занятія, заставляющіе забывать о себѣ и своихъ собственныхъ удовольствіяхъ. Правда, мы рѣдко испытываемъ потери благодаря объективному положенію; мы дѣлаемся болѣе чуткими къ субъективному переходу и, если удовольствіе ожидаетъ насъ, оно становится все сильнѣе, чтобы можно было отъ него отступиться.

10. Исканіе знанія сопровождается интересомъ.

Чувство достигаемаго знанія—одно изъ жизненныхъ удовлетвореній, постепенное приближеніе къ нѣкоторымъ полезнымъ изобрѣтеніямъ, или великимъ открытіямъ оживляютъ взглядъ впередъ и вызываютъ состояніе неопредѣленности. Чувство разрѣшившагося затрудненія, проясненной темноты возбуждаетъ любознательность и исканіе, и приближаетъ результатъ, имѣющій тоже самое дѣйствіе, какъ во

всякомъ другомъ пріятномъ исканіи. Искусство учителя или повѣствователя заключается прежде всего въ пробужденіи желанія, черезъ ясную постановку имѣющей быть достигнутой цѣли, и затѣмъ, въ доведеніи успѣховъ ученика, посредствомъ замѣтныхъ ступеней, къ концу; положеніе неопредѣленности тожественно съ напряженнымъ вниманіемъ.

11. Положеніе зрителя заключаетъ существенную часть интереса исканія.

Всякая погоня, состязаніе, или преслѣдованіе долженствующія въ качествѣ интересовать насъ, дѣятелей, располагаютъ нашими симпатіями, какъ зрителей; и движенія приближающагося рѣшенія и установляющагося исхода быстро приковываютъ наше къ себѣ вниманіе. Подобно симпатіи вообще, это обстоятельство даетъ значительную прибавочную цѣль по отношенію къ нашимъ интересамъ и чувствованіямъ. Состязанія особенно способствуютъ задержанію вниманія зрителя; и, какъ такія, они входили въ общественныя забавы во всѣ времена. Обычныя занятія свѣта, какъ напр., обширныя національныя предпріятія, аффектируя насъ или лично, или по симпатіи, обыкновенно заключаютъ рискъ, большую или меньшую неизвѣстность, и конечное проясненіе, предваряемое состояніемъ неопредѣленности. Мы можемъ также наблюдать съ интересомъ развитіе и исходъвеликаго (или даже малаго) промышленнго предпріятія, предполагая, что совершеніе его разсчитано на удовольствіе, и это достигается, благодаря восхожденію отъ неизвѣстности.

12. Литература интригъ или исторія есть соотвѣтственная обработка состоянія неопределенности.

Повѣствованіе производитъ такой же симпатическій интересъ, какъ и разсматриваніе. Интересная развязка, на первыхъ порахъ отдаленная и неизвѣстная, мало по малу уясняется; и всякій разъ, когда она видимо приближается къ рѣшенію, слушатель быстро напрягаетъ вниманіе, которое и выноситъ его изъ субъективной сферы. Событія, насъ окружающія, и прошедшая исторія прежде всего дѣлаются намъ извѣстными, управляютъ элементами положенія, и отсюда объясняется многое изъ ихъ способности овладѣвать умами. Но, между тѣмъ какъ дѣйствительныя событія, хотя содержатъ обстоятельство неопредѣленности, часто не оправдываютъ ожиданія, сочинитель вымысла и разсказа заботится о томъ, какъ подѣйствовать на интересъ въ самой высокой степени. Цѣльное по-

вѣствованіе въ эпической поэмѣ или романѣ расчитано на пріятность цѣли, которая прерывается посредствующими дѣйствіями и тѣмъ вводитъ въ пріятную неизвѣстность; между тѣмъ меньшія завязки привлекаютъ вниманіе и отклоняютъ давленіе главной идеи.

13. Извѣстная форма *страданія*, совпадающая съ преслѣдованіемъ, представляетъ собой слишкомъ значительное продолженіе неопредѣленности.

Существуетъ нѣкоторое страданіе въ препятствіи нашимъ желаніямъ, подобно какой либо катастрофѣ. Есть также страданіе, причиняемое высокимъ и серьезнымъ рискомъ. Но форма страданія, особенная для положенія неопредѣленности, есть продолжительность, или отсрочка исхода. Это—одна изъ многихъ формъ страданій, обязанныхъ столкновенію; умъ, взволнованный извѣстнымъ положеніемъ ожиданія, обманывается или разочаровывается.

14. Болѣе общія страданія, сопровождающія дѣятельность, связаны различными путями съ трудомъ или препятствіями выполненія.

Чрезмѣрныя мускульныя усилія производятъ страданія мускуловъ. Неудачныя попытки, по недостатку силы или ловкости, производятъ обезкураживающее дѣйствіе по отношенію ко всякимъ затрудненіямъ въ силу закона конфликта.

ГЛАВА X.

Эмоціи интеллекта.

1. Отправленія интеллекта могутъ сопровождаться различными формами удовольствія и страданія.

Какъ чистая дѣятельность, интеллектуальное движеніе можетъ давать удовольствіе при свѣжемъ состояніи нервной системы и сопровождаться нервнымъ утомленіемъ, когда продолжается долгое время.

2. Дѣйствіе смежности, какъ въ обычной памяти, не производитъ какого либо эмоціональнаго возбужденія. Тягостное воспоминаніе приноситъ обычное страданіе трудности или борьбы.

Мы не выносимъ никакой эмоціи отъ повторенія алфавита или таблицы умноженія. Удовольствія и страданія памяти обязаны извѣстнымъ воспоминаемымъ предметамъ, а не упражненію или дѣятельности воспоминающаго лица.

Тягостное воспоминаніе есть случай напрасныхъ усилій и приноситъ горесть болѣе или менѣе острую или массивную, смотря по формѣ столкновенія. Подобнаго рода бываютъ всѣ страданія, какъ труднаго интеллектуальнаго пониманія, такъ и труднаго построенія. Послѣдовательныя задержки, выносимыя мыслящими силами, въ умственной работѣ, имѣютъ тотъ же самый мучительный характеръ, какъ остановки для мускульныхъ силъ въ какомъ либо ручномъ предпріятіи. Студентъ, долгое время работающій напрасно надъ рѣшеніемъ проблеммы, поэтъ, недовольный своими риѳмами, спекуляторъ, приведенный въ замѣшательство и разстроенный въ надеждахъ, полководецъ, недоумѣвающій относительно своей тактики,— всѣ они испытываютъ страданія тревоги и борьбы.

3. Чтобы закончить страдательную сторону интеллектуальной дѣятельности, реакція которой служитъ главнымъ источникомъ интеллектуальнаго удовольствія, мы можемъ присоединить сюда страданіе противорѣчія и несообразности.

Противорѣчіе или несообразность есть одна изъ самыхъ очевидныхъ формъ конфликта и, соотвѣтственно его давленію на умъ, даетъ полную характеристику страданія борьбы. Когда затронуты наши непосредственные интересы, противорѣчіе чувствуется вслѣдствіе какого нибудь препятствія, стоящаго на пути къ цѣли нашихъ исканій; такъ напримѣръ, когда мы получаемъ противорѣчивыя мнѣнія относительно характера извѣстной болѣзни или хода судебнаго слѣдствія. Въ области предметовъ, которые касаются другихъ, а не насъ самихъ, страданіе противорѣчія зависитъ отъ степени нашихъ симпатій. Что касается истины вообще, или матеріала науки и образованія, гдѣ приложенія къ практикѣ не сразу обнаруживаются, то противорѣчія не производятъ здѣсь никакого впечатлѣнія на массу людей: они чувствуются только болѣе развитыми личностями, которыя привыкли созерцать всѣ основы истиннаго знанія и которыя, вслѣдствіе этого, связаны сильнымъ чувствомъ ихъ важности.

4. Удовольствія, сопровождающія нахожденіе сходства въ различіи, могутъ бы описаны вообще, какъ пріятное или радо-

стное удивленіе. Однако большая часть такихъ удовольствій есть внезапное и неожиданное облегченіе отъ умственной тяжести.

Въ рядахъ смежности не можетъ быть новизны или свѣжести; но операція сходства, при соединеніи предметовъ на первый разъ представляющихся слишкомъ отдаленными, производитъ блескъ новизны и перемѣны,—первое условіе эмоціональнаго эффекта. Греки, которые побѣдили Индію, подъ предводительствомъ Александра, должны были удивляться нахожденію въ этой отдаленной странѣ словъ, принадлежащихъ ихъ собственному языку.

Во всякомъ случаѣ, не блескомъ новизны отъ оригинальнаго соединенія идей, или не новымъ интеллектуальнымъ положеніемъ вызывается прелесть первичныхъ оригинальныхъ тожествъ; ихъ дѣйствіе состоитъ въ смягченіи или устраненіи интеллектуальныхъ трудностей и утомленій, ранѣе описанныхъ въ формѣ страданія интеллекта. Когда, по счастливой чертѣ сходства, трудности пониманія и истолкованія, на которыя только что сослались, исчезаютъ, наступаетъ веселая реакція и возвышеніе пріятнаго свойства, общее всѣмъ формамъ освобожденія отъ столкновенія и угнетенія способностей. Примѣры этого будутъ даны въ особыхъ главахъ.

5. Новыя тожества въ наукѣ—классификаціи ли, индукціи или дедукціи—прибавляютъ извѣстное количество фактовъ, обнимаемыхъ однимъ интеллектуальнымъ усиліемъ.

Это было достаточно показано при изложеніи ассоціацій сходства. Каждое обширное обобщеніе, какъ сила тяготѣнія, атомистическая теорія, соотношеніе силъ, способно внушить намъ въ одномъ положеніи безчисленное множество частностей. Когда кто нибудь стремится предварительно схватить подробности, посредствомъ особыхъ актовъ вниманія, для него обобщающая черта, которая суммируетъ въ одномъ выраженіи все содержаніе, замѣняетъ трудный путь славнымъ и быстрымъ рѣшеніемъ. Удовольствіе опредѣляется предъидущимъ страданіемъ, чувствомъ побѣжденной трудности и положеніемъ пріобрѣтенной власти, особенно при сознаніи прежняго униженнаго подчиненія.

Иногда новое открытіе помогаетъ разрѣшить противорѣчіе или аномалію, въ каковомъ случаѣ результатъ одинаковъ съ освобожденіемъ отъ интеллектуальнаго страданія въ формѣ столкновенія или борьбы.

6. Великія практическія открытія, кромѣ содѣйствія познанію, даютъ возвышеніе, основанное на расширеніи человѣческой силы.

Такія открытія, какъ паровая машина, производящая уменьшеніе человѣческаго труда или увеличеніе его производительности, благопріятствуютъ чувству возрастанія силы также, какъ увеличеніе рессурсовъ для всѣхъ пріобрѣтаемыхъ наслажденій. Въ этомъ пунктѣ удовольствіе не такъ велико въ интеллектуальномъ отношеніи, какъ въ его вліяніи на наши другія чувствованія.

Сильнѣйшая доля чувства, которое привязываетъ насъ къ истинѣ, обязана настоятельному побужденію чисто практическихъ цѣлей. Истинное есть нѣчто такое, на что мы можемъ разсчитывать въ преслѣдованіи нашихъ разнообразныхъ интересовъ. Идетъ ли дѣло о томъ, чтобы сдѣлать удачный выстрѣлъ, или избѣжать смертельной заразы, истина есть тоже что вѣрность, точность, извѣстность въ принаровленіи средствъ къ цѣли. Эмоція истины есть чувство относительности или сравненія, избавленіе и освобожденіе отъ бѣдствій практическихъ ошибокъ.

7. Изъяснительныя сравненія представляютъ другой способъ уменьшенія интеллектуальнаго труда.

Счастливыя сопоставленія или аналогіи, которыя озаряютъ мракъ научныхъ идей, пріятны по той же самой общей причинѣ, какъ и уменьшеніе интеллектуальнаго труда. Знаменитое сравненіе пещеры въ „Республикѣ“ Платона приводится, съ цѣлію содѣйствовать намъ въ рѣшеніи труднаго вопроса, относящагося къ природѣ познанія [1]).

Поэтическія сравненія вносятъ, другой элементъ, не исключительно обладающій свойствами интеллектуальнаго удовольствія, именно,—гармонію чувствъ. Возможно, что конечное основаніе удовольствія гармоніи есть то же самое, но разница между строго интел-

---

[1]) Въ началѣ седьмой книги своей «Республики» Платонъ уподобляетъ человѣчество арестантамъ, заключеннымъ въ подземное пещерное жилище и посаженнымъ на цѣпь въ такомъ положеніи, которое даетъ имъ возможность видѣть только однѣ тѣни, отбрасываемыя, благодаря продѣланному въ тюрьмѣ отверстію, на лежащую предъ глазами стѣну; сами же предметы, помѣщаются сзади и остаются невидимыми для заключенныхъ. Философъ—одинъ изъ тѣхъ немногихъ, которые благодаря обученію и вдохновенію, могутъ стать лицомъ къ лицу къ этимъ дѣйствительнымъ предметамъ и созерцать ихъ реальную непремѣнную сущность вмѣсто мелькающихъ предъ глазами, какъ тѣнь, ихъ отрывочныхъ отображеній. Послѣднюю форму познаванія Платонъ называетъ *мнѣніемъ* (δόξα) въ отличіе отъ истиннаго знанія (νοησισ). Подробнѣе см. объ этомъ въ его «Политикѣ или Государствѣ», кн. VII, Seg. 514—522.

лектуальной формой и тѣмъ, что входитъ въ прекрасное искусство, достаточна для того, чтобы различать два вида въ классификаціи эмоцій.

ГЛАВА XI.

Симпатія.

1. Симпатія есть вхожденіе въ чувства другого и дѣйствованіе, сообразное съ ними, какъ если бы эти чувства были наши собственныя.

Было замѣчено уже, что существуетъ расположеніе усвоять чувства другихъ, быть чувствительнымъ къ ихъ удовольствіямъ и страданіямъ, поступать вмѣсто другого подъ вліяніемъ мотивовъ удовольствія и страданія. Мы видѣли, что сожалѣніе есть нѣжная эмоція, соединенная съ симпатіей.

2. Симпатія предполагаетъ: 1) свои собственные воспроизводимые опыты удовольствія и страданія и 2) умственную связь между внѣшними знаками или выраженіемъ различныхъ чувствъ и самыми чувствами.

1) Хорошая удерживательная способность или память нашихъ удовольствій и страданій,—интеллектуальная основа благоразумія, служитъ также основою и симпатіи. Мы не можемъ симпатизировать ни тому, что лежитъ за границами нашего опыта, ни тому, что хотя и относится къ опыту, но о чемъ не сохранилось въ нашемъ умѣ никакого слѣда. Дитя не можетъ входить въ радости и печали взрослаго человѣка; бѣднякъ поденщикъ не можетъ имѣть сочувствія заботамъ богача, вельможи, празднаго или лѣнтяя; человѣкъ безъ семейныхъ узъ слабо можетъ реализировать чувствованія домашняго очага.

2) Различныя чувствованія выражаются во внѣшнихъ знакахъ или симптомахъ, изучаемыхъ, побольшей части, посредствомъ наблюденія. Замѣчая, каковы мы сами бываемъ подъ вліяніемъ нашихъ различныхъ чувствованій, мы заключаемъ о тѣхъ же самыхъ чувствованіяхъ у ближнихъ, видя въ нихъ подобныя же внѣшнія проявленія. Улыбка, смѣхъ, крикъ радости, соединенныя въ на-

шемъ собственномъ опытѣ съ чувствомъ удовольствія, когда замѣчаются нами въ какомъ либо другомъ, служатъ для насъ признакомъ и доказательствомъ того, что это лицо испытываетъ тоже самое состояніе, какое испытывали мы при тѣхъ же самыхъ обнаруженіяхъ.

Что касается *пониманія* эмоцій, то здѣсь не важно, есть ли знакомство съ знаками чувствованія совершенно пріобрѣтенное, или частію пріобрѣтенное и частію инстинктивное. Существуютъ извѣстные знаки чувствованія, которые представляется имѣющими первичную живость, чтобы возбудить извѣстное чувствованіе; какъ напримѣръ, смоченный глазъ, нѣжный вздохъ печали. Но симпатія есть нѣчто большее, чѣмъ простой научный выводъ, что другое лицо испытываетъ состояніе нѣжности, страха или мести; она есть такое состояніе, когда мы насильственно, въ теченіе извѣстнаго времени, бываемъ дѣйствительно одержимы этимъ чувствомъ. По этому взгляду, здѣсь должна существовать извѣстная энергія выразительности или внушительности въ знакахъ чувства, которое поддерживается сочетаніемъ первичныхъ и пріобрѣтенныхъ соединеній.

Какъ примѣры энергическихъ и заразительныхъ видовъ выраженія, мы можемъ отмѣтить звукъ прочищенія горла, зѣванья, смѣха, рыданія. Такія эмоціи, какъ удивленія, страха, нѣжности, изумленія, гнѣва, бываютъ высоко заразительны, когда выражаются въ сильныхъ формахъ.

3. Симпатія есть видъ непроизвольнаго подражанія, или принятія на себя проявленій чувства, происходящихъ въ нашемъ присутствіи, за которыми слѣдуетъ возникновеніе самыхъ чувствованій въ насъ самихъ.

Предполагается, что мы поддаемся обнаруженіямъ чувствъ другихъ лицъ, подражаемъ этимъ обнаруженіямъ, слѣдствіемъ чего бываетъ то, что мы аффектируемся тѣмъ духовнымъ состояніемъ, которое связано съ этими обнаруженіями. Даже, когда мы не повторяемъ проявленій чувства вполнѣ, мы имѣемъ идею ихъ, которая есть ихъ воплощеніе въ нервныхъ токахъ, съ которыми связано соотвѣтствующее состояніе ума. Мы находимся подъ вліяніемъ каждаго рѣзкаго выраженія чувства, и, если обстоятельства благопріятствуютъ, мы можемъ воспроизвести его въ насъ самихъ и опредѣлятся имъ въ нашей дѣятельности точно также, какъ если бы оно выходило всецѣло изъ насъ самихъ. Такимъ образомъ, мы аффектируемся ораторомъ актеромъ, или энтузіазмомъ толпы.

4. Слѣдующія главныя обстоятельства благопріятствуютъ симпатіи:

1) Когда мы не заняты на извѣстное время, или свободны отъ какого либо усиленнаго труда, или предубѣжденія. Существующій складъ чувства и мыслей имѣетъ всегда извѣстную устойчивость или постоянство и есть сила, побѣждаемая только какимъ либо новымъ впечатлѣніемъ.

2) Наше знакомство съ видомъ извѣстнаго чувства, которое воспроизводится предъ нами. Каждый имѣетъ нѣкоторые преобладающіе виды чувства; они возбуждаются, всего поспѣшнѣе и мы можемъ сочувствовать всего лучше лицамъ, аффектируемымъ ими. Мать легко сочувствуетъ матери. И обратно, гдѣ существуетъ совершенная диспарантность природы или стремленій, тамъ симпатія можетъ проявляться сравнительно весьма мало. Робкій человѣкъ не можетъ войти въ положеніе человѣка отважнаго; холодная натура не пойметъ страданій горячей любви.

3) Наше отношеніе къ извѣстному лицу опредѣляетъ нашу симпатію; любовь, уваженіе, почтеніе, привлекаютъ наше вниманіе и взоръ и подчиняютъ насъ вліянію обнаруживающихся чувствъ. Съ другой стороны, ненависть или вражда отодвигаютъ насъ отъ возможности сочувствія; терминъ „антипатіи" образовался производно для отрицанія симпатіи. Однако, необходимо признать, что любовь не неразрывна съ симпатіей, собственно такъ называемой; и отвращеніе не можетъ совершенно уничтожить симпатію.

4) Энергія или сила языка, тоновъ и жестовъ необходимо опредѣляетъ силу впечатлѣнія и готовности къ симпатіи.

5) Ясность или раздѣльность выраженія имѣетъ большое значеніе въ произведеніи состоянія симпатіи въ зрителѣ. Это составляетъ преимущество лицъ, одаренныхъ демонстративною организацією; это—талантъ актера или декламатора, и основа интересующаго поведенія въ обществѣ. Когда говорятъ, что для возбужденія чувства въ другихъ, намъ нужно только чувствовать самимъ, подразумѣвается сила адекватнаго выраженія.

6) Въ однихъ умахъ болѣе, чѣмъ въ другихъ существуетъ воспріимчивость къ обнаруженіямъ чувствъ другихъ людей, поскольку эти чувства противоположны самомнительнымъ и эгоистическимъ стремленіямъ. Это есть вѣтвь или видъ воспріимчиваго темперамента, организація болѣе одаренная со стороны чувствъ и менѣе въ центрахъ дѣятельности. Къ этому природному различію мы должны прибавить различіе въ воспитаніи и въ складѣ привычекъ, которыя могутъ укрѣпить какъ симпатическіе, такъ и эгоистическіе импульсы.

5. Приращеніе или совершенство симпатіи состоитъ въ рѣшимости дѣйствовать для другого лица точно также, какъ и для самого себя.

Недостаточно того, что бы мы были аффектированы также какъ и другіе, чрезъ посредство ихъ проявленій чувства, которымъ мы отдаемся; симпатія предполагаетъ еще, что мы дѣйствуемъ въ роли другихъ въ дѣлѣ отстраненія страданія и продолженія удовольствія, дѣлѣ, въ которомъ мы являемся такимъ ъобразомъ участниками. Точная природа этого импульса или основа его въ нашей психической системѣ составляетъ предметъ нѣсколько трудный для объясненія. Выше уже (Смежность, § 13) было высказано мнѣніе, что это происходитъ не изъ чистаго желанія, но подъ дѣйствіемъ „idea Fixa". Что одно желаніе несоставляетъ еще всего дѣла, это можно видѣть сразу, принявъ въ соображеніе, что краткій и легкій способъ освободиться отъ симпатическаго страданія—это удалиться отъ оригинала, какъ это мы и дѣлаемъ не рѣдко, будучи не способны, или нерасположены къ помощи. Но фактъ, что мы не можемъ всегда или легко дѣлать это, показываетъ настойчивую тенденцію разъ допущенной идеи, и вліяніе это дѣйствуетъ на насъ вызывающимъ на дѣятельность образомъ, не смотря на общій законъ воли избѣгать страданія и ловить удовольствіе. Видъ другого лица, испытывающаго голодъ, холодъ, утомленіе, воскрешаетъ въ насъ воспоминанія объ этихъ состояніяхъ, которыя мучительны даже въ идеѣ. Мы могли бы, и часто это дѣлаемъ, избавить себя отъ этого страданія, отвернувшись отъ него и обративъ вниманіе на какой либо другой предметъ; но такое дѣйствіе представляетъ нѣкоторую трудность; мы чувствуемъ, что существуетъ сила, схватывающая и удерживающая насъ, независимо отъ воли, сила, въ самомъ выраженіи страданія, пробуждающая наши собственныя идеи страданія; и эти идеи, проснувшись однажды, проявляютъ свою власть и побуждаютъ насъ стремиться къ облегченію положенія страдающаго субъекта, страданіе котораго мы невольно заимствовали или приняли на себя.

6. Люди вообще могутъ симпатизировать удовольствію и страданію, какъ такимъ; но въ родахъ и видоизмѣненіяхъ ихъ, наши симпатіи имѣютъ нѣкоторыя границы.

Несомнѣненъ фактъ, что всякій, испытывая страданія, возбуждаетъ наши симпатіи; но тѣмъ не менѣе для насъ бываютъ доступны нѣкоторыя причины и достаточныя обстоятельства, при которыхъ

симпатія не бываетъ ни столь постоянною, ни столь глубокою. Страданія, которыя никогда не печалили насъ, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ, справедливо или напрасно, по нашему мнѣнію, навлечены они, удаляются отъ нашихъ мыслей также скоро, какъ мы знакомимся съ фактами. Слезы, пролитыя Александромъ, при концѣ его завоеваній, вѣроятно были не въ состояніи возбудить ни одну отвѣтную каплю въ самой чувствительной душѣ, которая слышитъ его исторію.

7. Симпатія другихъ доставляетъ поддержку нашимъ собственнымъ чувствамъ и мнѣніямъ.

Когда какое нибудь чувство, принадлежащее намъ самимъ, повторяется выраженіемъ другого лица, мы поддерживаемся и подкрѣпляемся этимъ совпаденіемъ. Въ случаѣ пріятнаго чувства, удовольствіе увеличивается; самодовольство, нѣжная любовь, чувство силы возвышается, благодаря отраженію въ другихъ. Кажется, какъ будто бы сохранить пріятный тонъ для насъ стоитъ меньшихъ тратъ и мы можемъ поддерживать его долѣе и съ увеличенной силой. Въ случаѣ мучительнаго чувства, какъ страхъ, угрызеніе совѣсти, безсиліе, конкурренція другого лица—имѣютъ такое же глубокое дѣйствіе; однако же, участіе симпатіи неклонится къ увеличенію нашихъ страданій. Симпатизирующій другъ старается уничтожить подавляющія вліянія. Однако, принципъ остается одинъ и тотъ же всюду; выраженныя чувства другого лица имѣютъ силу въ нашей душѣ въ теченіе извѣстнаго времени; они производятъ впечатлѣніе на насъ, большее или меньшее, сообразно съ измѣняющимися обстоятельствами и условіями, которыя оказываютъ дѣйствіе на личное вліяніе. Сила и настойчивость обычной рѣчи, ея выразительность и прелесть, наша любовь, удивленіе или уваженіе къ симпатизирующему и наша собственная чувствительность къ впечатлѣніямъ извнѣ суть главныя обстоятельства, устанавливающія эффектъ. Симпатія лицъ господствующаго вліянія и, главнымъ образомъ, содѣйствующія симпатіи въ обширномъ количествѣ, могутъ въ десять разъ увеличить удовольствіе первичнаго, или самороднаго чувства.

8. Благодаря заразительности симпатіи, каждый индивидъ имѣетъ способность формировать чувства и взглядъ другихъ.

Это есть только простая постановка, предварительное положеніе въ извѣстной формѣ, имѣющей въ виду сдѣлать его текстомъ или ру-

ководящею основой для вліянія общества вообще на мнѣнія своихъ членовъ. Если бы всѣ индивиды равно выражали свои мнѣнія и одинаково оцѣнивались, взаимная дѣятельность шла бы, какъ придется; но, такъ какъ обыкновенно существуетъ перевѣсъ нѣкоторыхъ чувствъ, мнѣній и взглядовъ,—то результатомъ этого бываетъ сведеніе индивидуальностей къ однообразію въ большинствѣ обществъ. Немногія лица имѣютъ стойкость врожденнаго импульса сопротивляться чувствамъ большинства, сильно выражаемымъ; отсюда—однообразіе, консерватизмъ и наслѣдственная передача вѣрованій, чувствъ, мнѣній, которыя въ данное время поддерживаются властію. Даже, когда люди образуютъ независимыя сужденія, они воздерживаются отъ выраженія ихъ скорѣе, чѣмъ отказываются отъ поддержки, какую даетъ индивиду общественная симпатія.

9. Косвеннымъ образомъ, симпатія есть источникъ удовольствія для лица симпатизирующаго.

Если взглядъ, проводимый здѣсь, вѣренъ, расположеніе къ симпатіи и дѣйствованіе для другихъ не должны главнымъ образомъ зависѣть отъ мотивовъ, имѣющихъ отношеніе къ волѣ—исканія удовольствія и избѣжанія страданій. Отсюда, пожертвованіе собой, къ которому ведетъ симпатія, есть жертва въ собственномъ и строгомъ смыслѣ, дѣлающая благодѣянія безъ мысли о наградѣ или возмездіи. Такое положеніе необходимо для поддержанія безкорыстной дѣятельности, какъ факта человѣческаго духа. Прямымъ, собственно—непосредственнымъ результатомъ симпатіи бываетъ потеря, страданіе, жертва со стороны лица симпатизирующаго.

Однако *косвеннымъ* образомъ, оказываніе симпатіи, также какъ и полученіе ея, можетъ быть источникомъ удовольствія. То, чѣмъ доставляется это, есть *взаимность*. Лицо, облагодѣтельствованное, или другіе на его мѣстѣ, могутъ, посредствомъ симпатіи же и добрыхъ услугъ или отношеній, вознаградить за всякую жертву. И это—одинъ изъ замѣчательныхъ фактовъ симпатіи, основа которой всецѣло зиждется на томъ, что взаимообмѣнъ добрыхъ отношеній и соотвѣтствующихъ чувствъ производитъ обширный источникъ удовольствія и составляетъ одну изъ главныхъ характеристическихъ свойствъ цивилизованнаго человѣка. Даже при значительно меньшемъ, чѣмъ совершенное воздаяніе, симпатизирующій и благожелательный человѣкъ вознаграждается своимъ собственнымъ самоотказомъ; но нѣтъ прямой очевидности того, что бы

— — въ добродѣтельныхъ поступкахъ,
Виновникъ находилъ полную награду,
Хотя бы онъ благотворилъ неблагодарнымъ.

Если что даетъ вѣроятность этой доктринѣ—такъ это то, что общество вообще старается, посредствомъ благодѣяній и одобреній, наградить за индивидуальную неблагодарность или неспособность. Оставляя этотъ свѣтъ, мы можемъ сказать, что и будущая жизнь разсматривается какъ оказываніе добра всему нуждающемуся, убогому и недостаточному.

10. Симпатія не можетъ существовать на крайней точкѣ само-отрицанія; попеченіе объ удовольствіяхъ и страданіяхъ другихъ основывается на попеченіи о нашихъ собственныхъ.

Безъ удовольствій и страданій нашихъ собственныхъ, мы не знали бы о соотвѣтствующихъ опытахъ нашихъ ближнихъ. Но это не все. Мы должны имѣть достаточную сумму само-оберегающаго элемента, чтобы считать счастіе предметомъ, достойнымъ усилія. Мы узнаемъ значеніе добрыхъ вещей прежде всего по себѣ; затѣмъ, мы переносимъ нашу оцѣнку и на предметы нашей симпатіи. Если бы мы перестали находить какой либо интересъ въ нашемъ собственномъ личномъ благосостояніи, или относились къ нашему счастію равнодушно, мы и практически принимали бы за правило, что счастіе—ничто; выводъ тотъ, что филантропія была бы абсурдомъ и безсмыслицей.

11. Для широкихъ симпатій требуется и обширная область знанія людей.

Оказывающій симпатію въ области добраго и благотворительнаго дѣйствія нуждается въ совершенномъ знаніи чувствительныхъ сторонъ другихъ лицъ. Замѣтить и привести на память склонности и нерасположенія, интересы и нужды всѣхъ тѣхъ лицъ, къ которымъ мы хорошо расположены, это занимаетъ значительную область нашихъ мыслей и пониманія; между тѣмъ какъ однообразіе въ заботливости о всѣхъ, въ сферѣ нашего поведенія, подразумѣваетъ собой симпатическое самоотверженіе въ одинаково сильной степени.

12. *Подражаніе*, произвольное или непроизвольное, по его сходству съ симпатіей, находитъ себѣ объясненіе посредствомъ сопоставленія съ симпатіей.

По своимъ тенденціямъ и результатамъ, симпатія и подражаніе

различны, но въ своихъ основаніяхъ они имѣютъ много общаго. Подражаніе—пріобрѣтаемая сила, одинъ изъ отдѣловъ нашего произвольнаго воспитанія, посредствомъ котораго мы двигаемъ нашими собственными членами по руководству другого лица,—напр., учителя или мастера. Тѣснѣйшее сближеніе съ собственно симпатіей есть видъ непроизвольнаго подражанія, вслѣдствіе чего мы перенимаемъ жесты, тоны, фразеологію и вообще поведеніе окружающихъ насъ. Во всѣхъ этихъ пунктахъ, дѣятельность, обнаруживаемая другими, не есть только проводникъ или указатель, которымъ мы можемъ воспользоваться, если намъ угодно,—она—сила, которой мы подчиняемся; дитя усвояетъ манеры, господствующія вокругъ него, прежде чѣмъ узнаетъ объ ихъ значеніи.

Условія подражанія суть: 1) самопроизвольность активныхъ членовъ и 2) чувство эффекта, т. е. сообразности съ оригиналомъ. Что касается второго условія, оно есть дѣйствительное удовольствіе въ чувственномъ совпаденіи съ видимыми движеніями и слышимыми тонами; и нѣкоторое мучительное чувствованіе несогласія, по скольку такого совпаденія недостигается. Въ примѣрѣ дѣтей, которыя съ почтеніемъ и удивленіемъ относятся къ превосходнымъ силамъ старшихъ себя, поспѣшное подражаніе имѣетъ сильную прелесть, для нихъ это—шагъ впередъ на поприщѣ ихъ существованія. Многія изъ дѣтскихъ забавъ имѣютъ подражательный характеръ; драматизировать серьезныя роли, играть въ солдаты, судьи или учителя—составляетъ ихъ наслажденіе.

Равнымъ образомъ такое противоположеніе или контрастъ характеровъ подтверждается примѣрами по отношенію къ подражанію: чувствительность или впечатлительность—съ одной стороны, въ противоположность самодвиженію и самопочину—съ другой. Физическая основа различія предположительно можетъ лежать въ различной способности сенсорныхъ (чувствовательныхъ) и моторныхъ (двигательныхъ) центровъ; во всѣхъ случаяхъ, большая чувствительность къ получаемымъ впечатлѣніямъ представляетъ наиболѣе общее условіе, какъ для симпатіи, такъ и для подражанія.

Подражатель или мимикъ долженъ обладать легкостью въ спеціальныхъ употребляемыхъ органахъ, какъ голосъ, черты лица, жесты. Это есть видъ самопроизвольности въ этихъ органахъ съ дальнѣйшимъ даромъ измѣняемости, подвижности или объема. Но однако еще болѣе требуется чрезвычайной воспріимчивости чувства въ отношеніи къ подражаемымъ эффектамъ. Основательное и полное усвоеніе этихъ эффектовъ умомъ служитъ путеводителемъ

въ пользованіи активными органами въ дѣлѣ ихъ воспроизведенія. Предметъ, точно отвѣчающій (параллельный) артистическому таланту—комбинація гибкости органа съ чувствительностью къ спеціальному эффекту. Въ самомъ дѣлѣ, относительно извѣстнаго числа прекрасныхъ искусствъ—поэзіи, живописи и скульптуры—призваніе артиста сводится, по большей части, къ подражанію. И хотя подражаніе, нужно полагать, направляется къ артистической цѣли, однако одно изъ пріятныхъ эффектовъ искусства состоитъ въ вѣрности самого подражанія; значительная школа искусства подчиняетъ идеальную красоту такой именно точности воспроизведенія.

ГЛАВА XII.

Идеальная эмоція.

1. Фактъ, что извѣстное чувство или эмоція существуетъ и послѣ исчезновенія первичнаго стимула и оживляется чисто умственными силами, создаетъ жизнь въ идеалѣ.

Многое изъ нашего удовольствія и страданія содержитъ въ себѣ эту идеальную черту; оно не обязано настоящему возбужденію, но лишь воспоминанію о прошедшихъ состояніяхъ, вызываемыхъ или въ буквально прежнемъ состояніи, или облеченномъ въ формы воображенія и предусматриванія будущаго. Воспроизводимыя въ памяти одобреніе или порицаніе, удовольствіе любви къ отсутствующему, память о хорошо проведенной жизни—суть идеальныя чувствованія, могущія обладать большою напряженностью.

2. I. Самоподдержаніе эмоцій аффектируется чисто физическими органами и процессами.

Достаточно было сказано объ органическихъ процессахъ (см. Ощущенія органической жизни), чтобы видѣть ихъ вліяніе на умственное состояніе. Въ цвѣтѣ молодости, здоровья, питанія, духъ поддерживается своей собственной гармоніей. Радостная эмоція бываетъ тогда живуча и сильна; идеальныя удовольстія, простыя воспоминанія о моментахъ наслажденія пріобрѣтаютъ высокую напряженность, благодаря поддержкѣ, даваемой эмоціи, при существую-

щей физической бодрости. При такомъ состояніи вещей, возбужденный мозгъ, нуждающійся въ изобильномъ питаніи, поддерживаетъ самую высокую степень дѣятельности и соотвѣтствующую высоту эмоціональнаго пыла, какого бы рода ни была эмоція. Такъ, въ дни радости или отдыха всѣ идеальныя состоянія живительной эмоціи—самодовольство, любовь, чувство силы—бываютъ болѣе интенсивны и продолжительны, чѣмъ въ обычное время.

Подобнымъ образомъ, мы можемъ присоединить, въ качествѣ чисто физической причины, дѣйствіе возбуждающихъ веществъ, которыя, оживляя мозгъ, располагаютъ къ высокой степени эмоціи. Такъ, алкоголь стимулируетъ какъ нѣжную эмоцію, такъ и чувство силы въ замѣчательной и нерѣдко смѣшной степени.

Въ состояніяхъ тѣлеснаго подъема, какая либо пріятная эмоція, спеціально внушенная соотвѣтствующимъ дѣятелемъ, горитъ ярче, и пріятность чувствуется болѣе сильно. По той же причинѣ, воспоминаніе объ удовольствіи, произведенномъ умственнымъ внушеніемъ, бываетъ болѣе дѣйствительно. Въ сильномъ и дѣятельномъ мозгѣ духовныя обнаруженія вообще бываютъ ярче, богаче и продолжительнѣе, хотя здѣсь, въ большинствѣ случаевъ, выступаетъ преимущество для одного какого либо вида дѣятельности—чувства, воли или интеллекта.

3. II. Извѣстный темпераментъ можетъ быть особенно приспособленъ къ эмоціи.

Обыкновенно существуетъ для этого также физическая основа—строеніе мозга и другихъ органовъ,—вѣроятно, железокъ или выдѣляющихъ органовъ, но будемъ ли мы разсуждать о физическомъ сторонѣ или нѣтъ, мы должны признать этотъ духовный фактъ. Нѣкоторыя лица поддерживаютъ легко постоянный напоръ сравнительно сильной эмоціи; другія же могутъ удерживать это только въ небольшіе промежутки. Крѣпость извѣстной системы наклоняетъ *къ* чувству и *отклоняетъ* отъ воли и интеллекта; такія лица, не менѣе богато одаренныя въ цѣломъ, бываютъ слабы или въ дѣятельности, или въ интеллектѣ. Имъ присуща, однако же, горячая эмоція—дѣйствительная ли то, или идеальная; воспоминаніе объ удовольствіи бываетъ равносильно настоящему удовольствію.

Эмоціональный темпераментъ не можетъ быть одинаково сильно расположенъ ко всѣмъ эмоціямъ; мы должны признать въ этомъ отношеніи специфическія особенности. Но когда мы находимъ такія крупныя эмоціи, какъ удивленіе, нѣжное чувствованіе, самодо-

вольство, силу, и всѣ отражаемыя (производныя) чувствованія въ значительной полнотѣ, мы можемъ отмѣтить этотъ фактъ, какъ природную тенденцію или эмоціональный темпераментъ.

Эмоціональный темпераментъ созданъ для пріятной эмоціи; онъ есть видъ силы, подъема и легкости. Онъ не преувиличиваетъ, поэтому, страданій, какъ это онъ дѣлаетъ въ отношеніи удовольствія, напротивъ, онъ имѣетъ рессурсы затопить и забыть мучительныя чувствованія. Память страданій, идеальная жизнь страданія, за исключеніемъ того, на сколько она участвуетъ въ благоразумной предусмотрительности и замѣняющихъ дѣйствительныя чувства симпатіяхъ, есть слабость,—нѣкоторый недостатокъ самого строя; обнаруживаясь во время физической слабости и подавляясь опять физическимъ обновленіемъ.

4. III. Могутъ существовать организаціи, соотвѣтствующія спеціальнымъ эмоціямъ.

Нельзя допустить того, что извѣстныя эмоціи всѣ возникаютъ и падаютъ вмѣстѣ. Кромѣ общаго эмоціональнаго темперамента, существуютъ организаціи, предрасположенныя или по природѣ или слѣдствіе воспитанія для отдѣльныхъ эмоцій. Опредѣлить, какая изъ нихъ на этомъ пути можетъ развиваться одна, составляетъ задачу дальнѣйшаго анализа чувствованій.

Возвращаясь къ основному дѣленію между приводящею или чувствующею стороною нашей природы и отводящею или активною, мы имѣемъ основаніе сказать, что эти двѣ стороны неодинаково развиты въ индивидахъ. Теперь, что касается эмоцій, принадлежащихъ чувствительной или пассивной сторонѣ—напримѣръ, нѣжности, и эмоцій, связанныхъ съ активною стороною, напримѣръ, силы, мы можемъ ожидать специфическаго развитія, отвѣчающаго этимъ эмоціямъ. Природная нѣжность есть общее проявленіе, не предполагающее даже широкаго эмоціональнаго темперамента вообще. Лица, такъ одаренныя, будутъ чувствительны къ ласкающей аффекціи, и когда недостаточно дѣйствительныхъ предметовъ, чувствованіе это будетъ обнаруживаться въ идеальныхъ формахъ.

Такимъ же образомъ, чувство силы можетъ развиться необычнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ лицахъ; и, будучи такимъ, оно будетъ поддерживаться, при отсутствіи дѣйствительныхъ случаевъ, присутствіемъ ихъ въ идеѣ. Память, предвареніе, воображеніе великой силы будутъ давать болѣе наслажденія, чѣмъ строго наличныя удовлетворенія этого чувства; подобное этому мы видимъ въ заботахъ

честолюбія, въ аскетическомъ само-отрицаніи, которое дѣйствуетъ на умы людей.

Производныя эмоціи, какъ самодовольство, разражительность, любовь къ знанію, подчиняются силѣ составляющихъ ихъ элементовъ; слѣдовательно, они могутъ пріобрѣсти большую само-поддерживающую силу, или идеальную устойчивость. Чувствованія мести, антипатіи или ненависти могутъ горѣть съ безграничнымъ жаромъ въ груди людей; дѣйствительныхъ случаевъ этого немного, но наша система способна поддержать это трепетаніе въ теченіи значительнаго періода бодрствующей жизни.

Въ случаяхъ замѣчательнаго развитія спеціальныхъ эмоцій, культивація или привычка обыкновенно приходятъ на помощь природѣ. Нѣкоторыя сильныя природныя привязанности дѣлаются крѣпче благодаря ихъ поддержкѣ и пріобрѣтаютъ силу привычки; кромѣ нея, воспитаніе и вліяніе совнѣ могутъ создать чувство не менѣе сильное, какъ и первичное.

5. IV. Изъ психическихъ вліяній, поддерживающихъ идеальную эмоцію могутъ быть указаны два: 1) присутствіе нѣкоторой родственной эмоціи и 2) интеллектуальныхъ силъ.

1) Очевидно, что настоящая эмоція союзнаго и сроднаго характера должна облегчить дальнѣйшее развитіе идеальнаго чувства. Эмоція религіознаго почтенія питается и поддерживается обычаемъ, направленнымъ къ возбужденію составляющихъ ее чувствованій ничтожества, страха и нѣжности.

Настоящія ощущенія удовольствія способствуютъ намъ поддерживать грезы идеальнаго удовольствія. Музыкальное возбужденіе вдохновляетъ идеальныя эмоціи и удовольствія въ слушателѣ; будетъ ли любовь, довольство, слава, богатство, честолюбіе,—психическое трепетаніе переносится на новый предметъ.

2) Главная интеллектуальная сила есть смежность или присутствіе предметовъ, тѣсно связанныхъ съ извѣстнымъ чувствомъ, напримѣръ, когда нѣжное чувство по отношенію къ отсутствующему или умершему поддерживается останками, символами или другого рода напоминающими обстоятельствами.

Наши сочувственныя эмоціи воспламеняются видомъ соотвѣтствующихъ положеній въ жизни другихъ лицъ. Біографія самая пріятная та, которая предносить предъ нами жизнь и занятія, подобныя нашимъ собственнымъ. Молодой человѣкъ, вступающій въ общественную жизнь, возбуждается жизнію общественныхъ дѣяте-

лей; удалившійся политикъ можетъ воскрешать свои эмоціи изъ того же самаго источника.

Элементъ вѣры составляетъ нѣчто прибавочное къ силѣ идеальнаго чувствованія. Это—эмоція надежды, которая есть идеальное чувство, связанное съ вѣрой. Существуютъ разные пути возбужденія вѣры,—нѣкоторые изъ нихъ тождественны съ причинами уже упомянутыми; таковы—разнообразные источники духовнаго подъема. Но вѣрѣ могутъ помогать часто интеллектуальныя силы; въ каковомъ случаѣ онѣ имѣютъ тоже самое дѣйствіе.

Предъидущія разсужденія дали намъ нѣкоторыя побочныя пособія для чувства,—дѣйствительнаго или идеальнаго. Они способствуютъ намъ объяснить исключенія, имѣющія мѣсто въ общемъ правилѣ, утверждая превосходство настоящаго или дѣйствительнаго надъ воспоминаемымъ или идеальнымъ. Но прежде чѣмъ сдѣлать это объясненіе, мы должны принять во вниманіе слѣдующее добавочное обстоятельство.

6. V. **Какое либо чувствованіе, порожденное въ дѣйствительности, можетъ быть задержано акомпаниментами извѣстнаго состоянія.**

Дѣйствительность успѣха или шагъ въ жизни болѣе способенъ возбудить радостную эмоцію, чѣмъ мечта или идея о немъ. Присутствіе друга или любимаго предмета есть счастье, далеко превышающее мысль о нихъ въ отсутствіи. Однако, здѣсь имѣются побочныя неудобства даже по отношенію къ этой высочайшей формѣ полнаго наслажденія. Реальность идетъ въ ряду событій, внѣ отношенія къ нашему приготовленію духа, чтобы насладиться ею вполнѣ. И, что еще болѣе, она рѣдко приходитъ чистою; она бываетъ конкретнымъ состояніемъ, и обыкновенно имѣетъ какія нибудь дополненія непріятнаго, чтобы не сказать мучительнаго свойства. „Герой побѣды можетъ быть старымъ и не можетъ наслаждаться ею“. Всегда найдется что нибудь такое, что направлено, чтобы испортить блескъ какого нибудь большого успѣха; и даже скромная доля счастья не свободна отъ пятенъ. Любимый предметъ, въ дѣйствительномъ присутствіи, есть конкретное человѣческое существо, а не ангельское отвлеченіе.

Теперь, въ идеальномъ чувствѣ, случай этотъ измѣняется. Во первыхъ, мы не идеализируемъ, если мысленно не подготовлены къ этому; мы безсознательно выбираемъ свое особое время и принимаемъ въ соображеніе нашу эмоціональную способность; на самомъ же дѣлѣ

только что мы эмоціонально способны предаваться извѣстнымъ мечтамъ честолюбія, любви, блестящихъ надеждъ, что мы обыкновенно впадаемъ въ эту мечту.

И далѣе,—идеальное чувство опускаетъ изъ виду непріятныхъ спутниковъ дѣйствительности. Если мы вообразили удовольствіе отъ пріобрѣтенія извѣстнаго предмета стремленія, должности, положенія, брачнаго союза, мы не представляемъ въ то же время соединенныхъ съ этимъ ущербовъ. Господство извѣстнаго чувства, по законамъ его природы, исключаетъ всѣ непріятности. Ничто, кромѣ строгой дисциплины, отличающейся величайшею силою благоразумной предусмотрительности, не дѣлаетъ человѣка способнымъ къ принятію какого либо положенія, когда онъ предвкушаетъ нѣкоторое значительное удовольствіе. Цезарь, стараніями, множествомъ тяжелыхъ походовъ, соединенныхъ съ невзгодами, достигъ своего тріумфа, но онъ вѣроятно непредвидѣлъ примѣси низшихъ элементовъ къ его радостнымъ эмоціямъ этого дня.

Это не значитъ, что умаляющіе элементы въ каждомъ конкретномъ положеніи совершенно устраняютъ удовольствія достиженія того, для чего мы боролись. Кромѣ того, послѣдующее *воспоминаніе* объ этихъ омраченныхъ радостяхъ, въ соотвѣтствующихъ душевныхъ настроеніяхъ, снова приметъ видъ идеальной чистоты. Замужняя женщина, жребій которой былъ счастливъ и веселъ, будетъ вспоминать день своего брака, забывая объ усталости, хлопотахъ, головной боли, которыя, навѣрное, нашли бы себѣ мѣсто въ этомъ повѣствованіи.

7. Теперь необходимо сказать объ обстоятельствахъ, имѣющихъ значеніе для игры и преобладанія идеальной эмоціи.

При одинаковости всѣхъ другихъ условій,—чувство дѣйствительности превосходитъ чувство въ идеѣ: настоящее наслажденіе хорошей сдѣлкой, музыкальной пьесой, вечерней бесѣдой много сильнѣе, чѣмъ воспоминаніе или воображеніе этого наслажденія. Однако, въ очень многихъ случаяхъ, въ дѣйствіи указанныхъ причинъ, одно чувство въ идеѣ можетъ быть сильнѣе другого въ дѣйствительности. Эмоціи, господствующія въ духѣ, могутъ быть совершенно отличны отъ тѣхъ, которыя даются и поддерживаются обстоятельствами жизни.

1) Въ такъ называемомъ мечтаніи, мы имѣемъ большой запасъ примѣровъ. Что либо приходящее въ голову зажигаетъ одну изъ самыхъ сильныхъ эмоцій, при обстоятельствахъ же благопріятству-

ющихъ въ другомъ отношеніи, отгоняетъ вниманіе и мысли отъ другихъ предметовъ, чтобы прикрѣпить ихъ къ объектамъ чувства. Юноша, воспламененный повѣствованіемъ о великихъ подвигахъ и отважныхъ приключеніяхъ, забываетъ родину и родительскій домъ и мечтаетъ объ идеальной исторіи подобнаго возбуждающаго характера. Интеллектъ помогаетъ эмоціи, которая, безъ созданія соотвѣтствующихъ условій, не могла бы поддерживаться сама собой. Когда любовь бываетъ воспламененной страстью, происходитъ тоже самое забвеніе по отношенію къ возбужденію дѣйствительными, настоящими предметами; жизнь течетъ тогда въ совершенно-идеальной формѣ.

Таковъ смыслъ выраженія „удовольствія воображенія". Это суть удовольствія, поддерживаемыя идеально, которымъ интеллектъ придаетъ наружный видъ и обстоятельства, и въ чемъ проявляется способность, называемая воображеніемъ. Выраженіе это имѣетъ другой смыслъ въ извѣстныхъ опытахъ Аддисона, именно—удовольствій, получаемыхъ отъ произведеній искусства, гдѣ идеальность есть только случай, обстоятельство побочное. Разсматривая картину или статую, мы имѣемъ нѣчто, могущее быть названнымъ „реальнымъ" и настоящимъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что главная задача художественной работы, состоитъ въ томъ, что бы вызвать идеальныя эмоціи. Идеальность—почти „неразлучный спутникъ" искусства.

2) Въ нашихъ нравственныхъ сужденіяхъ о поведеніи, мы испытываемъ вліяніе идеальныхъ эмоцій. Не сочувствуя, какъ это бываетъ на практикѣ, строгимъ лишеніямъ и аскетическимъ подвигамъ, мы удивляемся имъ въ идеѣ вслѣдствіе высокаго обаянія чувства силы. Стояніе выше удовольствій составляетъ прекрасный идеалъ нравственной силы, и мы осязаемъ его въ теоретической морали, какъ бы мало мы ни цѣнили его на практикѣ.

3) Религіозное чувство заключаетъ въ себѣ извѣстный классъ эмоцій, не вполнѣ удовлетворяемыхъ дѣйствительностью настоящей жизни. Умы, сильно преданные тому, что можетъ дать этотъ міръ—„міро-поклонники" (wordly—minded), противоположны лицамъ „религіозно-настроеннымъ" (religiously—minded). Чувствованія величія, любви и страха въ такой степени, которая превосходитъ ограниченную сферу индивидуальнаго удѣла, легко переносятъ въ область неизвѣстнаго и сверхъопытнаго.

8. Идеальная эмоція болѣе или менѣе связана съ желаніемъ.

Когда извѣстное удовольствіе существуетъ только какъ слабое

воспоминанiе о прежнемъ удовольствiи, съ нимъ выступаетъ сознанiе тяжолаго несовершенства съ мотивомъ по отношенiю къ волѣ искать полной дѣйствительности. Это—желанiе. Если дѣйствительность не возвратима, состоянiе это называется сожалѣнiемъ. Если идеальное чувство нашло себѣ поддержку въ живости воспоминанiя или побочныхъ спутникахъ, приближающихъ его къ полнотѣ дѣйствительнаго опыта, мы сочли бы идеальное чувство достаточнымъ наслажденiемъ и не имѣли бы ни какого желанiя. Въ возбужденiи разговоромъ мы воспроизводимъ прiятныя воспоминанiя съ такою силою, которая наполняетъ до краевъ чашу удовольствiя.

ГЛАВА XIII.

Эстетическiя эмоцiи.

1. Эстетическiя эмоцiи, обозначаемыя именами красоты, высокаго, смѣшного, образуютъ классъ прiятныхъ чувствованiй, стремящихся найти удовлетворенiе посредствомъ произведенiй изящнаго искусства.

При запутанности такого вопроса, какъ красота, ключъ долженъ быть отыскиваемъ въ составныхъ элементахъ изящнаго искусства. Такiе элементы направлены на удовольствiе, но особаго рода, обозначаемое лестными терминами, „чистаго", „возвышеннаго". „благороднаго". Проводится контрастъ между прiятнымъ и прекраснымъ, пользой и красотой, индустрiей и изящнымъ искусствомъ.

2. Произведенiя изящнаго искусства могутъ быть приблизительно отмѣчены по ихъ характеристическимъ чертамъ: 1) они имѣютъ *удовольствiе какъ, цѣль саму въ себѣ;* 2) они чужды *непрiятныхъ спутниковъ;* и 3) наслажденiе ими *неограничивается однимъ или нѣсколькими лицами.*

1) Мы признаемъ, въ настоящемъ случаѣ, что непосредственная цѣль прекраснаго искусства есть удовольствiе; тогда какъ непосредственная цѣль ѣды и питья состоитъ въ огражденiи отъ страданiя, болѣзни, смерти.

2) Въ изящномъ искусствѣ что либо непріятное нуждается въ исключеніи. Это есть элементъ чистоты; гнустные спутники нашихъ чувственныхъ удовольствій портятъ ихъ чистоту.

3) Предметы прекраснаго искусства и всѣ предметы, называемые эстетическими, суть таковы, что ими можетъ наслаждаться значительное число лицъ; нѣкоторые изъ нихъ на самомъ дѣлѣ открыты всему человѣчеству. Они изъяты отъ роковыхъ пятенъ соперничества и спора, соединенныхъ съ другого рода пріятностію; они соединяютъ людей взаимною симпатіей и имѣютъ, такимъ образомъ, сильное соціальное и гуманизирующее вліяніе. Извѣстная картина или статуя можетъ быть видима милліонами; великая поэма обнимаетъ всѣхъ, кому только понятенъ ея языкъ; прекрасная мелодія можетъ производить удовольствіе на всемъ земномъ шарѣ. Заходъ солнца и небесныхъ свѣтилъ скрыты только отъ узника и слѣпца.

Теперь понятно, почему многія пріятныя и имѣющія цѣну вещи, цѣли индустріи, отличаются отъ изящнаго искусства. Пища, одежда, жилище, медицина, законъ, армія—суть безспорно полезны, но не суть необходимо (хотя иногда и бываютъ) прекрасны. Даже знаніе, хотя замѣчательно по отсутствію монополіи (3), но не имѣетъ эстетическаго значенія; его непосредственная цѣль не есть удовольствіе (1), хотя въ отдаленномъ оно и приноситъ удовольствія и устраняетъ страданія, и бываетъ слишкомъ много ассоцировано съ тяжелымъ и упорнымъ трудомъ по части его пріобрѣтенія (2).

Богатство, очевидно, исключается изъ класса предметовъ эстетическихъ. Подобнымъ же образомъ сюда не входитъ и наслажденіе силою не только потому, что оно—удовольствіе, имѣющее характеръ монополіи, но и потому, что возбуждаетъ въ другихъ противоположное состояніе безсилія или зависимости. Удовольствіе любви также ограничено въ своемъ объемѣ, будучи, однако, менѣе ограниченнымъ и менѣе враждебнымъ въ отношеніи къ интересамъ другихъ, чѣмъ сила.

3. Зрѣніе и слухъ суть эстетическія чувства.

Мускульныя ощущенія, огранически, ощущенія вкуса, обонянія и осязанія не могутъ быть умножаемы или распространяемы, подобно зрительнымъ и слуховымъ эффектамъ; объекты ихъ захватываются, если только совсѣмъ не поглощаются однимъ какимъ либо потребителемъ. Указаніе на монополію этихъ чувствъ было бы рѣшительнымъ доказательствомъ противъ цѣлаго класса ихъ, хотя многія имѣютъ и другія неправоспособности. Но удовольствія, воз-

буждаемыя зрѣніемъ и слухомъ, вслѣдствіе распространяемости свѣта и звука, могутъ служить предметомъ наслажденія для безчисленнаго множества лицъ. Нѣкоторое слабое приближеніе къ этому широкому участію замѣчается въ области запаховъ; но различіе, хотя только и по степени, на столько однако же велико, что даетъ право на проведеніе демаркаціонной линіи въ вышеуказанномъ направленіи.

4. Мускульные и чувственные элементы могутъ входить въ область искусства, будучи представляемы *въ идеѣ*. Тоже самое можетъ быть сказано о богатствѣ, силѣ, достоинствѣ и любви.

Живописецъ или поэтъ могутъ изобразить пиршество, и эта картина можетъ быть разсматриваема съ удовольствіемъ. Не идущія къ дѣлу обстоятельства не присутствуютъ въ идеальныхъ наслажденіяхъ. Такъ, богатство, сила, достоинство, любовь, видимыя или изображаемыя въ другихъ, не имѣютъ исключительнаго характера. Въ дѣйствительности, человѣчество добываетъ много истиннаго удовольствія изъ симпатизированія этимъ объектамъ. Они представляютъ много интереснаго въ окружающей жизни и въ историческомъ прошломъ и свободно входятъ въ артистическія композиціи.

5. Источникъ красоты заключается не въ одномъ какомъ нибудь качествѣ, но въ совокупности эффектовъ.

Исканіе нѣкотораго общаго свойства, приложимаго ко всѣмъ вещамъ, называемымъ прекрасными, теперь покинуто. Каждый теоретикъ допускаетъ множество причинъ. Общее свойство остается только въ эмоціи, и даже она можетъ измѣниться весьма значительно, не перемѣняя своего прежняго названія.

Среди терминовъ, употребляемыхъ для выраженія эстетическихъ качествъ,—высокость, красота, грація, живописность, гармонія, мелодія, пропорція, соотвѣтствіе, порядокъ, умѣстность, единство, острота, юморъ—заключаютъ не мало синонимовъ; дѣйствительное же различіе нужно соединять съ терминами высокаго, прекраснаго и смѣшного (юмора). Самая обширная изъ этихъ трехъ областей есть область красоты; проблема того, что должно составлять характеристику изящнаго искусства, главнымъ образомъ, приложима къ ней. Области высокаго и смѣшного, которыя также входятъ въ эстетическія композиціи но имѣютъ и нѣкоторыя особыя черты, будутъ разсмотрѣны особо.

Предметы, описываемые этими различными терминами, могутъ самопроизвольно встрѣчаться въ природѣ, какъ, напримѣръ, дикій и поражающій пейзажъ: они могутъ примыкать къ другимъ дѣйствіямъ, какъ напримѣръ, національныя войны, предпринимаемыя для самозащиты или первенства, производятъ великіе и волнующіе спектакли по отношенію къ незаинтересованнымъ зрителямъ и къ послѣдующимъ вѣкамъ; или, когда сооруженія, назначаемыя для чисто полезныхъ цѣлей, внушаютъ величіе единственно своимъ размѣромъ, какъ, напримѣръ, военное судно или громадное зданіе; и, наконецъ, они могутъ быть созидаемы для ихъ собственной цѣли, въ каковомъ случаѣ мы имѣемъ извѣстный классъ изящныхъ искусствъ, профессію артистовъ и извѣстное воспитаніе народа вообще въ изяществѣ и вкусѣ.

6. Предметы и эмоціи изящнаго искусства, на сколько они вытекаютъ изъ предъидущаго изложенія, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ видамъ:

I. Простыя ощущенія въ области слуха и зрѣнія.

Пріятныя звуковыя и зрительныя ощущенія входятъ въ область изящнаго искусства. Этотъ взглядъ, поддерживаемый Найтомъ (Knidht) въ его „Опытѣ о вкусѣ" строго, противоположенъ воззрѣнію Джеффрея (Jeffrey), который отрицаетъ, что существуютъ какія либо постоянныя удовольствія, обязанныя этимъ ощущеніямъ. Въ этомъ вопросѣ должно быть сдѣлано воззваніе къ опыту человѣчества. Разсуждая объ этихъ чувствахъ, мы классифицировали и исчисляли ихъ ощущенія, признавая дѣйствительно пріятный характеръ большей части ихъ, какъ напримѣръ, торжественные звуки, усиливающіеся и упадающіе, простой свѣтъ, цвѣта и блескъ. Если они могутъ быть пріятными на ихъ собственный счетъ (а не на счетъ нѣкоторыхъ изъ внушаемыхъ эмоцій), ихъ притязанія на включеніе въ область искусства основываются на ихъ согласіи съ критеріемъ артистическихъ эмоцій. Удовольствія, возникающія изъ нихъ, иногда называются чувственными (дѣйствующими на чувство—sensuous) въ противоположность узкимъ или монопольнымъ удовольствіямъ другихъ чувствъ, называемыхъ чувственными по природѣ (sensual).

7. II. Интеллектъ, ко-оперирующій съ чувствами, даетъ искусству матеріалъ.

Мускульное упражненіе и отдыхъ, *видимыя* или *созерцаемыя*, какъ напримѣръ, въ увеселительномъ спектаклѣ могутъ быть разсматри-

ваемы, какъ эстетическое удовольствіе. Удовольствія монопольныхъ чувствъ, когда разсматриваются въ идеѣ живописцемъ или поэтомъ, достигаютъ художественной обработки.

Ощущенія тѣлеснаго здоровья и силы сами по себѣ бываютъ исключительны и чувственны; но въ своей идеѣ, когда мы созерцаемъ внѣшнія проявленія здоровья, они бываютъ артистичны. Дѣйствительное наслажденіе теплотой или прохладой бываетъ чувственно, внушеніе же ихъ на картинѣ бываетъ возвышенно и художественно. Пріятные запахи часто описываются въ поэзіи. Ощущеніе нѣжнаго теплаго прикосновенія идеально возбуждаетъ художественное чувство.

Посредничество языка (интеллектуальное средство) бываетъ орудіемъ, побѣждающимъ непріятныя примѣси въ нашихъ чувствахъ и дѣлающимъ чувственныя удовольствія не столь противными артистическому пріему. Существуютъ средства для описанія отвратительныхъ процессовъ органической жизни, средства, которыя однако лишаютъ цѣлой половины ихъ дурного качества, удаляя ихъ грубость. Это составляетъ цѣль риторической фигуры, называемой эвфемизмомъ (смягченіемъ выраженія); это есть видъ утонченности, описываемый какъ очищеніе удовольствія.

8. III. Извѣстныя спеціальныя эмоціи, какъ въ своей дѣйствительности, такъ и въ идеѣ, въ значительной степени входятъ въ область изящныхъ искусствъ.

На это было уже указано выше. Первый классъ эмоцій относительности— удивленіе, изумленіе, новизна—находится въ искусствѣ также, какъ и въ другихъ удовольствіяхъ не артистическихъ. Эмоція страха, какъ мучительная сама по себѣ, могла бы быть исключена артистомъ, но случайно можетъ содѣйствовать артистическому удовольствію. Нѣжная эмоція въ дѣйствительности слишкомъ узка, но въ идеѣ она очень широко употребляется въ качествѣ художественнаго удовольствія; предметы, которые внушаютъ нѣжную эмоцію, пробуждающую идеальную любовь, всѣми называются прекрасными. По Бурку нѣжность почти тожественна съ красотой: по теоріи же ассоціацій Ализона и Джеффрея сила, придающая теплоту человѣческимъ аффекціямъ, находитъ себѣ мѣсто выше другихъ причинъ; женская фигура трактуется изящною, какъ воплощающая въ себѣ грацію и пріятность характера. Эгоистическая группа эмоцій—самодовольство, любовь къ одобренію, сила, раздражительность, разсматриваемыя даже идеально, бываютъ враждебны духу искусства; тѣмъ не менѣе мы можемъ симпатизировать случаямъ ихъ про-

явленія, причемъ обнаруженіе ихъ доставляетъ намъ удовольствіе. Положеніе преслѣдованія, въ идеѣ, значительно артистично; завязки интриги входятъ во многіе роды поэзіи. Интеллектуальныя эмоціи могли бы быть эстетическими, по ихъ обширному и свободному отъ предразсудковъ характеру, потому что онѣ прямо или косвенно, не содержатъ элемента соперничества; но область истины и знанія, въ чемъ онѣ проявляются, бываетъ, въ большинствѣ случаевъ, слишкомъ трудна, чтобы служить источникомъ безпримѣснаго удовольствія.

9. IV. *Гармонія* есть спеціальный источникъ артистическаго удовольствія.

Было замѣчено, (Классификація эмоцій, § 2-й), что эмоціональныя состоянія происходятъ изъ ощущеній благодаря гармоніи и борьбѣ; гармонія даетъ удовольствіе, а борьба—страданіе. Это приложимо къ произведеніямъ изящнаго искусства, гдѣ удовольствія гармоніи разработаны особенно широко. Иллюстрація этого положенія въ подробностяхъ могла бы занять огромную часть поля эстетики. Законъ, который опредѣляетъ удовольствіе гармоніи и страданіе столкновенія, есть приложеніе или вѣтвь высшаго закона,—закона самосохраненія; въ гармоніи мы можемъ предполагать, что нервные токи взаимно поддерживаютъ другъ друга; въ столкновеніи же, мы предполагаемъ, что существуетъ затрудненіе и потеря силы.

10. Пріятныя ощущенія *звука* и звуковой гармоніи составляютъ область изящнаго искусства.

Въ музыкѣ мы имѣемъ прежде всего всѣ пріятныя различія простого звука—нѣжные звуки, торжественные звуки, усиливающіеся и упадающіе; и затѣмъ, сочетанія звуковъ въ мелодію и гармонію по законамъ пропорціи, теперь опредѣленнымъ ариѳметически.

Музыкальная нота есть звукъ одинаковой высоты или постояннаго числа колебаній въ секунду. Въ этомъ однообразіи лежитъ источникъ удовольствія; оно содержитъ элементъ гармоніи. Правильность колебаній болѣе пріятна, чѣмъ неправильность. Тотъ же самый фактъ входитъ въ музыкальную арію или мелодію и повторяется въ гармоніяхъ и пропорціяхъ видимыхъ предметовъ.

Гармонія есть сочетаніе двухъ или болѣе звуковъ, сходныхъ по числу колебаній и вибрацій, въ простую пропорцію. Октава есть самая совершенная гармонія; отношеніе между тонами есть отноше-

ніе двухъ къ одной. Въ этомъ созвучіи, каждый второй ударъ высшей ноты совпадаетъ съ каждымъ ударомъ низшей и, между этимъ совпаденіемъ и двойнымъ ударомъ, есть одиночный ударъ. Промежутки времени, поэтому, бываютъ равны, но удары (по силѣ) не равны; двойной и одиночный чередуются. Это есть первый переходъ отъ однообразія къ разнообразію, и дѣйствіе это бываетъ болѣе пріятно, вѣроятно, на этомъ основаніи. Въ созвучіи квинты, каждое третье колебаніе высшей ноты совпадаетъ съ каждымъ вторымъ низшей и между этими двумя совпаденіями бываютъ три одиночные удара (два въ одномъ звукѣ и одинъ въ другомъ звукѣ), въ промежуткахъ, смѣняющихся въ такомъ же отношеніи, какъ 1, $^1/_2$, $^1/_2$, 1. Въ созвучіи кварты каждое четвертое колебаніе высшей ноты совпадаетъ съ каждымъ третьимъ низшей и между этими двумя совпаденіями происходитъ пять одиночныхъ ударовъ (три въ одномъ звукѣ и два—въ другомъ звукъ) въ промежуткахъ, какъ 1, $^1/_3$, $^2/_3$, $^2/_3$, $^1/_3$, 1. Въ этихъ двухъ послѣднихъ упомянутыхъ созвучіяхъ существуетъ смѣшеніе различныхъ сочетаній съ равными промежутками времени; совпадающій или двойной ударъ и одиночные удары, повторяющіеся въ томъ же самомъ порядкѣ, смѣняющіеся неравными, но пропорціональными промежутками.

Элементъ времени или темпъ въ музыкѣ, вѣроятно, имѣетъ тоже самое дѣйствіе и на болѣе обширной скалѣ. Кромѣ опредѣленныхъ установленныхъ гармоній, соблюденіе времени въ преемствѣ нотъ есть родъ согласія между тѣмъ, что прошло, и тѣмъ, что наступаетъ—гармонія ожиданія—и нарушеніе ея составляетъ разладъ или несогласіе и бываетъ ощутительно, смотря по чувствительности уха.

Измѣняющаяся напряженность музыки, точно регулированная, нѣчто присоединяетъ къ удовольствію, по закону относительности, чередованія, или закону смягченія, подобно свѣту и тѣнямъ. Какъ скоро звуки бываютъ рѣзки и громки, необходимо, чтобы они смягчались и разнообразились. Степени высоты тона должны опредѣляться разнообразіемъ, точно также какъ и гармоніей, и мелодіей. Такъ какъ дѣло искусства имѣетъ цѣлью доставить самое большее удовольствіе, то оно стремится къ разнообразію въ каждой формѣ, только не путемъ произведенія несозвучій или отсутствія гармоніи.

Кадансъ есть дѣйствіе общее музыкѣ и рѣчи и относится прежде всего къ окончанію или спаденію мелодіи. Обрывистое окончаніе непріятно отчасти вслѣдствіе нарушенія ожиданія, отчасти по-

тому, что, по принципу относительности, внезапное прекращеніе стимула производитъ толчокъ, аналогичный съ внезапнымъ началомъ. Кадансъ, далѣе, представляетъ, посредствомъ естественнаго ударенія, измѣненіе напряженности и высоты: тихое начало, постепенное поднятіе до высоты или приращенія и конечный упадокъ; существуетъ рядъ меньшихъ подъемовъ и паденій въ пьесѣ. Смѣняемость или разнообразіе есть единственный руководитель въ этомъ дѣйствіи, которое одинаково входитъ какъ въ музыкальное исполненіе, такъ и въ ораторское произношеніе.

Въ музыкѣ существуетъ придаточный эффектъ, именно, подражаніе эмоціональному выраженію, чрезъ которое прямо могутъ быть возбуждаемы различныя эмоціи, какъ нѣжность, набожность, изобиліе силы.

Это подражаніе производится разнообразіемъ звуковъ самихъ по себѣ, но еще болѣе благодаря переходу или сравнительной быстротѣ и подъему нотъ; совершенно тоже правило господствуетъ въ музыкѣ и поэзіи.

11. Пріятныя ощущенія *зрѣнія*, съ ихъ гармоніей, суть особый источникъ прекраснаго въ искусствѣ.

Простой свѣтъ бываетъ пріятенъ въ извѣстныхъ границахъ и преемствѣ; отсюда—искусство свѣта и тѣней. Пользованіе цвѣтами регулируется гармоніей; здѣсь происходитъ взаимное уравновѣшеніе цвѣтовъ, соотвѣтственно пропорціямъ солнечнаго спектра. Красный, желтый и голубой считаются первичными цвѣтами. Глазъ, обращенный въ теченіе извѣстнаго времени на одинъ какой либо цвѣтъ, напримѣръ, красный, желаетъ какого либо другого цвѣта, и такимъ, болѣе всѣхъ пріятнымъ цвѣтомъ, является цвѣтъ дополнительный; такъ, красный гармонируетъ съ зеленымъ, (составленнымъ изъ желтаго и голубаго); голубой съ оранжевымъ или золотистымъ (смѣсь краснаго и желтаго); желтый съ фіолетовымъ (смѣсь краснаго и голубаго). Цвѣтная гармонія есть maximum возбужденія оптическаго нерва, съ minimum'омъ истощенія.

Вліяніе блеска уже было описано. Это есть полоса блестящихъ, сіяющихъ искръ свѣта на фонѣ сравнительно пасмурномъ.

Въ области мускульной воспріимчивости глаза, элементарный пріятный эффектъ состоитъ въ возрастающемъ и убывающемъ движеніи и кривой линіи, по характеру своему представляющихъ одно и то же. Это условіе было всегда отличительной чертой красоты формы.

Примѣры гармоніи зрѣнія представляются въ движеніяхъ, напримѣръ, танца, гдѣ наблюдается время.

Въ неодушевленныхъ предметахъ существуютъ пространственныя гармоніи. Въ постановкѣ предметовъ въ извѣстный рядъ, одинаковость промежутковъ имѣетъ пріятный эффектъ, по принципу уже вышеуказанному. Одинаковость можетъ быть соединена съ разнообразіемъ, чрезъ введеніе большихъ перерывовъ, но съ равными промежутками, которые подчиняются извѣстнымъ переходамъ съ соблюденіемъ единства въ цѣломъ. Подраздѣленіе линій или протяженій должно состоять въ простыхъ отношеніяхъ, какъ половина, треть, четверть; эти простыя пропорціи составляютъ красоту продолговатыхъ и треугольныхъ фигуръ и отношеній комнатъ и зданій. Продолговатая постройка, имѣющая длинну втрое большую, чѣмъ ширина, болѣе пріятна для наблюдающаго глаза, чѣмъ когда не существуетъ этого отношенія. Комната, которой длина, ширина и высота выражаются простыми пропорціями какъ 4 къ 3, или 3 къ 2, хорошо соразмѣрена. Равенство угловъ въ треугольникахъ предпочитается неравенству; и углы въ 30°, 45° или 60°, будучи простыми дѣленіями квадратна, болѣе пріятны, чѣмъ углы непропорціональные. Въ простыхъ формахъ, законы пропорціи опредѣляютъ красоту, подчиняя ее соображеніямъ удобности. Такъ, въ кривыхъ формахъ, первичная прелесть кривой линіи можетъ быть комбинирована съ соотношеніями и пріятными ассоціаціями. Кругъ и овалъ содержатъ извѣстный элементъ соотношенія. Кромѣ этихъ эффектовъ, въ кривомъ контурѣ есть вліяніе легкости и *простора* (*abandon*). Механическіе члены человѣческаго тѣла, будучи главнымъ образомъ рычагами, укрѣпленными въ исходѣ, естественно описываютъ кривыя въ своихъ оконечностяхъ; только послѣ тяжелой дисциплины бываетъ, что они могутъ описывать прямыя линіи. Отсюда прямизна, въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, внушаетъ мысль о препятствіи, а изгибъ—о легкости. Красота прямой формы, когда она изящна, возникаетъ отчасти изъ пропорціи, отчасти изъ очевидной пользы порядка въ распредѣленіи. Прямыя борозды вспаханнаго поля—пріятны, если умъ занятъ трудомъ земледѣльца не со стороны его трудности, но со стороны его силы и ловкости.

Въ измѣреніи сверху внизъ, форма или очертаніе сплетается съ главнымъ соображеніемъ поддержки вещей сообразно съ силою тяжести; другими словами, мы имѣемъ дѣло съ давленіемъ и поддержкой. Несчастія потери устоя столь велики, сильны и серьезны, что соразмѣрность въ этомъ отношеніи бываетъ одною изъ нашихъ

безпрестанныхъ заботъ, дѣйствительною „аффекціей страха". Простая мысль о возможности катастрофы, вслѣдствіе слабости поддержки, есть мучительная идея; существованіе же такихъ мученій требуетъ видовъ соотвѣтствующей поддержки, дающей родъ радостнаго облегченія. Когда поддерживаются огромныя массы, мы съ удовольствіемъ смотримъ на прочность основанія, широту базиса, твердость колоннъ или другихъ поддержекъ. Пирамиды и хорошо подпертыя стѣны суть предметы, на которыхъ мы можемъ остановиться съ отрадой, особенно когда мы постоянно встрѣчаемся съ примѣрами непрочности и необезпеченности. Достаточностію видимой поддержки не исчерпывается интересъ противодѣйствія тяжести. Ближайшимъ съ требованіемъ соразмѣрности стоитъ требованіе наименьшей затраты средствъ или труда. Это условіе удовлетворяетъ чувству силы и сообщаетъ предмету видъ высокаго, обнаруживающій великій эффектъ, производимый на зрителя видомъ легкости. Пирамида, хотя и удовлетворяетъ одной сторонѣ дѣла, способна однако же высматривать огромной, тяжелой, неуклюжей, если она употребляется для поддержанія только своей собственной массы. Мы получаемъ добавочное удовольствіе, когда мы видимъ предметъ, поддерживаемый въ воздухѣ безъ такой траты матерьяла и такого широкаго основанія. Въ этомъ отношеніи обелискъ превосходитъ пирамиду. Колонна представляетъ еще высшую ступень; такъ, рядъ колоннъ, пріятный самъ по себѣ, по своей легкости, поддерживаетъ лежащую на верху массу. Другое видоизмѣненіе поддержки въ небольшихъ возвышеніяхъ составляетъ пилястра (четыреугольная колонна), которая бываетъ сжата ближе къ основанію и верхушкѣ, хотя при этомъ удерживаетъ широту подставки и значительно утолщается по срединѣ; здѣсь есть благопріятный случай также для кривыхъ очертаній. Сосуды, чаши, стаканы для вина и другая столовая посуда соединяетъ пропорціональность съ легкостію поддержки съ участіемъ извѣстныхъ соотношеній и кривой формы. Дерево, съ широко раскинутыми корнями и широкимъ основаніемъ, съ его тонкимъ и однако достаточно крѣпкимъ стволомъ, чтобы поддерживать обширную листву, есть примѣръ поддержки, которая никогда не перестанетъ доставлять удовольствіе.

Красота симметріи въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязана пропорціи, въ другихъ—соотвѣтствію поддержки. Когда двѣ стороны человѣческаго лица не сходны, происходитъ нарушеніе симметріи; пустое мѣсто также нарушаетъ симметрію, какъ не отвѣчающее ни требованію пропорціональности, ни достаточности въ поддержкѣ.

Красота видимаго движенія можетъ быть разсмотрѣна въ подобныхъ деталахъ. Движеніе по кривой составляетъ красоту, то есть чистое удовольствіе само по себѣ. Движенія вверхъ, будучи чужды тяжести, внушаютъ силу; точно таковы быстрыя метательныя движенія, какъ напримѣръ, пушечное ядро. Танцовальный спектакль соединяетъ въ себѣ сумму уже указанныхъ эффектовъ.

12. Въ изящныхъ искусствахъ имѣются сложныя гармоніи, какъ напримѣръ, когда звукъ, цвѣта, движеніе, форма существуютъ въ связи другъ съ другомъ и съ общимъ назначеніемъ работы, какъ одно цѣлое.

Здѣсь нѣтъ существеннаго соотвѣтствія звука съ цвѣтомъ или цвѣта съ формою; торжественный звукъ состоитъ не въ большей гармоніи съ краснымъ цвѣтомъ, чѣмъ съ голубымъ. Но настроенія ума, порожденныя ощущеніемъ, могутъ имѣть нѣкоторую общность; въ извѣстное время главнымъ ключемъ можетъ быть острое возбужденіе, въ другое время—массивное удовольствіе. Благодаря этой общности, блескъ и искры—одного характера съ быстрыми движеніями; нѣжный свѣтъ и тѣнь—съ медленными движеніями. Происходитъ тоже самое приспособленіе музыкальныхъ измѣреній къ состоянію ума, опредѣляемому видомъ, или эмоціей. Замирающія ноты въ музыкѣ гармонируютъ съ ослабѣвающимъ и упадающимъ движеніемъ или кривой линіей.

13. Широкая область изящнаго выражается въ *соотвѣтствіи* средствъ цѣли.

Объ этомъ была уже рѣчь при разсмотрѣніи значенія поддержки, которая есть соотвѣствіе сооруженія его цѣли, состоящей въ противодѣйствіи тяжести. На счетъ удовольствія, такимъ образомъ удерживаемаго, мы воздвигаемъ постройки, не имѣющія никакой другой цѣли, кромѣ внушенія приспособленности. Во всѣхъ родахъ механизма, гдѣ сила проявляется въ произведеніи результатовъ, существуетъ подобное чувство. Когда что либо уже дано, мы симпатически страдаемъ, открывая несоотвѣтствіе въ средствахъ; и когда часто подвергаемся такимъ страданіямъ, происходитъ пріятная реакція при созерцаніи такого труда, гдѣ есть достаточная сила для его выполненія. Существуетъ дальнѣйшее удовольствіе въ исканіи цѣлей, сопряженныхъ съ самою незначительною затратою средствъ. Признаки огромнаго труда, усилія или тяжести—не пріятны; человѣкъ, сгибающійся подъ тяжелою ношею, лошадь, вязнущая

въ грязи, даютъ гнетущую идею слабости. Шумъ тренія въ машинѣ и видъ шероховатости и ржавчины, производящихъ треніе, дѣйствуютъ на нашу чувственную воспріимчивость, вызывая страданіе. Съ другой стороны, всѣ доказательства сравнительной легкости въ выполненіи работы, хотя бы были и призрачныя, сопровождаются пріятными отраженіями симпатической силы. Тихій вѣтеръ, движущій корабль, или вѣтренную мельницу, даетъ намъ такое призрачное удовольствіе. Чистые, блестящіе инструменты ассоціируются съ легкостію и удобствомъ въ пользованіи ими при работѣ.

Прекрасныя стороны *порядка* могутъ зависѣть и отъ простой пропорціи, но чаще онѣ суть дѣйствія, ведущія къ достиженію цѣлей. Въ хорошо содержимымъ домѣ или лавкѣ, каждая вещь бываетъ на своемъ мѣстѣ; соотвѣтствующія орудія и удобства для чего бы то ни было—существуютъ; вся обстановка говоритъ о такой приспособленности и легкости, хотя можетъ случиться, что дѣйствительность и видимость—противоположны. Прекрасныя свойства чистоты, во первыхъ, направлены на удаленіе вещей вредныхъ и отвратительныхъ; далѣе, они сообщаютъ чистоту поверхности, глянецъ и блескъ—качества эстетическія. Чистота, изящность и тщательность могутъ быть отнесены къ порядку; даже по-мимо того, что это необходимо для цѣлей полезныхъ, чистота вліяетъ на умъ, сочувствующій порядку, который въ свою очередь служитъ средствомъ къ полезному.

14. Чувство *единства* въ разнообразіи, разсматриваемое какъ видъ красоты, главнымъ образомъ обязано своею прелестью порядку и интеллектуальному облегченію.

Умъ, обремененный множествомъ подробностей, ищетъ отдыха въ порядкѣ и единствѣ плана. Удачное приведеніе разнородной массы частностей къ простымъ и общимъ рубрикамъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ великихъ открытіяхъ обобщенія, производитъ волненіе великаго умственнаго облегченія. Во всѣхъ работахъ, богатыхъ деталями, мы сильно желаемъ какого либо понятнаго плана, способствующаго намъ схватить цѣлое, когда мы обозрѣваемъ части. Поэма, исторія, научная диссертація, извѣстное чтеніе, необходимо должны имѣть опредѣленный принципъ порядка или единства, проходящій во всемъ изслѣдованіи.

15. Въ числѣ принциповъ, существующихъ въ искусствѣ, можно указать на одинъ, основанный на природѣ чувствованій и состоящій въ томъ, чтобы оставлять нѣчто для *желанія* чего либо.

Оставить что либо для воображенія бываетъ лучше, чѣмъ выразить вполнѣ. На что только намекается, то становится понятнымъ въ идеальной формѣ и окраскѣ. Такъ, въ ландшафтѣ, вьющаяся рѣка исчезаетъ изъ глазъ; отдаленныя, туманныя горы—богатая область для игры фантазіи. Въ разсказѣ дѣлаются пропуски, съ цѣлію восполненія ихъ читателямъ. Пропорціональность и согласованіе выражаемаго и только подразумѣваемаго должны зависѣть отъ принциповъ идеальной эмоціи.

16. При столь большомъ разнообразіи дѣйствующихъ причинъ, должна быть допущена въ характеристикѣ чувства красоты нѣкоторая широта.

Опытъ доказываетъ, что всѣ эти различные эффекты не суть только виды удовольствія, но сродны между собой въ ихъ соединеніи. Общій характеръ эмоціи можетъ быть выраженъ въ формѣ возвышеннаго удовольствія. Даже, когда оно не велико по степени, оно имѣетъ преимущество прочности. Многія, сливающіяся теченія удовольствія бѣгутъ въ общій океанъ пріятнаго, гдѣ ихъ особенности становятся едва различимыми.

Когда говорится о красотѣ въ собственномъ, узкомъ смыслѣ, исключающемъ высокое, этимъ указывается болѣе на наслажденія чисто пассивныя, воплощаемыя въ чувственныхъ удовольствіяхъ, гармоніи, нѣжной эмоціи. Отожествленіе Буркомъ тонкости (какъ напримѣръ, въ цвѣткѣ, покрытомъ росою) съ красотою затрогиваетъ только пассивныя наслажденія, въ противоположность активнымъ. Ограниченіе это однако не достаточно основательно. Многое въ красотѣ соотвѣтствія зиждется на чувствѣ силы—основѣ высокаго.

17. *Высокое* есть симпатическое чувство превосходной силы въ ея высшихъ степеняхъ.

Предметы высокаго, по большей части, суть такого положенія и вида, который означаетъ огромную силу, энергію или громадность и, вслѣдствіе этого, становится способнымъ къ симпатическому возбужденію подъема высшей силы.

Мощь или энергія человѣка есть въ собственномъ смыслѣ высокое и служитъ точкой отправленія для сужденія о высокомъ въ другихъ предметахъ. Превосходная тѣлесная сила, доказываемая или величиной и формой членовъ, или дѣятельнымъ проявленіемъ, поднимаетъ духъ зрителей выше его ординарнаго уровня и поселяетъ нѣкоторую степень пріятнаго подъема. Тоже самое нужно сказать

и о другихъ видахъ высшей силы. Обширность ума, замѣчаемая въ великихъ учителяхъ человѣчества, представляетъ интересъ въ качествѣ предмета простого созерцанія. Нравственная энергія, какъ героическая твердость и самоотрицаніе, была предметомъ удивленія во всѣ времена. Большая практическая ловкость, въ различныхъ видахъ дѣятельной жизни, возбуждаетъ подобное же чувство высоты и удивленія. Видъ силы въ организованныхъ массахъ еще болѣе могуществен и придаетъ незаслуженное значеніе человѣку, которому случится быть во главѣ.

Высокое въ неодушевленныхъ предмемахъ бываетъ производно или заимствовано, посредствомъ фиктивнаго процесса, изъ собственнаго понятія о высокомъ въ другихъ, подобныхъ намъ, существахъ. Наше наслажденіе чувствомъ высшей силы до такой степени велико, что мы находимъ удовольствіе относя силы мертвой природы къ сознательному уму, или, что тоже, олицетворяя ихъ. Выходя изъ какого либо извѣстнаго положенія, какъ напримѣръ, въ отношеніи физической силы средняго человѣка двигать одинъ центнеръ (сто фунтовъ), мы имѣемъ нѣкоторый родъ симпатическаго подъема, видя много центнеровъ, легко поднимаемыхъ водой или силой пара. Когда извѣстный видъ бываетъ обычнымъ, мы становимся нечувствительными къ нему и возбуждаемся только чѣмъ либо отличнымъ или выдающимся.

Высокое въ поддержкѣ встрѣчается весьма часто. Оно прилагается къ поднятію большихъ тяжестей; къ удержанію отъ паденія тѣла; и къ поддержкѣ огромныхъ массъ на нѣкоторомъ возвышеніи надъ поверхностію, какъ напримѣръ, свайныя постройки и горы. Всѣ эти дѣйствія внушаютъ великую подъемную силу, эквивалентную человѣческой силѣ, но только въ несравненно большемъ объемѣ. Чѣмъ прямѣе или утесистѣе высокая масса, тѣмъ болѣе мыслится видимая сила въ поддержаніи ея. Возвышенное, такимъ образомъ, связано съ *высотой*, отчего и получило свое имя.

Высокое въ активной энергіи или силѣ, наблюдаемой въ дѣйствіи, мы видимъ въ громѣ, вѣтрѣ, облакахъ, водопадахъ, рѣкахъ, вулканахъ, силѣ пара, артиллеріи, увеличивающихъ силу животную или человѣка. Движеніе въ дѣйствительности производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ покоющіеся результаты движенія.

Высокое въ пространствѣ или обширность протяженій отчасти обязано тому обстоятельству, что предметы, обладающіе большою силою, суть въ тоже время предметы громадные. Океанъ—величественен. Относительно пустого пространства подразумѣвается боль-

шой объемъ энергіи, необходимой для того, что бы его пройдти, или массы, чтобы занять его.

Пространный видъ производитъ впечатлѣніе высокаго вслѣдствіе количества содержимыхъ предметовъ, изъ которыхъ каждый обладаетъ извѣстнымъ элементомъ поразительности. Здѣсь замѣчается также чувство интеллектуальнаго строя или захвата, сравнительно съ ограниченностію узкой мѣстности; а это—одинъ изъ многихъ видовъ для подъема высшей силы.

Величина по времени, или продолжительность производитъ чувство высокаго; не только продолжительность абстрактная, но и какъ рядъ извѣстныхъ происшествій и событій, проходящихъ чрезъ цѣлые вѣка. Здѣсь преимущественно выступаетъ интеллектуальный подъемъ и форма высшей силы. Отдаленное прошлое и отдаленное будущее, населяемое умомъ промежутками, возбуждаетъ чувство высокаго. Остатки древнихъ націй, древности геологическихъ періодовъ внушаютъ высокое, соединяемое съ меланхоліей и паѳосомъ, возникающими при взглядѣ на прошлое, полное опустѣнія и упадка.

Существуетъ случайная связь высокаго съ ужасающимъ. Собственно эти два состоянія ума враждебны и взаимно уничтожаютъ другъ друга, такъ какъ первое вызываетъ чувство энеріи, другое—подавляетъ его. По скольку предметъ высокаго даетъ намъ чувство личной или симпатической опасности, его высокость уничтожается. Эти два эффекта смѣшаны Буркомъ въ его теоріи высокаго.

18. Предъидущіе принципы могутъ быть засвидѣтельствованы и подтверждены примѣрами путемъ обозрѣнія предметовъ природы. Достаточно обратиться къ красотѣ человѣка.

Минеральное царство имѣетъ свои эстетическія качества преимущественно въ цвѣтѣ и формѣ. Въ растительномъ встрѣчаются уже многочисленные эффекты, возбуждаемые частію цвѣтомъ и формой, частію поддержкою и частію какъ бы человѣческимъ выраженіемъ. Красоты сценическія—горъ, скалъ, долинъ, рѣкъ, луговъ, подходятъ безъ особеннаго затрудненія къ вышеуказаннымъ составнымъ элементамъ. Царство животныхъ содержитъ много предметовъ эстетическаго свойства, и, не рѣдко противоположныхъ родовъ. Приближеніе къ человѣчеству представляетъ особенное обстоятельство; внушеніе чувствъ не бываетъ болѣе призрачное, но дѣйствительное, реальное; интересъ этотъ мало чѣмъ отличается отъ человѣческаго.

Въ отношеніи человѣчества, прежде всего выступаютъ манеры внѣшняго свойства. Эффекты цвѣтовъ и блеска—въ кожѣ, глазахъ, во-

лосахъ, зубахъ—существенно пріятны. Фигура—дѣло болѣе спорное. Части цѣлаго организма расположены при достаточной и въ то же время легкой поддержкѣ; извѣстное видоизмѣненіе ноги и членовъ тѣла приспособлено къ движенію впередъ. Закругленное очертаніе линій бываетъ непрерывное и смѣняющееся (въ идеальной женской фигурѣ), проходя точки противоположнаго изгиба, отъ выпуклой къ вогнутой и опять возвращаясь къ выпуклой.

Красивыя черты головы и лица представляютъ въ себѣ наибольшія трудности для опредѣленія. Что касается симметріи двухъ половинъ и округленныхъ линій, мы имѣемъ понятныя причины; но пропорціональные размѣры лица, очертаній и головы не подходятъ ни подъ какіе общіе принципы. Мы должны здѣсь принять изъ нашихъ обычныхъ образцовъ нѣкоторую мѣру рта, носа, лба и проч. и опредѣлить тонкости, которыя, входя въ законы пропорціональности, округленности и чувствительности, давали бы пріятное выраженіе. Это — единственное возможное средство между произвольною теоріею Бюффье и Рейнольда, которая всякую красоту возводитъ къ обычаю, и попыткамъ объяснить все изъ пропорціи и выраженія. Скульпторъ—негръ или монголъ не только былъ бы правъ, но даже вынужденъ принять идеальный типъ, отличный отъ греческаго, хотя онъ могъ бы соблюсти при этомъ однако же общія эстетическія требованія, т. е. относительно пропорцій, изгибовъ, очертаній и выраженія, чтобы не подражать какому либо дѣйствительному образцу или даже самой общей разновидности. Тоже самое приложимо къ красотѣ, наблюдаемой въ животныхъ. Берутся господствующія черты извѣстнаго вида и нѣкоторыя соображенія или универсальной красоты, или капризнаго выбора признаются имѣющими вѣсъ въ опредѣленіи прекраснаго типа.

Граціи движенія, какъ такія, совершенно понятны. Въ первичные эффекты движенія включаются кривая линія и „постепенно замирающее движеніе". Извѣстныя движенія, такъ же и какъ позы, пріятной формы едва ли могутъ быть иными, какъ только пріятными.

Вліяніе нѣжнаго и полового чувства соединяется съ цвѣтомъ, формой и движеніями. Извѣстный цвѣтъ лица и поверхности вообще ассоціируется съ нѣжнымъ, теплымъ прикосновеніемъ. Благодаря этому связующему звену, до нѣкоторой части природному (результатъ общаго закона), круглая и коническая форма побуждаетъ къ объятію, возбуждая даже интересъ къ твердой холодной мраморной статуѣ. Движенія, возбуждающія тотъ же самый рядъ чувствованій,— извѣстны и очевидны.

Во всѣхъ теоріяхъ красоты, многое зависитъ отъ выраженія пріятныхъ состояній духа. Пріятное выраженіе всегда ласкаетъ зрителя; отсюда и взглядъ, всегда сопутствующій этому выраженію, красивъ.

Когда мы изслѣдуемъ, что составляетъ красоту въ человѣческомъ характерѣ, или умственномъ образованіи, мы находимъ, что основа всего этого лежитъ въ самоотреченіи. Эта черта наблюдается въ подвигахъ (называемыхъ также *граціями)* благородства, любви, скромности или смиренія; все то, что извѣстный индивидъ уступаетъ, какъ часть себя, для другихъ.

Чувство смѣшного.

1. Область смѣшного связана со смѣхомъ.

Чувственный взрывъ, называемый смѣхомъ, имѣетъ много причинъ. Онъ не ограничивается чисто физическими вліяніями,—какъ холодъ, щекотанье, истерика,—избытокъ чисто животной души избираетъ его въ ряду другихъ сильныхъ обнаруженій, по которымъ мы можемъ заключить, что онъ есть выраженіе пріятнаго чувства. Какой либо большой и *внезапный* приливъ удовольствія, въ пылу возбужденія, избираетъ смѣхъ, въ качествѣ исхода; сильное напряженіе нервной струи отмѣчается дыхательными конвульсіями, которыя (по Спенсеру) имѣютъ цѣлію задержать вхожденіе кислорода и, такимъ образомъ, умѣрить возбужденіе. Взрывъ свободы въ молодой свѣжей натурѣ, послѣ періода заключенія, выражается въ дикой и неудержимой радости и весельѣ. Эмоція силы, внезапно находящая себѣ удовлетвореніе, имѣетъ спеціальную тенденцію возбужденія смѣха.

2. Самая общая указываемая причина смѣха это *несоотвѣтствіе*, но не всѣ несоотвѣтствія бываютъ смѣшны.

Несоотвѣтствіе средствъ цѣлямъ, несогласіе, раздоръ, ложь—суть несоотвѣтственности, но не бываютъ необходимо смѣшны. Идіотъ, управляющій націей, высоко несоотвѣственъ, однако не смѣшонъ. Несоотвѣтствіе, ведущее къ смѣху, несоотвѣтствіе особаго рода, отмѣчаемое такимъ качествомъ, которое заслуживаетъ того, чтобы его считали родовымъ фактомъ, а не квалификаціей другого факта.

3. Поводомъ къ смѣшному бываетъ паденіе извѣстнаго лица или власти, обладающихъ извѣстнымъ достоинствомъ, въ обстоятельствахъ, не вызывающихъ другой, болѣе серьезной эмоціи.

Когда кто либо внезапно падаетъ въ грязь, зритель расположенъ къ смѣху, если только несчастіе положенія не настолько велико, чтобы вызвать сожалѣніе. Если, это случилось съ лицомъ, которое вслѣдствіе нарядовъ съ большими претензіями, пышности или важности манеръ, или по какой либо другой причинѣ, внушало презрѣніе или нерасположеніе, смѣхъ бываетъ неудержимъ. Напущеніе испуга или гнѣва (если они не ведутъ къ опасности), выраженіе досады на дурной запахъ, приставшая какая либо нечистота или соръ,—обычные виды смѣшного. Пьяный человѣкъ бываетъ смѣшонъ, если только онъ не возбуждаетъ сожалѣнія или неодобренія.

4. Удовольствіе паденія чего либо величаваго можетъ быть сведено: 1) къ чувству силы, прямому или симпатическому, или 2) къ освобожденію изъ состоянія стѣсненія.

По самомъ глубокомъ анализѣ, оба эти факта оказываются однимъ и тѣмъ же; какъ въ томъ, такъ и въ другомъ существуетъ пріятное возвышеніе отраженія или облегченія отъ состоянія сравнительной угнетенности или приниженности. Въ такихъ случаяхъ, какъ уже было описано, очевидное и близкое отношеніе есть отношеніе къ чувству силы или превосходства. Въ другомъ разрядѣ случаевъ, мы можемъ также хорошо описать этотъ результатъ, какъ избавленіе отъ стѣсненія.

Въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ выступаетъ чувство комичнаго, какъ реакція серьезному. Важные, торжественные и пышные аттрибуты предметовъ требуютъ извѣстной доли непреклоннаго принужденія, и, если мы внезапно выходимъ изъ этого положенія, вырывается отраженіе веселости, какъ напримѣръ, это бываетъ у дѣтей, освобожденныхъ отъ школьныхъ занятій. Серьезное въ жизни создается трудомъ, трудностями, лишеніями и всѣми потребностями нашего положенія, ведущаго къ строгимъ и принудительнымъ учрежденіямъ управленія, закона, нравственности, воспитанія, религіи. Все, что только покрываетъ боязнію или страхомъ умы людей, есть серьезное; все что разрушаетъ, даже хотя на минуту какую либо устрашающую фигуру, доставляетъ пріятное облегченіе. Унижающее сочетаніе можетъ имѣть дѣйствіе, какъ напримѣръ, когда Лукіанъ вульгаризируетъ боговъ посредствомъ ихъ низкихъ занятій. Но тогда мы должны бываемъ перестать поддерживать неподдѣльныя почитанія достоинствъ, такимъ образомъ разрушенныхъ; или мы бываемъ расположены забыть тотчасъ же наше чувство уваженія. Комическое поддерживается ложными или поблекшими до-

стоинствами, жеманствомъ и притворствомъ, безсмысленной и пустой помпой.

ГЛАВА XIV.

Нравственныя эмоціи *).

1. Главный вопросъ въ области нравственно-психологической сводится къ тому, есть ли нравственная способность простой фактъ духа, или сложный.

2. Въ пользу простого и первичнаго характера нравственнаго чувства приводятъ слѣдущіе доводы.

Во первыхъ, что наши сужденія о справедливомъ и несправедливомъ бываютъ непосредственны и быстры.

Во всѣхъ почти случаяхъ мы бываемъ готовы сразу опредѣлить, справедливо или несправедливо извѣстное дѣйствіе. Мы нуждаемся въ разсужденіяхъ и изслѣдованіяхъ, въ собираніи доводовъ за и противъ, чтобы признать убійство, воровство или обманъ дѣйствіями несправедливыми. Мы вполнѣ владѣемъ способностію рѣшенія всѣхъ такихъ вопросовъ; мы не колеблемся, подобно лицу, принимающему въ соображеніе измѣняемость различныхъ силъ или интересовъ. Подобно тому, какъ мы тотчасъ отвѣчаемъ, ясенъ день или пасмуренъ, холоденъ или тепелъ; тяжело ли извѣстное тѣло, или легко;—подобно этому, мы бываемъ способны говорить, нравственно-справедливо извѣстное дѣйствіе, или же нѣтъ.

---

*) Предметъ этотъ у автора, какъ уже было выше замѣчено, не входитъ собственно въ психологическую часть его труда и разсматривается имъ особо въ „Этикѣ“ (стр. 448—59). Но имѣя въ виду цѣлостность и полноту отдѣла очувствованіяхъ, мы включаемъ главу о нравственныхъ эмоціяхъ въ область психологіи. При этомъ считаемъ неизлишнимъ сказать, что въ вопросахъ этическаго характера Бэнъ, будучи сторонникомъ утилитаризма, разсматриваетъ нравственныя чувствованія подъ замѣтнымъ вліяніемъ этой доктрины т. е. признаетъ ихъ сложными и производнымм актами душевной жизни, выросшими на почвѣ полезности. Воззрѣніе это, не смотря на его распространенность, далеко однако не свободно отъ недостанковъ и отнюдь не можетъ считаться единственно-правильнымъ и вѣрнымъ.

3. Во вторыхъ, нравственное чувство есть способность, принадлежащая всему человѣчеству.

Это было выраженно еще Цицерономъ въ его блестящей страницѣ, часто цитуемой сторонниками врожденности нравственныхъ началъ. „Существуетъ одинъ истинный и врожденный законъ, сообразный съ разумомъ и природой, распространяющійся на всѣхъ, неизмѣнный, вѣчный, который обращается къ долгу и удерживаетъ отъ несправедливости“ и пр.

4. Въ третьихъ, нравственное чувство, говорятъ, существенно отлично, по своей природѣ, отъ какого либо другого духовнаго факта или явленія.

Особое свойство различенія справедливаго и несправедливаго, подразумѣвающее фактъ одобренія и неодобренія, представляется совершенно непохожимъ ни на одинъ умственнымй элементъ; а, если такъ, то мы не можемъ анализировать или разлагать его на простые виды чувства, воли, или мышленія.

Мы имѣемъ много чувствъ, которыя побуждаютъ насъ къ дѣйствованію и удерживаютъ отъ онаго; но внушеніе (голосъ) совѣсти имѣетъ нѣчто свойственное ему одному, что выражается терминами: справедливость, авторитетъ, верховность. Другіе мотивы,—голодъ, любопытство, благожелательность и тому подобные,—имѣютъ власть, а оно (нравственное чувство) имѣетъ право.

Такъ, интеллектъ имѣетъ очень много случаевъ для проявленія своихъ качествъ: различенія, отожествленія, воспоминанія; но дѣйствіе опредѣленія, что справедливо и что несправедливо, предполагается единственнымъ (оригинальнымъ) употребленіемъ этихъ функцій.

5. Въ отвѣтъ на эти доводы и въ подкрѣпленіе того взгляда, что нравственная способность сложна и производна, приводятся слѣдующія соображенія: во первыхъ, непосредственность сужденія не служитъ доказательствомъ его врожденности; долгая практика или обращеніе производитъ тотъ-же самый результатъ.

Сообразно съ тѣмъ, на сколько мы свыклись съ извѣстнымъ предметомъ или какимъ либо классомъ дѣйствій, наши рѣшенія бываютъ быстры и свободны отъ колебаній. Опытный геометръ опредѣляетъ съ перваго взгляда, вѣрно ли извѣстное построеніе. Въ экспромтѣ извѣстное лицо выполняетъ въ каждый моментъ цѣлый

рядъ сужденій въ формѣ словъ, соотвѣтствующихъ смыслу, грамматикѣ, вкусу, впечатлѣнію на слушателя. Старый солдатъ узнаетъ сразу, безъ размышленій или колебаній, достаточно ли прочна извѣстная позиція. Не большая быстрота замѣчается въ сужденіяхъ о справедливомъ и несправедливомъ, какъ и въ этихъ пріобрѣтенныхъ профессіональныхъ дѣйствіяхъ.

Кромѣ того, приговоры совѣсти бываютъ быстры только въ простыхъ случаяхъ. Нерѣдко случается, что для нравственнаго сужденія бываютъ необходимы трудныя и пространныя соображенія.

6. Во вторыхъ, приводимое сходство нравственныхъ сужденій у людей во всѣхъ странахъ и во всѣ времена допускаетъ нѣкоторое ограниченіе.

Очень большія разности между различными націями относительно того, что считать справедливымъ и несправедливымъ, бываютъ слишкомъ многочисленны, рѣзки и серьезны и часто влекутъ за собою противорѣчія. Разбой и убійство признавались цѣлыми націями законными. Приводимое Маколеемъ описаніе Шотландскаго начальника прежняго времени далеко не единственное въ опытѣ человѣчества.

„Его собственные вассалы" говоритъ Маколей, „на самомъ дѣлѣ были немногочисленны, но онъ самъ происходилъ отъ благороднѣйшей Шотладнской крови. Онъ поддерживалъ близкія отношенія съ своими знаменитыми родственниками и послѣдніе, не смотря на то, что онъ былъ разбойникъ, любили его, такъ какъ онъ никогда ихъ не грабилъ; но, что-бы грабежъ, какъ грабежъ, считался постыднымъ и неблагодарнымъ дѣломъ, это никогда не приходило на умъ какому нибудь кельтскому начальнику".

Различные отвѣты были даваемы защитниками врожденной нравственности на эти серьезныя несоотвѣтствія.

1) Указывалось, что дикія или некультурныя націи не служатъ яснымъ критеріемъ человѣчества вообще: что по мѣрѣ того, какъ люди становятся болѣе цивилизованными, они приближаются къ единству нравственнаго чувства; и то, въ чемъ согласны цивилизованные люди, должно быть принято за правило всей расой.

Теперь, этотъ аргументъ могъ бы имѣть большое значеніе въ какомъ либо разсужденіи на счетъ того, въ чемъ состоитъ добро, выгода, польза или о томъ, съ чѣмъ согласуется развитой разумъ или пониманіе человѣчества; потому что цивилизація состоитъ въ направленіи интеллектуальныхъ способностей людей на улучшеніе ихъ

положенія. Но въ спорѣ о томъ, что дано намъ природой,—чѣмъ мы владѣемъ независимо отъ умственнаго развитія и опыта,—обращеніе къ цивилизаціи не имѣетъ смысла. Что цивилизованные люди согласны между собою въ противоположность дикарямъ, это обстоятельство должно говорить противъ врожденнаго инстинкта; или, другими словами, въ пользу *чего-то*, внушаемаго разумомъ и опытомъ.

Далѣе, разсматривая, такъ называемыя, цивилизованныя расы, куда входятъ, главнымъ образомъ, Европейцы, Американцы и нѣкоторыя Азіатскія народности настоящаго времени и Греки и Римляне прошедшаго, мы находимъ здѣсь разности въ томъ, что признается нами за существенное въ области морали. Полигамія разсматривается какъ законная въ Турціи, Индіи и Китаѣ и совершенно иначе цѣнится у насъ. Браки, считающіеся у насъ кровосмѣсительными, были вполнѣ законны въ древности. Взгляды, поддерживавшіеся Платономъ и Аристотелемъ, на отношеніе половъ, теперь возбуждаютъ отвращеніе.

2) Возражали, что хотя люди и много расходятся въ томъ, что считать справедливымъ и несправедливымъ, но они всѣ согласны въ существованіи *нѣкотораго понятія* о справедливомъ и несправедливомъ. Не было ни одного народа, который былъ бы чуждъ нравственныхъ сужденій.

Но это значитъ уступать единственную позицію дѣйствительной (реальной) важности. Простой и непроизводный характеръ нравственной способности поддерживается въ силу высшаго авторитета, привлекаемаго къ тому, что естественно, въ противоположность тому, что совершенно условно. Но если не существуетъ ничего естественнаго, кромѣ голаго факта справедливаго и несправедливаго, между тѣмъ всѣ детали, которыя однѣ и имѣютъ силу, созданы договоромъ и обычаемъ, то мы столько же стоимъ за одну систему, сколько и за другую.

3) Вполнѣ допустимо и неоспоримо, на самомъ дѣлѣ, что воспитаніе должно сходиться съ естественными импульсами въ образованіи нравственнаго чувства. Ни одно человѣческое существо, предоставленное совершенно природнымъ влеченіямъ, не будетъ въ состояніи проявить чувство справедливаго и несправедливаго. Общее положеніе или правило, что сила совѣсти зависитъ отъ заботы, прилагаемой къ ея развитію. Хотя мы признали примитивныя различія между людьми по части воспріимчивости къ нравственному воспитанію, однако, чѣмъ лучше воспитаніе, тѣмъ бываютъ сильнѣе сознательныя опредѣленія.

Но это допущеніе имѣетъ такой характеръ, что сводитъ часть, образуемую природой, къ скудному и неизвѣстному итогу. Даже, если бы существовали природныя преимущества, они могли бы быть совершенно побѣждены и извращены прилежнымъ воспитаніемъ. Различіе, образуемое наученіемъ, такъ велико, что практически обнимаетъ собой все. Голосъ настолько слабый, что побѣждается посторонними элементами, едва ли можетъ быть считаемъ за природный.

7. Въ третьихъ, справедливое и несправедливое въ нравственной области не является простымъ недѣлимымъ фактомъ, а сложнымъ сборникомъ правилъ, которыя не могутъ быть поняты безъ извѣстной умственной зрѣлости.

Невозможно обнять всю область нравственно справедливаго и несправедливаго настолько, чтобы свести ее къ единичной простой перцепціи, подобно перцепціи сопротивленія или цвѣта. По отношенію къ нѣкоторымъ интуиціямъ полагаемымъ въ основу нашего познанія, напримѣръ, времени и пространства, существуетъ сравнительно большая простота и единство, дѣлающія врожденность ихъ менѣе спорнымъ вопросомъ. Но такой простоты вовсе не существуетъ въ области долга.

Послѣ того, какъ предметъ морали былъ изученъ въ подробностяхъ, становится возможнымъ сколько нибудь обнять его въ цѣломъ, путемъ обобщенія, въ одномъ широкомъ понятіи уваженія къ нашимъ ближнимъ. Но, во первыхъ, это слишкомъ далеко отъ примитивнаго или врожденнаго внушенія ума. Оно приходитъ въ поздній періодъ исторіи человѣчества, и даже разсматривается, какъ часть откровенія. Во вторыхъ, такое высокое обобщеніе должно быть сопровождаемо подробными примѣненіями къ отдѣльнымъ случаямъ и обстоятельствамъ. Жизнь полна противоположныхъ требованій, и должны существовать спеціальныя правила, приспособленныя къ этимъ различнымъ требованіямъ. Мы говоримъ, что страна больше семьи, что временные интересы должны быть подчинены болѣе постояннымъ и т. д.

Предполагая, что любовь къ нашимъ ближнимъ распространяется на всѣ обстоятельства, на сколько они вообще доступны выраженію, и обнимаетъ всю совокупность нравственности, мы имѣемъ только другое имя для нашихъ симпатическихъ, благожелательныхъ, или безкорыстныхъ взглядовъ, въ которые поэтому и разрѣшается совѣсть, какъ это и думалъ Юмъ.

Но нравственность собственно разсматривается, какъ широкая

наука, включающая разнообразіе правилъ, полныхъ трудности и требующихъ точнаго разсмотрѣнія. Область справедливости выражается въ абстрактномъ, чуждомъ простоты, положеніи—suum cuique—„каждому свое"; прежде чѣмъ приложить это правило къ дѣлу, мы должны опредѣлить, въ чемъ заключается это „свое" каждаго, ведущее къ сложнымъ вопросамъ объ относительной заслугѣ, далеко перехватывающей уже область интуиціи.

Если какая либо часть морали допускаетъ простоту инстинкта, то только развѣ истина. Различіе между истиной и ложью можетъ разсматриваться почти какъ первичная воспріимчивость, подобно различію между свѣтомъ и темнотой, сопротивленіемъ и отсутствіемъ его. Что каждый человѣкъ долженъ говорить, что есть, а не то, чего нѣтъ, можетъ конечно показаться примитивнымъ и природнымъ импульсомъ. Въ обстоятельствахъ совершенно безразличныхъ, это было бы очевидной и обычной характеристикой поведенія, будучи, подобно прямой линіи, кратчайшимъ разстояніемъ между двумя пунктами. Но пусть явится извѣстный мотивъ въ пользу лжи и не останется ничего, что заставило бы насъ уважать истину. Предпочтеніе должно быть отдано другимъ сторонамъ духа, изъ которыхъ могутъ явиться контръ-мотивы; интуиція въ пользу истины, неспособная къ поддержкѣ сама по себѣ, покоится на общемъ фундаментѣ всѣхъ добродѣтелей существующемъ признаніи правъ другихъ.

8. Въ четвертыхъ, интуиція неспособна рѣшать спорные вопросы въ области практики.

Если мы припомнимъ нѣкоторые изъ важныхъ вопросовъ практической жизни, относительно которыхъ мнѣнія человѣчества расходятся, мы должны признать, что одна интуиція безсильна разрѣшить ихъ.

Терпимость еретическихъ мнѣній подвергалась сильнымъ состязаніямъ и спорамъ. Наши чувствованія склонялись какъ въ ту, такъ и въ другую сторону; природа не давала отъ себя никакого толчка къ такому или иному рѣшенію вопроса. Если же прогрессъ цивилизаціи склонился къ свободѣ, то это произошло отчасти благодаря большему просвѣщенію, отчасти успѣшной борьбѣ диссидентовъ съ установившимся мнѣніемъ.

Вопросы относительно брака также совершенно неразрѣшимы на почвѣ одной интуиціи. Естественные импульсы стоятъ скорѣе за неограничиваемое сожительство. Степень ограниченія этого рода

стремленія не указывалась какимъ либо чувствомъ, открывавшимся въ умѣ. Примѣръ весьма характерный. Въ убійствѣ и воровствѣ непосредственныя слѣдствія—обида для кого либо; въ половой распущенности, непосредственный результатъ чуждъ непріятности. Зло открывается только въ отдаленныхъ послѣдствіяхъ, о которыхъ интуиція ничего не знаетъ. Неудивительно, поэтому, что націи, даже высоко цивилизованныя, широко расходятся въ брачныхъ институтахъ, соглашаясь только въ свойствѣ принятія и закрѣпленія какихъ либо узаконеній.

9. Въ пятыхъ, возможно анализировать, или разложить нравственную способность: и, поступая, такимъ образомъ, объяснить, какъ особенныя ея свойства, тамъ и сходство нравственныхъ сужденій, насколько оно существуетъ между людьми.

Мы начнемъ съ разсмотрѣнія дѣйствій: 1) благоразумія, 2) симпатіи и 3) эмоцій вообще.

Побужденія къ совершенію нравственнаго поступка, какъ напримѣръ, въ производствѣ торговыхъ предпріятій,—могутъ быть различныхъ родовъ.

1) Благоразуміе, или личный интересъ, очевидно, дѣлаетъ много къ пользу нравственнаго поведенія. Оставляя на сей разъ разсужденіе о наказаніи, которое составляетъ одинъ изъ видовъ обращенія къ мотивамъ благоразумія, мы можемъ усмотрѣть дѣйствія личнаго интереса или пользы въ многихъ случаяхъ, гдѣ люди поступаютъ справедливо. Во всѣхъ торговыхъ предпріятіяхъ польза предпринимателя играетъ конечно главную роль, но, во имя ея, онъ будетъ честенъ, справедливъ и вѣренъ своему слову. Наша личная польза можетъ простираться еще далѣе. Мы можемъ скоро догадаться, что если мы сдѣлаемъ примѣръ несправедливости, онъ можетъ быть возмѣщенъ въ такой мѣрѣ, которую мы не можемъ считать ничтожною; общественная безопасность становится цѣлью и личное отдѣльное существованіе, если даже возможно, перестаетъ быть желательнымъ.

Болѣе развитой взглядъ на личный интересъ внушаетъ намъ, что выполняя всѣ наши обязанности по отношенію къ ближнимъ, мы не только поддерживаемъ взаимное выполненіе, но пораждаемъ взаимную любовь и симпатію которыя въ широкой степени увеличиваютъ счастіе нашей жизни.

2) Симпатія или сочувствіе, источникъ нашихъ безкорыстныхъ

дѣйствій, должна быть взята въ расчетъ въ слѣдъ затѣмъ. Слѣдствіемъ нашихъ симпатическихъ чувствованій бываетъ то, что мы удерживаемся отъ нанесенія страданій другому и даже отказываемся скорѣе отъ собственнаго удовольствія, чѣмъ думаемъ причинить страданіе другому. Движимые такимъ образомъ, мы исполняемъ многія обязанности во вниманіе къ несчастію (не нашему собственному), проистекающему вслѣдствіе ихъ пренебреженія.

Значительная доля добродѣтели происходитъ прямо изъ этого источника. Если бы изъ груди не вырывались чисто безкорыстныя тенденціи, все существованіе человѣчества измѣнилось бы. Нельзя сказать, что общество было бы невозможно; существуютъ расы, гдѣ взаимная симпатія развита скудно: но выполненіе обязанностей, въ силу именно только чувства личной пользы, было бы слабо тамъ, гдѣ эта польза неочевидна. Съ другой стороны, если мы во всѣхъ случаяхъ соприкасаемся съ несчастіемъ другихъ, непосредственно и отдаленно происходящихъ изъ ихъ поведенія—если симпатія совершенна и непоколебима,—намъ едва ли нужны правовыя предписанія.

3) Наши различныя эмоціи могутъ кооперировать съ благоразуміемъ и симпатіей по части сообщенія тому и другому фактору большей живости.

Благоразуміе, въ формѣ отвращенія отъ страданія, дѣлается болѣе сильнымъ, когда страданіе сопутствуется страхомъ. Волненіе страха возникаетъ въ качествѣ устрашающаго мотива, когда опасность представляется въ будущемъ, въ отдаленіи. Сильной уздой отъ нанесенія обиды служитъ возмездіе со стороны пострадавшаго, представляющее собой опасность сильнаго и безграничнаго характера, возбуждающаго постоянную тревогу.

Гнѣвъ, или раздраженіе, также входитъ, разными путями, въ наши нравственные импульсы. Въ связи съ личной пользой и симпатіей, онъ возвышаетъ чувство недовольства по отношенію къ обидчику.

Нѣжная эмоція или любовь, побуждая насъ къ выполненію нашихъ обязанностей по отношенію къ другимъ, служитъ безопаснымъ огражденіемъ отъ причиненія обиды предметамъ этого чувства. Было уже показано, что эти эмоціи, хотя и подходятъ къ симпатіи, однако при всемъ томъ отличаются отъ нея.

Эстетическія эмоціи имѣютъ важное значеніе по отношенію къ нравственному чувству. Въ цѣломъ, онѣ благопріятствуютъ добродѣтели, будучи удовольствіями не исключительнаго или монопольнаго характера. Какъ бы то ни было, онѣ склоняютъ къ созданію

нравственныхъ правилъ и предотвращенію произвольнаго пониманія справедливаго и несправедливаго.

10. Хотя благоразуміе и симпатія и различныя поименованныя эмоціи суть могущественныя побужденія къ тому, что составляетъ справедливое въ дѣйствіи, и хотя безъ нихъ справедливость не была бы господствующею среди людей, однако они не даютъ *спеціальнаго аттрибута* справедливости. Для этого, мы должны обратиться къ учрежденію правленія или авторитета.

Хотя сила этихъ различныхъ мотивовъ въ пользу справедливости всемогуща и существенна настолько, что безъ нихъ нравственность была бы невозможна, но сами по себѣ они не сообщали бы нравственному поступку особеннаго характера. Мы не всегда почувствовали бы, когда пренебрегли нашими интересами, или нарушили наши симпатіи, что поступили дурно. Критерій справедливости въ отдѣльныхъ частныхъ случаяхъ содержитъ въ себѣ нѣчто отличное.

Основанія этого—очевидны. Потому что, какъ благоразуміе въ отношеніи себя, такъ и симпатія или сочувствіе въ отношеніи ближняго, хотя бы обнимали собой всѣ интересы человѣчества—все, что только можетъ быть желаемо въ этой области—однако, дѣйствованіе по этимъ импульсамъ каждаго индивида на авось было бы недостаточно для потребностей человѣческой жизни. Импульсы эти должны быть регулируемы, направляемы, согласуемы обществомъ въ обширныхъ размѣрахъ; каждое лицо должно исполнять свое дѣло по тому же самому плану, какъ и другое. Это ведетъ къ установленію правительства или авторитета, съ коррелативами закона, обязанности и наказанія. Наши природные импульсы къ добру теперь направлены по искусственному руслу и, въ такомъ ихъ направленіи собственно нѣтъ ничего страннаго. Сущность самого дѣла требовала того, что бы всецѣло сообразоваться съ общими положеніями, и тѣ, для которыхъ было бы недостаточно естественныхъ мотивовъ, подпадаютъ подъ вліяніе новаго благоразумнаго мотива—наказанія.

Правительство, авторитетъ, законъ, обязанность, наказаніе—всѣ они вплелись въ тотъ великій общественный институтъ, которому нравственность обазана своимъ главнымъ основаніемъ и нравственное чувство своимъ особеннымъ аттрибутомъ. Нравственность не есть ни благоразуміе, ни благожелательность въ ихъ первичныхъ или свободныхъ обнаруженіяхъ; она есть систематическое

узаконеніе благоразумныхъ и благожелательныхъ дѣйствій, сдѣлавшихся теперь обязательными въ силу наказанія; это совершенно особый мотивъ, искуственно созданный человѣческимъ обществомъ, но сдѣлавшійся столь близкимъ для каждаго, какъ вторая природа. Ни одинъ человѣкъ не опредѣляется теперь благоразумными или симпатическими мотивами въ ихъ собственномъ чистомъ видѣ. Родители побуждаются питать своихъ дѣтей; слуги—повиноваться ихъ господамъ; граждане—жить въ повиновеніи извѣстному авторитету; торговля совершается согласно предписанной формѣ и постановленію; истина говорится въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, а не другихъ. Въ организованномъ обществѣ самые лучшіе природные импульсы недостаточны, чтобы руководить дѣйствіями гражданъ. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь должно существовать общее совпаденіе между требованіями благоразумія и симпатіи и предписаніями закона; но точное упорядоченіе есть дѣло *институціи*. Нравственный актъ не есть только актъ, стремящійся согласить благо дѣйствующаго лица съ благомъ цѣлаго общества; онъ есть актъ, предписываемый общественнымъ авторитетомъ и сдѣлавшійся обязательнымъ для каждаго гражданина. Нравственность создается посредствомъ его авторитетнаго предписанія, а не посредствомъ выполненія первичныхъ цѣлей общественнаго устройства. Худой законъ—все таки законъ; несправедливое нравственное правило остается всетаки нравственнымъ правиломъ и считается за таковое каждымъ вѣрнымъ гражданиномъ.

11. Можетъ быть доказано, насколько допускаетъ очевидность, что особенность нравственнаго чувства или совѣсти тожественна съ нашимъ воспитаніемъ подъ извѣстнымъ управленіемъ или авторитетомъ.

Совѣсть, описываемая такими терминами, какъ нравственное одобреніе и неодобреніе, включаетъ, въ своемъ высокомъ развитіи, особенное и безпримѣсное отвращеніе духа отъ всего того, что несправедливо и внушаетъ сильное негодованіе по отношенію къ оскорбителю, негодованіе, смѣняемое угрызеніемъ совѣсти въ случаѣ, если въ роли оскорбителя, или лица несправедливо поступившаго, оказываемся мы сами.

Можно доказать, что не существуетъ ничего природнаго или первоначальнаго въ этихъ чувствованіяхъ, за исключеніемъ того, въ чемъ они совпадаютъ съ предписаніями личной пользы или симпатіи, вспомоществуемыхъ вышеописанными эмоціями. Какое

нибудь дѣйствіе, враждебное нашимъ интересамъ, возбуждаетъ форму неодобренія, какъ наносящее ущербъ нашей личной пользѣ; и дѣйствіе, которое заставляетъ другого страдать, можетъ на столько аффектировать нашу природную симпатію, что вызываетъ неодобреніе и даже негодованіе. Эти природныя или врожденныя чувствованія всегда склонны совпадать съ нравственно справедливымъ и несправедливымъ, хотя они не имѣютъ своего критерія или мѣрила въ умѣ каждаго индивида. Но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ пробуждается необыкновенно сильное чувство нравственнаго неодобренія, тамъ можетъ образоваться совпаденіе первичныхъ мотивовъ эгоистическихъ и симпатическихъ; и это есть идеалъ хорошаго закона и хорошей нравственности, чтобы совпадать съ извѣстнымъ, хорошо распредѣленнымъ приспособленіемъ благоразумныхъ и симпатическихъ попеченій индивида.

Сдѣлавъ требуемую уступку въ пользу естественныхъ импульсовъ, мы должны теперь привести факты, показывающіе, что характеристическая особенность нравственнаго чувства есть воспитаніе подъ закономъ черезъ посредство наказанія.

1) Фактъ, что люди, живя въ обществѣ, живутъ подъ дисциплиной, сопутствуемой наказаніемъ. Извѣстныя дѣйствія воспрещаются и виновники подвергаются какому либо мучительному наказанію, которое усиливается, если они продолжаютъ въ немъ оставаться и за тѣмъ. Теперь, какое могло бы быть естественное слѣдствіе такой системы по отношенію къ извѣстнымъ законамъ чувства, воли и интеллекта? Не было ли бы дѣйствіе, всегда влекущее за собой наказаніе ассоціировано съ страданіемъ и страхомъ наказанія? Такая ассоціація неизбѣжно образуется и дѣлается наконецъ частію и очень значительною чувства долга; болѣе того, послѣ извѣстнаго числа повтореній, становясь сильной сама по себѣ на столько, чтобы удерживать отъ такого или иного поступка, она ведетъ такимъ образомъ къ цѣлямъ нравственности.

Могутъ существовать различные способы вызова и образованія нравственнаго чувства, но самый общій сводится къ ассоціаціи страданія т. е. наказанія съ дѣйствіями, которыя порицаются. Наказаніе вытекаетъ въ качествѣ слѣдствія изъ совершенія извѣстныхъ дѣйствій; каждый индивидъ сознаетъ это; навлеченіе его—одно изъ самыхъ близкихъ обстоятельствъ ежедневной жизни. Слѣдовательно, если что легко можетъ входить въ нравственное чувство, такъ это фактъ связи страданія съ запрещенными дѣйствіями и притомъ долженъ входить въ качествѣ особенно выдающагося свойства. Какой ли-

бо естественный или первичный импульсъ въ направленіи долга долженъ быть весьма замѣтенъ и очевиденъ, чтобы раздѣлять съ нимъ общее руководительное направленіе нашего поведенія. Отъ защитниковъ врожденныхъ различій требуется указаніе на какое либо совпадающее стремленіе (помимо благоразумія и симпатіи), достаточно сильное, чтобы поставить эти могучія ассоціаціи на заднее и подчиненное положеніе.

Въ силу такого дѣйствія смежной ассоціаціи, страхъ наказанія соединяетъ извѣстное запрещенное дѣйствіе съ чуствомъ отвращенія, которое впослѣдствіи существуетъ и само по себѣ, безотносительно къ наказанію. Дѣйствія, которыя долгое время были соединяемы въ умѣ съ страданіями и наказаніями, разсматриваются какъ обладающія *безкорыстнымъ* отвращеніемъ; они представляются причиняющими страданіе на ихъ собственный счетъ. Это происходитъ также, какъ въ извѣстномъ стремленіи къ деньгамъ. Теперь, когда, въ силу такого перенесенія, создалось самостоятельное чувство отвращенія, совѣсть представляется стоящею внѣ какихъ либо внѣшнихъ санкцій и занимающею особый слѣдъ въ умѣ. Она прошла чрезъ стадіи почтенія авторитету и сдѣлалась закономъ сама по себѣ. Но никакая совѣсть никогда не достигала независимаго положенія, не пройдя этаго переходнаго и зависимаго поприща.

Мы никогда не должны опускать изъ состава совѣсти первичныхъ импульсовъ личной пользы и симпатіи, которые въ умахъ сильно впечатлительныхъ къ тому или другому, всегда считаются могучимъ элементомъ человѣческаго поведенія, хотя по основаніямъ уже не строго нравственнымъ, такъ какъ они касаются личности. Они принимаются, болѣе или менѣе, въ силу авторитета, налагающаго нравственный кодексъ; и когда оба эти источника совпадаютъ, теченіе бываетъ самое сильное.

2) Гдѣ нравственное воспитаніе опускается или сильно пренебрегается, тамъ нѣтъ обезпеченности для добродѣтельнаго поведенія.

Ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ не встрѣчается, чтобы нравственная дисциплина совершенно отсутствовала. Хотя дѣти могутъ быть пренебрегаемы своими родителями, но впослѣдствіи они вступаютъ подъ дисциплину закона и общества. Они не могутъ быть изъяты изъ ассоціацій наказанія за несправедливость, но когда эти ассоціаціи не были ранѣе и старательно образовываемы въ семьѣ, школѣ, мастерской, нравственное чувство остается въ слабомъ развитіи. Остается еще все таки сила закона и общественнаго мнѣнія, примѣры публичнаго наказанія и порицаніе вины. Каждый

членъ общества бываетъ ежедневно свидѣтелемъ низкаго положенія человѣка порочнаго и преуспѣянія, слѣдуемаго за уваженіемъ къ закону. Ни одинъ человѣкъ не изъятъ отъ обязательныхъ нравственныхъ узаконеній въ весьма широкомъ объемѣ.

3) Когда извѣстное дѣйствіе ассоціировано съ неодобреніемъ и наказаніемъ, возникаетъ въ отношеніи его состояніе ума, не различимое отъ нравственнаго чувства.

Существуетъ много примѣровъ, гдѣ индивиды были побуждаемы къ извѣстному роду поведенія, совершенно безразличному въ отношеніи универсальной нравственности, какъ объ этомъ говорятъ, напримѣръ, правила тѣхъ или другихъ обществъ, организованныхъ съ спеціальными цѣлями. Каждый членъ общества сообразуется съ этими постановленіями подъ наказаніемъ лишиться всѣхъ выгодъ общества и, быть можетъ, даже потерпѣть положительное страданіе. Кодексъ чести среди джельтменовъ—примѣръ такихъ искусственныхъ повелѣній. Никто не будетъ здѣсь предполагать существованіе какого либо врожденнаго чувства къ выполненію дѣйствій, неимѣющихъ ничего общаго съ нравственно справедливымъ и несправедливымъ; однако, неодобреніе и укоры, слѣдующія за нарушеніемъ кодекса чести, бываютъ часто мучительнѣе угрызеній за нарушеніе нравственнаго закона. Постоянная привычка опасаться послѣдствій нарушенія какого либо изъ правилъ, стимулируетъ нравственное чувство по отношенію къ предмету, не связанному съ собственно такъ называемою нравственностію.

Произвольно придуманные различные обычаи націй, какъ напримѣръ, относительно омовенія, одежды, принятія пищи, воздержанія отъ мяса и т. п., ставшія, въ силу наказанія, обязательными, занимаютъ въ умѣ индивидовъ точно такое же мѣсто, какъ принципы нравственно справедливаго и несправедливаго. Таже форма страха соединяется съ пренебреженіемъ; тоже самое угрызеніе чувствуется индивидомъ,—нарушителемъ этихъ обрядовъ. Видъ обнаженной личности также отвратителенъ для насъ, какъ ложь. Турчанка, обнажившая свое лицо изъ подъ вуаля, не менѣе карается совѣстію, какъ и въ томъ случаѣ, какъ если бы она умертвила свое дитя. И вообще нѣтъ ни одного дѣйствія, какъ бы тривіально оно ни было, которое не могло бы быть возведено на степень дѣйствія нравственнаго и справедливаго общественнымъ императивомъ.

Еще болѣе поразительною представляется природа нравственнаго чувства въ связи съ такими обычаями, какъ сожженіе вдовы у

индусовъ по смерти мужа. Дознано, что вдова индусянка, не согласившаяся на сожженіе себя вмѣстѣ съ трупомъ умершаго мужа, часто чувствуетъ всѣ мученія совѣсти и влачитъ самую бѣдственную и приниженную жизнь. Обычное или постоянное внушеніе долга обществомъ, наказаніе немилости, навлекаемой за его опущеніе, содѣйствуютъ къ напечатлѣнію чувства, во всякомъ случаѣ, аналогичнаго съ сильнѣйшимъ нравственнымъ чувствомъ.

КНИГА IV.

Воля.

ГЛАВА I.

Первичные элементы хотѣнія.

1. Первичными элементами воли признаются: (1) самопроизвольность движенія и (2) связь между дѣйствіемъ и чувствованіемъ, основанная на самосохраненіи. При созрѣваніи или ростѣ воли пріобрѣтается длинный рядъ навыковъ по закону удерживанія или смежности.

Самопроизвольность движенія.

2. Самопроизвольность выражаетъ тотъ фактъ, что дѣйствующіе органы могутъ придти въ движеніе независимо отъ стимуловъ ощущенія.

Это ученіе было уже раскрыто и подкрѣплено рядомъ доказательствъ (стр. 15). Импульсъ не есть побужденіе, но извѣстное положеніе нервныхъ центровъ и мускуловъ, связанное съ природной силой, питаніемъ и покоемъ. Обильныя движенія молодыхъ и дѣятельныхъ животныхъ могутъ быть скорѣе относимы къ естественной

самопроизвольности, чѣмъ къ возбужденію ощущенія. Движенія въ изступленіи и болѣзни нисколько не зависятъ отъ ощущенія, но отъ болѣзненнаго прилива крови къ нервнымъ центрамъ. Такъ и при родахъ; матка снабжена мускульными волокнами, которыя, при достиженіи своей зрѣлости, сами собою сжимаются и выталкиваютъ плодъ; въ моментъ рожденія нѣтъ никакого спеціальнаго возбужденія, но только созрѣваніе дѣятельнаго механизма.

3. Мускулы распредѣляются на мѣстныя группы и области.

Удобно изучать дѣйствіе самопроизвольности въ отдѣльныхъ группахъ мускуловъ.

Локомотивный аппаратъ занимаетъ въ каждомъ животномъ обширную область мускуловъ. Въ позвоночныхъ животныхъ онъ заключаетъ въ себѣ члены съ ихъ безчисленными мускулами и туловище, соотвѣтствующее движеніямъ оконечностей. Когда центральная энергія системы обильна, она переходитъ въ локомотивныя движенія; ребенокъ можетъ вытягивать свои ноги и руки и качать туловище и голову.

Важная группа мускуловъ связана съ движеніями рта и челюсти. Языкъ отличается гибкостью и независимостью, и мы можемъ разсматривать его мускулы какъ составляющіе особую группу. Гортанные или голосовые также соединяются въ одну группу. Голосовая самопроизвольность—хорошо извѣстный фактъ; существуютъ безчисленные случаи, гдѣ рѣчь не имѣетъ другой причины, кромѣ излишней энергіи. Другія группы мускуловъ находятся въ брюшной полости и заднемъ проходѣ.

4. Для начала самопроизвольной силы необходимо, чтобы органы, которыми нужно управлять отдѣльно, изначала были способны къ изолированію.

Группировка мускуловъ обнаруживается въ частяхъ движимыхъ вмѣстѣ, такъ напримѣръ, когда пальцы одновременно сжимаются и разжимаются. Требуется, однако, чтобы эта группировка не была строга или абсолютна, иначе никогда не будетъ достигнуто отдѣльное движеніе. Вслѣдствіе опредѣленности нервныхъ сплетеній, возможны самопроизвольные импульсы, направленные на одну какую нибудь часть, внѣ другихъ частей. Замѣчательный примѣръ первичнаго разобщенія, подготовляющаго дорогу для произвольнаго управленія, представляетъ указательный палецъ; ребенокъ изначала движетъ имъ отдѣльно, тогда какъ остальные три движутся вмѣстѣ. Существуетъ весьма небольшая разобщенность между пальцами ноги; однако ихъ

группировка не нераздѣльна, какъ мы можемъ видѣть изъ примѣровъ, когда по навыку пишемъ и совершаемъ другія какія либо операціи ногами. Члены группируются для локомотивнаго ритма, но они движутся также самопроизвольно въ отдѣльности. Верхніе члены или руки человѣка имѣютъ извѣстную тенденцію къ совмѣстному дѣйствію, наравнѣ съ тенденціями къ отдѣльному дѣйствію. Двѣ стороны лица движутся вмѣстѣ, весьма упорно, но не безъ случайнаго самопроизвольнаго отдѣленія, которое должно дать исходный пунктъ для произвольнаго отдѣленія. Главный примѣръ нерасторжимаго соединенія представляютъ два глаза. Существуетъ также въ различныхъ частяхъ лица тенденція къ совмѣстному движенію въ характеристическихъ выраженіяхъ,—каковыя части представляютъ брови, ротъ, носъ,—но не безъ случайнаго разобщенія, при помощи котораго мы можемъ пріобрѣсти отдѣльный контроль надъ каждою частію.

Такимъ образомъ, первую ступень въ нашемъ свободномъ воспитаніи составляетъ то, чтобы самопроизвольные импульсы направлялись, при случайномъ разобщеніи, на всѣ тѣ различные органы, которые порознь подлежатъ контролю зрѣлой воли. Самопроизвольность двигательной системы вначалѣ разнообразна и, очевидно, капризна; въ извѣстное время она обнимаетъ большее число мускуловъ, въ другое—меньшее; она не всегда обнаруживается въ однихъ и тѣхъ же комбинаціяхъ: и изъ этого разнообразія мы можемъ извлечь первые признаки отдѣльнаго контроля.

Въ частяхъ, въ которыхъ сначала нѣтъ самопроизвольныхъ движеній, никогда не могутъ возникнуть свободныя движенія. Таковъ случай съ двумя ушами, которыми рѣдко могутъ управлять люди. То обстоятельство, что не удается пріобрѣсти надъ ними свободнаго контроля, должно приписать неподвижности частей, а не только отсутствію отдѣльной самопроизвольности.

5. Необходимо показать, какимъ путемъ самопроизвольныя дѣйствія могутъ видоизмѣняться по степени въ обширныхъ предѣлахъ, достигаемыхъ нашею свободною энергіей.

Наша власть надъ произвольными органами предполагаетъ длинный рядъ степеней, доходящій до сильнаго внезапнаго толчка, почти подобнаго взрыву. Съ цѣлію объяснить эти огромныя усилія гипотезой самопроизвольности, переведенной на волю, мы должны показать, что въ самопроизвольныхъ дѣйствіяхъ можетъ быть соотвѣтствующая энергія.

1) Природная крѣпость системы, хорошо вскормленной и сохраненной, ведетъ къ взрывамъ весьма значительной энергіи. Мы видимъ это въ ежедневномъ опытѣ сильныхъ дѣтей и юношей. Энергичность мальчика или дѣвочки, освобожденныхъ отъ стѣсненій, можетъ дойти до громадной напряженности. Перепрыгиваніе рвовъ, уничтоженіе преградъ и перемѣщеніе тяжелыхъ тѣлъ,—суть явленія, которыя система, способна совершать благодаря только своей самопроизвольности.

2) Сила можетъ быть весьма значительна и увеличена, благодаря возбужденію, т. е. необычайному приливу крови къ активнымъ органамъ, вслѣдствіе чего они получаютъ свойство возбуждать. Мы обыкновенно называемъ возбуждающими нѣкоторыя вещества, въ родѣ, напримѣръ, алкоголя, но самымъ обыкновеннымъ и легкимъ возбужденіемъ служитъ только упражненіе и въ особенности быстрыя движенія, продолжающіяся короткое время. Упражненіе какой либо отдѣльной части обусловливаетъ усиленный приливъ крови къ этой части на счетъ другихъ органовъ; быстрый бѣгъ производитъ циркуляцію крови около мускуловъ, отвлекая ее отъ желудка, мозга и другихъ частей. Когда наплывъ крови достигаетъ своего maximum'а, появляется соотвѣтствующая энергія въ движеніяхъ.

3) Возбужденіе можетъ произойти и отъ *психическихъ* причинъ, какъ удовольствіе и страданіе; предполагая, что эти чувствованія не суть абстракціи, но дѣйствительности. Согласно закону самосохраненія, приращеніе удовольствія есть приращеніе жизненной силы, проявляющейся въ нѣкоторыхъ формахъ увеличенной активности, изъ которыхъ мускульныя движенія суть самыя обычныя. Острый и внезапный приступъ (thrill) удовольствія—какъ напримѣръ, при побѣдѣ надъ соперникомъ, одолѣніи трудности, взглядѣ на величественное зрѣлище—физически сопровождается гордой осанкой тѣла; сильный организмъ прыгаетъ отъ радости. Чрезмѣрная трата энергіи въ этотъ моментъ равняется требованіямъ какого либо важнаго случая. Преодолѣвши преграду и сильно радуясь успѣху, извѣстный субъектъ становится на будущее время болѣе мужественнымъ.

Удовольствіе отъ упражненія свѣжей и мощной системы доставляетъ новые стимулы.

4) Хотя по закону самосохраненія, страданіе сопровождается пониженіемъ энергіи, однако въ исключительной формѣ острой и рѣжущей боли, только не разрушительной или жестокой, болѣзненное впечатлѣніе можетъ увеличить активную энергію на нѣкоторое

время. Нервные токи, возбужденные острымъ стимуломъ, какъ напримѣръ, болью при бичеваніи, не находятъ никакого другого соотвѣтствующаго исхода, какъ только въ мускульной дѣятельности и на нее то они и направляются.

Хорошо извѣстенъ фактъ, что противодѣйствіе можетъ служить сильнымъ возбуждающимъ средствомъ. Непобѣдимое сопротивленіе, правда, останавливаетъ движеніе впередъ и уничтожаетъ мотивъ къ нему, но небольшое, преодолимое противодѣйствіе вызываетъ реакцію, увеличивая въ то же время силу. Результатъ отъ этого получается сложный. Часть его обязана стимулу, происходящему отъ столкновенія съ препятствіемъ, которое дѣйствуетъ подобно острой боли, другая часть—радости, сопровождающей успѣшную борьбу. Чувствованія, связанныя съ нашими желаніями, и эмоціи гордости, смиренія и гнѣва завершаютъ вліяніе положенія.

Эти различныя обстоятельства приведены въ качествѣ достаточнаго разъясненія гибкости и объема нашей самопроизвольности. Та или другая вѣтвь изъ этихъ различныхъ возбужденій производитъ прежде всего, взрывъ активной энергіи; и между ассоціаціями, составляющими зрѣлую волю, находятся готовыя звенья, соединяющія напряженныя усилія съ соотвѣтствующими имъ случаями. Молодая лошадь нуждается въ шпорахъ и кнутѣ, чтобы заставить себя бѣжать; спустя нѣсколько времени, видъ барьера или рва бываетъ достаточенъ для того, чтобы вызвать добавочный толчокъ. Одну изъ способностей недостающихъ въ дѣтствѣ, что весьма замѣчательно, составляетъ способность увеличивать усилія для того, чтобы преодолѣть препятствіе.

Нужно замѣтить, что, хотя мы, при зрѣлости воли, и въ состояніи по желанію произвести весьма быстрое движеніе, какъ при предупрежденіи перелома, но мы не можемъ внезапно произвести значительную скорость движенія, напримѣръ, желая дать сильный ударъ. Требуется нѣкоторое время, чтобы довести систему до высшей степени активности. Одна только ассоціація не можетъ въ одно мгновеніе произвести громадной затраты энергіи; мы должны сначала обратиться къ средствамъ, возбуждающимъ активную силу и, главнымъ образомъ, къ возбуждающему дѣйствію продолжительнаго усилія, какъ напримѣръ, когда мы дѣлаемъ разбѣгъ, прежде чѣмъ перескочить высокую изгородь. Бойцы наносятъ самые тяжелые удары послѣ того, какъ борьба нѣкоторое время продолжалась.

Связь между чувствованіемъ и дѣйствіемъ.

6. Такъ какъ самопроизвольности не предшествуетъ необходимо чувствованіе, то должно существовать нѣчто посредствующее для соединенія ея съ нашими ощущеніями. Искомая связь дана въ законѣ самосохраненія.

Ученіе, связывающее удовольствіе съ увеличенною, а страданіе съ уменьшенною жизненностью, даетъ исходный пунктъ для соединенія дѣйствія и чувствованія. Состояніе удовольствія, связанное съ увеличенною жизненною дѣятельностью вообще, предполагаетъ увеличенную мускульную дѣятельность въ частности. Страданіе, понижая коллективныя силы системы, подрываетъ индивидуальную силу мускульнаго движенія.

7. Изъ одного умственнаго корня, называемаго самосохраненіемъ, выростаютъ двѣ вѣтви, которыя далеко расходятся, но однако иногда сходятся. Первая вѣтвь заключаетъ въ себѣ собственно проявленія или выраженія эмоціи.

Эмоціональныя проявленія уже, описаны, какъ состоящіе отчасти изъ движеній всѣхъ степеней силы, или напряженности; такимъ образомъ, мы имѣемъ по крайней мѣрѣ, одно соотношеніе между чувствованіемъ и дѣйствіемъ. Въ удовольствіи мы обнаруживаемъ разнообразныя тѣлодвиженія, а въ страданіи мы приходимъ въ болѣе или менѣе пассивное состояніе (исключительное дѣйствіе острой боли не принимается здѣсь во вниманіе). Но эти результаты движенія, хотя и отличны отъ самопроизвольности, но не однородны съ хотѣніемъ. Движенія, выражающія удовольствіе, кажется, выбираются по закону, указанному Гербертомъ Спенсеромъ, именно, слѣдуя природному первенству мускуловъ, небольшихъ по объему и часто упражняемыхъ, какъ напримѣръ, въ выраженіи лица, дыханіи, голосѣ и проч., между тѣмъ какъ движенія, выбранныя волею, таковы, что или возвышаютъ удовольствіе, или ослабляютъ страданіе.

Слѣдуетъ разсмотрѣть, не достаточны ли сами по себѣ эмоціональныя движенія для объясненія начала хотѣнія, не заставляя насъ прибѣгать къ самопроизвольности, или къ дѣйствію, не предшествуемому какимъ либо чувствованіемъ. Отвѣтъ, во первыхъ, состоитъ въ томъ, что самопроизвольныя движенія, будучи установлены какъ фактъ, уже пригодны для цѣли. Во вторыхъ, въ нихъ, а не въ эмоціональныхъ движеніяхъ, мы скорѣе всего можемъ

найти изолированныя побужденія, которыя желательны при ростѣ воли. Эмоціональная волна почти незамѣтно аффектируетъ цѣлую группу движеній. Однако же возможно, что эти движенія эмоціи могутъ случайно оказать намъ пользу.

8. Вторая вѣтвь или отрасль самосохраненія болѣе прямо приспособлена къ росту хотѣнія. Сюда относятся движенія, которыя, какъ уже предположено, начались самопроизвольно (или другимъ путемъ) и содѣйствуютъ удовольствію; эффектъ удовольствія, съ его физической стороны, состоитъ въ томъ, чтобы возбудить всю жизненную энергію, включая и эти движенія.

Необходимо отмѣтить, что это (наравнѣ съ противоположнымъ) составляетъ законъ организаціи, дѣйствующій всю жизнь, такъ же какъ и въ началѣ воспитанія воли.

Извѣстно, что нѣкоторыя испытываемыя нами удовольствія, въ силу непосредственнаго стимула побуждаютъ насъ продолжать движенія, которыя доводятъ до нихъ. Двигаясь отъ холода къ пріятной теплотѣ, нашъ шагъ какъ бы самъ собою ускоряется. Мы не разсуждаемъ и не рѣшаемъ нарочно продолжать путь; разъ направленные тѣмъ, что является первичнымъ звеномъ нашей духовной системы, мы двигаемся слѣдуя возрастающему удовольствію. Актъ ѣды представляетъ другой примѣръ. Вкусность пищи, при непосредственномъ удовлетвореніи аппетита, придаетъ энергію пищеваренію. Животныя и дѣти, менѣе всего удаленныя отъ первоначальнаго образца природы, ясно обнаруживаютъ увеличенную дѣятельность, настойчиво направляющуюся къ испытанному удовольствію.

Очевидное исключеніе изъ этого закона встрѣчается въ успокоивающемъ дѣйствіи нѣкоторыхъ удовольствій, главнымъ образомъ такихъ, которыя болѣе массивны, чѣмъ остры. Охватывающая со всѣхъ сторонъ пріятная теплота подавляетъ уже начавшуюся дѣятельность и настраиваетъ насъ къ отдыху и сну. Но въ такихъ случаяхъ законъ принялъ только другой видъ, но не прекратился. Теплота, на самомъ дѣлѣ, усиливаетъ дѣятельность только въ извѣстномъ направленіи, какъ скоро эта дѣятельность выдѣлена и связана съ удовольствіемъ; дѣятельность эта состоитъ въ сохраненіи непреклоннаго и спокойнаго положенія. Занимающій комфортабельное и удобное положеніе можетъ казаться спокойнымъ и пассивнымъ, однако пусть кто либо попробуетъ лишить его такого положенія, и онъ обнаружитъ силу въ сопротивленіи. Все же нужно допустить фактъ, что массивныя удовольствія производятъ успоко-

ивающее и усмиряющее дѣйствіе; они не вызываютъ необузданнаго желанія и стремленія, подобно болѣе острымъ наслажденіямъ, а скорѣе убаюкиваютъ холодность. Изъясненіе этого явленія состоитъ, кажется, въ томъ, что физическое состояніе, соотвѣтствующее имъ, враждебно по отношенію къ сильной, напряженной или концентрированной дѣятельности.

Другое исключеніе изъ возбуждающаго вліянія удовольствія представляетъ истощеніе силы. Всякое волевое стремленіе предполагаетъ извѣстную свѣжесть активныхъ органовъ, какъ соотвѣтствующую необходимость. Въ крайней степени утомленія, самыя острыя удовольствія перестаютъ быть мотивами.

Противоположное положеніе равно хорошо подтверждается нашимъ опытомъ. Исключая острой боли, обычное дѣйствіе или косвенное слѣдствіе страданія есть прекращеніе энергіи. Если какое либо настоящее движеніе причиняетъ намъ страданіе, въ противовѣсъ этому существуетъ самодѣятельное ослабленіе или прекращеніе вреднаго пути. Жеваніе останавливается на полномъ ходу своей дѣятельности, коль скоро попадетъ въ пищу горькій кусочекъ. Самое дѣйствительное лекарство противъ излишней дѣятельности представляетъ причиненіе страданія.

Отсюда, такъ какъ прекращеніе движенія есть средство противъ страданія, зло излечивается природнымъ стремленіемъ къ самосохраненію. Остается объяснить, какъ страданіе, въ противоположность своей природѣ, даетъ починъ и поддерживаетъ усиленную дѣятельность, обусловливающую его уничтоженіе. Въ этомъ случаѣ дѣйствующимъ элементомъ можетъ быть признано не страданіе, а *облегченіе отъ страданія*. Когда въ состояніи страданія встрѣчается моментъ облегченія, это облегченіе сопровождается возвышающимъ и оживляющимъ эффектомъ удовольствія; въ отношеніи вліянія на волю, удовольствіе и освобожденіе отъ страданія суть одно и тоже. Облегченіе въ дѣйствительности или возможности, есть реальное средство, побуждающее къ труду для уничтоженія страданія и бѣдствія.

Несомнѣнный фактъ, что въ подавленномъ настроеніи духа, безъ всякой надежды или перспективы облегченія, мы бываемъ нерасположены къ какого либо рода активнымъ мѣрамъ. Этотъ фактъ представляетъ собственно тенденцію страданія. Дѣятельность начинается съ нѣкотораго сознательнаго улучшенія, и поддерживается и усиливается, насколько возрастаетъ улучшеніе.

ГЛАВА II.

Ростъ произвольной силы.

1. Принявъ за элементы произвольной силы 1) самопроизвольность и 2) самосохраненіе, мы должны пояснить связь ихъ въ зрѣлой волѣ на процессѣ воспитанія.

Отличительное свойство зрѣлой воли представляетъ быстрый выборъ движеній, необходимыхъ для достиженія удовольствія и облегченія страданія, какъ напримѣръ, когда мы подносимъ къ ноздрямъ душистую фіалку, или удаляемся отъ зловоннаго запаха. Такою способностью мы не обладали при рожденіи.

2. Процессъ пріобрѣтенія можетъ быть описанъ въ общемъ такъ: сначала происходитъ совпаденіе чисто случайное между удовольствіемъ и движеніемъ самопроизвольнаго характера, которое поддерживаетъ и увеличиваетъ его; или между страданіемъ и движеніемъ, которое облегчаетъ или удаляетъ его; движеніе, доставляющее удовольствіе, или удаляющее страданіе поддерживается и усиливается связью самосохраненія. Если это случается неоднократно, происходитъ ростъ ассоціацій, благодаря которому ощущеніе потомъ могло бы управлять движеніемъ.

Для поясненія этого положенія, мы разсмотримъ теперь въ порядкѣ первичныя ощущенія и соединенныя съ ними хотѣнія.

Начиная съ мускульныхъ ощущеній, мы можемъ обратить вниманіе на удовольствіе отъ упражненія. Самопроизвольныя движенія, происходящія въ свѣжей и бодрой системѣ, даютъ удовольствіе; но вмѣстѣ съ удовольствіемъ тутъ замѣчается и усиленная жизнедѣятельность, проявляющаяся въ движеніяхъ, которыя поддерживаются и усиливаются ею; удовольствіе, какъ сказать, питаетъ себя. Въ первичной силѣ самосохраненія мы имѣемъ дѣйствительный эффектъ, характеризующій волю, именно, движеніе или дѣйствіе для достиженія удовольствія.

Страданія утомленія даютъ обратный примѣръ. Непосредственный эффектъ страданія, это—уменьшенная энергія; движенія становятся слабѣе и останавливаются; что составляетъ средство противъ зла столь же дѣйствительное, какъ и рѣшимость зрѣлой воли.

Эти примѣры не указываютъ на какой либо прогрессъ въ воспитанiи нашей воли. Возьмемъ далѣе страданiя мускульнаго сопротивленiя или самопроизвольности, задержанной препятствiями, какъ напримѣръ, когда какое нибудь животное помѣщено въ узкой комнатѣ. Различныя корчи суть естественное слѣдствiе стѣсненной энергiи; наконецъ животное производитъ нѣкоторое движенiе, съ цѣлiю открыть отверстiе и вырывается съ удивительною силою. Когда этотъ опытъ повторяется въ разные времена, образуется ассоцiацiя между стѣсненнымъ состоянiемъ и опредѣленными движенiями, ведущими къ освобожденiю; то есть, должно быть сразу избрано опредѣленное направленiе, и дѣло обойдется безъ корчей и неизвѣстности, сопровождающихъ первыя попытки. Какъ скоро эта ассоцiацiя окончена, мы имѣемъ шагъ впередъ на пути къ произвольному прiобрѣтенiю.

Приступая теперь къ ощущенiямъ въ собственномъ смыслѣ, мы начинаемъ съ органической жизни. Между органическими острыми страданiями вообще мы можемъ указать на поучительный случай болѣзненнаго прикосновенiя къ горячему или острому инструменту. Исцѣляющее средство состоитъ въ отдергиванiи члена; и масса людей способна предполагать ошибочно, что мы дѣлаемъ это по инстинкту. То правда, что мучительный уколъ извѣстной части тѣла производитъ рефлективно конвульсивное движенiе этой части; между тѣмъ волненiе распространится по всему тѣлу, какъ нѣкоторая часть эмоцiональной струи. Но нисколько не достовѣрно, что рефлективное движенiе будетъ исцѣляющимъ; можетъ быть совершенно наоборотъ. Предполагая членъ сокращеннымъ, рефлективный стимулъ заставилъ бы его вытянуться; но если бы на пути лежало острiе, то произошло бы еще болѣе серьезное поврежденiе. Процессъ воспитанiя было бы таковъ. Нѣкоторое движенiе могло бы быть найдено, какъ способствующее уменьшенiю страданiя; это движенiе поддерживалось бы общимъ возрастанiемъ облегченiя; другiя же движенiя, увеличивающiя страданiе, были бы подкашиваемы и останавливаемы. Отдѣльный опытъ такого рода даетъ весьма немного; нѣсколько повторенiй соотвѣтствующаго совпаденiя дали бы начало ассоцiацiи по смежности, которая постепенно созрѣвала бы до совершеннаго сцѣпленiя; и отдѣльное движенiе отдергиванiя производилось бы тотчасъ по ѳщущенiи страданiя. Этотъ путь можетъ казаться ненадежнымъ и неудобнымъ для достиженiя положенiя, избавляющаго насъ отъ горячей золы; и болѣе надежнымъ путемъ казалось обладанiе инстинктомъ подъ руководствомъ рефлетивнаго дѣйствiя.

Но если мы имѣемъ инстинктъ для одного класса страданій, почему же мы не имѣемъ его для другихъ? Напримѣръ, страданіе отъ судороги въ ногѣ не внушаетъ тамъ никакого лекарства. Только послѣ многихъ безплодныхъ движеній является движеніе, облегчающее это страданіе. Лучшее толкованіе этого явленія состоитъ въ томъ, что мы имѣемъ слишкомъ мало опытовъ этого страданія, чтобы пріобрѣсти надлежащій образъ дѣйствія по отношенію къ нему; между тѣмъ болѣзненныя прикосновенія къ кожѣ такъ многочисленны съ самаго начала жизни, что наше воспитаніе насильно увлекается впередъ и рано заканчивается.

Можно указать на ощущенія легкихъ. Дыханіе есть рефлективный актъ, совершающійся подъ произвольнымъ контролемъ. Самое частое болѣзненное ощущеніе въ этой области происходитъ отъ недостатка или нечистоты воздуха. Первичный эффектъ страданія совершенно различается отъ предшествующаго леченія; ибо, вмѣсто того, чтобы привесть легкія въ бездѣятельность, нужно помочь имъ посредствомъ усиленной дыхательной энергіи. Единственныя средства, на что можно сослаться—это случайное усиліе дыхательныхъ мускуловъ, сопровождающееся облегченіемъ и поддерживаемое новою силою, подкрѣпляющею общую систему. Ребенокъ, по всей вѣроятности, неспособенъ къ усиленному дыханію. Это, можетъ быть, одинъ изъ недостатковъ невоспитанной воли дѣтства, дѣлающій жизнь болѣе зависимою отъ ея первыхъ ступеней.

Усиленная энергія, вслѣдствіе внезапно встрѣтившагося чистаго воздуха, повела бы непосредственно къ усиленному дыханію. Произвольное пріобрѣтеніе власти надъ легкими представляло бы, въ этомъ случаѣ, болѣе очевидную отрасль первоначальнаго инстинкта.

Всякая чувствующая тварь пріобрѣтаетъ много волевыхъ привычекъ въ связи съ холодомъ и теплотою. Животныя скоро научаются связывать лежачее положеніе съ усиленною теплотою. Появлялись и другія мысли, какъ напримѣръ, лежаніе близко сплотившись и ползаніе въ пещеры и логовища. Я не могу сказать, на сколько интеллигентныя четвероногія ассоціируютъ облегченіе отъ холода съ быстрымъ бѣгомъ. Урокъ—совершенно противоположный первичному эффекту ощущенія, который, въ своемъ характерѣ массивнаго страданія, ослабляетъ и угнетаетъ энергію.

Ощущенія пищепроводнаго канала изобилуютъ произвольными ассоціаціями. Говорятъ, сосаніе представляетъ чистый рефлексъ въ новорожденномъ дитяти; глотаніе совершается непроизвольными мускулами и бываетъ всегда рефлективно. Дитя, приложенное къ

соску, начинаетъ сосать благодаря рефлективному стимулу произвольныхъ мускуловъ; актъ этотъ весьма сложенъ, заключаетъ въ себѣ кооперацію рта (который долженъ быть приложенъ къ соску), языка (который прикладывается къ концу соска, преграждая доступъ воздуха) и грудной полости (которая совершаетъ усиленное вдыханіе, обусловливающее притокъ молока по отнятіи языка). Будучи сознательнымъ эффектомъ, произведеннымъ совершенно произвольными мускулами, этотъ актъ непосредственно подходитъ подъ основной законъ, разсматриваемый нами теперь; стимулъ, происходящій отъ питанія, возвышаетъ дѣятельность, пока точка пресыщенія не достигнута, между тѣмъ какъ выступаетъ новая и угнетающая чувствительность и прекращаетъ сосаніе. Здѣсь, однако, дѣйствуютъ двѣ силы; постоянное питаніе усиливаетъ дѣятельную энергію; ощущеніе насыщенія противодѣйствуетъ ей временнымъ разслабленіемъ, присущимъ полному желудку. Вѣроятно, дѣти сначала обременяютъ желудокъ черезмѣрно, прежде чѣмъ разслабленіе прекращаетъ ихъ дѣятельность сосанія, въ виду общаго возбужденія, оказываемаго питаніемъ; очень часто ихъ отнимаютъ отъ груди противъ ихъ воли. Пока мы имѣемъ рефлективный актъ, контролируемый силою самосохраненія; единственно предполагаемое воспитаніе состоитъ въ прекращеніи при самой крайней точкѣ насыщенія. Но, на слѣдующей ступени есть поводъ для произвольныхъ пріобрѣтеній высшаго порядка. Приложеніе рта къ грудямъ, при ощущеніи голода, есть довольно сложное приспособленіе; оно заключаетъ въ себѣ ассоціацію вида груди и соска, а ровно и движеній для приближенія къ нимъ. Дѣйствительно мы имѣемъ здѣсь вѣтвь нашего воспитанія въ воспріятіи разстоянія, связываніи видимыхъ величинъ съ приближающими и отдаляющими движеніями;—воспитанія, которое безъ сомнѣнія начинается съ самыхъ интересныхъ случаевъ и распространяется постепенно на всю сферу дѣйствія.

Въ жеваніи прогрессъ развитія произвольной силы можетъ быть удобно раскрытъ. Сильныя ощущенія вкусности и вкуса, содѣйствующія самопроизвольности языка (вѣроятно самаго гибкаго и независимаго члена всей системы) и побуждающія къ постояннымъ движеніямъ, служили бы началомъ связи, рано созрѣвающей, между прикосновеніемъ къ кусочку пищи и опредѣленными дѣйствіями, прижимающими его къ небу и поворачивающими его. Дитя не способно жевать; кусокъ, положенный въ его ротъ первый разъ, обыкновенно выпадаетъ. Но если произойдутъ самопроизвольныя движенія языка, рта, или челюсти, обусловливающія появленіе силь-

ной вкусности, эти движенія поддерживаются и начинають ассоціироваться съ ощущеніями, такъ что чрезъ нѣсколько времени выростаетъ прочная связь. Благопріятствующія обстоятельства суть слѣдующія: ощущенія должны быть сильны; и движенія—отличаться разнообразною и изолированною самопроизвольностью: языкъ и ротъ суть органы, болѣе другихъ склонные къ отдѣльнымъ и изолированнымъ усиліямъ.

Дѣйствіе кислаго или горькаго вкуса представляетъ дѣло съ другой стороны. Первоначальный эффектъ состоитъ въ остановкѣ дѣятельности органовъ; дитя неспособно сдѣлать ничего болѣе. Выплевываніе отвратительнаго куска есть сложное и позднѣйшее пріобрѣтеніе.

Произвольное распоряженіе нижнею частію пищепроводнаго канала отсутствуетъ въ дѣтствѣ, и должно быть предшествуемо искусственною чувствительностію въ пользу удерживанія изверженій.

Пріятныя и болѣзненныя ощущенія обонянія стоятъ въ связи съ вдыханіемъ и выдыханіемъ воздуха ноздрями. Здѣсь на первыхъ порахъ происходитъ совпаденіе не только съ дѣйствіемъ легкихъ, но и съ закрытіемъ рта. Такія совпаденія неизбѣжно рѣдки, и всѣ навыки, которые предполагаютъ ихъ суть позднѣйшаго происхожденія. Актъ нюханія вѣроятно достигается не раньше третьяго или четвертаго года, и часто притомъ при посредствѣ обученія. Было бы любопытно опредѣлить періодъ этого пріобрѣтенія въ собакѣ.

Ощущенія осязанія, служащія антецедентами хотѣнія,—многочисленны и важны. Большее число принадлежитъ, однако, къ классу посредствующихъ чувствительностей, какъ въ индустріальныхъ искусствахъ, на примѣръ, при полированіи поверхности. Двѣ обширныя крайнія чувствительности осязанія образуютъ удовольствіе отъ мягкаго теплаго прикосновенія и страданіе отъ остраго раздраженія кожи. Обѣ онѣ дѣйствуютъ какъ руководители и стимулы воли, и, въ обѣихъ, въ теченіе воспитанія нашей воли, рождаются связи съ опредѣленными движеніями, вначалѣ еще не сформировавшимися.

Въ дѣтствѣ человѣка и въ дѣтствѣ низшихъ животныхъ ощущеніе теплаго прикосновенія къ матери, есть безспорно, великая сила; переходъ отъ отсутствія къ присутствію этого состоянія уступаетъ только стимулу питанія; подъемъ соотвѣтствующей ему жизнедѣятельности, по всей вѣроятности, весьма великъ. Какія бы движенія ни усиливали, или ни возвышали это состояніе, можно ожидать, что послѣдовательный подъемъ настроенія придастъ бодрость. А такъ какъ эти движенія суть часть локомотивной группы, которая

приводится въ дѣйствіе самопроизвольно, то легко будутъ встрѣчаться совпаденія между ними и достигнутымъ наслажденіемъ прикосновенія; молодому четвероногому содѣйствуетъ перемѣщеніе, дитяти—вытягиваніе сначала своихъ членовъ, а затѣмъ—болѣе трудныя движенія, какъ напр., ворочанье въ постели. Если бы существовало какое либо опредѣленное движеніе, которое во всѣхъ случаяхъ обусловливало бы переходъ отъ холоднаго, обнаженнаго сосостоянія къ теплому прикосновенію, то весьма незначительное число самопроизвольныхъ совпаденій съ этимъ движеніемъ образовали бы прочную связь. Однако, едва ли существуетъ какое либо движеніе этого рода, подходящее ко всѣмъ положеніямъ. Одинъ или два способа достиженія теплоты довольно однообразны и поэтому скоро усвоиваются, какъ напр., прижатіе членовъ къ тѣлу. Въ большинствѣ случаевъ требуется довольно сложное приспособленіе, предполагающее внѣшнее воспріятіе глаза—именно, движеніе въ сторону теплаго тѣла матери: молодое, четвероногое животное выучивается этому въ короткое время; птица еще скорѣе; между тѣмъ человѣческое дитя развивается медленно, и проходятъ недѣли или мѣсяцы, пока оно усвоитъ это пріобрѣтеніе.

Острыя и болѣзненныя ощущенія осязанія заключаютъ въ себѣ случай, котораго касались уже выше, это—сокращеніе какой либо части вслѣдствіе причиненнаго страданія. Такъ какъ это средство есть простое и почти однообразное дѣйствіе, легко встрѣчающееся въ области самопроизвольныхъ движеній, то мы можемъ надѣяться найти его ассоціированнымъ съ болѣзненнымъ ощущеніемъ въ сравнительно раннее время. Мы находимъ его такъ рано, что склонны принять его за инстинктъ. Этотъ же классъ ощущеній заключаетъ въ себѣ и наказаніе плетью. Какъ острое болѣзненное ощущеніе, боль сѣченія имѣетъ два противоположныя дѣйствія; она раздражаетъ нервы, причиняя судорожныя движенія, и угнетаетъ жизненную силу вообще. Если стимулъ страданія господствуетъ въ бодромъ животномъ, то дѣйствіе кнута будетъ состоять въ усиленіи дѣятельности вообще; потому если животное бѣжитъ, то его бѣгъ ускоряется. Если господствуетъ разрушительный эффектъ страданія, существующія движенія останавливаются. Таковы первоначальныя тенденціи острой боли, и, даже по отношенію къ воспитанному животному употребленіе кнута болѣе всего понятно, если оно находится въ гармоніи съ ними. Чтобы ускорить отсталаго, острый, но не сильный уколъ служитъ самымъ непосредственымъ и дѣйствительнымъ средствомъ; для усмиренія слишкомъ рьянаго или упор-

наго коня, ударъ простирающійся до угнетенія силъ, представляетъ болѣе пригодное средство; узда имѣетъ подобное же дѣйствіе. Что бы заставить животное принять особую поступь, плеть примѣняется съ эффектомъ возбуждающихъ движеній, въ надеждѣ, что можетъ встрѣтиться нѣкоторое видоизмѣненіе движеній, а не только простое увеличеніе въ степени: если произойдетъ желаемое движеніе, мученіе прекращается; предполагается, что животное связало мысленно движеніе съ прекращеніемъ. Долженъ быть достугнутъ извѣстный возрастъ, прежде чѣмъ лошадь будетъ годна для того, чтобы можно было измѣнить ея движенія подъ кнутомъ и подчинить ее тому, что освобождаетъ отъ кнута. Она должна бываетъ пройти различныя ступени внѣ инстиктивнаго положенія, чтобы достигнуть этого пункта. Долженъ пройти извѣстный промежутокъ, въ продолженіе котораго животное научилось бы *сознательно искать освобожденія отъ страданія*, фактически обобщать свои опыты частныхъ страданій и частныхъ облегчающихъ движеній и связывать *какое либо страданіе* съ движеніями и надеждой на облегченіе. Необходимъ извѣстный прогрессъ, физическій и интеллектуальный для довершенія этого.

Удовольствія и страданія, производимыя звукомъ имѣютъ ничтожную особенность. Если слышенъ пріятный звукъ, то нѣкоторыя движенія окажутся благопріятны эффекту, другія—враждебны; первыя, вѣроятно, должны будутъ поддерживаться, вторыя останавливаться. Животное со способностью перемѣщенія убѣгаетъ отъ болѣзненнаго звука; удаленіе обусловливается облегченіемъ отъ страданія. Дитя научается быть тихимъ при пріятномъ звукѣ; удовольствіе замѣтно увеличивается вслѣдствіе фиксированнаго положенія и замѣтно уменьшается отъ безпокойства.

Въ зрѣніи мы имѣемъ замѣчательный примѣръ ощущеній, однообразно управляемыхъ движеніями. Удовольствіе свѣта весьма сильно; во всякомъ случаѣ, тяготѣніе глазъ къ свѣту велико. Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы имѣемъ стимулъ, данный активнымъ членамъ и идущій, по видимому, далѣе, чѣмъ удовольствіе ощущенія; глазъ склоненъ оставаться фиксированнымъ на свѣтѣ даже въ томъ случаѣ, когда ощущеніе перешло въ страданіе, что представляетъ нѣкоторый родъ уклоненія отъ обычнаго теченія воли. Теперь, когда дитя, пристально смотря на пламя, лишается этого ощущенія вслѣдствіе движенія свѣчи въ сторону, оно, будучи сначала не способно слѣдовать за нею, благодаря отсутствію установленной связи между удаляющимся ощущеніемъ и требуемымъ поворотомъ головы, должно ждать при случайной самопроизвольности счастливаго для

этого толчка. Если бы нечаянное движеніе головы способствовало открытію пламени, это движеніе поддерживалось бы силою возбужденія; движенія же, которыя ведутъ къ потерѣ свѣта, неподдерживались бы, а скорѣе останавливались. И, такъ какъ одно и тоже движеніе соотвѣтствуетъ одному и тому же случаю—направленіе свѣта въ сторону есть опредѣленный оптическій эффектъ, а движеніе головы для открытія его всегда однообразно,—то становится яснымъ основаніе для равной и быстрой ассоціаціи между двумя фактами—оптическимъ опытомъ и мускульнымъ движеніемъ. Положеніе—весьма обыкновенное, присущее всякому интересному зрѣлищу и предполагающее обширную наклонность воли, управленіе зрительными органами въ преслѣдованіи зрительныхъ удовольствій. Я предполагаю, что вращеніе головы есть первое средство для открытія предмета, перемѣщеннаго съ точки прямого видѣнія: но движенія глазъ рано или поздно начнутъ свою дѣятельность. Однако, достаточно очевидно изъ наблюденія надъ дѣтьми, что способность къ открытію видимой вещи бываетъ совсѣмъ не развита въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ.

Этотъ примѣръ замѣчателенъ въ различныхъ отношеніяхъ. Связь пріятнаго стимула съ увеличенною силою до сихъ поръ признавалась неогранивавшеюся исключительно только мускульнымъ движеніемъ; но обнимающею, въ неопредѣленныхъ пропорціяхъ, какъ мускульную силу, такъ и органическія функціи. Острая боль, на своей первой ступени, безпорно увеличиваетъ мускульную энергію и уменьшаетъ здоровыя жизненныя функціи. Можетъ быть, рѣзкій стимулъ свѣта главнымъ образомъ расходуется на увеличеніе мускуловъ, что единственно полезно при образованіи воли.

Со зрѣніемъ связанъ другой весьма интересный случай, приспособленіе глаза къ перемѣнамъ разстоянія. Руководящее ощущеніе въ данномъ случаѣ представляетъ *отчетливость* образа; дитя должно знать различіе между неяснымъ и яснымъ видѣніемъ и должно ощущать удовольствіе переходя отъ одного къ другому. По теоріи видѣнія Берклея или всякой другой, должно пройти нѣсколько времени, прежде чѣмъ различіе это становится замѣтнымъ; всякая вещь сначала бываетъ неясна. Какъ скоро дитя восприняло ясный образъ, оно можетъ начать соединять самопроизвольность приспособляющихся мускуловъ съ пріятнымъ опытомъ, подобно тому и въ другихъ случаяхъ, когда соотвѣтствующія движенія малочисленны и однообразны, нужно бываетъ ожидать прочной ассоціаціи.

Предложенный обзоръ ощущеній обнимаетъ различныя стрем-

ленія,—упражненіе, отдыхъ и голодъ. Ощущенія приближенія сна весьма могущественны, но это единственное состояніе, которое наступаетъ само собою, благодаря только физическому преемству, безъ спеціальнаго воспитанія. Сопротивленіе, оказываемое въ томъ случаѣ, когда кто либо препятствуетъ ложиться спать, или когда будятъ спящаго противъ воли, не есть первоначальное обнаруженіе; дитя обнаруживаетъ соотвѣтственными эмоціональными выраженіями только неудобство.

3. Второй шагъ въ ростѣ воли это—соединеніе движеній съ посредствующими цѣлями.

Это предполагаетъ, что извѣстное ощущеніе, безразличное само по себѣ, будучи постояннымъ антецедентомъ нѣкотораго удовольствія, можетъ пробудить интересъ. Такъ, видѣніе груди матери безразлично, какъ простое зрительное ощущеніе, но оно весьма скоро соединяется въ умѣ дитяти съ наслажденіемъ отъ насыщенія. Это явленіе спредставляетъ случай смежнаго перенесенія извѣстнаго чувства и подтверждается во всѣхъ нашихъ могущественныхъ ощущеніяхъ и чувствованіяхъ. Низшія животныя бываютъ возбуждены до высшей степени активности при видѣ своей пищи или добычи; они имѣютъ достаточно ума для того, чтобы имѣть воспоминаніе о собственныхъ ощущеніяхъ и возбудить ихъ какимъ либо ассоціированнымъ предметомъ. Допуская обладаніе тѣми перенесенными чувствительностями, которыя обусловливаютъ усвоеніе того, что только ведетъ къ возбужденію дѣятельности, какъ конечной цѣли, мы должны признать, что процессъ связыванія ихъ съ движеніями, доставляющими ихъ—совершенно тотъ же самый, который былъ и прежде. Такъ, актъ поднесенія кусочка ко рту вызывается посредствующею цѣлію и вызывается степенью энергіи, пропорціональной пріобрѣтенной силѣ этой цѣли. У дитяти, послѣ нѣкотораго времени, вызываются радостныя обнаруженія при одномъ только приближеніи полной ложечки чего либо къ его рту. Въ немъ происходитъ идеальное наслажденіе при видѣ приближаемой ложечки съ соотвѣтствующимъ подъемомъ настроенія и энергіи; равнымъ образомъ, когда новичокъ проходитъ искусъ, то успѣшныя дѣйствія сопровождаются подъемомъ духа, а очевидная неудача порождаетъ уныніе. Поднесеніе кусочка ко рту есть одно изъ опредѣленныхъ и однообразныхъ движеній столь благопріятныхъ процессу роста воли. Не смотря на то, ростъ этотъ—сравнительно поздній, безспорно, благодаря продолжительности времени, которое было необходимо для предварительныхъ ассоціацій.

4. Движенія, которыя соединились съ опредѣленными ощущеніями, проявляются благодаря этому соединенію и стремятся легко къ новымъ соединеніямъ.

Предполагается, что самопроизвольность есть самая ранняя форма вызова движеній, которыя должны соединиться съ чувствованіями; но когда достаточное число соединеній ума образовано, соединенныя движенія встрѣчаются чаще и оказываются имѣющими новыя вліянія на чувствованія. Перемѣщеніе, сначала самопроизвольное, быстро соединяется съ потребностями животнаго, и, происходя въ соотвѣтсвенные случаи, можетъ совпадать съ новыми удовольствіями. Будучи связано, на раннихъ ступеняхъ, съ поискомъ пищи, оно можетъ со временемъ вступить въ связь съ жилищемъ, сообществомъ, безопасностью и др. Начальныя движенія постоянно стремятся къ новымъ соединеніямъ и, такимъ образомъ, препобѣждаютъ начальную трудность въ пріобрѣтеніи необходимыхъ совпаденій.

5. Хотѣніе расширяется и дѣлается *всеобщимъ* благодаря различнымъ пріобрѣтеніямъ; и, прежде всего, благодаря слову приказанія.

Вмѣсто того, чтобы довольствоваться мелочными или разрозненными ассоціаціями съ цѣлями, или съ удовольствіями и страданіями, индивидъ достигаетъ высшей ступени, образуя связи между всевозможными родами движенія и извѣстнымъ рядомъ знаковъ или указаній, посредствомъ которыхъ вся дѣятельность системы можетъ быть подчинена контролю.

Первый изъ этихъ методовъ это—слово, которымъ приказываютъ. Въ воспитаніи и обученіи какъ животныхъ, такъ и человѣка, имена прилагаются къ различнымъ дѣйствіямъ и иногда дѣлаются средствомъ вызова ихъ. Съ цѣлію остановить лошадь, произносятъ извѣстный особенный звукъ (тпру) и въ тоже время укорочиваютъ поводья; черезъ нѣсколько повтореній, достаточно бываетъ одного звука, чтобы произвести желаемое дѣйствіе. Тоже бываетъ и съ дѣтьми.

Произнесеніе именъ въ связи съ ихъ различными движеніями даетъ средство, по желанію, вызвать эти движенія. Ребенку приказываютъ открыть ротъ: сначала онъ не понимаетъ, чего отъ него желаютъ; является нужда въ другихъ средствахъ для вызова движенія, которое тогда уже связывается въ умѣ съ именемъ. Перво-

начальное сильное побужденіе къ удовольствію и страданію—съ одной—стороны продолжить, съ другой—остановить движеніе—представляетъ съ самаго начала двигающую силу; и извѣстное имя можетъ воспроизвести эти побужденія, приводя ихъ въ дѣйствіе въ идеальной формѣ.

Собака, которую заставили на охотѣ держать стойку произношеніемъ слова, мысленно переносится къ страданію, причиняемому кнутомъ. Также и по отношенію къ дѣтямъ: движущая сила: страданія и удовольствія, которыя прежде всего связываются съ дѣйствіями, можетъ быть перенесена на языкъ, который съ этого времени составляетъ особую силу при выдѣленіи желаемыхъ движеній.

6. Другое средство для расширенія хотѣнія это--подражаніе.

Часто указывали, а можетъ быть, обыкновенно и думаютъ, что подражаніе—инстинктивно. Въ дѣйствительности же дѣло представляется иначе. Въ новорожденномъ ребенкѣ нѣтъ никакой способности подражать; она пріобрѣтается позже и медленно и особенно благопріятна для испытанія общей теоріи роста воли. Подражаніе предполагаетъ связь между видѣніемъ движенія, совершаемаго другимъ лицомъ и импульсомъ заставляющимъ двигать тотъ же самый органъ въ насъ, какъ, напримѣръ, при обученіи танцамъ. Для подражанія голосу существуютъ связи между ощущеніями въ ухѣ и движеніями грудной полости, гортани и рта. По наблюденіямъ обученіе членораздѣльной рѣчи происходитъ слѣдующимъ образомъ. Для начала необходима нѣкоторая самопроизвольная членораздѣльность; звукъ производитъ впечатлѣніе на ухо и, можетъ быть, сообщаетъ нѣкоторый пріятный стимулъ, который будетъ стремиться поддерживать голосовое усиліе. Во всякомъ случаѣ здѣсь лежитъ начало ассоціаціи между усиліемъ произношенія или движенія и дѣйствіемъ на ухо. Всякое повтореніе укрѣпляетъ возрастающую связь; и прогресъ ускоряется, когда другія лица подхватываютъ и продолжаютъ звукъ. Теперь можно сдѣлать попытку извратить порядокъ, заставить произносить, подражая слышимому звуку. Сначала это не удается; ассоціація должна быть весьма прочна, чтобы дѣйствовать въ обратномъ порядкѣ. Но, послѣ неоднократныхъ настояній, при удобномъ случаѣ, самопроизвольность проявляется, будучи предшествуема характеристическимъ ощущеніемъ; ассоцiирующее звено укрѣпляется сообразно порядку подражанія; и вся цѣпь весьма скоро завершается. Этотъ процессъ проходитъ черезъ различныя другія произношенія, а тѣмъ временемъ голосъ начинаетъ скорѣе

воспроизводить слышимые членораздѣльные звуки, то есть—попытки умножаются; поправляющую силу составляетъ осязаемое совпаденіе o звукомъ, предложеннымъ для подражанія. Ребенку велятъ сказать *та*, онъ, можетъ быть, скажетъ *на*, *ма*; въ это время, однако, онъ понимаетъ неудовольствіе, выраженное другими, хотя и не знаетъ разногласія между собственнымъ выполненіемъ и образцомъ. Послѣ нѣкотораго времени онъ будетъ радоваться успѣшному совпаденію. Первоначальные стимулы удовольствія и страданія все еще проявляютъ свое дѣйстіе въ данномъ случаѣ; самопроизвольность должна предшествовать; ассоціація со временемъ завержаетъ связь; и, такимъ образомъ, пріобрѣтаются совершенно новыя и опредѣдѣленныя средства, обусловливающія спеціальныя дѣйствія.

Подражаніе основному тону, что составляетъ основаніе искусства пѣнія, идетъ тѣмъ же самымъ процессомъ. Извѣстная нота, самопроизвольно произнесенная, производитъ на ухо извѣстное впечатлѣніе своей высотой; это даетъ начало ассоціаціи между спеціальнымъ напряженіемъ голосовыхъ мускуловъ и ощущеніемъ его; эта ассоціація продолжаетъ упрочиваться пока слышимый звукъ оказываетъ вліяніе на мускулы. Какъ быстро и совершенно должно быть это пріобрѣтеніе, это зависитъ отъ природныхъ способностей уха и отъ другихъ обстоятельствъ, уже описанныхъ.

Подражаніе движеніямъ въ области зрѣнія обнимаетъ обширную часть ранняго воспитанія нашей воли. Ходъ его, правда, остается тотъ же самый. Движенія, вслѣдствіе единственной самопроизвольности,—рукъ, пальцевъ и другихъ видимыхъ частей,—должны случаться и быть видимы; дѣятельные мускульные импульсы соединяются съ зрительными или глазными явленіями; иногда явленія (произведенныя другими) могутъ вызвать активные импульсы. Если ощущеніе успѣшнаго совпаденія сопровождается какимъ либо удовольствіемъ, или если недостаточное воспроизведеніе образца вызываетъ какое-либо страданіе, то основаніе того, что мы продолжаемъ успѣшныя и оставляемъ безъуспѣшныя дѣйствія, лежитъ въ фундаментальныхъ мотивахъ. Дитя побуждаютъ хлопать въ ладоши; нѣкоторыя движенія произведены, но ненадлежащія; тяжесть неудачи заставляетъ остановить ихъ. Можетъ быть, дѣло тѣмъ и ограничивается; другой разъ произведена болѣе удачная попытка, и совпаденіе бываетъ пріятно; благодаря стимулу, (столь благопріятному связи по смежности) радости отъ успѣха, дитя поддерживаетъ принятое разъ направленіе и усвояетъ ассоціацію.

Звенья воли, образовавшіяся въ пріобрѣтеніяхъ подражанія,

весьма многочисленны. Ихъ нужно бы считать сотнями, если только не тысячами. Извѣстная степень подражательности принадлежитъ и животнымъ. Дѣтеныши многихъ видовъ въ своихъ раннихъ попыткахъ бываютъ руководимы родителями. Подражаніе есть отличительная черта стадности; безъ этой особенности не было бы никакой общности въ дѣйствіяхъ.

7. Дальнѣйшее расширеніе пріобрѣтеній воли ведетъ къ способности дѣйствовать на желаніе двигать.

Мы можемъ подняться, протянуть руку, пропѣть ноту, только вслѣдствіе желанія совершить эти акты, не принимая въ соображеніе какой либо конечной цѣли,—испытаннаго удовольствія или избѣгнутаго страданія.

Это не значитъ, чтобы такія движенія происходили безъ нѣкотораго отношенія къ конечнымъ цѣлямъ человѣческихъ дѣйствій. Мы не проходимъ процессъ, названный желаніемъ, безъ нѣкотораго мотива, который, въ концѣ концовъ, разрѣшается въ то же удовольствіе или страданіе. Болѣе того, мы весьма рѣдко совершаемъ движеніе только ради движенія; мы можемъ обнаружить нашу способность къ чему либо отрицающему мотивъ, но и тогда мотивомъ бываетъ или удовольствіе силы, или страданіе безсилія—оба весьма дѣйствительныя, какъ причины дѣйствія. По большей части, когда мы подвигаемся къ предмету желанія, послѣднее состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть нѣкоторой цѣли, средствомъ для чего служитъ дѣйствіе, какъ напр., когда, имѣя жажду и проходя мимо источника, мы хотимъ или желаемъ совершить движеніе для того, чтобы утолить жажду.

Связь ассоціаціи, образованной съ цѣлію содѣйствовать силѣ воли въ этой частной формѣ, есть связь между нашей *идеей* движенія и самымъ движеніемъ; между идеей поднятія руки и актомъ дѣйствительнаго поднятія ея существуетъ мотивъ или побужденіе къ нѣкоторой цѣли. Ростъ этой связи есть шагъ впередъ по части подражательнаго пріобрѣтенія и совершенно въ томъ же самомъ направленіи; подражаніе предполагаетъ связь между движеніемъ и *видѣніемъ* этого движенія, совершеннаго другимъ лицомъ, какъ напр., учителемъ; поступать изъ желанія двигаться—значитъ совершать движеніе въ мысли, *идеѣ*, воспоминаніи или видѣ движенія; руководящее обстоятельство есть совпаденіе дѣйствительнаго движенія, какъ видѣннаго, съ его идеальнымъ образомъ; когда

мы поднимаемъ руку до извѣстной высоты, мы знаемъ, что мы дѣлаемъ это сообразно съ идеей, данной въ нашемъ желаніи.

Этотъ дальнѣйшій навыкъ, вытекающій изъ подражанія, включаетъ въ себя громадный запасъ идеальныхъ воспроизведеній всевозможныхъ движеній, добытыхъ въ то время, когда мы совершали эти движенія и видѣли другихъ совершающими ихъ. Мы имѣемъ идеи о сжиманіи и разжиманіи руки, протягиваніи пальцевъ, схватываніи, ослабленіи, о ея различныхъ движеніяхъ во всѣхъ положеніяхъ и съ разнообразными степенями быстроты. Пріобрѣтая эти идеи, мы пріобрѣтаемъ также звенья или связи между ними и дѣйствительными движеніями; и не будь этихъ пріобрѣтенныхъ звеньевъ, сила воли совершенно отсутствовала бы въ ея самомъ обычномъ упражненіи. Мы имѣемъ также идеи о движеніяхъ нашихъ ногъ; мы желаемъ толкнуть ногой, и сила исполнить это желаніе подразумѣваетъ звено ассоціаціи между идей дѣйствія, какъ видимаго явленія, и опредѣленными мускульными стимулами для совершенія движенія. Если бы никогда не обращали вниманія на низшія оконечности настолько, чтобы довести ихъ до этого пункта воспитанія, то образовавшееся желаніе не было бы въ состояніи произвести актъ, не смотря на существованіе мотива.

8. Сила воли завершается ассоціаціей движеній съ идеей эффекта, долженствующаго произойти.

Когда мы направляемъ наши шаги чрезъ улицу къ извѣстному дому, антецедентомъ служитъ идея нашего вступленія въ этотъ домъ. Когда мы раздуваемъ огонь, антецедентомъ служитъ идея появленія пылающей массы вмѣстѣ съ ощущеніемъ теплоты. Когда мы подносимъ руку ко рту, то дѣлаемъ это благодаря связи между движеніями и идеей удовлетворенія голода и жажды. При письмѣ, идея извѣстныхъ предметовъ, которые должны быть выражены, связывается непосредственно съ пріобрѣтенными движеніями руки.

Здѣсь мы имѣемъ классъ ассоціацій еще болѣе развитый. Сообразно съ обычнымъ ходомъ нашихъ развивающихся пріобрѣтеній, посредствующія звенья исчезаютъ и образуется мостъ непосредственно между началомъ и концомъ цѣпи. Дѣло, которое мы желаемъ исполнить, естественно занимаетъ наше вниманіе; удача въ исполненіи—пріятный мотивъ, неудача—болѣзненный мотивъ; усиліе продолжается пока мы не окончимъ его успѣшно, и ассоціація образуется между дѣйствіями, приближающими къ цѣли и самою цѣлію. Мы подходимъ къ запертой двери: умственная идея, сопутствующая

состоянію ощущенія, которое составляетъ мотивъ,—настоящая нужда, облегченіе въ возможности,—есть идея этой двери, только отпертой. Вмѣсто того, что бы думать сначала о движеніи руки въ актѣ открытія и перейти отъ него къ самому дѣйствію, мы переходимъ сразу отъ идеи отпертой двери къ поворачиванію ручки.

Примѣры, на которыхъ мы только что останавливались, были, главнымъ образомъ, движенія, управляемыя зрѣніемъ или идеями зрѣнія. Едва ли требуется болѣе, чѣмъ намекнуть на примѣры въ области слуха. Голосовое подражаніе есть ассоціація слышимыхъ звуковъ съ движеніями голосовыхъ органовъ. Произношеніе словъ сообразно съ желаніемъ заключаетъ въ себѣ достаточную связь между голосовымъ усиліемъ и идеей или воспоминаніемъ звука, такимъ образомъ произведеннаго, какъ напр., когда музыкантъ даетъ основной тонъ и начинаетъ арію, или когда ораторъ произноситъ рѣчь. Эти связи входятъ въ обученіе индивида пѣнію и рѣчи, и по необходимости весьма многочисленны у образованнаго мужчины или женщины. Наконецъ, ассоціаціи закончены и звено образовано заразъ между движеніями голоса и идеей нѣкоторой цѣли, которая должна быть достигнута при его посредствѣ, какъ напримѣръ, когда мы, зовя кого-либо на далекомъ разстояніи, произносимъ пронзительный звукъ; или когда, не имѣя въ умѣ идеи словъ „направо", ротный командиръ даетъ словесный приказъ только при мысли о предположенномъ эффектѣ.

ГЛАВА III.

Контроль надъ чувствованіями и мыслями.

1. Такъ какъ наши произвольныя дѣйствія состоятъ въ употребленіи мускульной силы, то контроль надъ чувствованіями и мыслями совершается черезъ мускулы.

До сихъ поръ мы видѣли, въ операціи воли, опредѣленныя, раздѣленныя, а можетъ быть, и комбинированныя движенія для достиженія цѣлей. Мы говорили только объ участіи *мускуловъ* при достиженіи нашихъ желаній. Мы даже не касались такихъ вопро-

совъ, какъ—можетъ ли кровь циркулировать болѣе или менѣе быстро, или пищевареніе приспособляться, повинуясь удовольствію и страданію. Въ эмоціональномъ волненіи принимаетъ участіе органическая перемѣна. Толчокъ страданія разстроиваетъ органическія функціи; удовольствіе, по закону самосохраненія, сопровождается органическою бодростію не менѣе, чѣмъ мускульною. На сколько дѣло касается основнаго звена, выражаемаго этимъ закономъ, должна существовать ассоціація органическихъ, равно какъ и мускульныхъ измѣненій съ состояніями удовольствія и страданія; и часто для той же самой хорошей цѣли, увеличеніе дыхательной или пищеварительной силы прямо возвышало бы удовольствіе и ослабляло бы страданіе. Не смотря на всѣ эти факты, мускульная энергія одна только выдѣляется для тѣхъ опредѣленныхъ ассоціацій съ состояніями ощущенія, которыя составляютъ волю. Сила движенія одна только обладаетъ гибкостью, изоляціею, независимостью, необходимыми для вступленія въ разнообразныя, выше описанныя соединенія; и когда мы говоримъ о произвольномъ контролѣ, мы разумѣемъ контроль надъ мускулами. Поэтому, требуется объясненіе распространенія этого контроля на чувствованіе и мысль, которыя суть явленія болѣе чѣмъ мускульныя.

Контроль надъ чувствованіями.

2. Физическіе спутники чувствованія суть: (1) распространенные нервные токи, (2) органическія перемѣны и (3) мускульныя движенія. Вмѣшательство воли органичивается движеніями, произвольный контроль надъ чувствованіями зависитъ отъ мускульныхъ спутниковъ.

Такъ какъ мускульныя движенія суть одинъ изъ трехъ элементовъ, то мы должны узнать изъ опыта, играютъ ли они руководящую, или второстепенную роль. Возможны три различныя предположенія. Движенія могутъ быть такъ существенны, что задержка ихъ производитъ прекращеніе сознательнаго состоянія. Или можетъ представиться такой случай, что останавливаются другія обнаруженія вслѣдствіе отказа мускуловъ въ содѣйствіи. Наконецъ, движенія могутъ быть нужны для полнаго простора ощущенія, но не для существованія его въ меньшей степени, или измѣненной формѣ.

Обращаясь къ посредству ѳпыта, мы находимъ предположенные факты. Во первыхъ, при сравнительно слабомъ возбужденіи, задержка его обнаруженія вовнѣ ведетъ, если не непосредственно, то все же очень скоро, къ прекращенію ощущенія. Сначала происходитъ борьба, но отказъ мускуловъ въ участіи уничтожаетъ другіе эффекты. Чувствованіе не прекращается вдругъ съ подавленіемъ движеній, показывая этимъ, что оно можетъ существовать и безъ нихъ; но, такъ какъ съ ослабленіемъ ощущенія прекращается и движеніе, то мы заключаемъ, что другіе акомпанименты и особенно нервные токи останавливаются и постепенно исчезаютъ вслѣдствіе задержки мускуловъ. Напр., не очень сильное изумленіе можетъ быть скоро остановлено подавленіемъ всѣхъ движеній выраженія. Нужно, однако, замѣтить, что эта эмоція—преимущественно мускульная въ своемъ распространеніи; замѣчаніе это гораздо менѣе справедливо относительно эмоцій, которыя сильно поражаютъ органическія функціи, какъ страхъ, нѣжность и страданія вообще.

Во вторыхъ, въ сильныхъ чувствованіяхъ угнетеніе мускуловъ не только не ослабляетъ, но даже усиливаетъ сознаніе чувствованія, какъ если бы нервные токи были усилены сопротивленіемъ. Если дано извѣстное стремленіе, которое должно найти себѣ исходъ, и если оно стѣсняется съ внѣшней стороны, то оно кажется болѣе сильнымъ съ внутренней. Мы знакомы съ такими выраженіями, какъ „душа снѣдаетъ себя“, происходящими отъ недостатка объективнаго обнаруженія, потребности исхода для затаившихся эмоцій—радости, горя и т. п.

Аналогія слабыхъ чувствованій дѣлаетъ правдоподобнымъ то обстоятельство, что болѣе сильнымъ мускульнымъ сопротивленіемъ можно окончательно уничтожить внутренніе нервные токи вмѣстѣ съ умственнымъ возбужденіемъ. Трудность состоитъ въ томъ, чтобы найти мотивъ достаточный для того, чтобы превзойти стимулъ сильной эмоціи. Кажется, лучше предоставить эмоцію самой себѣ, чѣмъ дѣлать недѣйствительное сопротивленіе. Взрывъ гнѣва можетъ быть подавленъ большимъ мускульнымъ усиліемъ; но мотивъ долженъ быть или самъ по себѣ сильный, или вспомоществуемъ привычкой контролировать.

Въ третьихъ, въ мускульномъ выраженіи чувствъ существуетъ извѣстная тенденція произвести какое либо чувствованіе черезъ установленную, или по природѣ, или по ассоціаціи, связь между этою или другими частями физическихъ круговъ эффектовъ (Симпатія, § 2). Это предполагаетъ, что мозгъ и умъ не предзаняты ничѣмъ

интенсивнымъ; въ угнетенной системѣ нельзя произвести ликованія. При томъ же, мы можемъ поддѣлаться, предъ другими, подъ эмоцію, которой не желаемъ ощущать, какъ это болѣе или менѣе случается съ актеромъ.

3. Произвольное управленіе мускулами, достигнутое описаннымъ уже путемъ, въ состояніи подавить ихъ движенія при эмоціи.

Когда воля достигла верха общаго управленія, какъ указано въ предшествующей главѣ, она способна ко всякаго рода усилію, какое только можетъ быть представлено умомъ; одна только видимая идея движенія, которое должно быть совершено, перейдетъ въ дѣйствительность. Зрѣлое хотѣніе, такимъ образомъ, способно къ какимъ бы то нибыло усиліямъ, необходимымъ для приведенія какого либо изъ мускуловъ въ движеніе, или задержки ихъ движенія; способно ко всему, что приложимо къ настоящему случаю.

Но гораздо раньше завершенія развитія воли начинается воспитаніе для подавленія чувствованій или, по крайней мѣрѣ, обнаруженія ихъ. Желательно, напримѣръ, заставить дитя задержать необычайный крикъ, въ возрастѣ, когда еще образовано мало звеньевъ воли и когда нужно бываетъ обращаться къ первичному исходному пункту всякаго хотѣнія. На самыхъ раннихъ ступеняхъ отсутствіе опредѣленныхъ связей между пріятнымъ ощущеніемъ и подавленностью, и между болѣзненнымъ ощущеніемъ и удовлетворенностью, поведетъ къ многочисленнымъ безплоднымъ попыткамъ, какъ это и бываетъ во всѣхъ начинаніяхъ воли. Нѣсколькихъ успѣшныхъ совпаденій достаточно для того чтобы наполнить пробѣлъ единства между движущими импульсами и ощущеніями въ особенномъ случаѣ; и тогда прогрессъ можетъ пойти быстро. Остающееся затрудненіе будетъ представлять мощь эмоціональной волны, превосходящую движущую силу полезнаго удовольствія или испытываемаго страданія, даже, хотя звено связи между ними и опредѣленными импульсами было достаточно полно. Это, однако представляетъ затрудненіе во всю жизнь при контролѣ надъ болѣе интенсивными пароксизмами эмоціи, и не имѣетъ никакого дѣла съ незрѣлостью звеньевъ воли между пріятными или непріятными мотивами и дѣйствіями для обезпеченія удовольствія и удаленія страданія.

Случай этотъ совершенно аналогиченъ съ дрессированіемъ жеребятъ или щенятъ; отсутствіе опредѣленныхъ связей причиняетъ много безпокойства на первыхъ ступеняхъ; и, когда этотъ недостатокъ уничтоженъ, воспитаніе пойдетъ быстро.

Управленіе мыслями.

4. Было уже разсмотрѣно (Сложная ассоціація, § 8), какъ воля можетъ влiять на теченіе мыслей. Эффектъ зависитъ отъ контроля надъ вниманіемъ.

Мы не можемъ простымъ желаніемъ вызвать скорѣе одинъ рядъ идей, чѣмъ другой, или замѣстить слабую связь ассоціаціи; сила ассоціаціи независима отъ хотѣнія. Но воля можетъ контролировать нѣкоторыя изъ условій интеллектуальнаго открытія, одно изъ которыхъ состоитъ въ направленіи вниманія скорѣе на одну вещь, чѣмъ на другую. Рѣшая геометрическую проблему, необходимо вспомнить различныя раньше выученныя теоремы; для этой цѣли вниманіе должно быть остановлено на объяснительномъ построеніи, представляющемъ данную проблему, и отвечено отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ; идеи въ этомъ положеніи, внушенныя смежностью и сходствомъ, суть идеи геометрическія, болѣе или менѣе соединенныя съ даннымъ случаемъ.

Случай, предполагаемый далѣе, это—дѣятельность вниманія, обращеннаго на мускулы, которые руководятъ зрѣніемъ. Обращеніе глазъ на одну часть поля зрѣнія, а не на другую, не представляетъ ни въ какомъ случаѣ особаго вида контроля воли.

5. Управленіе вниманіемъ переходитъ за сферу чувствъ къ идеямъ или мыслямъ. Припоминая различные предметы, мы можемъ остановиться на одномъ, пренебрегая остальными. Наша воля имѣетъ власть надъ мускульными движеніями въ *идеѣ*.

Безспорно, что мы можемъ сосредоточивать мысленное вниманіе не менѣе, чѣмъ чувственное. Когда память передаетъ намъ цѣпь фактовъ, мы можемъ удержать одинъ изъ нихъ и оставить безъ вниманія остальные. Возобновляя наше знаніе объ извѣстной мѣстности, мы не обязаны пройти ее всю въ равной степени; мы способны и обыкновенно расположены останавливаться на нѣкоторыхъ чертахъ и этимъ остановлять ходъ дальнѣйшаго воспроизведенія.

Во всемъ этомъ, воля, кажется, переступаетъ обычные предѣлы, назначенные ей, именно, возбужденіе къ дѣятельности волевыхъ мускуловъ. Дѣйствительно, этотъ фактъ былъ бы совершенно аномальнымъ и неизъяснимымъ не будь мѣстнаго тожества дѣйстви-

тельныхъ и идеальныхъ движеній (Смежность, § 11); и даже относительно мѣстнаго тожества мы только изъ опыта знаемъ, что контроль воли можетъ вступать въ сферу идеальнаго. Когда мы очерчиваемъ по воспоминанію гору, мы во всемъ, кромѣ мускульныхъ сокращеній глазъ или головы, повторяемъ тотъ же самый ходъ и оживляемъ тѣ же самые нервные слѣды, какъ и при обозрѣніи дѣйствительной горы; и, подстрекаемые мотивомъ, мы удерживаемъ умственное зрѣніе на вершинѣ, склонахъ, контурѣ, растительности точно такъ же, какъ въ реальномъ присутствіи.

6. Эта часть волевого контроля имѣетъ свои ступени роста, подобно остальнымъ; и входитъ, въ качествѣ самого важнаго элемента, въ наши умственныя или мыслительныя способности.

Можно указать два пути для пріобрѣтенія высшаго контроля. Управленіе соотвѣтствующими дѣйствительными движеніями можетъ произойти на нѣкоторомъ разстояніи: или оно можетъ выбрать независимый путь, начиная самопроизвольностью и направляемое вліяніемъ удовольствія и страданія по закону самосохраненія. По всей вѣроятности первое предположеніе вѣрно. Кажется, мы постепенно пріобрѣтаемъ силу умственной сосредоточенности, достигши управленія чувствами,—способности направлять глаза куда угодно, или прислушиваться къ одному звуку, не обращая вниманіе на другіе. Такъ какъ мы имѣемъ полное управленіе во внѣ, то извѣстная доля его помогаетъ, когда мы переходимъ отъ реальностей къ идеямъ, отъ видѣнія зданія къ мысли о немъ. Эта способность, такимъ образомъ пріобрѣтенная, безспорно укрѣпляется упражненіемъ въ спеціальной области идеальнаго; существуетъ большое различіе между человѣкомъ, который рѣдко пользовался силой умственной концентраціи и тѣмъ, который постоянно практиковалъ ее.

Какимъ бы образомъ эта власть ни была пріобрѣтена, пользованіе ею въ интеллектуальной дѣятельности обширно и замѣчательно. Изобильное воспроизведеніе, результатъ наблюденія и способности удерживанія, имѣетъ мало значенія для какой либо важной цѣли, научной, художественной, или практической, если нѣтъ власти выдѣлять, задерживать и контролировать при побуждающей цѣли, которую нужно достигнуть. Имѣя способность останавливать вниманіе какъ на дѣйствительныхъ объектахъ, такъ и идеяхъ, появляющихся въ умѣ, мы можемъ загладить его природные недостатки и, какъ въ пріобрѣтеніяхъ, такъ и въ произведеніи, можемъ превзойти болѣе даровитыхъ, но менѣе рѣшительныхъ соперниковъ.

Когда мотивы уже по природѣ сильны и укрѣплены привычкой, мы не позволяемъ вниманію, чувственному или умственному, блуждать или слѣдовать руководству случайнаго воспроизведенія, какъ напримѣръ, во снѣ или грезахъ; наша опредѣленная цѣль или запомнить множество словъ, добиться принципа, разрѣшить проблему, отдѣлать изысканное сочиненіе, соорудить механическое изобрѣтеніе, или примирить столкновеніе интересовъ другихъ людей, останавливаетъ нашъ умъ на мысляхъ, близко касающихся и увлекаетъ насъ отъ всего, нисколько не относящагося къ дѣлу.

Когда то, что подразумѣвается подъ „кропотливою дѣятельностью,“ „усидчивостью,“ „прилежаніемъ,“ „терпѣніемъ,“ противополагается природной рѣзвости, легкости, или изобилію идей, это значитъ, другими словами что сила воли, раскрытая въ умственной сосредоточенности, какъ бы стоитъ противъ силъ чисто интеллектуальнаго воспроизведенія; это—двѣ опредѣленныя стороны нашего сложенія, слѣдующія различнымъ законамъ и не одинаково проявляющіяся въ различныхъ индивидахъ.

7. Произвольное управленіе мыслями, какъ уже раньше было показано, входитъ въ построительную ассоціацію.

Въ объясненіяхъ въ предшествующей главѣ построительность уже подразумѣвалась, но она заслуживаетъ болѣе спеціальнаго упоминанія. Отличительная черта этого процесса это—произвольное выдѣленіе, прилаживаніе и комбинированіе для какой либо цѣли; движущая сила этой цѣли есть активный стимулъ и согласіе съ нею—проводникъ или пробный камень всѣхъ внушеній. Въ словесной построительности, напр., когда нужно собщить другому извѣстную мысль, воспроизводится множество словъ памятью, имѣющихъ отношеніе къ этой мысли, но они должны быть выдѣлены, упорядочены, распредѣлены, съ цѣлью точнаго выраженія этой мысли. Возобновленія прежнихъ словесныхъ рядовъ, путемъ смежности и сходства, или комбинаціей смежностей и сходствъ, доставляетъ отдѣльные элементы; воля слагаетъ ихъ вмѣстѣ, руководясь чувствомъ соотвѣтствія; и, пока это чувство не будетъ удовлетворено, выдѣленіе и приспособленіе должно продолжаться; когда подходящіе элементы найдены, построительныя усилія прекращаются.

8. Управленіе мыслями помогаетъ контролировать чувствованія.

Управленіе мыслями весьма сильно помогаетъ въ контролѣ надъ чувствованіями, будучи болѣе дѣйствительное, чѣмъ произвольное управленіе воли въ области мускульныхъ обнаруженій. Наши эмоціи болѣе или менѣе ассоціированы съ объектамм, обстоятельствами и случаями, и проявляются, когда эти присутствуютъ или въ дѣйствительности, или въ идеѣ; любовь пробуждается при видѣ или мысли о любезномъ или дорогомъ для насъ существѣ; страхъ появляется при приближеніи опасности. Въ этой связи лежитъ способность оратора и поэта приводить въ волненіе людей. Теперь, мы можемъ, благодаря силѣ воли, заняться однимъ классомъ мыслей и необратить вниманія или отвергнуть другой классъ. Когда какое либо лицо возбудило нашъ гнѣвъ несправедливостью, мы можемъ обратить наши мысли на поведеніе этого лица въ другихъ случаяхъ, которое окажется такимъ, что можетъ внушить любовь, удивленіе, или уваженіе; слѣдствіемъ такого расхожденія идей будетъ подавленіе ощущенія гнѣва противоположными ему состояніями.

Трудно уничтожить порывъ веселья однимъ только произвольнымъ подавленіемъ мускульныхъ движеній; тѣмъ болѣе, что грудобрюшная преграда представляетъ собою мускулъ, не такъ хорошо поддающійся командѣ, какъ мускулы членовъ. Болѣе могущественное орудіе въ этомъ случаѣ представляетъ поворотъ мыслей на какой либо серьезный или безразличный предметъ; и особенно на страдающій и угнетенный субъектъ. Лицамъ, держащимъ себя легкомысленно во время религіозной проповѣди, обыкновенно напоминаютъ объ ужасахъ невѣдомаго міра.

Побѣда надъ однимъ сильнымъ ощущеніемъ, при помощи вызова другого, была названа Томасомъ Чальмеромъ (Chalmers) „экспульсивною силою новой аффекціи"; онъ много разсуждалъ о ней, какъ о средствѣ для нравственнаго улучшенія. Во время борьбы съ вреднымъ влеченіемъ, онъ рекомендовалъ процессъ изгнанія его при помощи образованія чего либо высшаго и лучшаго, напр., замѣщая его возбужденіемъ, которое производитъ театръ или портерная (alehouse), интеллектуальныя и другія влеченія.

Безъ помощи новой эмоціи мы можемъ покорить или видоизмѣнить наличное ощущеніе, отводя вниманіе отъ всѣхъ мыслей или рядовъ идей, которыя толпятся около него и даютъ ему поддержку. Если въ нашей власти находится достаточно сильный мотивъ, чтобы отвлечь вниманіе отъ мысли о страшной опасности въ сторону совершенно безразличнаго предмета, состояніе ужаса ослабѣваетъ.

Управленіе мыслями, необходимое для такихъ скачковъ, есть

высокій и необычайный даръ, или пріобрѣтеніе, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ примѣровъ силы воли или могущества мотива. Для контроля, такимъ образомъ, производимаго, существуетъ предѣлъ; никакая сумма стимуловъ неизмѣнитъ настолько теченія мыслей, чтобы вызвать вдругъ радость послѣ унынія. Однако же, при посредствѣ не недостижимой силы мотива и привычки, можно на столько сдержать взрывы эмоціи, чтобы нѣсколько приблизиться къ спокойному отношенію къ вещамъ.

9. Обратный случай—сила чувствованій управляетъ мыслями—частію зависитъ отъ природы воли, частію не зависитъ отъ нея.

Когда, при пріятномъ чувствованіи, мы лелѣемъ всѣ мысли, образы и вопоминанія, которыя гармонируютъ съ нимъ, и поддерживаемъ его—какъ въ припадкѣ любви, самодовольствія, или мести—то это представляетъ собой случай частнаго и простого хотѣнія. Всякая дѣятельность, доставляющая удовольствіе, поддерживается и усиливается прямымъ дѣйствіемъ основной силы самосохраненія; и упражненіе вниманія или на предметахъ, подлежащихъ чувствамъ или на теченіи мыслей, заключается въ этомъ принципѣ. Съ другой стороны, непріятное чувствованіе должно отогнать всѣ предметы и идеи, которыя стремятся поддержать его точно также, какъ мы оттолкнули бы горячее желѣзо или жгучую кравиву отъ голой ноги; и это случается также въ весьма широкихъ размѣрахъ: человѣкъ самодовольный выгоняетъ изъ своего ума всѣ случайности, которыя не согласуются съ его наклонностями; влюбленный не можетъ питать мысли о препятствіяхъ и неизбѣжной разлукѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ законъ воли подтверждается прекрасно и точно. И если не дѣйствуетъ никакого другого вліянія, если ощущенія не имѣютъ другой формы дѣятельности, мы удерживали бы мысли соотвѣтственно тому, на сколько онѣ доставляютъ намъ удовольствіе и отворачивались бы отъ тѣхъ, которыя причиняютъ страданіе съ энергіей, соотвѣтствующей страданію.

Но мы прежде замѣтили и должны теперь замѣтить еще болѣе спеціально, что чувствованія имѣютъ другое свойство,—свойство удерживать каждую идею, которая находится въ согласіи съ ними, пріятную или непріятную, съ энергіею, соотвѣтствующею ихъ интенсивности; такъ что состоянія возбужденности, какъ непріятныя, такъ и нейтральныя, заставляютъ мысли и образы оставаться въ умѣ при помощи силы, отличной отъ обычнаго теченія воли. Отвратительное зрѣлище не можетъ быть вдругъ изгнано изъ воспоми-

нанія только потому, что оно причиняетъ страданіе; если бы воля была единственною силою въ данномъ случаѣ, предметъ этотъ былъ бы быстро удаленъ и забытъ. Но, дѣйствительный фактъ, что онъ причинилъ интенсивное или напряженное ощущеніе, даетъ ему упорство вопреки волѣ. Такъ, сильный ударъ, который не характеризуется ни удовольствіемъ, ни страданіемъ, задерживаетъ мысль на своей причинѣ въ продолженіе значительнаго времени и внѣдряетъ ее надолго въ памяти, не потому, чтобы ударъ былъ пріятенъ но только потому, что онъ былъ силенъ. Въ то же самое время естественное теченіе воли идетъ своимъ путемъ; она кооперируетъ въ задержкѣ пріятнаго и ослабленіи упорства непріятнаго; но она не единственное или преобладающее условіе въ томъ и другомъ случаѣ.

ГЛАВА IV.

Мотивы, или цѣли.

1. Мотивы, или цѣли, вытекающіе изъ природы или опредѣленія воли, какъ чистой и въ собственномъ смыслѣ, это—наши удовольствія и страданія.

Въ чувствованіяхъ, какъ раньше было раскрыто, если перечисленіе закончено, должны заключаться всѣ конечныя мотивы, или цѣли человѣческой дѣятельности. Удовольствія и страданія различныхъ чувствъ (вмѣстѣ съ мускульными ощущеніями) и эмоцій,—обнимая всю нашу воспріимчивость къ счастію или несчастію,—суть, въ концѣ концовъ, средства, возбуждающія нашу дѣятельность, объекты преслѣдованія и избѣжанія. Дѣйствительное присутствіе какого либо удовольствія, проявившагося въ различныхъ областяхъ чувствованій, побуждаетъ къ дѣйствію ради его продолженія; присутствіе какого либо страданія служитъ поводомъ къ дѣятельности для его уничтоженія. Конечная классификація мотивовъ есть, поэтому, классификація пріятныхъ и непріятныхъ чувствованій.

Если бы мы подвели итогъ всему сказанному подъ заглавіемъ чувст-

ва и эмоціи, мы сдѣлали бы заключеніе къ удовольствіямъ мускульнаго упражненія и отдыха и страданіямъ утомленія и стѣсненнаго дѣйствія; громадное разнообразіе пріятныхъ и непріятныхъ воспріимчивостей, связанныхъ съ органическою жизнію,—включая сюда такія могущественныя возбужденія, какъ жажда и голодъ и цѣлый разрядъ непріятныхъ болѣзней съ реактивнымъ положеніемъ, называемымъ здоровьемъ; безчисленныя возбужденія, пріятныя и непріятныя, пяти чувствъ—вкусы, цвѣта ,осязанія, звуки, зрительныя воспріятія; длинный рядъ спеціальныхъ эмоцій, содержащихъ могущественныя прелести и сильныя отвращенія—новость, свобода, нѣжная и половая эмоціи, самодовольство и одобреніе съ ихъ противуположностями; подъемъ силы и угнетеніе безсилія и ничтожности, интересъ интриги и преслѣдованія, влеченія знанія и разнообразныя возбужденія изящныхъ искусствъ.

2. Элементарныя удовольствія и страданія возбуждаютъ насъ къ дѣйствію, когда существуютъ только въ *возможности*;—что подразумѣваетъ идеальную устойчивость, приближающуюся къ силѣ дѣйствительности.

Свойство интеллектуальной или идеальной памяти принадлежитъ болѣе или менѣе всѣмъ душевнымъ чувствованіямъ; на нее обыкновенно указывалось при описаніи каждаго чувствованія и ощущенія. Страданіе чрезмѣрнаго утомленія воспоминается послѣ случая и имѣетъ способность удержать отъ повторенія дѣйствительнаго состоянія.

Обстоятельства, регулирующія идеальную устойчивость удовольствій и страданій такъ, чтобы дать имъ дѣйствительность въ качествѣ мотивовъ, суть преимущественно слѣдующія:—

1) Просто ихъ сила, или степень. Это законъ нашей интеллектуальной природы, что, при одинаковыхъ другихъ обстоятельствахъ, чѣмъ живѣе настоящее сознаніе, тѣмъ болѣе будетъ оно устойчиво, или тѣмъ скорѣе оно припоминается. Это приложимо къ удовольствіямъ, страданіямъ и нейтральному возбужденію. Извѣстное сильное удовольствіе припоминается лучше, чѣмъ слабое; при наказаніи употребляется большее страданіе, потому что меньшее не скоро припоминаемое, не дѣйствительно для отвращенія отъ преступленія. Наши труды направляются прежде всего къ причинамъ нашихъ великихъ удовольствій и великихъ страданій, потому что они долѣе удерживаются въ памяти и менѣе поддаются давленію дѣйствительности. Острыя чувственныя удовольствія, любовь, похвала, сила, эстетическая прелесть сильно возбуждаютъ, пото-

му что сильно чувствуются и энерично припоминаются; самыя интенсивныя страданія отъ болѣзни, лишенія, немилости имѣютъ упорную живучесть вслѣдствіе своей силы.

2) Продолжительность и повтореніе. Чѣмъ долѣе продолжается извѣстное удовольствіе и чѣмъ чаще оно повторяется, тѣмъ лучше оно удерживается, какъ мотивъ для воли. Повтореніе даетъ интеллектуальное постоянство какъ эмоціональнымъ состояніямъ, такъ и интеллектуальнымъ—страданію и рѣчи (языку). Отдѣльный приступъ остраго страданія не оставляетъ за собою сильнаго, предупредительнаго мотива, порождаемаго рядомъ приступовъ. Возрастъ и опытъ даютъ моральную мудрость, равно какъ и интеллектуальную силу мотива, такъ же какъ и объемъ и отчетливость интеллектуальнаго видѣнія. Послѣ повторенныхъ неудачъ мы отказываемся отъ охоты, вопреки ея приманкамъ, не только потому, что наши надежды ослабли, но также потому, что наше воспоминаніе усиливается при повтореніи. Удовольствія, рѣдко испытываемыя, не могутъ получить надлежащаго мѣста у насъ, въ нашихъ обычныхъ стремленіяхъ; мы не домогаемся ихъ соразмѣрно съ тѣмъ, что мы могли бы дѣйствительно извлечь изъ пользованія ими.

Необходимо случается, что разстояніе времени ослабляетъ память объ удовольствіи и страданіи до безсилія въ качествѣ мотива. Давно прошедшее удовольствіе лишено своей идеальной прелести; страданіе, испытанное давно, не имѣетъ импульса для воли.

3) Интеллектуальное достинство. Ощущенія и чувствованія имѣютъ природную скалу интелектуальной устойчивости, начиная съ органической или физической чувствительности и доходя до высшихъ чувствъ и болѣе возвышенныхъ эмоцій. Ощущенія слуха, зрѣнія; удовольствія нѣжнаго чувствованія, интеллектуальныя удовольствія, изящныхъ искусствъ, страданія печали и угрызенія,—по своей природѣ, болѣе устойчивы въ качествѣ мотивовъ, чѣмъ мускульное упражненіе или случайный недостатокъ пищеваренія.

4) Особенная способность къ запоминанію удовольствія и страданія. Это—фактъ, что нѣкоторые умы одарены отъ природы большею удерживательною способностію удовольствія и страданія, чѣмъ другіе; точно такъ же, какъ существуютъ различія въ памяти словъ или образовъ. Высшая степень благоразумія, когда обстоятельства въ другихъ отношеніяхъ—тѣ же самыя, объясняется этимъ фактомъ. Всякій бываетъ тронутъ присутствующею радостью, или присутствующимъ страданіемъ; но, по исчезновеніи ихъ, воспоминаніе объ

ихъ будетъ сильнѣе у одного лица, чѣмъ у другого,—то есть, будетъ болѣе энергично сопротивляться новымъ и настоящимъ побужденіямъ, которыя ставятъ мотивы, данные памятью, на испытаніе. Страданія разгульной жизни въ нѣкоторыхъ умахъ изглаживаются какъ скоро они миновали; въ другихъ же—они удерживаются почти съ неуменьшаемою силою. Какъ благоразуміе, такъ и способность симпатіи къ другимъ, предполагаютъ хорошую память удовольствій и страданій; другими словами, они вполнѣ объясняются принятіемъ этой особенности. Добродѣтель, хотя и не есть знаніе, какъ признавалъ Сократъ, однако покоится на свойствѣ интеллекта, на нѣкоторомъ видѣ нашей удерживающей способности, хотя дѣло не въ интеллектуальныхъ элементахъ, всѣми признанныхъ, но въ удовольствіяхъ и страданіяхъ.

Нелегко приписать этотъ особенный видъ удерживающей способности какому нибудь мѣстному дарованію, подобно тому, какъ мы связываемъ память цвѣтовъ съ сильнымъ развитіемъ оптической чувствительности. Болѣе всего вѣроятно, что эта сила связана съ субъективностью характера, тенденціею останавливаться на субъективныхъ состояніяхъ, въ противоположность воплощенію объективности.

Благоразумная предусмотрительность и предосторожность въ особенныхъ обстоятельствахъ могутъ быть лучше всего приписаны большей силѣ и повторенію чувствованій, какъ напримѣръ, когда какой нибудь человѣкъ заботится о средствахъ къ жизни, а не своей репутаціи; или наоборотъ. Въ какихъ бы случаяхъ мы ни чувствовали себя весьма неловко, мы припоминаемъ наши чувствованія и поддаемся имъ, какъ мотивамъ преслѣдованія и избѣжанія. Нѣтъ необходимости, ради такихъ разностей, обращаться къ природной способности, удерживающей страданія и удовольствія.

5) При успѣшномъ припоминаніи ощущеній для цѣлей воли намъ помогаютъ побочныя ассоціаціи. Сильное удовольствіе сообщаетъ впечатлительность всѣмъ актамъ и ощущеніямъ, которыя согласуются съ нимъ; а эти, имѣя собственную независимую стойкость, какъ дѣйствія или какъ объективныя состоянія, помогаютъ возвращать удовольствіе. Каждый помнитъ мѣсто и занятіе въ то время, когда были сообщены радостныя извѣстія. Паціентъ во время хирургической операціи мысленно удерживаетъ неизгладимый видъ комнаты и приготовленій хирурга. Одна часть сложнаго опыта, такимъ образомъ отпечатлѣвшагося, поддерживаетъ остальныя.

Едва ли нужно прибавлять, что движущая сила ощущенія *толь-*

ко что бывшаго, приближаетъ къ вліянію дѣйствительнаго чувствованія.

3. Мы направляемъ свои труды на многія вещи, которыя, хотя могутъ служить только средствомъ, однако путемъ ассоціаціи пріобрѣтаютъ всю силу нашихъ конечныхъ цѣлей. Таковы—деньги, тѣлесная крѣпость, знаніе, церемоніи и добродѣтели.

Когда какой либо предметъ постоянно ассоціируется съ первичною цѣлію жизни, онъ пріобрѣтаетъ въ нашемъ умѣ всю важность цѣли; поля и водные источники цѣнятся жаждою, удовлетвореніе которой состовляетъ жизненную необходимость. Весьма замѣчательное средство, называемое богатствомъ или деньгами, послѣ того какъ его сила понята, служитъ предметомъ стремленія, сообразно суммѣ наслажденій, которую оно можетъ доставить, и страданій, которыя оно можетъ отвратить для насъ самихъ и для соучастниковъ въ нашей симпатіи. Таковъ, по крайней мѣрѣ, идеалъ здраво судящаго ума, ибо только немногія лица слѣдуютъ этой или другой цѣли, посредствующей или конечной, сообразно съ ея точнымъ значеніемъ.

Мы видѣли, что память, невѣрная по отношенію къ удовольствію и страданію, вводитъ насъ въ обманъ при нашемъ преслѣдованіи цѣлей; нетолько позволяя настоящему господствовать надъ будущимъ, но выказывая пристрастіе или предпочтеніе къ вещамъ даже отсутствующимъ и идеальнымъ. Вмѣшательство ассоціированныхъ цѣлей ведетъ къ новымъ замѣшательствамъ въ нашей оцѣнкѣ и въ соотвѣтствующемъ преслѣдованіи. Случай съ деньгами подтверждаетъ эти смущающія причины. Въ нихъ мы имѣемъ любопытный фактъ средства, обращеннаго въ конечную цѣль.

Когда что либо долго служило предметомъ домогательства, вслѣдствіе его отношенія къ конечнымъ воспріимчивостямъ души, удовольствіе достиженія его соотвѣтствуетъ его вліянію на эти воспріимчивости. Мы, и безъ реализированія покупаемыхъ деньгами наслажденій, предвкушаемъ радость при ихъ пріобрѣтеніи; и тѣмъ болѣе, если мы испытывали такія страданія, какъ физическое лишеніе, трудъ, безсиліе, оскорбленіе, запрещенныя влеченія, съ присоединеніемъ различныхъ страховъ. Мысль объ освобожденіи отъ всего этого кошмара радостна сама по себѣ, прежде чѣмъ мы обращаемъ средство въ конечныя цѣли. Многія *идеальныя* страданія уничтожаются обладаніемъ орудія, которымъ раньше не пользовались. Въ умахъ поднимается наклонность къ преувеличенію страха,

нежеланіе разставаться съ тѣмъ удивительнымъ чувствомъ защиты, которое скорѣе внушило бы одно только обладаніе деньгами, чѣмъ расходованіе ихъ. Если мы прибавимъ чувство превосходства надъ другими, присоединяющееся къ обладанію и *возможному* употребленію денегъ, и далѣе, ростъ извѣстнаго вида страсти къ тому, что долго занимало энергію и давало предвкушать наслажденіе, мы поймемъ процессъ превращенія средствъ въ конечную цѣль. Мы должны также взять въ разсчетъ, въ случаѣ съ деньгами, ихъ опредѣленный и нумерическій характеръ, дающій прелесть математическому уму и дѣлающій владѣльца способнымъ образовать точную оцѣнку своихъ доходовъ и итога.

Подобныя же замѣтки приложимы и къ другимъ ассоцированнымъ цѣлямъ. Здоровье само по себѣ ничто; оно составляетъ обширную часть средствъ, ведущихъ къ счастію. До этого предѣла, а не далѣе, разсудительный умъ долженъ домогаться его; мы только проиграли бы, если бы, ища здоровья, пропустили вещи, которыя дѣлаютъ жизнь пріятною. Преобладающее заблужденіе составляетъ, однако, другой путь. Способность, удерживающая страданія и непріятности плохого здоровья и лишаемыя ими наслажденія, не достаточно сильна въ массѣ людей;—и нуждается въ усиленіи ея напоминаніемъ и рефлексіею.

Подобно деньгамъ, знаніе склонно сдѣлаться цѣлію само по себѣ. Цѣнное, главнымъ образомъ, какъ руководство въ различныхъ дѣятельностяхъ жизни, какъ удаляющее самыя преткновенія и ужасы невѣжества, оно принимаетъ въ нѣкоторыхъ умахъ независимую прелесть и сосредоточиваетъ около себя такъ много пріятныхъ ассоціацій, что дѣлается удовлетворительною цѣлію стремленія. Знаніе многихъ языковъ представляетъ громадный трудъ и помѣху; но сознаніе цѣли, которой оно должно служить, даетъ ему цѣну, которую нѣкоторые умы чувствуютъ въ высокой степени.

Формальности закона, торговли и науки неизбѣжны какъ средства, но не имѣютъ цѣны въ качествѣ цѣлей. Не рѣдко лица до такой степени воспламеняются любовію къ нимъ, что жертвуютъ въ пользу ихъ дѣйствительными цѣлями. Объясненіе этого явленія почти то же самое, которое уже дано относительно любви къ деньгамъ.

Справедливость и истина признаются вообще цѣлями сами по себѣ; но, когда мы изслѣдуемъ болѣе подробно ихъ свойства, мы находимъ, что ихъ важность достаточно оправдывается ихъ служеніемъ для другихъ цѣлей. Если бы справедливость была совершенно безразлична для человѣческаго счастія, ни одна нація не держала бы судей и судовъ,

и если бы истина не оказывала больше услугъ, чѣмъ ложь, то наука была бы неизвѣстна. Но, такъ какъ оба эти качества переплетены съ человѣческимъ благополучіемъ на каждомъ шагу, такъ какъ невозможно человѣческому роду существовать внѣ какого либо къ нимъ отношенія, то мы не можемъ удивляться, что онѣ привлекаютъ наше вниманіе и что мы чувствуемъ живое удовлетвореніе, созерцая ихъ торжество. Эмоція ужаса сильно, можетъ быть даже въ преувеличенной степени, увлекаетъ насъ къ безопасности, доставляемой справедливостью, среди другихъ хорошихъ соціальныхъ порядковъ; и мы иногда хватаемся только за фикцію, такъ какъ она нѣкогда представляла этотъ великій аттрибутъ.

4. Мотивы воли направляются и подчиняются устойчивости идей.

Уже не однократно былъ дѣлаемъ намекъ на интеллектуальное качество ощущеній и чувствованій, благодаря которымъ они упрочиваются въ душѣ и даютъ устойчивость идеямъ и предметамъ, имѣющимъ къ нимъ отношеніе. Сообразно степени возбужденія и безотносительно къ его *качеству*—какъ удовольствіе, страданіе или нейтральное чувствованіе—бываетъ и сила, съ какою оно занимаетъ сознаніе и участвуетъ въ соединенныхъ съ нимъ мысляхъ. Зародышъ этого свойства видѣнъ въ возбужденіи чувствъ, въ особенности—зрѣнія, когда мы не произвольно фиксируемъ свѣтъ, хотя онъ и причиняетъ своею интенсивностью даже страданіе. Ослѣпленіе ночной бабочки (при налетаніи на огонь) представляетъ замѣчательный примѣръ силы ощущенія, способнаго задерживать и контролировать движенія; ибо, хотя отдаленное пламя не можетъ своею интенсивностью причинить страданіе, однако опаленное тѣло должно нейтрализировать нѣкоторое удовольствіе, которое свѣтъ можетъ доставить.

Пріятное чувствованіе, кромѣ того, что движетъ волю, задерживаетъ еще мысли, не просто какъ удовольствіе, но какъ возбужденіе. Это было бы вполнѣ вѣрно, если бы каждое такое состояніе было чисто и только пріятно. Но, изслѣдовавъ поближе наши самыя лучшія удовольствія, мы находимъ, что во всѣхъ ихъ, болѣе или менѣе, доли чистаго наслажденія смѣшаны съ нѣкоторымъ количествомъ простого возбужденія. Какое либо сильное удовольствіе несомнѣнно оставляетъ за собою продолжительное состояніе нейтральнаго чувствованія, тогда какъ пріятная часть волны утиха-

етъ задолго до прекращенія общаго колебанія. Но вмѣстѣ съ возбужденіемъ существуетъ задержка и завладѣніе умомъ и исключеніе несродныхъ предметовъ и идей. Съ пріятною диковинкою соединяется нѣкоторый взрывъ безыскуственнаго удовольствія и болѣе широкое и болѣе продолжительное состояніе возбужденія.

Отсюда, наши пріятныя эмоціи всѣ склонны излишне задерживать умъ въ отношеніи нашего собственнаго удовлетворенія. Такъ удовольствія нѣжной эмоціи, если они слишкомъ сильны, охватываются еще болѣе сильнымъ возбужденіемъ, и предметы нашей страсти могутъ упрочиться въ душѣ въ степени большей того удовольствія, которое они доставляютъ намъ, хотя и въ нѣкоторомъ соотношеніи съ этимъ удовольствіемъ. Душа матери объемлется и сдерживается частію сильными удовольствіями материнства и частію „idea fixa“, сопровождающею еще большее количество возбужденія, чѣмъ то, которое она испытываетъ. Въ половомъ чувствѣ существуетъ подобное смѣшеніе удовольствія и „idea fixa“, дѣлающее разсудокъ неспособнымъ оцѣнивать удовольствіе и страданіе, ведущее къ состоянію, называемому „страстію“ (passion). Удовольствія власти и честолюбія склонны къ тому же самому воспламеняющему и страстному смѣшенію. Извѣстная личность можетъ быть весьма воспріимчивою къ наслажденію силой, но не страстною, если она тронута только точною цѣною этого удовольствія, а не подавляющей силой возбужденія, столь способнаго объять какое либо дѣйствительное удовольствіе. Удовлетвореніе мести есть дѣйствительное удовольствіе, но соединившееся съ нимъ возбужденіе есть нѣчто болѣе сильное; *идея* мести такъ сильно овладѣваетъ умомъ, что, для выполненія ея, мы жертвуемъ болѣе, чѣмъ стоимостью удовольствія, происходящаго отъ нея. Особенно въ этой страсти наше счастіе состояло бы въ забвеніи всѣхъ обстоятельствъ; но при возбужденіи уравновѣшиваніе добра и зла невозможно. Мы должны выполнить какое-бы то ни было намѣреніе, которое занимаетъ умъ въ этотъ моментъ, въ пылу чувствованія.

Дѣйствіе это видно еще рельефнѣе на непріятныхъ чувствованіяхъ. Какъ уже замѣчено, надлежащее дѣйствіе воли, имѣющее отношеніе къ нашему высочайшему благу, удалило бы мысль объ отвращеніи, ударѣ, или раздорѣ; но происшедшее возбужденіе есть сила, удерживающая непріятный предметъ. Мы часто посягаемъ на жизнь вслѣдствіе сильнаго и непріятнаго толчка, упорно держащагося въ памяти въ силу его интенсивности.

Самый крайній примѣръ неразумнаго и болѣзненнаго упорства

доставляетъ страхъ. Этой страсти свойственно завладѣть вполнѣ разсудкомъ; всякая вещь, которая когда либо причиняла волненіе страха, пріобрѣла необыкновенную устойчивость, которая сбиваетъ съ толку и парализуетъ дѣятельность воли. Самыя высокія наши удовольствія склонны повергнуть насъ въ страхъ; пріятныя эмоціи, выше поименованныя, какъ напримѣръ, материнское чувство, имѣютъ моменты серьезнаго безпокойства и продолжительныя состоянія, причиняющія заботу.

Раціональное преслѣдованіе цѣлей подвержено, такимъ образомъ, многимъ преградамъ. Несовершенная память удовольствій и страданій, стремленіе замѣнить цѣли средствами, ненадлежащая устойчивость предметовъ вслѣдствіе эмоціи—все это противъ насъ. Къ этимъ обстоятельствамъ мы должны присоединить нѣкоторыя другія. Во первыхъ, наша недостаточная опытность въ добрѣ и злѣ, особенно въ ранніе годы, дѣлаетъ насъ неспособными судить о сравнительной цѣнности различныхъ предметовъ преслѣдованія; юношеское пристрастіе къ влеченію въ пользу того или другого должно необходимо основываться на весьма неточной оцѣнкѣ. Во вторыхъ, многіе роды добра и зла только *вѣроятны* въ ихъ наступленіи, таково достиженіе должности, успѣха въ предпріятіи, здоровье или нездоровье. Это вводитъ совершенно новое соображеніе, осложняющее дѣятельность нашихъ мотивовъ. *Прекрасный идеалъ* разумности состоитъ въ преслѣдованіи всѣхъ предметовъ въ отношеніи вѣроятности ихъ достиженія, но вѣроятность подвержена противоположнымъ оцѣнкамъ надежды и страха,—состояній, которыя управляются частію умомъ, частію чувствованіями.

Наконецъ, наши привычки часто противоположны раціональной оцѣнкѣ добра и зла. Не только то, что мы называемъ дурными привычками, которыя суть ирраціональные импульсы, укрѣпленные повтореніемъ, но и поведеніе, сперва хорошо приспособленное къ нашимъ интересамъ, можетъ, вслѣдствіе перемѣны обстоятельствъ, дѣйствовать противъ нашего счастія вообще; точно такъ же законы, первоначально хорошіе, могутъ продолжать дѣйствовать и послѣ того, какъ сдѣлались вредными. Привычка сбереженія можетъ лишить насъ въ старости существенныхъ удобствъ; привычка почтенія къ другимъ можетъ оказаться враждебною нашему довольству, когда мы получаемъ положеніе, дающее возможность проявлять власть.

Эти различныя соображенія особенно важны въ предуготовленіи пути для великаго нравственнаго вопроса относительно существованія *безкорыстныхъ* мотивовъ въ человѣческомъ духѣ.

ГЛАВА V.

Борьба мотивовъ.

1. Когда встрѣчаются два удовольствія, результатомъ бываетъ большее удовольствіе; когда удовольствія встрѣчается со страданіемъ, большее нейтрализуетъ меньшее, оставляя излишекъ.

Встрѣчающіяся удовольствія и страданія, просто какъ эмоціи, нейтрализуютъ другъ друга; и этимъ путемъ страданіе часто бываетъ подавляемо, прежде чѣмъ выступить въ качествѣ мотива для воли. Достиженіе облегчающаго удовольствія зависитъ отъ извѣстнаго обращенія съ страданіемъ, что представляетъ средство не менѣе дѣйствительное, чѣмъ удаленіе причины произвольными усиліями. Въ одномъ классѣ умовъ, житейскія страданія встрѣчаются при нѣжности, печали, горести, симпатіи, въ словесномъ описаніи ихъ и въ другихъ эмоціональныхъ проявленіяхъ, и не по мѣрѣ препятствія или искорененія. Такіе умы глубоко эмоціональны и находятся въ замѣчательномъ контрастѣ съ другимъ классомъ, активнымъ или волевымъ, особенность котораго состоитъ въ активныхъ стараніяхъ пресѣчь источники зла.

2. Природная самопроизвольность системы можетъ вступить въ борьбу съ собственными мотивами воли.

Самопроизвольность представляетъ нѣкоторую силу во всю жизнь. Время возобновленной энергіи, послѣ отдыха и пищи, есть время, когда система расположена къ активному усилію; если же оно задерживается, то происходитъ борьба. Молодой организмъ, будучи болѣе всего дѣятельнымъ, постоянно раздражается въ эти моменты, если не бываетъ удерживаемъ весьма сильными мотивами. Это одинъ изъ импульсовъ, которые требуютъ строгой дисциплины въ формѣ сильныхъ контръ-мотивовъ. Сила самопроизвольности и сила контръ-мотивовъ соразмѣрены другъ противъ друга и мы называемъ наиболѣе энергичною ту, которая беретъ верхъ, не имѣя никакого другого критерія сранительной крѣпости.

Когда активность чрезмѣрно возбуждена лекарствами, острыми ощущеніями, или быстрыми движеніями, то сила бываетъ гораздо больше и нуждается въ большемъ мотивѣ, чтобы обуздать ее. Мы видимъ это въ постоянномъ движеніи дѣтей во время ихъ бурныхъ игръ; природная активность возвышается благодаря возбужденію и дѣ-

лается болѣе сильною для сопротивленія; покой—вдвойнѣ противенъ.

Періодическая тенденція къ дѣйствію, результатъ привычки, дѣйствовала бы тѣмъ же путемъ; такъ какъ она находится иногда въ оппозиціи съ другими мотивами, то бываетъ борьба, и побѣдившая сторона называется сильнѣйшею.

3. Истощеніе и природная бездѣятельность силъ служитъ преградой вліянію мотивовъ.

Это—тотъ же самый фактъ, только—съ обратной стороны. Когда система истощена и физически нерасположена,—когда ея самопроизвольность и полезная энергія исчезли,—требуется болѣе чѣмъ обычный мотивъ, чтобы вызвать ее къ дѣятельности. Надорванная лошадь нуждается въ пришпориваніи. Истощенный горный проводникъ можетъ быть побуждаемъ идти впередъ только обѣщаніемъ чрезвычайной платы. Наполеонъ перевелъ своихъ солдатъ черезъ Альпы, развеселяя ихъ барабаннымъ боемъ, когда ни что другое не помогало.

4. Въ борьбѣ двухъ противоположныхъ хотѣній, въ собственномъ смыслѣ, мы можемъ разсмотрѣть прежде всего случай двухъ дѣйствительныхъ мотивовъ.

Два дѣйствительныя страданія или удовольствія иногда побуждаютъ къ противоположнымъ дѣйствіямъ. Извѣстное животное можетъ быть утомлено, а также и голодно; одно состояніе побуждаетъ къ покою, другое—дѣйствію. Мы судимъ о сильнѣйшемъ мотивѣ по результату. Извѣстная личность можетъ чувствовать страданіе отъ заключенія въ комнатѣ, но можетъ отклонить непріятную перемѣну холоднаго и сыраго. Въ обществѣ насъ можетъ волновать спектакль, музыка, разговоръ; кто либо сберегаетъ день, и это считаетъ высшимъ удовольствіемъ или, по крайней мѣрѣ, сильнѣйшимъ мотивомъ.

Человѣкъ можетъ продолжать безъ всякой цѣли поднимать эту борьбу дѣйствительныхъ ощущеній или эмоцій, прилагая однообразное заключеніе, что результатъ есть критеріумъ сильнѣйшаго мотива. Заключеніе, вытекающее изъ каждаго наблюденія такого рода, состоитъ въ фактѣ наблюдаемомъ на характерѣ человѣка или животнаго; мы открываемъ предпочтеніе или сравнительную воспріимчивость личности, или того же самого лица въ различныя времена.

Мы должны признать, вслѣдствіе отсутствія какихъ либо указаній противоположнаго рода, что сильнѣйшимъ мотивомъ въ формѣ дѣйствительнаго и наличнаго ощущенія или эмоціи служитъ большее

удовольствіе или меньшее страданіе. Удовольствіе и страданіе, въ дѣйствительномъ или реальномъ опытѣ, должны считаться тожественными съ движущею силою. Если какой либо человѣкъ привлекается и задерживается музыкой, мы должны предположить, что она нравится ему до такой степени. Возмущенія и ненормальности воли едва начинають сказываться въ дѣйствительномъ ощущеніи. Кто либо, переходящій прямо черезъ улицу по грязнымъ лужамъ, безъ сомнѣнія испытываетъ меньшее страданіе отъ того, что былъ обрызганъ, чѣмъ отъ замедленія.

Эта замѣтка важна въ томъ отношеніи, что снабжаетъ насъ ключемъ къ удовольствіямъ и страданіямъ другихъ существъ. Произвольное предпочтеніе личности, когда сравниваются два дѣйствительныя удовольствія и страданія, показываетъ, которое изъ нихъ больше въ данномъ случаѣ. Предметъ, который нисколько не побуждаетъ волю стремиться къ нему, долженъ быть считаемъ такимъ, который не доставляетъ никакого удовольствія; если, съ другой стороны, онъ никогда не внушаетъ отвращеніе или не побуждаетъ избѣгать его, то онъ не служитъ источникомъ страданія. Удовольствія и страданія людей и животныхъ указываются со значительною вѣрностію ихъ произвольнымъ поведеніемъ, особенно, когда сравненіе дѣлается на основаніи наличнаго или дѣйствительнаго опыта. Мы имѣемъ весьма немного средствъ судить объ ощущеніяхъ низшихъ животныхъ; они имѣютъ только ограниченный рядъ эмоціональнаго выраженія мы принуждены бываемъ изучать ихъ дѣйствія при преслѣдованіи и или избѣжаніи. Мы можемъ видѣть, что собака наслаждается ѣдой и избѣгаетъ сѣченія. Чѣмъ ниже мы спускаемся, тѣмъ болѣе мы теряемъ критерій эмоціональнаго выраженія и разсчитываемъ на предпочтеніе дѣйствія. Но даже въ этомъ критеріѣ можетъ быть извѣстная двусмысленность; вліяніе свѣта, напримѣръ, доходитъ до степени очарованія, подобное же можетъ быть и съ другими ощущеніями. Вѣроятно, это исключительный случай, но во всякомъ случаѣ, если свидѣтельство воли слабо, мы, кромѣ ея, ни къ чему не можемъ обращаться.

Мы имѣемъ нѣкоторыя благопріятныя обстоятельства, которыми можемъ воспользоваться при приложеніи воли, какъ критерія силы ощущенія. Если бы мы наблюдали вліяніе мотива въ самыхъ разнообразныхъ состояніяхъ, какъ бодрости, покоя, питанія, то этимъ исключилось бы различіе въ активныхъ органахъ. Если бы мы сравнивали каждый мотивъ съ другимъ и, такимъ образомъ, скрѣпляли бы свою оцѣнку побочными сопоставленіями, то этимъ путемъ мы

могли бы установить для каждаго индивида скалу предпочтеній и получить возможность распознавать эмоціональный характеръ.

Сравненіе одной личности съ другою требуетъ оцѣнки активнаго расположенія въ цѣломъ, или наклонности къ активному усилію вообще. Объ этомъ можно заключать, судя по самопроизвольности, расположенію дѣйствовать ради дѣйствія и всѣмъ случаямъ, гдѣ мы имѣемъ независимый ключъ къ силѣ мотива, какъ удовольствіе или страданіе. Двѣ личности могутъ одинаково страдать отъ острой боли; между тѣмъ какъ одна приходитъ въ движеніе, направленное къ облегченію, другая остается въ покоѣ. Если мы исключимъ бо́льшую наклонность въ нѣкоторыхъ органахъ, чѣмъ въ другихъ, какъ обиліе въ словахъ, соединенное съ общею вялостью, то оказывается, что активное расположеніе есть отдѣльный фактъ, извѣстное единство или цѣлость; ощущенія бываютъ многочисленны и неравны. Это опредѣленіе и есть то, которое представляетъ характеръ хотѣнія въ цѣломъ; оцѣнки мотивовъ столь же многочисленны, какъ и наши особыя чувствительности.

5. Когда происходитъ борьба между дѣйствительнымъ и идеальнымъ, результатъ зависитъ отъ болѣе и менѣе живаго воспоминанія удовольствія и страданія.

Это положеніе открываетъ болѣе обширную сферу борьбы. Наши произвольныя рѣшенія весьма часто суть предпочтеніе дѣйствительнаго ощущенія и чувствованія идеальному, или наоборотъ. Мы отказываемся отъ пріятной вкусности, потому что она оставляетъ за собою въ нашей памяти органическія страданія. Идеальный мотивъ обязанъ своей силой не единственно только интенсивности одного первоначальнаго ощущенія, но и связаннымъ съ нимъ обстоятельствамъ, стремящимся упрочить его въ памяти. Юноша, равно какъ и старикъ, могутъ одинаково испытывать страданіе отъ излишка алкоголя, но старикъ имѣетъ самое лучшее воспоминаніе о страданіи, между тѣмъ какъ юноша испытываетъ обратную сторону настоящаго остраго наслажденія. Однако, когда естественное дарованіе благопріятствуетъ удерживанію страданія и удовольствія, мы найдемъ юность умѣренною, а старость жертвой настоящаго обольщенія. Въ этомъ разрядѣ примѣровъ условія различны и часто спутаны. Возьмемъ, напримѣръ, вора по профессіи, будущность котораго—безславіе и уголовное наказаніе. Существуютъ слѣдующія альтернативы въ объясненіи его выбора. Особенностями его ума можно считать обычную любовь къ обычнымъ жизненнымъ наслажденіямъ, отвращеніе къ труду, узкую идеальную оцѣнку еще неиспытанныхъ страданій

отъ наказанія и, можетъ быть, также сангвинической темпераментъ, который уменьшаетъ вѣроятность поимки. Предположимъ, что онъ испытываетъ первое заключеніе въ тюрьмѣ. Теперь введенъ новый и могущественный мотивъ—идеальное отвращеніе, которое должно было бы имѣть великую силу, когда ему объявлено наказаніе. Если бы онъ не былъ исправленъ этимъ опытомъ, мы должны предположить мотивы уже доведенные до высшей степени. Мы должны также предположить,—что вѣроятно справедливо относительно класса уголовныхъ преступниковъ,—слабую память добра и зла—аналитическое выраженіе неблагоразумія; это, можетъ быть, самый радикально неизлечимый изъ всѣхъ природныхъ недостатковъ.

Теорія тюремной дисциплины основывается на слѣдующихъ соображеніяхъ. Въ кратковременныхъ заключеніяхъ страданія должны быть остры, чтобы врѣзаться въ памяти и породить интенсивное отвращеніе. Потеря свободы, уединеніе и разлученіе, регулярная работа и невозбудительная пища могутъ быть перенесены въ краткій періодъ, если чувство обиды и стыда темничнаго заключенія не велико. Кратковременное заключеніе есть мягкое исправительное средство, соотвѣтствующее первому проступку; при его недѣйствительности требуется усиленіе строгости. Нужно прибѣгнуть къ острымъ наказаніямъ, преимущественно сѣченію и мускульнымъ страданіямъ. Мускульныя страданія предписываются въ различныхъ формахъ; какъ напирающее колесо, мотыль, коловоротъ, метательное сверло и недавно изобрѣтенное орудіе наказанія, введенное въ шотландскихъ тюрьмахъ и, какъ говорятъ, весьма страшное—охранительное ложе. Съ цѣлію увеличить впечатлѣніе, производимое этими орудіями, ихъ не должно употреблять ежедневно, но черезъ нѣсколько дней; такъ какъ умъ имѣетъ въ промежуткѣ досугъ разсмотрѣть одинаково прошедшее и будущее, между тѣмъ какъ тѣло освѣжается для новаго наказанія.

Продолжительное заключеніе и уголовное наказаніе устрашаетъ, главнымъ образомъ, лишеніемъ свободы, къ которому присоединяются еще удаленіе субъекта отъ возможности преступленія и пріученіе къ трудовой жизни. Можетъ быть, недостатокъ системы состоитъ въ слишкомъ однообразномъ теченіи жизни, которая не производитъ сильнаго впечатлѣнія на воображеніе развращеннаго класса. Случайныя острыя наказанія весьма усилили бы спасительный страхъ этого положенія и должны бы быть прилагаемы къ закоренѣлымъ преступникамъ. Годичное или полугодичное лишеніе праздниковъ для осужденнаго усилило бы ужасъ и мракъ его уединенныхъ

размышленій и могло бы оказать большее вліяніе на умы новичковъ по преступленію.

6. Посредствующія цѣли—деньги, здоровье, знаніе, сила, общество, справедливость и проч.—вступаютъ въ качествѣ мотивовъ въ борьбу съ конечными цѣлями, дѣйствительными или идеальными, и другъ съ другомъ.

Мы видѣли какія обстоятельства управляютъ движущей силой посредствующихъ цѣлей; значеніе конечныхъ удовольствій и страданій есть единственная, хотя въ собственномъ смыслѣ раціональная оцѣнка ихъ достоинства. Эти цѣли всѣ имѣютъ извѣстную движущую силу въ каждомъ развитомъ умѣ, иногда слишкомъ малую, а иногда слишкомъ великую. Когда настоящее удобство и удовлетворенность сопоставляются съ будущимъ богатствомъ или знаніемъ, или положеніемъ, мы видимъ которое изъ нихъ сильнѣе. Сильное влеченіе къ дѣйствительному удобству и удовольствію; сильное отвращеніе къ добыванію денегъ; слабая память удовольствій, которыя могутъ доставить деньги, или страданій, которыя онѣ могутъ облегчить; отсутствіе случаевъ страха и безпокойства въ связи съ нищетою; отсутствіе страстнаго интереса, соединеннаго съ богатствомъ, вслѣдствіе погони за нимъ—составили бы характеръ, слишкомъ мало безпокоимый пріобрѣтеніемъ матерьяльнаго счастія, тогда какъ обратное состояніе мотивовъ могло бы повести къ излишней погонѣ.

Существуетъ правило, легко объяснимое на основаніи изложенныхъ принциповъ, что посредствующія цѣли,—богатство, здоровье, знаніе, и проч., слишкомъ слабы въ ранней жизни, тогда какъ, съ теченіемъ времени, онѣ становятся слишкомъ сильными и въ дѣйствительности превосходящими конечныя цѣли. Одна причина этого послѣдняго дѣйствія есть то обстоятельство, что конечныя удовольствія чувства считаются меньшими въ позднѣйшей жизни, между тѣмъ какъ идеальныя наслажденія, первичныя или пріобрѣтенныя считаются большими; деньги и знаніе, пріобрѣтшія искусственный интересъ идеальнаго характера, все еще служатъ предметомъ домогательства ради этого интереса, послѣ того какъ первичные интересы прекратились и тѣмъ болѣе, что активное преслѣдованіе ихъ вошло въ привычку и сдѣлалось необходимостью.

7. Постоянство идей, черезъ эмоціональное возбужденіе, входитъ въ борьбу мотивовъ и составляетъ классъ страстныхъ или преувеличныхъ цѣлей.

Необычное постоянство идей сильнѣе всего подтверждается на чувствѣ страха. Какое либо пагубное послѣдствіе, которое способно взволновать насъ, пріобрѣтаетъ чрезвычайное упорство положенія и перевѣшиваетъ въ борьбѣ мотивовъ. Это, какъ указано, составляетъ одно изъ преувеличивающихъ свойствъ скупости. Такъ, воспріимчивая душа, бывъ свидѣтелемъ революцій, страшится анархіи и чуждается всякой перемѣны. Забота о здоровьѣ можетъ принять характеръ болѣзненной „idea fixa", ограничивая свободу и наслажденіе до абсурдной степени. Опасенія, вытекающія изъ материнскаго чувства способны быть преувеличиваемыми.

Тщеславіе, достоинство, любовь къ власти часто встрѣчаются въ слабыхъ душахъ въ страстной формѣ. Крайній случай „idea fixa" вообще и болѣзненнаго преобладанія этихъ идей въ частности встрѣчается въ сумашедшихъ.

Симпатія, въ ея чистомъ и коренномъ характерѣ, есть обладаніе идеей, происшедшее независимо отъ удовольствія или страданія, хотя эти послѣднія болѣе или менѣе связываются съ ея обычнымъ упражненіемъ. Въ борьбѣ мотивовъ этотъ принципъ дѣйствія играетъ значительную роль; преобладаніе ея есть первый мотивъ къ добродѣтельному поведенію. Она существуетъ благодаря живой перцепціи страданія или несчастія другихъ, перцепціи, болѣе или менѣе острой по природѣ или по воспитанію и способной быть воспламеняемой краснорѣчіемъ. Симпатіи индивидовъ, обыкновенно, бываютъ частны или избранны; могущественны по отношенію къ нѣкоторымъ видамъ несчастія и бездѣятельны въ отношеніи другихъ. Столкновенія симпатіи бываютъ съ чисто эгоистическими удовольствіями каждаго индивида; эти послѣднія, когда они неестественно сильны, какъ въ дѣтяхъ, неодинаково встрѣчаются симпатическими импульсами.

ГЛАВА VI.

Соображеніе. Рѣшимость. Усиліе.

1. Въ продолжительномъ взвѣшиваніи мотивовъ, называемомъ *соображеніемъ*, нерѣшимость есть произвольный актъ, вызванный припомнившимися страданіями отъ слишкомъ быстраго дѣйствія.

Между нашими опытами, причиняющими страданіе существуетъ пагубное послѣдствіе быстраго дѣйствія по первому возникшему мотиву. На ранней ступени воспитанія мы удовлетворяемъ голодъ всѣмъ, что только кажется похожимъ на пищу; мы не отказываемъ каждому, кто насъ проситъ и вѣримъ всему, чтобы намъ ни говорили. Послѣ нѣкотораго времени мы открываемъ, что пользованіе такими импульсами бываетъ часто вредно; что въ нашей душѣ могутъ возникнуть другіе мотивы, могущіе измѣнить наше поведеніе, если мы удержимся отъ непосредственнаго дѣйствія и дадимъ уму время внушить ихъ. Такъ создается грозный мотивъ посредствующаго класса, и, подъ его вліяніемъ, мы впадаемъ въ состояніе, называемое соображеніемъ, которое состоитъ въ остановкѣ, ожиданіи, обдумываніи, пока возникнутъ предъ взоромъ другія мысли и будутъ сопоставлены другъ съ другомъ и съ первымъ импульсомъ.

Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ борьбу между нѣкоторымъ присутствующимъ импульсомъ, нѣкоторымъ удовольствіемъ или страданіемъ, дѣйствительнымъ или идеальнымъ, которыя возникли въ сознаніи, и высоко интеллектуальнымъ или идеальнымъ страданіемъ, созданнымъ прежнимъ опытомъ страданій вслѣдствіе того, что непосредственно былъ данъ доступъ движущему импульсу. Воспитаніе создаетъ импульсъ соображенія, возрастающій съ повторенными примѣрами несчастія и, наконецъ, оказывающійся побѣдителемъ въ всякой борьбѣ съ поспѣшными влеченіями.

Тотъ же самый опытъ, производящій замедленіе, давая время для возникновенія всѣхъ мотивовъ, побуждаетъ насъ не оставаться слишкомъ долго въ нерѣшимости. Мы знаемъ, какая сумма обдумыванія, обыкновенно, бываетъ достаточна для вызова обѣихъ сторонъ извѣстнаго случая: допустить больше и допустить меньше вредно, и мысль о возможномъ вредѣ отвращаетъ насъ отъ того и другого. Большая часть людей откладываетъ отвѣтъ на важное письмо, по крайней мѣрѣ, на одинъ день; извѣстное дѣло можетъ быть на столько сложно, что потребуетъ еще больше времени; а когда это время прошло, пагубныя слѣдствія отлагательства рѣшенія выступаютъ въ полной силѣ; дѣйствіе тогда послѣдуетъ съ той стороны, гдѣ сила импульса беретъ перевѣсъ.

Другой источникъ зла представляетъ чрезвычайная впечатлительность мотива, возникшаго напослѣдокъ. Всякое соображеніе, представляющееся душѣ, сильнѣе всего въ тотъ моментъ, когда оно впервые представилось; если мы начнемъ дѣйствіе въ этотъ моментъ, то мы способны придавать слишкомъ много значенія но-

вому соображенію и слишкомъ мало прежнему. Зная по опыту объ этой опасности, мы сдерживаемся, пока каждый мотивъ, такъ сказать, не остынетъ отъ перваго пыла и пока всѣ они не придутъ въ почти одинаковое положеніе. Въ той мѣрѣ, въ какой мы научены опытомъ въ этомъ злѣ, мы побуждаемся имъ, какъ грознымъ мотивомъ, къ произвольной нерѣшительности. Внезапная мысль, блеснувшая въ сознаніи получаетъ опасное преобладаніе дѣйствительнаго удовольствія или страданія; мы, однако, изучили непріятныя послѣдствія вытекающія отсюда; и, если наша память о вредѣ адэкватна и точна, мы сдерживаемъ ошибочную дѣятельность, къ которой устремлялись.

Когда противоположные мотивы многочисленны, то это обстоятельство представляетъ даже для самого хладнокровнаго человѣка дѣйствительную трудность, чтобы оцѣнить ихъ правильно. Въ такомъ случаѣ Франклинъ, въ одномъ письмѣ къ Пристли, рекомендуетъ, какъ искуственное пособіе, запись мотивовъ на двухъ столбцахъ, чтобы имѣть возможность взвѣшивать ихъ отдѣльно. Если одинъ мотивъ на одной сторонѣ оказывается почти равнымъ одному или двумъ на другой сторонѣ, то они должны быть зачеркнуты, что до нѣкоторой степени уменьшаетъ запутанность. Повтореніе этого нейтрализующаго и уничтожающаго процесса сокращаетъ наконецъ противоположныя стороны настолько, что сравненіе становится надежнымъ и легкимъ.

Другая искуственная предосторожность, имѣющая нѣкоторое значеніе при обдумываніи сложнаго дѣла состоитъ въ томъ, чтобы оставить обдумываніе открытымъ на нѣкоторое время, хотя на мѣсяцъ, и записывать впечатлѣніе каждаго дня. Наконецъ, рѣшенія каждой стороны должны быть сложены и большинство рѣшеній, по всей вѣроятности, свидѣтельствовало бы о наиболѣе сильномъ изъ нихъ вообще. Промежутокъ времени далъ бы возможность обнаружиться всѣмъ возможнымъ для насъ соображеніямъ и имѣть свое значеніе, между тѣмъ какъ предметъ былъ бы разсматриваемъ при значительномъ разнообразіи обстоятельствъ и душевнаго настроенія.

Дальнѣйшая трудность, также представляющаяся человѣку опытному и мыслящему и вліяющая на процессъ обдумыванія, это — неспособность судить о неиспытанныхъ положеніяхъ. Все, что кто либо испыталъ, требуетъ только хорошаго припоминанія, но что абсолютно чуждо, требуетъ заботливой построительной операціи. Юноша, если чего и не знаетъ, послѣдующіе годы дадутъ ему это знаніе. Чувство неудачи есть побуждающее свой-

ство идеальнаго страданія, заставляющее принять предосторожности чрезъ распросы, обращенные къ другимъ, и прибѣганіе къ нашимъ собственнымъ опытамъ въ положеніяхъ болѣе всего аналогичныхъ. Выборъ профессіи, вступленіе въ товарищество, эмиграція въ другую страну, вступленіе въ бракъ—болѣе или менѣе случайны по своимъ послѣдствіямъ; но они менѣе случайны для такого индивида, который наученъ счастіемъ и несчастіемъ къ соображенію.

2. Процессъ соображенія согласенъ съ теоріей воли, изложенной въ предъидущихъ главахъ.

Въ соображеніи нѣтъ остановки для дѣйствія мотивовъ, но только присоединеніе новаго мотива,—идеальнаго зла отъ поспѣшнаго дѣйствія. Всякое удовольствіе или страданіе, касающееся извѣстнаго случая, имѣетъ свое полное значеніе въ согласіи съ обстоятельствами, уже описанными; и дѣйствіе всегда есть точный результатъ всей суммы мотивовъ.

Предполагаютъ, что въ положеніи обдумыванія мы пользуемся таинственной силой, называемой „свободой воли", „свободнымъ выборомъ", „нравственной свободой". Единственный дѣйствительный фактъ, лежащій въ основаніи этихъ выраженій это обстоятельство, что мы рѣдко выходимъ изъ наличнаго мотива. Извѣстное лицо можетъ чувствовать голодъ, но можетъ не слѣдовать побужденію тотчасъ. Всякое человѣческое существо имѣетъ громадный резервъ, постоянный запасъ движущей силы, что составляетъ цѣли жизни, взятыя въ цѣломъ; имѣетъ цѣлое, оперирующее совмѣстно съ каждымъ дѣйствительнымъ возбужденіемъ и уничтожающее множество проходящихъ передъ сознаніемъ мотивовъ. О хранилищѣ идеальныхъ цѣлей иногда говорятъ также, какъ о „самости" или „я" индивида, великомъ контролирующемъ принципѣ; когда „я" имѣетъ полный ходъ, мы говоримъ, что мы „свободны"; когда же оно сбито съ толку нѣкоторымъ временнымъ импульсомъ, мы говоримъ, что мы „порабощены". И хотя соображеніе имѣетъ цѣлію подчинить насъ нашимъ интересамъ вообще, однако оно не побуждаетъ насъ этимъ самымъ дѣйствовать внѣ мотива. Здѣсь нѣтъ никакого вмѣшивающагося существа, обусловливающаго дѣйствіе мотива; мотивъ можетъ быть задержанъ, но только властію сильнѣйшаго мотива.

Въ метафизической теоріи часто признается за доказанное, что соображеніе или выборъ, есть типъ, образъ или существенный признакъ воли. Но это не такъ. Самый общій и существенный аттри-

буть воли это—непосредственное дѣйствіе по извѣстному мотиву, какъ напримѣръ, когда кто ищетъ убѣжища отъ проливнаго дождя; остановка и обдумываніе т. е. колебаніе въ дѣйствіи, пока интеллектуальный процессъ не вызоветъ идеальныхъ мотивовъ, которые могли бы бороться съ дѣйствительными и измѣнить результатъ, составляютъ исключеніе, хотя и нерѣдкое.

3. Когда дѣйствіе, внушенное мотивомъ, или стеченіемъ мотивовъ, не можетъ непосредственно начаться, промежуточное положеніе называется *рѣшеніемъ*.

Кромѣ колебанія при обсужденіи, необходимаго для избѣжанія извѣстныхъ золъ вслѣдствіе необдуманнаго хотѣнія, можетъ быть еще дальнѣйшая остановка дѣйствія. Многія наши произвольныя рѣшенія полагаются раньше, чѣмъ наступило время для начала дѣйствія. Мы обдумываемъ сегодня, что должно быть сдѣлано завтра, или на будущей недѣлѣ, или въ будущемъ году. Требуется какое либо имя для того, чтобы обозначить то положеніе, когда обдумываніе прекратилось, а дѣйствіе не начинается. Мы называемъ его *рѣшимостью*. Если бы дѣйствіе слѣдовало вдругъ за мотивомъ, то не было бы ни обдумыванія, ни рѣшимости; если бы оно послѣдовало за такимъ адэкватнымъ сравненіемъ и взвѣшиваніемъ мотивовъ, которое, по опыту, оказывается достаточнымъ для предостереженія противъ поспѣшности, то не было бы никакой рѣшимости.

Называемое состояніе не есть, такимъ образомъ, состояніе абсолютнаго покоя или безразличія. Въ немъ есть дѣятельность непосредственно происшедшая, предшествующая дѣйствію въ собственномъ смыслѣ; положеніе ожиданія и подстереганія времени и обстоятельствъ, для того чтобы начать намѣченный путь. Здоровье и удовольствіе побуждаютъ насъ устроить праздничный день; мы знаемъ, что устремиться вдругъ подъ давленіемъ этихъ весьма сильныхъ мотивовъ значило бы причинить себѣ несчастіе. Мы колеблемся и соображаемъ; и послѣ того, какъ были собраны и выслушаны всѣ мотивы, результатъ оказывается въ пользу перваго внушенія. Промежутокъ, который все еще отдѣляетъ насъ отъ дѣйствительнаго движенія, есть промежутокъ рѣшенія или предварительнаго хотѣнія.

Въ состояніи рѣшимости мы подлежимъ перемѣнамъ мотива, побуждающаго оставить предпринятый путь. Мы, быть можетъ, при прекращеніи обдумыванія, не имѣли предъ собою мотивовъ сполна; мы могли не обратить достаточнаго вниманія на трудъ, противо-

дѣйствіе и неудобства, которыя мы могли бы встрѣтить,—на все, что впредь могло бы обнаружиться и уничтожить наше рѣшеніе. Отсюда, мы часто оставляемъ свои рѣшенія или прежде начала дѣйствія, или послѣ начала и встрѣчи съ дѣйствительными трудностями. Все это показываетъ только, что процессъ обдумыванія окончился слишкомъ поспѣшно. Нерѣшительность есть признакъ или недостатка соображенія, или ненадлежащей воспріимчивости къ наличному и дѣйствительному мотиву. Рѣшительный человѣкъ—тотъ, который, во первыхъ, обнаруживаетъ сильную сдержанность, сопровождающуюся пространнымъ обсужденіемъ, и, во вторыхъ, находится подъ властію неизмѣнныхъ или идеальныхъ мотивовъ, что называется непреклонностью намѣренія.

Мы составляемъ рѣшенія на всю нашу жизнь, которыя необходимо подвергаются риску быть нарушенными. Что мы отступаемся отъ такихъ рѣшеній, это происходитъ не только вслѣдствіе недостаточнаго обсужденія и нетвердости намѣренія, но и вслѣдствіе появленія новыхъ мотивовъ, болѣе глубокихъ свѣдѣній и измѣнившихся обстоятельствъ.

Изо дня въ день мы существуемъ подъ вліяніемъ множества рѣшеній. Незначительное число нашихъ дѣйствій есть или *pro re nata*, или результатъ поспѣшнаго обсужденія. Мы отправляемся каждое утро на свои „занятія", т. е. приводимъ въ дѣйствіе свои рѣшенія. Дитя импульса—тотъ, который не имѣетъ устойчивыхъ мотивовъ, воплощенныхъ въ его обязательствахъ или рѣшеніяхъ, но носится каждымъ вѣтромъ, подобно тому, какъ мальчикъ, посланный съ порученіемъ, увлекается игрой въ шарики.

По той же самой причинѣ, какъ выше разъяснено по отношенію къ обдумыванію, именно, по обычности факта, мы склонны разсматривать рѣшеніе не какъ случайный, но какъ существенный признакъ воли. Во обоихъ случаяхъ сущестуетъ *fallacia accidentis*, поставленіе случайнаго признака, какъ главнаго свойства вещи. Типическая воля ни обсуждаетъ, ни рѣшаетъ, но подвигается безпрерывно отъ мотива къ дѣйствію. Болѣе превосходный умъ высшихъ существъ вводитъ въ это первичное звено рядъ искусственной сдержанности, неисключающей общаго закона воли, но дополнящей его; сложныя формы такъ обычны и притомъ такъ рельефны и замѣтны, что мы наконецъ воображаемъ, что онѣ необходимы для дѣйствительнаго существованія—часть, если не цѣлая сущность, воли.

4. Если при сильномъ мотивѣ бываетъ слабость или неспособность дѣятельныхъ органовъ, мы имѣемъ особенное сознаніе, называемое *усиліемъ*.

Когда мы дѣлаемъ нѣкоторое напряженіе, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ цѣли, мы имѣемъ мускульное ощущеніе, которое пріятно или, иначе, не безразлично; въ томъ или другомъ случаѣ мы говоримъ, что актъ не стоитъ никакого усилія. По мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ предѣламъ нашей силы, ощущеніе постепенно доходитъ до страданія. Промежутокъ между легкимъ выполненіемъ и полною неспособностію замѣчается благодаря присутствію этого знакомаго опыта; чѣмъ больше страданіе, тѣмъ больше, говорятъ, усиліе. Такъ какъ всякое страданіе есть мотивъ, побуждающій прекратить какое бы то ни было причиняющее его дѣйствіе, мы не продолжали бы дѣйствія развѣ только подъ давленіемъ какого либо еще сильнѣйшаго мотива. Въ такихъ случаяхъ необходимъ усиливающій стимулъ, такъ какъ страданіе отъ дѣйствія усиливается. Состояніе усилія можетъ быть, поэтому, описано какъ мускульное страданіе, соединенное съ непріятностію вслѣдствіе борьбы мотивовъ. Въ случаѣ излишняго упражненія и продолжительныхъ судорогъ мы имѣемъ, кромѣ того, органическое страданіе мускуловъ.

5. Сознаніе усилія, подобно обдумыванію и рѣшимости, есть случайный, а не существенный признакъ воли.

Такова ужъ природа произвольнаго акта, что онъ сопровождается сознаніемъ. Чувствованіе, которое составляетъ мотивъ, есть одна форма, которой придается сознаніе активнаго напряженія, которое измѣняется съ положеніемъ органовъ, сравнительно съ предъявляемымъ спросомъ на нихъ; одинъ изъ его фазисовъ—состояніе усилія. Мы не имѣемъ большаго права включить въ сущность воли сознаніе усилія, чѣмъ то, которымъ мы можемъ распологать включая въ нее удовольствіе отъ упражненія, когда органы бодры *).

---

*) Признавали (Астрономія, Гершеля, гл. VIII), что сознаніе усилія, сопровождающее произвольное дѣйствіе есть доказательство того, что *душа* есть реальный источникъ силы и, по аналогіи, источникъ всѣхъ силъ природы—какъ тяготѣніе и всѣ другіе перводвижители. Это ученіе подлежитъ весьма сильнымъ возраженіямъ.

Во первыхъ, какъ теперь признано, сознаніе усилія не сопровождаетъ всѣ произвольныя дѣйствія, но только тотъ классъ, гдѣ активная сила не вполнѣ равна работѣ.

ГЛАВА VII.

Желаніе.

1. *Желаніе* есть состояніе души, гдѣ существуетъ мотивъ дѣйствовать—нѣкоторое удовольствіе или страданіе, дѣйствительное или идеальное, безъ способности дѣйствовать. Оно представляетъ, такимъ образомъ другое состояніе промежутка или нерѣшимости между мотивомъ и выполненіемъ.

Когда какое либо удовольствіе побуждаетъ насъ дѣйствовать ради его продолженія или усиленія, и когда мы вдругъ слѣдуемъ побужденію, то здѣсь нѣтъ мѣста желанію. Также бываетъ и со страданіемъ. Выходя на открытый воздухъ, мы встрѣчаемъ непріятный морозъ; мы возвращаемся назадъ и надѣваемъ лишнее платье; страданіе, при посредствѣ первичнаго стимула воли, руководимой нашими пріобрѣтенными склонностями, заставило прибѣгнуть къ противодѣйствующему средству. Во время нашей прогулки на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома, воздухъ вдругъ охладѣваетъ до точки озноба. Мы не имѣемъ при себѣ никакого противодѣйству-

---

Во вторыхъ, хотя нѣкотораго рода сознаніе и сопровождаетъ произвольную силу, однако вмѣстѣ съ тѣмъ происходитъ цѣлый рядъ физическихъ перемѣнъ и физическая трата, соотвѣтствующая работѣ, которая должна быть произведена. Извѣстное количество пищи переваренной, ассимилированной и потраченной, требуется для каждаго произвольнаго напряженія и тѣмъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ больше напряженіе. При недостаточности пищи; или при истощенномъ состояніи дѣйствующихъ органовъ, самое интенсивное сознаніе усилія ли, или какой либо другой формы, неспособно вызвать произвольную или механическую энергію. При изобиліи пищи и хорошихъ матеріальныхъ условій системы, сила будетъ прилагаться безъ или съ антецедентомъ сознанія.

Въ третьихъ, животная система есть постоянный театръ механическихъ движеній, которыя совершенно лишены сознанія. Таковы движенія легкихъ, сердца и кишокъ; сознаніе ни помогаетъ имъ, ни замедляетъ ихъ.

Въ четвертыхъ, когда произвольныя дѣйствія становятся обычными, они все менѣе и менѣе ассоцiируются съ сознаніемъ: приближаясь къ положенію рефлекса или автоматическихъ дѣйствій, указываемыхъ ниже.

Такимъ образомъ, всякій разъ, какъ только душа служитъ источникомъ силы, это бываетъ въ связи съ матерьяльной тратой, которая могла бы произвести механическую или другую энергію безъ содѣйствія души: между тѣмъ какъ значительная часть самыхъ животныхъ силъ лежитъ совершенно внѣ связи съ душою или сознаніемъ.

ющаго средства. Возникшее такимъ образомъ состояніе,—мотивъ безъ способности дѣйствовать, есть желаніе.

2. Въ желаніи существуетъ нѣкоторый мотивъ, удовольствіе или страданіе, и состояніе борьбы, само по себѣ непріятное.

Мотивомъ можетъ служить нѣкоторое настоящее удовольствіе, которое побуждаетъ дѣйствовать ради его продолженія или усиленія. Имъ можетъ служить и нѣкоторое удовольствіе, воспринятое въ идеѣ, побуждающее реализировать его, какъ напримѣръ, удовольствіе лѣтняго путешествія. Имъ можетъ быть дѣйствительное страданіе, понуждающее насъ стремиться къ смягченію или облегченію; или возможное въ будущемъ страданіе, идеально воспринятое, заставляющее насъ принять мѣры къ тому, что бы оно не могло возникнуть въ дѣйствительности.

Насколько касается самого мотива, мы можемъ находиться подъ вліяніемъ или удовольствія, или страданія. Но насколько мы не способны повиноваться предписаніямъ мотива, мы испытываемъ страданіе борьбы, которое можетъ быть присуще всякой формѣ желанія, хотя въ извѣстныхъ случаяхъ и нейтрализуется пріятными аккомпаниментами.

3. Есть различные способы избѣгнуть борьбы, а слѣдовательно и желанія.

Первый способъ—*вынужденный покой*; къ нему прилагаются знакомыя имена—выносливость, отреченіе, твердость, терпѣніе, довольство.

Это—произвольное напряженіе, вынужденное страданіемъ борьбы. Оно предполагаетъ вызовъ хотѣнія съ цѣлію сдержать движущую силу желанія, лишить состояніе желанія его побудительнаго для воли характера. Если мотивомъ служитъ настоящее удовольствіе, воля можетъ стремиться увеличить его и, такимъ образомъ, обусловить тихія и пріятныя наслажденія; если имъ служитъ настоящее страданіе, то стѣсненіе побуждающей силы кончается состояніемъ, называемымъ выносливостью, терпѣніемъ, отреченіемъ; замѣчательная форма сознанія, гдѣ страданіе, черезъ нейтрализующее хотѣніе, сводится къ состоянію чувствованія, обладающаго только эмоціональными и интеллектуальными признаками.

Самоограниченіе, подразумѣваемое выносливостью, задерживаетъ всѣ движенія и внутреннія причины движенія, которыя, безъ такой задержки, были бы произведены съ цѣлію облегченія, хотя даже и

безплодно. Это же самое хотѣніе можетъ равнымъ образомъ подавить обширныя проявленія и жестикулятивный взрывъ сильнаго чувствованія. Оба содержатся въ замѣчательной выносливости древняго спартанца, или индѣйца при пыткѣ. Какъ исцѣляющая операція, такое подавляющее усиліе, въ случаѣ физическаго страданія, можетъ непосредственно сдѣлать мало, спасая мускульные органы отъ истощенія; посредственно—оно запечатлѣетъ страданіе въ памяти, оставляя настоящее сознаніе въ качествѣ доказательства его чрезвычайной горечи, такъ что, настоящая выносливость въ этой формѣ можетъ быть благопріятною для будущей предосторожности. Когда страданіе идеально или воображаемо, или есть результатъ искусственнаго возбужденія, какъ напр., когда кто сердится на то, что не имѣетъ счастія окружающихъ его, вынужденный покой совершенно усмиритъ его. Точно также въ случаѣ удовольствія, стремящагося къ возрастанію; подавляющее хотѣніе производитъ удивительное дѣйствіе; оно удаляетъ посторонній ингредіентъ отъ реальнаго наслажденія, которое, такимъ образомъ, приноситъ чистое удовольствіе. На этихъ двухъ послѣднихъ примѣрахъ мы можемъ понять значеніе довольства, вынужденнаго состоянія души, вызваннаго борьбой желанія и отъ повторенія перешедшаго въ привычное расположеніе духа, благопріятствующее счастію.

Видя, что желаніе можетъ быть разсматриваемо какъ причина страданія, мы можемъ, какъ и въ случаѣ какого либо другого страданія, облегчить это страданіе удовольствіемъ. Когда дѣтьми овладѣло страстное желаніе, которое не можетъ быть удовлетворено, они могутъ быть успокоены чѣмъ либо пріятнымъ. Они могутъ быть также отвращены отъ преслѣдованія пустой иллюзіи угрозой страданія.

Другое средство, общее желанію вмѣстѣ съ другими страданіями, это—отклоненіе мыслей въ сторону новаго предмета; способъ, особенно приложимый къ идеальнымъ страданіямъ и пустымъ иллюзіямъ необузданнаго воображенія. Перемѣна сцены, обстоятельствъ, товарищей, если они не непріятны, можетъ, при посредствѣ интеллектуальныхъ силъ, отклонить болѣзненное интеллектуальное теченіе мыслей.

4. Второй исходъ для желанія представляетъ *идеальное или воображаемое дѣйствіе*.

Когда мы не въ состояніи дѣйствовать подъ стимуломъ нашихъ ощущеній, мы, по крайней мѣрѣ, допускаемъ идеальное дѣй-

ствіе. Кто нибудь, не будучи въ состояніи покинуть постель, желаетъ войти въ толпу на дворѣ и, неспособный осуществить фактъ, онъ прибѣгаетъ въ воображеніи къ любимымъ мѣстамъ отдыха и занятіямъ. Въ такомъ упражненіи есть извѣстная доля идеальнаго удовлетворенія, которое, при особенныхъ и нарочныхъ обстоятельствахъ, можетъ отчасти искупить недостатокъ дѣйствительнаго удовлетворенія.

Воображаемая дѣятельность совершенно испытываетъ неудачу при встрѣчѣ съ тѣлесными страданіями и удовольствіями. Для голоднаго человѣка въ поискахъ за пищею воображаемая находка ея—ничто; идея освобожденія изъ тюрьмы должна часто представляться малолѣтнему преступнику, но безъ облегченія бѣдствія отъ заключенія.

Съ высшими чувствами и эмоціями другое дѣло, такъ какъ ихъ идеальная устойчивость настолько велика, что приближается къ пріятному тону дѣйствительности. Мы можемъ имѣть желанія посѣтить или снова побывать въ Швейцаріи; будучи удерживаемы отъ реальности, мы можемъ пуститься въ идеальное путешествіе, что не совсѣмъ лишено удовольствія.Если нашимъ интеллектуальнымъ усиліямъ помогаетъ живой описатель сценъ и жизни страны, воображаемое путешествіе доставляетъ значительное удовольствіе. Удовлетвореніе, доставляемое воображеніемъ, свидѣтельствуетъ о возможности такого рода наслажденія. При этомъ все же оставалась бы нѣкоторая доля желанія, вслѣдствіе признаннаго превосходства реальнаго надъ идеальнымъ; но, подавляющая дисциплина могла бы побѣдить остатокъ борьбы и доставить намъ обладаніе всякимъ наслажденіемъ, которое только можетъ произойти отъ идеальныхъ сценъ и дѣятельности.

Точно также пріятные виды и звуки, недоступные чувствамъ, могутъ однако имѣть прелесть въ воображеніи; и идеальное преслѣдованіе ихъ возвысило бы удовольствіе. Удовольствія любви, внутренняго довольства, силы, мести, знанія еще болѣе способны быть предметами идеальныхъ вожделѣній и домогательства. Эти эмоціи могутъ быть до нѣкоторой степени удовлетворены въ отсутствіи, чтобы дать намъ почувствовать нѣчто изъ ихъ теплоты и подъема. Не напрасно, поэтому, мы идеально стремимся къ нѣкоторому предмету любви, будущей славѣ, осуществленію нѣкоторой цѣли, недосягаемой высотѣ нравственнаго совершенства. Мечтатель, идеальныя эмоціи котораго хорошо развиты, имѣетъ, благодаря вышеописанному способу, моменты великаго наслажденія, хотя все

еще подверженъ страданіямъ борьбы и равно непріятному истощенію, слѣдующему за идеальнымъ возбужденіемъ.

Если бы удовольствіе въ памяти или въ воображеніи было настолько же хорошо, какъ въ дѣйствительности, то не было никакого домогательства, дѣйствительнаго или идеальнаго, и никакого желанія. Или, если бы реальность имѣла нѣкоторые непріятные опыты достаточные для того, чтобы покончить съ превосходствомъ дѣйствительно, мы были бы свободны отъ навязчивости мотивовъ воли. Многіе случаи удовольствія подтверждаютъ то или другое изъ этихъ двухъ положеній; вечеринки, общественныя увеселенія, благородныя занятія и т. п. Мы можемъ чувствовать удовольствіе, думая о мѣстахъ, гдѣ мы раньше были, при совершенномъ отсутствіи желанія возвратиться туда.

Побужденіе идеальнаго удовольствія состоитъ частію въ постоянной тенденціи удововольствія къ усиленію, частію въ страданіи, происходящемъ отъ сознанія низшаго достоинства идеальнаго сравнительно съ дѣйствительнымъ. Это страданіе достигаетъ своего maximum'а во отношеніи удовольствій органической жизни и низшихъ чувствъ и своего minimum'а въ удовольствіяхъ, называемыхъ возвышенными и утонченными.

5. Вызывающія условія желанія суть: во первыхъ, дѣйствительные *недостатки* или *несовершенства системы*, и во вторыхъ, *опытъ удовольствія*.

Первый классъ соотвѣтствуетъ позывамъ и тѣмъ искусственнымъ потребностямъ системы, которыя порождены физическими привычками. Мы испытываемъ цѣлый рядъ естественныхъ недостатковъ, пищи, упражненія и т. д.; если каждый находитъ удовлетвореніе подъ рукою, то нѣтъ мѣста желанію. Промежутокъ или замедленіе приводитъ къ состоянію постоянной потребности или страстнаго желанія съ попеременными исходами, уже описанными.

Если мы оставимъ въ сторонѣ позывы, главное вызывающее условіе желанія будетъ опытъ удовольствія. Когда какое либо удовольствіе разъ было испытано, воспоминаніе о немъ становится на будущее время мотивомъ къ вторичному его испытанію. Дитя не имѣло бы никакого страстнаго желанія, какъ только груди; желаніе является съ новыми удовольствіями. То обстоятельство, что мы желаемъ удовольствій звука, зрѣлища и всѣхъ нашихъ эмоцій, происходитъ отъ того, что мы дѣйствительно наслаждались ими. Половое чувство основывается на позывѣ, но другія пріятныя эмоціи

доводятся чрезъ опытъ до степени страстности. Насколько сильно материнское чувство, не предугадаетъ никакой человѣкъ или животное. Эмоціи удивленія, довольства, честолюбія, мести, любопытства, изящныхъ искусствъ, должны быть удовлетворены съ цѣлію вызова ихъ въ качествѣ страстныхъ желаній. Для того, чтобы пускаться въ извѣстный классъ наслажденій, нуженъ опытъ. Существо, уединенное съ самого рожденія, не имѣло бы никакого стремленія къ обществу.

Что касается позыва, то опытъ даетъ опредѣленную цѣль страстнымъ желаніямъ, направляя ихъ на предметы, признанные за средство къ ихъ удовлетворенію. Мы домогаемся извѣстныхъ предметовъ, которые всегда удовлетворяли голодъ и извѣстнаго мѣста, годнаго для отдыха. Этотъ легкій переходъ, произведенный ассоціаціей, повелъ Бутлера къ обширному предположенію, что наши позывы—не эгоистичны; они прямо не направляются къ удаленію страданія и сохраненію удовольствія, но сосредоточиваются на извѣстномъ числѣ специальныхъ предметовъ.

Большая запутанность возникаетъ, когда мы разсматриваемъ явленія наслажденія въ другихъ и желаемъ принять въ нихъ участіе. Мы должны однако имѣть запасъ личнаго знанія; но, когда, по очень ограниченному опыту добрыхъ сторонъ жизни, мы осмѣливаемся судить о счастіи баловней судьбы, наша оцѣнка будетъ, вѣроятно, ошибочна и изкажена подъ вліяніемъ чувствованій, которыя контролируютъ воображеніе. Какъ происходитъ это вліяніе, разъяснено анализомъ способности воображенія или идеализированія. (Книга II, гл. IV, § 15).

6. Такъ какъ всѣ наши удовольствія и страданія имѣютъ волевой характеръ, т. е. побуждаютъ къ дѣйствію, то всѣ они производятъ желаніе; отсюда, въ названіяхъ нѣкоторыхъ чувствованій заключается фактъ желанія. Таковы—корыстолюбіе, честолюбіе, любопытство.

Это повсюду повело ко включенію желанія, какъ извѣстнаго явленія, въ классификацію чувствованій. Въ каждомъ желаніи бываетъ удовольствіе или страданіе, но самый этотъ фактъ есть собственно видъ (aspect) хотѣнія или воли.

7. Какъ на дѣйствительное хотѣніе, такъ и на желаніе можетъ оказать разстроивающее дѣйствіе „idea fixa.“

Ничто такъ не обычно, какъ постоянная идея, дающая начало конфликтамъ, мечтамъ и всѣмъ явленіямъ желанія. Примѣры „idea fixa,„

уже данные въ мотивахъ воли, распространяются и на идеальныя страстныя желанія, когда преслѣдованіе ихъ бываетъ невозможно. Таковы мечты богатства, честолюбія, любви, будущаго счастія.

8. Желаніе неправильно изображается какъ постоянная и необходимая прелюдія хотѣнія.

Подобно обсужденію и рѣшимости, состояніе желанія есть, какъ только что показано, превращеніе воли въ собственномъ смыслѣ, обусловленной такими обстоятельствами, гдѣ актъ не непосредственно слѣдуетъ за мотивомъ. Дальнѣйшій примѣръ той же самой особенности составитъ предметъ слѣдующей главы.

ГЛАВА VIII.

Вѣра.

1. Психическое состояніе, называемое *вѣрою*, хотя заключаетъ въ себѣ интеллектъ и чувствованія, въ своемъ существенномъ значеніи, но стоитъ въ близкомъ отношеніи къ дѣятельности, или волѣ.

Вѣря, что солнце завтра взойдетъ, что слѣдующая зима будетъ холодна, что алкоголь возбуждаетъ, что на такого-то можно положиться, что Турція худо управляется, что свободная торговля увеличиваетъ богатство націй, что человѣческая жизнь полна превратностей,—въ какомъ состояніи духа мы находимся?—Въ состояніи ли чисто интеллектуальномъ, или въ интеллектуальномъ и еще какомъ либо другомъ? Во всѣхъ этихъ утвержденіяхъ есть интеллектуальная концепція, но эта концепція касается также многихъ вещей, которымъ мы не вѣримъ. Мы можемъ понять смыслъ какого либо предложенія, мы можемъ усвоить его съ чрезвычайною живостью и все-же не вѣрить ему. Мы можемъ имѣть точное интеллектуальное понятіе о положеніи, что луна отстоитъ отъ земли только на растояніи ста миль, однако не вѣря этому.

Почти можно замѣтить, что если чувствованіе или эмоція присоединяется къ интеллектуальной концепціи, получается состояніе вѣры. Предположимъ, что мы воспринимаемъ и расматриваемъ приближающееся лѣто, какъ оставляющее за собой далеко по красотѣ

и прелести лѣта цѣлаго столѣтія, мы имѣемъ большое удовольствіе въ этомъ созерцаніи, но удовольствіе (хотя, какъ будетъ видно, и есть предрасполагающая причина) не составляетъ вѣры. Нѣтъ, стало быть, ни въ интеллектѣ, ни въ чувствованіи чего либо, участвующаго въ сущности вѣры.

Въ практикѣ обыденной жизни, мы привыкли испытывать вѣру людей дѣйствіемъ, „вѣру познавать отъ дѣлъ". Если политикъ объявляетъ полезною свободную торговлю, и однако не хочетъ ввести ее (если нѣтъ внѣшнихъ преградъ на пути), о немъ говорятъ, что онъ не вѣритъ своему собственному утвержденію. Генералъ, утверждающій, что онъ укрѣпленъ сильнѣе и лучше непріятеля и все-же дѣйствуя, какъ бы онъ былъ слабѣе, считался бы вѣрящимъ въ свое утвержденіе, а не въ самое дѣло. Капиталистъ, который беретъ свои деньги отъ иностранныхъ правительствъ и вкладываетъ ихъ съ меньшей выгодой въ англійскіе банки, потерялъ вѣру или увѣренность въ въ состоятельность иностранныхъ державъ. Кто либо, претендующій на вѣру въ награды и наказанія въ будущей жизни и поступающій какъ-будто нѣтъ такой жизни, справедливо признавался бы лишеннымъ вѣры въ это ученіе.

2. Отношеніе вѣры къ дѣятельности выражается изрѣченіемъ: *чему мы вѣримъ, сообразно съ этимъ поступаемъ*.

Вышеприведенные примѣры наводятъ на это, а не на другое заключеніе. Различіе между пониманіемъ или воображеніемъ безъ или съ сильнымъ чувствованіемъ и вѣрою состоитъ въ дѣйствіи или въ приготовленіи къ нему, на случай могущій представиться. Вѣра, что соверенъ цѣнится въ двѣнадцать шиллинговъ, обнаруживается въ готовности взять взамѣнъ двѣнадцати шиллинговъ соверенъ; вѣра, что соверенъ не цѣнится во столько, проявляется въ отказѣ принимать его, какъ эквивалентъ двѣнадцати шиллинговъ.

Опредѣленіе выясняется лучше при сопоставленіи его съ кажущимися исключеніями.

1) Мы часто имѣемъ искреннюю вѣру и однако не дѣйствуемъ по ней. Иной можетъ имѣть твердое убѣжденіе, что воздержаніе отъ возбуждающихъ средствъ благопріятствовало бы здоровью и счастію и однако подчиняется этимъ средствамъ. Есть много подобныхъ случаевъ въ поведеніи человѣческихъ существъ. Этотъ случай, однако, не составляетъ дѣйствительнаго исключенія. Вѣра есть мотивъ или поводъ къ дѣйствію, но она можетъ быть препобѣждена сильнѣйшимъ мотивомъ—дѣйствительнымъ удовольствіемъ, или облегченіемъ отъ дѣй-

ствительнаго страданія. Мы склонны дѣйствовать тамъ, гдѣ вѣримъ, но не всегда со всемогущей силой импульса. Вѣра есть активное состояніе съ различными степенями силы; о ней говорятъ, что она сильна или слаба. Она сильна, когда заставляетъ насъ выступить противъ могущественнаго контръ-импульса,—слаба, когда побѣждается слабымъ импульсомъ. Однако, если она побуждаетъ насъ вообще дѣйствовать, если она преодолѣваетъ самое слабое противодѣйствіе, она все-же вѣра. Тотъ, кто вѣритъ въ будущую жизнь, можетъ сдѣлать весьма мало вслѣдствіе этой вѣры, онъ никогда не можетъ дѣйствовать въ виду сильнаго сопротивленія; но, если онъ дѣлаетъ что нибудь вообще, что онъ иначе не дѣлалъ бы, если онъ совершаетъ незначительную настоящую жертву, все же нужно допустить, что онъ имѣетъ дѣйствительную, хотя и слабую вѣру.

2) Второе, кажущееся, исключеніе доставляютъ случаи, гдѣ мы вѣримъ въ вещи, соотвѣтственно съ которыми мы никогда не можемъ имѣть какого либо случая дѣйствовать. Нѣкоторые современные философы вѣрятъ, что солнце черезъ лучеиспусканіе теряетъ свою теплоту, и что черезъ непостижимо долгій періодъ оно охладѣетъ далеко ниже точки замерзанія по Фаренгейту. Факта, болѣе полно стоящаго внѣ сферы дѣятельности этихъ философовъ, нельзя внушить человѣческому уму. Тоже самое можно видѣть изъ прошлой исторіи универсума звѣздъ и земли. Астрономъ имѣетъ много рѣшительныхъ убѣжденій въ связи съ отдаленными туманными пятнами неба. Даже давно прошедшія событія человѣческой исторіи, подвиги Эпаминонда и порабощеніе Бриттовъ Римлянами, находятся внѣ сферы нашего дѣйствія и однако же мы вѣримъ имъ. И относительно теперь существующаго порядка вещей, многіе люди, которые никогда не перейдутъ Сахару, вѣрятъ тому, что разсказываютъ о ея поверхности, о ея дневномъ знoѣ и ночномъ холодѣ.

Не трудно указать на отношеніе всѣхъ этихъ вѣрованій къ дѣйствію. Возьмемъ, прежде всего, послѣдній примѣръ. Когда мы вѣримъ свидѣтельству путешественниковъ относительно Сахары, мы смотримъ на это свидѣтельство, какъ на такое же по роду съ тѣмъ, сообразно съ которымъ мы привыкли дѣйствовать. Путешественникъ по Африкѣ прошолъ также Францію и можетъ быть сообщалъ намъ много вещей касательно этой страны, и мы дѣйствовали сообразно съ его сообщеніями. Онъ передавалъ намъ также о Сахарѣ, и мы впали въ то же самое умственное положеніе въ

этомъ случаѣ, хотя мы не можемъ имѣть того же самаго случая дѣйствовать сообразно этому положенію. Мы выражаемъ это положеніе говоря, что *если бы* мы отправились въ Африку, мы сдѣлали бы нѣчто, соотвѣтствующее этому сообщенію.

Что касается прошедшаго, то мы вѣримъ исторіи двоякимъ путемъ. Первый—аналогиченъ только что изложенному, именно, когда мы удостовѣряемся въ историческихъ событіяхъ на томъ же самомъ основаніи, какъ и въ томъ, сообразно съ чѣмъ мы теперь дѣйствуемъ. Другой путь, когда мы составляемъ теорію или доктрины человѣческихъ дѣяній, отчасти опирающіяся на эти прошедшія событія и прилагаемъ эти теоріи въ своей настоящей практикѣ.

Вѣра въ явленія звѣзднаго міра, неизмѣримо отдаленныя въ пространствѣ и времени, есть признаніе приложеннаго къ нимъ *научнаго метода*. Мореплаватель бороздитъ моря, довѣряя наблюденіямъ того же самаго характера, какъ тѣ, которыя прилагаются къ отдаленнымъ звѣздамъ и туманнымъ пятнамъ. Если бы астрономъ предложилъ ученіе касательно туманныхъ пятенъ, основанное на наблюденіяхъ такого рода, на которыя нельзя было бы положиться въ навигаціи или въ предсказаніи затмѣній, мы находились бы въ замѣтно различномъ состояніи духа касательно этого ученія, и это состояніе духа не въ собственномъ смыслѣ называется невѣріемъ.

3) Во многихъ замѣчательныхъ случаяхъ наша вѣра обусловливается силою нашихъ чувствованій, на что можно сослаться какъ на доказательство того, что она основывается на эмоціональной сторонѣ нашей природы. Фактъ мы допускаемъ, а вывода—не допускаемъ. Далѣе будетъ видно, какъ чувствованія вліяютъ на вѣру, не составляя однако же сами состоянія вѣрующаго.

4) Весьма часто вѣра порождается чисто интеллектуальнымъ процессомъ. Такъ, когда намъ впервые предложена геометрическая теорема, мы можемъ понять ея значеніе, не вѣря ей; но пройдя цѣпь разсужденій или доказательствъ, операцію вполнѣ интеллектуальную, мы приходимъ въ состояніе полнаго убѣжденія. Такъ, бываетъ съ тысячами случаевъ, гдѣ мы вынуждены вѣрить, благодаря только аргументу, доказательству, или интеллектуальному озаренію; во всемъ этомъ очевидно интеллектуальное происхожденіе вѣры.

Тоже заключеніе внушается другимъ рядомъ фактовъ, именно, нашей вѣры въ свидѣтельство чувствъ или личнаго опыта; ибо чувственное воспріятіе признается функціей интеллекта. Этимъ же пу-

темъ мы приходимъ къ вѣрѣ въ тяготѣніе, въ связь солнечнаго восхода съ свѣтомъ и теплотою и т. д.

Также, когда мы принимаемъ что нибудь и судимъ по свидѣтельству другихъ, мы совершаемъ вполнѣ интеллектуальную функцію.

Руководимые, повидимому, подобными фактами, метафизики были почти, если не совсѣмъ, единодушны, внося вѣру въ интеллектуальныя силы. Тѣмъ не менѣе, можно утверждать, что одинъ интеллектъ не составитъ вѣры, равно какъ онъ не составитъ хотѣнія. Разсужденія геометра не создаютъ состоянія вѣры, они приспособляютъ утвержденія къ образовавшейся уже вѣрѣ, вѣрѣ въ научныя аксіомы. Если эта вѣра въ демонстративную истину не можетъ быть основана на интеллектѣ, то не можетъ быть доказано, что вѣра вообще есть интеллектуальный продуктъ. Точная функція нашего интеллекта въ области вѣры будетъ указана далѣе.

3. Вѣра есть ростъ или развитіе воли при преслѣдованіи *посредствующихъ* цѣлей.

Когда произвольное дѣйствіе вдругъ доставляетъ удовольствіе или удаляетъ страданіе, какъ напримѣръ, въ пережевываніи пищи во рту, мы дѣлаемъ опытъ съ первоначальнымъ ходомъ воли; здѣсь нѣтъ обсужденія, рѣшенія, желанія и вѣры. Иной ошибочно могъ бы утверждать, что мы вѣримъ, что полный ротъ пищи,—пріятенъ, точно также иной могъ бы сказать, что мы выбираемъ, желаемъ и рѣшаемъ разжевать и проглотить кусочекъ; но въ дѣйствительности такія явленія никогда не возникли бы, если бы каждый актъ хотѣнія не возвышался далѣе этого первоначальнаго типа. Появленіе средняго или посредствующаго состоянія между мотивомъ и чувствуемымъ удовлетвореніемъ обусловливаетъ возникновеніе этихъ различныхъ фазисовъ.

Вѣра проявляется при совершеніи нами посредствующихъ или ассоціированныхъ дѣйствій. Когда мы протягиваемъ руку, чтобы взять апельсинъ, облупить его и поднести ко рту, мы совершаемъ рядъ дѣйствій, въ самихъ себѣ непроизводительныхъ и безполезныхъ и вызванныхъ для достиженія удовольствія, которое присутствуетъ въ качествѣ идеальнаго мотива. Въ этомъ положеніи существуетъ фактъ или явленіе, не выражаемый какимъ либо другимъ названіемъ для того, что наполняетъ пустоту прерваннаго хотѣнія; здѣсь можетъ присутствовать обсужденіе, рѣшеніе и желаніе; однако остается еще нѣчто. Совершая эти дѣйствія, чтобы насладиться вкусомъ апельсинныхъ соковъ, мы, напримѣръ, могли пройти

черезъ фазисъ желанія; предварительный опытъ такого удовольствія далъ намъ идею о немъ, сопровождающуюся страстнымъ желаніемъ испытать его. Мы могли также пройти чрезъ фазисъ обсужденія и рѣшенія. Но, что однако еще не выражено, такъ это наше предположеніе, что дѣйствія, теперь совершаемыя, доставятъ желанное состояніе и наше поддержаніе степени произвольнаго упражненія столь же энергичнымъ, какъ будто удовольствіе было дѣйствительно испытываемо. Когда мы дѣйствуемъ ради посредствующей цѣли съ такою же силою, съ какою мы дѣйствовали бы ради дѣйствиной цѣли, мы находимся въ особенномъ положеніи, котораго нѣтъ въ желаніи, хотя бы сильномъ, нѣтъ и въ обсужденіи и рѣшеніи,— положеніи, которое заслуживаетъ быть обозначеннымъ какимъ либо названіемъ. Общее обозначеніе этого состоянія—вѣра; синонимы— вѣрность, довѣріе, кредитъ, удостовѣреніе, увѣренность, надежность, безопасность, упованіе, достовѣрность, надежда, предвареніе, ожиданіе.

Какъ извѣстно, это состояніе измѣняется въ степени. Образовавъ желаніе и, если нужно, обсудивъ и рѣшивъ, мы можемъ преслѣдовать посредствующія цѣли или, со всею энергіею, которую конечное сознаніе могло бы возбудить или, что весьма обыкновенно, съ меньшею энергіею, чѣмъ—та; можетъ быть съ тремя четвертями, половиной или одною четвертью суммы. Эта разница не имѣетъ никакой связи съ интенсивностью желанія или съ процессомъ обсужденія или рѣшенія; она имѣетъ отношеніе къ факту, который занимаетъ отдѣльное мѣсто въ душѣ; и обстоятельства, вліяющія на нее, вызываютъ на спеціальное изслѣдованіе.

4. **Вѣра всегда содержитъ интеллектуальный элементъ, въ ея менѣе всего развитой формѣ существуетъ ассоціація средства и цѣли.**

Фактъ дѣятельности ради посредствующей цѣли, въ виду нѣкоторой отдаленной или конечной цѣли, предполагаетъ интеллектуальное воспріятіе обѣихъ и ассоціацію одной съ другою. Ягненокъ, бѣгущій къ своей матери за молокомъ и теплотой, имѣетъ нѣкоторую интеллектуалную связь, образовавшуюся въ его умѣ— идею о теплотѣ и насыщеніи, ассоціированную съ идеей или характеристическимъ очертаніемъ его матери. Всѣ дѣйствія людей, совершаемыя въ виду отдаленныхъ цѣлей, основываются на мысленныхъ звеньяхъ, связывающихъ посредствующія цѣли съ конечными.

Мы можемъ описать собственно эти звенья, какъ знаніе фак-

товъ природы или мірового порядка, чѣмъ, до нѣкоторой степени, должны обладать всѣ твари, которыя могутъ сдѣлать одно для достиженія другого. Всякое животное, имѣющее жилище и способное оставлять его и и возращаться, знаетъ нѣсколько географію. Чѣмъ шире это знаніе, тѣмъ больше *способность* достиженія цѣлей. Олень, знающій десять различныхъ источниковъ для питья, гораздо болѣе обезпеченъ, чѣмъ когда онъ знаетъ только одинъ.

Опытъ природы, поэтому, сохраненный въ памяти, долженъ входить во всякое положеніе, гдѣ мы пользуемся вѣрою. Даже болѣе. Такой опытъ, собственно говоря, есть *настоящее основаніе вѣры*,—положеніе, при отсутствіи котораго не должна имѣть мѣста такая вѣра; и чѣмъ больше опытность, тѣмъ больше энергія вѣры. Но, если мы въ дѣйствительности находимъ, что вѣра не согласуется съ опытами, мы должны допустить существованіе иного источника довѣрія, чѣмъ естественныя соединенія и послѣдованія, часто представлявшіяся взору и утвердившіяся въ умѣ силою ассоціаціи по смежности.

5. Психическихъ основаній вѣры нужно искать: 1) въ нашей дѣятельности, 2) въ интеллектуальныхъ ассоціаціяхъ нашего опыта и 3) въ чувствованіяхъ.

Здѣсь утверждается не только то, что вѣра въ сущности своей есть активное состояніе, но что первая, порождающая ее причина есть дѣятельность системы, къ которой присоединяются вліянія интеллектуальныя и эмоціональныя.

1) Самопроизвольность движущихъ органовъ есть источникъ дѣйствія, если система бодра и не существуетъ какой либо помѣхи. Во вторыхъ, прибавочное удовольствіе упражненія служитъ дальнѣйшимъ побужденіемъ къ дѣятельности. Въ третьихъ, память объ этомъ удовольствіи даетъ мотивъ къ дѣйствію въ виду пользованія имъ; операція воли расширяется интеллектуальною связью. Эти три факта составляютъ собой активную тенденцію хотѣнія; два первые суть импульсы чистой дѣятельности; третьему помогаетъ удерживающая функція интеллекта.

Подъ вліяніемъ этихъ силъ, одной или болѣе, мы начинаемъ дѣйствіе и, пока нѣтъ никакого препятствія, продолжаемъ дѣйствовать, доколѣ не почувствуемъ истощенія.

Мы не имѣемъ никакого колебанія, сомнѣнія или нерѣшительности; пока мы еще не знаемъ, что значитъ вѣра, мы дѣйствуемъ точно также, какъ человѣкъ, стоящій на высшей ступени увѣрен-

ности. Вѣра не можетъ ничего сдѣлать, какъ произвести рѣшительное дѣйствіе, а мы уже дошли до этого пункта.

Предположимъ теперь, что мы испытываемъ нѣкоторую задержку, когда, напримѣръ, наша дѣятельность причиняетъ намъ страданіе. Оно заставляетъ остановить совершаемыя нами движенія; память о немъ также производитъ устрашающій эффектъ. Мы не пойдемъ снова по этому пути съ полной силой нашихъ самопроизвольныхъ и волевыхъ побужденій; на немъ лежитъ нѣкоторый элементъ отвращенія, который ослабляетъ, если не разстраиваетъ, тенденцію къ дѣятельности. Молодое животное бродитъ сперва повсюду; на одной тропинкѣ оно попадаетъ въ ловушку и съ трудомъ высвобождается; на будущее время оно избѣгаетъ этого пути; но что касается остальныхъ путей, то оно ходитъ по нимъ, какъ и прежде. Первоначальная тенденція двигаться свободно въ какомъ угодно направленіи здѣсь прервана, благодаря враждебному опыту; вслѣдствіе этого появляется на будущее время предвареніе опасности, состояніе вѣры въ возможное несчастіе. Повторяющіеся опыты упрочили бы это отклоненіе отъ безразличнаго правила свободной дѣятельности, но до опыта—правило это оставалось въ силѣ.

Теперь мы можемъ понять, чтò есть инстинктивнаго въ актѣ вѣры и объяснить естественное или первоначальное легковѣріе ума. Простое только расположеніе дѣйствовать, возникающее изъ нашихъ активныхъ дарованій, содержитъ въ себѣ вѣру; опытъ, озаряющій интеллектъ, не создаетъ этого активнаго расположенія, но только производитъ усиленіе его при посредствѣ памяти объ испытанномъ употребленіи. Болѣе сильная природная самопроизвольность произвела бы болѣе сильную вѣру, хотя опытъ оставался тотъ же самый. Какое бы поприще мы ни избрали, мы вѣримъ ему, пока не возникнетъ препятствіе; часто повѣряющееся препятствіе нейтрализуетъ самопроизвольную и волевую энергію, разстраивая одинаково дѣйствіе и вѣру.

Явленія легковѣрія и ошибочной вѣры находятся въ согласіи съ активнымъ происхожденіемъ этого состоянія. Мы сильно вѣримъ, что все, что было въ прошедшемъ, будетъ всегда въ будущемъ, точно такъ же, какъ мы нашли это на непрерванномъ опытѣ, хотя бы и ограниченномъ; то есть, мы расположены дѣйствовать во всякомъ направленіи, гдѣ мы никогда не встрѣчали препятствія. Нѣтъ нужды въ продолжительномъ повтореніи, доходящемъ до неразрывной ассоціаціи, чтобы породить вѣру; достаточно одного при-

мѣра подъ мотивомъ дѣйствія. Дитя скоро обнаруживаетъ вѣру въ грудь матери: и, если бы, оно могло созерцать будущее, оно повѣрило бы, что будетъ питаться такимъ манеромъ во всю вѣчность. Вѣра эта начинаетъ исчезать, когда дитя получаетъ пищу посредствомъ ложки; и антиципація теперь раздѣлена, но все же она энергична въ томъ, что будущее считается сходнымъ съ прошедшимъ, уже испытаннымъ отношеніемъ.

Такимъ образомъ, изъ нашей дѣятельности происходитъ тенденція, столь широкая, чтобы быть важнымъ закономъ ума, продолжать непрерванный опытъ со всею энергіею нашей дѣятельной природы и, соотвѣтственно этому, вѣрить съ силою, соотвѣтствующею нашей естественной дѣятельности, что все непротиворѣчивое есть универсально и вѣчно. Опытъ придаетъ силу привычки врожденной энергіи и, отсюда, упорство всѣхъ раннихъ вѣрованій. Человѣческая природа повсюду вѣритъ, что ея собственный опытъ служитъ мѣриломъ опыта всѣхъ людей повсюду и во всѣ времена. Всякій изъ насъ вѣритъ прежде всего, что всякое другое лицо создано и чувствуетъ подобно намъ; и требуется продолжительное воспитаніе, чтобы ослабить обширное обобщеніе, которое ни у кого никогда вполнѣ не исчезаетъ. Если бы вѣра была порождена ростомъ интеллектуальной связи опытныхъ сочетаній, мы не образовали бы какого либо сужденія относительно чувствованій другихъ людей, пока мы не выросли достаточно, чтобы совершать трудную научную операцію умозаключеній по аналогіи; мы абсолютно ничего не могли бы сказать о разстояніи, прошедшемъ и будущемъ, гдѣ нашъ опытъ нулевой: мы могли бы вѣрить, что вода извѣстнаго колодца утоляетъ нашу жажду, но мы не вѣрили бы, что эта же вода утолила бы жажду другихъ лицъ, неиспытавшихъ ее, что какая либо другая вода утолила бы нашу жажду. Именно активная энергія ума дѣлаетъ „антиципацію природы", которая подверглась столь строгому осужденнаго со стороны Бэкона, называвшаго ее отцемъ всѣхъ заблужденій. Эта антиципація, исправленная и обращенная въ подпору опыта, есть вѣра въ однообразіе природы.

Мы трудимся подъ естественною неспособностью или неприспособленностію понять нѣчто отличное отъ нашего, весьма ограниченнаго опыта; но нѣтъ никакой необходимости, по которой мы должны были бы настаивать на принятіи, что то, что абсолютно неизвѣстно, совершенно сходно съ тѣмъ, что мы знаемъ. Эта внутренняя поспѣшность не есть качество интеллекта, она есть неудержимость нашей дѣятельной природы. Какъ мы сначала дѣйствуемъ, а потомъ чув-

ствуемъ, такъ мы сперва вѣримъ, а затѣмъ доказываемъ; достаточное доказательство для насъ представляетъ отсутствіе противорѣчія. Стремленіе обобщать проистекаетъ изъ нашей дѣятельности, и мы счастливы, если научились прилагать къ нему поправки послѣдующаго опыта. Заурядное лицо, нисколько не интеллигентное или необразованное, узнавъ случайно француза, не колеблясь приписало бы цѣлой французской націи умственныя особенности этого одного индивида. По отношенію ко многимъ нашимъ убѣжденіямъ, сила находится въ обратномъ отношеніи къ опыту вѣрующаго.

6. 2) Второй источникъ вѣры есть интеллектуальная ассоціація.

Частый послѣдовательный опытъ оставляетъ прочную ассоціацію различныхъ ступеней, гдѣ одинъ легко вызываетъ всѣ остальныя. Это входитъ въ вѣру и увеличиваетъ, въ нѣкоторой степени, активную тенденцію идти впередъ въ извѣстномъ направленіи. Послѣдовательные акты срыванія яблока, поднесенія ко рту и разжевыванія его сопровождаются пріятнымъ ощущеніемъ: и вся эта цѣпь, благодаря повторенію, удерживается въ памяти. Главнымъ источникомъ энергіи, указаннымъ въ этихъ посредствующихъ актахъ, остается все еще дѣятельность частію самопроизвольная, частію волевая, подъ идеальнымъ мотивомъ сладости. Однако легкость мысленнаго перехода отъ одной ступени къ другой, благодаря силѣ ассоціаціи, служитъ прибавкой къ силѣ стремленія, которое ведетъ насъ черезъ длинный рядъ актовъ. На основаніи принципа уже изложеннаго, идея акта имѣетъ извѣстное вліяніе на реализированіе его, и цѣльная ассоціація, наводящая на идеи, помогла бы натолкнуть и на дѣйствія. Однако можно безопасно утверждать, что только одна ассоціація идей не вызвала бы дѣятельности или не составила бы активнаго расположенія, называемаго вѣрою. Сильная ассоціація между „яблокомъ" и „сладостію", происшедшая вслѣдствіе слуховаго воспріятія словъ, часто соединявшихся вмѣстѣ (какъ это бываетъ съ изучающимъ латинскую грамматику, гдѣ онъ встрѣчаетъ выраженіе „dulce pomum") вызвала бы одно слово другимъ и заставила соотвѣтствующія идеи равнымъ образомъ вызывать другъ друга; но дѣйствующее сообразно съ нимъ лицо, все еще нуждается въ активной склонности органовъ, проистекающей изъ причинъ нашей дѣятельности—самопроизвольности и мотива; и, пока эти не присутствуютъ, не можетъ быть ни дѣйствія, ни активнаго расположенія или вѣры.

Когда мы научены дѣлать наблюденіе и опытъ прежде составленія сужденій касательно вещей отдаленныхъ въ пространствѣ или времени, вмѣсто того, чтобы обобщать на удачу, мы вносимъ весьма обширныя операціи въ установленіе нашихъ вѣрованій; но эти интеллектуальные процессы не составляютъ основы вѣрованія. Они приводятся въ дѣйствіе мотивами воли—неудачами и препятствіями, которыя встрѣчаются при движеніи впередъ на шаткихъ (узкихъ) основаніяхъ; и, когда мы достигли совершеннаго знанія, мы прилагаемъ его на практикѣ въ силу произвольныхъ рѣшеній, которыя прояснились высшимъ полетомъ мысли; однако въ одномъ только интеллектѣ нѣтъ ничего такого, что заставило бы насъ дѣйствовать, или обдумывать дѣйствіе, а слѣдовательно, ничего такого, чтобы заставило насъ вѣрить.

Ради иллюстраціи и интереса не мѣшало бы отмѣтить, какія личности—самаго *рѣшительнаго* характера въ жизни, быстро и безъ колебанія переходящія къ дѣйствію во всѣхъ случаяхъ. Такія личности выдаются не умомъ, но активнымъ дарованіемъ, глубокою самопроизвольностью, подчиняющеюся немногимъ и сильнымъ мотивамъ. Громадный умъ парализуетъ дѣйствіе, уменьшая его въ количествѣ, хотя безспорно улучшая его въ *качествѣ*—по части успѣшнаго приложенія къ цѣлямъ.

7. 3) Третій источникъ или основаніе вѣры представляютъ чувствованія.

Мы уже приняли въ соображеніе вліяніе чувствованій на происхожденіе вѣры, и намъ остается только вкратцѣ изложить способъ этой операціи.

Мы можемъ указать прежде всего на два критерія вѣры—1) на энергію преслѣдованія посредствующихъ цѣлей, если подъ рукою нѣтъ конечныхъ цѣлей, и 2) на подъемъ духа, благодаря только ожиданію конечной цѣли (если она есть нѣчто пріятное). Въ обоихъ этихъ видахъ вѣра находится подъ вліяніемъ чувствованія.

Если конечною цѣлію служитъ удовольствіе, сильно реализилированное въ идеѣ, энергія преслѣдованія соразмѣрно сильна, и убѣжденіе сильно, какъ это доказывается препятствіями, преодолеваемыми не только въ формѣ сопротивленія, но и въ формѣ простого недостатка очевидности. Предметъ, котораго сильно желаютъ, преслѣдуется съ излишнимъ легковѣріемъ относительно шансовъ достиженія.

Есть другой способъ усилить положеніе вѣрованія удовольствіемъ. Независимо отъ созерцанія цѣли, которая необходимо есть

удовольствіе (прямое, или косвенное,—какъ облегченіе отъ страданія), могутъ существовать другія причины удовольствія, участвующія въ подъемѣ или возвышеніи настроенія. Такой подъемъ укрѣпляетъ состояніе вѣрованія въ отношеніи ко всему, что служитъ предметомъ вниманія. Путешественникъ, изслѣдующій новыя страны, подверженъ перемѣнамъ надежды, сообразно съ состояніемъ духа, которое онъ испытываетъ по какой бы то ни было причинѣ. Онъ болѣе полонъ надеждъ, когда онъ бодръ и силенъ, когда день отраденъ, или пейзажи очаровательны, хотя ни одно изъ этихъ обстоятельствъ не увеличиваетъ реальной очевидности.

Что высшій способъ наслажденія былъ бы и высшимъ способомъ вѣры—очевидно на обоихъ видахъ вѣры. Во первыхъ, всякое совершающееся дѣйствіе преслѣдуется съ большимъ упорствомъ, съ которымъ связывается состояніе увѣренности. И во вторыхъ, что касается пріятнаго идеальнаго предвкушенія конечной цѣли, то все, что увеличиваетъ подъемъ силы наслажденія, имѣетъ тотъ же самый эффектъ, какой имѣло бы приближающееся къ концу ожиданіе цѣли, такъ какъ приближающееся къ концу ожиданіе подразумѣваетъ подъ собою болѣе сильную вѣру. Чего намъ не даетъ достовѣрность, такъ это душевнаго комфорта и, если совмѣстно съ вѣрой возникъ комфортъ, наше желаніе вещи прекратилось и вѣра на время восполнена побочною и случайною примѣсью.

Въ нѣкоторыхъ формахъ вѣры, какъ напр., въ религіи, утѣшительное обстоятельство есть господствующій фактъ. Такая вѣра цѣнится въ качествѣ подкрѣпляющаго средства для ума, подобно какой либо формѣ удовольствія; вѣра и подъемъ духа—факты превратимые другъ въ друга. Отсюда, когда вѣра слаба, нѣкоторое увеличеніе веселаго настроенія укрѣпитъ вѣру, тогда какъ противоположное состояніе уменьшитъ ее; фактъ состоитъ въ томъ, что два вліянія дѣйствуютъ вмѣстѣ, и мы можемъ, если угодно, оба полагать въ основаніи одного, особенно если источникъ другого скрытъ или невидимъ.

Развитіе этой послѣдней формы вѣры чисто эмоціональное и состоитъ въ усиленіи ассоціацій душевнаго чувствованія,—случай во всѣхъ отношеніяхъ тожественный съ ростомъ аффекціи. Къ сильной аффекціи примѣшивается соотвѣтствующая сила вѣры.

Одна только сила возбужденія нейтральнаго характера будетъ контролировать вѣру, какъ она контролируетъ волю, благодаря устойчивости идеи. Всякая цѣль, сильно воспламеняющая умъ, бу-

детъ производить впечатлѣніе сообразно силѣ возбужденія, независимо отъ удовольствія или страданія, причиняемаго имъ и, побуждая къ дѣйствію, образовывать вѣру во все, что кажется посредствующимъ орудіемъ. Весьма слабая и случайная ассоціація будетъ принята и признана въ качествѣ причины. Мать, потерявшая дитя, будетъ чувствовать нѣкоторое отвращеніе къ извѣстной вещи, ассоціированной въ ея умѣ со смертію дитяти; она будетъ держаться вдали отъ этой вещи со всею силою своей воли, чтобы спасти своихъ другихъ дѣтей; это равносильно вѣрѣ въ связь причины и дѣйствія между двумя фактами. Вліяніе чувствованій, такимъ образомъ, служитъ къ упроченію интеллектуальнаго звена, можетъ быть, только разъ испытаннаго въ сильной ассоціаціи, которой не можетъ разъединить громадное множество противныхъ опытовъ.

Наконецъ сила чувствованій, господствующая надъ однимъ классомъ мыслей и удаляющая отъ взора всѣ мысли враждебнаго характера, необходимо оперируетъ въ вѣрѣ, такъ же какъ и въ дѣйствіи. Испугъ останавливаетъ мысли на обстоятельствахъ тревоги и дѣлаетъ иного неспособнымъ задерживать въ мысли нѣчто такое, что могло бы нейтрализовать страхъ. Есть въ нашей власти соображенія, которыя не допустили бы насъ вѣрить въ величайшее бѣдствіе, но они не могутъ возникнуть; то, что заблаговременно напоминаетъ ихъ при посредствѣ друга, представляетъ неоцѣнимую подмогу для парализованія операціи нашего собственнаго ума.

8. Вѣра въ міровой порядокъ или строй природы видоизмѣняется по своему характеру въ различныхъ лицахъ, сообразно относительному преобладанію трехъ перечисленныхъ причинъ.

Всякая вѣра подразумѣваетъ міровой порядокъ или связь между одною и другою вещію, такую связь, при которой одною вещію можно было бы пользоваться въ качествѣ средства для обезпеченія другой, какъ цѣли. Мы вѣримъ, что стремительный потокъ есть первичный двигатель; что растительность нуждается въ дождѣ и солнечномъ свѣтѣ; что животныя рождаются отъ ихъ собственнаго рода, что тѣло укрѣпляется отъ упражненія.

Главный источникъ вѣры представляетъ безпрепятственная дѣятельность. Единичнаго опыта достаточно, чтобы образовать вѣру; что мы разъ совершили успѣшно, мы готовы совершить опять безъ малѣйшаго колебанія. Повтореніе можетъ усилить тенденцію, но пять повтореній не даютъ пять разъ убѣжденіе одного раза; ближе къ

цѣли было бы сказать, что независимо отъ образовавшихся въ насъ воспитаніемъ критеріевъ истины, пятьдесятъ повтореній могли бы, можетъ быть, удвоить силу убѣжденія перваго опыта. Сначала мы во все вѣримъ; мы дѣлаемся скептиками по опыту, т. е. при встрѣчѣ съ препятствіями и исключеніями. Мы начинаемъ съ необузданнаго легковѣрія и постепенно воспитаніемъ доходимъ до болѣе ограниченнаго упованія.

Наша вѣра въ физическіе законы есть наша первичная самопроизвольность, *ограниченная* предѣлами опыта. Такого рода—наша вѣра въ тяготѣніе, теплоту, свѣтъ, и т. п. Наши попытки весьма упрощаются подъ руководствомъ тѣхъ, которые шли предъ нами. Что касается болѣе обычныхъ явленій, то мы скоро приходимъ на прямой путь дѣйствія; животное скоро научается, съ какой высоты оно можетъ прыгать съ безопасностью.

Длинный рядъ извращенныхъ, нелѣпыхъ, ложныхъ вѣрованій, въ большинствѣ случаевъ можетъ быть объясненъ необыкновенною степенью чувствованія—удовольствія ли, страданія ли, или простого возбужденія. Мы съ трудомъ убѣждаемся, что нѣчто, что мы любимъ, можетъ причинить намъ какое либо несчастіе; такова сила пріятнаго чувствованія, дѣйствующаго чрезъ желаніе и исключающаго изъ мыслей враждебный опытъ.

Мы вѣримъ въ мудрость или другія заслуги лицъ, которыхъ любимъ и которымъ удивляемся,—другой изъ многихъ примѣровъ силы чувствованія. Мы сначала имѣемъ безграничную вѣру въ свидѣтельство; что бы намъ ни сообщали, мы принимаемъ безспорно за истинное; точно также то, что мы находимъ при первомъ опытѣ, мы ожидаемъ найти всегда. Опытъ долженъ ограничить эту неоспоримую увѣренность; и если склонности и отвращенія сглаживаются и полагаются только на сохранившіеся въ памяти факты, мы пріобрѣтаемъ разумную вѣру въ свидѣтельство, именно, вѣру, соразмѣрную отсутствію противорѣчивыхъ фактовъ.

Наши ближніе, очевидно, вліяютъ на нашу вѣру. Симпатія и подражаніе заставляютъ насъ усвоивать дѣйствія и чувства окружающихъ насъ; и дѣйствіе общества здѣсь не останавливается, но доходитъ до степени насилія. Этими комбинированными вліяніями мы воспитываемся во всѣхъ вѣрованіяхъ, которыя выше нашего собственнаго опыта, и направляемся даже къ тому, что входитъ въ сферу нашего наблюденія.

Простое интеллектуальное состояніе, часто повторявшееся, располагаетъ насъ къ легковѣрію, но не достигаетъ состоянія вѣры,

пока мы не имѣли случая предпринять какое либо дѣйствіе по нему; реальная сила состоянія вѣры возникаетъ, когда наше дѣйствіе получаетъ нѣкоторое утвержденіе. Мы находимся въ очень шаткомъ состояніи ума относительно многихъ нетвердыхъ доктринъ, каковы отвлеченныя положенія науки и высшія тайны сверхъестественнаго міра. Если бы мы для себя самихъ сдѣлали отдѣльный опытъ и нашли бы его согласнымъ съ тѣмъ, что было утверждаемо, мы вдругъ поднялись бы до увѣренности, можетъ быть выше дѣйствительной истины; неопытный умъ не знаетъ ничего о повтореніяхъ и предосторожностяхъ, необходимыхъ для установленія факта.

Суевѣрія невѣжественныхъ вѣковъ,—астрологія, алхимія, чародѣйство,—и извращенія научной истины въ ранней философіи, вслѣдствіе различныхъ сильныхъ эмоцій, объяснимы вліяніемъ чувства на ихъ творцовъ съ послѣдующимъ присоединеніемъ авторитета и подражанія.

9. Вѣра противоположна не невѣрію, но *сомнѣнію*.

Вѣра и невѣріе, какъ умственныя состоянія, суть одно и тоже. Мы не можемъ вѣрить одной вещи безъ невѣрія нѣкоторой другой вещи; если мы вѣримъ, что солнце взошло, мы должны не вѣрить, что оно за горизонтомъ.

Если мы не въ состояніи достигнуть, тѣмъ или другимъ путемъ, убѣжденія, мы говоримъ, что мы *сомнѣваемся*, находимся въ состояніи неизвѣстности или колебанія. Если вещь мало насъ касается, мы равнодушны къ такому отсутствію средства убѣжденія. Положеніе сомнѣнія обнаруживается въ своемъ истинномъ характерѣ, какъ неудачный опытъ, когда мы должны дѣйствовать и все же находиться въ неизвѣстности относительно хода дѣйствія. Связь средства и цѣли не управляетъ нашей вѣрой или увѣренностью; существуютъ противоположныя внушенія или явленія, находящіяся въ большемъ или меньшемъ равновѣсіи; или нѣтъ ничего, чтобы шло по тому или другому пути. Отсюда, мы находимся въ опасности упустить изъ виду наши цѣли; и въ добавокъ, испытать всѣ превратности борьбы. Въ дѣлахъ великой важности сомнѣніе представляетъ величайшее несчастіе.

Сомнѣніе и страхъ, хотя и отличны, но очень близко граничатъ другъ съ другомъ. Сомнѣніе, въ своей непріятной и угнетающей формѣ, представляетъ въ точности состояніе страха. Причина страха находится въ положеніи, аналогичномъ съ сомнѣніемъ; обстоятельства сомнѣнія въ

свою очередь увеличиваютъ страхъ. Одинъ и тотъ же темпераментъ одинаково побѣждаетъ сомнѣніе и страхъ; активное расположеніе, какъ было уже видно, служитъ источникомъ мужества.

10. Противоположныя названія *надежды* и *отчаянія* означаютъ фазисы вѣры.

Надежда выражаетъ вѣру въ ея утѣшительномъ и возвышающемъ видѣ, будучи увѣренностью въ будущее благо,—вѣрою, что нѣкоторая пріятная цѣль болѣе или менѣе близка къ осуществленію. Она означаетъ, далѣе, нѣчто менѣе, чѣмъ совершенная или полная увѣренность, или лучше она разсматривается, какъ заключающая въ своемъ объемѣ все, начиная съ малѣйшей степени довѣрія, которое можетъ имѣть нѣкоторое возвышающее дѣйствіе и доходя до высшей степени, когда ожиданіе на одномъ уровнѣ съ обладаніемъ. Отсюда, выражая надежду, мы обыкновенно прилагаемъ эпитеты ея степени; мы имѣемъ хорошія надежды на процвѣтающій коммерческій годъ, мы имѣемъ слабыя надежды на будущую осень.

Противоположность надежды не—страхъ, но отчаяніе, вѣра въ наступающее зло,—состояніе ума тѣмъ болѣе подавляющее, чѣмъ сильнѣе вѣра. Побѣжденная армія находится въ отчаяніи, то есть, вѣритъ въ неминуемое уничтоженіе. Состояніе страха минуетъ весьма скоро; но въ немъ можетъ быть отчаяніе при отсутствіи собственно страха. Крайняя степень отчаянія—безнадежность.

Когда надежда или отчаяніе могутъ быть основаны на извѣстной очевидности, или на вѣроятной очевидности, поддерживаемой весьма правильнымъ разсужденіемъ, то на нихъ сравнительно мало вліяютъ подъемъ или подавленность. Но, при вѣроятной очевидности и въ умахъ мало состоятельныхъ, состояніе надежды или отчаянія колеблются вмѣстѣ съ вліяніями, которыя поднимаютъ или угнетаютъ общее настроеніе. Все уже сказанное вообще о вѣрѣ справедливо о вѣрѣ подъ названіемъ надежды *).

---

*) Въ главѣ о вѣрѣ я предложилъ взглядъ, который теперь считаю ошибочнымъ относительно основнаго свойства состоянія вѣры, именно, относя его къ самопроизвольной дѣятельности системы. Болѣе вѣрнымъ я теперь считаю тотъ взглядъ, по которому вѣра есть первичное расположеніе слѣдовать какому нибудь выводу, который получился изъ единичнаго опыта и ожидать такого же результата. Это есть фактъ или побочное обстоятельство нашей интеллектуальной природы, хотя и зависимый въ своемъ дѣйствіи отъ нашихъ активныхъ и эмоціональныхъ тенденцій.

Различныя дѣйствія въ области вѣры могутъ быть изображены въ слѣдующемъ порядкѣ:—

ГЛАВА IX.

Нравственныя привычки.

1. Нравственныя привычки суть пріобрѣтенія касательно чувствованій и хотѣній.

Кромѣ интеллектуальныхъ пріобрѣтеній въ собственномъ смыслѣ, какъ языкъ, наука, и проч., мы имѣемъ рядъ навыковъ, состоящихъ въ усиленіи или уменьшеніи чувствованій и въ видоизмѣненіяхъ силы воли, чрезъ что нѣкоторые мотивы выигрываютъ, а другіе теряютъ въ практической дѣйствительности. Мы говоримъ о привычкахъ мужества, храбрости, управленія расположеніемъ духа, предполагая, что эти качества достигли, благодаря воспитанію, степени, не присущей имъ по природѣ.

---

1) Первичная тенденція ожидать вновь того же самого, что было прежде. Простой фактъ, что камень, брошенный въ прудъ, наполненный водой, производитъ брызги и рядъ волнъ, сопровождается ожиданіемъ, что тѣже самыя слѣдствія произойдутъ при повтореніи. Умъ дѣлаетъ успѣхи или отправляется по слѣдамъ разъ сложившимся; и, если бываетъ возможность сдѣлать какой нибудь выводъ или заключеніе, основанное на этомъ, онъ повторяетъ извѣстный актъ съ твердымъ убѣжденіемъ въ таковомъ же его результатѣ.

Точный пунктъ въ разсматриваемомъ положеніи представляетъ собою полная увѣренность, основанная на единичномъ опытѣ. Повтореніе мало что присоединяетъ къ первоначальной увѣренности, образовавшейся при первой встрѣчѣ съ предметомъ или событіемъ. Дѣйствіе повторенія принадлежитъ позднѣйшей стадіи.

2) Предположимъ далѣе, что въ обширномъ количествѣ (суммѣ) нашихъ ожиданій бываетъ, что мы встрѣчаемъ ошибку, или, говоря другими словами, брешь въ порядкѣ слѣдованія. Камень, брошенный въ нѣчто, принимаемое (кажущееся) нами за воду, не дѣлаетъ ни брызговъ, ни волнъ. Такое уклоненіе или нарушеніе производитъ умственный толчекъ, нарушеніе ожиданія, разочарованіе, которое приводитъ въ безпорядокъ и разстроиваетъ умъ. Такъ бываетъ при указаніи на разстроивающее обстоятельство прежде сложившагося состоянія ожиданія; каковое состояніе не можетъ быть возобновлено безъ окольнаго процесса. Въ такомъ случаѣ мы находимъ, что мы допустили ошибку по части признанія тожества: какъ напримѣръ, это бываетъ, когда мы приняли ледъ за воду; въ другихъ случаяхъ встрѣчается слабое противорѣчіе, какъ напримѣръ, когда мы ожидаемъ, что завтрашній день солнце встанетъ также, какъ и сегодня.

Количество случаевъ, которые давали бы нашимъ ожиданіямъ увѣренность здѣсь не имѣетъ значенія; здѣсь важно только, чтобы существовало *ненарушимое однообразіе*. Совпаденіе двухъ явленій и ни одного противополож-

2. Нравственныя пріобрѣтенія совершаются подъ общими условіями удерживающей способности.

Въ возвышеніи или ослабленіи природной силы чувствованій и хотѣній, намъ помогаютъ всѣ обстоятельства, перечисленныя относительно способностей интеллекта.

Во первыхъ, необходимо извѣстное *повтореніе*, большее или меньшее, сообразно съ перемѣной, которая должна быть произведена, и съ отсутствіемъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Нравственное воспитаніе рѣдко достигаетъ зрѣлости до поздняго періода жизни.

Во вторыхъ, умъ долженъ быть болѣе или менѣе *сосредоточенъ* на пріобрѣтеніи. Независимо отъ количества повтореній, нравственный прогрессъ во многомъ зависитъ отъ склонности ученика къ спеціальному пріобрѣтенію. Если мы стараемся *съ любовію* достигнуть какого либо важнаго навыка, каково, напримѣръ, управленіе вниманіемъ, нервные токи мозга исключительно совершаются въ этомъ одномъ направленіи вмѣсто того, чтобы быть раздѣленными между другими предметами, приковывающими вниманіе. Менѣе

наго имъ случая представляетъ собой примѣръ полной вѣры; совпаденіе десяти случаевъ *за* и одного *противъ* поселяетъ слабую и несовершенную увѣренность или даже полное недовѣріе вообще.

Существуетъ важная часть въ нашемъ воспитаніи, имѣющая въ виду преодолѣть, примирить и приспособить эти нарушаемые преемственные ряды и мы попадаемъ на различные виды увлеченія цѣлію. Существуютъ нѣкоторые методы чисто раціональнаго свойства; какъ напримѣръ, когда мы пытаемся открыть основанія несходства и находимъ, что оно только кажущееся. Другой путь состоитъ въ томъ, чтобы совершенно покинуть извѣстные выводы, какъ не имѣющіе за себя ничего прочнаго. Въ этомъ состояніи повтореніе бываетъ полезно, какъ средство для отличенія случайныхъ выводовъ отъ постоянныхъ.

3) Наши активныя или эмоціональныя тенденціи дѣйствуютъ какъ нѣчто постоянное въ извѣстномъ руководствѣ. Онѣ могутъ поставить насъ выше дѣйствія (толчка) непослѣдовательности посредствомъ ихъ собственной устойчивости въ препобѣжденіи и уничтоженіи нѣкоторыхъ мучительныхъ впечатлѣній. Когда мы настроены дѣятельнымъ образомъ, мы не придаемъ значенія и не обращаемъ вниманія на препятствія, лежащія на пути къ нашей дѣятельности. Когда извѣстный результатъ бываетъ для насъ очень пріятенъ, мы топимъ и забываемъ непріязненные опыты и предносимъ себѣ какъ бы полное однообразіе. Будутъ-ли удары несбывшагося ожиданія сообщать нашему духу скептическое отношеніе къ вещамъ или сдѣлаютъ наше расположеніе—ожидать слишкомъ многаго—свѣтлымъ и легкимъ, это, весьма въ значительной степени, зависитъ отъ активныхъ и эмоціональныхъ силъ, а въ нѣкоторой степени—и отъ интелектуальнаго воспитанія.

дѣйствительный, но все же могущественный стимулъ, представляетъ приложенiе страданiя.

Въ третьихъ, индивиды различаются по силѣ удерживающей способности или вниманiя въ цѣломъ; она дѣлаетъ ихъ способными въ качествѣ учащихся вообще.

Есть также мѣстныя дарованiя, ведущiя къ специальной памяти въ области знанiя; какъ напримѣръ, хорошiй природный слухъ обусловливаетъ быстрыя музыкальныя познанiя. Было бы слишкомъ утонченно пытаться провести это предположенiе въ область чувствованiй.

3. Условiя, принадлежащiя специально *нравственнымъ прiобрѣтенiямъ*, суть, во первыхъ, *инициатива* и, во вторыхъ, *постепенное подверганiе* себя случаямъ борьбы.

Такъ какъ обширная и важная область нравственнаго прiобрѣтенiя состоитъ въ увеличенiи одной силы для побѣды надъ другой, то великую выгоду представляетъ непрерывный рядъ успѣховъ, который можетъ быть обезпеченъ только сильною помощью, оказываемою мотиву подлежащему усиленiю, и тѣмъ, чтобы не удѣлить ему никогда слишкомъ много власти. Пораженiя должны быть избѣгаемы, особенно на раннихъ ступеняхъ.

4. Мы можемъ начать подробное описанiе съ контроля воли надъ чувствами и стремленiями.

Мы видѣли, что въ борьбѣ мотивовъ, ощущенiямъ и позывамъ оказывали сопротивленiе идеальныя соображенiя, т. е., предвидимое добро и зло. А такъ какъ этотъ контроль зависитъ, прежде всего отъ относительной силы позыва и памяти добра и зла, то слѣдовательно, по крайней мѣрѣ, повторенное дѣйствiе въ одномъ направленiи, удовлетворенiе или неудовлетворенiе позыва, развиваетъ удерживающую способность, или привычку, въ качествѣ прибавочной силы къ преобладающей сторонѣ.

Какъ примѣръ, возьмемъ, выносливость холода ради здоровой возбужденной дѣятельности организма, какъ въ привычномъ холодномъ купанiи и подверганiи себя дѣйствiю непогоды. Здѣсь существуетъ борьба хотѣнiя между настоящимъ ощущенiемъ и добромъ и зломъ въ отдаленiи. Идеальный мотивъ можетъ быть сначала слишкомъ слабъ и нуждаться въ подкрѣпленiи; для этой цѣли желательно присоединить къ нему силу привычки. Начинанiе требуетъ инициативы. Нѣкоторая причина извнѣ должна была бы повести къ правиль-

ному и систематическому вліянію холодной воды и холоднаго воздуха на тѣлесный организмъ. На первыхъ ступеняхъ можно чувствовать нѣкоторое отвращеніе къ этому вліянію. Постоянное повтореніе производитъ двоякое дѣйствіе: оно понижаетъ непріятную чувствительность и усиливаетъ тенденцію совершить дѣйствіе, какъ скоро настало назначенное время. Но, ради болѣе быстраго достиженія этихъ двухъ цѣлей, не должно быть перерыва, или уступки; и встрѣтившееся препятствіе не должно быть такого рода, что производило бы непреоборимое отвращеніе. Отсюда, соразмѣрная иниціатива должна содѣйствовать постепенности закаливанія себя; при существованіи этихъ двухъ условій процессъ привычки становится постояннымъ и надежнымъ. Экспериментируемое лицо, послѣ нѣкотораго времени, можетъ быть предоставлено обыкновеннымъ мотивамъ; нравственное воспитаніе становится законченнымъ.

Параллельная иллюстрація приложима къ воздержанію во всѣхъ областяхъ или контролю надъ позывомъ.

Въ этой же главѣ мы должны отмѣтить управленіе вниманіемъ, направленнымъ противъ развлеченій со стороны внѣшнихъ вещей. Дитя находится подъ вліяніемъ всего бросающагося въ глаза и всякаго звука, и не имѣетъ никакой способности послѣдовательнаго вниманія, развѣ только подъ вліяніемъ какого либо чувствованія, которое сильнѣе остальныхъ. Раннее воспитаніе должно подавлять блуждающій и непостоянный взглядъ. Дитя нужно пріучить на первый разъ, подъ вліяніемъ достаточнаго давленія извнѣ, задерживать вниманіе въ продолженіе нѣкотораго времени и вопреки случайнымъ развлеченіямъ. Требованіе сосредоточенности возрастаетъ медленно, никогда не превышая того, что можетъ совершить соединенная сила иниціативы и пріобрѣтенной наклонности.

Привычка быть равнодушнымъ къ шуму и развлеченію отъ зрѣлища; какъ напримѣръ, въ городской суматохѣ и на рынкахъ, присуща различнымъ положеніямъ и занятіямъ. Способность уединять вниманіе среди шума можетъ быть пріобрѣтена при выполненіи всѣхъ условій. Нужно начать съ нѣкоторой силы, достаточной для отвлеченія ума отъ шума въ теченіе извѣстныхъ періодовъ времени; въ продолженіе каждаго такого періода получается урокъ, и, при достаточномъ повтореніи, сила равнодушія можетъ сдѣлаться пригодною для всѣхъ обстоятельствъ. Привычный процессъ, будучи успѣшнымъ въ большинствѣ случаевъ, въ нѣкоторыхъ однако терпитъ полную неудачу; причина этого состоитъ въ томъ, что чувствительность какимъ-либо вліяніемъ не можетъ быть достаточно по-

бѣждена, чтобы дать возможность начать. Если такіе воспріимчивые умы, вмѣсто того, чтобы быть вдругъ погруженнымъ въ суматоху, могли бы быть подчинены медленно возрастающему звуку, они наконецъ могли бы сдѣлаться нечувствительными къ нему.

5. Культура, приложенная къ спеціальнымъ эмоціямъ, можетъ обнять: 1) эмоціальную воспріимчивость вообще и 2) эмоціи въ отдѣльности.

1) Въ каждомъ лицѣ есть извѣстное эмоціональное строеніе или природная наклонность къ эмоціи вообще; объ этомъ свидѣтельствуетъ множество эмоціональныхъ проявленій. Эта наклонность можетъ быть усилена или уменьшена, образованіемъ на счетъ двухъ другихъ областей духа. Благодаря симпатіи, возбужденію и ободренію, занятію ума эмоціональными упражненіями, область эмоцій расширяется болѣе своего природнаго объема, между тѣмъ какъ воля и интеллектъ, соразмѣрно этому, съуживаются. Если, при положительномъ поощреніи эмоціональной стороны, существуютъ и препятствія къ упражненію воли и интеллекта, то вторичное приспособленіе будетъ еще прочнѣе.

Есть націи, характеръ которыхъ высоко эмоціоналенъ сравнительно съ другими; во главѣ ряда такихъ націй въ Европѣ, мы можемъ помѣстить итальянцевъ, за которыми слѣдуютъ французы, нѣмцы, англичане. Англійское дитя, воспитанное въ Римѣ или Флоренціи, пріобрѣло бы нѣсколько итальянской горячности; итальянское дитя, выросшее на сѣверѣ Шотландіи, пріобрѣло бы болѣе волевой или интеллектуальный характеръ и менѣе эмоціональный.

Выдающіеся признаки эмоціи суть воспріимчивость къ увеселенію, сильная общественность, благоговѣніе къ изящнымъ искусствамъ, болѣе теплыя формы религіознаго чувства и эмоціональный оттѣнокъ научныхъ доктринъ.

2) Одна какая либо эмоція можетъ быть болѣе или менѣе усилена. Весьма важная дисциплина заключается въ поощреніи или подавленіи индивидуальныхъ эмоцій.

Напримѣръ, удовольствіе свободы, вмѣстѣ съ страданіемъ стѣсненія, необходимо препобѣждается во многихъ отношеніяхъ, такъ какъ оно противоположно трудолюбію, повиновенію или подчиненію и неудачамъ и препятствіямъ составляющимъ участь каждаго. Нельзя указать лучшаго примѣра силы привычки, такъ какъ способъ пріобрѣтенія ея вполнѣ согласенъ съ общими правилами. Нерасположеніе къ стѣсненію можетъ быть совершенно препобѣждено, а съ нимъ и

пріятное дѣйствіе свободы. Когда это случилось, мы находимъ, что иниціатива была всемогуща настолько, чтобы обезпечить непрерывное подчиненіе. Въ каждомъ хорошо воспитанномъ умѣ есть множество случаевъ стѣсненій, сначала непріятныхъ, теперь же совершенно безразличныхъ; едва ли почувствовалось бы какое либо удовольствіе при освобожденіи отъ этихъ стѣсненій. Старый солдатъ пріобрѣлъ точность и повиновеніе, вполнѣ механическія; онъ не чувствуетъ ни муки отъ стѣсненія, ни почувствовалъ бы радости, освободившись отъ обязательства.

Въ случаѣ страха мы имѣемъ важную иллюстрацію повелительнаго характера постепеннаго навыка. Желая надѣлить боязливый характеръ, извѣстною степенью мужества, небходимо болѣе всего избѣгать сильнаго испуга. Умѣренное и постепенное подверганіе себя случаямъ, причиняющимъ испугъ, весьма способствовало бы укрѣпленію мужества по навыку, если всѣ другія обстоятельства благопріятны; малѣйшее отступленіе есть серьезная потеря.

Развитіе нѣжнаго чувствованія обнимаетъ обширный кругъ навыка. Независимо отъ ассоціацій, которыя связываютъ его съ спеціальными объектами, составляющими афекціи, удовлетвореніе нѣжнаго чувства увеличиваетъ силу эмоціи, какъ нѣчто цѣлое.

Эмоція самонѣжности, или самодовольства, будучи особеннымъ направленіемъ общаго чувства, находится въ зависимости отъ воспитанія или ограниченія. Инициатива въ этомъ случаѣ должна принадлежать собственной волѣ индивида, такъ какъ другіе не иначе могутъ влiять какъ примѣромъ или нравственнымъ наставленіемъ,— на эмоцію, которая дѣйствуетъ незамѣтно.

Эмоція одобренія, похвалы, славы, можетъ быть подавлена посредствомъ контроля, и подавленіе ея становится обычнымъ. Участіе въ незаслуженныхъ упрекахъ представляетъ часть опыта каждаго: и общественные дѣятели должны особенно выработать въ себѣ установившееся равнодушіе къ оскорбленію. Это—одинъ изъ случаевъ, гдѣ система приспособляется благодаря дѣйствію относительности. Такъ какъ похвала и порицаніе испытываются въ своей высшей степени только въ то время, когда они заслужены, то они зависятъ отъ возникновенія новыхъ случаевъ.

Стремленіе сдѣлаться равнодушнымъ къ порицанію, въ то же время питая удовольствіе отъ похвалы, почти, если не совсѣмъ, противорѣчиво. Мы по привычкѣ можемъ пріобрѣсти нѣкоторую долю равнодушія къ мнѣніямъ другихъ людей, благосклоннымъ или неблагосклоннымъ, отказываясь отъ удовольствія, равно какъ и по-

бѣждая страданіе. Но есть менѣе скоро достигаемый навыкъ: именно, пріобрѣтеніе постояннаго пренебреженія или презрѣнія къ извѣстнымъ индивидамъ, порицаніе которыхъ черезъ это теряетъ свою силу; въ то время, какъ мы продолжаемъ быть воспріимчивыми къ мнѣнію другихъ, расположенныхъ хвалить насъ болѣе, чѣмъ порицать.

Эмоція силы, будучи, въ своемъ необузданномъ удовлетвореніи, столь пагубной, подчиняется контролю на нравственныхъ основаніяхъ. Чтобы пріобрѣсти навыки сдержанности въ отношеніи къ этому страстному желанію, человѣкъ долженъ самъ испытать зло, причиняемое имъ, что даетъ возможность проявиться рѣшительному хотѣнію и тѣмъ вызвать привычное понужденіе.

Взрывы гнѣва должны быть задерживаемы контролемъ воли, перешедшимъ въ привычку. Воспитаніе юношей обнимаетъ и это свойство. Значеніе инициативы вполнѣ обнаруживается въ этомъ случаѣ. Внѣшнее вліяніе, соотвѣтствующее идеальной смѣси твердости и уступчивости, весьма удачно прилагается при ограниченіи дѣтской запальчивости характера, что развиваетъ раннюю привычку хладнокровія и сдержанности. Болѣе трудно достигнуть глубоко внѣдреннаго удовольствія злорадства, чѣмъ сдержать пароксизмы недовольства, обыкновенно часто отожествляемые съ раздражительностію. Человѣкъ можетъ быть взыскательнымъ, ревнивымъ, мстительнымъ, не обнаруживая припадковъ дурнаго расположенія духа.

Область эмоцій, примыкающихъ къ преслѣдованію извѣстныхъ цѣлей можетъ быть поощряема невоздержнымъ увеселеніемъ, или сдерживаема управленіемъ самимъ собою и раннимъ воспитаніемъ. Сильное потворство увеселеніямъ, описанное въ этой главѣ, есть признакъ эмоціональной природы, какъ цѣлаго.

Эмоціи интеллекта лелѣются или сдерживаются тѣми же причинами, какъ и самъ интеллектъ.

Относительно развитія вкуса нельзя сказать ничего новаго. Превращеніе человѣческаго существа, которое родилось съ несовершенною чувствительностію, въ артистическую натуру, выражаетъ, можетъ быть, величайшее усиліе, которое въ состояніи произвести культура, предполагая, что всѣ обстоятельства благопріятны. Въ этомъ случаѣ должны быть уничтожены всѣ господствующіе элементы характера, чтобы довести эту отдѣльную черту отъ ея низшаго до высшаго состоянія.

Нравственныя чувствованія подтверждаютъ самымъ любопытнымъ образомъ тѣ же самыя общія соображенія. Когда элементы нравственнаго чувства извѣстны, способъ его развитія и перехода въ

привычку достаточно ясенъ; но важность предмета заслуживаетъ особой главы.

6. Извѣстныя привычки могутъ видоизмѣняться подъ условіемъ дѣятельности или воли.

1) Въ связи съ активными органами мы пріобрѣтаемъ привычки закаленности и выносливости, какъ результатъ практики. Органъ, постоянно упражняемый—рука, кисть руки, органъ рѣчи—достигаютъ большей силы и постоянства, если только привыканіе бываетъ постепенно, и запросы никогда не бываютъ слишкомъ велики. Однако, мы не должны забывать, что такой укрѣпляющій процессъ, доведенный далеко, будетъ издерживать такъ много питанія всей системы, что можетъ серьезно повредить остальнымъ функціямъ, тѣлеснымъ и духовнымъ. Въ отношеніи физической траты, интеллектъ есть самая дорогая для насъ функція.

Обнаружить количество самопроизвольнаго дѣйствія большее, чѣмъ сколько принадлежитъ организму по природѣ, есть одинъ изъ возможныхъ путей перераспредѣленія силъ системы. Вялый, недѣятельный темпераментъ можетъ быть вызванъ къ большей энергіи, отказываясь отъ другихъ пунктовъ превосходства, какъ напримѣръ, когда человѣкъ, *крѣпостью* котораго служитъ умъ, вступаетъ въ армію, или другую активную профессію.

2) На привычкѣ выносливости, какъ связанной съ желаніемъ, можно бы съ выгодой остановиться. Есть случаи, гдѣ выносливость вошла въ привычку, подъ условіемъ внѣшней инициативы, какъ въ наученьи работать. Въ другихъ случаяхъ она есть рѣшеніе собственной воли, подъ вліяніемъ мотивовъ добра и зла. Если можно сохранить извѣстную степень устойчивости при перенесеніи жестокаго страданія, то наградой будетъ ослабленіе усилія или борьбы.

7. Волевой контроль надъ интеллектуальными рядами можетъ войти въ привычку.

Есть два особые способа произвольнаго контроля надъ рядами мыслей и въ обоихъ практика ведетъ къ привычкѣ.

1) Умственное сосредоточеніе, какъ враждебное развлеченіямъ, бреднямъ, мечтамъ, можетъ быть управляемо мотивомъ; и, равномѣрно начиная и поддерживая его постоянно, мы можемъ пріобрѣсти легкость, которую даетъ эта привычка.

2) Способность удалить извѣстный предметъ изъ сознанія есть упражненіе воли въ противоположность интеллектуальной устойчивости и трудность пріобрѣтенія ея сообразна съ тѣмъ, насколько

это устойчивость воспламеняется чувствованіемъ. Требуя сначала громаднаго и невозможнаго усилія, эта способность присуща людямъ дисциплинированнымъ для интеллектуальныхъ профессій и существенно необходима для быстраго совершенія разнообразныхъ занятій.

Важно повторить, что многіе навыки, описанные подробно въ этой главѣ, представляютъ собѳю обширныя перемѣны, доходящія почти до пересозданія человѣческаго характера; и что для того, чтобы сдѣлать ихъ возможными, условія пластическаго роста должны быть присущи въ необыкновенно благопріятной степени. Тѣлесное здоровье и питаніе, изъятіе отъ утомленія, истерзанія и изнуренія, отсутствіе большихъ запросовъ на пластическую силу со стороны другихъ навыковъ, вмѣстѣ съ особенными условіями, подробно раскрытыми въ этой главѣ, должны соединиться съ природнымъ дарованіемъ памяти, чтобы произвести эти великія нравственныя перемѣны.

ГЛАВА X.

Благоразуміе.—Долгъ.—Нравственная неспособность.

1. Область человѣческихъ стремленій, въ цѣломъ дѣлится, по важнымъ практическимъ причинамъ, на два большіе отдѣла.

Первый обнимаетъ самое высшее и самое обширное отношеніе къ себѣ и называется *благоразуміемъ*, самолюбіемъ, стремленіемъ къ счастію. Благоразумію противятся или перечатъ, преимущественно, побужденіе настоящаго добра или зла и установившіяся идеи.

Счастіе составляется изъ суммы нашихъ удовольствій съ вычетомъ суммы нашихъ страданій; и стремленіе къ нему сводится къ исканію одного и избѣжанію другого. Существуетъ нѣкоторая сложная смѣсь добра и зла всегда въ отдаленіи, такъ что, даже при отсутствіи нравственной слабости, мы нашли бы проблему нашего наибольшаго счастія въ цѣломъ значительно запутанною.

Вліянія въ пользу благоразумія—слѣдующія: — 1) Природная способность, на которую столь часто были дѣлаемы ссылки, къ припоминанію добра и зла, посредствомъ котораго будущія выгоды

сильно воспроизводятся въ борьбѣ съ настоящимъ или дѣйствительнымъ удовольствіемъ или страданіемъ.

2) Вліянія, оказываемыя на умъ, особенно въ ранніе годы, путемъ авторитета, примѣра, предостереженія, наслажденія,—вліянія, которыя, удачно оказанныя, могутъ доставить мотивы и образовать привычки, способныя противодѣйствовать сильнымъ возбужденіямъ настоящаго позыва или эмоціи.

3) Пріобрѣтенныя познанія, относящіяся къ добрымъ и вреднымъ результатамъ дѣйствія. Полное знакомство съ законами нашего собственнаго тѣла и души, съ общественными явленіями и съ порядкомъ природы вообще содѣйствуютъ благоразумію, предостерегая насъ противъ менѣе очевидныхъ тенденцій поведенія.

4) Поверхностное мнѣніе окружающихъ насъ, общественное затверживаніе въ голову добродѣтельнаго поведенія и цѣлая литература нравственнаго убѣжденія, подкрѣпляемаго перечнемъ одобренныхъ примѣровъ, много содѣйствуютъ образованію благоразумнаго характера зрѣлаго индивида.

Хотя собственная функція общественнаго мнѣнія есть образованіе въ насъ *долга*, какъ противоположнаго просто благоразумію, однако ни въ какой странѣ общество не свободно отъ того, чтобы не учить и даже принуждать къ благоразумному поведенію по одобреннымъ образцамъ.

5) Размышленія индивидуальнаго ума, часто и серьезно направленныя къ тому, что лучше всего на жизненномъ пути, въ высокой степени содѣйствуютъ образованію благоразумнаго характера. Чѣмъ болѣе мы позволяемъ себѣ останавливаться на прошедшихъ ошибкахъ, тѣмъ болѣе мы увеличиваемъ ихъ отвращающую силу въ будущемъ. При этомъ требуется извѣстная привычка обдумывать, чтобы достигнуть умно какую либо цѣль и болѣе всего ту цѣль, которая содержитъ въ себѣ и примиряетъ столь много цѣлей.

2. Второй отдѣлъ стремленія обнимаетъ отношеніе къ другимъ и называется *долгомъ*. Съ нимъ борются не только силы враждебныя благоразумію, но иногда и само благоразуміе.

То обстоятельство, что при преслѣдованіи своего счастія, мы не должны посягать на счастіе другихъ, есть долгъ, въ самой повелительной своей формѣ. На сколько мы должны содѣйствовать благу нашихъ ближнихъ, изъстно не столь опредѣленно.

Главныя вліянія въ пользу долга суть слѣдующія:

I—На симпатическую сторону нашей природы, какъ на источникъ безкорыстныхъ дѣйствій, было уже указано. Въ силу симпатіи мы удерживаемся отъ нанесенія вреда другимъ чувствующимъ существамъ и чѣмъ сильнѣе симпатія, тѣмъ больше сдержанность. Во многихъ случаяхъ мы покидаемъ удовольствія и навлекаемъ на себя страданія скорѣе, чѣмъ причиняемъ страданія тому, кому мы симпатизируемъ.

Симпатія, въ своемъ основаніи, есть природный даръ, весьма слабо проявляющійся въ низшихъ расахъ. Она въ высокой степени различна въ индивидахъ одной и той же расы; и, посредствомъ воспитанія, можетъ быть очень развита. Главное ея условіе, это—обращеніе вниманія на чувствованія другихъ вмѣсто того, чтобы быть совершенно и всегда поглощеннымъ тѣмъ, что касается только насъ самихъ; и это вниманіе можетъ быть вызвано наставниками и затѣмъ перейти въ привычку.

II.—Но, въ какомъ бы объемѣ и степени ни обнаруживалась симпатія человѣческими существами, она недостаточна, чтобы защитить одного человѣка отъ другого. Самая обширная доля препятствія состоитъ въ приложеніи благоразумныхъ или относящихся къ самому себѣ мотивовъ.

1) Наказаніе, или обдуманное причиненіе страданія, во имя коллективной массы существъ, составляющихъ общество, служитъ главною побудительною причиною долга, разсматриваемаго, какъ воздержаніе отъ оскорбленія другихъ. Это не только служитъ главнымъ устрашающимъ средствомъ, но даетъ возможность установить и опредѣлить, что такое долгъ. Общество предписываетъ акты, которые должны считаться предосудительными, и не даетъ мѣста произволу единичнаго гражданина. Наши собственныя симпатіи могли бы принять различное направленіе, побуждая насъ воздерживаться отъ того, чѣмъ наслаждается общество и дѣлать то, что оно запрещаетъ, но намъ препятствуютъ поступать по своему собственному благоусмотрѣнію. Отсюда, долгъ есть путь, начертанный общественнымъ авторитетомъ, или закономъ, и предписанный карой или наказаніемъ.

Законныя наказанія, такимъ образомъ, имѣютъ двоякую важность въ дѣлѣ долга; они и научаютъ ему, и побуждаютъ исполнять его. Частая практика сдерживанія отъ актовъ, навлекающихъ наказанія, порождаетъ самое важное изъ всѣхъ нашихъ активныхъ состояній, это—отвращеніе ко всему, что только запрещено въ этой формѣ. Это отвращеніе составляетъ совѣсть въ ея самомъ общемъ типѣ.

2) Чувство нашей личной пользы въ установленіи систематическаго воздержанія отъ оскорбленія одного человѣка другимъ представляетъ сильный мотивъ благоразумнаго характера. Самое легкое размышленіе научаетъ насъ, что, если каждое лицо не соглашается добровольно воздерживаться отъ того, чтобы не безпокоить своего сосѣда, оно само не находится въ безопасности; и что самое лучшее—это взаимное согласіе или договоръ невмѣшательства, соблюдаемый каждымъ. Ни одно общество не можетъ существовать, если значительное большинство его членовъ не расположено принять такой договоръ и соблюдать его. Наказаніе не приложимо къ цѣлому обществу; оно осуществимо только въ томъ случаѣ, когда большинство добровольно повинуется и достаточно сильно, чтобы сдержать нарушителей договора.

Откровенно говоря, можно сомнѣваться, достаточно ли самаго развитаго благоразумія, чтобы поддерживать общественное повиновеніе. Во всякомъ случаѣ, самолюбіе сдѣлаетъ мало или почти ничего для улучшенія положенія общества; для настоящаго эгоиста потомство—ничто. Самолюбіе не легко допустило бы ту временную трату, которая отплачивается любовію другихъ; необходима извѣстная доля природнаго благородства, чтобы пожинать этотъ родъ удовлетворенія.

Средній характеръ человѣка цивилизованнаго представляетъ извѣстную смѣсь свойствъ благоразумія и симпатіи; оба элемента присутствуютъ, и ни тотъ, ни другой не бываютъ слишкомъ сильны. Бываютъ индивиды до крайней степени благоразумные съ ничтожною степенью симпатіи и до крайности симпатичные съ малою степенью благоразумія; но обыкновенный человѣкъ содержитъ въ себѣ умѣренную долю того и другого. Исполненіе долга отчасти обезпечивается благоразумными мотивами, отчасти симпатическими или великодушными импульсами, которые, до нѣкоторой степени, заставляютъ воздерживаться отъ нанесенія обиды и оказывать самопожертвованія.

3. Средства, поддерживающія благоразуміе, приложимы также къ усиленію мотивовъ долга.

Искусство нравственнаго воспитанія и нравственнаго убѣжденія, другими словами, средства внѣдренія поведенія, предписаннаго обществомъ, какъ обязательнаго для всѣхъ гражданъ, безчисленны и хорошо извѣстны. Раннее внѣдреніе и примѣръ, вмѣстѣ съ употребленіемъ наказанія; сила общественнаго мнѣнія, конкуррирующаго съ властію начальства; систематическія напоминанія религіозныхъ

и нравственныхъ проповѣдниковъ; поучительные уроки изящной литературы; и, не менѣе всего, собственныя привычки умовъ къ размышленію относительно долга;—достаточно дѣйствительны, чтобы вызвать и симпатическіе и благоразумные мотивы, заставляющіе воздерживаться отъ поведенія, запрещаемаго общественнымъ авторитетомъ.

4. *Нравственная неспособность* выражаетъ недостаточность обыкновенныхъ мотивовъ, но не всѣхъ мотивовъ.

О дитяти, которое не въ состояніи противиться искушенію сластей, о горькомъ пьяницѣ, неисправимомъ ворѣ, говорятъ, какъ поступающихъ подъ условіемъ нравственной неспособности подчиняться требованіямъ благоразумія и долга. Смыслъ этого состоитъ въ томъ, что мотивы на одной сторонѣ не испытываютъ соотвѣтствующаго противодѣйствія со стороны мотивовъ другой стороны. Этимъ не хотятъ сказать, что мотивы не оказались бы достаточно сильными, чтобы измѣнить поведеніе во всѣхъ случаяхъ. Тѣмъ менѣе этимъ хотятъ сказать, что звено однообразной причинности въ случаѣ мотива и дѣйствія—неправильно и измѣнчиво.

Есть состояніе ума, гдѣ всѣ мотивы теряютъ свою силу. Неспособность припомнить или реализировать послѣдствія дѣйствія; или болѣзненный обманъ, разстроивающій теченіе мыслей, равнымъ образомъ не дозволяютъ человѣческому существу подчиниться сильнѣйшимъ мотивамъ; тогда неспособность перестаетъ быть нравственною. Таково—состояніе сумашествія и невмѣняемости.

Есть среднее состояніе между здоровымъ и безумнымъ, гдѣ мотивы не потеряли своей силы, но гдѣ самыя строгія санкціи общества, хотя бы въ умѣ, неравны моментальной страсти. Такіе страстные припадки могутъ встрѣчаться при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ у лицъ, считающихся здоровыми и отвѣтственными за свои дѣйствія; если они случаются часто и при слабомъ побужденіи, они составляютъ нѣкоторую степень нравственной неспособности, приближающей къ состоянію безотвѣтственности.

Въ уголовномъ процессѣ человѣкъ считается отвѣтственнымъ, если мотивы все-еще продолжаютъ влiять на него. Другого общаго правила нѣтъ. Съ цѣлію поддержать защиту неотвѣтственности или безумія, необходимо, чтобы обвиняемый не только долженъ бы стоять внѣ вліянія мотивовъ, но чтобы онъ обыкновенно являлся предъ обществомъ таковымъ.

ГЛАВА XI.

Свобода и необходимость.

1. Изъясненіе воли шло на основаніи однообразія порядка между мотивомъ и дѣйствіемъ.

Во всѣхъ предшествующихъ главахъ, или открыто утверждалось, или молча предполагалось, что одинъ и тотъ же мотивъ, въ однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, будетъ сопровождаться однимъ и тѣмъ же дѣйствіемъ. Однообразіе порядка, признанное господствующимъ въ физическомъ мірѣ, принимается и въ духовномъ мірѣ, хотя условія слѣдованія—различнаго характера, такъ какъ заключаютъ въ себѣ состоянія субъективнаго сознанія. Безъ этого предположенія вся надстройка теоріи воли представляла бы призрачное зданіе безъ основанія. Насколько эта теорія оказалась согласною съ извѣстными фактами и опытомъ человѣческаго дѣйствія, она свидѣтельствуетъ о существованіи закона въ области произвольнаго дѣйствія.

Независимо отъ соображеній и выводовъ психологической науки, практика человѣческаго рода, ради преуспѣянія его интересовъ, принимаетъ принципъ однообразія. Никто никогда не думалъ, что человѣческія дѣйствія возникаютъ безъ мотивовъ, или что одни и тѣ же мотивы дѣйствуютъ различно при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ. Голодъ всегда побуждаетъ искать пищи; нѣжное чувствованіе ищетъ объекта любви; гнѣвъ ведетъ къ отмщенію. Если бы въ этихъ слѣдованіяхъ былъ какой либо перерывъ, это не должно быть приписано отсутствію мотивовъ, но сосуществованію другихъ, болѣе могущественныхъ мотивовъ.

Торговля, управленіе, сношеніе людей вообще были бы невозможны безъ господства закона въ дѣйствіяхъ человѣческихъ существъ. Учитель долженъ признать, что жалованье обезпечитъ его службу; верховная власть не имѣла бы никакого основанія, если бы не было отвращающаго дѣйствія наказанія. Такая вещь, какъ *характеръ*, или предсказаніе будущаго поведенія человѣка, судя по прошедшему, была бы неизвѣстна. Мы не болѣе могли бы существовать при неизвѣстности въ нравственномъ мірѣ, чѣмъ жить на планетѣ, гдѣ тяготѣніе по временамъ было бы способно къ остановкѣ.

Если вѣрно, что среди всѣхъ духовныхъ явленій происходитъ нѣкоторая причинность, то перерывъ духовныхъ слѣдованій предполагалъ бы неправильность въ физическомъ слѣдованіи. Два эти міра должны стоять или падать вмѣстѣ.

Предсказаніе человѣческаго поведенія не менѣе надежно, чѣмъ предсказаніе физическихъ явленій. Развитіе духа не болѣе неизвѣстно, чѣмъ развитіе тѣла. Трудность въ обоихъ случаяхъ одна и таже, это—сложность и неизвѣстность дѣйствующихъ при этомъ агентовъ; и есть много случаевъ, гдѣ о духѣ можно болѣе утверждать, чѣмъ о тѣлѣ.

Всеобщность закона причинности отрицалась и въ древности, и въ новѣйшее время; но отрицаніе не ограничилось духовною областью. Сократъ дѣлилъ знаніе на *божественное* и *человѣческое.* Къ *божественному* онъ причислялъ астрономію и вообще физическую философію,—область, которая была внѣ предѣловъ человѣческихъ занятій и сберегалась богами ради ихъ собственнаго спеціальнаго контроля, такъ какъ было бы богохульствомъ со стороны человѣка изслѣдовать, какими законами, или на какихъ основаніяхъ, эта область управлялась. Было только позволено приближаться къ богамъ и узнавать о томъ, что имъ желательно и пріятно посредствомъ оракуловъ и жертвъ. *Человѣческая* область включала въ себѣ спеціальныя изслѣдованія Сократа относительно справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго, благочестиваго и нечестиваго, трезвости, умѣренности, мужества, управленія государствомъ, и т. п.; было кстати и настоятельно нужно дѣлать наблюденія и изслѣдованія относительно всѣхъ этихъ предметовъ и руководиться въ своемъ поведеніи заключеніями собственнаго ума.

Новѣйшее ученіе, ограничивающее законъ всеобщей причинности, открывается изъ теоріи частнаго промысла, изложенной Томасомъ Чальмеромъ и другими. Признается, что Божество, соблюдая точную правильность во всѣхъ явленіяхъ, которыя очевидны и понятны, каковы движенія планетъ, приливъ и отливъ, наклоны рѣкъ, можетъ въ неизъяснимыя тайны ввести уклоненія, какъ напр., въ перемѣны погоды, выздоровленіе больнаго, или въ сложный процессъ разсужденія.

Нужно замѣтить, что исключеніе изъ закона въ такихъ теоріяхъ не ограничивается духовнымъ міромъ, но обнимаетъ въ равной, если только не въ большей, степени и физическій міръ.

2. Запутанность вопроса о свободѣ воли главнымъ образомъ обязана непригодности терминовъ для выраженія фактовъ.

Идея „свободы", присущей человѣческой волѣ, кажется, первый разъ появилась въ сочиненіяхъ стоиковъ. О добродѣтельномъ человѣкѣ они говорили, что онъ *свободенъ*, а о порочномъ, что онъ *рабъ*; здѣсь матафора употреблена не съ намѣреніемъ объяснить произвольное дѣйствіе, но съ цѣлію приписать возвышенный и благородный признакъ добродѣтели. Сократъ употреблялъ ту же самую фигуру, съ цѣлію противопоставить изслѣдователей того, что онъ признавалъ настоящею областію человѣческаго изученія (справедливость, благочестіе и проч.), тѣмъ, которые ничего не вѣдали объ этихъ предметахъ.

Эпитеты „свободный" и „рабъ", приложенные одинъ къ добродѣтельному, другой къ порочному человѣку, встрѣчаются въ сочиненіяхъ іудея Филона, черезъ котораго они вѣроятно перешли въ христіанское богословіе. Что касается примѣнимости ихъ ко всему, кромѣ ассоціацій достоинства и недостоинства, то ни одна метафора не потерпѣла больше неудачъ. На сколько дѣло идетъ объ идеѣ подчиненія, добродѣтельный человѣкъ—большій рабъ; чѣмъ болѣе добродѣтеленъ онъ, тѣмъ болѣе онъ подчиняется авторитету и ограниченіямъ всякаго рода; между тѣмъ какъ совершенно порочный человѣкъ эманципируетъ себя отъ всякаго обязательства и становится рабомъ только въ томъ случаѣ, когда его товарищи не захотятъ терпѣть его болѣе. Вѣрный типъ свободы представляетъ безнаказанный негодяй или успѣшный узурпаторъ.

Новѣйшее ученіе о свободѣ воли, какъ противоположной необходимости, прежде всего получило видное мѣсто и значеніе въ связи съ теоріей первороднаго грѣха и взглядами св. Августина на предопредѣленіе. Позже о ней спорили Арминіане и Кальвинисты.

Главное возраженіе противъ свободы воли это—несоотвѣтственность, непримѣнимость, или непригодность метафоры „свобода" въ вопросѣ о слѣдованіи мотива и акта въ хотѣніи. Собственный смыслъ слова „свободный"—отсутствіе внѣшняго принужденія; всякое чувствующее существо, имѣя мотивъ къ дѣйствію и не испытывая препятствія со стороны какого либо другого существа, свободно во всѣхъ отношеніяхъ; лисица, побуждаемая голодомъ и подкрадываясь незамѣтно на птичій дворъ, дѣйствуетъ свободно. Свобода торговли, свобода печати, свобода земли—понятныя выраженія; но вопросъ, свободенъ ли человѣкъ, безъ всякаго внѣшняго понужденія слѣдующій своимъ собственнымъ мотивамъ, или онъ принуждается своими мотивами, не имѣетъ никакого значенія. Если подъ необхо-

димостью подразумѣвать то, что когда только въ умѣ возникаетъ желаніе, оно непремѣнно удовлетворяется, что нѣтъ какого либо препятствія къ реализированію всякаго мыслимаго удовольствія и уничтоженію всякаго возникающаго страданія, то такая необходимость есть также высшая степень свободы. Безпрерывное слѣдованіе мотива и акта, желанія и исполненія, можетъ быть названо необходимостью, но оно есть также совершенное благополучіе; то, что мы называемъ свободою, есть только средство къ такому завершенію.

Особенность произвольнаго дѣйствія, въ сравненіи съ силами неодушевленнаго міра,—та, что предшествующее и послѣдующее явленія суть сознательныя или духовныя состоянія (связанныя, безъ сомнѣнія, съ тѣлесными состояніями). Когда чувствующая тварь сознаетъ удовольствіе или страданіе, реальное или идеальное, и преслѣдуетъ его сознательнымъ упражненіемъ своихъ мускуловъ, мы имѣемъ фактъ хотѣнія; фактъ, весьма различающійся отъ движенія текущей воды, или метеора, и требующій описанія въ фразеологіи, заключающей въ себѣ психическіе факты, равно какъ и физическіе. Но ни „свобода", ни „необходимость" не годятся для выраженія того, что происходитъ. Въ этомъ процессѣ присутствуютъ всегда два различныя явленія, которыя должны быть описаны, извѣстныя явленія духа, связанныя съ извѣстнымъ физическимъ фактомъ. Эти два явленія—послѣдовательно преемственны во времени; прежде—чувствованіе, потомъ движеніе. Наша психическая жизнь содержитъ въ себѣ великое множество такихъ послѣдовательностей,—удовольствія, сопровождаемыя дѣйствіями и страданія тоже сопровождаемыя дѣйствіями. Не рѣдко два, три или четыре чувствованія, противодѣйствующія или содѣйствующія другъ другу, встрѣчаются вмѣстѣ; и тогда дѣйствіе—не то, которымъ обыкновеннно сопровождалось извѣстное чувствованіе само по себѣ, но результатъ различныхъ чувствованій. На дѣлѣ это приводитъ въ замѣшательство зрителя, который не можетъ допустить множества импульсовъ; но это не составляетъ большаго различія съ явленіемъ, чѣмъ различіе между камнемъ, падающимъ перпендикулярно подъ дѣйствіемъ одной силы земнаго притяженія, и луною, движимой совокупностію силъ, исчисляемыхъ только высшими математиками.

Мы не превращаемъ психическихъ слѣдованій въ чисто матеріальные законы, называя ихъ слѣдованіями и считая ихъ (по очевидности факта) однообразными въ своемъ дѣйствіи. Даже, если бы мы допустили это ошибочное превращеніе, поправляющимъ средствомъ

не служило бы употребленіе слова „свободный." Мы могли бы съ равною точностію назвать паденіе камня свободнымъ, равно какъ и уклоненіе луны подъ дѣйствіемъ солнечнаго возмущенія; ибо камень могъ бы быть задержанъ, а луна, такъ или иначе, принуждена держаться эллипсиса. Такая фразеологія была бы, очевидно, безсмысленна и нелѣпа, но ничуть не болѣе, какъ и въ приложеніи къ психическому слѣдованію произвольнаго дѣйствія *).

3. На основаніи ученія объ однообразномъ слѣдованіи мотива и дѣйствія, различные термины получаютъ значеніе—каковы выборъ, обдумываніе, самоопредѣленіе, нравственное дѣйствіе, отвѣтственность.

Предполагаютъ, что эти термины заключаютъ въ себѣ, болѣе или менѣе, свободу воли и объяснимы по какой либо другой теоріи. Они всѣ, однако, могутъ быть объяснимы безъ таинственности свободной воли.

---

*) Такъ какъ можетъ казаться неправдоподобною и натянутою гипотезою изображать людей съ высшимъ развитіемъ, запутавшимися въ словесной неточности, то для учащагося можно представить нѣсколько параллельныхъ случаевъ.

Элеецъ Зенонъ старался доказать невозможность движенія. Онъ говорилъ, что тѣло должно двигаться или въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно есть, или въ томъ мѣстѣ, гдѣ его нѣтъ; но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ движеніе невозможно; ибо, по первому предположенію, тѣло оставляетъ свое мѣсто и второе предположеніе нелѣпо.

Здѣсь простой фактъ оспаривается доказательствомъ, казавшимся многимъ неопровержимымъ. Вѣрный отвѣтъ состоитъ въ томъ, что языкъ противорѣчитъ самъ себѣ; движеніе несовмѣстимо съ фразою *на* мѣстѣ; фактъ точно выражается *перемѣной мѣста*. Введите это опредѣленіе, и замѣшательство прекратится; удержите несовмѣстимое выраженіе *на* мѣстѣ и неразрѣшимая тайна на лицо. Тотъ же философъ, съ подобнымъ же остроуміемъ, играя словомъ «безконечный», разсуждалъ, что еслибы Ахиллесъ и черепаха начали бѣгать въ запуски, Ахиллесъ никогда не догналъ бы черепаху.

Въ «Филебѣ» Платона есть таинственная теорія, построенная на приложеніи терминовъ «истинный» и «ложный» къ удовольствіямъ и страданіямъ. Истина и ложь суть свойства, принадлежащія только утвержденіямъ или вѣрованіямъ; приложеніе ихъ для опредѣленія удовольствія или страданія можетъ вести только къ нелѣпости или абсурду. Съ такимъ же правомъ удовольствіе могло бы называться круглымъ или квадратнымъ, сырымъ или сухимъ.

Многіе нелѣпые вопросы возникали вслѣдствіе неудачнаго приложенія аттрибутовъ протяженнаго или объективнаго міра къ субъективному духу. Если бы мы спросили, сколько чистыхъ духовъ можетъ помѣститься на кончикѣ иголки, или содержаться въ кубическомъ пространствѣ, мы были бы виновны въ ложномъ примѣненіи утвержденія. Схоластики спорили, находится ли душа въ каждой части тѣла, или во всемъ тѣлѣ; вопросъ неразрѣшимъ, потому что—недѣйствителенъ. Это не есть непонятное предложеніе, но дурной языкъ.

Выборъ. Когда какое либо лицо выбираетъ одну вещь изъ многихъ представленныхъ, то говорятъ, что выборъ включаетъ въ себѣ свободу или вольность. Этотъ простой фактъ состоитъ въ томъ, что всякій предметъ имѣетъ нѣкоторую привлекательность; между тѣмъ какъ тотъ, на которомъ вниманіе остановилось, предполагается имѣющимъ самую большую привлекательность. Пусть будутъ три блюда на столѣ; то блюдо, которое кто либо сталъ ѣсть, очевидно считается имъ за самое лучшее. Таково полное значеніе выбора. *Свобода* выбора не имѣетъ ни какого смысла или приложенія, развѣ только въ отношеніи къ нѣкоторому препятствію извнѣ. Дитя, которому дозволяютъ ѣсть только изъ одного блюда, не имѣетъ свободы выбора. При отсутствіи препятствія, рѣшеніе слѣдуетъ въ сторону сильнѣйшаго мотива, будучи единственнымъ критеріемъ силы мотива вообще. Иной можетъ избрать блюдо, которое менѣе всего удовлетворяетъ его въ данный моментъ, но если такъ, то при этомъ должны существовать нѣкоторые другіе мотивы добра или зла въ возможности. Предположеніе нашего дѣйствія, безъ соотвѣтствующаго мотива, ведетъ сразу къ противорѣчію самому себѣ; ибо мы всегда судимъ о силѣ мотива по преобладающему дѣйствію.

Обдумываніе. Это слово было уже объяснено подробно въ теоріи мотивовъ воли. Въ немъ нѣтъ ничего такого, что благопріятствовало бы приложенію несчастной метафоры „свобода". Если мы подвергнуты двумъ противоположнымъ мотивамъ, то исходъ можетъ быть различный. Мы можемъ сразу постановить рѣшеніе, что свидѣтельствуетъ о томъ, что одинъ мотивъ сильнѣе другого; мы подходимъ къ тремъ развѣтвляющимся дорогамъ, и направляемся по одной лежащей направо, выказывая рѣшительное превосходство мотива въ этомъ направленіи. Это простой выборъ безъ колебанія, требующаго обсужденія. Вторую возможность представляетъ нерѣшительное дѣйствіе. Оно свидѣтельствуетъ или о томъ, что мотивы находятся въ равновѣсіи, производя нерѣшительность, или что совершается процессъ обдумыванія, мотивомъ котораго служатъ испытанныя бѣдствія отъ опрометчиваго дѣйствія въ случаяхъ различныхъ мотивовъ. Послѣ нѣкотораго времени обсужденіе прекращается, такъ какъ, по достаточномъ сравненіи противоположныхъ побужденій, послѣдовало рѣшеніе; затѣмъ, слѣдуетъ дѣйствіе, свидѣтельствующее, который изъ мотивовъ наконецъ оказался сильнѣйшимъ.

Ни въ какой части этого процесса не можетъ быть и рѣчи о

точномъ приложенiи термина „свобода“, развѣ только при предположенiи, что мы вынуждены были дѣйствовать такъ вслѣдствiе внѣшней силы. Путешественникъ, котораго разбойникъ готовъ застрѣлить, не имѣетъ свободы обсужденiя или чего либо подобнаго. Сборище, окруженное вооруженною силою, потеряло свою свободу. Человѣкъ, изъятый изъ подъ такого принужденiя, находится подъ дѣйствiемъ различныхъ мотивовъ и наконецъ рѣшается; какой либо одинъ или большее число мотивовъ признаются, вслѣдствiе этого, высшими сравнительно съ другими.

Самоопредѣленiе. Предполагается, что подъ этимъ словомъ подразумѣвается нѣкоторая особенность, не выражаемая вполнѣ слѣдованiемъ мотива и дѣйствiя. Вѣрятъ, что нѣкоторая сущность, называемая „я“, неразрѣшимая въ движенiе, вмѣшивается въ произвольный актъ.

Но, вмѣстѣ съ другими терминами, и самоопредѣленiе не имѣетъ понятнаго значенiя, исключая того случая, когда оно противополагается принужденiю извнѣ. Если поведенiе человѣка опредѣляется мотивами его собственнаго разума, независимо отъ принужденiя со стороны другого лица, онъ обладаетъ самоопредѣленiемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Не требуется, чтобы онъ долженъ былъ дѣйствовать иначе, какъ по достаточнымъ мотивамъ, для того, чтобы быть самоопредѣляемымъ. „Я“, при дѣйствiи, представляетъ только сумму чувствованiй, прiятныхъ и непрiятныхъ, дѣйствительныхъ и идеальныхъ, которыя обусловливаютъ поведенiе вмѣстѣ съ различными дѣятельностями.

Самоопредѣленiе можетъ быть употреблено для указанiя важнаго различiя въ нашихъ мотивахъ, различiя между *постоянными* интересами и *временными* требованiями. Тотъ, который подчиняется первому классу, разсматривается какъ въ особенности самоопредѣляемый, сравнительно съ тѣмъ, который слѣдуетъ временнымъ и скоропреходящимъ мотивамъ. Различiе дѣйствительное и важное, вполнѣ объясненное при изложенiи воли. Уничтоженiе внутренними средствами скоропреходящей дѣйствительности удовольствiя и страданiя требуетъ великаго обнаруженiя нравственной силы, но не имѣетъ никакого отношенiя къ предполагаемой „свободѣ“ воли. Оно есть фактъ характера, точно выражаемаго прiобрѣтенною силою идеальныхъ мотивовъ, обнаруживающеюся въ ихъ превосходствѣ предъ настоящими и дѣйствительными мотивами. Строгое постоянство составляетъ славу характера; чѣмъ выше постоянство, подтверждаемость дѣйствующаго лица, тѣмъ выше достигнутое превосходство.

Коллективное „я“ или „самъ“ не можетъ быть чѣмъ либо отличнымъ отъ чувствованій, дѣйствій и ума индивида; если только, въ самомъ дѣлѣ, не предполагать, что тройственная классификація души неполна. Но пока человѣческое поведеніе можетъ быть объяснено указаніемъ на нѣкоторую чувствительность по отношенію къ удовольствію и страданію, на активный механизмъ и умъ, намъ нѣтъ нужды принимать нѣчто иное, въ родѣ „я“ или „самъ.“ Когда „я“ гуляю по полю, то въ этомъ нѣтъ ничего кромѣ извѣстнаго мотива, основаннаго на моихъ ощущеніяхъ, дѣйствующихъ на мои активные органы; слѣдованіе этихъ двухъ частей „я“ составляетъ цѣлый фактъ. Способъ выраженія „я гуляю“ не измѣняетъ природы явленія.

Самоопредѣленіе можетъ быть приложено къ явленію избѣжанія или противорѣчія преемству воли, когда человѣкъ отступаетъ отъ своего обычнаго поведенія, съ цѣлію смутить или одурачить зрителей. Однако очевидно, что прекращеніе извѣстнаго обычнаго поведенія—все-же не безъ мотива; мотивъ въ этомъ случаѣ заключается въ чувствѣ гордости или удовлетворенія, въ обманѣ любопытства, или въ перехитреніи разсчетовъ другихъ лицъ.

Слово „самопроизвольность“ есть синонимъ самоопредѣленія, но нисколько не болѣе оправдываетъ нелѣпую метафору. Мы уже видѣли важное значеніе этого слова въ ученіи о присущей животной системѣ дѣятельности, въ противоположность чувствамъ обусловленной дѣятельности. Болѣе обыкновенный смыслъ этого слова тотъ же самый, какой приданъ ему выше, и молча предполагаетъ отсутствіе принужденія, или даже внушенія или возбужденія извнѣ. Свидѣтель преступленія, доносящій о немъ безъ всякаго принужденія, дѣйствуетъ самопроизвольно.

Нравственное дѣйствіе. Слово „нравственный“—двусмысленно. Въ противоположность физическому или матеріальному, оно означаетъ духовное, принадлежащее душѣ; въ этомъ смыслѣ нравственный дѣятель есть дѣятель произвольный; существо, дѣйствія котораго вынуждаются его чувствованіями.

Въ этомъ смыслѣ въ нравственномъ дѣйствіи не должны отсутствовать мотивы; необходимо только, чтобы индивидуальное существо чувствовало удовольствіе и страданіе и дѣйствовало сообразно съ этими чувствованіями. Всякая тварь, обладающая душою, есть нравственный дѣятель.

Въ другомъ значеніи, нравственное противополагается безнравственному или несправедливому и означаетъ то же, что справедливое. Это—болѣе узкое значеніе. Когда философія морали становится

философіей этики, или долга, то мораль означаетъ принадлежность къ справедливости и несправедливости, долгу, нравственности.

Въ этомъ смыслѣ нравственный дѣятель—тотъ, который дѣйствуетъ согласно справедливости или долгу, или иначе тотъ, котораго дѣйствія соотвѣтствуютъ критерію справедливаго и несправедливаго. Животныя не суть нравственные дѣятели въ этомъ значеніи слова, хотя они таковы въ предшествующемъ смыслѣ; не болѣе моральны и дѣти, или сумасшедшіе.

Обстоятельства, объясняющія нравственное дѣйствіе, въ болѣе узкомъ и благородномъ приложеніи этого слова, обнаруживаются лучше въ связи съ словомъ, которое сейчасъ будетъ объясняемо.

Отвѣтственность, Вмѣняемость. О нравственномъ дѣятелѣ, обыкновенно, говорятъ, что онъ отвѣтствененъ или вмѣняемъ. Слово отвѣтственность, собственно говоря, фигурально; это называется „метанимiей,“ когда фактъ, который хотятъ выразить, обозначается однимъ изъ подходящихъ (adjunct) словъ. Предполагается цѣлый рядъ обстоятельствъ, изъ которыхъ именуется только одно. Здѣсь принимается (1) законъ или авторитетъ, (2) дѣйствительное или возможное неповиновеніе (3) обвиненіе неповинующагося лица, (4) *отвѣтъ* на обвиненіе, и (5) навлеченіе наказанія, въ случаѣ если отвѣтъ признанъ недостаточно оправдывающимъ.

Трудно на первый взглядъ видѣть, какое соотношеніе имѣетъ предполагаемая свобода дѣйствія съ какою либо частію этого процесса. Согласно теоріи мотивовъ воли, здѣсь все ясно и правильно. Признайте существованіе закона и все будетъ естественно. Чтобы обезпечить повиновеніе закону, неповинующійся долженъ испытать нѣкоторое страданіе, достаточное, но не болѣе, чѣмъ достаточное, для отвращенія его отъ неповиновенія. Всякій подданный подлежитъ наказанію за неповиновеніе закону; но, во всѣхъ странахъ, даже очень мало цивилизованныхъ, требуются извѣстныя формальности для удостовѣренія въ преступности каждаго обвиняемаго въ неповиновеніи, къ которому слова—отвѣтственность, вмѣняемость—точно приложимы; послѣ того, какъ эти формальности удовлетворены и преступность установлена, налагается наказаніе.

Въ весьма простой процессъ, съ момента, когда упомянуто слово „свобода“, введена безконечная путаница. Говорятъ, что несправедливо было бы наказывать человѣка, если онъ не свободный дѣятель; это трюизмъ, если подъ свободой разумѣть только отсутствіе внѣшняго принужденія; а если ее понимать въ какомъ либо другомъ смыслѣ, то это абсурдъ. Если полезно ограничивать поведеніе

чувствующаго существа, и если угроза страданіемъ дѣйствуетъ задерживающимъ образомъ на такое поведеніе, то положеніе наказанія доказано. Мы должны далѣе оправдать учрежденіе закона какъ въ качествѣ мотива или начала для однихъ дѣйствій тамъ и для отвращенія или препятствія другимъ. Первый постулятъ есть человѣческое общество: второй—соотношеніе (которое должно быть однообразно) между страданіемъ и дѣйствіемъ для избѣжанія его. Признавъ эти два постулята, мы вполнѣ защитили наказуемость (влекущую за собою, въ хорошо установленномъ обществѣ, отвѣтственность).

Каковъ бы ни былъ взглядъ на цѣли наказанія, онъ предполагаетъ теорію воли здѣсь защищаемой, именно, однообразное соотношеніе между мотивомъ и дѣйствіемъ. Если бы страданіе, настоящее или грядущее, не побуждало человѣческія существа избѣгать всего, что причиняетъ его и совершать все, что освобождаетъ отъ него, наказаніе не оказывало бы никакой помощи, будь цѣлію его благо общества, или благо оскорбителя, или того и другого вмѣстѣ *).

Другое мнимое затрудненіе, происшедшее въ отношеніи къ наказанію представляетъ аргументъ Оуэнистовъ, „что дѣйствія человѣка суть результатъ его характера, и что человѣкъ невиновникъ своего характера: вмѣсто того, чтобы наказывать преступниковъ, общество, поэтому, должно давать имъ лучшее воспитаніе". Отвѣтъ на это—тотъ, что общество должно бы стараться изо всѣхъ силъ воспитать всѣхъ гражданъ въ справедливости, а что если это воспитаніе, главнымъ образомъ, состоитъ въ наказаніи? Отнимите силу наказанія и не останется никакого постижимаго средства нравственнаго воспитанія. Правда, что хорошее нравственное воспитаніе не всецѣло состоитъ въ наказаніи; мудрый и благожелательный родитель старается, при посредствѣ ласки и кротости, образовать

---

*) Спорный вопросъ «отвѣтственъ ли человѣкъ за свои вѣрованія», другими словами, имѣетъ ли общество право наказывать людей за ихъ мнѣнія? Два критерія наказуемости укажутъ рѣшеніе. Во первыхъ, должны ли существовать законы, объявляющіе, что всѣ граждане должны вѣрить въ извѣстныя вещи? Во вторыхъ, повліяютъ ли страданія и наказанія на вѣру человѣка также, какъ они могутъ вліять на дѣйствія? Отвѣтъ на первый вопросъ будетъ заключаться въ другомъ вопросѣ, «должна ли быть терпимость ко всѣмъ мнѣніямъ?» Отвѣтъ на другой вопросъ состоитъ въ томъ, что наказанія способны контролировать вѣрованія, съ незначительною оговоркою. Они могутъ остановить *исповѣданіе* какого-либо мнѣнія; и, въ сомнительныхъ умозрѣніяхъ, они могутъ такъ расположить воспитаніе и изслѣдованіе, что масса человѣческаго рода будетъ твердо вѣрить тому, что предписываетъ государство.

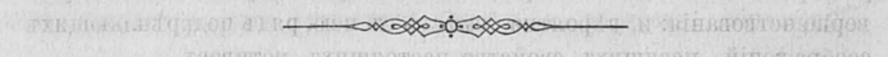
добродѣтельныя расположенія въ дитяти. Все же мы можемъ спросить, существовало ли когда какое либо человѣческое существо, выросшее до пониманія справедливаго и несправедливаго безъ страха страданія, сопровоздающаго запрещенныя дѣйствія? Можно утверждать съ увѣренностію, что наказаніе, или возмездіе въ нѣкоторой формѣ, составляетъ одну половину движущей силы къ добродѣтели въ самыхъ лучшихъ изъ человѣческихъ существъ, а покамѣсть оно составляетъ болѣе, чѣмъ три четверти въ массѣ человѣческаго рода.

Другая неудачная форма выраженія, касающаяся субъекта, слѣдующая: „мы можемъ усовершенствовать свой характеръ, если захотимъ". Это выраженіе кажется противорѣчащимъ теоріи мотивовъ воли,—теоріи, каторая дѣлаетъ человѣка, такъ сказать, креатурой обстоятельстъ. Нашъ языкъ даетъ, однако, только одинъ примѣръ ловушки, въ которую мы можемъ попасть въ томъ случаѣ, когда ставятъ извѣстный вопросъ съ дурною цѣлію. Нашъ характеръ усовершаемъ, когда въ нашей душѣ существуютъ мотивы къ усовершенствованію его; онъ не усовершаемъ безъ такихъ мотивовъ. Никакой характеръ не улучшался когда либо безъ подходящаго ряда мотивовъ—или наказанія, отвергаемаго Оуэнистомъ, или извѣстныхъ чувствованій другого рода, каковы любовь, симпатія, возвышенные идеалы и т. д. Представить душѣ кого либо эти мотивы—значитъ дать средство усовершенствованія. Сказать человѣку, „вы можете усовершенствоваться, если вы захотите", значитъ употребить безсмысленную формулу, подъ покровомъ которой можетъ, однако, лежать нѣкоторая настоящая движущая сила. Ибо говорящій въ то же время намекаетъ на свое собственное сильное желаніе того, чтобы его слушатель усовершенствовался; онъ представляетъ душѣ слушателя *идею* усовершенствованія: и, вѣроятно, вмѣстѣ съ нею, рядъ подкрѣпляющихъ соображеній, носящихъ свойство настоящихъ мотивовъ.

Слово „воля" въ вышеуказанныхъ выраженіяхъ представляетъ фикцію, навязанную явленію хотѣнія, подобно слову „сила" въ причинѣ и дѣйствіи вообще. Для выраженія причинности намъ нужно только наименовать одну вещь, антецедентъ, или причину и другую вещь—дѣйствіе; полетъ пушечнаго ядра—причина, паденіе стѣны—дѣйствіе. Но люди иногда употребляютъ прибавочное слово „сила", чтобы дополнить, какъ они предполагаютъ, утвержденіе. Пушечное ядро въ движеніи имѣетъ „силу" разрушать стѣны; это просто дополненіе, или плеоназмъ, который имѣетъ тенденцію создать таинственное или мнимое вліяніе въ добавокъ къ дѣйствительному агенту, движущему ядро.

Сказать, что мы можемъ быть добродѣтельными, если намъ угодно, значитъ выразить еще хуже простой фактъ, именно, что добродѣтельныя дѣйствія и добродѣтельный характеръ суть послѣдствія извѣстныхъ соотвѣтствующихъ мотивовъ или антецедентовъ. Всякій, кто желаетъ сдѣлать другое лицо добродѣтельнымъ, можетъ достигнуть непосредственной цѣли, доставляя ему извѣстные андецеденты, не пренебрегая и наказаніями; всякій, кто желаетъ сдѣлать себя добродѣтельнымъ, имѣетъ въ самомъ актѣ желанія настоящій мотивъ, который извѣстнымъ путемъ произведетъ дѣйствіе.

Употребленіе фразы „вы можете, если хотите", служа прикрытіемъ для дѣйствительныхъ мотивовъ, представляетъ въ то же время родъ обращенія къ гордости или достоинству человѣческаго существа и въ этомъ обстоятельствѣ можетъ быть не безъ нѣкотораго риторическаго дѣйствія; незамѣтно высказываемая похвала есть ораторское оружіе. Какъ риторика, языкъ можетъ имѣть нѣкоторое оправданіе; несчастіе только въ томъ, что риторика должна бы считаться за полезную и логическую науку. Цѣлый рядъ фразъ, связанныхъ съ свободою воли, выборомъ, обсужденіемъ, самоопредѣленіемъ, силою дѣйствовать, если мы хотимъ—стремится питать въ насъ нѣкоторое чувство искусственной важности и достоинства, уподобляя слишкомъ низкое слѣдованіе мотива и дѣйствія блестящимъ функціямъ судьи. властелина, посредника.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Смыслъ нѣкоторыхъ терминовъ.

Сознаніе. Оно можетъ быть разсматриваемо, какъ главный терминъ психическаго знанія: всѣ самыя тонкія различія и самые спорные вопросы неизбѣжно связаны съ нимъ. Употребленіе этого слова въ настоящемъ сочиненіи было, насколько возможно, согласовано съ взглядами, господствующими относительно основной природы воспріятія и познанія.

Можно вынести нѣкоторую пользу изъ краткаго обзора различныхъ значеній этого термина. Въ обычномъ языкѣ можно отмѣтить двѣ или три градаціи этого термина. Въ первомъ своемъ значеніи, сознаніе есть духовная жизнь, противополагаемая оцѣпенію или безчувственности; потеря сознанія есть временное духовное замираніе; хотя, съ другой стороны, болѣе чѣмъ обычное бодрствованіе и возбужденіе составляетъ болѣе высокую форму сознанія. Въ другомъ значеніи оно, болѣе частнымъ образомъ, разсматривается какъ субъективное состояніе, въ противоположность объективному; когда, напримѣръ, говорятъ, что извѣстное лицо—болѣзненно или чрезмѣрно чувствительно (сознательно), этимъ хотятъ указать на почти исключительное обращеніе имъ вниманія на чувства и мысли и незначительный интересъ къ занятію внѣшними предметами. Таковъ смыслъ, соединявшійся Ридомъ и Стюартомъ, въ приложеніи этого названія къ особой способности философскаго мышленія, состоящаго въ познаніи психическихъ операцій.

Если, какъ это вообще поддерживается, второе значеніе—слишкомъ узко, то не встрѣчается никакой альтернативы, какъ держаться перваго или болѣе обширнаго смысла. Въ такомъ случаѣ, этотъ терминъ есть самый широкій въ области философской мысли; даже

болѣе, если сознаніе есть единственно возможный критерій существованія, то это самый обширный терминъ и на языкѣ человѣческомъ. Сумма всѣхъ сознаній есть сумма всѣхъ существованій.

Сознаніе, такимъ образомъ, раздѣляется на двѣ большія области—сознаніе *объективное* и *субъективное*; самый обширный переходъ или антитезисъ, обнимающій собою все наше существованіе. Когда расходуется энергія, какъ напримѣръ, въ мускульной дѣятельности или дѣятельности внѣшнихъ чувствъ, мы бываемъ объективно сознательны; въ удовольствіи или страданіи, равно какъ и въ памяти, мы обладаемъ субъективнымъ сознаніемъ.

Въ противоположность этимъ двумъ видамъ дѣятельности существуетъ не мало обозначеній, которыя смѣшиваютъ и сливаютъ ихъ; главный изъ нихъ есть терминъ „ощущеніе", къ которому мы и перейдемъ.

Единичное положеніе въ вопросѣ о сознаніи было занято Сэромъ Вильямомъ Гамильтономъ и почти всѣми германскими мыслителями; это, именно, что сознаніе, какъ цѣлое, покоится на познающей или интеллектуальной сознательности, или, что тоже, оно возможно единственно благодаря знанію. Мы чувствуемъ единственно лишь постольку, поскольку мы *знаемъ*, что чувствуемъ; мы испытываемъ пріятное опять таки постольку, поскольку мы знаемъ, что мы испытываемъ пріятное. Оно не означаетъ интенсивность какого либо чувствованія, которая дѣлаетъ его чувствованіемъ; но дѣйствіе сознающаго или познающаго состояніе чувствованія.

Мы должны признать, что мы не можемъ имѣть какого либо чувствованія, не имѣя о немъ нѣкотораго познанія; такова—природа психическаго возбужденія, чтобы оставлять нѣкоторый слѣдъ въ памяти о самомъ себѣ. Далѣе, какая нибудь сильная эмоція вызываетъ вниманіе къ себѣ самой; но она можетъ, однако, привлечь вниманіе къ объективной причинѣ и уменьшить субъективную сознательность. При такомъ взглядѣ, знаніе или вниманіе служитъ спутникомъ извѣстнаго состоянія, но не есть его основа. Если бы было иначе, то возрастаніе познавательнаго акта было бы возрастаніемъ и чувствованія; на самомъ же дѣлѣ встрѣчается обратное; что наименѣе насъ занимаетъ по части интеллектуальной, всего болѣе охватываетъ насъ въ отношеніи собственно чувства.

Это всего болѣе согласно съ фактами въ отношеніи чувствованія, какъ отличнаго сознательнаго элемента, сознается или не сознается, много или мало обращается вниманія на сторону раз-

личенія, сходства или памяти. Три функціи духа настолько смѣшаны и перепутаны, что едва ли возможно встрѣтить одну которую нибудь изъ нихъ, стоящую изолированно въ своемъ дѣйствіи; мы не можемъ всецѣло жить чувствомъ, безъ нѣкоторой доли интеллектуальнаго элемента; мы не можемъ также жить и одною волею, внѣ чувствованія или интеллекта. Самое наивозможное приближеніе къ изоляціи состоитъ въ объективномъ сознаніи, которое, въ моментъ своего высшаго развитія, бываетъ исключительно интеллектуальнымъ дѣломъ.

Ощущеніе. Борьба различныхъ противуположныхъ явленій, выражаемыхъ посредствомъ ощущенія, дѣлаетъ это слово часто двусмысленнымъ.

1. Въ ощущеніи существуетъ комбинація фактовъ физическихъ съ духовными. Такъ, напримѣръ, въ зрѣніи извѣстны слѣдующіе процессы—дѣйствіе свѣта на ретину, рядъ нервныхъ токовъ и опредѣленныя исходящія вліянія по направленію къ мускуламъ и внутренностямъ; между тѣмъ духовное явленіе—это ощущеніе, или субъективное состояніе, сопровождающее ихъ. Слово это, такимъ образомъ, приложимо и должно быть употребляемо собственно въ этомъ значеніи, т. е. значеніи строго духовнаго факта.

2. Въ обширной противоположности объективнаго и субъективнаго сознанія, терминъ ощущеніе прилагается какъ къ тому, такъ и къ другому.

Это зависитъ отъ повторяющихся переходовъ между двумя образами въ дѣйствительномъ ощущеніи. Такъ, смотря на красивую картину, умъ переходитъ, урывками (въ нѣсколько пріемовъ) отъ одного состоянія къ другому; сосредоточіе вниманія на размѣрахъ, фигурѣ, растояніи и даже цвѣтахъ, фигурирующихъ на сценѣ есть свойство объективное; сознаніе же удовольствія—составляетъ субъективное свойство. Теперь, терминъ ощущенія приложимъ къ обоимъ этимъ состояніямъ, если только когда не противополагаютъ его перцепціи или воспріятію, которое, по своему положенію, есть фактъ совершенно объективный. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, ощущеніе ограничивается пріятными или непріятными спутниками этого состоянія.

Противоположность ощущенія и перцепціи есть, такимъ образомъ, противоположность между чувствующею и сознательною, интеллектуальною или познавательною функціями. Отсюда, перцепція прилагается къ познанію, получаемому прямымъ или косвеннымъ образомъ благодаря дѣятельности внѣшнихъ органовъ чувствъ; пер-

вый способъ называется непосредственною перцепціею, второй—посредственною или пріобрѣтенною.

Имѣя въ виду эту именно противоположность, Гамильтонъ выразилъ свой законъ универсальной относительности ощущенія и перцепціи, смыслъ котораго состоитъ въ томъ, что чѣмъ болѣе умъ занятъ субъективно, тѣмъ менѣе—объективнаго вниманія и на оборотъ.

3. Въ ощущеніи, прежніе опыты неотразимо сплетаются съ съ настоящимъ впечатлѣніемъ; это обстоятельство ведетъ къ смѣшенію пограничной линіи между чувствомъ и интеллектомъ. Когда мы смотримъ на дерево, настоящее сознаніе наше не есть голый результатъ только настоящаго раздраженія, но такой, который сочетался со всей суммой прежнихъ впечатлѣній. Короче сказать, удерживательная способность духа покрываетъ всѣ настоящіе эффекты; и то, что считается ощущеніемъ есть дѣятельное возбужденіе, соединенное съ памятевыми слѣдами.

Далѣе, такъ какъ въ ощущеніи мы должны сознавать сходство и различіе, что составляетъ уже интеллектуальныя функціи, то ясно, что такая вещь, какъ ощущеніе (въ сознательномъ смыслѣ) не можетъ обойтись безъ интеллектуальныхъ процессовъ. Отсюда, вопросъ о происхожденіи нашихъ чувственныхъ идей получаетъ двусмысленное значеніе; однако, многіе изъ доводовъ въ пользу врожденныхъ идей основываются на предположеніи, что опытъ нашихъ чувствъ исключаетъ также интеллектуальные элементы, какъ сходство, несходство, равенство и пропорціональность; между тѣмъ какъ такія свойства невозможно исключить изъ процесса воспріятія.

Воззрѣніе и воспроизведеніе. Эти термины берутся нѣкоторыми метафизиками за исходную точку въ изслѣдованіи природы души. Явленія, отмѣчаемыя этими названіями, всецѣло принимаются и въ настоящимъ сочиненіи, хотя только подъ другими именами.

„Воззрѣніе“ и „интуиція“ употребляются для обозначенія познанія стоящаго на виду предмета со всѣми окружающими его условіями и опредѣленнымъ положеніемъ въ пространствѣ и во времени; это составляетъ полную настоящую дѣйствительность ощущенія. При взглядѣ на находящійся предъ нами вырѣзанный изъ бумаги кругъ, умственное познаніе бываетъ въ высокой степени индувидуально или конкретно; это есть *воззрѣніе*, или *интуиція*. Но, когда послѣ того, какъ мы видѣли много круговъ, мы образуемъ абстрактную или общую концепцію круга, хотя также воплощенную въ индивидѣ, мы говоримъ, что мы обладаемъ *вос-*

произведеніемъ, или находимся въ состояніи воспроизведенной сознательности. Поэтому, это различіе совпадаетъ съ различіемъ между конкретнымъ, въ его крайней формѣ наличной индувидуальности, и общимъ или абстрактнымъ.

Различіе это одинаково удерживается въ субъективныхъ познаніяхъ. Извѣстный дѣйствительный припадокъ гнѣва—представимъ, образъ его, когда самъ онъ уже прошелъ—воспроизводимъ. Первое—*интуиція*, второе—*мышленіе*.

Воззрительное или интуитивное знаніе называется также *непосредственнымъ*; воспроизводимое — *посредственнымъ* (дискурсивнымъ),—первое извѣстно само по себѣ, другое—чрезъ посредство чего либо. Отдѣльно (индувидуально) разсматриваемый кругъ становится извѣстнымъ, благодаря непосредственному акту; общее же свойство дѣлается извѣстнымъ только благодаря нѣсколькимъ конкретнымъ кругамъ. Ощущеніе, такимъ образомъ, противополагается перцепціи; ощущеніе—то, что въ дѣйствительности ощущается; перцепція содержитъ въ себѣ нѣчто прибавочное, что внушается. Цвѣтъ есть ощущеніе; разстояніе (въ Берклевскомъ смыслѣ) есть перцепція, воспроизведеніе, или мысль.

Гамильтонъ поддерживаетъ то мнѣніе, что сознаніе внѣшней реальности бываетъ *непосредственно*, подобно сознанію цвѣта, осязанія или сопротивленія.

Представленіе, такимъ образомъ, отвѣчаетъ ощущенію въ его третьемъ изъ вышеуказанныхъ значеній; форма сознанія однако такая, которая только предполагается, но не выражаетъ сущности факта (дѣла). Что мы считаемъ за настоящее ощущеніе, въ дѣйствительности есть сложный продуктъ прежнихъ и настоящихъ впечатлѣній, результатъ многочисленныхъ толчковъ различія и сходства.

Личное тожество. Много споровъ возникало относительно вопроса о личномъ или непрерываемомъ тожествѣ. Нѣкоторыя изъ трудностей обязаны двусмысленности терминовъ одинаковости или тожества. Существуютъ степени тожества; мы называемъ два дерева, принадлежащія одному и тому виду, тожественными. Родъ тожества или объемъ одинаковости, подразумѣваемый личнымъ тожествомъ—таковъ, когда мы называемъ отдѣльное дерево однимъ и тѣмъ же въ теченіе всей его жизни, не смотря на крупныя несходства или перемѣны; не смотря на то, что не только дѣйствительныя свойства его не однократно измѣнились, но и планъ или строеніе прежнихъ частицъ во многомъ потерпѣли измѣне-

ніе въ различныхъ возрастахъ. Кусокъ мрамора, статуя, зданіе удерживаютъ гораздо большее тожество, чѣмъ растеніе или животное.

Въ живыхъ существахъ непрерываемая продолжаемость составляетъ, поэтому, черту тожества. Англійская нація называется тожественной со времени Саксовъ. Тожество Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, вѣроятно, считается по основѣ независимости, показывающей, что ненарушимая политическая система есть идея, по которой мы судимъ о національномъ тожествѣ.

Однако, въ отношеніи ума или субъективной жизни вопросъ о тожествѣ—самый трудный и сложный. Существуютъ различные виды выраженія тожества существа, одареннаго умомъ. Первый видъ обозначаетъ понятіе о постоянной *субстанціи*, отличной и подпирающей всѣ преходящія формы сознанія—чувства, ума и воли; это постоянная нить, соединяющая въ себѣ разнообразныя и измѣнчивыя обнаруженія, составляющія нашу психическую жизнь. За такое пониманіе субстанціи нельзя указать никакого доказательства; оно чисто гипотетическаго свойства, хотя гипотеза эта казалась удовлетворительною многимъ и разсматривалась, какъ самоочевидная и интуитивная. Берклей, отвергая субстратъ матеріи, поддерживалъ гипотетическую основу духа. Юмъ избѣгъ обѣихъ крайностей разрѣшая матерію и духъ одинаково въ рядъ (слѣдованіе) состояній сознанія.

Локкъ понималъ фактъ тожества, какъ „сознаніе настоящихъ и прошедшихъ дѣйствій въ одномъ лицѣ, которому они принадлежатъ". Лицо есть мыслящее, интеллектуальное существо, которое имѣетъ разумъ и рефлексію и можетъ разсматривать само себя, какъ тоже самое мыслящее существо въ различное время и различныхъ мѣстахъ; это происходитъ единственно благодаря сознанію, которое не отдѣлимо отъ мыслящаго „существа". „Потому что разъ сознаніе всегда сопровождаетъ мыслящаго субъекта, оно производитъ то, что каждый зоветъ „я" или „самъ" и, вслѣдствіе чего, онъ отличаетъ себя отъ всѣхъ другихъ мыслящихъ существъ; въ этомъ одномъ состоитъ личное тожество". (Essay, Book II, chap. 27).

Локку возражали съ разныхъ сторонъ. Во первыхъ, Бутлеръ и другіе на счетъ того, что сознаніе *дѣлаетъ* или *производитъ* то, что зовутъ „самъ"; возражатели, держась перваго, указаннаго взгляда, утверждали, что личность есть нѣчто высшее и отдѣльное отъ сознанія, подобно тому, какъ истина стоитъ выше и отличается отъ познанія ея. Ридъ разсуждаетъ объ этомъ очень странно, именно, что

личное тожество смѣшалось бы съ очевидностью, которую мы имѣемъ о нашемъ личномъ тожествѣ т. е. съ сознаніемъ. Мы должны быть одними и тѣми же, прежде чѣмъ мы познаемъ себя какъ одни и тѣже. Самъ—одна вещь, сознаніе себя—другая.

Во вторыхъ, взглядъ Локка признавался ведущимъ къ абсурду, именно, что извѣстный человѣкъ можетъ быть и не быть, въ ѳдно и тоже время личностію, которая, предположимъ, сдѣлала бы извѣстное частное дѣйствіе, но которое затѣмъ совершенно исчезло изъ ея сознанія. Сознаніе бываетъ скоротечно, личность же вынослива и последовательна. Это возраженіе можно быть отклонено путемъ принесенія *потенціальнаго* или *возможнаго* сознанія вмѣстѣ съ дѣйствительнымъ. Какой либо опытъ, который когда либо входилъ въ нашу духовную личность, удерживаетъ нѣкоторую связь, сильную или слабую, съ настоящимъ, а слѣдовательно, и возможность быть воспроизведеннымъ.

Другого рода возраженіе состоитъ въ томъ, что сознаніе смѣшивается съ памятью. Локкъ понимаетъ, однако, сознаніе въ широкомъ смыслѣ, обнимающее собой сколько память о прошломъ, столько же и сознаніе дѣйствительнаго или настоящаго. Однако онъ долженъ былъ обратиться къ различію между настоящими и воспоминаемыми состояніями, какъ существенному въ этомъ вопросѣ. Лучшіе метафизики согласны въ томъ, что вопросъ этотъ въ концѣ концовъ подразумѣваетъ природу нашей *вѣры въ памяти* (между прочими, см. Брауна, Lect. XIII). Мы имѣемъ нѣкоторыя состоянія, которыя, мы зовемъ настоящими, дѣйствительными, непосредственными, какъ напримѣръ, въ сознаніи настоящаго свѣта, звука или вкуса. Мы имѣемъ другой классъ опытовъ когда эти эффекты не остаются болѣе въ дѣйствительности, но воспоминаются или, что тоже, удерживаются въ идеѣ; по отношенію къ нимъ подразумѣвается вѣра, что они существуютъ не только что теперь, но суть остатки или продукты прежнихъ состояній извѣстнаго рода, называемыхъ дѣйствительными; что они такъ или иначе воспроизводятъ опытъ прежняго времени, какъ и составляютъ опытъ настоящихъ дней.

Эта память и вѣра прошлаго не исчерпывается совершенно простою противоложностію съ настоящимъ; въ ней содержится еще обычное теченіе или смѣна нашихъ психическихъ состояній. На каждое состояніе изъ прошлаго можно смотрѣть, какъ на предваряющее нѣкоторые предметы въ прошломъ и слѣдующее за другими. Цѣлое прошлое составляетъ обычное обозрѣніе или ме-

муаръ, въ которомъ каждый предметъ имѣетъ свое опредѣленное мѣсто.

Такимъ образомъ, фактъ ненарушеннаго преемства входитъ въ тожество духовной личности столько же, сколько онъ входитъ въ тожество растенія или животнаго, общества или націи. Умъ однако самъ воспоминаетъ и охраняетъ свою исторію съ раннихъ дней; тожество прежнихъ, по отношенію къ каждому изъ самыхъ раннихъ, воспоминаній о себѣ составляетъ тожество объективное, подобно дереву; родители и другіе—свидѣтели послѣдовательности индивида въ годы духовнаго безсилія.

Вѣра въ память, по всей вѣроятности, можетъ быть разсматриваема, какъ нѣчто стоящее въ отдаленности отъ конечнаго закона духа, именно закона, который соединяетъ вѣру съ нашею самопроизвольною и свободною дѣятельностію (стр. 338).

Полное воспоминаніе о чемъ либо указываетъ на особую точку въ теченіи или преемствѣ. Въ этомъ состоитъ различіе между памятью и воображеніемъ: то и другое идеально въ противоположность настоящей дѣйствительности: они суть способности конкретныя, въ противоположность абстракціи; но память можетъ найти опредѣленное мѣсто для своихъ объектовъ въ безпрерывномъ воспроизведеніи психической жизни, чего воображаніе сдѣлать не можетъ.

Субстанція. Этотъ терминъ можетъ быть разсматриваемъ, говоритъ Гамильтомъ, или какъ производный отъ „subsistendo“, что означаетъ—существую само собою, или отъ „substando“, что существуетъ въ его признакахъ, будучи основой качествъ или аттрибутовъ. Два производства сводятся къ одному и тому же.

Обычный языкъ всегда полагалъ различіе между субстанціею и качествомъ или аттрибутомъ. Но, такъ какъ каждая вещь, какую только мы знаемъ или способны воспринять, можетъ быть опредѣлена, какъ качество, или аттрибутъ, то если всѣ качества предположимъ, отвлечены, тогда для субстанціи не остается ничего. Золото имѣетъ качества—вѣса, твердости, ковкости, цвѣта и проч.; что тогда мы назовемъ въ золотѣ субстанціей? Матерія имѣетъ свойство инертности, въ чемъ же полагать ея матерьяльную субстанцію?

Первый выходъ изъ трудности состоитъ въ томъ, что мы вводимъ неизвѣстную и непознаваемую сущность, подпирающую и, какимъ то таинственнымъ образомъ, объединяющую въ себѣ различные аттрибуты. Мы вынуждаемся въ силу какой-то интуитивной и непреодолимой тенденціи создавать такое предположеніе; ка-

ковая интуиція признается оправдывающею насъ въ такой крайней мѣрѣ. Существуетъ непознаваемая матерьяльная субстація, субъектъ аттрибута инерціи и всѣхъ специальныхъ видовъ различныхъ матерьяльныхъ свойствъ—золота, мрамора, воды, кислорода и пр. Таже самая гипотетическая сущность выражается въ другомъ антитезисѣ—*ноуменонъ* въ противоположность *феномену*, *есть* въ противоположность *кажется*.

Другой выходъ изъ трудности состоитъ въ томъ, что мы признаемъ обычный языкъ, какъ не осмотрительный и неточный самъ по себѣ, требующій опредѣленія и провѣрки. Вмѣсто того чтобы трактовать всѣ свойства (энергіи) вещи, какъ аттрибуты, присущіе неизвѣстной сущности, различіе дѣлается между основными, постоянными, безошибочными аттрибутами и тѣми, которые измѣнчивы, непостоянны и случайны. Такъ, что касается „матеріи", то такимъ основнымъ и неизмѣннымъ свойствомъ ея будетъ „инерція"; свойства—цвѣтъ, прозразность, твердость, упругость, окисленіе и т. п.—измѣнчивы и преходящи. „Инерцію" можно бы, такимъ образомъ, считать „субстанціей" матеріи вообще; вмѣстѣ съ нѣкоторыми специфическими свойствами тяжести, цвѣта, ковкости и пр., она могла бы стать субстанціей золота. Такое толкованіе много ближе подходитъ къ общему пониманію субстанціи, чѣмъ неосязаемая и неизвѣстная сущность. Та вещь есть субстанція, которая оказываетъ сопротивленіе какъ каменная стѣна; часть воздуха, или газа, столбъ дыма, дыханіе не называются субстанціональными; они или вовсе не оказываютъ сопротивленія, или только весьма не большое.

Въ этомъ видѣ субстанція отвѣчаетъ опредѣляющему свойству каждаго объекта: на Аристотелевскомъ, ровно и обычномъ языкѣ, это называется сущностію.

Тѣлесная субстанція, или матерьяльная вообще, должна такимъ образомъ быть общею всѣмъ тѣламъ, именно инерціей.

Что касается духа, то вопросъ о субстанціи здѣсь есть тотъ же вопросъ о личномъ тожествѣ, только въ нѣсколько иной формѣ. Тѣже самые теоретики, которые принимаютъ постоянное неизвѣстное нѣчто, какъ опору для всякаго сознанія вмѣстѣ съ взглядомъ на личное тожество, могли бы назвать эту сущность субстанцей духа, а извѣстныя функціи духа—его качествами или аттрибутами. По другому взгляду, духовная субстанція имѣетъ три основные и опредѣляющіе аттрибута; тѣ силы или функціи, которыя, будучи настоящими, составляютъ духъ и при отсутствіи которыхъ мы не прилагаемъ этого названія; это—чувство, воля и интеллектъ; они мо-

гутъ измѣняться по степени до безраличія, но до извѣстныхъ границъ они должны быть связаны съ каждою вещію, которую мы называемъ духомъ.

Второй видъ оправданія ходячаго антитезиса субстанціи и свойствъ, не прибѣгая къ неизвѣстной сущности, состоитъ въ названіи *цѣлаго* (total) какого либо конкрета, субстанціей, а каждаго изъ его свойствъ, взятыхъ порознь,—качествомъ или аттрибутомъ. Изъ цѣлаго соединенія свойствъ, подразумѣваемыхъ терминомъ золото,—вѣсъ, твердость, цвѣтъ и пр. составляютъ частныя качества.

Локкъ смотритъ на идею субстанціи, какъ на сложный аггрегатъ идей отдѣльныхъ аттрибутовъ. О субстанціи онъ мыслитъ вообще, какъ о темной, неопредѣленной, чуждой раздѣльности, идеѣ, выростающей изъ отношенія поддержки къ поддерживаемому,—понятіи въ высшей степени относительномъ. Когда мы называемъ какіе либо свойства или акциденціи, мы подразумѣваемъ коррелативный субъектъ или субстратъ, котораго именно они и суть виды или акциденціи.

Ридъ говоритъ: „что касается меня, то ни что не кажется мнѣ столь абсурднымъ, какъ то, что должно существовать протяженіе безъ протяжимаго или движеніе безъ чего-то движимаго; однако я не могу привести основаній, въ пользу высказаннаго мной, потому что это кажется мнѣ самоочевиднымъ и непосредственнымъ сообщеніемъ моей природы.“ Гамильтонъ полагаетъ, что его законъ условности приложимъ къ объясненію субстанціи и акциденціи. „Мы вынуждаемся,“ говоритъ онъ, „проходя мимо того, что намъ представляется въ мірѣ явленій, относить къ бытію абсолютному, неизвѣстному и необъяснимому. Но это побужденіе не составляетъ само по себѣ конечнаго факта нашего духа; оно происходитъ изъ принципа условности, изъ котораго вытекаетъ также и наша вѣра въ законъ причинности“ (Ридъ, стр. 935).

Предлагается вопросъ, суть-ли время и пространство субстанціи? Кудвортъ, Ньютонъ и Кларкъ считаютъ ихъ аттрибутами, подразумѣвая субстанцію только въ Божествѣ.

По Фихте:—„аттрибуты, соединенные синтетически, даютъ субстанцію, а субстанція, подвергнутая анализу, даетъ аттрибуты; постоянный субстратъ или носитель аттрибутовъ недоступенъ концепціи“.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

Абстракція 163
Авторитетъ, сопровождающее его удовольствіе 250
Активность въ противоположеніи чувствительности . . 17
ослабляемая страхомъ. . 222
возбуждаемая гнѣвомъ . . 253
См. также *самопроизвольность.*
Активныя и пассивныя ощущенія 13
Ализонъ, теорія прекраснаго. 120
Аналогія 165
Антипатія 258
Ассоціація идей. 96
сложная ассоціація . . . 172
препятствующія ассоціаціи. 181
вліяніе вѣры 385
Ассоцированныя цѣли . . . 352
въ конфликтѣ съ конечными цѣлями 362
Безпокойство 224
Безсиліе, страданія его . . . 252
Бинокулярное зрѣніе 68
Благоговѣніе 238
Благодарность 235
Благожелательныя аффекціи . 234
Благоразуміе, природа его . 205, 400
въ нравственномъ чувствѣ. 310
Благородство, возбуждающее нѣжныя чувствованія . . 236
Богатство, удовольствіе его . 250
Борьба (столкновеніе); страданіе ея 213, 267
Вароліевъ мостъ 9
Вкусности 37, 41
отожествленіе ихъ . . . 151
Вкусъ, чувство 39
Вниманіе 179, 343
обычная власть его. . 395, 399
Возбуждающія средства . . . 89
Возстановленіе 96
Воля, инстиктивные зародыши ея 90
ассоціаціи въ ростѣ воли . 123
вліяніе ея на интеллектуальные процессы 179
движимая чувствами. 204, 208
первичные элементы воли. 317
ростъ ея 325
свобода воли 405
Воображеніе 198
Воспроизведеніе (смыслъ термина) 420
Враждебное настроеніе . . . 257
Вѣра, теорія ея. 376
поправка къ ней 391
подъ вліяніемъ чувствованій вообще 207
свидѣтельство силы (наженности) чувства. . . . 209
подъ вліяніемъ страха. . . 223
" " любви . . . 232
Выборъ 410
Выраженіе, ключъ къ опредѣленію природы и объема чувствованія . . 80, 207, 322
общая теорія 80
смыслъ, получаемый по ассоціаціи 121
Высокое 298
Гармонія, источникъ эстетическаго удовольствія . . . 291
Глазъ 63
какъ эстетическое чувство 287, 293, 298
Гнѣвъ, эмоція 252
Голодъ 38
какъ позывъ 75
Горе 88
Грусть 237
Движеніе и мускульныя ощущенія 13
самопроизвольныя 14
ощущенія движенія . . . 23
пріобрѣтеніе въ этой области 98
идеальныя чувствованія движенія 100

ассоцiированныя съ ощущенiемъ 111
отожествленiе въ движенiи 148
построительность : . . 190
Дедукцiя 165
Диффузiя (разсѣянiе), законъ ея въ области чувствованiя 202
Довольство 210
Долгъ 401
Духъ, опредѣленiе 1
главныя свойства. . . . 2
Дѣйствительное по противоположенiю съ идеальнымъ. . 360
Дѣти—обнаруженiе въ нихъ страха 223
гнѣва 256
Дѣятельность, какъ предметъ стремленiя 75
Дыханiе, ощущенiе дыханiя . 35
Единство въ разнообразiи, красота 397
Естественные предметы, сочетаемые посредствомъ ассоцiацiи 123
ассоцiированныя съ чувствованiями. 124
Жажда, какъ позывъ. . . . 76
Жалость (скорбь) 235
Желанiе 205, 370
Звукъ, ощущенiе его. . . . 57
музыка и членораздѣльная рѣчь 107
ассоцiацiя въ области звука 108
сфера прiобрѣтенiя. . . —
отожествленiе 153
построительность. . . . 190
Зложелательность, удовлетворенiе ея 259
Знанiе, какъ источникъ чувства силы 251
интересъ завязки въ исканiи его 266
Зрѣнiе, чувство зрѣнiя . . . 63
ассоцiацiя его 109
прiобрѣтаемыя зрительныя воспрiятiя 113
построительность въ зрѣнiи 191
Идеальность, другое имя для воображенiя 200
Идеальныя эмоцiи 279
Идеи, мѣстопребыванiе ихъ 100
тенденцiя стать дѣйствительностями. 102
ростъ ассоцiацiи среди ихъ 103
Изобрѣтенiе въ практическихъ дѣлахъ 195
элементы воображенiя . . 198
Изумленiе 218
Изящныя искусства, удовольствiя въ области ихъ, поскольку они обязаны ассоцiацiи 120
прiобрѣтенiя въ нихъ . . 139
отожествленiе 170
построительность. . . . 197
характеристическiя свойства 286
Индукцiя 163
Индустрiя, какъ подразумѣвающая интересъ зависти . . 264
Интересъ интриги 260
Исторiя, обработка въ ней интереса интриги 266
Исторiя, прiобрѣтенiя въ ней. 140
Классификацiя 163
Конкретность, элементъ воображенiя 199
Конкретно-абстрактныя построенiя; построительное усилiе. 193
Контрастъ, ассоцiацiя . . . 182
Красота 300
Кровообращенiе; органическiя ощущенiя кровообращенiя. 34
Лесть 246
Литература, отожествленiе въ области ея 168
Личное тожество, (смыслъ термина) 421
Локализацiя физическихъ ощущенiй 114
Локомотивный ритмъ. . . . 78
Материнская нѣжность . . . 232
Месть 257
Механическое искусство, прiобрѣтенiя въ области его . 129
построительность въ немъ. 184
Мечтанiе 284
Мнемоника. 178
Мозговыя полушарiя 9
Мозгъ—главный органъ духа . 4
Мозжечекъ и его функцiи . . 10
Мотивы 348
борьба (конфликтъ) ихъ . 357
Мужество, источники его . . 226
Музыка, изящное искусство . 291
Мускульная система 14
ощущенiя мускульныя . . 18
удовольствiя и страданiя дѣятельности 19
различительная чувствительность въ области мускульныхъ ощущенiй. 26
органическiя ощущенiя . 30
Мысли, управленiе ими . . 343
Надежда 391
Наказанiе, какъ удовлетворенiе симпатической мести. . 260
Насыщенiе 37

Натуралистъ, качества его ума 124
Наука, удерживаніе въ ней . 135
отожествленіе. 163
построительность . . . 194
Негодованіе, справедливое . . 259
Недовѣріе къ себѣ 225
Неизвѣстность, возвышающая удовольствіе преслѣдованія. . 262
Необходимость въ отношеніи къ волѣ 405
Ненависть 257
Нервъ, органическія ощущенія нервовъ 33
ихъ функціи 11
нервная система и ея функціи 5
Несоотвѣтствіе, какъ причина смѣха 302
Несостоятельность, страданія ея 267
Низшія животныя подъ дѣйствіемъ страха 223
чувство гнѣва, испытываемое ими 255
возбужденіе преслѣдованія 263
Новизна 216
доставляемый ею интересъ въ исканіи 262
Нравственное дѣйствіе . . . 412
привычки 392
неспособность 404
чувство подъ вліяніемъ ассоціаціи 122
нравственныя эмоціи . . 304
Нѣжная эмоція 228
Ньютонъ, открытіе тяготѣнія . 162
Обобщеніе 163
Обоняніе, чувство 42
Объективность, состояніе безразличія. 262
Одобреніе, любовь къ нему . 244
Описанія живописныя, участіе ассоціаціи въ нихъ. . . 126
Опредѣленіе 163
Органическая жизнь, ощущенія ея 30
отожествленіе въ ней . . 150
Органическія отправленія, разстраиваемыя страхомъ. . . 221
гнѣвомъ 253
Осязаніе, чувство 47
ассоціація его 105
пріобрѣтенія въ немъ . . 106
отожествленіе 152
построительность . . . 190
Осязанія, ассоціированныя съ звуками и зрительными воспріятіями 112
Отвѣтственность 413
Отожествленіе, см. *сходство* .
Относительность, принципъ ея 93
въ чувствованіяхъ . . . 202
эмоціи относительности . 216
дѣйствіе ея въ удовольствіи, доставляемомъ истиной . 270
Отчаяніе 391
Ощущеніе 29
построительность въ области его 189
смыслъ термина 419
Ощущенія активныя и пассивныя 13
мускульныя 18
планъ описанія 19
органическія 30
принципъ связи ихъ съ физическимъ состояніемъ . 85
ассоціація съ объектами . 178
Ощущенія, ассоціація ихъ . . 105
ассоціація съ движеніемъ . 111
съ идеями движенія . . —
съ ощущеніями 112
Паника 225
Пассивная и активная чувствительность 13
Пищеварительные органы . . 84
вліяніе чувствованій на пищеварительные процессы. . —
Пищепроводный каналъ, ощущенія его 37
Поддержка 294
Подозрѣніе 224
Подражаніе 277
Покой мускульный 32
какъ стремленіе 76
Полевыя скачки, удовольствіе ихъ 263
Полъ, отношенія 233
половой инстинктъ . . . 77
Порядокъ—въ прекрасномъ . 297
Порядокъ—въ природѣ, вѣра въ него 388
Послѣдовательность, входящая въ ассоціаціи 126
отожествленіе послѣдовательностей. 160
Построительная ассоціація . 184
Похвала 246
Почитаніе 240
Практическія дѣла, построительность въ нихъ. 195
Практическая жизнь, или занятія, пріобрѣтаемыя въ ней. . 138
практика и дѣла . . . 166
Предчувствія 224
Преслѣдованіе, эмоція его . 260
Привычка, сдерживаніе ею эмоціональныхъ эффектовъ . 219
Причина и дѣйствіе, внушаемыя естественнымъ образомъ . 127
Пріобрѣтеніе, общія условія его 98
посредствомъ чувствъ . . 113
въ ассоцаціяхъ съ удовольствіемъ и страданіемъ . 116
механическое, условія его 131

научное, условія его . . 135
практическое, условія его 138
въ области изящныхъ искусствъ, условія его . . 139
историческое, условія его 140
ограниченное индивидуальностію. 143
въ операціяхъ по сходству 171
Пропорція, въ архитектурѣ . 294
Пространство, анализъ его 28,53,72
Равнодушие 395
Развитіе (эволюція), послѣдовательность его 127
Различительная чувствительность мускула 26
Различіе, сознаніе его . . 93
Размѣръ кажущійся; воспріятіе его 73
Разнообразіе 217
Разстояніе, воспріятіе его . . 73
Разстройство пищевыхъ отправленій (невкусности) . . 41
Разсудочная способность . . 166
Разсужденіе 165
Ревность 252
Религіозное чувство . . . 238,285
Рѣшеніе 367
Самодовольство, самомнѣніе, самоуваженіе, ... 243
Самоопредѣленіе 411
Самоприниженіе 244
Самопроизвольная дѣятельность 14
как основа воли 90
какъ благопріятствующая удерживанію 100
ученіе о самопроизвольной дѣятельности 317
въ борьбѣ съ мотивами 357
въ вѣрѣ 382
Самосохраненіе 91
законы его 322
Свобода воли, ученіе о ней . 405
эмоція свободы 218
Свѣтъ, ощущеніе свѣта . . . 68
Семейныя привязанности . 232
Сила, эмоція ея 247
въ смѣхѣ 303
Симметрія 295
Симпатія, основа ея 103,271
различіе отъ нѣжности 234
дѣйствіе ея въ эмоціи гнѣва 259
интересѣ завязки . . . 266
нравственномъ чувствѣ 310
Смиреніе 244
Слава 246
Слезы, какъ выраженіе чувствованія 83,88
Слухъ, чувство слуха. 56
какъ естетическое чувство 287,288,291
Смежность, законъ ея 96
сочетаніе смежностей . . 173
Смерть, страхъ ея 226
Смѣхъ 88
какъ выраженіе эмоціи силы 248
причины его 302
Сознаніе, (смыслъ термина) . . 417
Сомнѣніе 390
Сонъ 76
Соображеніе (обдумываніе) . 363, 410
Соотвѣтствіе, источникъ прекраснаго 296
Сопротивленіе, эмоція его . . 218
Сосредоточеніе 399
Состязаніе, удовольствіе его . 264
Спинной мозгъ и его функціи . 7
Справедливость заключаетъ въ себѣ элементъ мести . . . 259
Страданія и удовольствія, какъ мотивы 348
Страхъ, эмоція 220
Стремленіе 75
Субстанція, (смыслъ термина) 424
Субъективность, свойство наиболѣе истощающее нервную систему 262
Судороги 32
Суевѣріе 225
Сужденіе 163
въ области практическихъ построеній 196
Сходства, соединеніе сходствъ. 176
сходство, законъ 144
удовольствіе неожиданности 268
Сходство, сознаніе коопераціи съ удерживательною способностью 172, 176
Тепло и холодъ, ощущенія ихъ . 36, 48
Тошнота 38
Тѣло наше служитъ главнымъ предметомъ ассоціацій . . 115
Удерживательная способность вообще 142
въ ростѣ воли 92
имѣетъ два вида 94
кооперація при согласіи 172, 176
въ чувствѣ 205
въ нравственныхъ привычкахъ 392
Удивленіе 218
Удовольствія и страданія, какъ мотивы 348
физическій спутникъ удовольствія 85
ассоціація съ удовольствіемъ 116
Устойчивость удовольствія и страданія, условія ея . . 349
Устойчивыя идеи 102
какъ предшествующія ра-

зумному хотѣнію 354
как ведущія къ страстнымъ цѣлямъ 362
Физическая сторона чувствованія. 19, 201, 202
Физіономія, движенія, сопровождающія тѣ или другія чувствованія. 80
Форма, ощущеніе формы . . . 72
удерживаніе со стороны формъ 110
отожествленіе 155
Хотѣніе, см. *воля*.
Цвѣтъ, ощущенія цвѣтовъ . . 69
удерживаніе 110
отожествленіе въ нихъ. . 155
Циклъ (кругъ), послѣдовательности его. 127
Цѣль, интересъ ея, превращеніе средства въ цѣль . . . 119
Черты, игра чувствованія . . 80
Честолюбіе. 251
Чувства, дѣленіе ихъ на пять, недостатки этого дѣленія . 156
Чувствительность, противополагаемая активности. . . 131
возбуждаемая страхомъ 222, 253
Чувство, волевой контроль надъ нимъ. 394
Чувствованіе вообще 200
главные аттрибуты духа . 2
инстинктивное выраженіе или воплощеніе его . . . 80
связь съ дѣйствіемъ . . 322
значеніе изслѣдованія о чувствованіяхъ 212
Эготизмъ 240
Эмоція — постоянное присутствіе въ воображеніи . . 199
переходящая, благодаря ассоціаціи, въ аффекцію . 117
свойства и классификація эмоцій 396
Эстетическія эмоціи 286
«Я», эмоціи, относящіяся къ нашему «я» 240
Языкъ, пріобрѣтенія въ немъ. 131
построительность. . . . 186

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

СТРАН.	СТРОК.	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ ЧИТАТЬ:
15	3 сверху	*произвольною*	*самопроизвольною*
—	16 снизу	канала показываетъ	канала, показываетъ
16	17 „	точна	точно
20	10 св. прим.	илн	или
23	14 снизу	Какъ примѣры	5. Какъ примѣры
24	3 снизу	отпровленія, совершают-ся	отправленія совершают-ся
53	11 сверху	шереховатѣе	шероховатѣе
—	12 „	шереховатостей	шероховатостей
—	14 „	шереховатости	шероховатости
—	15 снизу	осязательный эта	осязательный, эта
54	4 „	процесссіи	процессію
55	3 „	разматриваемая	разсматриваемое
56	5 „	шухъ	шумъ
63	5 сверху	наименьшемъ	наименьшимъ
67	15 „	зрѣнія, можетъ	зрѣнія можетъ
68	13 „	будетъ но далѣе; представлено	будетъ представлено, но далѣе;
76	4 „	*упражненіе, отдыхъ и жажда*	*упражненіе и отдыхъ, жажда*
93	3 „	разсужденія	разсудка
144	9 снизу	оканчиваться	оканчивается
150	7 сверху	lengthened way.	lengthened way [1])
—	19 сн. прим.	подобнымъ же у нашихъ	Подобнымъ же образомъ у нашихъ
195	6 сверху	13. Во всѣхъ областяхъ	12. Во всѣхъ областяхъ
214	13 „	объ ощущеніяхъ. Порядокъ изложенія	объ ощущеніяхъ. 6. Порядокъ изложенія